АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

3 (97)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1966

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1937 г.

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Подписано к печати 18/VIII—1966 г. Тираж 2315 экз. Зак. 819
Формат бум. 70×108¹/₁₆ Печ. л. 23,8+1 вкл. Бум. л. 8¹/₂ Уч.-изд. листов 27,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

XXIII СЪЕЗД И ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

XXIII съезд КПСС — крупнейший этап в построении материально-технической базы коммунизма, дальнейшего совершенствования социалистических общественных отношений и коммунистического воспитания трудящихся.

Съезд начертал величественную программу переустройства народного хозяйства нашей страны, разработал новые принципы экономической политики как в области промышленного, так и сельскохозяйственного производства. Директивы пятилетнего плана, принятые съездом, базируются на глубоко научной оценке методов руководства, планирования и хозяйственного расчета, на более полном использовании материальных и моральных стимулов, на решительном отрицании субъективистского подхода к решению стоящих перед партией задач.

Замечательной чертой XXIII съезда было то внимание, которое съезд уделил развитию науки, высокая оценка ее значения и ее влияния на все стороны материальной и духовной жизни. В отчетном докладе Центрального Комитета КПСС сказано: «Превращение науки в непосредственную производительную силу в корне преобразует характер трудовой деятельности человека. В условиях социализма наука меняет не только характер труда человека, но и весь материальный и духовный уклад его жизни».

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев в своем докладе подчеркнул также особую роль и большую ответственность общественных наук. Эта мысль нашла свое отражение и в резолюции съезда, принятой по отчетному докладу: «Важнейшей задачей советских ученых в области общественных наук является разработка проблем экономики, философии и социологии, истории и права в тесной связи с практикой коммунистического строительства».

Практика коммунистического строительства чрезвычайно многообразна и потому перед советскими историками стоит целый ряд конкретных задач. Мы не преследуем в данном случае цель определения или хотя бы только перечисления этих задач, тем более, что имеем в виду всего лишь одну область исторической науки, а именно ту, которой посвящен наш журнал. Но, как нам представляется, есть требование, которое можно считать общим для исторических исследований в любой области, любой специальности и которое за последние годы выдвигается все с большей и большей настоятельностью. Это — вопрос о повышении теоретического уровня исторических работ.

Подчеркивание данного требования не означает, конечно, что появлявшиеся до настоящего времени в свет исторические труды отличаются, как правило, низким теоретическим уровнем. Это вовсе не так и не это имеется в виду. Речь идет о том, что задачи развертывающегося все в более

широких масштабах коммунистического строительства, задачи развития самой науки выдвигают новые, растущие требования. Развернувшиеся в нашей стране широкие научные дискуссии, творческие обсуждения нередко приводят и несомненно будут приводить в дальнейшем к пересмотру не соответствующих новому уровню научных знаний и потому устаревших положений, концепций, точек зрения. Это естественный, неизбежный и плодотворный процесс, без него нет движения научной мысли, развития науки.

Этот процесс имеет место и в области древней истории, науки, изучающей отдаленное прошлое. Кстати сказать, ряд работ, опубликованных за последние годы, а также творческий накал некоторых дискуссий со всей убедительностью подчеркнули глубокую несостоятельность еще, к сожалению, не полностью изжитого «тезиса» о неактуальности древней истории. Опыт показывает, что обсуждение почти любой проблемы, связанной с теоретическим осмыслением тех или иных сторон исторического процесса, закономерно возводит это обсуждение к истокам данной проблемы, а исследование последних заставляет обращаться к материалу древней, иногда даже древнейшей истории. В этом нет ничего неожиданного — человеческая история, с точки зрения историка-марксиста, единый процесс и теоретическое изучение, осмысление, обобщение какой бы то ни было стороны или аспекта этого процесса требуют не узко-локального, но универсального подхода, широкой, всемирно-исторической перспективы. Кроме того, задачи борьбы с враждебной марксизму идеологией не менее часто и не менее настоятельно требуют обращения к древнейшей истории, поскольку она служит излюбленной ареной для различного рода модернизаторских упражнений и «историософских» спекуляций.

Как же в свете этих задач развертывается в нашей стране работа в области древней истории и как отражает ее единственный печатный орган древних историков — наш журнал? Какова его основная проблематика? Каковы его творческие успехи, а также слабые стороны и недостатки?

Что касается проблематики, то в качестве основных проблем, разрабатываемых и освещенных на страницах ВДИ за последнее пятилетие, могут быть названы следующие:

а) рабство и другие формы зависимости. Эта проблема освещалась наиболее систематично. За последние пять лет в журнале было опубликовано более 30 посвященных ей исследовательских статей и рецензий. С 1962 г. в ВДИ был введен специальный раздел: «Материалы и исследования по истории античного рабства». Эта работа велась параллельно с выпуском в свет монографий по истории рабства в античном мире, подготовляемых сектором древней истории Института истории АН СССР. Само собой разумеется, что статьи, появлявшиеся на страницах ВДИ трактовали не только вопросы, связанные с историей античного, но так же и древневосточного рабства. Проблема рабства и иных форм зависимости заняла ведущее место на международной конференции древних историков, которая состоялась в 1964 г. в Ленинграде. В ВДИ по этой тематике были опубликованы статьи И. М. Дьяконова, Е. М. Штаерман. К. К. Зельина, Я. А. Ленцмана, М. Е. Сергеенко, Э. Л. Казакевич, А. К. Бергера, В. И. Кузищина, Л. М. Глускиной и др. Вышеперечисленные авторы представляют собой историков Москвы и Ленинграда, однако в ВДИ выступили со своими статьями ученые и других городов Советского Союза: Ю. Б. Юсифов (Баку), А. Л. Кац (Ош), Р. Е. Ляст (Уфа), М. М. Слонимский (Липецк) и др. Целый ряд существенно важных вопросов получил в этих статьях новое освещение: источники рабства, формы классовой борьбы рабов, многообразие форм зависимости в древнем мире.

б) Идеология и культура. Проблема изучения античной культуры была выдвинута в передовой статье ВДИ еще в 1963 г. (№ 3). В настоящее время перспективный план научно-исследовательской работы сектора древней истории Института истории АН СССР предусматривает серьезную разработку истории античной культуры и идеологии. В ВДИ за последние годы был опубликован ряд статей, посвященных этой проблематике: акад. Н. И. Конрада, А. К. Бергера, А. И. Доватура, В. Н. Ярхо, М. Л. Гаспарова, М. К. Трофимовой, И. Д. Амусина, Г. А. Кошеленко и др. Однако следует отметить, что вопросы культуры и идеологии на страницах ВДИ получали значительно менее систематическое освещение, особенно в общетеоретическом плане. Дальнейшая разработка этих вопросов представляется крайне актуальной задачей.

в) Община на древнем Востоке. Актуальность этой проблемы в наше время не вызывает никаких сомнений. Тем не менее в качестве серьезного недостатка, приходится констатировать ничем не оправданное падение интереса к ней за последние 2—3 года. В ВДИ появилось лишь несколько статей, связанных с данной проблематикой: акад. В. В. Струве, И. М. Дьяконова, М. О. Косвена, М. Л. Гельцера, Н. Б. Янковской.

г) Становление классового общества и государства. С освещением этой проблемы на страницах журнала сложилось несколько парадоксальное положение. Если в ВДИ впервые в нашей науке появились работы, исследующие характер государства в древней Аравии, затем работы, посвященные новоассирийскому царству, проблеме государства у хеттов, в древней Индии, то — как ни странно — почти начисто отсутствуют исследования, трактующие вопросы становления классового общества и государства в Греции и Риме. Хотя проблемам классового общества и государства в древности был посвящен ряд статей: Г. А. Меликишвили, С. Т. Еремяна, А. Г. Лундина, С. Л. Утченко, Г. Х. Саркисяна, Г. М. Бауэра, Г. Г. Гиоргадзе, В. В. Иванова, Г. М. Бонгард-Левина, В. А. Якобсона и др.

Особо следует отметить опубликование в ВДИ работ по дешифровке древних письменностей (А. И. Харсекин, В. В. Шеворошкин, М. Л. Гельцер), а также публикации ранее неизданных или по-новому интерпретированных эпиграфических, папирологических и нумизматических памятников (О. О. Крюгер, М. Г. Быстрикова, А. Г. Периханян, И. Д. Амусин, К. К. Зельин, А. И. Болтунова, Э. И. Соломоник, Л. А. Ельницкий и др.).

Помимо недостатков, указанных в связи с проблематикой журнала, необходимо подчеркнуть, что одним из наиболее слабых мест в нашей работе за последние годы следует считать отсутствие дискуссионных статей и материалов. Последняя широкая дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала, была посвящена проблеме падения Римской империи и перехода от рабовладельческого строя к феодализму. Но она закончилась в 1956 г. С тех пор редколлегия журнала предпринимала неоднократные попытки организовать новую дискуссию по той или иной актуальной проблеме (например, проблема полиса), однако эти попытки пока не дали никаких реальных результатов.

Представляется целесообразным кратко охарактеризовать тот круг проблем и вопросов, который уже фактически наметился как перспективный и выдвинут самим развитием науки о древнем обществе. Это не обязательно совершенно новые, никак не обсуждавшиеся до сих пор проблемы, но иногда или «несправедливо» забытые или недостаточно разработанные.

Так, более чем целесообразно дальнейшее углубленное, ведущее к теоретическим обобщениям, изучение социальной структуры древних обществ. В исследовании этой проблемы до сих пор встречается ряд лакун

или спорных моментов. Уже упоминалось о том, что вопрос об общине едва ли может считаться достаточно изученным. Если существует более или менее ясное представление о «классической» родовой общине, то понятия «территориальной», «соседской» и «сельской» общин уже не отличаются достаточной ясностью и вызывают различные толкования. Если говорить о структуре классовых обществ древности, то недостаточно расшифрованным и опять-таки вызывающим различные толкования можно считать понятие «класс-сословие». И, наконец, нельзя признать до конца изученным и раскрытым вопрос об особенностях рабовладельческого способа производства и о его соотношении с другими формами зависимости и эксплуатации в древнем мире.

Несомненно, нуждается в дальнейшей разработке проблема становления государства. Как уже указывалось, она требует дополнительного освещения на материале Греции и Рима. Со времени появления в свет классической работы Ф. Энгельса прошло более восьмидесяти лет и накопившийся за это время новый материал должен быть теоретически обобщен и осмыслен. В частности, остается открытым следующий вопрос. В последнее время многие исследователи подчеркивают факт сравнительно позднего формирования основных антагонистических классов в Греции и особенно в Риме. Так, например, формирование класса рабов (и рабовладельцев) в Риме относят к концу III — началу II в до н. э. Какой же характер носило римское государство до этого времени? Чьим органом оно являлось? Или его до этого времени не существовало? Эти вопросы пока остаются без ответа.

К числу важных проблем, которые давно не рассматривались применительно к древности, следует отнести проблему социальной революции. Приложимо ли вообще это понятие к древнему обществу? На этот счет существуют различные и даже исключающие друг друга точки зрения. Возникает и другой вопрос: понятие социальной революции может употребляться лишь в том случае, когда речь идет о переходе от одной формации к другой или допустимо говорить о социальной революции в пределах какой-либо одной формации? Совсем забытым в настоящее время кажется вопрос, который вызывал в свое время бурные споры — вопрос о характере перехода от первобытного общества к классовому.

Следует обратить самое серьезное внимание на изучение античной культуры. По существу, для советской историографии античности — это новая проблематика. Широкого и обобщенного исследования проблем античной культуры фактически еще не велось. Вместе с тем, серьезное изучение античной культуры, быть может в большей степени, чем изучение любого другого исторического феномена даст возможность вскрыть характер и механизм взаимодействия базиса и надстройки в античном обществе. Понятия культуры как системы, ее структура или понятие «стиля эпохи» — все эти более частные, но тем не менее достаточно важные проблемы остаются по сей день не затронутыми в советской историографии античности.

И, наконец, последний вопрос, который по сравнению с перечисленными, имеет не менее существенное значение — роль и место древней истории в современных историко-философских концепциях Запада. Нет нужды еще раз говорить о том, насколько она велика. Все «историософские» системы и концепции, начиная от Шпенглера и кончая Тойнби, Ясперсом, и Сорокиным, берут в качестве исходного пункта, а иногда и краеугольного камня древний мир, древнюю историю. В истории древности ищут объяснения или оправдания «кризиса современной цивилизации». В программном документе сравнительно недавно созданного «Интернационального общества сравнительного изучения цивилизаций» говорится: «Глубочайшим образом обеспокоенные событиями, которые воспринимаются нами

как симптомы кризиса современной цивилизации, мы все же надеемся, что глубокое научное проникновение в сущность феномена цивилизаций поможет получить ответ на один из самых мучительных и фатальных вопросов жизни нашего поколения. Мы хотим знать, что нас ожидает и что мы должны делать, дабы преодолеть кризис и ввести корабль нашей культуры, нашей цивилизации в более безопасные воды».

И вот, в поисках средства, способного помочь преодолению «кризиса» все чаще обращаются к примерам и образцам древней истории, причем это оживление и «актуализация» древности нередко проводится путем неоправданных и неправомерных аналогий, путем модернизации, путем «сравнительного метода», основанного на признании эквивалентности и современности всех эпох человеческой истории (Тойнби).

Наше понимание актуальности древней истории, наше отношение к древности и современности должно быть со всей решительностью противопоставлено этим спекулятивным построениям. Тема «Античность и современность» вполне уместна и закономерна для советской историографии древности, но она должна строиться и базироваться на глубоком, марксистском анализе закономерностей исторического процесса, общественного развития. Более того — углубленное изучение этой проблематики даст реальную возможность не только путем декларативных утверждений, но конкретно, на историческом материале, при сопоставлении философских концепций показать безусловное превосходство марксистской методологии над преходящими спекулятивными «теориями».

Таковы некоторые из наиболее актуальных проблем, встающих перед советскими историками древности.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что эти вопросы получат в сравнительно недалеком будущем более широкое и более полное освещение на страницах «Вестника древней истории».

Г. М. Бонгард-Левин

РЕСПУБЛИКИ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

(Проблематика и основные материалы)

ПОНИМАНИЕ процесса становления и развития древневосточных государств во многом зависит от правильного разрешения проблемы государственного строя. Благодаря работам последних лет в значительной степени пересмотрена ранее господствовавшая точка зрения о возникновении государства на древнем Востоке в форме деспотии. В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что во многих странах (древнее Двуречье, Хеттское царство, Палестина, Нубия, Китай) деспотии предшествовали иные, более демократические формы государственной власти, что деспотия не существовала на Востоке извечно [1]. При исследовании этих вопросов данные по истории Индии привлекались, к сожалению, весьма недостаточно, а вместе с тем именно данные древнеиндийских источников чрезвычайно существенны для изучения особенностей развития государственной власти на древнем Востоке.

Анализ индийских источников позволяет говорить не только о том, что в древней Индии монархическая власть не достигла той формы деспотизма, как в некоторых других государствах древнего Востока [2], и что даже в эпохи наивысшего укрепления центральной власти сохранялись значительные пережитки старой политической организации (в том

---

[1] См. И. М. Дьяконов, Общественный и государственный строй древнего Двуречья, М., 1959, стр. 120—150; он же, Община на древнем Востоке в работах советских исследователей, ВДИ, 1963, № 1, стр. 16—34; он же, Возникновение деспотического государства в древнем Двуречье. Автореф. докт. дисс., Л., 1957; Д. Г. Редер, Военная демократия в странах древнего Востока, УЗМОПИ, 1950, т. XIV, стр. 117—127; В. В. Иванов, Происхождение хеттского термина panku-«собрание», ВДИ, 1957, № 4; 1958, № 1; И. С. Кацнельсон, Некоторые черты государственного строя Нубии в VI—IV в. до н. э., «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960; Л. С. Переломов, Об органах общинного самоуправления в Китае в V—III вв. до н. э., сб. «История и культура Дальнего Востока», М., 1962, стр. 45—57; В. А. Рубин, Народное собрание в древнем Китае, ВДИ, 1960, № 4, стр. 22—40; он же, О народном собрании в древних государствах Восточной Азии (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964; C. N. Wolf, Traces of primitive Democracy in Ancient Israel, JNES, 1947, № 2; Th. Jacobson, Early Political Development in Mesopotamia, ZAss, VIII (52), 1957.

[2] См. Г. М. Бонгард-Левин, Некоторые особенности государственного устройства империи Маурьев (источники и проблематика), сб. «История и культура Древней Индии», М., 1963 (далее — ГУИМ), стр. 21—33.

числе роль совета царских сановников-паришада [3]). Наибольший интерес представляет тот факт, что древнеиндийские материалы свидетельствуют о существовании в древней Индии наряду с монархиями также и государств с республиканской формой правления, история которых насчитывает несколько столетий. Роль этих государственных образований в историческом развитии древней Индии чрезвычайно велика и понятно, что игнорирование документальных свидетельств о внутренней организации республиканских государств не только затрудняет, но и искажает правильное понимание особенностей государственной власти и в древней Индии, и на древнем Востоке в целом.

В индологической литературе вопрос о ганах и сангхах, об особенностях их организации поднимался уже не раз, но до сих пор ученые не пришли к сколько-нибудь окончательному решению проблемы немонархической власти в древней Индии. В индологии нет ни одной обобщающей работы по этой теме; весьма противоречивы и запутаны взгляды ученых. Не существует единого мнения даже по переводу терминов «гана» и «сангха». До сих пор не проведено и четкого анализа политического и социального статуса этих образований.

Даже в новой монографической работе Мишры, специально посвященной истории ганы личчхавов, почти совсем не рассматривается внутренняя структура, государственное устройство этого образования [4].

Известный английский индолог Рис-Девис был первым, кто обратил должное внимание на древнеиндийские сангхи и ганы буддийской эпохи, но в своем труде «Буддийская Индия» он их охарактеризовал как «кланы» (clans), не указав на значительные различия в уровне развития их общественной и политической жизни [5]. Долгое время все ганы и сангхи рассматривались лишь как племена. Затем очень модной стала теория индийского ученого К. Джаясвала, который впадал в другую крайность, объявляя все ганы и сангхи республиками [6]. По справедливому замечанию С. Данге, работа Джаясвала «была написана с целью опровергнуть утверждение представителей британского правящего класса, что парламентские демократические учреждения не подходят для Индии, и показать, что уже в древней Индии имелись и республики и «самоуправляющаяся демократия» [7]. Тенденция подвести все политические образования, обозначаемые терминами «гана» и «сангха», под единое определение проявляется и в ряде современных исследований [8].

Существенны разногласия ученых не только в общей оценке внутренней организации ган и сангх, но и в трактовке сведений отдельных источников об этих политических образованиях [9]. Понятно, что систематизированное рассмотрение основных черт внутренней структуры ган и сангх, правильная оценка их политической и социальной организации представляет несомненный интерес.

---

[3] См. Г. М. Бонгард-Левин, Паришад в системе государственного управления империи Маурьев, сб. «Древний мир», М.— Л., 1962, стр. 399—409.

[4] Y. Mishra, The Early History of Vaiśālī, Delhi, 1962.

[5] Rhys Davids, Buddhist India, L., 1903.

[6] K. P. Jayaswal, Hindu Polity³, Lucknow, 1953.

[7] С. А. Данге, Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя, М., 1950, стр. 24.

[8] См., например, «The Age of the Imperial Unity», Delhi, 1953, стр. 330—334.

[9] См., например, мнение Д. Бхандаркара, который определял сангху и гану в труде Панини как «союз отдельных людей, созданный для определенной цели». Согласно Р. Маджумдару, сангха у Панини означает «определенную организацию, связанную законами и правилами». Столь же различны взгляды ученых и на содержание более конкретных терминов. Бхандаркар, например, рассматривал āyudhajīvī saṅgha как один из разрядов царской армии. Об основных точках зрения см. U. N. Ghoshal, Studies in Indian History and Culture, Calcutta, 1957, гл. XI.

Настоящая статья имеет целью познакомить с некоторыми данными индийских источников о республиканских государствах в древней Индии и систематизировать имеющиеся материалы по основным вопросам, возникающим при изучении внутренней структуры ган и сангх.

Особый интерес в данной связи представляет изучение истории возникновения и развития первых государств в долине Ганга, которое позволяет не только проследить некоторые общие черты и специфические особенности внутреннего устройства политических образований, стоявших на различной ступени общественного развития и отличавшихся особенностями структуры своей политической организации, но и выявить различные формы государственного устройства.

В источниках, которые мы условно можем соотнести с эпохой VI—III вв. до н. э.— эпохой сложения государств в долине Ганга [10], содержатся порой подробные сведения о политических образованиях, носящих наименование — гана (gaṇa) или сангха (saṅgha) [11]. Анализ этих свидетельств показывает, что в указанный период некоторые ганы и сангхи представляли собой государства с немонархической (республиканской) формой правления, хотя безусловно монархия была наиболее распространенной формой государственной власти в древней Индии. Вместе с тем надо быть весьма осторожным в определении политических образований, называемых ганами и сангхами, как государств; под этими терминами могут подразумеваться и первобытные общности людей.

Уже в памятниках ведической литературы и даже в Риг-веде мы находим многочисленные данные о существовании ган (gaṇas), которые в этот период безусловно являлись племенными коллективами [12]. В ведических источниках часто говорится о ганах богов, демонов, марутов, что отражает организацию человеческих коллективов. Многие данные указывают и на военный характер организации ганы, где каждый взрослый соплеменник мог носить оружие [13]. С этими организациями, очевидно, связаны послеведические «сангхи, живущие оружием», хотя говорить о генетическом родстве ведических ган с ганами-республиками магадхской

---

[10] Вопрос о датировке источников, которые мы используем в данной статье, весьма сложен, как и вообще в отношении древнеиндийских письменных памятников. Мы опираемся прежде всего на данные буддийской и джайнской литературы (преимущественно канонической), которые, как правило, привлекались крайне недостаточно, особенно для работ исторического характера. Буддийский и джайнский каноны сложились, очевидно, в IV—III вв. до н. э., поэтому использование канонической литературы для изучения основных тенденций политического и социального развития древней Индии в VI—III вв. до н. э. представляется нам вполне закономерным. Санскритский канон Муласарвастивадинов (прежде всего нас интересуют гильгитские документы) складывался, очевидно, несколько позднее палийского, но и в нем нашли отражения явления, характерные для того широкого хронологического периода, который мы увязываем с образованием, сложением и развитием государств в долине Ганга (VI—III вв. до н. э.). Оправдан также в данном аспекте и анализ данных Панини, жившего в V—IV вв. до н. э. Сложнее обстоит дело с датировкой «Артхашастры». Оформление этого политического трактата относилось, очевидно, к первым векам н. э., хотя в «Артхашастре» отразились и явления значительно более раннего периода. Можно полагать, что «основная часть его была создана одной из политических школ еще в годы правления Маурьев (возможно, и при Чандрагупте), но в дальнейшем памятник многократно редактировался...» (ГУИМ, стр. 16). В целом каждый раз следует, конечно, учитывать условность датировки особенно таких памятников, как эпос, содержащий материалы разных периодов древней Индии.

[11] Трактовка этих терминов вызывала очень большие споры в литературе. Gaṇa (от глагола gaṇ «считать») может иметь целый ряд значений: «группа, большое число, сборище, компания» и т. д.; saṅgha «сочетание, сборище, толпа, группа, общество, община» и т. д.; о различном толковании этих терминов см. ниже.

[12] Подробнее см. R. S. Sharma, Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India, Delhi, 1959, гл. VI.

[13] Там же, стр. 84—85.

эпохи было бы весьма поспешно. О существовании ган и сангх нам хорошо известно и из более поздних источников. В эпосе (прежде всего «Махабхарате»), отразившем явления и события сравнительно длительного исторического периода, рассказывается о сангхах и ганах — политических образованиях, стоявших на различном уровне общественного и политического развития. Среди них можно усмотреть такие политические образования, которые, очевидно, позволительно уже характеризовать как государства с немонархической (республиканской) формой правления, и такие, которые находились еще на уровне родоплеменной организации [14].

Но наиболее важные сведения по интересующим нас вопросам сохранились в буддийских сочинениях, где отразилась в целом политическая обстановка древней Индии (преимущественно Северо-Восточной в VI—III вв. до н. э.— именно к IV—III вв. до н. э., как указывалось, можно относить оформление буддийского канона на пали. Наличие в сочинениях палийского канона большого материала о сангхах и ганах может быть объяснено целым рядом обстоятельств: сам Будда, по традиции, происходил из шакьев — одной из ган Северной Индии; в сангхах и ганах Северо-Восточной Индии, особенно среди личчхавов, маллов и, конечно, шакьев, он быстро нашел себе последователей [15]. Кроме того, особенности политической организации сангх и ган оказали значительное влияние на внутреннюю структуру буддийской общины — сангхи [16]. Не случайно, что в буддийских сочинениях (например, в «Махапаринибане-сутте») сравниваются принципы организации политических сангх и ган и буддийской сангхи. И, наконец, гана и сангха как форма политической власти была весьма распространенной в этот период, а образования под властью ганы и сангхи играли важную роль в политической истории Северной Индии. Палийские сочинения буддийского канона, сохранившие наиболее подробные свидетельства о сангхах и ганах в VI—III вв. до н. э., ясно показывают, что под терминами «сангха» и «гана» понимались политические образования, противопоставляемые обычно монархиям, но стоявшие на разном уровне общественного и политического развития, начиная еще от племенных объединений и до развитых государств с немонархическим правлением.

Среди индийских источников, сохранивших данные о политических сангхах и ганах, специального внимания заслуживают и грамматический труд Панини — «Аштадхьяя» [17], его более поздние комментаторы — Катьяяна, Патанджали, Кашика,— а также известный политический трактат «Артхашастра». Особая ценность свидетельств Панини и его комментаторов о сангхах и ганах состоит в их нетенденциозном характере: данные о государственном строе наряду с другими известными ему явлениями и институтами Панини привлекал лишь в качестве иллюстративного материала при объяснении различных грамматических категорий [18].

В труде Панини (условно V—IV вв. до н. э.) мы встречаем подразделение сангх на ряд групп. Показательно, что Панини и его комментаторы рассматривали сангху как одну из форм политической власти, отличную

---

[14] См. K. P. Jayaswal, Hindu Polity[3], Bangalore, 1955 (далее — HP), гл. XIV; U. N. Ghoshal, A History of Indian Political Ideas, Oxf., 1959 (далее — HiPi).

[15] См. B. C. Law, India as Described in Early Texts of Buddhism and Jainism, L., 1948; Yogendra Mishra, The Buddha's Activities at Vaiśālī, JIH, 25, 1957, 1, стр. 7—36.

[16] Подробнее см. G. De, Democracy in Early Buddhist Saṅgha, Calcutta, 1955; HP, гл. VI; Ghoshal, Studies..., стр. 371—380.

[17] См. V. S. Agrawala, India as Known to Pāṇini, Lucknow, 1953 (далее IKP), стр. 455—475.

[18] P. N. Puri, India in the Time of Patañjali, Bombay, 1957; P. Thieme, Pāṇini and the Pāṇiniyas, JAOS, 76, 1956, 1, стр. 1—23.

от монархии. Среди сангх Панини выделял многочисленную группу āyudhajīvī-saṅghas «сангхи, живущие оружием», которые, очевидно, являлись в своем большинстве образованиями периода военной демократии. В свою очередь Панини подразделял на несколько групп и āyudhajīvī saṅhas, выделяя, в частности, vrātas, pūgas, которые стояли на еще более низком уровне общественного развития и представляли собой территориальные общины, сохранявшие черты различных этапов родоплеменного строя. Вместе с тем у Панини и его комментаторов имеется целый ряд данных о политически развитых сангхах, которые уже можно рассматривать как государства с немонархической формой правления.

Материалы «Артхашастры» о сангхах (которым автор трактата уделил целый отдел своего труда) интересны прежде всего тем, что они раскрывают политику монархий по отношению к этим политическим образованиям, имевшим, очевидно, значительный военный потенциал. Недаром автор «Артхашастры» напоминал единодержавным монархам (eka-rāja), что «привлечение на свою сторону сангх (saṅgha-labha) более существенно, чем приобретение войск или союзников», «поскольку в силу своей сплоченности сангхи неодолимы для других» [19].

В целом те древнеиндийские источники, которые отражают уже эпоху создания и развития государств, понимают под сангхами и ганами, как правило, политические образования, отличающиеся по своей политической организации от монархии. Поэтому сангхи и ганы, среди которых имелись государства с республиканской властью, противопоставлялись монархии и выделялись в качестве особой формы политической власти. Это нашло свое отражение в целом ряде древнеиндийских источников. Уже Панини и его комментаторы особо различали монархии и немонархические образования и подразделяли правление в странах (джанападах) на две категории: под властью единого правителя (ekarāja) и под властью ганы или сангхи [20].

Подобное разграничение мы находим и во многих других источниках. В известном буддийском сочинении «Авадана Шатаке» рассказывается о посещении торговцами из Средней Индии (Madhyadeša) государств Южной Индии. На вопрос южноиндийского царя о том, кто правит в их странах (kas tatra rājeti), торговцы отвечали: «Некоторые страны (deśa) находятся под властью царей (rāja-adhīnā), а некоторые под властью ган (gaṇa-adhīnā)» [21].

В другом буддийском произведении — «Чиваравасту» — повествуется о главном сановнике (agrāmātya) царя Магадхи, который, будучи оклеветан чиновниками, решает покинуть пределы своей страны, боясь сурового наказания царя. «Но куда мне пойти,— думает он;— если я пойду в Шравасти, то там власть царя (rāja-adhīna). Такое же устройство (evādhīna) в Варанаси, Раджагрихе, Чампе. Это значит, что в этих странах власть в руках одного (ekādhīnatva), а в Вайшали (пал. Весали) — власть ганы (gaṇādhīna), и то, что принято десятью (может быть), не принято двадцатью» [22]. Здесь особенно отчетливо видно разграничение между монархической и немонархической властью и указано на их основное отли-

---

[19] «Артхашастра или Наука политики», М. — Л., 1959, стр. 430.

[20] См., например, у Катьяяны явное противопоставление: kṣatriyād-ekarājāt saṅgha-pratiṣedhārtham (IV, I, 168,1),— см. A g r a w a l a, India..., стр. 425; J a y a s w a l, Hindu Polity, стр. 29.

[21] «Avadāna-Śataka», ed. by J. S. S p e y e r, II, Petrograd, 1902, стр. 103.

[22] «Gīvaravastu. Gilgit Manuscripts», ed. by N i l a n a k s h a D u t t, II, 1, Śrinagar, 1942, стр. 5; U. B h a t t a c h a r y a, Glimpses of the Republic of Vaiśālī, IHQ, 23, 1947, 1.

чие — в монархиях власть сосредоточена в руках одного, при немонархическом правлении (власть ганы) — в руках многих.

Авторы джайнского сочинения «Ачаранга-сутры» (I, 3, 160), кроме монархической власти (ekarāja), подразделяли страны по формам правления на те, в которых нет царя (arāyaṇi), где правит юный царевич (juvarāyaṇi), где правят два враждующих друг с другом монарха (dorajjāṇi) и, наконец, где существует власть ганы (gaṇarāyani) [23]. Нет ничего удивительного, что в различных древнеиндийских источниках (которые можно в определенной степени соотнести с периодом оформления и развития государственности, т. е. явно послеведических по времени) мы находим указания на существование власти ганы или сангхи как особой формы политической власти, резко отличной от единодержавной власти монарха. Для древних индийцев существование стран с немонархической властью — властью ганы и сангхи — не было необычным или очень редким явлением. В эпосе, раннебуддийских канонических сочинениях, политических и грамматических трактатах и даже в эпиграфике встречается не только определение политической ганы и сангхи как особой формы политической власти, противопоставляемой монархии, но и довольно подробное описание стран под властью ганы и сангхи, их внутреннего управления, социальной организации, нравов и обычаев.

Весьма примечательно, что индийские источники рассматривали власть ганы и сангхи не как форму государства, в котором временно отсутствует единодержавный правитель, а как вполне самостоятельную и отличную от монархии форму правления, для которой характерно сосредоточение власти в руках ганы (gaṇa-adhīna, gaṇa-rājya). Источники по-разному описывают эти типы государств. В индийской традиции (особенно у брахманских политиков) речь идет о типе царства без единодержавного правления (arājaka-rāṣṭra), которое изображается в состоянии анархии, где сильный пожирает слабого, а свободные становятся рабами (adāsaḥ kriyate dāso), где никто не может наслаждаться своей собственностью, где приходит в упадок торговля, хозяйство и голод охватывает страну [24]. В буддийской же традиции речь идет о государствах под властью ганы и сангхи и рисуется их положение совсем по-иному, они изображаются как цветущие страны с прочным внутренним единством.

Знаменательно, что не только древние индийцы рассматривали немонархическую власть в Индии как самостоятельную и резко отличную от единодержавной власти монарха форму правления. Греки — участники похода Александра, на свидетельствах которых и основаны данные последующих писателей о народах Индии (прежде всего Северо-Западной), ясно различали области, находившиеся под властью царя-единоправителя — таковы, например, государства Пора, Амбхи, Таксила, Абисара и так называемые «автономные» (αὐτονόμοι) — самостоятельные страны и полисы. Это подразделение особенно отчетливо выражено у Диодора (I, 39): «Большинство полисов стали демократическими (получили демократическое правление), а у некоторых народов царская власть сохранялась вплоть до похода Александра». Деление территорий по формам правления на две основные категории — с монархической и немонархической властью было зафиксировано и Мегасфеном, посетившим Индию в самом конце IV в. до н. э. Говоря о шестом классе населения — «наблюдателях», он писал: «то, что происходит в Индии, они (ἔφοροι)... обо всем доносят царям, а если „город“ (πόλις) не имеет царской власти (ἀβασίλευτος), то — властям» (Diod., II, 41).

[23] См. A. S. Altekar, State and Government in Ancient India³, Delhi, 1958, стр. 109.

[24] Mbh., XII, 67, 2—16; HJPJ, стр. 197—199.

Весьма интересно и замечание Мегасфена о том, что в Индии земледельцы, которые обрабатывают землю, платят налоги царям (τοῖσι βασιλεῦσι) или автономным (самоуправляющимся) полисам (τῇ οἱ πολιον ὅσαι αὐτόνομοι — Arr., Ind., XI, 9).

И писателям — участникам индийского похода, прекрасно знакомым с демократической организацией греческих полисов, и селевкидскому послу Мегасфену «автономные и не имеющие царской власти» полисы Индии αὐτονόμοι πόλεις, ἀβασίλευτος πόλις) и автономные индийцы (αὐτονόμοι Ἴδοι) рисовались не отсталыми варварскими племенами, а процветающими народами, многие из которых имели такую развитую политическую организацию, что она производила на греков, говоря словами Диодора (XVII, 91), сильное впечатление.

Весьма показательно, что многие народы Северо-Западной и Западной Индии, политическую организацию которых греки относили к «автономным» полисам и областям, в индийских источниках характеризуются как сангхи и ганы. Можно указать, например, на оссадиев (Ὄσσαδιοι), окюдраков (Ὀξυδρακαι) и маллов (Μαλλοί), которых античные авторы относят к разряду «автономных» (самоуправляющихся) народов, а индийские источники рассматривают как сангхи. Ὄσσαδιοι соответствует санскрит. vasāti, упоминаемым в Gaṇa-paṭhā при перечислении saṅghas[25]; Ὀξυδρακαι и Μαλλοι — санскр. Kṣudrakas и Mālavas — комментаторами Панини также включаются в разряд saṅghas.

Судя по описанию очевидцев, среди индийцев, причисляемых к разряду «автономных» (самоуправляющихся, не имеющих царской власти), было и население сравнительно развитых государств (данные о различных чиновниках, о городах, о классовом расслоении и т. д.), и объединения, стоявшие еще на уровне военной демократии. Анализ античных свидетельств об «автономных» полисах и областях, которые в целом соответствуют древнеиндийским сангхам и ганам, позволяет выделить ряд характерных черт их политической организации: отсутствие единодержавного наследственного правителя[26], выборность предводителей и главы, наличие различных форм правления (демократические и олигархические), сохранение у некоторых большой роли совета знатных и значительного влияния совета старейшин (ГУИМ, стр. 6—50).

Таким образом, во многих индийских источниках, относящихся, вероятно, к периоду формирования и развития государств в долине Ганга, мы находим сообщения о ганах и сангхах как политических образованиях, стоящих на различной ступени общественной организации, но которые, как правило, противопоставляются монархиям по форме политической власти. Данные индийских источников находят ясное подтверждение и у античных авторов, по времени в целом синхронных местным документам.

Анализ этих свидетельств дает возможность выделить некоторые черты, присущие если не большинству, то многим наиболее развитым ганам и сангхам — тем, которые мы можем характеризовать как республиканские государства. Основной материал при этом связан с наиболее крупными и высокоразвитыми ганами и сангхами Северной Индии — личчхавами, шакьями, маллами, маллавами, кшудраками[27].

---

[25] См. IKP, стр. 453; HP, стр. 64.

[26] См., например, сообщения Курция Руфа (IX, 8) о народе Sabracae, который управляется народной, а не царской властью: «Inde Sabracas adii, validam Indiae gentu, quae populi, non regum regebatur».

[27] Мы не во всех случаях можем точно локализовать территории этих народов, хотя данные источников об их местоположении довольно значительны. Подробнее о территории указанных ган см. H. Raychaudhury, Political History of Ancient India, Calcutta, 1953; G. Malalasekera, Dictionary of Pali Proper Names, I—II, L., 1950.

Еще одно замечание, связанное с изучением ган и сангх древней Индии. Вынужденные из-за характера источников и трудности их точной датировки рассматривать свидетельства памятников, которые мы условно соотносим с эпохой VI—III вв. до н. э., в совокупности, без четкого хронологического среза, мы отдаем себе полный отчет в необходимости строгого учета процесса развития сангх и ган, отмеченного важными внутренними сдвигами в их общественном и политическом устройстве. Так, если в некоторых сангхах и ганах в VI—V вв. до н. э. государство еще не сложилось и они являлись родоплеменными образованиями, то в первые века н. э. эти же сангхи и ганы представляли собой уже вполне развитые государства, даже чеканившие монеты от имени ганы [28].

Следующий этап исследования ган и сангх безусловно должен состоять в изучении истории и управления конкретных объединений, что позволит выявить не только общие, но и специфические особенности политической и социальной структуры отдельных ган и сангх. Начало этой работе положено современными индийскими учеными.

Классовая структура и уровень социально-экономического развития общества.

Материалы, которыми располагает современная индология, убедительно показывают, что наиболее развитые ганы и сангхи представляли собой государства, занимавшие определенную территорию, которая делилась, как правило, и на более мелкие административные единицы, управляемые из провинциальных центров [29]. Они уже минули стадию родового строя и являлись классовыми обществами.

Показательно, что источники описывают республики как процветающие страны с высокоразвитым ремеслом, оживленной торговлей, значительным числом городов. Согласно, например, Махавагге (VIII, I, 1), столица личчхавов Весали (Вайшали) была богатым населенным городом, «изобилующим различной пищей». Сходную картину рисует и «Лалитавистара» [30]. «Махавасту» также описывает Капилавасту цветущим богатым городом, населенным большим числом жителей. В городах и главным образом в столицах крупных ган проживали различные разряды ремесленников и торговцев (Mahāv, III, 112—113). Источники говорят о четко выраженных классовых различиях и имущественном неравенстве в этих ганах и сангхах.

Мы встречаем немало свидетельств о сосредоточении богатства в руках отдельных жителей ган, главным образом у кшатриев и вайшьев. В джайнском сочинении «Увасагадасао» повествуется, например, об очень богатом домохозяине, владевшем значительными земельными участками и стадами скота [31]. Об имущественном неравенстве в ганах хорошо известно и из буддийских памятников. В джатаках неоднократно упоминаются богатые кшатрии и вайшьи и бедные жители этих образований. Имущественное неравенство существовало и внутри отдельных сословий, например кшатриев. «Махавасту» (III, 179) рассказывает о вступлении кшатриев-шакьев в буддийскую общину. Согласно источнику, покидая свои

---

[28] Parmeshwari Lal Gupta, Bearing of the Numismatics on the History of the Tribal Republic in Ancient India, IHQ, 1951, 27,3, стр. 197—209.

[29] Среди исследователей нет единодушия в характеристике политической организации этих образований. См. основную литературу в работах: N. Bhattacharya, Glimpses of the Republic of Vaiśālī, IHQ, 23, 1947,1; R. Majumdar, The Constitution of the Licchavis and the Śākyas, IHQ, 27, 1951,4; Ghoshal, Studies..., гл. XI; A. S. Altekar, Some Aspects of Ancient Indian Political Organization, CHM, VI, 1960, 2.

[30] «Lalitavistara», ed. H. Lefmann, Halle, 1902, стр. 38—39.

[31] «Uvāsagadasāo» (ed, and transl. by A. F. R. Hoernle, II, Calcutta, 1890), стр. 52—54.

дома, они, в соответствии со своим положением (богатством — svakasvakehi vibhavehi) ехали — одни на слонах, другие — на колесницах, третьи — на лошадях.

Источники сообщают также о подразделении главного города личчхавов Весали на три части (skandhas) — высшую, среднюю и низшую, в которых проживало три разряда населения в зависимости от его социального и имущественного статуса [32]. О подразделении Весали на три части мы узнаем и из джатак.

В «Махавасту» (III, 112—113) рассказывается о встрече Будды шакьями — жителями Капилавасту. После перечисления представителей самых различных профессий, начиная от чиновников, военачальников и брахманов и до ремесленников, источник заключает, что «эти и другие люди принадлежали к высшей, средней и низшей (группе) (ete cānye ca uccāvacā janatā hinotkṛṣṭamadhyamā...)».

Между этими разрядами населения существовали значительные имущественные различия. Источники говорят о том, что в первой высшей части было 7000 домов с золотыми башнями, в средней 14 000 домов с серебряными башнями и в низшей — 21 000 домов с медными башнями [33]. Приведенные цифры, конечно, очень условны, но их соотношение может свидетельствовать о резком имущественном расслоении и социальном различии в немонархических государствах-республиках. Имеющиеся материалы позволяют, однако, предполагать, что в основе деления на три разряда лежал не только имущественный ценз, но, очевидно, и варновая принадлежность (подробнее см. ниже).

Кроме резкого имущественного неравенства, в развитых ганах четко прослеживается и классовое деление, существование двух основных категорий — свободных и рабов. Хотя данные о рабах в ганах не очень многочисленны, однако они все же позволяют вскрыть основные особенности положения рабов и использования рабского труда.

Комментарий Патанджали (II, 269) к одной из сутр Панини (IV, 168), гласящий, что в сангхах малавов и кшудраков только кшатрии называются малавья и кшаудракья, но не рабы и кармакары [34], показывает, что рабы и кармакары не были полноправными членами этих обществ и были резко отграничены от остального населения и прежде всего, конечно, от правящего сословия — кшатриев.

На резкие различия между свободными и рабами указывает вводная часть «Бхадда-сала-джатаки», повествующая о том, как сын царя Пасенади и женщины из шакьев — дочери рабыни — не был принят с должным почтением кшатриями шакьев из-за своего низкого происхождения [35]. Сообщения некоторых источников о столкновении шакьев с их соседями колиями (тоже немонархическим государством) из-за распределения воды для ирригации намечают сферу применения рабского труда [36]. Этот спор, по свидетельству Кунала-джатаки, был начат рабынями и рабами, которые были заняты на ирригационных работах. Имеются и другие дан-

---

[32] «Uvāsagadasāo», II, стр. 4—6: uccha-nīya-majjhimāiṃ kulaiṃ.

[33] «Cīvaravastu», стр. 4; см. также «The Life of the Buddha and the Early History of His Order (Described in Tibetan Works)», tr. by W. Woodville Rockhill, L., 1907, стр. 62.

[34] Idam tarhi kṣaudrakāṇamapatyaṃ mālavānāmapatyamiti atrāpi kṣaudrakyaḥ mālavya iti naitatteṣāṃ dāse va bhavati karmakare vā (Patañjali, II, 269). Кармакары — свободные наемные работники.

[35] См. «Bhadda-sāla-Jātaka», № 465; «Jātaka» (ed. by V. Fausboll, I—VI, L., 1887—1896), IV, стр. 92—93.

[36] «Kuṇāla-Jātaka», № 536; «Jātaka», V, стр. 413; Buddhaghosha, Sumaṅgala-vilāsīnī, Buddaghosa's Commentary on the Dīgha-Nikāya, ed. by W. Stede, II, L., 1931 (Pāli Text Society), стр. 672—673.

ные об использовании рабов в сельском хозяйстве и в различных сферах домашнего хозяйства [37]. В данной связи могут представить интерес сообщения «Махавасту» (III, 176—178) об обязанностях домохозяина, которые излагает кшатрий: «Он должен следить за рабами, рабынями, слугами (dāsidāsakarmakarapauruṣeya veṣṭetavya), за тем, чтобы земли и имущество хорошо охранялись (grāmāni ca bhogāni ca paripālayitivyāni; grāma — дословно деревня); он должен регулярно проверять работу, которая должна быть сделана (karmāntāni kālānukālaṃ pratyavekṣitavyāni); он должен следить, чтобы злаки различных сортов были посеяны, огорожены (собраны) и осмотрены (nānāprakārāṇi dhānyajātīni ropayitavyāni niveṣṭitavyāni pratyavekṣitavyāni ca)». Совершенно очевидно, что в этих частных земледельческих хозяйствах, принадлежащих кшатриям, рабы составляли одну из основных рабочих сил. Они наряду с кармакарами выполняли различные земледельческие работы, обрабатывали землю, проводили орошение, собирали урожай. В палийской «Винае» (II, 180) молодой кшатрий из шакьев, перечисляя обязанности «мирянина», заявляет: «Нужно отдать приказ обработать землю и провести ее орошение. Во время орошения уровень воды должен быть везде одинаков... Когда урожай созреет, нужно приказать его собрать и отвеять мякину от зерна» [38]. Этот отрывок не только указывает на земледельческий характер хозяйств, принадлежащих кшатриям, но и позволяет думать, что приказания, которые отдавались хозяевами, относились прежде всего к рабам, принадлежащим кшатриям. Свидетельство джатак о рабынях, выполняющих работу в сантгхагаре — специальном зале для заседаний, позволяет предполагать и существование наряду с частными также и государственных рабов (рабов, считавшихся, очевидно, собственностью ганы) [39].

Индийский исследователь Д. Чанана справедливо отмечал некоторые отличия в применении рабского труда в немонархических государствах (олигархиях) и монархиях, прежде всего в армии. В немонархических государствах армия состояла исключительно из знати, и доступ в нее был полностью закрыт для рабов (и также для ремесленников, торговцев, брахманов) [40].

Однако несмотря на определенную специфику в использовании и положении рабов в указанных ганах и сангхах, связанную с особенностями их политической структуры, эти политические образования, как и монархии, представляли собой классовые общества, где существовало четкое деление на рабов и свободных. Более того, мы можем даже говорить о существовании острых классовых противоречий в немонархических государствах. Источники сохранили нам одно чрезвычайно интересное сообщение об открытом недовольстве рабов в гане шакьев, которые напали на жен полноправных шакьев (Sakiya-dāsakā avaruddha honti...) [41].

При анализе классовой структуры и уровня развития общества ган весьма существенным является вопрос о характере землевладения, о том, в чьих руках находился земельный фонд этих республиканских государств. Часть земель считалась собственностью всей ганы, и только гана могла решить судьбу этой земельной территории. Об этом свидетельствует упомянутый текст о ссоре между шакьями и коллиями из-за распределения

[37] См. Д. Р. Чанана, Рабство в древней Индии, пер. с англ., М., 1964, стр. 172—176.

[38] Цитируем по кн.: Чанана, ук. соч., стр. 75.

[39] «Bhadda-sāla-Jātaka», стр. 93.

[40] Чанана, ук. соч., стр. 172—176. См. также Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин, Предисловие [к книге Чанана], стр. 13—14.

[41] «Nināya-Piṭaka» (ed. by H. Oldenberg, I—IV, L., 1880—1882), IV, стр. 181—182.

воды, необходимой для орошения, где в спор, начатый рабами, рабынями и кармакарами (свободными наемными работниками) обоих государств, были втянуты государственные чиновники. Здесь речь, очевидно, идет не о частном хозяйстве, а о государственных полях, ирригацию которых вели рабы и кармакары. Однако фактически эти государственные земли были подвластны правящему сословию — кшатриям. Ведь при споре шакьев с коллиями последней инстанцией явились кшатрии-раджи.

Вместе с тем в ганах существовало и частное землевладение. Крупными частными собственниками земли были прежде всего военная аристократия — кшатрии, а также богатые вайшьи. В «Махавасту» (III, 176—177) один из кшатриев-раджей, излагая обязанности домохозяев, говорит, что он должен следить за тем, чтобы земли и имущество хорошо сохранялись, чтобы злаки различных сортов были посеяны, огорожены (собраны) и осмотрены. Здесь речь безусловно идет о частных поместьях кшатриев. Сходные данные содержатся и в палийской «Винае» (II, 180), на которую мы уже ссылались.

О существовании земледельческих хозяйств кшатриев говорит и указание одной из джатак, рассказывающей о молодых кшатриях, которые в торжественный день vappamaṅgala — начала пахоты — берут в руки плуг для открытия специальной церемонии [42]. Это сообщение указывает и на патриархальный характер хозяйств, хотя описанная церемония, очевидно, была скорее традицией, чем отражением действительного положения.

Картина, которая вырисовывается из сообщений источников о частных земледельческих хозяйствах кшатриев в развитых ганах, отличалась от той, которую можно воссоздать для монархий, где, кроме значительного царского земельного фонда, существовали частные владения брахманов и земли, пожалованные различным государственным чиновникам. В ганах владение землей делало кшатриев экономически более независимыми от центральной власти и служило, очевидно, основой их могущества и особого статуса.

В джайнском сочинении «Увасагадасао» рассказывается о зажиточном домохозяине из личчхавов, который, став последователем Махавиры, решил отказаться от владения землей (khettavatthu), оставляя себе 500 плугов и на каждый плуг 100 ниятганов (niyattaṇas, скр. nivarttana) [43] земли, от владения скотом, кроме 4 стад — каждого из 10 000 голов скота [44]. Цифры, приводимые в этом джайнском источнике, вряд ли соответствуют действительности. Они явно преувеличены и скорее являются традиционным описанием богатства. Однако сам факт такого описания владений частного лица весьма показателен и может указывать на сосредоточение в ганах значительного земельного фонда в руках отдельных лиц.

Об уровне социально-экономического развития могут свидетельствовать и данные источников о ремесле и торговле в ганах, о развитии здесь товарно-денежных отношений.

Судя по перечислению в «Махавасту» ремесленников Капилавасту, в ремесле уже существовала значительная специализация. Здесь упоминаются ювелиры (maṇikārakā), золотых дел мастера (sauvarṇikā), резчики по камню (prastārikā), парфюмеры (gandhikā), медники (tāmrakuṭṭā), гончары (kubhakārā), кожевники (carmakārā), ткачи (ūrṇavāyakā), плотники (vardhikarūpakārakā), строители (sthapitasūtravārā) и др. Ремесленники были, очевидно, объединены в особые организации — *шрени* (śreṇi), во главе которых стояли главы *шрени*. На это указывают, например, свидетельства «Махавасту». Такие же корпорации существовали и у тор-

[42] Чанана, ук. соч., стр. 75.
[43] Мера земельной собственности.
[44] «Uvāsagadasāo», II, стр. 52—54.

говцев [45]. Большую роль играла в ганах торговля, приносившая, видимо, большие выгоды. Ею, судя по комментарию Буддхагхоши, занимались не только вайшьи, но и кшатрии [46], снаряжавшие караваны. То, что представители правящей военной аристократии сами занимались торговлей, может, очевидно, указывать на некоторую неразвитость товарно-денежных отношений. Торговые пути связывали столицы отдельных республик, например, Кусинару и Паву [47], Весали и Капилавасту [48].

К сожалению, нам почти ничего не известно о взаимоотношениях центральной власти с ремесленниками и торговцами, однако логично полагать, что они подчинялись гане и должны были следовать ее распоряжениям. Можно предполагать, что они платили центральной власти налоги. О существовании определенных поборов нам известно из комментария Буддхагхоши. «Суманагалавиласини» (I, 338) сообщает о поборах, взимаемых с людей, проходивших через ворота в Весали.

Весьма важным показателем высокого уровня развития республиканских ган является существование в некоторых из них монеты. Данные об этом особенно многочисленны в отношении ган и сангх первых веков нашей эры. В этот период ганы представляли собой уже довольно развитые государства. Денежное хозяйство окончательно подрывало основы родового строя, который абсолютно несовместим с денежным хозяйством [49].

Особенности сословной организации. Хотя материалы источников о сословной организации в рассматриваемых республиках немногочисленны, все же удается проследить четкое деление на четыре варны — кшатрии, брахманы, вайшьи, шудры [50], что, возможно, свидетельствует о сравнительно высоком уровне общественной и классовой структуры. Высокое положение кшатриев, особенно в период создания государств в долине Ганга, нашло отражение в буддийских источниках, где традиционная брахманская схема сословной организации — брахманы — кшатрии-вайшьи — шудры — приняла иную форму, и первое место в ней заняли кшатрии. Можно думать, что немалое влияние на формирование буддийского учения о сословно-кастовой организации оказал особый статус кшатриев именно в ганах и сангхах, политическая структура которых явилась, как известно, своего рода моделью при оформлении внутренней организации буддийской общины-сангхи.

По сравнению с монархиями в республиках статус брахманов не был столь высок, хотя и здесь они пытались сохранить свои привилегии. Особый интерес представляет комментарий Кашики к одной из сутр Панини (V, 3, 114), говорящей о проживании брахманов наряду с кшатриями в сангхе вахиков, охарактеризованной как «сангха, живущая оружием».

Согласно Кашике, в сангхах лишь кшатрии (rājanya) обладали исключительным статусом и имели отличное от других обозначение, а брахманы только в особых случаях, которые, к сожалению, нам неизвестны, могли добиться того же обозначения, что и кшатрии [51], т. е., по-видимому, достичь равного с ними положения.

---

[45] Śreṣṭhapramukho vaṇiggrāmo.

[46] «Sumaṅgala-vilāsinī», II, стр. 569: tāva vāṇijjan karonti.

[47] Там же.

[48] «Vināya-Piṭaka», II, стр. 253.

[49] См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1945, стр. 127.

[50] Подробнее см. Г. М. Бонгард-Левин, Особенности сословно-кастовой организации в ганах и сангхах Древней Индии, сб. «Касты в Индии», М., 1965, стр. 109—132.

[51]... brāhmane tadviśeṣagrahaṇam. rājanye tu svarūpagrahaṇameva. (Kaśikā, II, стр. 66) (Kaśikā, A Commentary on Pāṇini's Grammatical Aphorisms by Paṇḍit Jayāditya, ed. by Bāla Śāstrī, Benares, 1876).

В связи с рассмотрением статуса брахманов в сангхах и ганах заслуживает внимание частое упоминание брахманов вместе с вайшьями (brāhmaṇa-gṛhapatāyaḥ) при описании жизни и внутреннего управления республик [52]. В сообщениях источников о варнах в монархиях брахманы обычно выступают самостоятельно (в брахманских «законах» — шастрах — как первая высшая варна, в буддийских — вслед за кшатриями), а если и связаны с представителями других варн, то, как правило, с кшатриями. Указанные же выше свидетельства о связи брахманов с вайшьями мы склонны трактовать не как случайное сочетание, а как отражение действительного положения брахманов и вайшьев в республиканских государствах. В сангхах и ганах кшатрии обычно были противопоставлены всему остальному населению, причем брахманы часто оказывались в одной группе с остальным свободным населением, прежде всего, конечно, с вайшьями, хотя в особых случаях, судя по свидетельству Кашики, они могли достичь и более высокого положения. В «Амбаттха-суте Дикха-Никаи» (III, I, 9—16) приводится рассказ брахмана Амбаттхи о посещении им ганы шакьев. Амбаттха рассказывает, что когда он был в Капилавасту — главном городе шакьев — и присутствовал в сангхагаре, то шакьи не проявили к нему уважения и даже не предложили там места. Можно сослаться на комментарии Буддхагхоши (Paraŭcasūdanī, II, 273), который показывает, что под шакьями в сангхагаре подразумевались кшатрии, прошедшие обряд посвящения и носившие титул rāja, а также молодые кшатрии, еще не прошедшие этого обряда. Интересна и позиция Будды в этом споре. Отвечая Амбаттхе, он не отрицал, что у шакьев существует такое отношение к брахманам (прежде всего со стороны кшатриев), но решительно возражал против нападок на шакьев.

В связи с указанным положением брахманов соблазнительно трактовать и те нелестные суждения о народах под властью сангхи и ганы, которые содержатся в эпосе. Брахманы гневно осуждали обычаи этих народов, их социальную организацию, отход от брахманского образа жизни. Можно думать, что негодование брахманов в значительной степени было вызвано тем, что в ганах и сангхах существовали более демократические порядки, чем в монархиях, и брахманы не занимали здесь особого положения и не пользовались исключительными правами.

Источники сохранили немало сообщений и о различных разрядах вайшьев: о ремесленниках, торговцах, земледельцах. Рассказывая о тех, кто вышел встречать Будду в гане шакьев — в Капилавасту, «Махавасту» перечисляет ремесленников разных профессий. Судя по имеющимся материалам, вайшьи играли в ганах и сангхах довольно значительную роль. Об этом могут свидетельствовать, например, сообщения источников об участии вайшьев наряду с брахманами в заседаниях ганы и обсуждении ими ряда вопросов. В этом особенно ярко проявилось различие в положении вайшьев в ганах и сангхах по сравнению с монархиями, где фактически уже утратили свое значение принципы участия представителей народа (в том числе и вайшьев) в решении государственных вопросов.

В республиканских образованиях, где брахманы не занимали позиций первого ведущего сословия, где особенности политической организации оказывали определенное влияние на взаимоотношения варн друг с другом, допуская представителей полноправного свободного населения к участию в собраниях ганы, где ремесло и торговля достигли высокого

---

[52] «Vināyavastu. Gilgit Manuscripts» III, стр. 224, 225, 228 и 233; II, ч. 1, стр. 13—14. В тексте дано: брахманы и домохозяева. Обычно под gṛhapati (домохозяин) имелся в виду представитель варны вайшьев.

развития, должно было особенно усилиться влияние многочисленного сословия вайшьев.

К сожалению, наши свидетельства о положении в республиках варны шудр весьма отрывочны. Комментарий Патанджали (II, 269) позволяет говорить о том, что положение некоторых групп шудр (в тексте речь идет о свободных наемных работниках — кармакарах) приближалось к рабскому состоянию и резко отличалось от положения высшей привилегированной варны — кшатриев. В источниках встречаются сообщения об использовании труда кармакаров на ирригационных работах.

В связи с изучением сословной организации в ганах и сангхах особый интерес могут представлять сообщения источников о делении главного города ганы личчхавов — Весали на три части, в которых проживали три разряда населения: высший, средний и низший. Представляется возможным увязывать эти данные не только с имущественным, но и с сословным делением, хотя речь безусловно идет не о прямом соответствии указанных делений сословиям — варнам.

Согласно «Чиваравасту» и тибетской «Дулве», для упоминавшихся уже высшего, среднего и низшего разрядов населения Весали между ними были закреплены различия [53], что отражалось, например, на брачных отношениях. Девушка, рожденная в высшей группе (skandha), не могла быть выдана замуж в средний или низший разряд, но только в высший, а девушка, рожденная в среднем, могла быть выдана замуж в высший и средний, но не в низший разряд; рожденная же в низшей группе могла быть выдана замуж в любой из трех разрядов. Вместе с тем у личчхавов существовало и специальное правило, по которому девушка могла выйти замуж только за жителя Весали [54]. Эти обычаи, принявшие в государстве личчхавов форму постановлений, изданных от имени ганы, весьма напоминают те «правила» в отношении браков между представителями разных варн, которые мы находим во многих индийских источниках. Но в брахманских «законах» высшей варной признаются брахманы, у личчхавов же в высшую группу населения входили кшатрии. В пользу этого может свидетельствовать сообщение «Чиваравасту» о том, что бывший главный сановник царя Бимбисары Кханда по прибытию в Весали был поселен в высшей (первой) части города на том основании, что он был «главный» (pradhāna) [55]. Материалы эпоса говорят об особом положении «главных» (pradhānas) в гане, которые обладали наибольшей властью и могли обсуждать важные вопросы. Только среди главных (pradhāneṣu), согласно «Бхишме», можно сохранить мантру, но не среди всей ганы (na gaṇaḥ kṛtsnaśo). Комментарий Буддхагхоши позволяет говорить о том, что под главными в гане (pradhāna, pramukha) имелись в виду кшатрии, носившие титул «rājā». Джайнские сочинения сообщают о делении Весали на кшатрийскую и брахманскую части [56], что, очевидно, соответствует подразделениям «Чиваравасту» и «Дулвы». Показательно, что источник не только различает кшатрийскую часть от брахманской, но и располагает в тексте кшатрийскую раньше брахманской. О возможном соотношении этих разрядов города и живущего в них населения с сословными говорит свидетельство «Чиваравасту» о проживании очень богатого домохозяина — вайшьи Маханамы — не в первой, главной части города, где жили, по нашему мнению, кшатрии. Хотя варновая принадлежность лишь частично охватывала содержание тех разрядов,

[53] См. «Cīvaravastu. Gilgit Manuscripts», III, ч. II, стр. 6; Rockhill, The Life of the Buddha, стр. 62.

[54] kanyaya anirvahaḥ nānyatra diyatu iti.

[55] khaṇḍasya pradhānapuruṣo iti kṛtvā prathame skandhe gṛhaṃ dattaṃ.

[56] «Uvāsagadasāo», II, стр. 4—6.

на которые делилось население, однако вряд ли возможно отрицать всякую связь между варновым делением и подразделением на три разряда.

В целом сравнение материалов о сословной организации в монархических и немонархических государствах (республиках) показывает, что, если в монархиях основной водораздел лежал между свободными и рабами, с одной стороны, между «дваждырожденными» и прежде всего двумя первыми варнами и «однорожденными», с другой, то в республиках (и прежде всего, конечно, в аристократических), где в основе также лежало классовое деление на свободных и рабов и где положение шудр также резко отличалось от положения других варн, противопоставление варн выражалось в принадлежности или не принадлежности к кшатрийству, к правящим кшатрийским семьям. Кшатрии были резко отграничены от всего остального свободного населения, которое, несмотря на существование среди него ясных различий по варнам, образовало как бы общую, иную по отношению к кшатрийству группу [57].

* * *

Наряду с сословным делением в ганах существовало и более широкое подразделение: на внутренних (antara, abhyantara) и внешних (bahīra) жителей. Такое деление весьма сходно с положением в античных республиках. «Махавасту» (I, 271) повествует о встрече Будды в Весали, в которой приняли участие как жители собственно Весали (abhyantara vaiśālkas), так и жители пригородов столицы (bahīra vaiśālakas). Несмотря на скудость наших данных, можно говорить как об определенных различиях в положении этих групп, так и о более высоком статусе «жителей собственно Весали» (antaravāsikā, abhyantara-vaiśālakas). Буддхагхоша в комментарии к «Чуласаччакасутте» называет 500 личчхавов, собравшихся в сангхагаре — зале заседаний,— antevāsikā «внутренние жители»[58]. Известно, что в сантхагаре заседали самые знатные жители [59], по-видимому, представители кшатриев. Комментарий Буддхагхоши (там же) называет этих личчхавов раджами (pañcamattāni Licchavirājasatāni). Хотя кшатрии и включались в разряд «внутренних жителей», но ими не ограничивалось это подразделение. Оно охватывало, очевидно, более широкие слои столичного города.

В данной связи интересно указать на мнение ряда исследователей о существовании понятия гражданства (bhakti) в некоторых ганах и сангхах. К этому выводу на основании анализа свидетельств Панини и его комментаторов пришли Джаясвал (HP, 99—100), а затем и Агравала (IKP, 430—431).

Согласно Джаясвалу, права гражданства распространялись не только на жителей исконной территории ганы, но и на население тех районов, которые были присоединены к ней. В качестве примера бхакти (bhakti) Кашика приводил сангхи мадров (Madraka) и личчхавов (Vṛjika).

Основные черты политической организации. 1) Отсутствие единодержавного правителя. Функции главы ганы. Как уже было показано выше, в рассматриваемых государствах не было наследственного правителя, обладавшего единодержавной властью. Глава ганы, носивший обычно титул rājā, senāpati, pramukha, назначал-

[57] Подробнее см. Г. М. Бонгард-Левин, О сословной организации в ганах и сангхах древней Индии (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук), М., 1964.

[58] См. «Papañcasūdanī Majjhīma-nikāyaṭṭhakathā of Buddhaghoshācarya» ed. by J. H. Woods and D. Kosambi, II , L., 1928 (Pāli Text Society), стр. 273.

[59] В тексте их собрание названо mahati (mahati Licchaviparisā).

ся (выбирался) ганой и мог быть ею при определенных обстоятельствах смещен. В «Чиваравасту» рассказывается о том, как после смерти главы (senāpati) ганы личчхавов ее главой стал Кханда — бывший сановник магадхского царя Бимбисары, проживавший в Весали, столице страны, и принимавший активное участие в заседаниях ганы. Когда же скончался и Кханда, то гана Весали вновь собралась, чтобы решить вопрос о новом сенапати [60]. В гане было высказано мнение о назначении главой сына Кханды, однако это решение диктовалось не обычаем наследования, а лишь заслугами умершего Кханды перед ганой: «Поскольку Кханда защищал гану, то поставим (на должность сенапати) его сына (khaṇḍena... gaṇaḥ paripālitaḥ tasyaiva putraṃ sthāpayama iti)».

После обсуждения кандидатур [61] было принято решение назначить Синху, младшего сына Кханды: «Если он понравится гане, то назначим (досл. «поставим») его сенапати» [62]. После всеобщего одобрения (sarvesamabbrirucittaṃ) представители ганы направились к Синхе и предложили ему пост сенапати. Синха стал отказываться в пользу своего старшего брата, но представители ганы твердо заявили: «Должность сенапати (senāpatyaṃ) не переходит от твоих предков по наследству (na yuṣmakaṃ kulakramāgataṃ senāpatyaṃ) и только тот будет сенапати, кто понравится гане (yo gaṇasyābhirucitaḥ sa senāpatirbhavati). Если, о почтенный, (он) не понравится, то мы назначим другого сенапати (yadi bhavato nābhirucitaṃ vayamanyaṃ senāpatiṃ sthāpayāma)».

Показательно, что гана выступает в качестве активного лица, решающего вопрос о своем правителе, который должен был следовать желаниям и помыслам ганы. Именно этим и руководствовалась гана Весали, назначая Синху сенапати [63]. Судя по тексту «Чиваравасту», гана могла решать вопрос о сенапати и без присутствия кандидата и объявить о своем решении будущему сенапати после принятия единого мнения. В «Махабхарате» подчеркивается, что глава ганы являлся ее слугой [64]. Он должен был, согласно Кауталье, согласовывать свои действия с мыслями и намерениями всех других членов объединения [65]. Очевидно, глава ганы, как правило, был ответствен перед ганой и обладал исполнительной властью. Даже глава ганы Синха не мог без согласия ганы отдать свою дочь в жены царю Бимбисаре, так как существовало правило, закрепленное ганой, запрещающее выдавать замуж девушку из Весали за мужчину, живущего вне этого города. Постановления, принятые ганой, издавались, судя по «Чиваравасту», от имени ганы, хотя и с указанием имени ее главы. Например, «Гана, возглавляемая Кхандой, приказывает следующее... (khaṇḍapramukho gaṇa ājñāpayati...)». Сходное сообщение сохранилось и в эпиграфике: в надписи III в. н. э. говорится о Махасенапати, стоявшем во главе (букв. «поставлен впереди») ганы Yandheya (Yandheya-gaṇapuraskṛta).

Хотя «Чиваравасту» в целом говорит об отсутствии наследования поста сенапати — главы ганы — и срочности его полномочий, но некоторые данные могут, по-видимому, указывать уже на бытование определенных черт обычая наследования. В «Чуллавагге» (VII, 1, 4) повествуется, например, о главе (rājā) шакьев Бхаддии, который, решив оставить мирскую

[60] Vaiśālako gaṇaḥ saṃnipatitaḥ. Kiṃ vayaṃ senāpatiṃ sthāpayama «гана Весали собралась. Кого мы поставим на (пост) сенапати?».

[61] eke kathayanti... apare kathayanti «одни говорили, другие говорили».

[62] yadi gaṇasya abhirucitaṃ taṃ senāpatiṃ sthāpayama iti.

[63] sa... śaknoti gaṇasya cittamārāgayituṃ.

[64] Mbh., XII, 81,5: dāsyamaiśvaryavādena...; ср. НР, стр. 164—165.

[65] «Артхашастра», стр. 435. О данном толковании см. Г. М. Бонгард-Левин, К выходу в свет русского перевода «Артхашастры», «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 246.

жизнь, просит своего друга подождать семь дней, пока он передает управление страной своим сыновьям и братьям (putte ca bhātare ca rajjaṃ niyyādemi). Показательно, что в «Чиваравасту» старший сын умершего главы ганы, не назначенный сенапати, требует у ганы изменения решения в его пользу. Несмотря на определенный демократизм политической организации указанных ган и выборность ганой своего главы, последний должен был принадлежать, очевидно, к сословию кшатриев. Об этом говорят как конкретные примеры, зафиксированные в источниках, так и общий характер классовой структуры этих государств. «Махавасту» (III, 179—180) рассказывает, что когда один из шакьев Упали, сын цирюльника, обратился к главе шакьев, радже Суддходане по имени, то его советники были возмущены тем, что Упали, принадлежащий к низкорожденным (hīnajātyo), осмелился назвать по имени главу шакьев. Это сообщение соблазнительно увязать со свидетельством Патанджали о том, что только кшатрии получают в сангхах особое наименование.

2. Власть ганы. Ее состав. Под ганой понималось не только страна с особой формой правления, но и орган власти. В «Маджхима-Никае» (I, 230—231) с ганой и сангхой сравнивается единодержавный монарх; они обладают в своих странах такой властью, что человек может быть ими убит, наказан и изгнан, если он этого заслужил. Показательно, что при различии форм правления источник устанавливает близкий внутренний статус, когда носитель власти (будь то царь или гана) обладал значительными, почти исключительными полномочиями в отношении жителей этих государств. Именно ганой принимались основные решения, выполнение которых считалось обязательным. Источники говорят об издании ганой Весали ряда постановлений (vaiśālyāṃ gaṇena kriyākārā vyavasthāpitāḥ), касающихся, в частности, брака, отдельных вопросов внутреннего распорядка. За невыполнение этих постановлений с нарушителя взимался штраф, его могли подвергнуть даже смертной казни. Согласно текстам «Винаи», одной из буддийских сект муласарвастивадинов, гана маллов издала постановление, за нарушение которого ганой был установлен штраф в 60 каршапан (ca gaṇena ṣaṣṭiṃ kārṣapaṇāṃ daṇḍya iti). Интересно, что этого наказания ганы боится даже важный сановник маллов (mallamahāmātra) по имени Роча, которому гана не разрешила нарушить установленное правило. Должен был подвергнуться наказанию и домохозяин Дварака из Весали, не слышавший этого постановления. «Махавасту» (III, 256) рассказывает об издании шакьями распоряжения, в котором не разрешалось никому говорить Рахуле о его родственной связи с Буддой. Нарушителя ждало суровое возмездие — смертная казнь (ghoṣaṇā kārāpitā bhavanto na kenacidrahulasyācikṣitavyaṃ tvaṃ nityakaṃ putro tiyo ācikṣiṣyati tasya vadho daṇḍo).

Гана рассматривалась как высший орган власти, и все дела, связанные с порядками в стране, нужно было согласовать с ганой. Сторож парка говорит сыну умершего главы ганы, что обо всех делах, касавшихся парка, следует сообщать гане (udyānasyārthāya gaṇaṃ vijñāpayāmi). Гана разбирала, очевидно, и дела отдельных граждан государства. Согласно свидетельству палийской «Винаи», один из личчхавов обращается к гане с просьбой подобрать ему подходящую жену. Он информировал гану об измене своей супруги.

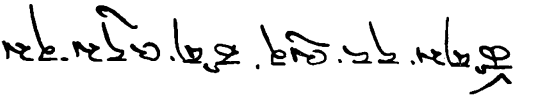
Гана назначала специальных лиц для выполнения ее решений. «Махавасту» (I, 254) рассказывает, что когда среди личчхавов распространилась эпидемия, то гана направила к Будде своего предводителя (mahattaraka) Томару (so gaṇena adhyeṣya preṣito), чтобы пригласить его в Весали. Хотя Томара был облечен важными полномочиями, но он выступал лишь как представитель ганы, как исполнитель ее приказов. Он не мог

сам, без согласия ганы, решить ряд возникших вопросов. Когда Томара прибыл к Будде, то последний согласился прийти в Весали, но только с разрешения царя Бимбисары, который пригласил к себе Будду. Бимбисара поставил перед Томарой ряд условий, которые Томара не мог решить без ганы. Томара сообщил гане (vaiśālim gaṇasya dūtaṃ preṣayasi) условие Бимбисары, и только когда получил ее решение, он передал его Бимбисаре. Гана уполномочила Томару передать от имени ганы (lecchavigaṇesya vacanena) согласие с условиями Бимбисары.

Таким образом, гана рассматривалась как высший законодательный орган в стране и обладала административными, судебными и, очевидно, финансовыми функциями. Несмотря на немногочисленность имеющихся данных, можно заключить, что собрание ганы представляло собой своего рода народное собрание, на котором могли присутствовать все полноправные свободные жители.

В «Чиваравасту» рассказывается, например, о приглашении Кханды посетить собрание ганы [66]. Когда же, наконец, Кханда согласился высказать перед ганой свое суждение, то он «собрался в нигаме и высказал свое мнение» (sa ca nigame saṃnipatati mataṃ cānuprayacchati).

Среди многочисленных значений слова nigama наиболее подходящим в данном случае является, очевидно, «определенное место в городе для собраний» [67]. Тибетский перевод разъясняет текст как



(«Cīvaravastu», стр. 6) «собравшись вместе с массой». Комментируя текст «Дикха-Никаи», Буддхагхоша (II, стр. 68) писал, что под ганами и сангхами, которые вели спор о реликвиях Будды, имелись в виду собрания ган и сангх (досл. «собравшиеся») (samāgatasaṅghānañ samāgata-gaṇānan).

В «Дикха-Никае» (XVI, I, 4) сохранилось перечисление семи условий непобедимости и процветания ганы личчхавов, составление которых традиция приписывает Будде. Обращаясь к своему ученику Ананде, Будда говорил: «Пока у Вадджи (т. е. личчхавов.— *Г. Б.-Л.*) будут регулярные (abhiṇhā) и полные (bahulā) собрания (sannipātā), до тех пор у них будет процветание (vuddhi), а не запустение (parihāni); пока они будут единодушно собираться (samaggā sannipatissanti), единодушно действовать (samaggā vuṭṭha hisanti) и единодушно решать свои дела (samaggā vajjikaraṇīyāni karissanti), до тех пор у них будет процветание, а не запустение». Комментарий Буддхагхоши (стр. 517—518) помогает уяснить содержание терминов sannipātā и samaggā, связанных, очевидно, с собранием ганы. Поясняя samaggā sannipatanti, он указывал, что все с о б и р а ю т с я, услышав звук барабана. Буддхагхоша (стр. 517—518) дал свой комментарий и к фразе te saṅghe gaṇeme «сангхи, ганы», разъяснив ее смысл. По его мнению, под ними подразумеваются все жители города (sabbe pi te satta-nagara-vāsike).

---

[66] yadā gaṇaḥ saṃnipatati tadāsavāhūyamāno'pi na saṃnipatati. sa vaiśālakairucyate, Khaṇḍa kasmāt tvaṃ na saṃnipatasīti. «Когда гана собралась, то тогда он, хотя и был приглашен,не пришел. И вайшалийцы спросили его: „Почему же ты, Кханда, не приходишь на собрания (досл. „не собираешься“)?“».

[67] Одно из первых значений — «город, небольшой город», часто противопоставляемый деревне; это широкое значение здесь вряд ли подходит. Подробнее см. НР, стр. 242—244.

Данные «Дикха-Никаи» и комментарий Буддхагхоши свидетельствуют о регулярности и постоянности собраний ганы. Разъясняя значение термина abhiṅhā (постоянные) и bahubā (полные), «Сумагнала-виласини» отмечала: «собирались три раза день за днем и в промежутки собирались — такие называются регулярными; вчера собирались и в предыдущий день собирались и сегодня снова по какому-нибудь делу собирались и не прекращаются (собрания) — (такие) собрания являются полными». «Если же постоянно не собираются и расходятся по разным районам и не слушают приказа,— пишет Буддхагхоша, — то тогда не знают, что нарушены границы деревень и городов и что разбойники наводнили такое-то место».

Благодаря гильгитским текстам Винаи мы узнаем о том, что в состав ганы входили брахманы и вайшьи,— в гильгитских документах повествуется о том, как домохозяин из Весали не выполнил распоряжения ганы. Согласно тексту, весалийцы — брахманы и вайшьи — собрались вместе и направились к его дому, заявив домохозяину, что пришла весалийская гана (vaiśālako gaṇaḥ). Домохозяин вышел к гане и стал оправдываться в своих действиях.

То, что в состав ганы входили брахманы и вайшьи, особенно ясно устанавливается по «Чиваравасту», рассказывающей о Маханаме и его дочери. Когда гана Весали узнала о желании Маханамы выдать замуж свою дочь, она приняла решение собраться и посмотреть невесту. Когда гана собралась, то Маханама обратился к ней со словами: «О почтенные, брахманы и домохозяева, дочь находится в моем саду!» (bhavanto brāhmaṇā gṛhapataya mamodyāne dārikā utpannā). «Чиваравасту» рассказывает также, что когда Кханда сбежал от Бидусары и поселился у личчхавов, то жители Весали (vaiśālakair) стали приглашать Кханду на собрания ганы (gaṇa saṃnipatati). В тексте несколько раз равнозначно употреблены гана и жители Весали — личчхавы (vaiśālakā licchavayas). Ту же тождественность терминов мы встречаем и при описании истории Гопы, который, узнав о назначении сенапати своего младшего брата, пришел в весалийскую гану (vaiśālaka gaṇa) и среди весалийцев-личчхавов (vaiśālakānāṃ licchavīnāṃ) защищал свои притязания на этот пост.

Томара, посланный ганой и облеченный полномочиями передать царю Бимбисаре согласие с условиями последнего, действовал от имени ганы личчхавов (lecchavigaṇesya vacanena) или от имени весалийцев-личчхавов (vaiśālakānāṃ licchavīnāṃ vacanena), причем оба выражения употребляются в тексте как равнозначные. Гана, таким образом, выступала от имени личчхавов (весалийцев) как совокупность свободных полноправных жителей.

В связи с приведенными материалами о гане, как органе власти, хотелось бы еще раз указать на некоторые черты, свойственные политической организации этих республиканских образований. Прежде всего в компетенцию ганы входило обсуждение различных вопросов, в том числе и таких, как вопрос о главе ганы. Решение утверждалось, согласно данным «Чиваравасту», лишь после всеобщего одобрения. В тибетской «Дулве» сохранились интересные свидетельства о процедуре обсуждения некоторых вопросов. Когда царь Косалы осадил Капилавасту и потребовал сдать город, то шакьи собрались для обсуждения вопроса — открывать ли ворота вражеской армии? Мнения разошлись: одни предлагали сдаться и впустить косалийцев, другие были против сдачи города. Было решено прибегнуть к голосованию и положиться на мнение большинства [68]. По-

[68] Rockhill, The Life of the Buddha, стр. 118—119.

казательно, что обсуждались и решались голосованием такие первостепенные вопросы, как сдача города врагу или выбор главы ганы.

Одним из наиболее существенных является вопрос о фактической власти в республиканских объединениях, о составе высшего органа власти, осуществлявшего практически управление страной. Понятно, что степень демократизма этих республик, их характер в значительной мере определялся тем, представлял ли высший орган власти народ или же лишь небольшую группу аристократии. Источники, которые имеются в нашем распоряжении, позволяют, хотя только в общей форме, говорить о различных типах республиканской власти в древней Индии. В одних государствах большую власть сохраняло народное собрание ганы, в других фактическая власть сосредотачивалась у аристократического совета. Судя по имеющимся данным, наибольшее значение имело собрание ганы у личчхавов, где оно рассматривалось как высшая законодательная власть. Правда, и здесь господствующее положение начинают приобретать кшатрии-раджи, составлявшие свой совет раджей. Такую форму республики с известными оговорками можно охарактеризовать как переходную от демократической к аристократической. Наряду с личчхавами существовали и такие республики, где народное собрание ганы значительно утрачивает свое значение и фактическая власть уже полностью находится в руках привилегированной прослойки кшатриев. Демократизм этих ган был прежде всего демократизмом для небольшой группы населения. Поэтому указанные государства следует характеризовать как аристократические республики.

3. Власть кшатриев. Аристократический совет. Господство кшатриев особенно ярко прослеживается на примере шакьев, хотя о власти кшатриев нами известно и в отношении других сангх и ган. Влияние кшатриев было настолько велико, а принадлежность к этой варне настолько определяющей, что во многих источниках (и брахманских и буддийских) некоторые ганы обозначаются, как кшатрийские. Кшатрии составляли в сангхах и ганах высшую привилегированную группу полноправных жителей, отграниченную от всего остального населения. Особенно показателен в этом отношении комментарий Патанджали (II, 269) на Панини (IV, I, 168), гласящий, что в сангхах маллавов и кшудраков такими терминами, как mālavya u kṣaudrakya, обозначаются только представители сословия кшатриев, но не другие разряды населения, такие, как рабы и кармакары [69]. Согласно Панини и его комментаторам, не все жители сангхи носили титул rājanya, а лишь потомки определенных кшатрийских родов [70], в сангхе Андхака-Вришни, например, так назывались только потомки Caitraka, Śini, Vāsudeva, Śvāphalaka, а другие, хотя и принадлежали к этой сангхе, но не обладали подобным статусом (Andhaka-Vṛṣṇayaḥ ete na tu rājanyāḥ) [71].

О влиянии именно кшатрийских семей (kula) и их роли в ганах и сангхах наглядно говорит сообщение «Кунала-джатаки» о том, что rājakulas являлись высшей инстанцией при разрешении спора о распределении воды между шакьями и колиями [72] — двумя немонархическими государственными образованиями (аристократическими республиками).

[69] idaṃ tārhi kṣaudrakānāmapatyaṃ mālavānāmapatyamiti. atrāpi kṣaudrakyaḥ mālavya iti naitatteṣāṃ dāse vā bhavati karmakāre vā, kiṃ tārhi. teṣameva kasmiṃścit.

[70] Кашика на Панини (VI, 2, 34) (см. Kāśikā, A Commentary on Pāṇinis's Grammatical Aphorisms, by Paṇḍit Jayāditya, ed. by Bāla Śāstrī, Benares, 1876, II, стр. 217).

[71] По Кашике (II, 217), среди кшатрийских семей лишь кшатрии, прошедшие обряд посвящения, назывались rājanya (rājanya-grahaṇamihābhisiktavaṃśyānāṃ kṣatriyānāṃ grahaṇārthaṃ).

[72] См. «Kuṇāla-Jātaka», № 536; Buddhaghosha, Sumaṅgala-vilāsinī, ч. II. стр. 672—673.

Источники показывают, что особой властью и влиянием в сангхах обладали кшатрии, носившие титул rājā, который они получали, судя по имеющимся свидетельствам, после прохождения специального обряда посвящения (Jātaka, IV, 148). У личчхавов, например, был специальный водоем, в котором кшатрии, носившие титул rājā,— представители кшатрийских семей (rāja-kula), совершали обряд посвящения (Vesālinagare Gaṇa-rājakulānām abhisekamaṅgala-pokkharaṇī —там же). Кшатрии-раджи ганы личчхавов зорко следили за неприкосновенностью водоема, который был обнесен плотной железной сеткой, чтобы, как говорится в тексте, «даже птица не могла проникнуть к воде». Каждого, кто пытался незаконным путем омыться в водоеме и совершить тем самым обряд, положенный лишь кшатриям ганы, ждало суровое возмездие (там же).

В республиках полноправные свободные жители, не входящие в варну кшатриев, имели право присутствовать на собраниях ганы, но, по-видимому, на руководящие посты обычно избирались кшатрии. Это прежде всего было характерно для аристократических республик. По свидетельству «Махабхараты» (XII, 107, 23), именно главные (mukhyas, pradhānas) обладали в гане наибольшей властью и решали особо важные вопросы. Говоря словами «Бхишмы», мантру можно сохранить лишь среди «главных» (pradhāneṣu): «Вся гана не должна слушать мантру» [73]. Комментарий Буддхагхоши к «Дикха-Никае» помогает установить, что «главными ганы» были представители кшатриев, носившие титул раджа [74]. Материалы эпоса, наряду с другими источниками, ясно показывают резкое отграничение кшатриев, обладавших наибольшей властью, от остальной ганы.

Судя по имеющимся материалам, именно кшатрии-раджи заседали в сантхагаре — специальном зале, где проходило обсуждение всех важнейших вопросов [75]. Сантхагара играл важную роль в политической жизни страны. Согласно Буддхагхоше, под многими шакьями в сантхагаре, о которых сообщает «Дикха-Никая» (III, 1, 13 — sambahulā Sakyā c'eva sakyā ku mārā), следует понимать раджей, прошедших обряд посвящения, и молодых кшатриев, еще не прошедших этого обряда [76]. Свидетельства источников о собраниях шакьев и маллов Буддхагхоша часто комментировал как свидетельство о собрании раджей [77].

В «Махавасту» (I, 354) рассказывается, как одна знатная женщина, бывшая жительница Капилавасту — столицы шакьев, отправляет туда своих сыновей, заявляя им, что знатные — главные из шакьев (sakya-mahāttarakā) — являются их родичами (jñātikā). Когда юноши вступили в город, то их встретили жители Капилавасту (mahājanakāyo), которые проводили их в сангхагару (saṃsthāgārā). В этом зале заседали 500 шакьев, которые собрались для решения важных дел (paṃcamātrāṇi ca śākyaśatāni saṃsthāgāre sannisaṇāni abhūnsu saṃnipatitāni kenacideva karaṇīyena); судя по тексту, это были представители кшатриев-раджей, которые очень обрадовались, увидев знатных юношей, а не людей низкого происхождения (na prakṛtena puruṣena).

[73] mantragupti pradhāneṣu... na gaṇaḥ kṛtsnaśo mantraṃ śrotumarhanti (Mbh., XII, 107, 24).

[74] Malla-pāmokkhā ti majjhima-vayā thāma-sampaṇṇā...Mallarājano («Sumaṅgala-vilāsinī», ч. II, 596).

[75] См., например, пояснения Буддхагхоши к слову Santhāga: rarājakulānam atthānusāsanasanthāgārasālāyan (Papañcasūdani», ч. II, 1928, стр. 271) и rajjaṃ anusāsano-sālā («Sumaṅgala-vilāsinī», I, стр. 256).

[76] Sakiya ti abhisitta rājāno. Sakiya-kumārā ti anabhisittā.

[77] См., например, комментарий на D — N, I, VI, 3—4.

В джатаках имеются свидетельства о собраниях раджей шакьев, созванных для решения ряда вопросов. В вводной части «Вессантара-джатаки» (№ 547) рассказывается о собрании раджей шакьев, которые обсуждали вопрос о встрече Будды. Согласно тексту, они приняли решение послать молодых кшатриев и кшатриек (rājakumāre ca rājakumāriyo ca) для встречи Будды. «Бхаддасала-джатака» (№ 465) излагает историю царевича Видудабхи и причины его похода против шакьев. Когда царь Косалы Пассенджит обратился к шакьям с просьбой отдать одну из девушек Капилавасту ему в жены, то шакьи,— судя по дальнейшему тексту речь идет о раджах шакьев,— собрались в сантхагаре для обсуждения этого дела.

Источники говорят не только о собраниях в сантхагаре кшатриев-раджей у шакьев, но также и в других ганах, например маллов. Согласно комментарию Буддхагхоши (II, 604—605), раджи маллов (Mallā-rājāno) особо украсили сантхагару (santhāgāra) для помещения там тела Будды. Тот же комментатор пояснил santhāgāra «как зал, где представители кшатрийских семей (rāja-kula) решали различные дела, связанные с управлением страной». Приведенные свидетельства позволяют, таким образом, разграничить собрания ганы, на которых могли, очевидно, присутствовать все полноправные жители, от собраний кшатриев-раджей, представляющих собой своего рода аристократический совет.

Мы не располагаем, к сожалению, материалами, позволяющими соотнести собрания ганы с собранием раджей — аристократическим советом. Возможно, что обсуждение вопросов проходило вначале в гане, а окончательное решение принималось советом раджей. Это определялось в значительной степени характером республиканской власти: в одних ганах (например, у личчхавов) были еще довольно сильны демократические принципы управления и большую роль играло народное собрание, в других — в аристократических республиках (у шакьев) — ведущее положение занимал уже совет знати — военной аристократии.

В сантхагаре, где заседали раджи, решались различные вопросы внутренней жизни, управления аристократических республик. Сообщая о сантхагаре, источники указывают на обсуждение там «каких-либо дел» (kenacid eva karaṇīyena), причем это выражение очень часто употребляется именно в связи с сантхагарой.

В палийском каноне сохранились данные, позволяющие представить в некоторой степени и процедуру обсуждения дел в сантхагаре. Присутствовавшие в сантхагаре сидели, места разделялись на восточные и западные [78]. Судя по имеющимся данным, в сантхагаре обычно заседали 500 кшатриев-раджей; эта цифра встречается в различных источниках, относящихся не только к шакьям, но также и к маллам. Перед нами скорее традиционное число, чем точное определение количества членов аристократического совета, хотя такие цифры известны и для ранних античных республик. В аристократический совет республик, очевидно, входили не все раджи, а лишь небольшая часть особо знатных и влиятельных кшатриев. Ведь, согласно джатакам, только в Весали проживало 7707 раджей.

Материалы «Лалитавистары» свидетельствуют, что между кшатриями шла борьба за получение титула «раджа». Согласно тексту, каждый из них старался заявить — «я раджа» [79]. Острая борьба за главенство велась, очевидно, и между отдельными семьями кшатриев (rāja-kula). Согласно «Махабхарате» (XII, 107, 10), алчность и зависть служат причиной,

[78] «Dīgha-Nikāya», XXXII, 4.
[79] «Lalitavistara», ed. by E. Lefmann, I, стр. 21.

рождающей соперничество (vairasandīpanāvetau lobhāmaṣau) между семьями раджей (kulānāñca rājām). В джатаках мы встречаем и более общее указание на то, что кшатрии-раджи Весали управляли страной (rajjaṃ karetvā) [80].

Очень интересное сообщение сохранилось в комментарии Буддхагхоши к Дикха-Никае — «Сумангала-виласини». Согласно ему, у маллов существовал обычай, по которому раджи маллов правят страной по очереди. Те же, до кого очередь еще не дошла, занимаются торговлей [81]. Трудно судить, насколько точно эти указания отражают действительное положение в ганах маллов, но в целом они соответствуют той политической организации, которая была характерна для ранних республиканских образований, где существовал принцип выборности.

Можно предполагать, что приведенные свидетельства касаются не всех кшатриев-раджей, а лишь тех, кто составлял коллективный орган, своего рода аристократический совет, члены которого по очереди становились должностными лицами и исполняли определенные обязанности по управлению страной.

Ведущая роль кшатриев в ганах ясно прослеживается и по материалам «Артхашастры». Согласно Кауталье, член сангхи мог быть осужден или отвергнут (возможно, изгнан) лишь теми, кто носил титул rāja-rāja-śabdibhiravaruddham avakṣiptaṃvā. Примечательно, что о главенстве военной аристократии говорят не только индийские, но и античные авторы, которые были хорошо осведомлены о политическом управлении государств Северо-Западной и Западной Индии, «многие из которых получили демократическое правление» (Diod., II, 39).

4. Некоторые разряды должностных лиц и система судопроизводства. Свидетельства источников о различных разрядах должностных лиц и их функциях в республиках очень отрывочны и не позволяют восстановить систему их управления. Однако сам факт существования штата должностных лиц, наделенных определенной властью, не вызывает сомнений. Кроме главы ганы, носящего титул — rājā, senāpati «предводитель войска», нам известно о махаматрах (mahāmattas) и аматьях (amacco) у личчхавов и маллов [82]. Судя по гильгитским документам, чиновники-махаматры, несмотря на свое высокое положение, должны были, очевидно, выполнять постановления ганы: махаматра маллов (mallamahāmatra) по имени Pora не мог отступить от решений ганы, боясь быть оштрафованным ею [83]. Мы уже приводили данные джатак и Буддхагхоши о споре шакьев с коллиями из-за воды реки Рохини. О споре, начатом рабами и рабынями, было доложено чиновникам-аматьям (amaccā). Буддхагхоша (II, 673) называет их niyuttaamaccā «назначенные аматьи». Эти чиновники, судя по тексту, занимали более низкое положение, чем раджи, которые являлись высшей инстанцией при разрешении спора. Джатаки (I, 316) сохранили свидетельство о многочисленной группе bhaṇḍagarikas, должностных лиц, ведавших, по-видимому, казной и запасами товаров. На существование особых разрядов должностных лиц указывают и античные авторы [84]. Благодаря комментарию Буддхагхоши до нас дошли некоторые данные о системе судопроизводства в гане личчхавов. Поясняя свидетельства Дикха-Никаи об условиях непобеди-

---

[80] «Ekapaṇṇa-jātaka», № 149, I, стр. 316.

[81] Mallaputo ti Mallarājaputto. Mallā kira vārena rajjan kārenti Yāva tesan vāro na pāpuṇati, tāva vānijjan karonti («Sumaṅgala-vilāsinī», II, стр. 569).

[82] «Samyukta-Nikāya», V, стр. 389—390; «Aṅguttara-Nikāya», IV, стр. 212; «Digha-Nikāya», III, 24, 1, 21; XVI, 22.

[83] «Gilgit Manuscripts», III, ч. I, стр. 242.

[84] См. ГУИМ, стр. 65, прим. 22.

мости этой ганы, он дал характеристику последовательности прохождения дела обвиняемого. Вначале обвиняемый направлялся к специальным чиновникам — vinicchaya-mahāmattas, которые решали вопрос о его виновности. Если его признавали виновным, то дело поступало на рассмотрение к чиновникам — vohārikas. Если и те не оправдывали его, а признавали виновным, то к разбирательству привлекали suttadhāras. Та же процедура распространялась и на следующие инстанции: aṭṭha-kulaka (очевидно, совет восьми), сенапати, упараджа и раджа. Если же и раджа (по-видимому, глава ганы) признавал обвиняемого виновным, его наказывали в соответствии с paveṇi-potthaka «книгой традиции» (т. е. книгой прецендентов)[85]. Трудно судить, насколько точно комментарий отражает действительную систему судопроизводства в республике личчхавов, но несомненный демократизм рисуемой Буддхагхошей картины хорошо согласуется со структурой политической организации этих образований. Напомним, что именно у личчхавов сохранилась важная роль народного собрания и были наиболее живучи демократические порядки.

Сообщение Буддхагхоши о «книге традиций» несомненно указывает на довольно развитую систему как судебного дела, так и системы управления в целом. Эти данные, наряду с материалами о различных разрядах должностных лиц, вряд ли дают какие-либо основания для сомнения в существовании отделенной от народа власти и ее органов.

Социальные отношения. В политической и социальной структуре республиканских государств можно проследить значительные пережитки родоплеменной организации. Судя по имеющимся материалам (буддийские источники, эпос), в изучаемых ганах и сангхах продолжало бытовать, хотя уже в очень небольшой мере, подразделение на готры (роды). Известно, например, о готрах у шакьев[86]. По традиции Будда происходил из готры Готама (Gautama). «Чуласаччака-сутта» Маджхима-Никаи (I, 229) рассказывает, как некоторые из личчхавов, придя к Будде, называли не только свои имена, но и свои готры (nāmagottaṃ). Судя по комментарию Буддхагхоши, это были разорившиеся потомки старых семей, которые называли имя своей готры, чтобы приобрести этим известность. Некоторые из ган иногда называются в источниках по имени готры,— очевидно, главенствующего рода. Так, в «Махапариниббане-сутте» (V, 19) маллы названы Васиштхами (Vasiṣṭhas) по имени широко известной готры Vasiṣṭha.

Однако в республиках влияние готры в целом уже значительно ослабло. О падении роли готры в республиках, некогда игравшей первенствующую роль в родовых коллективах и сохранявшей свое значение в тех ганах и сангхах, которые находились еще на уровне военной демократии, говорит, в частности, тот факт, что источники редко упоминают деление на готры и основным подразделением уже считают кулу (семью). Kula была первоначально подразделением готры, которые в свою очередь являлись частью ганы. О такой иерархичности указанных институтов и такой организации ганы сообщает, например, «Махабхарата» (XII, 107, 27), давая характеристику ган, которые стояли еще, очевидно, на уровне родовой демократии: «Если ссоры возникают в семьях (kuleṣu) и старейшие семей остаются безучастными, то разрушается готра и наступает разлад в гане». Развитие государственности вело к ослаблению родовых связей и укреплению семьи, «в противовес роду» (Энгельс).

---

[85] См. «Sumaṅgala-vilāsini», II, стр. 519.

[86] «Papañcasūdani», II, стр. 273: Etekira daliddā jiṇṇakulaputtā parisamajjhe nāmagottavasena pākoṭā bhavissāma tī.

Основным подразделением ганы Катьяяна считал уже не готру, а семью (kula). Вирамитродая — поздний комментатор «Митакшары» — приводит слова Катьяяны, что гана является собранием семей (kula)[87]. О делении сангхи на kula говорит и «Артхашастра». Под kula в гане следует, очевидно, понимать большую патриархальную семью.

Ведущую роль в республиках и прежде всего, конечно, в аристократических, играли семьи кшатриев (rāja-kulas), которые сосредоточили в своих руках почти всю полноту власти. Представители семей кшатриев, как мы видели, заседали в сангхагаре и обсуждали важнейшие вопросы жизни ганы. Они же явились высшей инстанцией при разрешении конфликта шакьев с коллиями и в целом определяли ход судебных разбирательств. Семьи кшатриев противопоставляли себя остальному населению: с горечью рассказывал Девадатта о том, как он был отвергнут семьями кшатриев (rājakulehi) у шакьев[88]. Среди семи условий непобедимости ганы Вадджи (личчхавов) Дикха-Никая называет «почтение и уважение к старейшим» (mahallakā). И хотя в Дикха-Никае это звучит лишь как пожелание, можно думать, что этот ранний источник отразил определенное влияние совета старейшин в первый период истории республик, для политической структуры которых было характерно существование значительных черт родовой организации.

Знаменательно вместе с тем, что в других источниках термин mahallaka «старейший» в связи с политической организацией республик употребляется крайне редко, и большинство свидетельств связано уже с раджами. Можно предполагать, что с течением времени совет, состоявший первоначально из старейшин родов, аристократизируется и принимает форму аристократического совета. Этот процесс, характерный для периода становления государства, получил отражение, как нам представляется, в комментарии Буддхагхоши к Дикха-Никае. Если в последней говорится лишь о старейших у Вадджи (личчхавов) — mahallakā, то «Сумангала-виласини» под старейшими понимает уже старейших раджей — mahallakarājānas, которые на основе древних традиций указывают пути (upāya) действий[89]. Следует иметь в виду, что для комментария Буддхагхоши, написанного в V в. н. э., когда республиканские государства уже резко отличались от ган и сангх магадхской эпохи, в целом характерна тенденция к значительной «аристократизации» их политического устройства.

Источники сохранили нам интересные материалы и о брачных отношениях в рассматриваемых ганах и сангхах. Мы уже приводили данные «Чиваравасту» об издании ганой личчхавов специальных постановлений, регулировавших брачные отношения. Ни одна девушка, живущая в Весали, не могла быть выдана замуж за мужчину из другого города. Такая эндогамность существовала и у шакьев, которые отказали даже царю Косалы Пасенади отдать ему в жены девушку из шакьев. В республиках соблюдались строгие нормы заключения брака согласно принципам «сословного соответствия». Девушка знатного происхождения не могла выйти замуж за мужчину более низкого социального положения.

В «Чиваравасту» рассказывается, как Маханама заявляет перед ганой, что выдает свою дочь за мужчину того же рода и семьи (svakulavaṃśa)[90].

---

[87] Kulānāṃ hi samuhastu gaṇaḥ; см. Majumdar, Corporate Life in Ancient India.

[88] «Samudda-vāṇija-Iātaka», IV, 158.

[89] «Sumaṅgala-vilāsinī», II, стр. 519.

[90] «Cīvaravastu», III, стр. 17.

Согласно «Сидала-джатаке» (I, 152), сын цирюльника из Весали, который влюбился в девушку из семьи кшатриев, не мог стать ее супругом из-за своего низкого положения. Он должен был отыскать другую жену, равную себе по происхождению и положению.

Внутренние противоречия и партии в ганах. Большинство палийских и санскритских источников одним из основных условий непобедимости ган и сангх считают их сплоченность, внутреннее единство. Именно в силу своей сплоченности, писал Кауталья, сангхи неодолимы «для других». И, действительно, особенности политической организации ган и сангх, в том числе и развитых республик, вовлекавших в политическую жизнь более широкие слои свободного населения, делали эти общества более прочными и создавали у их современников картину полной внутренней гармонии и равенства. Однако нельзя забывать, что республиканские образования были классовыми обществами и служили прежде всего интересам привилегированного разряда кшатриев — военной аристократии.

Источники повествуют о значительных внутренних разногласиях в республиках, в том числе и между представителями различных варн. В них специально подчеркивается, что именно отсутствие в ганах и сангхах единства приносит им гибель. В «Артхашастре» (отдел XI) имеются свидетельства о столкновении в сангхах «главных» (mukhyas), которые, как известно, были кшатриями (rājās), с простыми членами сангхи — представителями других варн, а также о столкновении высокопоставленных членов сангхи (viśiṣṭa) с более низкими (hīna). Внутренние разногласия в ганах являлись, согласно «Махабхарате» (XI, 107, 29), их главным врагом, даже более страшным, чем нападение неприятеля извне. «Шпионы государя,— советовал Кауталья (стр. 430 ук. изд.),— должны находиться во всех сангхах и замечать те стороны, которые приводят к взаимным разногласиям, вражде и ссоре среди (членов) сангхи».

В республиках, по сравнению с монархиями, существовали несколько иные взаимоотношения между сословиями, которые хотя и меняли акцент внутренних противоречий, но не делали их менее острыми. В этих государствах, где кшатрии противопоставили себя остальному населению, где брахманы лишь при особых обстоятельствах могли добиться равного обозначения с кшатриями, где вайшьи стремились к участию в политической жизни, где существовали, как мы увидим, внутри ганы различные партии, внутренние противоречия, столкновения между варнами (прежде всего, по-видимому, кшатриев с брахманами, кшатриев с остальными варнами) могли достигать особого накала. Очевидно, именно поэтому источники говорят также и о внутренних разногласиях в сангхах и ганах. Выше мы уже приводили сообщение палийской «Винаи» об открытом выступлении рабов в республике шакьев.

Материалы эпоса и Панини ясно свидетельствуют о наличии в ганах и сангхах определенных группировок, часто враждовавших между собой. Термины dvandva и vyutkramaṇa, встречавшиеся у Панини, Кашика (VIII, 1, 15) пояснял как деление людей на две партии, расположенные отдельно (действовавшие отдельно) (IKP, 431). У грамматиков упоминаются и названия партий, которые они получали по имени своего лидера: Vāsudeva-vargya, Arjuna-vargya. Комментируя Панини, Кашика (IV, 2, 34) указывает на существование партий в сангхе Andhaka-Vṛṣṇi, а Патанджали, поясняя Катьяяну (IV, 2, 104, 11), — на партии Vāsudeva и Akrūra. В «Махабхарате» глава сангхи Кришна с горечью повествует Нараде о тех нападках, которым он подвергался со стороны враждующих партий: «Я не могу отдать предпочтение ни одной из партий, подобно матери двух сыновей — соперников игры в кости, которая не желает победы

одного, ни поражения другого» (XII, 81). Внутренние противоречия, существовавшие в ганах и сангхах, должны были принять особенно напряженный характер именно в тех из них, которые представляли собой республики с ярко выраженными классовыми, сословными и имущественными различиями.

К вопросу о происхождении и развитии республик. Вопрос о происхождении республик древней Индии, несмотря на его несомненную важность, вряд ли можно считать решенным. Весьма гипотетичной представляется прямая и обязательная связь между ведическими ганами — явно племенными образованиями — и республиканскими ганами. Ведические образования являлись, очевидно, предысторией не только республиканских ган, но и монархических государств. Из родо-племенных коллективов ведической эпохи вырастали классовые общества, а затем и государства, причем в зависимости от характера этого развития (соотношения сил в обществе, роли аристократических элементов, конкретной обстановки и т. д.) они могли принимать форму как монархических, так и республиканских государств.

Источники позволяют наметить два пути образования республиканских государств. Это прежде всего дальнейшее развитие образований эпохи военной демократии, характерных для последнего периода истории родового строя, в государства с республиканской формой власти. Хотя гангхи периода военной демократии резко отличались от республиканских государств, сходства в их политической организации нельзя не заметить. Вырастание, развитие республиканских ган из общества периода военной демократии — очевидно, один из наиболее обычных путей их образования.

Кроме того, можно говорить и о переходе от монархического правления к республиканскому. Источники свидетельствуют об изменении форм государственной власти и говорят о ганах как результате падения монархии. Хорошим примером может служить история Весали, где первоначально было монархическое правление, а затем установилась республиканская власть [91].

Весьма показательны слова Диодора (I, 39) о том, что много лет спустя полисы получили демократическое правление, а у некоторых народов царская власть сохранилась вплоть до похода Александра.

Республиканские ганы прошли долгий путь исторического развития, просуществовав до эпохи Гуптов—эпохи последних крупных рабовладельческих империй и зарождения раннефеодальных отношений. Они играли весьма существенную роль на политической карте древней Индии, особенно в эпоху борьбы индийских государств за гегемонию в Северной Индии в V—IV вв. до н. э. После длительной борьбы с монархиями республиканские ганы были побеждены, но они окончательно не потеряли своей самостоятельности. В государстве Маурьев они существовали на правах самостоятельных полуавтономных единиц [92], а после крушения могущественной империи некоторым из них удалось вернуть свою былую независимость. Вместе с прогрессивным развитием древнеиндийского общества шло внутреннее развитие политической и социальной организации республиканских ган. Послегуптская же эпоха — эпоха окончательного крушения республиканских ган, их исчезновения.

Понятно, что приведенными материалами далеко не ограничиваются свидетельства о ганах и сангхах древней Индии, а выдвигаемые нами положения и заключения нельзя считать сколько-нибудь окончательными.

---

[91] Подробнее см. Yogendra Mishra, An Early History of Vaiśālī, Delhi, 1962.

[92] Подробнее см. ГУИМ, стр. 47—50.

Последующие исследования безусловно внесут ясность в те вопросы, которые пока остаются нерешенными и дискуссионными. Однако одно совершенно очевидно уже и сейчас: историческое развитие древней Индии не может быть всесторонне и правильно понято без учета истории ган и сангх — тех, которые являлись племенными образованиями, и тех, которые представляли собой уже государства с различными формами республиканского правления.

Хочется надеяться, что материалы индийских источников будут привлечены и для исследования государственного устройства других древневосточных обществ, тем более, что некоторые сложные вопросы государственной власти на древнем Востоке уже и в свете приведенных материалов могут, как нам представляется, получить несколько иное разрешение. Специального внимания заслуживает, в частности, сопоставление античных и древнеиндийских республик.

Б. А. Литвинский, И. В. Пьянков

ВОЕННОЕ ДЕЛО У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В VI—IV вв. до н. э.*

В ОБШИРНОЙ литературе по древней истории Средней Азии нет ни одной работы, специально посвященной истории военного дела. Чрезвычайно интересный экскурс С. П. Толстова «Конница Кангюя» [1] ставит своей задачей исследовать лишь один раздел этой обширной темы. Некоторые данные по истории военного дела изложены одним из авторов статьи в соответствующей главе «Истории таджикского народа» [2].

Вместе с тем за последние годы в процессе археологических раскопок накопился обширный материал, позволяющий конкретно охарактеризовать вооружение и фортификацию среднеазиатских народов в VI—IV вв. до н. э. Комплекс среднеазиатского вооружения чрезвычайно близок вооружению, описанному в Авесте, и, вопреки мнению Е. Герцфельда, является свидетельством в пользу ее среднеазиатского (а не мидийского) происхождения; поэтому данные Авесты используются нами как важный источник. Свидетельства античных авторов позволяют дополнить характеристику вооружения и дают ценнейшие сведения для выявления разных сторон боевого применения среднеазиатского войска. Определенные данные были извлечены из иконографического и лингвистического материалов [3].

Мы вполне отдаем себе отчет и в сложности поставленной задачи, и в несовершенстве нашего опыта. В дальнейшем, после накопления новых материалов, станет возможным и более детальное, и более дифференцированное изложение, с учетом особенностей военного дела у отдельных этнических массивов, стоявших к тому же на разном уровне социально-экономического развития. В нашей работе мы лишь намечаем особенности в вооружении и тактике отдельных среднеазиатских народов. При этом в одних случаях мы имеем в виду племенное (или народное) ополчение, в других — специально набранное войско, в третьих — дружину.

I. Вооружение. Фортификация

Говоря о вооружении среднеазиатских народов, следует рассмотреть оружие ближнего боя, оружие дальнего боя и оборонительный доспех.

---

* И. В. Пьянкову принадлежит характеристика предметов вооружения по античным источникам в первом разделе работы и таблица названий предметов вооружения. Б. А. Литвинским написана остальная часть работы.

[1] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 211—227.

[2] «История таджикского народа», I, под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, М., 1963, стр. 236—274.

[3] Транскрипция авестийских слов и в большинстве случаев их значение даны по Хр. Бартоломе (Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, 2-е изд., B., 1961)

Оружие ближнего боя включало кинжал и меч, боевой топор, булаву, копье; оружие дальнего боя — лук и стрелы, пращу; оборонительный доспех предназначался для воинов, имелся и конский оборонительный доспех.

Кинжал и меч. Разные типы двухлезвийных ножей и специализированных кинжалов известны в Средней Азии с эпохи поздней бронзы и раннего железа [4]. В VI—IV вв. еще употреблялись бронзовые кинжалы типа кинжала, найденного на Ташкентском канале [5], а также железно-бронзовые кинжалы: лезвие у них было железное, а рукоять или полностью бронзовая (такова высокохудожественная рукоять кинжала из Ак-Беита[6]), или имеет бронзовые перекрестие, навершие и оковки сторон. Такие кинжалы были распространены в начале рассматриваемого периода. Основную же их часть составляли чисто железные кинжалы небольших размеров (30—40 *см*), в том числе с брусковидно-полуовальным навершием и таким же перекрестием, с простым антенным навершием и почковидным или бабочковидным перекрестием, а также распространившиеся в конце рассматриваемого периода кинжалы с серповидным навершием и дуговидным перекрестием [7] и др.

Гораздо меньше известны мечи. В Тагискенском могильнике был найден очень длинный меч (1, 2 *м*) с зооморфным рисунком на золотых обкладках его рукояти и ножен [8].

Судя по находкам в памирских курганах, ножны были кожаными и деревянными [9]. Акинак носили на правом боку. Наглядное представление о способе ношения этих кинжалов дают рельефное изображение саков в Персеполе, а также изображение на золотых пластинках из Аму-Дарьинского клада [10].

Термин «акинак», часто применявшийся у античных авторов для обозначения меча самых различных ираноязычных народов [11], по-видимому, западноиранского, персидского происхождения. Геродот (VII, 54) говорит, что так (ἀκινάκης) назывался «персидский меч» (Περσικὸν ξίφος). В ираноязычных памятниках этот термин впервые засвидетельствован в буд-

---

[4] Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, Древности Кайрак-Кумов, Душанбе, 1962, стр. 199—201.

[5] Там же, стр. 201—202.

[6] А. Н. Бернштам, Саки Памира, ВДИ, 1956, № 1, стр. 127—128, рис. 9.

[7] Перечислены типы, встреченные при раскопках сакских курганов Памира, проведенных А. Н. Бернштамом и Б. А. Литвинским, см. А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, № 26, 1952, стр. 292, 296, 305, 320—321; он же, Саки Памира, стр. 124, 126—127, 130, рис. 4, 9; Б. А. Литвинский, Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г., «Труды Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР», XXVII, 1961, стр. 38; он же, Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г., там же, XXXI, 1961, стр. 54, 58; он же, Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности, «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», III, М., 1963, стр. 31—40, рис. 1—2; Б. А. Литвинский и М. А. Бубнова, Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г., «Труды Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР», XXXIV, 1962, стр. 29, 32.

[8] К. Ф. Смирнов, Савроматы. Ранняя история и культура сарматов, М., 1964, стр. 280.

[9] У скифов ножны акинаков были обычно деревянными (Б. М. Граков, Скіфи, Київ, 1947, стр. 71), покрытыми сверху кожей (А. И. Мелюкова, Вооружение скифов, М., 1964, стр. 60—61).

[10] O. M. Dalton, The Treasure of the Oxus with other Examples of Early Oriental Metal-work, 2-е изд., L., 1926, стр. XXXIV—XXXV, 19, 22; табл. XIV, 48; XV, 70.

[11] Упоминаются, например, акинаки персов и мидийцев (Herod., VII, 54; VIII, 120; Xen., Anab., I, 2, 27; 8, 29; Hor., Od, I, 27, 5), европейских скифов (Herod., IV, 62), аланов (Amm. Marc., XXXI, 2). Греческая терминология разобрана Е. Придиком — Е. Придик, Мельгуновский клад 1763 года, МАР, № 31, СПб., 1911, стр. 7. См. также Droysen, Ἀκινάκης, RE, I, 1894, стб. 1168—1169.

дийско-согдийском тексте [12] в форме kyn'k [13]. Х. Бэйли, указав на то, что параллельные китайские тексты дают термин «меч», считает, что в древнеперсидском этот термин должен был иметь форму* akīnaka-, «меч, нож». Суффикс -aka- придает значение «режущее орудие» [14]. У восточноиранских народов первоначально, видимо, употреблялось другое слово — karta-. Оно засвидетельствовано в авестийском и скифском языках [15].

Меч (кинжал) (karəta-) часто упоминается в Авесте как «обоюдоострый» (vayōdārā-), «легко вытаскивающийся [из ножен]» (hufraṇharšta-), в некоторых случаях богато декорированный — его носят как символ власти [16]. У Панини фигурируют воины— āsika «действующие мечом» [17].

В античных источниках упоминаются акинаки согдийцев и бактрийцев, хотя при этом не ясно, идет ли речь действительно о среднеазиатском вооружениии или о персидском [18]. Лишь об акинаках каспиев (восточных) говорится как об их собственном оружии [19]. Гирканцы носили (как персы и мидийцы) «кинжалы» (ἐγχειρίδια), подвешенные к поясу на правом боку [20]. Не применяется слово «акинак», но только «кинжал» (ἐγχειρίδιον) к оружию степных народов Средней Азии; таковы кинжалы массагетов [21] и саков [22].

Боевой топор. Серия железных боевых топоров найдена в сакских погребениях Восточного Памира. Среди них—боевые клевцы разных типов, в том числе такие, у которых одна половина имеет вид граненого клевца, а другая — в виде узкого топорика, а также боевые секиры-молотки, двухлезвийные секиры.

Наиболее ранним является клевец-топорик, напоминающий бронзовый клевец, найденный на Таманском полуострове, железный клевец из-под Пятигорска и клевцы бассейна р. Камы. По-видимому, через Среднюю Азию клевцы проникли еще дальше на восток, в Центральную Азию [23].

Представление о среднеазиатских боевых топорах дают также ико-

---

[12] «Textes Sogdiens», édit., trad. et comment. par E. Benveniste, «Mission Pelliot en Asie Centrale», III, P., 1940, стр. 82 (любезно указано В. А. Лившицем).

[13] J. Gershevitch, A Grammar of Manichean Sogdian, Oxf., 1954, стр. 245.

[14] H. W. Bailey, Indo-Iranian Studies, III, «Transactions of the Philological Society», 1955, Oxf., 1956, стр. 69.

[15] В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М. — Л., 1949, стр. 171. По Квинту Курцию (VII, 7, 1), одного из предводителей заяксартских скифов звали Carthasis. Это имя В. И. Абаев этимологизирует как «меч асов», а В. А. Лившиц предлагает следующие этимологии: «строгающий ножом, вырезающий ножом», «ведущий войско», «ведущий нож (меч), владеющий мечом» — см. Б. А. Литвинский, Саки, которые за Согдом, «Труды Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР», CXX, 1960, стр. 95.

[16] Yt., XIV, 27. См. A. V. W. Jackson, Herodotus VII, 61, or the Arms of the Ancient Persians Illustrated from Iranian Sources, «Classical Studies in Honour of Henry Drisler», N. Y. — L., 1894, стр. 109—110; E. Herzfeld, Zoroaster and his World, II, Princeton, 1947, стр. 783.

[17] V. S. Agrawala, India as Known to Pāṇini, University of Lucnow, 1953, стр. 421.

[18] Акинаки (acinaces) Спитамена (Curt., VIII, 3,4; далее этот акинак назван gladius «мечом» — VIII, 3, 9) и Бесса (Curt., VII, 4, 19). Указания относятся к 330—328 гг. (пребывание Александра Македонского в Средней Азии).

[19] Herod., VII, 67. Указание относится к 480 г. (поход Ксеркса I в Грецию).

[20] Herod., VII, 62 и 61. Указание относится к тому же времени, что и предыдущее.

[21] Herod., I, 214; Strabo, XI, 8, 6. Указание относится к 529 г. (битва Кира II с массагетами).

[22] Herod., VII, 64. Указание относится к 480 г. (поход Ксеркса в Грецию). Возможно, что к сакам относится и упоминание о мечах (gladii) у Curt., IV, 9, 3 — битва при Гавгамелах, 331 г.

[23] «Inner Mongolia and the Region of the Great Wall», «Archaeologia Orientalis», B.Ser., v. I, Tokyo—Kyoto, 1935, стр. 6—7, табл. XXXV, 8, рис. 12, 1; M. Loehr, Chinesische Pickeläxte, «Monumenta Serica», v. IV, fasc. 2, Pekin, 1940, стр. 600, табл. II, 1.

нографические материалы. На ахеменидских рельефах согдийцы (?) приносят в качестве подати топоры [24]; изображение сакского топора-клевца есть на ахеменидских печатях [25].

Сведения о боевых топорах (čakuš-) мы находим в Авесте. При описании колесницы Митры там фигурируют «двухлезвийные (bitaēγa-) стальные (haosafnaēna-) топорики» [26].

О секире (ἀξίνη) как оружии среднеазиатских народов имеется несколько упоминаний в античных источниках, в которых говорится и о простых, и об обоюдоострых секирах. Простые (однолезвийные) секиры степных народов Средней Азии называются обычно местным, скифским словом «сагарис» (σαγάρις) [27]; таковы секиры массагетов, сделанные из меди (χαλκῷ) [28], и секиры саков [29]. Обоюдоострые секиры (bipennis) известны у барканцев (= гирканцев) [30].

Копье. В эпоху позднего бронзового века в Средней Азии применялось несколько видов копий с бронзовыми наконечниками, однако для рассматриваемого времени, когда наконечники были уже железными, их находки в археологических комплексах — редкость.

Слово для обозначения копья, aršti-, было, видимо, общим во всех древнеиранских языках. Оно засвидетельствовано и в древнеперсидском, и в авестийском, и в скифском [31].

Копье несколько раз упоминается в Авесте. Оно стоит на первом месте в перечне вооружения в Видевдате (XIV, 9). Это авестийское копье — с «длинным древком» (darəγa. ǎrštāya-) и «острым лезвием» (brōiθrō. taēža-) [32].

В индийской армии, по Панини, имелись воины śāktīka «сражающиеся копьем» [33].

На монетах саков, пришедших в Индию, царь часто изображается с копьем. Серия этих монет начинается медной монетой Мауеса, на av. которой — изображение царя на лошади, с копьем. Это изображение, как указал Л. Бахофер, стало характерным для монет сакских правителей в Индии. На другой монете Мауеса представлен сидящий царь с длинным копьем на коленях. Оба изображения повторяются на монетах Азеса. Это длинное и тяжелое копье явно является главным оружием [34].

Из других иконографических материалов можно отметить изображе-

---

[24] E. Herzfeld, ук. соч., стр. 787; E. F. Schmidt, Persepolis II, «The Univ. of Chicago Oriental Institute Publications», v. LXIX, Chicago—Illinois, 1957.

[25] J. Junge, Saka-Studien, «Klio», Beiheft XLI, нов. сер., № 28, Lpz., 1939, табл. II.

[26] Yt., X, 130. См. J. Gershevitch, The Avestan Hymn to Mithra, with Introd., Translat. and Comm., Cambr., 1959, стр. 139. См. также Jackson, ук. соч., стр. 116; Herzfeld, ук. соч., стр. 783—785. О терминологии см. там же, стр. 786—791.

[27] Ср. Hesych. Alex., s. v. σαγάρις.

[28] Herod., I, 215; Strabo, XI, 8,6. Указание относится к концу VI в., поскольку входит в описание массагетов, очевидно, восходящее к Гекатею Милетскому (около 500 г. до н. э.), — A. Herrmann, Alte Geographie des unteren Oxusgebiets, B., 1914, стр. 12.

[29] Herod., VII, 64. Указание относится к 480 г. (поход Ксеркса в Грецию).

[30] Curt., III, 2, 5. Указание, возможно, относится к концу V в., если это описание барканцев восходит к Ктесию (около 400 г. до н. э). Ср. И. В. Пьянков, К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов, ВДИ, 1964, № 3, стр. 126, прим. 74.

[31] Абаев, ук. соч., стр. 155.

[32] Yt., X, 39, 102, 130.

[33] Agrawala, ук. соч., стр. 420. Другие упоминания в индийских источниках— V. R. R. Dikshitar, War in Ancient India, Madras — Bombay — Calcutta — London, 1944, стр. 106.

[34] L. Bachhofer, On Greeks and Sakas in India, JAOS, 61 (1941), № 4, стр. 248—249.

ние короткого (судя по масштабу фигур, около 1 м) копья в руках двух всадников на умбоне из Аму-Дарьинского клада [35].

В античных источниках копье (αἰχμή, ξυστόν) в вооружении среднеазиатских народов упоминается довольно часто. Более всего известно «короткое копье» (αἰχμὴ βραχέα). Его имели бактрийцы и вооруженные по их образцу парфяне, хоразмии, согдийцы, арии, загиндукушские народы (гандарии и дадики) [36], кроме того,— гирканцы [37]. Очевидно, именно это копье имеют в виду античные авторы, когда упоминают «копье с метательным ремнем» (μεσάγκυλον) в качестве оружия бактрийцев, согдийцев, ареев и парфян, противопоставляемое длинному македонскому копью [38]. Арриан, кроме того, один раз отдельно упоминает о метательном копье ареев [39]. «Длинное копье» (ξυστὸν μακρόν) из упомянутых здесь народов засвидетельствовано лишь у загиндукушских племен (у аспасиев) [40].

Копье (αἰχμή) имело широкое распространение у массагетов, которые так и названы «копьеносцами» (αἰχμοφόροι) (Herod., I, 215). Их копья имели «[наконечники] из меди» (χαλκῷ) [41]. В описании дербиков, где они выступают дублерами массагетов [42], копья (hastae) дербиков были «обиты спереди» (praefixae) «медью» (aere) или «железом» (ferro) [43]. Возможно, что копье степных народов Средней Азии было длинным [44], как копье европейских скифов [45] и савроматов [46] (около 2 м).

Булава. Находки каменных наконечников булав чрезвычайно многочисленны, но они относятся к периоду позднего бронзового века. В Авесте неоднократно упоминается булава (vazra-), а однажды говорится о булаве «из позолоченного (zarənya-) железа (ayah-), красивой, легко размахиваемой, с сотней выступов (fštāna-) и лезвий (dārā-) на ней»[47]. Может быть, среднеазиатские булавы были похожи на савроматские, у которых действительно имеются многочисленные выступы-шишки [48].

Лук и стрелы. Наступательным оружием дальнего боя прежде всего служил лук, который входил в вооружение и оседлых жителей, и кочевников [49]. Чрезвычайно многочисленны находки бронзовых наконечников стрел как на поселениях, так и в могильниках. В V—IV вв. в Средней Азии употреблялись преимущественно двухлопастные, трехлопастные и трехгранные втульчатые, а также черешковые бронзовые наконечники

---

[35] П. К. Степанов, История русской одежды, вып. I, Пг., б. г., рис. 4.

[36] Herod., VII, 64, 66. Указание относится к 480 г. до н. э.

[37] Herod., VII, 62 и 61. Указание относится к тому же времени.

[38] Arr., Anab., VII, 6, 3—5. Указание относится ко времени Александра Македонского.

[39] Копье (hasta) Сатибарзана — Curt., VII, 4, 36. Указание относится ко времени пребывания Александра Македонского в Средней Азии.

[40] Arr., Anab., IV, 24, 4. Указание относится к тому же времени.

[41] Herod., I, 215, ср. 214. Указание относится к 529 г. до н. э., во всяком случае ко времени не позже конца VI в.

[42] Пьянков, ук. соч., стр. 126.

[43] Curt., III, 2, 7. Это указание относится к концу V в. до н. э. (восходит к Ктесию). Характерно упоминание железа. В то время как Геродот (I, 215) говорит об отсутствии железа у массагетов, Страбон (XI, 8, 6), дополняя его описание массагетов из каких-то более поздних источников, утверждает, что железо, хотя и в небольшом количестве, имеется у массагетов.

[44] Очевидно, такие длинные копья были у позднейших парфян (ср. Plut., Crass., XXVII), имевших в своем вооружении среднеазиатско-скифские (точнее, дахские) элементы.

[45] В. Д. Блаватский, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954.

[46] К. Ф. Смирнов, Вооружение савроматов, МИА, № 101, 1961, стр. 71.

[47] Yt., X, 132. См. Gershevitch, The Avestan Hymn..., стр. 139. Слово fštāna- имеет значение «округлая выпуклость», также «женская грудь».

[48] Смирнов, Савроматы..., рис. 26, 1а.

[49] Herod., VII, 64; I, 215; Strabo, XI, 8, 6.

стрел; постепенно распространяются железные наконечники [50]. Деревянные наконечники, существовавшие тогда на Памире, очевидно, не находили применения в военном деле. Длина древка стрелы равнялась 50—60 см.

Можно считать установленным, что в Средней Азии в середине I тыс. до н. э. применялся чрезвычайно эффективный и дальнобойный сложносоставной лук «скифского» типа [51].

Термины для лука во многих восточноиранских языках происходят, как показал Х. В. Бэйли [52], от индо-иранского dāru-, dru-. Такие термины известны, например, в буддийско-согдийском (δr'wn «лук», δr'un-p'δ'y «стрельба из лука», δrwnštn «горит»), в старом хотано-сакском (durna-, «лук»), в кафирском (drõ, drũ «боевой лук») и т. д. Х. В. Бэйли предполагает наличие такого термина и в Авесте (*druvan- «лук»), хотя в ней обычно применяется для лука другое слово (см. ниже). Этот термин отмечен и в скифском (druna- «лук») [53].

Лук (θanvan-, θanvar-, θanvarətay- [54]) и колчан (akana-) встречаются в Авесте. Стрела (tiγray-, išav-) в Авесте является символом быстроты. Упоминается колчан с 30 стрелами (Vd., XIV, 9) [55]. Большую дискуссию вызвало описание стрелы в Яште, X, 129. Толкования этого места настолько разноречивы, а порой и фантастичны, что пока нет никакой возможности использовать его для истории среднеазиатских реалий.

Античными источниками засвидетельствовано несколько типов лука (τόξον) у среднеазиатских народов. «Мидийский лук» (τόξον Μηδικόν) (Herod., VII, 66) был в употреблении у гирканцев и ариев [56]. Этот лук назван «большим» (μέγα); с ним употреблялись «тростниковые стрелы» (ὀϊστοὶ καλάμινοι), применялся и «колчан» (φαρετρεών) (Herod., VII, 61). «Местный» (ἐπιχώριον) среднеазиатский лук бактрийского типа был в употреблении у бактрийцев, согдийцев, парфян, хорасмиев и загиндукушских народов (гандариев, дадиков) [57].

Этот лук характеризуется как «тростниковый» (καλάμινον). До нас дошло несколько упоминаний о стрельбе из лука (τοξεύω, sagitto «стреляю из лука») и «стрелах» (τοξεύματα, βέλεα, sagittae, tela) [58] согдийцев (из области у Танаиса) [59] и загиндукушских народов (ассакенов [60], аспасиев [61]); упоминаются также «наконечники стрел» (spicula) согдийцев (Curt., VII, 6, 2—3) и ассакенов (Curt., VIII, 10, 28), но из какого материала — неизвестно. Свой, «местный» лук был и у каспиев (восточных). Он тоже назван «тростниковым» [62]. Наконец, «местный» лук известен у саков (= затанаисских скифов) [63]. Упоминаются «лучники» (τοξόται) и «конные лучники»

---

[50] Б. А. Литвинский, Среднеазиатские железные наконечники стрел, СА, 1965, № 2, стр. 75—77, рис. 1—2.

[51] Б. А. Литвинский, Среднеазиатский сложносоставной лук (в печати).

[52] H. W. Bailey, Arya III, «Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Univ. of London», XXIV (1961), № 3, стр. 471—473.

[53] Абаев, ук. соч., стр. 163.

[54] От слова θang-,«тянуть».

[55] Jackson, ук. соч., стр. 113.

[56] Herod., VII, 72, 66. Указание относится к 480 г. до н. э.

[57] Herod., VII, 54, 66. Указание относится к тому же времени.

[58] Все эти указания относятся ко времени пребывания Александра Македонского в Средней Азии.

[59] «Скала» у Танаиса — Arr., Anab., III, 30, 11; Curt., VII, 6, 2—3; Plut., Alex., XLV, 3; Кирополь — Arr., Anab., IV, 3, 3.

[60] Arr., Anab., IV, 26, 3—4; Curt., VIII, 10, 27—28.

[61] Arr., Anab., IV, 23, 3; Curt., VIII, 10, 6.

[62] Herod., VII, 67. Указание относится к 480 г. до н. э.

[63] Herod., VII, 64. Указание относится к тому же времени.

(ἱπποτοξόται) саков [64], их искусство стрельбы из лука высоко ценилось в древности [65]. Об устройстве сакского лука ничего не говорится; известно лишь, что саки могли пускать стрелы через реку Танаис (Сыр-Дарью) в узком месте [66] и что древки этих стрел были «еловыми» (ἐλάτινοι) (Strabo, XI, 7, 4). «Лучниками» названы также массагеты [67], несколько раз упоминается о стрельбе их из лука [68], в том числе конной. «Наконечники стрел» (ἄρδεις) у массагетов — «из меди» (χαλκῷ) (Herod., I, 215). Известен у них и «колчан» (φαρετρεών) [69].

Праща. Метательные ядра для пращи, найденные в Средней Азии, правда, относящиеся к более раннему времени, имели биконическую или яйцевидную форму и делались либо из обожженной глины, либо из камня [70].

Праща (fradaxšanā-) и камни для пращи (asan- fradaxšanya-) фигурируют в Авесте. Е. Герцфельд из факта отсутствия этого оружия в перечне военного снаряжения ахеменидской армии, приведенном Геродотом, сделал вывод, что праща была, по-видимому, охотничьим оружием [71].

Значительно меньше, чем о других видах оружия, говорится о среднеазиатской праще в античных источниках. Праща засвидетельствована лишь для согдийцев (в области у Танаиса) [72]: в одном случае прямо названы «пращи» (fundae) [73], в другом — «камень» (λίθος, saxum) [74], очевидно, от пращи.

Оборонительный доспех. Металлический оборонительный доспех, возникший в VIII—VII вв. до н. э., достиг к V—IV вв. высокого совершенства. В это время полный оборонительный доспех воина включал панцирь, щит [75], а также металлический шлем [76]. Наиболее ранняя находка такого рода в Средней Азии — значительные части железного военного доспеха из погребения, датированного С. П. Толстовым концом IV в. до н. э. (городище Чирик-Рабат). В этом доспехе сочетались принципы чешуйчатого и пластинчатого доспехов [77]. Известны находки на Старой Нисе фрагментов металлических пластинчатых панцирей для воинов и лошадей [78]. Тенденция развития оборонительного доспеха состояла, в частности, в его посте-

---

[64] Xen., Cyrop., V, 3, 24; Arr., Anab., III, 8, 3. Первое указание относится к концу V в. до н. э., второе — к 331 г. до н. э.

[65] Dionys. Per., 749 сл.; Clem. Alex., Strom., IV, 8.

[66] Arr., Anab., IV, 4, 2. Указание относится к 329 г. до н. э.

[67] Herod., I, 215; ср. Strabo, XI, 8, 6. Указание относится к концу VI в. до н. э. К этому же времени относятся и прочие элементы описания массагетского лука (о наконечниках стрел и колчане) у Геродота и Страбона.

[68] Herod., I, 215; Arr., Anab., IV, 5, 4, 6, 8. Первое указание относится к 529 г., второе — к 329 г. до н. э.

[69] Herod., I, 216; Strabo, XI, 8, 6.

[70] В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, № 73, 1959, стр. 38, 41.

[71] Herzfeld, ук. соч., стр. 787. Это заключение для Средней Азии неправильно — праща служила здесь и боевым оружием.

[72] Эти свидетельства относятся ко времени пребывания Александра Македонского в Средней Азии.

[73] О «скале» у Танаиса — Curt., VII, 6, 2.

[74] О Кирополе — Arr., Anab., IV, 3, 3; Curt., VII, 6, 22; Plut., Alex., XLV, 3.

[75] О кожаных с металлическим каркасом щитах из Нисы см. М. Е. Массон, Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства, «Труды ЮТАКЭ», Ашхабад, V, 1955, стр. 46. Описание найденного на Старой Нисе парадного парфянского щита см. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Парфянские ритоны Нисы, «Труды ЮТАКЭ», Ашхабад, IV, 1959, стр. 21.

[76] Е. Е. Кузьмина, Бронзовый шлем из Самарканда, СА, 1958, № 4, стр. 120—126 (там же литература вопроса).

[77] С. П. Толстов, Приаральские скифы и Хорезм, «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960, стр. 23.

[78] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, ук. соч., стр. 20.

пенном усилении. Это привело к тому, что в более позднее время парфянские катафрактарии, по словам Арриана, казались с ног до головы покрытыми железом [79].

Металлический панцирь (zrāδa-) упоминается в Авесте. В античных источниках засвидетельствовано два вида панциря (θώραξ) у среднеазиатских народов. Один из них — мидийский «железный чешуйчатый панцирь» (λεπὶς σιδηρέη), похожий на рыбью чешую (Herod., VII, 61),— был в употреблении у гирканцев [80]. Другой «панцирь» (tegumentum)— «из железных пластинок» (ex ferreis laminis), скрепленных между собой рядами (Curt., IV, 9,3),— известен у степных народов Средней Азии; им «тщательно были закрыты» (ἀκριβέστερον πεφραγμένοι ἦσαν) (Arr., Anab., III, 13, 4) в битве среднеазиатские скифы — саки или массагеты [81]. «Панцирь» (θώραξ) упомянут также отдельно и у саков [82], и у массагетов [83].

Щит (ἀσπίς) среднеазиатских народов также известен античным авторам в нескольких разновидностях. Распространенным был легкий «плетеный [обтянутый кожей] щит» (γέρρον). Такой щит носили гирканцы [84]; очевидно, именно он имеется в виду, когда описывается «легкий [прямоугольный] щит» (leve scutum) барканцев, похожий на цетру (cetra, «короткий кожаный щит») [85]. Такой щит (γέρρον) носили и саки [86]; возможно, что этот сакский щит (scutum) упомянут еще раз [87].

«Большой щит» (σάκος) греки считали изобретением саков [88]. Хотя это утверждение является домыслом самих греков, основанным на созвучии слов, оно, надо думать, подтверждалось и наблюдениями греков над вооружением саков. Даже имя одного из сакских царей, Σακεσφάρης (Polyaen., VII, 12), в греческой передаче уподобилось слову σακεσφόρος «щитоносец» [89].

Металлический шлем (sāra-vāra-, букв. «покрывающий голову», хаоδа-, также просто «шапка») и бармица (kuirit-) упоминаются в Авесте.

Из античных источников о шлеме (κράνος или galea «кожаный шлем») мы знаем лишь у ареев [90].

О времени возникновения в Средней Азии конской брони пока ничего определенного сказать нельзя, однако характерно, что в Авесте (судя по работам исследователей, специально занимавшихся этим вопросом) конский

[79] Описание полного оборонительного доспеха парфянского воина (позднего времени) см. Arr., Parth., fr. 20. Иконографические и археологические материалы см. F. E. Brown, Arms and Armor, The Excavations at Dura-Europos. Preliminar Report of Sixth Season of Work, Oktober 1932 — March 1933, ed. by M. I. Rostovtzeff, A. R. Bellinger, C. Hopkins and C. B. Welles, New Haven, 1936, стр. 439—466.

[80] Herod., VII, 62. Указание относится к 480 г. до н. э.

[81] То, что это описание панциря относится именно к скифам (среднеазиатским), вытекает из сопоставления Curt., IV, 9, 2—3 и Arr., Anab., III, 13, 4. Труднее решить вопрос, кто эти скифы — саки или массагеты? Из сопоставления Arr., Anab., III, 13, 4 и Curt., IV, 15, 2 как будто получается, что бронированные скифские всадники — это массагеты, но сопоставление Curt., IV, 9, 2—3 и Arr., Anab., III, 8, 3 позволяет думать, что эти всадники — саки. Оба указания (Арриана и Курция) относятся ко времени пребывания Александра Македонского в Средней Азии.

[82] Arr., Anab., IV, 4, 4. Указание относится к 329 г. до н. э.

[83] Strabo, XI, 8, 6. Впрочем, возможно, что здесь имеется в виду конский панцирь — ср. Herod., I, 215.

[84] Herod., VII, 62 и 61. Указание относится к 480 г. до н. э.

[85] Curt., III, 2, 5. Указание относится к концу V в. до н. э. (восходит к Ктесию).

[86] Arr., Anab., IV, 4, 4. Указание относится к 329 г. до н. э.

[87] Curt., IV, 9, 3. Указание относится к 331 г. до н. э.

[88] Steph. Byz., s. v. Σάκαι; Tzetz., Hist., XII, 894. Это указание восходит к какому-то древнему описанию саков; у Цеца оно стоит рядом со ссылкой на Ктесия.

[89] Юсти видит в одном из компонентов этого сакского имени действительно слово «щит». См. F. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895, стр. 279.

[90] Шлем упомянутого уже Сатибарзана, современника Александра Македонского,— Diod., XVII, 83, 5; Curt., VII, 4, 33.

доспех еще не фигурирует [91]. Но уже Геродот (I, 215) сообщает о том, что кони массагетов были защищены медными нагрудными панцирями (это первое в истории упоминание о конской броне). В персидском войске ахеменидского Ирана в первой половине V в. конский доспех был или неизвестен или мало распространен [92], но в конце этого же столетия, в битве при Кунаксе в 401 г., в персидской коннице Кира Младшего конь был защищен налобником, нагрудником и доспехом на спине [93]. О железных доспехах коней в ахеменидском войске упоминается в связи с описанием битвы при Иссе (Curt., III, 11, 15) и приготовлений к битве при Гавгамелах [94]. По общему мнению, в Иран, как и в Китай, конский доспех попал из Средней Азии [95]; лингвистические данные, как указывалось выше, намекают как будто на среднеазиатское происхождение конского доспеха и в Индии [96].

В среднеазиатском войске имелись боевые колесницы, в том числе, возможно, и серпоносные [97].

---

[91] Jackson, ук. соч., стр. 94—125; Herzfeld, ук. соч., стр. 782—791; Gershevitch, The Avestan Hymn..., стр. 279—280 и др. В этой связи очень интересны авестийские термины: zaya «оружие», «орудие», zaena «оружие» и прилагательное zayan «вооруженный». Последующая история слова как в иранских языках, так и в индийских (в которые оно проникло из иранских, см. H. W. Bailey, Ariana. Dress and Equipment, «Orientalia Suecana», IV, Uppsala, 1955, стр. 7—8) позволяет, как нам кажется, сделать предположение, что в более позднее время, с развитием конского доспеха, этот термин все больше стал прилагаться именно к нему. Наряду со значением «вооружение (в целом)» он приобрел специфическое значение «конское снаряжение», «конский доспех». В Индию этот термин, следовательно, должен был проникнуть, скорее всего, в V—II вв. до н. э., что обнаруживает еще одну линию среднеазиатско-индийских связей. Одновременно в санскрит вошли и иранские термины, обозначающие «всадник», «седло» (о вхождении этих терминов в санскрит см. Bailey, ук. соч., стр. 7—9). Об индийской терминологии военного дела (по Панини) см. Agrawala, ук. соч., стр. 419—423. Об оборонительном доспехе в древнеиндийских источниках см. Dikshitar, ук. соч., стр. 126—128.

[92] Судя по отсутствию упоминаний о конском доспехе в подробном описании вооружения персов, входивших в состав войска Ксеркса,— Herod., VII, 61 и 84.

[93] Xen., Anab., I, 8, 7; ср. Cyrop., VI, 4, I; VII, I, 2; Eq., XII, 8. Образцы пластинок (бронзовых, железных позолоченных и железных) брони ахеменидского войска представлены в находках в Персеполе — см. Schmidt, ук. соч., стр. 100, табл. 77, 1—16. Для более позднего времени характеристику конской брони парфян см. Arr., Parth., fr. 20. Иконографические и археологические (последние — из Западной Парфии) материалы по парфянской конской броне см. Brown, ук. соч., стр. 440—449.

[94] Curt., IV, 9, 3; 13, 1; Arr., Anab., III, 13, 4. Образцы среднеазиатского (парфянского) пластинчатого железного конского доспеха известны благодаря раскопкам на Старой Нисе — см. Массон и Пугаченкова, ук. соч., стр. 20.

[95] B. Laufer, Chinese Clay Figures, ч. I, Prolegomena on the History of Defensive Armor, Field Museum of Natural History, Publication 177, Anthropological series, т. XIII, № 2, Chicago, 1914, стр. 215 слл.; Brown, ук. соч., стр. 444; W. W. Tarn, Hellenistic Military and Naval Developments, Cambr., 1930, стр. 74; Толстов, Древний Хорезм, стр. 225; F. Altheim, Niedergang der alten Welt, I, Frankfurt am Main, 1951, стр. 21.

[96] Данные, содержащиеся в письменных источниках, а также археологические материалы свидетельствуют о том, что в Средней Азии рассматриваемого периода было высокоразвитое оружейное производство. Его металлургическая (и рудная) база находилась в самой Средней Азии. Лишь полным незнанием геологической литературы и литературы по истории средневекового горного дела Средней Азии объясняются совершенно беспочвенные утверждения, до сих пор высказываемые западными авторами, о том, что парфяне железо получали якобы из «области между Уралом и Алтаем» (см. особенно B. Ph. Lozinski, The Original Homeland of the Parthians, 'S-Gravenhage, 1959, стр. 22 сл.).

[97] Намек на это как будто можно видеть в диспозиции войск перед битвой при Гавгамелах — см. Arr., Anab., III, 11, 3—7; Curt., IV, 12, 6—7. Изображения среднеазиатских боевых (?) колесниц имеются среди наскальных рисунков Саймалы-Таша (А. Н. Бернштам, Наскальные изображения Саймалы-Таш, СЭ, 1952, № 2, стр. 61—62); золотые модели бактрийских колесниц представлены в Аму-Дарь-

Народы Средней Азии к моменту греко-македонского нашествия обладали легкой и тяжелой конницей. Следует подчеркнуть также, что уже в то время здесь были выведены породы коней, обладавших прекрасными боевыми качествами. Саки славились своим искусством объезжать коней [98].

Фортификация. Зародившаяся в конце II тыс. до н.э. среднеазиатская фортификация к рассматриваемому времени достигла больших успехов. Из сообщений античных авторов Средняя Азия предстает как страна больших, сильно укрепленных городов, внутри которых находились мощные цитадели (например, Мараканда, Кирополь и др.), и укрепленных поселений. Благодаря археологическим работам можно составить и конкретное представление об уровне среднеазиатской фортификации. Стены укреплений выкладывались из пахсы и сырцового кирпича. Толщина оснований стен достигала 15 м [99]. Оборона стен осуществлялась системой башен, форма которых была различной (круглая, прямоугольная, полуовальная). Башни и стены имели один (иногда — два) ряда бойниц. Находили применение «обоймы» бойниц — строенные бойницы. Более архаическая система фортификации — без башен, основанная на сложной системе бойниц по всему периметру стен,— также еще не вышла из употребления. Наиболее уязвимое место городских укреплений — ворота — было часто защищено сложной системой предвратных сооружений [100]. При постройке укреплений умело учитывались свойства местности. Особой неприступностью отличались крепости в горных районах, красочное описание которых приводят античные авторы. По-видимому, в Средней Азии употреблялись стенобитные машины [101].

II. Боевое применение войск

Сохранившиеся сведения о принципах среднеазиатской стратегии VI—IV вв. ничтожны. Отметим лишь рассказ Геродота о предложении Томирис Киру II отойти с массагетским войском на три дня пути от Аракса или же, наоборот, чтобы ахеменидское войско отошло в противоположную сторону [102]; в сопоставлении с последующим действительным отходом массагетских войск это может, по-видимому, свидетельствовать о беллетризованном изложении Геродотом (I, 208) действительного события — применения массагетами приема стратегического отступления [103]. Из этого же рассказа Геродота известно о выделении массагетами в оборону передового отряда, составляющего треть войска (Herod., I, 211; ср. Polyaen., VII, 11).

Для рассмотрения вопроса о тактике среднеазиатского войска мы также располагаем лишь отрывочными (но более подробными) данными.

инском кладе (Dalton, ук. соч., рис. 20—21, табл. IV); описания — в Авесте (особенно реальное — Yt., X, 128—132). См. также Толстов, Древний Хорезм, стр. 225.

[98] Aelian., Var. hist., XII, 38.

[99] С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», II, М., 1958, стр. 155.

[100] Толстов, Работы..., стр. 144 сл.; он же, Древний Хорезм, стр. 79—93.

[101] На основании косвенных данных (см. Толстов, Приаральские скифы и Хорезм, стр. 12).

[102] Herod., I, 206. Об источниках и других версиях рассказа см. Пьянков, ук. соч., стр. 116—117.

[103] Если следовать переводу Кента V столбца Бехистунской надписи (R. Kent, Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon, 2-е изд., New Haven, Connecticut, 1953, стр. 134), можно было бы думать, что такой же прием применили и саки-тиграхауда во время похода на них Дария. Однако М. А. Дандамаев сомневается в правильности восстановления Кента и предложил иное восстановление (и перевод) соответствующих строк — М. А. Дандамаев, Поход Дария против скифского племени тиграхауда, КСИНА, вып. 61, 1963, стр. 176—177.

Безусловно, тактика разных племен и народностей имела особенности как в целом, так и в отдельных тактических приемах. Однако благодаря тесному военно-политическому контакту наиболее ценные способы ведения военных действий должны были перениматься соседями.

Прекрасными конными и пешими воинами были саки (Strabo, XI, 8, 6). По античной традиции, «за Яксартом обитают саки, стрелами бьющиеся, из всех стрелков в мире самые искусные, не пускающие стрелы наудачу» [104]. Сохранилось свидетельство, что сакские женщины «...наравне с мужчинами стреляют из луков назад, притворяясь бегущими»[105] — следовательно, у саков женщины участвовали в военных действиях. Высокие военные качества сакских контингентов были прекрасно известны Ахеменидам. Именно поэтому в Марафонской битве саки, наряду с отборными персидскими частями, располагались в центре ахеменидского войска[106], причем именно в центре греческая фаланга оказалась прорванной (Herod., VI, 113). Следует думать, что саки выступали здесь в пешем сомкнутом строю [107], иначе они едва ли смогли бы прорвать фалангу. Подводя итоги битвы при Платеях, Геродот (IX, 71) отмечает, что в ахеменидском войске отличалась своей храбростью сакская конница. Битва при Гавгамелах началась встречным кавалерийским сражением, в котором со стороны Ахеменидов приняла участие конница саков и бактрийцев. В первый момент сражения сако-бактрийская конница смяла и обратила в бегство конный авангард Александра. Тогда вступили в бой другие подразделения греко-македонской кавалерии и потеснили саков и бактрийцев. Следующий этап боя ознаменовался введением в действие второго эшелона среднеазиатской конницы. Завязалась упорная «конная битва» (ἱππομαχία). В ней греко-македонское войско понесло большие потери, в частности, благодаря тому, что саки и их лошади были лучше защищены. Лишь введя в действие резервы (очевидно, отряды тяжеловооруженной конницы), Александр добился победы [108]. Сражение при Гавгамелах завершилось нападением Александра на правое крыло ахеменидского войска, где перед этим соответствующие части греко-македонян попали в тяжелое положение (Arr., Anab., III, 15, 1). Из среднеазиатских воинов здесь в начале битвы находились парфяне и саки (Arr., Anab., III, 11, 4). Сюда Александр двинул наиболее сильное из своих подразделений — именно тяжеловооруженную конницу гетеров, которая напала на противника с тыла. Ей противостояли в основном парфяне, персы и индийцы. Саки не упоминаются, но учитывая, что они находились на этом крыле, они, вероятно, также приняли участие в битве. Как пишет Арриан, бой конницы, завязавшийся на этом месте, был самым упорным во всей битве. «Варвары», выстроенные в глубину по своим подразделениям, сделали поворот и начали фронтальную атаку. При этом особое удивление греков вызвало то, что, не занимаясь маневрами и обстрелом на расстоянии, атакующие прямо врезались в греко-македонские боевые порядки и завязали жестокий рукопашный бой (Arr., Anab., III, 15, 2).

[104] Dionys. Per., 749 сл. Перевод В. В. Григорьева — «О скифском народе саках», «Труды Вост. отд. Русск. арх. общ-ва», ч. 16, СПб., 1872, стр. 125.

[105] Clem. Alex., Strom., IV, 8, 62. Греко-македонские воины были поражены искусством бить «влет» птицу, которое им, по Квинту Курцию (VII, 5, 41—42), якобы продемонстрировал соратник Спитамена Катен. Хотя этот эпизод, возможно, вымышлен, существенно, что в представлении античных авторов и их информаторов искусство стрельбы из лука было высоко развито среди населения Средней Азии.

[106] О роли центра в ахеменидском войске — Xen., Anab., I, 8, 21—22; в скифском войске — Diod., XX, 22. См. также В. Д. Блаватский, Битва при Фате и греческая тактика IV века до н. э., ВДИ, 1946, № 1, стр. 102 сл.

[107] О неучастии конных войск в этом сражении см. Г. Дельбрюк, История военного искусства в рамках политической истории, I, М., 1936.

[108] Arr., Anab., III, 13; ср. Curt., IV, 15, 12—19.

Сражение Кира II с массагетами по данным, которыми располагал Геродот (I, 214), происходило так: на первом этапе противники обстреливали, находясь на значительном расстоянии, друг друга из луков; затем начался рукопашный бой, и они сражались копьями и мечами. Бой был длительным и упорным. Массагеты одержали полную победу, большая часть ахеменидского войска пала в битве.

Арриан сохранил довольно подробное описание двух полевых сражений между Александром Македонским и среднеазиатскими войсками. В сражении за Танаисом (Сыр-Дарьей), пока численного превосходства на стороне греко-македонян не было, саки окружили их и то нападали, то отступали. Однако после введения в бой основных сил греко-македонского войска, в том числе дополнительно большого количества конницы, а также пехоты, эти «повороты кругом» стали для саков невозможны, и они начали отступать [109]. В сражении с греко-македонским отрядом, возглавлявшимся Фарнухом, согдийцами и саками (под руководством Спитамена) была применена такая же тактика [110], причем на этот раз греко-македонские войска были полностью разгромлены. Позже этот прием широко использовался парфянами [111], которые, очевидно, разработали и использовали его стратегический вариант, применявшийся еще массагетами.

Как явствует из рассказа Квинта Курция (VIII, 2, 20—22) об осаде греко-македонским войском «скалы Сисимитра», бактрийцы применяли блокирование горных проходов, ведущих к крепостям, для чего возводили специальные фортификационные сооружения. Из сообщения Диона Кассия мы узнаем, что много позже (в 36 г. до н. э.) парфяне в борьбе с римлянами блокировали горные перевалы [112].

Среднеазиатские народности были знакомы с членением вооруженных сил на отдельные рода войск [113] и, вероятно, с комбинированным их использованием. В военных действиях применялись построения по отдельным подразделениям, причем и пехота и конница знали сосредоточенные действия компактными частями боевого порядка [114]. Конный бой велся с большим упорством, переходя в рукопашный [115]. В более позднее время (конец III в. до н. э.) известно применение греко-бактрийским войском такого приема, как атака противника глубоко эшелонированной конной массой, вступавшей в бой последовательными волнами [116].

Приведенные данные о трех полевых сражениях в Средней Азии, а также цитата из Климента Александрийского показывают, что применялся и другой тактический прием — нападение лавой. По греческим представлениям, типично скифская тактика конного боя — «сражаться с врагом,

---

[109] Arr., Anab., IV, 4. Подробный анализ источников — Литвинский, Саки, которые за Согдом, стр. 93—96.

[110] Arr., Anab., IV, 5, 4—5. См. изложение хода сражения в «Истории таджикского народа», I, стр. 260—261.

[111] Plut., Crass., XXIV; Tacit., Ann., VI, 35.

[112] Dion. Cass., XIX, 3—4. О применении этого же приема гирканцами см. Polyb., X, 30, 2—4.

[113] Curt., IV, 12,7; может быть, намек на это содержится уже в сообщении Геродота о том, какие способы войны знают массагеты (I, 215).

[114] Хорошо известно применение сомкнутого строя парфянами (в более позднее время) — см., например, Plut., Crass., XXIV; Iust., X, 1, 2; Tacit., Ann., VI, 35.

[115] При этом, как и у скифов (А. И. Мелюкова, Войско и военное искусство скифов, КСИИМК, вып. 34, 1950, стр. 39), в рукопашном бою особое значение должны были иметь копья.

[116] Polyb., X, 49, 9—11. Тогда же бактрийцы применяли в обороне выдвижение большого конного передового отряда (прием, который знали уже массагеты). Известно также, что конные отряды бактрийцев стремились напасть на противника до того, как он успевал перестроиться из походного в боевой порядок — Polyb., X, 49, 4 и 6.

	гирканцы	ареи	бактрийцы	согдийцы	парфяне	хорасмии	загиндукушские народы	каспии (восточные)	саки	массагеты
меч, кинжал	1 кинжал (ἐγχειρίδιον)		2 акинак (acinaces)					3 акинак (ἀκινάκης)	4 кинжал (ἐγχειρίδιον)	5 кинжал, меч (μάχαιρα)
боевой топор	6 секира двусторонняя (bipennis)								7 сагарис (σαγάρις)	из меди (χαλκῷ)
копье	8 копье короткое (αἰχμὴ βραχέα)									12 копье (αἰχμή) [с наконечником] из меди (χαλκῷ)
		9 копье с метательным ремнем (μεσάγκυλον)					11 копье длинное (ξυστὸν μακρόν)			13 копье (hasta) [с наконечником] из меди (aere) и железа (ferro)
		10 копье [метательное] (hasta)								
лук	14 лук мидийский (τόξον Μηδικόν) большой (μέγα)		15 лук местный [бактрийский] (τόξον ἐπιχώριον) тростниковый (καλάμινον)					16 лук местный (τόξον ἐπιχώριον) тростниковый (καλάμινον)	17 лук местный (τόξον ἐπιχώριον)	18 лук (τόξον)
стрела	19 стрела тростниковая (ὀϊστὸς καλάμινος)			20 стрела (τόξευμα, sagitta) наконечник стрелы (spiculum)			21 стрела (τόξευμα, sagitta) наконечник стрелы (spiculum)		22 стрела еловая (ὀϊστὸς ἐλάτινος)	23 наконечник стрелы (ἄρδις) из меди (χαλκῷ)
колчан	24 колчан (φαρετρεών)									25 колчан (φαρετρεών)

праща			[26] праща (funda) камень [от пращи] (λίθος, saxum)			
панцирь	[27] чешуйчатый панцирь железный (λεπὶς σιδηρέη)				[28] панцирь (θώραξ, tegumentum) из железных пластинок (ex ferreis laminis)	
щит	[29] щит плетеный [обтянутый кожей] (γέρρον) [30] легкий щит (leve scutum) похожий на цетру (cetra — кожаный щит)				[31] щит плетеный (γέρρον) [32] щит большой (σάκος)	
шлем		[33] шлем кожаный (κράνος, galea)				
панцирь конский					[34] панцирь (tegumentum) из железных пластинок (ex ferreis laminis)	[35] нагрудный медный панцирь (τὸ περὶ τὸ στέρνον χαλκέος θώρηξ)
боевая колесница		[36] колесница серпоносная (ἅρμα δρεπανηφόρον, currus falcatus) запряженная четырьмя лошадьми (quadrigae)				

ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦЕ

1. Herod., VII, 62 и 61.
2. Curt., VII, 4, 19; 3, 4.
3. Herod., VII, 67.
4. Herod., I, 214; VII, 64.
5. Strabo, XI, 8,6.
6. Curt., III, 2, 5.
7. Herod., I, 215; VII, 64; Strabo, XI, 8, 6.
8. Herod., VII, 62 и 61; 64 и 66.
9. Arr., Anab., VII, 6, 3—5.
10. Curt., VII, 4, 36.
11. Arr., Anab., IV, 24, 4.
12. Herod., I, 214—215.
13. Curt., III, 2, 7.
14. Herod., VII, 62, 66 и 61.
15. Herod., VII, 64 и 66.
16. Herod., VII, 67.
17. Herod., VII, 64.
18. Herod., I, 214—215; Strabo, XI, 8, 6.
19. Herod., VII, 62, 66 и 61.
20. Arr., Anab., IV, 3, 3; Plut., Alex., XLV, 3; Curt., VII, 6, 2—3.
21. Arr., Anab., IV, 26, 3—4; Curt., VIII, 10, 6 и 27—28.
22. Strabo, XI, 7,4.
23. Herod., I, 215.
24. Herod., VII, 62, 66 и 61.
25. Herod., I, 216; Strabo, XI, 8,6.
26. Arr., Anab., IV, 3, 3; Plut., Alex., XLV, 3; Curt., VII, 6, 2 и 22.
27. Herod., VII, 62 и 61.
28. Arr., Anab., IV, 4, 4; Strabo, XI, 8, 6; Curt., IV, 9, 3.
29. Herod., VII, 62 и 61.
30. Curt., III, 2,5.
31. Arr., Anab., IV, 4, 4.
32. Steph. Byz., s. v., Σάκαι; Tzetz., Hist., XII, 894.
33. Diod., XVII, 83,5; Curt., VII, 4, 33.
34. Curt., IV, 9, 3.
35. Herod., I, 215.
36. Arr., Anab., III, 11, 6; Curt., IV, 12, 7.

обращаясь в бегство». Раскрывая содержание этого тактического приема, В. Д. Блаватский пишет: «...по представлениям греков, скифская конница широко применяла в бою отступление как вполне установившийся тактический прием. В таких случаях конница скифов, видимо, шла лавой. Скифские конные лучники обрушивались на неприятеля, засыпая его дождем метких стрел, пущенных с коней на полном ходу. На более близкой дистанции метались дротики. Сокрушение поредевших, приведенных в расстройство противников довершал рукопашный бой. Если неприятель стойко держался и первый натиск не удавался, лава откатывалась обратно, и вновь собравшиеся всадники могли возобновить атаку» [117]. Прием нападения лавой должен был быть особенно эффективным, когда противником была легковооруженная пехота при малочисленной коннице, измотанной в сражениях или изнуренной тяжелыми переходами.

Вообще из сражения согдийцев и саков против отряда Фарнуха ясно, что следующим после нападения лавой этапом наступательного боя была решительная атака. В некоторых случаях, как показывает ход того же сражения, Спитамен выделял резерв, сосредоточенный в скрытом месте, который в кульминационный момент битвы наносил удар противнику с тыла. Отсюда явствует, в частности, что ход сражения планировался. Следует отметить, что прием скрытого сосредоточения основных и резервных

[117] В. Д. Блаватский, О стратегии и тактике скифов, КСИИМК, вып. XXIV, 1950, стр. 24.

сил перед началом сражения, с искусным использованием с этой целью свойств местности (рельеф, лесные заросли), получил дальнейшее развитие в парфянском военном искусстве. Он принес парфянам значительный успех уже в самом начале битвы при Каррах в 53 г. до н. э.[118].

Хорошо было известно устройство засад. В частности, Квинт Курций (VIII, 1, 3—6) сообщает о засаде, устроенной в лесу бактрийцами, массагетами и дахами. Греко-македонский отряд с помощью военной хитрости был завлечен в ловушку и внезапно атакован, в результате чего был полностью истреблен[119].

Своеобразный прием комбинированной атаки описан Квинтом Курцием. У дахов, выделенных Спитаменом (при сражении с отрядом Фарнуха) в резерв и спрятанных в лесных зарослях, на каждой лошади сидело по два всадника. В ходе атаки, очевидно, когда этот конный отряд вошел в соприкосновение с противником, всадники поочередно соскакивали с лошадей и пешими принимали участие в конном сражении. При этом античный автор не без удивления отмечает, что проворство спешившихся воинов соответствовало быстроте их коней (VII, 7, 32—33). При помощи этого приема достигалось одновременное сближение с противником пехоты и конницы, что давало, конечно, значительный боевой эффект.

Развитое фортификационное строительство является недвусмысленным показателем того, что население Средней Азии было хорошо знакомо с приемами обороны укрепленных пунктов, а также с осадными работами. Об упорстве, с которым велась оборона, свидетельствует, например, оборона Кирополя [120].

Наконец, следует упомянуть и о ведении военной разведки, засылке в стан противника лазутчиков с целью дезинформации (Polyaen., VII, 12).

В письменных источниках засвидетельствовано (правда, для более позднего времени) обучение военному делу у парфян, начиная с детского возраста (Dion. Cass., XL, 15, 2).

Итак, среднеазиатские народности имели богатый военный опыт. Этот опыт явился результатом как войн между племенами и народностями Средней Азии, так и оборонительных и наступательных войн, проводившихся ими за ее пределами [121]. Благодаря участию в военных предприятиях ахеменидского государства среднеазиатские воины и военачальники на практике ознакомились с принципами организации, тактикой и вооружением греческих, а на последнем этапе существования ахеменидского государства — и греко-македонских войск.

Можно сделать следующие выводы:

1. Вооружение среднеазиатского войска стояло на высоком для своего времени уровне и в некоторых отношениях превосходило даже вооружение греко-македонского войска [122].

---

[118] Dion. Cass., XL, 21, 2—3; 22, 1—2.

[119] «История таджикского народа», I, стр. 260—261.

[120] Там же, стр. 253—254.

[121] О последнем — см. B. Ruben, Die Entstehung der Kataphrakterreiterei im Lichte der choresmischen Ausgrabungen, «Historia», IV (1955), № 2—3, стр. 265—266.

[122] Признание этого в последнее время стало проникать и в труды некоторых западноевропейских ученых — см. R. Andreotti, Die Weltmonarchie Alexanders des Grossen in Überlieferung und geschichtlicher Wirklichkeit, «Saeculum», VIII (1957), стр. 129—130, прим. 27. О военной организации и вооружении греко-македонского войска см. Tarn, Hellenistic Military and Naval Developments; он же, Alexander the Great, II, Sources and Studies, Cambr., 1950, стр. 135—190; J. Kromayer und J. Veith, Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer, Münch., 1928; Дельбрюк, ук. соч., I, стр. 154—211; А. В. Болдырев, Я. М. Боровский, Техника военного дела, сб. «Эллинистическая техника», М.—Л., 1948, стр. 269—319 и др.

2. Среднеазиатские войска знали и применяли различные тактические приемы в нападении и обороне.

3. Благодаря участию в войнах Ахеменидского государства с греками, в том числе в битвах против войск Александра Македонского (за пределами Средней Азии), руководители среднеазиатского войска были очень хорошо знакомы с оружием и тактическими приемами как ахеменидского, так и греко-македонского войска.

4. Военный потенциал народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. был очень высок, что явилось важным фактором в их борьбе против иноземных завоевателей.

А. И. Доватур

СТРУКТУРА ПОЛИТИКИ АРИСТОТЕЛЯ

В. ИЕГЕР в своем дважды издававшемся труде об Аристотеле [1] ставит вопрос об эволюции научного мышления Аристотеля, исходя из предпосылки, что Аристотель, первоначально верный ученик Платона, затем отошел от учений Академии и это изменение его философских позиций сказалось на многих его произведениях, в которых Иегер выделяет более ранние слои, носящие на себе печать теорий Платона, и более поздние, отражающие выход Аристотеля на самостоятельный путь.

В частности, и Политику Иегер в соответствии со своими общими принципами расчленяет на части, возникшие, по его мнению, в разное время,— одни более ранние, близкие по духу к априорным политическим построениям Платона, другие более поздние, написанные в пору разочарования Аристотеля в политической спекуляции и перехода его к изучению действительности. Родство с построениями Платона Иегер усматривает в значительных частях книг II и III и полностью в книгах VII—VIII Политики. Им он противопоставляет книги IV, V, VI, где Аристотель опирается на реальные факты истории или современности. Книги «абстрактные», «нормативные» представляют собой раннюю стадию работы Аристотеля, а книги «фактические» — более позднюю. (Книга I добавлена им позднее как общее введение; в книгах II и III сделаны более поздние добавления).

Иегер придает значение еще одному соображению: в «ранних» книгах Политики отражается, по его мнению, политическая атмосфера Троады, т. е. той области, где у атарнейского тирана Гермия Аристотель провел 348/7—345/4 гг. Не вдаваясь в разбор мнений Иегера о Троаде, отметим, что в тех же книгах Политики другие ученые находят атмосферу Афин времени управления афинскими финансами Ликургом, т. е. 335—326 гг., а третьи — одновременно и то и другое [2]. Эти поиски общей политической обстановки, в которой Аристотель мог создавать свои книги, имеющие нормативный характер, не привели к какому-нибудь убедительному результату. Неудивительно поэтому, что и сторонники и противники теории Иегера придают наибольшее значение его исходному положению — о первоначальной близости Аристотеля к платонизму и о последующем его освобождении от влияния учителя. Противники Иегера отвергают самую

[1] W. Jaeger, Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung, B., 1923 и 1955.

[2] Об этом см. А. Доватур, Политика и Политии Аристотеля, М.— Л., 1965, стр. 351.

основу его теории. По их мнению, нельзя представлять себе слишком упрощенно эволюцию философской мысли Аристотеля — от подчинения Платону к резкому разрыву с ним. Аристотель на протяжении всей своей деятельности был близок к теориям Академии: даже его критика учения об идеях не означает разрыва с платонизмом — «отбрасывая платоновские идеи, Аристотель не порывает с духом платонизма; он хочет скорее освободить его от его образного отражения, избавить от ненужной метафоры» [3].

Нам предстоит разобрать — в применении к Политике — вопрос, действительно ли есть основание говорить о двух различных слоях в Политике, коренным образом отличающихся один от другого по отражающемуся в них научному мировоззрению (и в связи с этим по писательской манере). Уже предварительно можно выдвинуть одно требование — учитывать не только прямые ссылки на историю и современность, но и тот подразумеваемый фактический материал, без которого немыслимы многочисленные, казалось бы чисто теоретические, положения Аристотеля. Не забудем и тот большой интерес к научным фактам, в частности к фактам исторического порядка, какой обнаруживается у Аристотеля уже в ранних его произведениях и не ослабевает в течение всей его жизни [4].

Не составляет большого труда разобраться с интересующей нас точки зрения в I книге Политики. Аристотель занимается здесь вопросом о сущности полиса. Путем расчленения понятия полиса он доходит до тех первичных элементов, которые, вытекая, по его мнению, из потребностей самой человеческой природы, являются зародышами человеческих объединений и в конечном счете — полиса. Рассуждение идет в самом общем плане. Анализ понятия делается в обычной для Аристотеля манере расчленения сложного понятия на его простые составные части. Процесс возникновения полиса в отдаленном прошлом не был доступен непосредственному наблюдению. Полисы, создававшиеся в историческое время и даже на глазах Аристотеля, не помогали разобраться в ранних стадиях существования полисов вообще. Для каких-либо исторических примеров места в I книге Политики не было. Таких примеров в этой книге и нет, если не считать изредка встречающихся ссылок на древнейших поэтов. Сюда можно отнести ссылки на Гомера (1252 b, 22; 1253 a, 5; 1259 b, 13), а также, хотя и с некоторой натяжкой, ссылку на Гесиода (1252 b, 10). Вполне понятно, что даже сторонники генетической теории не склонны относить I книгу Политики к первоначальному составу этого произведения [5], несмотря на отсутствие в ней фактической базы, характерной для научного творчества Аристотеля поры его зрелости.

Совсем иным характером отличается II книга Политики. Имея в виду свою конечную цель — построение идеального государственного строя,— автор желает убедиться в том, что поставленная им задача никем не была решена до него. Ведь если бы оказалось, что решение уже найдено, то новые поиски были бы не чем иным, как занятием людей, стремящихся во что бы то ни стало показать свое остроумие — πάντως ... σοφίζεσθαι βουλομένων (1260 b, 34). Рассматриваются два рода конституций: 1) предложенные в виде проектов наилучшего строя разными мыслителями — Платоном в «Государстве» и «Законах», Фалеем Халкедонским, Гипподамом Милетским, 2) реально существующие и имеющие хорошую репу-

[3] J. Moreau, Aristote et son école, P., 1962, стр. 26, ср. стр. 108 (о связи аристотельского учения с платонизмом); I. Düring, Aristotle and the Heritage from Plato, «Eranos», 62 (1964), стр. 84 слл.

[4] См. R. Weil, Aristote et l'histoire. Essai sur la Politique. Thèse, P., 1960.

[5] См. J. Aubonnet, Introduction к изд. Aristote, Politique. Livres I et II, P., 1960, стр. CXI.

тацию — подробно лакедемонская, критская, карфагенская и суммарно некоторые другие. Ни одна из них не удовлетворяет Аристотеля в полной мере. Нас, однако, интересует здесь не эта сторона дела. Чтобы критически разобрать проекты Платона, Фалея и Гипподама, требовалось знакомство с их сочинениями; чтобы дать критический очерк государственных устройств Лакедемона, критских полисов и Карфагена, нужно было хорошее знакомство с реальными порядками этих государств. Дело не в том, что Аристотель оценивает эти существующие не в книге, а в действительности конституции с некоей «нормативной точки зрения» (элемент оценки, как мы увидим, всегда присутствует у Аристотеля), а в том, что он здесь не занимается построениями и не анализирует чужие теоретические построения, а критикует действительность, предварительно изучив ее. Важно и то, что рассмотрение чужих проектов сопровождается ссылками на порядки, наблюдавшиеся в разных государствах, или на случившиеся в них события. При этом упоминаются объединение аркадян (имеется в виду Мегалополь — 1261 a, 28 сл.), Лакедемон (1263 a, 35 слл.; 1263 b, 40 слл.; 1264 a, 9 слл.; 1265 b, 31 сл.), Крит (1263 b, 40 слл.; 1264 a, 20 слл.), Локры (1266 b, 19 слл.), Атарней (1267 a, 31 слл.), Эпидамн (1267 b, 16 слл.), Афины (там же), Кима (1268 b, 41 слл.). Аристотель имеет под рукой конкретный материал не только по Спарте, Криту и Карфагену и черпает из него нужные ему сведения. Работая над изучением фактической стороны спартанской, критской и карфагенской политической жизни, Аристотель не терял из виду теоретических построений своих предшественников. О Платоне он вспоминает дважды. Отмечая одностороннюю направленность спартанских установлений, которые способствуют развитию одной только военной доблести, Аристотель не забывает упомянуть о том, что до него Платон делал тот же упрек спартанскому законодателю (1271 a, 41 слл). Во втором месте, правда атетируемом некоторыми издателями, он перечисляет своеобразные черты законов в проектах Фалея и Платона (1274 b, 9 слл.) наряду с особенностями законов, установленных государственными деятелями. Чтение II книги Политики убеждает нас в тесном переплетении у Аристотеля «теоретического» и «реального» интереса к конституциям.

Книга III, считающаяся одной из ранних или сравнительно ранних, никак не может быть названа спекулятивной или даже в собственном смысле нормативной. Поставленные в ней вопросы — что такое полис, что такое гражданин — решаются на основании наблюдения над политической жизнью. Количество ссылок на историю и современные политические порядки достаточно велико. Здесь мы встречаем следующие примеры: о судьях в Лакедемоне и Карфагене (1275 b, 9 слл.), о порядке получения гражданских прав в Ларисе (1275 b, 26 слл.), об увеличении количества граждан в Афинах в результате реформ Клисфена (1275 b, 35 слл.), об изречении ферского тирана Ясона (1277 a, 24 сл.), о существовавшем в Фивах запрещении выбирать на должности лиц, которые в течение десяти лет не воздерживались от рыночной торговли (1278 b, 25 сл.), об одном из установлений Солона (1281 b, 32 слл.), о совете Периандра Коринфского Фрасибулу Милетскому (1284 a, 24 слл.), о подозрительном отношении афинян к самосцам, хиосцам и лесбосцам, а персидских царей — к мидянам и вавилонянам (1284 a, 39 слл.), о полномочиях спартанских и гомеровских царей (1285 a, 3 слл.), об обстоятельствах избрания Питтака в Митилене (1285 a, 35 слл.), о характере царской власти в Лакедемоне (1285 b, 26 слл.), о назначении охраны Дионисию Сиракузскому (1286 b, 39 сл.), о главном должностном лице с широчайшими административными полномочиями в Эпидамне и Опунте (1287 a, 4 слл.).

Но и независимо от этих конкретных примеров можно с уверенность

утверждать, что в основе положений, развиваемых Аристотелем в III книге Политики, лежит большая осведомленность его в вопросах современного ему и более древнего государственного права греческих полисов. Эта осведомленность дает о себе знать в рассуждениях о понятии гражданина применительно к государствам разного типа (1275 a, 2 слл.; 1275 b, 22 слл.), в рассмотрении положения ремесленников в древние времена, а отчасти и во время Аристотеля (1278 a, 6 слл.), в классификации форм правления (1279 a, 22 слл.) — обо всех этих формах Аристотель упоминает далее в виде конкретных примеров в книге V, имеющей, по общему признанию, реалистический характер, что гарантирует возникновение этой классификации на основании наблюдений, а не из абстрактных предпосылок,— в объяснении значения остракизма и других подобных мер (1284 a, 33 слл.), в обзоре разновидностей царской власти (1285 b, 20 слл.).

Вместе с тем в этой вполне реалистической III книге Политики читатель ясно ощущает и нормативный момент. Аристотель рассматривает вопросы не только о том, что такое гражданин в реальном государстве, но и о гражданской доблести и об ее отношении к доблести общечеловеческой (1276 b, 16 слл.), т. е. о том свойстве, выработке которого в гражданах содействует, по учению Аристотеля, изложенному в VII и VIII книгах Политики, идеальный государственный строй. Аристотель далее не просто дает характеристику разным видам государственного устройства, но и распределяет их по рубрикам «правильные» и «неправильные», т. е. оценивает их с точки зрения пользы, приносимой ими государству в целом — τὸ κοινὸν συμφέρον (1279 a, 22 слл.). В связи с этим Аристотель задается вопросом о том, кому следует стоять во главе полиса — народной ли массе, богачам, «порядочным людям», «единому лучшему из всех» или тирану (1281 a, 11 слл.). В своих рассуждениях Аристотель ссылается на справедливость, говорит о доблести; местами Аристотель прямо говорит о «наилучшем государстве» — βελτίστη πόλις (1287 a, 18), «наилучшем государственном устройстве» — ἀρίστη πολιτεία (1284 b, 25; 1286 a, 15), тем самым становясь на тот путь, который в дальнейшем приведет его к построению проекта идеального, «наилучшего» государственного строя. Как видим, нормативная точка зрения вполне уживается в III книге Политики с реалистическим подходом к действительности, требующим изучения истории и современности. То и другое настолько тесно соединено между собой, что образует единство, не поддающееся рассечению без насилия над текстом Аристотеля.

Книга IV может считаться в известном смысле центральной в Политике Аристотеля. Здесь перечисляются задачи политической науки. Задачи эти сводятся к построению четырех видов государственных устройств: во-первых, наилучшего в абсолютном смысле; во-вторых, наилучшего из осуществимых при наличных обстоятельствах; в-третьих, наилучшего в пределах каждой из существующих государственных форм; в-четвертых, наилучшего, подходящего для любого полиса [6].

В этой книге, знаменующей собой, по мнению сторонников теории Иегера, разочарование автора в спекулятивной политической философии, все четыре задачи носят явный отпечаток нормативной точки зрения. Первая — так, как она поставлена Аристотелем,— отнюдь не может быть названа эмпирической. Все остальные предполагают изучение реальной действительности, но только в качестве первой стадии. Затем следует установление наилучшей из возможных при тех или иных данных условиях государственной формы, т. е. в сущности уже теоретическое построение. Если выдвинутая дальше тема о разновидностях государственного строя

[6] Подробнее об этом см. Доватур, ук. соч., стр. 39 слл.

является безусловно «эмпирической», то следующая за ней — о наилучших законах и законах, подходящих для того или иного государственного строя,— опять предполагает в качестве основания нормативную точку зрения.

Итак, в самой постановке подлежащих рассмотрению вопросов обе точки зрения — «эмпирическая» и «нормативная» — неразрывным образом связаны между собой. Конечная цель Аристотеля — построение идеального строя, но к этому конечному звену цепи ведут другие звенья, представляющие собой сплав двух элементов — эмпирического и нормативного.

Классификация форм правления с сопутствующими ей рассуждениями, занимающая значительную часть IV книги (1289 a, 26 слл.), делается на основе широкого знакомства с политической действительностью. Всякие сомнения в этом отпадут, если мы вспомним, что все охарактеризованные здесь формы фигурируют в исторических примерах, которыми в изобилии снабжена книга V. В то же время одним из принципов выделения форм правления является у Аристотеля их оценка — они делятся на «правильные» (ὀρθαί) и «отклонения от них» (τούτων παρεκβάσεις) с соответствующей градацией в пределах тех и других. То же следует сказать и о второй ступени деления — подразделении демократии, олигархии и других форм на подвиды (1289 a, 30 слл.); и здесь положительное знание сочетается с оценкой, что остается характерной особенностью политического мышления Аристотеля до конца его жизни (см. Афинскую Политию).

Любопытно при этом, что в части книги, посвященной классификации форм правления, реально существовавших в греческих полисах, исторические примеры даны в сравнительно незначительном (для рассуждения такого характера) числе случаев. В древние времена в государствах, мощь которых заключалась в коннице, был олигархический строй — как, например, у эретрийцев, халкидян, магнетов на Меандре и многих других в Малой Азии (1289 b, 38 слл.). Демос не является единообразным — есть демос земледельческий, ремесленный, рыночный, морской; последний в свою очередь делится на военный, торговый, занимающийся перевозками (πορθμευτικόν), рыбачий; многочисленные рыбаки — в Таренте и в Византии, гребцы на триэрах — в Афинах, работающие в гавани (ἐμπορικόν) — на Эгине и на Хиосе, перевозчики — на Тенедосе (1291 b, 18 слл.). Государственный строй карфагенян, основанный на трех принципах — богатстве, доблести, народе,— может считаться аристократическим, как и строй лакедемонян, исходящий из двух принципов — доблести и народа (1293 b, 14 слл.). О характере лакедемонской конституции судят по-разному (1294 b, 18 слл.). Некоторые варвары выбирают неограниченных монархов, и у древних эллинов существовал особый вид выборных единоличных правителей — эсимнеты (1295 a, 11 слл.).

Не больше конкретных примеров дается в разделах о среднем государственном строе, являющемся наилучшим для большинства полисов и большинства людей (1295 a, 25 слл.), о строе, подходящем для того или иного вида полиса (1296 b, 13 слл.), о мероприятиях, проводимых государственными деятелями для успокоения народа (1297 a, 14 слл.), а также в обширном разделе, где рассматриваются три элемента (τρία μόρια) государственного порядка, от хорошего устройства которых зависит и хорошее состояние государственного строя вообще,— совещательные органы, магистратура, судебные органы (1297 b, 35 слл.). Вот приведенные в этих разделах примеры. Наилучшие законодатели — Солон, Ликург, Харонд и другие — принадлежали к средним слоям населения (1296 a, 18 слл.). Гегемоны Эллады всегда вели себя эгоистично, думая только о своей выгоде и не заботясь о пользе подчиненных им полисов (1296 a, 32 слл.). По зако-

нам Харонда, за уклонение от участия в судебных органах состоятельные люди подвергались большому штрафу, а бедные — небольшому (1297 a, 21 слл.). У малийцев принадлежность к гражданству определялась выполнением военной обязанности, а право занимать государственные должности — участием в походах; нечто подобное было и у других эллинов (1297 b, 12 слл.). По конституции Телекла Милетского совещательная власть была отдана в руки всего народа, но осуществлялась не всеми вместе, а по очереди (1298 a, 11 слл.). В Мегарах (в определенный момент их истории) на должности избирались только те, кто возвратился из изгнания и боролся против демократии (1300 a, 16 слл.). Афинский суд во Фреатто представляет собой редкую разновидность суда — он разбирает дела возвращающихся на родину изгнанников, когда последние подвергаются обвинению в убийстве (1300 b, 27 слл.). Несмотря на скудость приведенного конкретного материала, нельзя представить себе, чтобы Аристотель работал во всех названных разделах, не имея большой фактической базы. С внешней стороны изложение Аристотеля выглядит так, как будто оно представляет собой результат априорного построения, и это впечатление усиливается благодаря встречающимся в некоторых местах выражениям типа «полезно» συμφέρει (1296 b, 13; 1298 b, 13, 21 сл.), «следует» (1297 b, 37 сл.). В действительности же перед нами плод углубленного изучения реальной жизни.

Книга V по справедливости признается «фактической». В самом деле, тема ее — государственные перевороты, их типы, причины, а также меры, способствующие их предотвращению,— предполагает изучение фактической истории далекого и близкого прошлого. Ни одна книга Политики не снабжена в таком количестве фактическим материалом, иллюстрирующим теоретические положения, как книга V. Мало того, в некоторых местах автор прямо заявляет о том, что приведенные им примеры не исчерпывают его запаса сведений. Выдвинув положение о том, что необузданность демагогов ведет демократию к гибели, предупредив читателя о многочисленности подтверждающих это положение примеров, сославшись затем только на пять примеров (Кос, Родос, Гераклея, Мегары, Кима), Аристотель заканчивает утверждением, что всякий может убедиться в справедливости сказанного на других примерах (1305 a, 2 сл.). После перечисления ряда случаев покушений на жизнь единоличных правителей со стороны оскорбленных ими и охваченных гневом людей Аристотель добавляет: «и многие другие по таким же причинам либо были убиты, либо вызвали против себя злоумышление» (1311 b, 34 слл.). В подтверждение своей мысли, что гнев скорее побуждает к действию, чем ненависть, автор Политики указывает только на один пример — падение тирании Писистратидов, замечая после этого: «(так были упразднены) и многие из прочих тираний» (1312 b, 31 сл.).

Иногда у Аристотеля примеры отсутствуют. Отсюда не следует, будто для таких мест конкретных примеров нехватало. Тираны не доверяют народной массе (τῷ πλήθει), чем объясняется ряд мер, характерных для внутренней политики тиранов (и олигархов),— изъятие оружия, притеснение простого народа (τὸ κακοῦν τὸν ὄχλον), изгнание и выселение его из городов. Для любой из указанных Аристотелем мер даже нам (а тем более ему) нетрудно было бы подобрать примеры. Не из головы, надо думать, взято и другое утверждение — много тираний погибло из-за наглого поведения женщин, принадлежавших к семье тиранов (1314 b, 26 сл.). Законная монархия (βασιλεία) отличается от тирании тем, что внешние обстоятельства не оказывают на нее губительного влияния, а потому она и долговечна; зато ее губят междоусобия в правящем доме и перерождение ее в тиранию в результате стремления царей к противозаконному расширению

своей власти (1312 b, 40 слл.). История македонской и эпирской монархий, а также история спартанской царской власти, не говоря уже о монархиях мифологической поры и негреческого мира, были достаточной фактической базой для подобных обобщений в Политике.

Не может быть никакого сомнения в том, что рассуждения автора в V книге Политики выросли из наблюдений над фактами. Тем не менее и в этой книге изучение фактов сочетается с поисками наилучшего государственного строя, наилучших его деталей, наилучшего образа действий. Вопрос о том, «как происходят события» (государственные перевороты) и как они предотвращаются, неотделим для Аристотеля от вопроса о том, как следует поступать (δεῖ), что при тех или иных обстоятельствах оказывается справедливым (δίκαιον) или полезным (συμφέρον). В начале своего рассуждения, в главах, посвященных рассмотрению государственных переворотов, Аристотель ставит вопрос о справедливости применительно к демократическому и олигархическому образам правления и приходит к заключению, что та и другая формы правления частично обоснованы, но в целом ошибочны (1301 a, 25 слл.). Из того, что люди в некоторых отношениях равны, демос делает вывод, что они вообще равны; в свою очередь, олигархи отвергают равенство вообще на том основании, что люди в некоторых отношениях не равны между собой (1301 b, 35 слл.). В Аргосе и Афинах прибегали к остракизму для изгнания лиц, в которых видели угрозу захвата власти и установления единовластия; однако лучше (βέλτιον) предотвращать самую возможность появления такой угрозы, нежели, позволив ей возникнуть, применять затем лечение (1302 b, 18 слл.). Раздоры в государстве происходят по незначительным поводам, но имеют в своей основе важные причины; незначительные поводы приобретают особое значение, когда они возникают в среде господствующих, как это было однажды в Сиракузах, где началом раздоров, приведших к изменению государственного строя, послужило соперничество на любовной почве между двумя знатными молодыми людьми. Поэтому, советует Аристотель, следует остерегаться таких столкновений и стараться примирять враждующих между собой предводителей и могущественных лиц (1303 b, 17 слл.).

Эти, пусть немногочисленные, примеры нормативного подхода к явлениям политической жизни встречаются в той части рассуждений Аристотеля, где их можно меньше всего ожидать, так как речь идет о фактах — как именно совершаются перемены государственного строя. С гораздо бо́льшим основанием можно надеяться найти более многочисленные и более яркие отражения нормативной точки зрения в следующем разделе V книги — о средствах спасения (или сохранения — σωτηρία) всякого вида государственного строя вообще и каждого в отдельности. И действительно, эта часть построена иначе, чем предыдущая. Хотя и здесь автор несомненно опирается на факты истории, количество примеров сравнительно с предыдущей частью значительно меньше. Важнее, однако, другое: изложение Аристотеля теперь чаще облекается в форму практических советов. При конституциях, представляющих собой хорошее смешение различных принципов, следует не допускать ни в чем нарушения закона и особенно наблюдать за мелочами — ведь беззаконие проникает в государственную жизнь незаметно (1307 b, 30 слл.). Затем Аристотель устанавливает определенные нормы: не верить софизмам, направленным к снисканию симпатий народных масс, следить надлежащим образом за действиями должностных лиц; в демократиях не только справедливо, но и полезно соблюдение известного равенства внутри народной массы, чему способствует кратковременность полномочий магистратов. Заботящиеся о сохранении государственного строя должны принимать меры к тому, чтобы страх заставлял людей охранять существующий строй (1308 a, 27 слл.). Сопер-

ничество и раздоры в среде знати следует стараться предотвращать силой закона; этим должны заниматься и люди, еще не охваченные распрями, так как распознать зло в самом его начале способен не всякий, а только проницательный в политических делах человек (1308 a, 31 слл.). При олигархиях и политиях полезно — во избежание перехода их в другую государственную форму — следить за имущественным цензом и периодически изменять его в соответствии с изменением общего благосостояния (1308 a, 35 слл.). Вообще при любом строе не следует давать возможность кому бы то ни было чрезмерно возвыситься над другими (1308 b, 10 слл.). Необходимо учредить особую должность для надзора за теми, чья частная жизнь не соответствует характеру государственного строя: при демократиях — демократическому, при олигархиях — олигархическому (1308 b, 21 слл.). Во всяком государстве, а особенно в олигархическом, нужно заботиться о том, чтобы законы и управление исключали для должностных лиц возможность обогащаться (1308 b, 31 слл.). Демократия должна щадить состоятельных людей и не прибегать не только к разделу имущества, но и к общему пользованию доходами; лучше даже, если будут препятствия к добровольному несению дорогостоящих и не приносящих пользы литургий (1309 a, 14 слл.). В свою очередь олигархия должна проявлять заботу о неимущих, давая им приносящие выгоду должности, устанавливая бо́льшие наказания за обиду, нанесенную неимущим, чем за соответствующую обиду своим, ограничивая возможность накопления в одних руках больших богатств благодаря получению наследств (1309 a, 20 слл.). Полезно предоставлять равное или даже преимущественное право занимать некоторые (не главные) должности при демократии — состоятельным людям, а при олигархии— бедным (1309 a, 27 слл.). Необходимо, чтобы кандидаты на важнейшие должности отвечали трем требованиям: они должны, во-первых, любить существующий государственный строй; во-вторых, обладать наибольшими способностями для выполнения своих обязанностей; в-третьих, отличаться доблестью и справедливостью, соотвествующими данному государственному строю (1309 a, 33 слл.).

Не будем продолжать этого перечня. Отметим только одно очень показательное место, где прямо противопоставляется желательная норма обычной практике — то, что обычно делается, тому, что должно бы делаться. При демократиях демагоги своими нападками на состоятельных людей способствуют образованию в государстве двух враждующих между собой групп, тогда как им следовало бы всегда выступать с речами в пользу имущих; при олигархиях же олигархи должны были бы выступать в пользу демоса и произносить клятвы не в том, что они будут враждебны демосу и будут злоумышлять против него, а в том, что они не будут чинить ему обид (1310 a, 2 слл.). Аристотель констатирует факты, но не для того, чтобы признать их или примириться с ними, а только для того, чтобы выразить свое несогласие с ними и указать государственным деятелям правильный путь.

Довольно резко изменяется характер изложения Аристотеля при переходе к вопросу о причинах порчи монархии, под которой разумеется единоличное правление, т. е. как законная монархия, так и тирания (1310 a, 39 слл.). Этот раздел снабжен, хотя и неравномерно, сравнительно большим количеством исторических примеров, служащих достаточным признаком того, что автор базировался на фактах. В качестве примеров фигурируют Фидон Аргосский и ряд тиранов (1310 b, 26 слл.), Кодр, Кир, лакедемонские, македонские и молосские цари (1310 b, 36 слл.), совет Периандра Фрасибулу (1311 a, 20 слл.), заговоры против тиранов в Афинах, Амбракии и против царей — Филиппа Македонского, Эвагора Кипрского, Архелая Македонского (1311 a, 36 слл.) — и некоторые другие.

Раздел о способах сохранения монархического правления мог бы строиться по аналогии с соответствующим разделом о демократии и олигархии, т. е. в виде советов единоличным властителям. Однако в начальной части этого отдела наблюдается иное: Аристотель сообщает о фактах без всякого намека на норму, которую следовало бы проводить в жизнь. Если в одном случае сказано ἀναγκαῖον (1313 a, 21), то при этом имеется в виду не необходимость в смысле нормы, а неизбежность в смысле закономерности — чем более ограничена сфера власти монарха, тем эта власть должна быть долговечнее. Везде речь идет о тех мерах, которые свойственны тирании и применяются тиранами против возможных попыток свержения их власти. Аристотель не отрицает эффективности этих мер, но нигде даже в виде слабого намека не рекомендует их. Характер внутренней политики тиранов делает вполне понятной для нас позицию Аристотеля: это — расправа с выдающимися гражданами, стремление разъединить граждан и посеять между ними недоверие, установление слежки и поощрение доносов, проведение мер, способствующих объединению граждан.

Выше Аристотель предупреждал читателя (слушателя) о двух совершенно различных способах сохранения тиранической власти, один из которых является традиционным и обычно применяемым тиранами: Αἱ δὲ τυραννίδες σῴζονται κατὰ δύο τρόπους τοὺς ἐναντιωτάτους, ὧν ἄτερός ἐστιν ὁ παραδεδομένος καὶ καθ᾽ὃν διοικοῦσιν οἱ πλεῖστοι τῶν τυράννων τὴν ἀρχήν (1313 a, 34 слл.). Заканчивается рассмотренная нами часть рассуждения Аристотеля словами: «Таков один способ, благодаря которому сохраняется тирания» (1314 a, 29 слл.).

Другой способ сохранения тирании предполагает проведение в жизнь таких мер, которые по существу почти что противоположны перечисленным,— ὁ δ᾽ἕτερος (scil. τρόπος) σχεδὸν ἐξ ἐναντίας ἔχει τοῖς εἰρημένοις τὴν ἐπιμέλειαν (1314 a, 31 слл.). Способ этот сводится к изменению самой сущности тирании и приближению ее к законной царской власти. Перечисление всего того, что помогает тирану достигнуть этой цели, подается в виде рекомендации — δεῖ (1314 a, 39; 1314 b, 15, 21, 37; 1315 a, 3, 20, 27, 34, 41; ср. также ποιητέον — 1315 a, 16 сл., ἀνάγκη — 1315a, 37). Далее следуют исторические примеры, подтверждающие правильность защищаемых Аристотелем положений (1315 b, 12 слл.), и полемика с Сократом (Платоном), неправильно рассуждающим в «Государстве» о государственных переворотах (1316 a, 1 слл.).

Итак, строго фактическая, по мнению толкователей Политики, книга V содержит, наряду с фактическими, констатирующими частями, также части нормативного характера.

Книга VI трактует о том, что́ свойственно и что́ полезно каждому из отдельных видов демократии и других государственных устройств. Остановившись на соединении в строе одного государства разных элементов, свойственных двум разным видам конституций, Аристотель переходит к основному интересующему его вопросу — как следует организовать — δεῖ κατασκευάζειν (1317 a, 15) тот или иной тип государства. Начинает он с демократии. Устанавливается сущность, самый принцип демократического образа правления. Разные виды демократии рассматриваются под углом зрения их сравнительной ценности. Из четырех видов демократии наилучший, с точки зрения Аристотеля, — δημοκρατιῶν... βελτίστη (1318 b,6), τῶν δημοκρατιῶν ἀρίστη (1319 a, 4), τὴν βελτίστην καὶ πρώτην δημοκρατίαν (1319 a, 39) — демократия земледельцев, так как наилучшим демосом является демос земледельческий — βέλτιστος γὰρ δῆμος γεωργικός (1318 b, 9). Наличие такой демократии гарантирует хороший образ правления — πολιτεύεσθαι καλῶς (1318 b, 33). На второе место Аристотель ставит пастушеский демос — μετὰ δὲ τὸ γεωργικὸν πλῆθος βέλτιστος δῆμός ἐστιν

ὅπου νομεῖς εἰσι καὶ ζῶσιν ἀπὸ βοσκημάτων (1319 a, 19 слл.). Другие виды демократии намного хуже — πολλῷ φαυλότερα (1319 a, 25; ср. 1320 a, 34 сл.— μοχθηρὰν τὴν δημοκρατίαν). Ведь земледельцы и пастухи, в противоположность живущим в городе ремесленникам, рыночным торговцам, поденщикам, мало склонны собираться на народные собрания (1319 a, 27 слл.). Совершенно ясно, что тот или иной вид демократии получает более высокую или более низкую оценку со стороны Аристотеля в зависимости от большего или меньшего отдаления его от афинской демократии IV в. При этом Аристотель не забывает упомянуть и о той «добродетели» — ἀρετή, которая играет такую большую роль в его проекте идеального строя. Представители городского демоса — ремесленник, рыночный торговец, поденщики — занимаются делами, не требующими добродетели — οὐθὲν ἔργον μετ᾽ ἀρετῆς (1319 a, 26). В этом — напоминание о той моральной точке зрения, с какой автор разрешает высшие проблемы политической жизни и которая в конечном счете приводит его к построению идеального в абсолютном смысле строя, обеспечивающего гражданам возможность упражняться в добродетели.

Самый замысел VI книги требует соответствующего характера изложения. Выясняется, что́ полезно для сохранения той или иной формы правления. Значит, основная задача автора — найти комплекс целесообразных, а следовательно, и достойных рекомендации мер. Как это и естественно, глагол δεῖ не раз повторяется в рассуждении Аристотеля — как в отрезке, где речь идет о демократии (1319 b, 37; 1320 a, 6, 14, 22, 33; 1320 b, 16; ср. χρή — 1320 a, 37; καλῶς ἔχει — 1320 b, 9), так и в дальнейшем, когда автор переходит к олигархии (δεῖ — 1320 b, 18, 19, 22, 28, 30; 1321 a, 17, 22, 32; 1321 b, 11, 13; 1322 a, 26; 1322 b, 15; ср: εὐφυῶς ἔχει — 1321 a, 9; ἁρμόττει — 1321 a, 35; 1321 b; 11; βέλτιον —1322 a, 8, 20; ἀναγκαῖον — 1322 b, 8 сл.; καλῶς ἔχει— 1320 b, 9).

Везде преобладает тон совета. Примеров из истории или современности в этой VI книге, которая признается сторонниками генетической теории поздней, фактической, очень немного: участие избранных из народа в выборах должностных лиц в Мантинее (1318 b, 23 слл.); закон Оксила (в Элиде), запрещающий давать взаймы под залог определенной части земельной собственности (1319 a, 12 слл.); реформа фил и фратрий в Афинах при Клисфене и в Кирене (1319 b, 19 слл.); меры, принимаемые в Карфагене и Таренте для удовлетворения некоторых нужд народа (1320 b, 4 слл.); ограничение доступа в состав полноправного гражданства людям из народа в Фивах и Массалии (1321 a, 28 слл.); афинская коллегия одиннадцати (1322 a, 20). Правда, отсутствие примеров в большей части VI книги само по себе вовсе не доказывает, что рекомендуемые Аристотелем меры не берутся им из политической практики настоящего или прошлого. В значительной части они действительно взяты из реальной жизни и не представляют собой продукта чисто теоретической мысли. Например в разделе, касающемся должностных лиц, Аристотель прямо указывает, что нужная, по его мнению, должность, ведающая благораспорядком в городе, называется обычно астиномией; аналогичные астиномам, но действующие вне города магистраты носят названия агрономов и гилоров; дальше речь об аподектах, казначеях, гиеромнемонах, эпистатах, мнемонах и т. д. (1321 b, 23 слл.). Перечисляются магистраты, действительно существовавшие во многих греческих полисах, так что подобрать соответствующий иллюстрирующий материал не представляло никакого труда. Этого, однако, автор Политики здесь не сделал. Сравнение с V книгой, насыщенной примерами, показывает, что Аристотель желал писать по-разному и не стремился к единообразию.

Одно место из VI книги заставляет нас отказаться от мысли, будто

Аристотель, давая свои советы, опирался исключительно на политическую действительность. При олигархиях, по мнению Аристотеля, следовало бы установить порядок, по которому лица, занимающие главные должности, усердно несли бы литургии, чтобы народ, отстраненный от должностей, без неудовольствия переносил свое положение, видя, какой ценой достаются должности. Кроме того, магистраты, вступая в должность, должны устраивать пышные жертвоприношения и делать при этом кое-что на общую пользу; получая угощение и видя, как город украшается посвятительными дарами и зданиями, народ был бы доволен существующим строем, а знатные люди оставляли бы памятники произведенных ими расходов. Однако, по замечанию Аристотеля, олигархи поступают не так, а наоборот,—они ищут выгоды не меньше, чем почета (1321 a, 40 слл; ср. разобранное выше место из V книги о клятве олигархов — 1310 a, 7 слл.).

Завершающие весь труд в его настоящем виде книги VII и VIII содержат проект идеального строя. Согласно общераспространенному мнению, этот проект Аристотеля не имеет прямого отношения к действительности и не рассчитан на реализацию. Иегер и его сторонники противопоставляют книги VII—VIII «фактическим», «эмпирическим» книгам IV—VI. Книги VII—VIII, думают они, составляют единый комплекс с книгами II—III (впрочем, без некоторых глав той и другой) и написаны молодым Аристотелем, бывшим тогда в плену спекулятивной мысли Платона.

Нельзя не согласиться с тем, что в двух последних книгах Политики автор дает советы, норму для создания абсолютно безукоризненного полиса. Нормативный тон изложения не нарушают вкрапленные в некоторых местах исторические примеры (VII, 1324 b, 7 сл; 1327 b, 14 сл.; 1329 b, 2 слл.; 1332 b, 23 слл.; 1333 b, 18 слл.; 34; 1334 a, 40 слл.; 1335 a, 18 слл.; 1336 a, 17 сл.; VIII, 1337 a, 31 слл.; 1338 b, 21 слл., 24 сл.; 1339 a, 34 слл.; 1341 a, 33 сл.). Но все же вывод Иегера и его последователей о каком-то большом разрыве между книгами VII—VIII и предшествующими им книгами IV—VI лишен достаточного основания. Программа, помещенная в начале IV книги, предусматривает построение наилучшего в разных смыслах строя — относительно наилучшего, т. е. подходящего для любого государства; наилучшей формы, какую могут принять существующие государственные устройства; абсолютно идеального строя (IV, 1288 b, 21 слл.). Весь трактат от начала до конца пронизан нормативной идеей — как придать образцовый вид государственному строю. Самые выражения ἀρίστη πολιτεία, ἀρίστη τάξις и аналогичные им не раз встречаются на протяжении Политики.

В целом композиция Политики в том виде, в каком это произведение до нас дошло, показывает, что построение идеального строя, если даже признать это построение продуктом чисто теоретической мысли, было конечной целью автора. Тезис о разочаровании Аристотеля в спекулятивной политической философии никак не объясняет нам, почему несмотря ни на что книги VII—VIII оставлены в Политике и притом в качестве ее завершения. С другой стороны, не следует упускать из виду того важного обстоятельства, что нормативная точка зрения Аристотеля отнюдь не совпадает с точкой зрения Платона. Проект идеального строя Аристотеля не только не совпадает с построением Платона, но и прямо противопоставляется ему.

Чтение Политики под определенным углом зрения показывает, таким образом, что оценка явлений политической жизни с какой-то высшей (или общей) точки зрения присутствует в самых «фактических» частях Политики, как она присутствует в Афинской Политии и, вероятно, не отсутствовала в других Политиях.

Имеется кроме того основание считать проект, изложенный в книгах VII—VIII Политики, не продуктом отвлеченной мысли, а синтезом мыс-

лей Аристотеля об идеальном строе и эмпирических данных о деятельности Александра Македонского на Востоке, где возникали новые полисы греческого типа, но в обстановке, не похожей на греческую действительность [7]. При такой точке зрения окажется, что книги VII—VIII, в которых констатация того, что происходит на Востоке, сочетается с политическими рекомендациями, представляют собой естественное продолжение предыдущих книг, где, как мы убедились, результаты наблюдений тесно связываются с советами; разница будет только в соотношении того и другого элемента.

Структура Политики Аристотеля такова, что провести грань между нормативными и эмпирическими ее частями, отражающими будто бы эволюцию аристотелевой мысли, нет никакой возможности. Схема Иегера не подходит для объяснения творческой истории создания того текста Политики, который мы знаем. Излюбленный прием сторонников генетической теории состоит в том, что все многочисленные места в произведениях Аристотеля (в том числе и в Политике), мешающие априорному построению творческой истории этих произведений, объявляются позднейшими вставками самого Аристотеля. Совершенно справедливо автор одного новейшего обзора работ по Аристотелю назвал это «решением deus ex machina» [8].

Не подлежит никакому сомнению, что Политика Аристотеля создавалась в течение долгого времени, но не менее бесспорно и то, что она в своем нынешнем виде имеет единый, продуманный план. Написанные в разное время отдельные части трактата затем приводились в согласие, дополнялись, исправлялись [9]. Местами в Политике сохранились несогласованность, непоследовательность, разного рода изъяны, но мы нигде не можем обнаружить следы резкого изменения общих взглядов Аристотеля [10].

---

[7] Об этом см. Доватур, ук. соч., стр. 59 слл.

[8] A. H. Chroust, The First Years of Modern Aristotelian Scholarship (1912—1942), «Classica et Mediaevalia», 24 (1963), стр. 49 сл.

[9] Aubonnet, ук. соч., стр. CII слл., CXVI слл.

[10] В сущности, некоторые из последователей Иегера, говоря о повторных дополнениях и переделках книг Политики самим автором, в значительной мере приближаются к высказанным в этой статье (и в работах, отмеченных выше) взглядах. Яркий пример тому см. W. Theiler, Bau und Zeit der aristotelischen Politik, Mus. Helv., 9 (1952), стр. 5 слл.

В. Г. Луконин

КАРТИР И МАНИ

«АРТАШИР сказал своему сыну (Шапуру): „Знай, что вера и царствование — братья и не могут существовать друг без друга. Вера — это основа царства, и царство защищает веру"».

Эту фразу, принадлежащую, якобы, основателю государства Сасанидов, приводит арабский историк Мас'уди [1]. Он прочел ее «в одной из книг парсов», скорее всего в каком-нибудь дидактическом трактате, составленном уже после того, как сасанидское государство перестало существовать. И все же пусть и не Арташиром сказанные, эти слова определяли одну из главных особенностей раннесредневекового Ирана. Единая для всего государства религия — зороастризм, жречество как один из столпов опоры царя царей, влияние храма не только в области идеологической, но и в области экономической — все это сильно отличало вновь созданную монархию от предшествовавшего ей парфянского государства. История религиозной борьбы в ту эпоху, быть может, объясняет нам смысл многих событий и не только в области идеологии, но и в области политики.

Два человека играли тогда ведущую роль в идеологической жизни страны. Один — Картир — имел пышный титул духовника царя царей, верховного жреца, верховного судьи государства. Другой — Мани — был пророком новой веры в единого, мирового бога, «апостолом» этого бога на земле.

В руках Картира были организованные по всей стране жреческие корпорации, колоссальные денежные средства и земли, находившиеся во владении храмов. За Картира был царь Ирана, за Картира была древняя традиция, древняя религия, которую он «возродил и очистил от скверны».

За Мани был фанатизм приверженцев его учения, простота и доступность этого учения, привлекательность веры «в единого бога под разными именами». За Мани были купцы и кое-кто из знати, а одно время даже царь царей Ирана.

Эти двое, как в фокусе, отражали всю идеологическую борьбу той эпохи. И если вера одного из них — Картира, стала впоследствии действительно «опорой трона», то вера другого — Мани, будучи гонимой повсюду, вскоре (по-видимому, в том же III в.) приобрела характер «религиозного протестантизма» и стала знаменем целой цепи народных восстаний, направленных против «зла в мире» [2].

---

[1] Maçoudi, Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard, T. II, P., 1863, стр. 162.

[2] По сообщению Иоанна Малалы уже во время царствования Диоклетиана (285—305 гг.) в Риме последователь Мани, некто Бундос, проповедовал идеи революционного уничтожения зла (см. A. Christensen, L'Iran sous les Sassanides, Copenhague, 1936, стр. 337—339).

* * *

О создании письменного текста «Авесты» и кодификации зороастризма рассказано в «Денкарте». В эпоху Ахеменидов, говорится в этой книге, царь Ирана Дара, сын Дары повелел, чтобы две копии «Авесты» были помещены: одна — в царскую сокровищницу (ganj-i šapikan), а другая — в «Крепость надписей» (diz-i nipišt) [3]. Кто был этот Дара, сын Дары? Для зороастрийских жрецов, составивших «Денкарт» в IX в., под этим именем разумелся любой «древний» государь, живший и действовавший до Александра Македонского. Далее сообщается, что Александр после победоносного завершения своего похода в Иран сжег эти тексты (написанные золотом на 12 тыс. бычьих кож). В парфянскую эпоху, при «Валахше Ашканиде» жрецам культа было приказано сохранить остатки «Авесты», а также других учений, связанных с зороастризмом — тех, что были записаны, и тех, что передавались изустно. «Валахш Ашканид» мог быть для составителей «Денкарта» любым из пяти Валахшей, правивших Ираном в парфянскую эпоху (Валахш I — вторая половина I в. до н. э.; Валахш V — 207—221 гг. н. э.).

Но ни та, ни другая попытки, если они действительно имели место, не являлись *кодификацией* религии. Учение существовало и развивалось на базе, скорее всего, устной традиции, впитывало в себя местные, древние верования и культы, на смену одним богам приходили другие, вера распространялась по всему Ирану. Но широкое распространение этого учения [4] не означало, конечно, того, что оно было объявлено государственной религией. Веротерпимость парфянских царей хорошо известна. Мы не можем даже утверждать, что учение Заратуштры было культом правящей династии. «Денкарт» относит первую подлинную кодификацию «Авесты» к эпохе царствования Арташира— времени очень напряженному и в идеологической, и в политической жизни страны. Там же мы встречаем и упоминание о том, кто провел эту кодификацию — о жреце Тансаре (или Тусаре).

Вот что сказано в «Денкарте»: шаханшах Арташир послал Тусара — «религиозного главу», приказав ему, чтобы все остатки «Авесты» были собраны ко двору шаханшаха. Тусар, изучив эти остатки, выбрал одну традицию, сделав ее каноном. Остальные же были объявлены неканоничными. Было решено, что толкование всех догматов «веры поклоняющихся Ахура Мазде» (dyn mzdysn) зависит отныне только от Тусара [5].

Кто же такой Тусар, человек, которому, согласно «Денкарту», Сасанидское государство обязано созданием государственной религии? Был ли он реальным историческим лицом?

Мы знаем о нем из того же «Денкарта»: «Никогда не появятся в странах ни неправедные смуты, ни неправедные поклонения дэвам..., если люди будут следовать ему, жрецу, духовному наставнику, правдивому и славному Тусару» [6].

Этому же Тусару (или Тансару) приписывается весьма интересное про-

---

[3] The Complete Text of the Denkart, ed. D. M. Madan, Bombay, 1911 (далее—Denkart. Madan), стр. 412,3; 415,3. Транслитерацию текста см. H. W. Bailey, Zoroastrian Problems in Ninth Century Books, Oxf., 1943, стр. 218—219; R. C. Zaehner, Zurvan. A Zoroastrian Dilemma, Chicago, 1951, стр. 7—9, 31—34.

[4] Среди имен собственных, встреченных в документах из Михрдаткарта (а их около 200), очень много зороастрийских теофорных имен. Зороастрийским («младоавестийским») является и календарь этих документов. См. И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы, М., 1960, стр. 23—24.

[5] Denkart. Madan, стр. 415, 3.

[6] Там же, стр. 652, 10.

изведение позднесасанидской эпохи — письмо к владетелю одного из княжеств в Северном Иране.

«Письмо Тансара» — великолепное произведение эпистолярно-дидактического жанра, которое знакомит нас с образом самого Тансара и обрисовывает его деятельность. Тансар предстает перед нами аскетом и подвижником, мудрецом, который пишет о себе: «(6) ... я отрешился от житейских услад в этом мире, дабы люди знали мою праведность и прибегали бы к моим советам и житейскому опыту для спасения в будущей загробной жизни, для остережения от скверны» [7].

В своем послании «владетельному шаху Табаристана» Тансар объясняет многие поступки и дела шаханшаха. И в этом памятнике мы иногда находим поразительное совпадение с тем, что пишет о Тусаре «Денкарт».

Но «Письмо Тансара», как и «Денкарт», составлено в позднесасанидское время. Это — «псевдоэпиграф», тенденциозная подделка, сознательно удревненная его авторами, с целью придать больший авторитет идеям, выраженным в этом памятнике, при помощи благородной патины времени. Тансар для нас по-прежнему легендарный персонаж, о котором рассказали спустя 300 лет после того времени, к которому относили его жизнь и деятельность.

Обратимся, однако, к источникам III в.— раннесасанидским наскальным надписям [8], монетам первых Сасанидов [9], рельефам, памятникам торевтики, и попытаемся ответить на вопрос: как отражают эти источники пути и время превращения «dyn mzdysn» в официальную религию сасанидского Ирана.

Пожалуй, первый памятник, который мы могли бы связать с родом Сасанидов — это граффити на стене дворца Дария в Персеполе [10].

Папак и его сын, Шапур, еще совсем недавно — мелкие владетели небольшого княжества в Парсе, узурпировавшие в 208 г. н. э. [11] трон Истахра и с этих пор титулующие себя на выпущенных ими монетах «царями» (MLK'), представлены на этом граффито в инвеститурной сцене: Шапур (в тех же инсигниях власти, что и на его монетах) [12] изображен на коне в сопровождении своих придворных, с венцом власти в руках. Перед ним фигура его отца Папака в одеянии жреца (таком же, как и на монетах). Эта инвеститурная сцена — своеобразная антитеза инвеститурным парфянским рельефам, например, рельефу из Суз, где последний царь из династии парфян Артаван V венчает на правление в Сузах сатрапа Хвасака [13]. На персепольском граффито власть Шапура над Истахром освящается самой богиней Анахитой в лице ее главного жреца, владыки (p'tḥš'y) ее храма —

---

[7] The Tansar's Epistle. Persian text., ed. M. Minovi, Teheran, 1932, стр. 8.

[8] Наибольший интерес представляют надписи Картира (о них см. ниже), а также надпись Шапура I на «Каабе Зороастра» (SKZ) изд.: M. Sprengling, Third Century, Iran, Chicago, 1953 (фотографии текста, прорисовки, транслитерация, английский перевод). M. Maricg, Res Gestae divi Saporis, «Syria», XXXV, 1958.

[9] Фотографии сасанидских монет см: F. Paruck, Sasanian Coins, Bombay, 1924.

[10] Рисунки с граффити см. E. Herzfeld, Iran in the Ancient East, Princeton, 1952 (только фигура Папака); «Gozareshāie bastān šenasi», IV, 1338, стр. 275—276 (прорисовки всех фигур, выполненные Таги Асефи); эстампаж с фигуры Шапура — Corpus Inscriptionum Iranicarum (CII), pt. III, vol. II, portf. III. Minor Inscriptions of Kartir.

[11] Даты раннесасанидской истории здесь и ниже даются по хронологии, предложенной С. Тагизаде (см. S. H. Tagizadeh, The Early Sasanians, BSOS, vol. XI, pt. 1, 1943—1946, стр. 6—51; он же, Some Chronological Data, Relating to the Sasanian Period, BSOS, IX, 1937—1939, стр. 125—139).

[12] О монетах Шапура — Папака см. В. Г. Луконин, Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры, Л., 1961, стр. 25—28, рис. 1.

[13] Об этом рельефе см., например, R. Ghirshman, Parthes et Sassanides, P., 1964, стр. 56—57, рис. 70.

Папака. Как известно, храм Анахиты в Истахре был родовым храмом Сасанидов, и основатель династии Сасан, и его сын Папак, а возможно, и первые сасанидские шаханшахи состояли жрецами в этом храме [14].

Итак, с самого начала, с момента прихода к власти в Истахре, Сасаниды провозгласили божественную сущность этой власти, обратившись к покровительству своего родового божества, верховными жрецами которого были они сами. Светская власть новой династии в это время была неотделима от духовной.

Почитание Сасанидами «dyn mzdysn» утверждается на коронационных монетах первого сасанидского шаханшаха Арташира, принявшего в 227 г. титул mzdysn bgy... MNWčtry MNyzd'n «поклоняющийся [Ахура] Мазде, владыка, ... происходящий от богов» и основавшего царский коронационный храм ('twr ZY MLK') рядом с так называемой «Каабой Зороастра» — храмом богини Анахиты. Инвеститурные рельефы Арташира I, высеченные неподалеку от его первой столицы Арташир-Хварре («Слава Арташира»), а также в черных базальтовых скалах национальной святыни персов в районе Персеполя [15], представляют сцену, где венец власти Арташиру вручает бог Ахура Мазда. На рельефе в Накш-и Рустам, выбитом в конце 30-х гг. III в. [16], пожалуй, всего яснее провозглашена «божественная сущность» власти новой династии. Конь Арташира попирает поверженную фигуру последнего парфянского царя Артавана, конь Ахура Мазды — божество мрака Ангро Майнью: приход Сасанидов к власти в Иране, победа Арташира над Артаваном приравниваются к победе божества света над богом мрака. Та же символика и в инвеститурном рельефе сына Арташира, Шапура I,— точной реплике рельефа в Накш-и Рустам, высеченном в 243 г. недалеко от Бишапура [17]: победа над императором Рима Гордианом (он изображен под копытами коня Шапура) приравнивается к победе света над мраком.

Первых сасанидских шаханшахов венчал на власть в Иране не только Ахура Мазда. Монеты старшего сына Шапура, Хормизда I, представляют на об. ст. сцену инвеституры, где атрибуты власти вручают ему и Ахура Мазда, и Митра, и Анахита,—в то время уже иконографически отождествленная с женой шаханшаха—царицей цариц. Ее храм в Истахре уже в то время носил название sthly 'twry ZY 'nḥyt 'trḥštr по имени старшей жены сына Арташира, шаханшаха Шапура I,— «царицы цариц» Атур-Анахит [18].

В эпоху Арташира — Хормизда I создается изобразительный канон главных зороастрийских божеств. Для создания образа Ахура Мазды (первое его изображение на инвеститурных рельефах Арташира I в Накш-и Раджаб и Фирузабаде относят приблизительно к 235 г.) использованы одеяние, украшения и корона самого Арташира I, чеканенные на его монетах, выпускавшихся около 235 г. (сам Арташир к моменту создания первых инвеститурных рельефов уже сменил форму короны, оставив прежними свое одеяние и украшения). Точно так же Митра и Анахита (впервые появ-

---

[14] M.-L. Chaumont, Le Culte d'Anahita a Stahr et les Premiers Sassanides, «Revue de l'Histoire des religions», CCCLVI, 1958.

[15] Рельеф Арташира в Фирузабаде см. Vanden Berghe, Archeologie de l'Irān Ancien, Leiden, 1959, табл. 70, *b*; рельеф в Накш-и Раджаб, там же, табл. 25, *b*; рельеф в Накш-и Рустам, там же, табл. 28, *c*.

[16] Точные даты для скальных рельефов Арташира I можно установить на основании изображения инвеститурных знаков шаханшаха (о датах рельефов и различных типов монет Арташира I см. W. Lukonin, The Coins of Artahšir I, «Iranica Antiqua», vol. VI, Leiden, 1966).

[17] Ghirshman, Parthes et Sassanides, рис. 202—203.

[18] KKZ (об этой надписи см. ниже, стр. 74), стк. 8. Об Атур-Анахит см. также ŠKZ, MP ver., стк. 23, Prth. ver., стк. 18, 20: об основании Шапуром I храма, носящего ее имя, и жертвах в этот храм.

ляются на монетах Хормизда I, выпущенных в 273 г.) изображены в одеянии царя царей и царицы цариц; Митра — с лучистым венцом (непременным атрибутом древневосточных и эллинистических солнечных божеств), Анахита — в зубчатой короне царицы цариц Атур-Анахит. Такой «реалистический» подход к созданию изобразительного канона главных божеств характерен для зороастризма, религиозные тексты которого представляют их в виде абстракций или в виде их перевоплощений в различных зверей (об этом см. ниже) [19]. Такой подход характерен именно для эпохи первых Сасанидов, когда в изобразительном каноне подчеркивается прямая связь «dyn mzdysn» с правящей династией, идея неразрывности светской и духовной власти.

Вероятно, в тяжелые годы кризиса, охватившего в начале III в. все Средиземноморье, лозунг реставрации древней веры, провозглашенный Сасанидами, сыграл немалое значение в деле создания коалиции царей Апаршахра, Мерва, Кермана, Сакастана и представителей «староиранского пэрства» — Суренов, Каренов, Варазов и владетелей Андикана [20],— тех владык, которые фактически возвели Арташира I на престол Ирана. Однако именно в силу того обстоятельства, что первоначально сасанидский Иран представлял собой конфедерацию этих царств и владений, в силу того, что, как и последние парфянские цари, Арташир I был полновластным владыкой в сущности лишь в своем «домене» (dstkrty), культ правящей династии в то время еще не мог быть навязан всем и каждому, не мог превратиться в единую религию государства.

И действительно, в списках двора Арташира мы не встречаем ни одного жреческого титула, а при дворе его сына Шапура упомянут лишь один жрец — Картир [21].

В недалеком будущем Картира ждала блистательная карьера, ему предстояло вскоре стать верховным религиозным главой и религиозным наставником царя царей. Но в 262 г., когда составлялась надпись ŠKZ и власть сасанидской династии в Иране держалась уже более полустолетия, Картир носил скромный титул «херпата» («служитель храма огня»? «толкователь «Авесты»?) и в списке придворных упоминался на одном из последних мест, после тюремщика и дворцового привратника.

* * *

В 256 г. войска Шапура I штурмом овладели городом Дура-Европос. В этом городе находилось более десятка храмов, посвященных различным богам. Здесь были и христианская церковь, и синагога, и храмы древних вавилонских божеств — Бела, Шамаша, Нанайи, и святилища, посвященные сирийским, пальмирским богам — Афладу, Хададу, Атаргатис, Аглинолу. Римские солдаты гарнизона Дура-Европос почитали Митру и Юпибера; одним из самых значительных храмов города был храм, посвященный Зевсу; Зевс был изображен в иранском наряде; многие вавилонские, пальмирские, сирийские божества носили греческие и римские имена, и многие боги римлян были просто интерпретацией божеств семитов.

Во время одной из кампаний на Западе войска Шапура I подошли к сильно укрепленной Хатре. Солдаты Шапура увидели там почти то же, что

[19] Подробнее о создании канона зороастрийских божеств и о зверях-символах различных божеств см. А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, Сасанидские геммы, Л., 1963, стр. 26—38; В. Г. Луконин, Б. И. Маршак, Изучение сасанидского искусства в Государственном Эрмитаже, «Тезисы докладов на юбилейной научной сессии Государственного Эрмитажа. Пленарные заседания», Л., 1964, стр. 29—31; Lukonin, The Coins of Artahšir I.

[20] ŠKZ, Prth. ver., стк. 23—24.

[21] ŠKZ, Prth. ver., стк. 28.

и в Дура-Европос: статую древнего бога Ашур-Бела в римском военном наряде с богиней удачи Тихой у его ног и головой Медузы на плаще, статую древней местной богини Аллат, изображенной с копьем и в военном шлеме — так, как изображали богиню Афину, статую солнечного бога Митры, украшенную орлами — символами Хатры, статуи Геракла, Гермеса и даже знакомые им алтари огня [22].

Христианство, бесконечно многообразные философские доктрины «гносиса», неоплатонизм, древние космогонические и космологические идеи Вавилона, различные толки зороастризма, иудаизм — вот с чем пришлось встретиться в Месопотамии Шапуру I.

Христианство, еще недавно стоявшее в оппозиции римским императорам, все еще гонимое и преследуемое властью, вопреки всем преследованиям, быть может даже благодаря им, создает организацию с железной дисциплиной и весьма ощутимым влиянием. В областях, соседних с Ираном, и в самом Иране (в Месене, Сузах, Рев-Арташире, Бахрейне) в 225 г. были уже учреждены христианские епископства [23]. До эдиктов, прекративших преследования христиан в Риме, и Первого вселенского собора в Никее оставалось не так уж много времени.

Для того, чтобы сохранить сильную власть в стране и прежде всего в западных областях, приобрести надежных союзников в городах Междуречья, Сасанидам нужно было первоначально не применять крайних мер, не обострять религиозной вражды. Однако для сохранения государственного единства нужно было поставить над всей этой пестротой единую религию. Поэтому новому государству необходимо было «найти» такую веру, которая была бы популярна в недавно завоеванных областях, которая поддержала бы власть царя царей в этих областях и идеологически обосновала ее, которая противопоставила бы «единого бога», единый культ религиозному синкретизму.

Зороастризм в этих областях не пользовался большим влиянием. К тому же он еще не сложился в каноническую религию, он еще только организовывал своих сторонников в борьбе с иными культами, иными учениями, иными религиями. Одним из таких учений, быть может, не менее известным, чем зороастризм, чем христианство и иудаизм в Месопотамии, Риме, Египте, буддизм и брахманизм на восточных окраинах сасанидской империи, было манихейство, распространенное и в Северной Индии, и в Иране, и в Месопотамии, и в Риме, и в Египте. В день своей коронации, в апреле 243 г., шаханшах Ирана Шапур принял при дворе Мани — основателя «мировой религии» манихейства.

* * *

В то время Мани было всего 27 лет. До этого (в конце 30-х гг.) он совершил путешествие на Восток, где познакомился с буддизмом, брахманизмом и местными культами Средней Азии. Теперь, в 243 г. шаханшах принял его как пророка новой веры, призванной объединить все существующие учения, стать выше их, создать единую «мировую религию». Мани преподнес шаханшаху написанное им сочинение «Шапуракан». «Мудрость и [добрые] дела,— говорилось в этой книге,— неизменно приносились людям посланниками Бога. Раз они были принесены в Индию через по-

[22] О результатах археологических работ в Хатре см. Shinji Fukai, The Artifacts of Hatra and Parthian Art., «East and West», New series, II (1960), № 2—3, стр. 135—181.

[23] Согласно сообщению «Хроники Арбелы» (ed. Sahau, «Abhandl. Preuss. Ak. d. Wiss.», 1951, 1). О христианстве в Иране см. также R. Ghirshman, Ile de Kharg, Teheran, 1960.

сланника, именуемого Буддой, другой раз — в Ирак через посредство Заратуштры, другой раз — в страны Запада через посредство Иисуса. В настоящий последний век написано вот это откровение в страну вавилонскую, и объявилось пророчество в лице моем, Мани, посланника бога Истины» [24].

У этого юноши — пророка новой веры — уже тогда были сильные покровители: брат шаханшаха Пероз представил его Шапуру. Уже в это время проповедь Мани начала распространяться и на его родине, в Вавилонии, привлекая к себе все больше и больше адептов. Еще при жизни Мани его миссионеры проникли в Среднюю Азию, а к концу III в. манихейские общины существовали в Египте, в 70-х гг. этого же столетия с учением Мани были знакомы в Риме. На «ересь» Мани откликнулись христиане уже в конце III в. («Акты Архелая») и особенно бурно в IV в. (Епифаний, Блаженный Августин, св. Ефрем). О Мани и манихействе писали и позже — по-латыни, по-сирийски, по-арабски. Сам Мани уверял, что вера его не знает границ: «Вера моя ясной бывает в любой стране и на любом языке и распространяется в далекие страны» [25].

* * *

Обрывки обширной когда-то манихейской литературы («Книга мистерий», «Живое Евангелие», «Шапуракан», «Кефалайа», «Хвастуванифт» и др.), произведения противников манихейства (сочинения Александра Ликопольского, «Акты Архелая», «Панарион» Епифания, «Книга схолий» Феодора бар Конай), труды Бируни, ан-Надима и другие представляют нам весьма сложное и противоречивое учение. И сложность его исследования заключается в том, что манихейство было разным в разных странах, потому что вера Мани должна была быть «ясной в любой стране и на любом языке».

В Месопотамии учение Мани успешно соперничало с гностическими школами. Оно было похоже на известные там идеи Бардайсана — «арамейского философа из Эдессы», друга царя Эдессы Абгара IX, известного астронома, оставившего после себя нечто вроде «Диалогов» Платона. Оно было похоже на философию Маркиона — виднейшего философа-гностика II столетия, чье учение христианство объявило вреднейшей ересью и чьей деятельности оно было многим обязано [26]. В III в. в Риме, Египте, Аравии, Сирии и даже в Иране существовало множество маркионитских общин. Их главы так же, как и манихеи, уверяли, что кроме бога — творца телесного мира, есть еще более высокий бог. Это высшее божество проявляет себя в благости и доброте. И так же, как и манихеи, последователи идеи Маркиона, «не желая увеличивать этот мир, созданный демиургом, предпочитают воздерживаться от брака, противясь тому, кто их создал и устремляясь к названному у них благом» [27].

Учение Мани было во многом похоже на очень популярную тогда философию офитов, наконец, в нем много говорилось о Христе. Проблема,

---

[24] Бируни, Памятники минувших поколений, пер. А. Э. Шмидта (Материалы по истории Средней Азии и Ирана, «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР», т. XVI, 1958, стр. 478).

[25] F. C. Andreas und W. B. Henning, Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan, III, SPAW, 1934 (фрагм. 1R IIID, 126).

[26] О дате составления «Посланий Апостола Павла» и о влиянии этого сочинения на раннехристианскую литературу см. Р. Ю. Виппер, Возникновение христианской литературы, М.—Л., 1946, стр. 170—227. О маркионитах громадная литература. См., в частности, Р. Ю. Виппер, Рим и раннее христианство, М., 1954, стр. 228—230.

[27] Климент Александрийский, цит. по статье: А. Л. Кац. Манихейство в Римской империи по данным Acta Archelai, ВДИ, 1955, № 3, стр. 168 сл.

которая ставилась Мани, одинаково волновала и гностиков, и христиан: бог не создал зла в мире, значит не создал и мира, потому что мир (материя) — это зло; стало быть, материя существует помимо бога, а человек — это «смесь материи и сияния горнего света». В так понятом дуализме — главная идея манихейства, как и главная идея гностиков. Но, между прочим, в этой идее, по уверению раннехристианских ересеологов, и главная «ересь» учения Мани, ибо отрицая «спасение человека», Мани фактически отрицал и миссию Христа.

В Иране, в зороастрийской среде, учение Мани тоже казалось знакомым. Верховное божество манихейского пантеона выступало там под именем Зрвана — божества «вечно текущего времени», отца двух главных божеств зороастризма Ахура Мазды и Ангро Майнью, а «первый человек», вступивший в бой с силами тьмы, носил имя Ахура Мазды (Хормизд). Напоминала зороастризм и космогония манихейства и уж во всяком случае знакомым был дуализм этого учения. Но чужда была зороастризму та же пессимистическая идея «скверны в человеке», отрицание участия человека в конечной победе добра над злом, и потому понятно упоминание в одном из религиозных зороастрийских сочинений специального трактата, направленного против «десяти сентенций, изреченных проклятым Мани» против ортодоксальной веры [28].

Космология и космогония разных школ манихейства были наполнены разными мифами, широко известными там, где были эти школы — и в Месопотамии, и в Иране, и в Египте. Так же, как и в христианстве, иудаизме и зороастризме, в этом учении была идея страшного суда, идея Мессии; последователи Мани признавали Христа на Западе, Будду на Востоке, очень многие боги и демоны этого учения были многим давно известны. Для христианских «ересеологов», например для епископа Архелая, вера Мани — варварство, «старушечьи басни», для Епифания она «забавнее, чем игра популярного комика», для Марка, диакона собора в Газе, все это — «сплетни и женская болтовня»; однако это учение, созданное в эпоху глубокого социального кризиса, в эпоху ломки старой общины и старых рабовладельческих порядков, сохранившее в некоторых своих школах (особенно на Западе) дух протеста, привлекало к себе многих.

Но не настало еще время «революционной интерпретации» основных идей Мани, время создания на основе этого учения маздакизма, ставшего знаменем крупнейшего на Ближнем Востоке восстания городской бедноты и крестьян в эпоху раннего средневековья [29], или еще более поздних «ересей» — павликианства, богумильства, катарства,— тех, что служили идеологической базой многих крестьянских бунтов.

В III в. «мировая религия» возбуждала интерес знати, богатых купцов и образованных людей — тогда эта вера была еще во многом философией.

Брат шаханшаха Шапура Пероз, согласно манихейскому преданию, был обращен манихеями в свою веру и представил Мани царю царей. Арабский шейх Амр бен Ади ходатайствовал перед шаханшахом Нарсе за преемника Мани, Инная. В веру Мани был обращен и Михр-шах — владетель Месены, ею увлекались и многие образованные люди на Западе. Как будто бы с манихейством мечтал познакомиться Плотин, намереваясь сопровождать в Иран войска Валериана, а позже, в период с 373 по 382 гг., был обращен в манихейство и «отец церкви» Блаженный Августин.

---

[28] J. P. De Menasche, Une encyclopedie mazdeènne le Denkart, «Bibliotheque de l'Ecole des hautes ètudes, Sciences religieuses», LXIX, P., 1958, стр. 99, 200.

[29] О Маздаке см. Н. В. Пигулевская, Города Ирана в эпоху раннего средневековья, М.—Л., 1956, стр. 278—320; O. Klima, Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im Sasanidischen Persien, Praha, 1957.

Громадное значение для распространения манихейства в это время имела и хорошая организация, и хорошо поставленная пропаганда [30]. На Востоке Ирана при жизни Мани действовали 12 проповедников его идей [31], в Мерве, тоже при жизни Мани, существовала хорошо организованная манихейская община [32], многочисленные манихейские общины были разбросаны по городам Междуречья.

Широкое распространение манихейской доктрины по всему Востоку — от Египта до Индии, происходило в то время, когда, по словам Энгельса, «даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическая смесь грубейших суеверий самых различных народов безоговорочно принималась на веру и дополнялась благочестивым обманом и прямым шарлатанством; время, когда первостепенную роль играли чудеса, экстазы, видения, заклинания духов, прорицания будущего, алхимия, каббала и прочая мистическая колдовская чепуха» [33]. И особенности пропаганды этого учения, и таинственность мистических обрядов, знание «гороскопа», «судьбы и звезд», и слава превосходных врачей, таинственными заклинаниями изгоняющих любую болезнь,— все это привлекало в манихейские общины и тех, кому не было дела до «познания сущности бытия». Вера в «единого бога под разными именами» была очень популярна.

* * *

Крайний пессимизм, проповедывавшийся манихеями, обособленная организация адептов этого учения, наконец, дух протеста, присущий некоторым из его школ, и довольно близкая связь этих школ с гностиками — все эти черты манихейства показывали, что «мировая религия» не та религия, которая могла бы служить опорой Сасанидам. Как ни заманчива была мысль создать единую для всего Запада религию, увлечение ею Шапура и части иранской знати, в котором доминировал политический расчет, было лишь эпизодом.

Успехи в войнах на Западе выдвинули на первый план новую задачу — задачу иранизации завоеванных областей. Вместе с войсками шаханшаха, с его «конями и людьми» в Антиохию, Тарс, Кесарию «и вверх до Галатии, Армянской страны, Иберии... Баласакана и Аланских ворот» [34] шли зороастрийские жрецы, силой насаждая в этих областях свою религию. Их главой был Картир.

* * *

До 1939 г. были известны три надписи, составленные по приказанию Картира: одна из них, очень короткая, была выбита на скале в Накш-и Раджаб, рядом с рельефом, изображающим Арташира I и бога Ахура Мазду (KNRj). Над этим текстом находился портрет самого Картира. Вторая надпись и второй портрет Картира были высечены в скале напротив «Каабы Зороастра», рядом с рельефом, изображающим триумф Шапура I над римлянами (KNRu). Эта надпись, намного более длинная, чем первая, была настолько испорчена, что понять то, что в ней написано, было очень трудно. Наконец, в 1926 г. Э. Херцфельд опубликовал сообщение о том, что он обнаружил еще одну надпись, принадлежащую все тому же Карти-

[30] H. Ch. Puech, Le manichèisme, son fondateur, sa doctrine, P., 1949.

[31] Согласно сообщению Абу-ль Фараджа (см. K. Kessler, Mani, I, B., 1887, стр. 401).

[32] F. Andreas und W. Henning, Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan, II, SPAW, 1933, стр. 302. Христианское епископство было организовано здесь более чем на 50 лет позднее.

[33] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 475.

[34] KKZ, сткк. 11—12.

ру, на сей раз высеченную в местности Сар-и Мешхед (KSM). Эта надпись была также сильно испорчена. Итак, из известных к 1939 г. трех надписей Картира, прочесть можно было лишь одну — самую короткую.

После открытия еще одной надписи Картира на «Каабе Зороастра» (1939 г.; KKZ) появилась возможность вновь возвратиться к двум пространным надписям (KNRu и KSM) и попытаться восстановить их лакуны. Еще Э. Херцфельд указывал на то, что KSM и KNRu дают один и тот же текст. В. Б. Хеннинг, издавший недавно все надписи Картира [35], также отмечал идентичность текстов KSM и KNRu, считая тексты остальных двух надписей (KKZ, KNRj) сокращенными копиями [36]. М. Шпренглинг предложил таблицу соответствия сткк. KKZ и сткк. KNRu: оказалось, что вся надпись KKZ входит в первые 48 строк KNRu [37]. При сличении эстампажей очевидно также, что сткк. 52—58 KSM соответствуют сткк. 10—29 KNRj; в «пространную редакцию» включено, таким образом, все основное содержание и надписи KNRj.

Однако более половины этой «пространной редакции» все же не восстановимо. Остающиеся обрывки слов не дают сколько-нибудь полных контекстов. Что скрывается за этими обрывками слов? Описываются какие-то события, связанные с жизнью, или, быть может, «видениями» Картира, упоминается Хорасан (ḫw'ls'n), некий шахрдар (štrdry, MLK'), его всадники и пешие воины, встречается загадочный титул «кангупат» [38]. Несохранившаяся часть «пространной редакции», несомненно, наполнена описанием каких-то реальных событий, в ней упоминаются интересные персонажи, в том числе какая-то женщина,— KSM, стк. 38: 'Pšn kngwpty 'YK ZK GBR' ZY krtyr ḥnglpy W ZK NYSH'L čdw WWH ZY štrdry pr'č YNPKWN HWHnd. Но нет пока почти никаких данных для того, чтобы распутать эти события и выяснить роль упоминаемых в надписи персонажей.

Ниже я даю перевод той части «пространной редакции», содержание которой в целом отражено надписями KKZ и KNRu. Надпись KKZ (и начальные строки «пространной редакции») посвящена в основном описанию карьеры Картира и перечню его «богоугодных» дел. Надпись KNRj (и конечные строки «пространной редакции») в очень сжатой, почти конспективной и потому очень трудной для перевода форме излагает «кредо» Картира — то новое, что он внес в «dyn mzdysn». Всего вероятнее, что в «пространной редакции» религиозная реформа Картира была изложена более подробно (об этом говорят некоторые отрывочные контексты) и, разумеется, о потере именно этих строк приходится особенно сожалеть [39].

---

[35] KKZ — CII, pt. III, vol. II, portf. III. Minor Inscriptions of Kartir; KNRj — там же; KSM — CII, pt. III, vol. II, portf. I, KNRu (сткк. 1—48) — CII, pt. III, portf. II, (сткк. 49—75) — portf. III.

[36] См. введение к изданию KNRu. Интерполяции в тексте пространной редакции отмечены там же (KSM, сткк. 16—17; KNRu, сткк. 35—36: ['Pm] KBYR 'twr'n W mgwny BYN štry ...Swr...'y mys['n] 'twrptk'n W sph'n W [l]' d[y] W krm'n Wskstn Wgwrk'n...'y pškbwry pthwy krty). Кроме того, только в надписи KNRu содержится имя шаханшаха Арташира, при котором, якобы, Картир начал свою деятельность. Во всех остальных надписях первым упоминается шаханшах Шапур.

[37] Sprengling, Third Century, Iran.

[38] Например, KSM стк. 34: 'LHšn kngwpty 'YK PWRŠ'I (?) štrdry HZYTNm. О кангупате — большая литература. См. R. N. Frye, Remarks on Paikuli and Sar-Mašhad Inscriptions, HJAS, vol. 20, 1957, № 3—4, стр. 702—706. Р. Н. Фрай указывает, что в письме к нему Ж.-П. Де Менаш предлагает вообще расстаться с этим титулом, и транслитерировать соответствующее место: KN gwpty («и сказал»). Однако эта остроумная гипотеза, к сожалению, не подтверждается контекстами. Титул «кангупат» по-прежнему неясен.

[39] Надпись KKZ имеет два научных перевода: Sprengling, ук. соч. и (почти ничем не отличающийся вариант), M.-L. Chaumont, L'inscription de Kartir à la «Ka'bah de Zoroastre», «Journal Asiatique», t. CCXLVIII, 1960, стр. 341—345 (транс-

В начале «пространной редакции» надписей Картир сообщает о том, что в царствование Шапура I шаханшах Ирана сделал его «по всей стране могущественным и владыкой всех жрецов (магустана)». По приказу Шапура I Картир по всей стране основал храмы огня (ʾtwr ZY wrhrʾn) и укрепил веру в богов. Служители храмов «стали счастливыми и удовлетворенными», и многим храмам огня был пожалован статус государственных святилищ (букв. «многие храмы огня и маги были государственно установлены».— *В. Л.*). «И Ахура Мазде и богам была [от этого] великая польза, а Ахриману и дэвам — большое посрамление». Картир сообщает, что «в государственных записях и сборниках, которые... в царствование Шапура, царя царей, составлялись, ...им (т. е. Шапуром) лично таким образом было приказано записать: мол, Картир — херпат (т. е. имеет титул херпата.— *В. Л.*)». Далее говорится, что когда взошел на царство сын Шапура Хормизд-Арташир, то Картиру были пожалованы шаханшахом «кулах и камар» (почетный головной убор и пояс — инвеститурные знаки титула), что власть его еще более возросла, и стал он именоваться теперь «Картир, магупат (верховный жрец.— *В. Л.*) Ахура Мазды, по имени Ахура Мазды, бога».

Те же посты и ту же власть пожаловал Картиру и Варахран I, сменивший на престоле Хормизда-Арташира. Но вершины карьеры Картир достиг при сыне Варахрана I шаханшахе Варахране II: «Для удовольствия Ахура Мазды и богов [и] души своей ради пожаловал он мне в стране более высокое место и владетельность, и мне место и власть великих (wčlkʾn) он дал .. И сделал он меня по всей стране адвенпатом (распорядителем пожертвований в храм.— *В. Л.*) и владыкой... храма огня Анахиты-Артахшатр и Анахиты-Госпожи. И дал он мне имя: Картир, хранитель души Варахрана, магупат Ахура Мазды». Далее в надписи говорится о том, что же именно сделал Картир для утверждения в стране «праведной веры»: «И от шахра к шахру, *от* области к $_{27}$ (*KSM 13*; *основная нумерация строк — по надписи KNRu*) области, по всей стране дела Ахура Мазды и богов возвысились, и вера маздаяснийская и маги получили по всей стране великое господство $_{28}$ и боги, и вода, и огонь, и скот по всей стране великое удовлетворение получили. $_{29}$ А Ахриман и дэвы (*SM 14*) получили великий удар и мучение (?), и вера Ахримана и дэвов отступила из страны $_{30}$ и была изгнана. И иудеи, и буддийские жрецы, и брамины, и назареи, и христиане, и мандеи (?), и зиндики (манихеи.— *В. Л.*) были разбиты, а изображения [их] богов разрушены, $_{31}$ и убежища (храмы.— *В. Л.*) дэвов были уничтожены и в место сидения (в храмы) $_{32}$ богов и их обитель были превращены. И от шахра к шахру, от (*SM 15*) области к области многие дела религиозные возросли [в своем значении], и многие храмы были основаны. И в государственных постановлениях $_{33}$ и сборниках, тех что при Варахране, царе царей, сыне Варахрана, делались, он (т. е. Варахран) так [приказал] записать (*SM 16*) мол: „Картир, хранитель души Варахрана, магупат Ахура Мазды“ $_{34}$. И я, Картир, с самого начала [служа] богам и владыкам и души своей ради много труда и муки (*SM 17*) испытал. Благодаря мне, многие огни и маги по всей стране $_{35}$ ... в Мешане, Атропатака-

литерация); 345—349 (перевод); 350—372 (комментарии). В этой части перевод «пространной редакции» различается лишь в отдельных терминах. Надпись KNRj в последнее время переводилась трижды: E. Herzfeld, Paikuli. Monument and Inscription on the early History of Sasanian Empire, vol. I, B., 1924, Sprengling, ук. соч.; R. N. Frye, The Middle Persian Inscription of Kartir at Nagš-i Rajab, «Indo-Iranian Journal», vol. VIII, 1965, № 3, стр. 211—225. Предлагаемый перевод этой части «пространной редакции» существенно отличается от указанных и по смыслу. Транслитерация отдельных мест «пространной редакции», толкование некоторых терминов (в том числе полного имени Картира — Krtyr ʾhnglpy) содержится в работе: Frye, Remarks on Paikuli and Sar-Mašhad Inscriptions.

не, Сепахане, Рее, Кермане, Сакастане и Гургане... 36 ... до Пешавера стали процветающими. И также в странах неиранских огни 37 (*SM 18*) и маги, те, которые были в не-Иране [туда, куда] кони и люди Шапура, царя царей, дошли — в Антиохии, городе [столице] сирийской страны, 38 и в районах около Сирии, в Тарсе, городе [столице] страны киликийской, и вплоть до киликийских пределов, в Кайсарии, городе [столице] каппадокийской страны, и вплоть ... 39 ... и вверх до Галатии, Армянской страны, и Иберии, и... Баласакана, и дальше до „Аланских ворот", [там где] Шапур, царь 40 царей, с конями и людьми, сам... разрушения и пожарища и... учинил, там по приказу царя царей 41 магов, тех, которые в тех странах были,— их я организовал [в магустан]. (*SM 20*) И я не допускал вред и грабеж, и все то, что у них было взято грабежом — все это я же [им] вернул 42. И я ... в свою страну возвратил. И я веру маздаяснийскую и магов [которые были] хорошими — их я сделал превосходными и почитаемыми. А еретиков и... (*SM 21*) тех, которые в магустане 43 не занимались предписанным в делах религиозных и вере маздаяснийской,— их я подверг каре. И я им сделал внушение, 44 и сделал я их лучше. И я многие храмы огня и [многих] магов сделал [записанными] в государственные установления. И с помощью богов и царя царей мною лично [следующее] было сделано по всей стране иранской: (*SM 22*) многие храмы огня (ʾtwr ZY wrhrʾn) были основаны, 45 многие единокровные браки были заключены и многие люди, которые были неверными, они стали верными, и многие из тех, которые дэвам поклонялись, они, благодаря моему усердию, 46 эту веру дэвов покинули. Они веру богов избрали. И много rtpsʾk[40] (*SM 23*) были получены, и много религиозных... [всякого] рода и других дел божественных были увеличены и возвышены из тех, которые в этой надписи 47 не написаны. Ибо, если бы они были бы написаны, то было бы много. И мною, для дома своего, от области к области, многие храмы огня были установлены».

Заключительную часть «пространной редакции» удается восстановить путем сопоставления с надписью KNRj. KSM 26—32; KNRj 3—9 [41]: «Я богов так молил: пусть мол установления [42] (?) богов я, Картир, во [всем] величии дам увидеть „живущим" [43], а „тем, кто мертв" [44], сделаю известным существо [учения о] небесах и бездне ада, каких [божественных] дел ради что именно в стране сделано, чего ради и как именно [это сделано] я сделаю известным, [а также и то], как я стал более твердым

---

[40] rtpsʾk — значение термина не выяснено. Речь идет о каких-то жертвах в храме, где Картир был владыкой (храм Анахиты), в честь шести ежегодных религиозных праздников. Количество rtpsʾk в разных надписях Картира различно. (KKZ: 6798 rtpsʾk; KSM, KNRu: (лакуна) 83 rtpsʾk).

[41] То, что сткк. 26—32 надписи KSM в *расширенном виде* содержали то же, что и сткк. 3—9 надписи KNRj; доказывается сличением обрывочных контекстов KSM с KNRj. Например, KSM, стк. 26: YDYNmč HWH prwn ʿL wtrtnč [lwny w]hyšty W krtkʾn ʿL yzdʾn BYN štry kryt. Ср. KNRj 4—5: YDYNmč prwn ʿL wtrtʾn lwny whyšty W dwšhwy čhrky MHYHt ʿL ZNHč krtkʾn lʾdy čygwn BYN štry krty. Или сравнительно полный контекст KSM сткк. 31—32: ʿL wtrtʾn lwny pwrsyt ... nmʾpčry krtkʾn krty [ʿL] pʾrsy W sksttʾn W ʾn [yrʾn] štry KBYR mgw [GBRʾ]ʾwrwhmy MDM GTY W m[ʾtg] dʾn ZNH ʾwgwn ptw[hyt W MDM GTY W] mʾ[ty]g [dʾn YKTYBWN] HQYMWNt.

[42] bʾly — значение термина неясно.

[43] PWN zyndkʾn.

[44] ʿL wtltʾn lwny (перевод «тем, кто мертв» оправдан. Ср. ʿL yzdʾn lwny). Здесь явное противопоставление, как и вообще во всей этой части надписи: whyšty — dwšhwy, небеса и бездна ада, но, вероятно, добро — зло, свет — тьма; krtkʾn ʾrtʾdyhy — дела праведные (т. е. праведный толк), krtkʾn dlwndyhy — дела ложные (т. е. ложный толк) и т. д. Поэтому вероятно, что Zyndkʾn и wtltʾn здесь (и ниже) употреблены в переносном значении — «те, кто исповедует [теперь] истинный толк», «те, кто исповедовал [раньше] ложный толк». Такой перевод подтверждается не только дальнейшим контекстом, но и обрывками соответствующих мест «пространной редакции».

[в делах веры]. И вот, так именно я богов молил, чтобы мне знак они дали, как сущность [учения о] небесах и бездне ада сделать известным, как определить в этих делах [45] — что [в них] праведно, а что ложно; пусть мол я сделаю известным для „тех, кто мертв", установления богов». KSM 53—58; KNRj 9—31 [46]: «И вот богам еще намного большее служение и еще бо́льшая вера были мною оказаны. И сам я более благочестивым и более справедливым стал. И в этих яштах (молитвах и догматах.— *В. Л.*) и делах, которые делались в стране, намного более твердым я стал. И тот, кто эту надпись увидит и прочтет (букв. освоит), то пусть он по отношению к богам и владыкам благочестивым и справедливым станет. И также в этих яштах и делах [божественных] и вере маздаяснийской, которые теперь [стали] установленными „для живущих", пусть он станет более твердым, а в иных (яштах, делах и вере.— *В. Л.*) — ни под чьим приказом [47] да не будет. И пусть он знает: есть небеса и есть бездна ада, и тот, кто избрал добро (т. е. изложенный выше толк зороастризма.— *В. Л.*) — пусть идет на небеса, а тот, кто избрал зло — тот в бездну ада будет низвергнут. И тот, кто избрал добро и неуклонно следует по пути добра, тот [48] славы и процветания достигнет, а его душа [49] достигнет праведности, чего и я, Картир, достиг. Мною эта надпись вот для чего была написана: я, Картир, в то время, при содействии царей (štrdr'n) и владык (MR'HYn) многие огни (т. е. храмы огня.— *В. Л.*) и магов занес в государственные записи. И для меня великое почтение моему собственному имени в государственных записях и постановлениях было записано. И если кто-либо увидит в будущем какие-либо государственные постановления, или решения, или документы, или иные какие-либо записи, то пусть знает он, что я был тем самым Картиром, которого при Шапуре, царе царей, называли: „Картир, магупат и херпат", а при Хормизде, царе царей, и Варахране, царе царей, сыновьях Шапура, называли: „Картир, магупат Ахура Мазды", а при Варахране, царе царей, сыне Варахрана, называли: „Картир, хранитель души Варахрана, магупат Ахура Мазды"».

Таков Картир в своих надписях. Мы знаем и его портреты — выбитые в скалах рельефы, на которых он представлен безбородым старцем, в кулахе со знаком, в парадном платье. Его изображения помещены там, где высечены инвеститурные сцены и сцены побед шаханшахов Ирана, рядом с рельефом, где бог Ахура Мазда вручает атрибуты царской власти первому царю царей из династии Сасанидов Арташиру [50], на рельефе, представляющем триумф шаханшаха Шапура над римлянами [51]. Он стоит по правую руку от Варахрана II на рельефе в Накш-и Бахрам [52], он же сопровождает Варахрана II, его жену и наследника престола на рельефе в Сар-и Мешхед, где изображена охота царя царей на львов [53].

Попробуем установить, хотя бы в самых общих чертах, что именно проповедовал Картир.

Те жрецы, которые, по мнению Картира, «не занимались предписанным

---

[45] 'L ZNH krtkn'rt'dyhy W dlwndyhy — krtkn (в надписях Картира как правило krtkn ZY yzd'n; букв., «дела богов») вероятно, правильнее переводить «религиозные догматы» или просто «вера». Ср. KSM, стк. 32: 'Pm [mzdysn bgy šh]pwhry MLK'n MLK' 'dyn MN LY krty krtkn ZY yzd'n W NPšH lwb'n l'dy ...YK 'rt'[dyhy W dlwndyhy?].

[46] Сткк. 33—52 надписи KSM невосстановимы.

[47] В тексте KNRj (стк. 17): ny ḫl plm'n 'l YHWWN вероятно, здесь ошибка 'l вместо L'.

[48] 'stwndy tny — букв. материальное тело.

[49] 'stwndy lwb'n — букв. материальная душа.

[50] V a n d e n B e r g h e, Archeologie de l'Iran Ancien, табл. 26*a*.

[51] Там же, табл. 29*d*.

[52] Там же, табл. 82*a*. Это, несомненно, Картир, поскольку знак на кулахе этого персонажа тот же, что и на кулахе Картира в Накш-и Рустам.

[53] Там же, табл. 74. Над рельефом надпись KSM.

в делах религиозных и вере маздаяснийской» и, тем самым, «не были верными царям, и владыкам», названы двумя терминами: ʾršwmwk и gwmlčʾk. Первый термин хорошо известен из пехлевийской литературы (ahramōk) в абстрактном значении «еретик». Второй термин встречен впервые, и его этимология и значение неясны [54]. Тем не менее, судя по контексту надписей, обе эти категории состояли в магустане, т. е. были зороастрийскими жрецами.

Быть может, толк зороастризма, выдвигавшийся Картиром, был местной, истахрской традицией, противопоставленной традиции другого важнейшего центра зороастризма — традиции Шиза [55]. Об этом может свидетельствовать и то обстоятельство, что все надписи Картира составлены только на среднеперсидском языке — языке монет последних правителей Истахра и первых Сасанидов, тогда как все раннесасанидские надписи вплоть до конца III в. составлялись на трех языках: парфянском, греческом и среднеперсидском. Именно такая последовательность языков отражена в первой сасанидской наскальной надписи, высеченной на плече коня Арташира на инвеститурном рельефе в Накш-и Рустам. Интересно, что в надписи на коне Ахура Мазды на том же рельефе (в ней указано имя Ахура Мазды) последовательность языков иная: *среднеперсидский*, парфянский и греческий [56].

О содержании яштов, объявленных Картиром каноническими, мы можем судить на основании исследования памятников официального сасанидского искусства.

До 70-х гг. III в. официальное направление в искусстве Сасанидов ограничивалось лишь областью так называемого «официального портрета». В эпоху Варахрана II и Картира в официальном искусстве появляются изображения зверей. Протомами различных зверей увенчаны кулахи царицы, наследника престола и некоторых вельмож, чьи портреты изображены на монетах, на скальных рельефах, в торевтике. Затем изображения зверей появляются и на иных памятниках.

Изображения зверей — символов различных божеств, как известно, самая существенная черта искусства Ирана. Иконографический канон многих из них насчитывал не одно тысячелетие, однако репертуар искусства Сасанидов в этой области был весьма ограничен: одни и те же образы, одни и те же композиции встречаются не только на печатях — самых массовых памятниках сасанидского искусства, но и в торевтике, штуковых декорациях, на тканях и на рельефах [57].

На монетах Варахрана II последовательно появляются изображения протомы коня, кабана, птицы, Сенмурва [58]. Даже если бы мы не располагали громадным сравнительным материалом других памятников сасанидского искусства, мы все равно должны были бы заключить, что все эти изображения — символы зороастрийских божеств, поскольку среди них присутствует образ Сенмурва — «собаки-птицы» зороастрийских религиозных текстов. На серебряном блюде, найденном в дер. Нижняя Шахоровка [59], дата которого также время Варахрана II [60], к перечисленным

---

[54] По интерпретации Де Менаша «ceux qui usent en frottant» (см. Chaumont, Inscription de Kartir, стр. 362—363).

[55] См. S. Wikander, Feuerpriester in Kleinasien und Iran, Lund, 1944.

[56] Herzfeld, Paikuli, vol. I.

[57] Борисов, Луконин, Сасанидские геммы, стр. 31—33.

[58] Воспроизведения различных типов монет Варахрана II см. в кн. F. Paruck, Sasanian Coins, Bombay, 1924, табл. V—VII; R. Göbl, Die Münzen der Sasaniden, 's-Gravenhage, 1962, табл. II.

[59] Я. Н. Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. XIV, № 36.

[60] Датировка блюда колебалась от III в. до н. э. по XIII в. н. э. В последнее время Б. И. Маршаку удалось, основываясь на аналогиях в сасанидской торевтике (килик

выше образам добавлены изображения льва, зебувидного быка и медведя. Этими именно образами ограничивается и весь репертуар сасанидской глиптики III в. [61]

Итак, перед нами — сознательный выбор из всего наследия Переднего Востока в этой области ограниченного круга образов, которым теперь придано вполне определенное символическое значение. Мы можем, вероятно, связывать их появление в официальном искусстве сасанидского Ирана с реформой Картира и считать, что в религиозных текстах, которые были объявлены «праведной верой» при Варахране II, особенное внимание было обращено на те, где описывался Сенмурв, а также на те, где встречаются ипостаси божеств Вретрагны (его «перевоплощения» — конь, птица, кабан), Тиштрийа (конь), «первозданного быка» (зебу), Митры (лев) и некоторые другие.

В искусстве Ирана эпохи Картира — Варахрана II совершенно отсутствуют символы Анахиты, столь распространенные, начиная с IV в.— с эпохи Шапура II и его верховного жреца Атурпата Михраспандана: различные цветы, плоды, голубь, павлин, гранат, собака и др. Анахита в III в. отождествлялась с царицей цариц, и владыкой ее храма был Картир. Теперь становится понятным сообщение «Денкарта» о том, что спустя 30—40 лет после смерти Картира Шапуру II надобилось обновить святилища Анахиты [62].

В искусстве Ирана эпохи Картира — Варахрана II отсутствует столь популярный впоследствии образ горного барана с пышным бантом на шее (бантом «ашхараванд») — символа бога Хварны. Этот символ появляется в эпоху Шапура II — Атурпата на боевом шлеме шаханшаха, на многочисленных памятниках искусства, в литературе. Яшты о Хварне, не поощрявшиеся в «Авесте» Картира, были возвеличены в «Авесте» Атурпата. В IV в. к ним обратились отнюдь не случайно: в силу ряда политических причин именно в это время была создана фальшивая генеалогия сасанидских шаханшахов, возводящая их род к мифическим Кейанидам; согласно Моисею Хоренскому, секретарь Шапура II Хорхбуд составил по приказу царя хронику «Растсохун», в которой рассказывалось о том, как «счастье Хварны Кейанидов» (божество царской славы) в образе барана с ошейником из лент сопутствовало первому Сасаниду [63].

* * *

Итак, сасанидские шаханшахи, еще в самом начале провозгласившие зороастризм своей религией, нашли, наконец, прочную опору своей власти в алтаре огня. Но для действительного торжества зороастризма по всей стране необходима была борьба, и эта борьба была жестокой. Нужно было уничтожить в Иране влияние иудаизма и христианства, буддизма и брахманизма, мандеев, нужно было уничтожить «ереси» того же зороастризма, нужно было, наконец, покончить с Мани и манихеями. И вот после смерти Шапура I, когда влияние Картира на царя царей Ирана возросло, когда

с портретами Варахрана II и его семьи, так называемое «краснополянское» блюдо с изображением царевича, охотящегося на медведей) и параллелях в римском искусстве, датировать этот памятник серединой — концом III в. н. э. (см. Луконин, Маршак, Изучение сасанидского искусства в Государственном Эрмитаже, стр. 31).

[61] Борисов, Луконин, Сасанидские геммы.

[62] Denkart, IV, 27 (Madan, 412). H. S. Nyberg, Die Religionen der Alten Iranier, Lpz, 1938, стр. 419.

[63] Моисей Хоренский, История Армении. Пер. Н. О. Эмина, М., 1893, стр. 117.

Картир, став ближайшим советником царя царей, получил титул «магупата Ахура Мазды», и, быть может, в недалеком будущем уже видел себя религиозным главой государства, в Иране разразилось гонение на манихеев.

О последних днях жизни Мани сохранилось среди манихейских документов предание [64]. Повествование в нем ведется от имени Нухзатака, который переводил слова Мани с сирийского на персидский шаханшаху Варахрану I, вызвавшему пророка в столицу. Мани был принят весьма нелюбезно — шаханшах заставил его ждать в приемной. А когда Варахран встал из-за стола, то «положив одну руку на [плечо] царицы саков, а другую руку [на плечо] Картира, он подошел к господину (Мани.— *В. Л.*). И начав говорить, господину он сказал так: „Напрасно ты явился!". А господин наш ответил: „Разве я что-нибудь плохое сделал?". И царь сказал: „Я поклялся, что не дам тебе приходить в эту страну". И в гневе так [царь] говорил господину: „Да что в вас (манихеях.— *В. Л.*) такого особенного, что не ходите вы на бой и не охотитесь? Хотя бы вы лечили людей и лекарства изготовляли, но вы не делаете [даже] этого!"»

Текст предания обрывается на ответе Мани, который уверяет шаханшаха, что делал только добро и ему самому, и его роду, и его подданным. Мы знаем по иным источникам, что Мани был брошен в тюрьму, где и погиб от пыток в 277 г. [65]

Так в лице Картира и Мани столкнулись в Иране отвлеченная философия, полная пессимизма и «презрения к миру», с сухой догматикой и фанатизмом, поддерживаемыми бюрократией, оружием и властью царя царей Ирана. Победил Картир.

Положение Картира особенно возвысилось при Варахране II (в годы царствования Варахрана II составлены все надписи Картира). В это время Картир достиг вершины своей карьеры, возведя на престол Ирана угодного ему шаханшаха [66]. Для установления в Иране режима террора и религиозного мракобесия у Картира были все возможности — он сосредоточил в своих руках все «дела веры». Духовная власть теперь была отделена от светской, от Картира теперь исходила интерпретация воли Ахура Мазды, сасанидское государство быстро приближалось к теократии. Картир организовал государственную церковь — магустан, жреческие корпорации при храмах огня, отныне «государственно установленные». Это означало и усиление экономической роли храмов в жизни страны. Картиром были основаны новые храмы огня, везде, по всей стране,и там, куда дошли «кони и люди царя царей», и в тех землях, где зороастризм ранее не был распространен. Наконец, Картир выдвинул свой толк dyn mzdysn, свою «веру для живущих», объявив ее единственной религией государства.

Разумеется, было бы очень интересно выяснить во всех подробностях существо религиозной реформы Картира. Но о человеке, оставившем четыре громадных надписи в тех местах, где до него высекали свои надписи лишь повелители Ирана, не упоминается ни в одном религиозном сочинении более позднего времени, ни в одной исторической хронике, ни в одном предании. Для жрецов позднесасанидского периода такого человека не существовало — его место занял мифический Тусар, абстрактный «идеальный религиозный подвижник», всю жизнь свою, якобы, посвятивший собиранию и изучению разрозненных остатков священных книг и

---

[64] W. B. Henning, Mani's last Journey, BSOS, X, 1942, стр. 4—6.

[65] S. H. Tagizadeh, The Dates of Mani's Life. Translated from Persian, introduced and concluded by W. B. Henning, «Asia Major», vol. VI, pt. 1, 1957, стр. 106—115. Иную дату смерти Мани (2 марта 274 г.) предлагает В. Б. Хеннинг (см. там же).

[66] Подробнее см. В. Г. Луконин, Варахран II и Нарсе, ВДИ, 1964, № 1, стр. 48—63.

знаменитый своими скучными проповедями, оправдывавшими любой поступок, любое деяние шаханшаха. Это обстоятельство тем более странно, что верховный жрец Ирана Атурпат Михраспандан, действовавший всего через 30—40 лет после Картира, упоминается в поздних источниках неоднократно и признается одним из крупнейших авторитетов в области религии. Атурпат при шаханшахе Шапуре II занялся тем же, что делал Картир — он «очистил от скверны» и наново возродил зороастризм, проведя новую кодификацию «Авесты».

Стало быть уже через три десятка лет после смерти Картир стал для зороастрийских жрецов еретиком, и вся его деятельность в области религии была сознательно забыта. Шапур II не мог более допустить, чтобы в руках одного человека была сосредоточена столь большая власть — недавние события показывали, к чему это может привести [67]. Место единого «магупата Ахура Мазды» теперь по приказу Шапура II заняло несколько магупатов различных районов государства [68].

---

[67] Там же.
[68] Борисов, Луконин, Сасанидские геммы, стр. 50.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ДОПОЛНЕНИЯ К СПИСКУ САБЕЙСКИХ ЭПОНИМОВ

Надписи из раскопок марибского храма ʾАввам, посвященного сабейскому богу луны ʾАлмаḳаху [1], содержат много нового материала по сабейскому эпонимату. Они позволили реконструировать список общесабейских эпонимов для периода с середины II в. н. э. по конец III в. н. э.[2] Однако значительное количество эпонимов, известных по датированным надписям, не вошло в этот список и, по-видимому, относится к более раннему времени [3]. Таким образом, возникает надежда продолжить список эпонимов периода царей Саба' и ẓу-Райдāна, чтобы получить надежную хронологическую канву и для более раннего времени.

При составлении первоначального списка сабейских эпонимов не были использованы три надписи из марибских раскопок: Nami NAG 1, лишь недавно ставшая доступной автору благодаря любезности проф. Ж. Рикманса [4], и только что изданная Nami NAG 15 [5]. Они упоминают двух ранее неизвестных эпонимов: nšʾ krb/bn/smkrb/bn/fḍḥm (Nami NAG 1) и mʿdkrb/bn/nšʾkrb/bn/fḍḥm (Nami NAG 15) [6].

Проф. Г. Виссман и д-р В. Мюллер любезно прислали мне текст еще одной, очень важной надписи из марибского храма, до сих пор не изданной [7]. В ней упоминаются два эпонима, также неизвестные ранее: [ʾ]bkrb/bn/wddʾl/bn/fḍḥ[m] и mʿdkrb/bn/ʾbk-[rb/bn/?], причем в чрезвычайно интересном контексте: $_6$ ṯmnt /wʾrbʿy/ḫryfṯm/[bn/ḫrf /ʾ] $_7$bkrb/bn/wddʾl/bn/fḍḥ[m/ṯnyn] $_8$ʿdy/ḫrf/mʿdkrb/bn/ʾbk[rb/kbrḫll] $_9$ [š]rshmw «Сорок восемь лет, от [второго (?) года] ʾАбкариба, сына Вададʾила, из (рода) Фадахам, до начала эпонимата Маʿадкариба, сына ʾАбкариба, [(из) кабиров X̱алил]».

Датировка повреждена, но лакуны легко заполняются. Период в 48 лет при семилетнем эпонимате может составить семь или восемь эпонимных сроков. Первый вариант

[1] A. J a m m e, Sabaean Inscriptions from Maḥram Bilqîs (Mârib), Baltimore, 1962.

[2] A. L o u n d i n e et J. R y c k m a n s, Nouvelles données sur la chronologie des rois de Saba et ḏū-Raydān, «Le Muséon», 77, 1964, стр. 407—427; А. Л у н д и н, ВДИ, 1965, № 3, стр. 203—205.

[3] Это очевидное обстоятельство полностью снимает упрек А. Жамма в «легкомысленном отборе [надписей], который никак не обоснован автором» (A. J a m m e, À propos des rois ḥaḍramoutiques de al-ʿUqla, Washington, 1965, стр. 37).

[4] Kh. N a m i, Nuquš ʿarabiyat ǧanubiyat, I, «Maǧallat kulliyat al-adab», IX, 1947, стр. 1—13.

[5] Nami NAG V, «Maǧallat kulliyat al-adab», XXIII, 1965, стр. 1—9. Надпись Nami NAG 12 (Nami NAG IV, «Maǧallat kulliyat al-adab», XXII, 1965, стр. 53—60 была уже ранее использована нами (под обозначением Condé 5) благодаря любезности проф. Ж. Рикманса.

[6] Этот эпоним, может быть, идентичен эпониму надписи CIH 600: [mʿd]krb/bn/nšʾ-kryb/bn/fḍḥm, хотя написание имени отца в этом тексте несколько иное, и эпониму CIH 607: mʿdkrb/bn/nš[ʾkrb], хотя здесь имя рода неизвестно.

[7] Издание надписи готовит д-р В. Мюллер.

сразу же отпадает, так как тогда оба эпонима должны принадлежать к одному роду, через поколение, а эпоним, расположенный между ними, будет носить имя «ʾАбкариб, сын ʾАбкариба». Однако во всей древнейеменской эпиграфике случаи, когда сын носит то же имя, что отец, чрезвычайно редки, а среди эпонимов они не засвидетельствованы ни разу.

Следовательно, промежуток между ʾАбкарибом и Маʿадкарибом равен восьми эпонимным циклам, что позволяет установить род Маʿадкариба — Ḫазфарам-Ḫалил [8]. Фраза ʿdy/hrf/mʿdkrb... [š]rshmw, видимо, обозначает: «до (начала) эпонимата Маʿадкариба» [9]. В этом случае срок в 48 лет должен начинаться во втором году эпонимата ʾАбкариба.

Исследуемая надпись содержит важные данные, подтверждающие систему череда эпонимов. Действительно, А. Жамм оспаривает предложенную нами интерпретацию датировочной формулы текста Ja 615, утверждая, что обе даты, содержащиеся в нем, являются лишь различными датировками одного события по разным системам эпонимата [10]. Такое понимание и раньше казалось маловероятным, потому что в употреблении датировок по эпонимам родов Фадаḫам, Ḫазмат и Ḫазфарам-Ḫалил нельзя было обнаружить ни хронологических, ни территориальных различий [11], но только исследуемая надпись с её недвусмысленной датировкой заставляет окончательно отвергнуть утверждение А. Жамма [12].

[8] По числу знаков в строке предпочтительно восстанавливать kbrhll без соединительного bn: ср. CIH 80. А. Жамм (J a m m e, À propos..., стр. 35; он же, Une nouvelle chronologie des rois de Sabaʾ et de Raydan, BO, XXII, 1965, стр. 5) отрицает идентификацию «рода ḥzfrm с родом kbr (/)hll». Однако тот факт, что род Ḫазфарам является подразделением племени Ḫалил, бесспорно доказывается прямыми данными надписей: см. CIH 967, где автор называет себя «ʿАммшафаḳ, сын ʿАммкариба, bn/ḥzfrm/dhll». Эта формула, как отмечал уже Н. Родоканакис (N. R h o d o k a n a k i s, Katabanische Texte zur Bodenwirtschaft. II, SBAW, 198, 1922, стр. 52—53), неоднократно повторяется в надписях списка эпонимов племени Ḫалил (Gl 1775; 1690; 1757b; ср. также Gl 1743: ʿmʾmr/hllyn/bn/ytʿm/bn/ḥzfrm «ʿАммʾамар, ḫалилиец, сын Йаçаʿама, из (рода) Ḫазфарам» — см. A. L u n d i n, Eponymenliste von Sabaʾ (aus dem Stamme Halil), «Sammlung Eduard Glaser», V, SBAW, 248, 1965, стр. 40—44.

[9] Восстановление [š]rs предложено В. Мюллером. Термин šrs значит «основа, фундамент» (см. RES 3552, 3—4; 4126, 2; ср. hšrs RES 3945, 15—16), откуда — «начало». Непонятно, однако, почему местоименный суффикс hmw имеет форму множественного числа.

[10] J a m m e, À propos..., стр. 35—36. При этом А. Жамм даже не пытается объяснить, почему в одно время и в одном месте безразлично употребляются три разные системы датировки. Он возражает также против нашего перевода «*за* шестой год Вададʾила... и *за* третий год Нашаʾкариба». Однако этот перевод прямо основан на тексте; в Ja 615 сказано: lhrf/wddʾl...wlhrf/nšʾkrb, при обычных в датировочных формулах dhrf (Ja 567, 610, 613, 618 и т. д.) или bhrf (Ja 645, 751). Это различие в других случаях видит и А. Жамм, переводя Ja 611, 7—8: lwrh/dhbs/wʿttr «*for* the month of Hawbas and ʿAttar»/(J a m m e, Sabaean Inscriptions, стр. 109), а в Ja 613, 9—10: bwrh/dmlyt «*in* the month of Malayat» (там же, стр. 110).

[11] A. B e e s t o n, Epigraphic South Arabian Calendars and Dating, L., 1955, стр. 29—32; L u n d i n, Eponymenliste..., стр. 71—72.

[12] А. Жамм основывает свое мнение еще и на надписи RES 4196, но она вообще не имеет отношения к этой проблеме, ибо в ней нет датировки по эпониму, а есть только дата по хымьяритской (?) эре. Точно так же возражения А. Жамма против генеалогической последовательности общесабейских эпонимов, базирующиеся на датах надписей CIH 46, 448 и Gl 1594 (J a m m e, À propos..., стр. 36), вряд ли заслуживают внимания, так как все эти надписи датированы не по сабейскому эпонимату, а по какой-то иной системе, закономерности которой (кстати, неизвестные ни нам, ни А. Жамму), совершенно неправомерно распространять на общесабейский эпонимат.

Новые надписи, приведенные выше, позволяют продолжить список общесабейских эпонимов:

tbʿkrb	F CIH 81, 404	. . .	H
. . .	H	. . .	H
mʿdkrb/bn/ʾbkrb	H Müller	wddʾl	F
mʿdkrb/bn/nšʾkrb	F Nami NAG 15	. . .	H
. . .	H	. . .	H
ʾbkrb	H	nšʾkrb/bn/smkrb	F Nami NAG 1
nšʾkrb	F	. . .	H
. . .	H	. . .	H
. . .	H	smkrb	F
ʾbkrb/bn/wddʾl	F Müller		

Однако в этом перечне совершенно не заполнены места эпонимов из рода Х̱аз̱мат и почти совершенно — места эпонимов из Х̱азфарам-Х̱алил. Между тем, нам известно не менее пяти эпонимов из Х̱алил, не вошедших в первоначальный список эпонимов периода царей Саба' и з̱у-Райда̄на:

ʿmkrb/bn/smhkrb/bn/ḥzfrm	CIH 73
bʿṯtr/bn/mʿdkrb/bn/ḥzfrm	CIH 282
smhkrb/bn/wddʾl/bn/ḥzfrm	Fa 30
tbʿkrb/bn/ʾbkrb/bn/kbr/ḫll	CIH 567
wddʾl/bn/yqhmlk/kbrḫll	CIH 80[13]

Для того чтобы иметь возможность включить их в реконструируемый список, необходимо предварительно каким-то образом определить их хронологическую последовательность, хотя бы самым приближенным способом. По счастью, такую возможность дает палеографический анализ.

Среди текстов, датированных по эпонимам, легко выделяется группа надписей из ʿАмрана: CIH 73, 80, 81, 83, 90 и 99. Это посвятительные надписи на бронзовых табличках из храма ʾАлмаḳаха з̱у-Харана. Все они наверняка изготовлялись в одной мастерской при храме; поэтому совершенно исключается возможность локальных вариантов письма, наличие различных писцовых школ, влияние материала и техники изготовления надписи. Таким образом, тексты из ʿАмрана представляют собой идеальный объект для палеографического исследования.

К этой группе можно присоединить еще две посвятительные надписи на бронзовых табличках — CIH 282 и CIH 567, причем первая из них происходит из Райда близ ʿАмрана[14], а место находки второй не известно, но для них палеографическая датировка будет несколько менее надежной. При этом в выделенную группу попадают четыре надписи из пяти, интересующих нас.

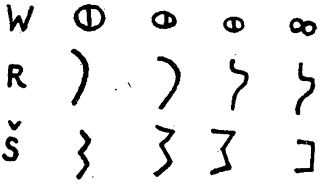
Эволюция знаков *W*, *R* и *S* позволяет расположить тексты из ʿАмрана и близкие к ним в следующем порядке: CIH 73, 80, 567, 282, 90, 81 и 83[15]. При этом надписи, вошедшие в первоначальный список эпонимов (CIH 83 и CIH 81), подтверждают, что палеографическая последовательность совпадает с хронологической.

---

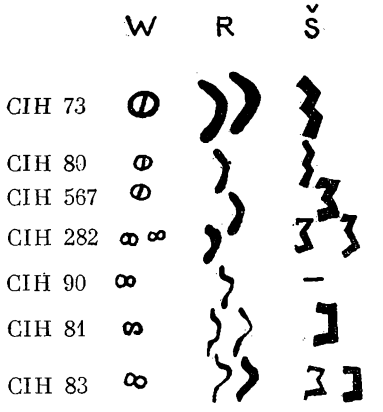
[13] Мы опускаем сейчас надписи CIH 555, 601, RES 4966 и Ja 540, также датированные по эпонимам из Х̱алил, но по палеографическим данным относящиеся к периоду мукаррибов или началу периода царей (графические периоды A — E по Ж. Пиренн), т. е. ко времени раньше II в. до н. э.

[14] H. von Wissmann, Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien, «Sammlung Eduard Glaser», III, SBAW, 246, 1965, стр. 273.

[15] См. рис. 1 и 2. Порядок форм знаков и надписей — от древних к поздним. Палеография надписи CIH 99 неизвестна. Если доверять формам знаков в копии Э. Глазера, воспроизведенной «Корпусом» (CIH, I, Tabulae, табл. XVIII), то дуктус CIH 99 очень близок к дуктусу CIH 83 и CIH 81.



Знаки *W*, *R*, *Š* в надписях, датированных по эпонимам



Эволюция знаков *W*, *R*, *Š* в надписях на бронзовых табличках из ʿАмрана

Кроме интересующих нас надписей, датированных по эпонимам из H̱алил, в перечень попадает также текст CIH 90, в котором название эпонимного рода не сохранилось. Однако имя эпонима и имя его отца — nbṭʾl/bn/ʿmʾmr «Набатʾил, сын ʿАммʾамара» — нехарактерны для общесабейских эпонимов [16]. Это позволяет нам предположить, что надпись CIH 90 датирована не по общесабейскому, а по локальному эпониму [17]. Остальные тексты позволяют частично заполнить лакуны в реконструируемом списке:

tbʿkrb	F CIH 81 и 404	nšʾkrb/bn/smkrb	F Nami NAG 1
. . .	H	. . .	H
mʿdkrb/bn/ʾbkrb	H Müller	ʾbkrb	H
mʿdkrb/bn/nšʾkrb	F Nami NAG 15	smkrb	F
. . .	H	. . .	H
ʾbkrb	H	wddʾl/bn/yqhmlk	H CIH 80
nšʾkrb	F	. . .	F
. . .	H	. . .	H
bʿṯtr/bn/mʿdkrb	H CIH 282	yqhmlk	H
ʾbkrb/bn/wddʾl	F Müller	. . .	F
. . .	H	. . .	H
mʿdkrb	H	ʿmkrb/bn/smhkrb	H CIH 73
wddʾl	F	. . .	F
. . .	H	. . .	H
tbʿkrb/bn/ʾbkrb	H CIH 567	smhkrb	H

Восстановленный таким образом список эпонимов охватывает 30 эпонимных циклов, т. е. 270 лет и доходит до I в. до н. э., однако в нем совершенно не заполнены места эпонимов из рода H̱азмат. Таких эпонимов, не вошедших в первоначальный список, нам известно всего два: wddʾl/bn/ʾbkrb по надписи CIH 380 и ʾbkrb/bn/...krb по неизданной надписи, обнаруженной А. Конде на Марибской плотине; фотография текста имеется в коллекции проф. Г. Рикманса [18]. Может быть, к роду H̱азмат принадлежит

[16] Имя ʿmʾmr не встречается в надписях, датированных по эпонимам, а имя nbṭʾl встречается лишь один раз (RES 4133) в надписи, где название эпонимного рода не сохранилось. Возможно, что и в этом тексте упоминается локальный эпоним.

[17] Ср. Ja 703: Loundine et Ryckmans, стр. 413.

[18] Об этом тексте мне сообщил проф. Ж. Рикманс, любезно приславший его фотографию.

и ʾbkrb/bn/smhkrb надписи CIH 609 [19]. Однако определить места этих эпонимов в новом списке при помощи методов, применявшихся нами для других текстов, не представляется возможным.

Такую возможность дает самый список эпонимов, уже реконструированный ранее. Он позволяет выяснить характерную особенность имен, которые носят эпонимы — их систематическую повторяемость. Так, имя эпонима из Фадаḫам через пять эпонимных циклов повторяется как имя эпонима из Ḫазмат, а имя эпонима из Ḫазмат через пять— эпониматов повторяется как имя эпонима из Ḫазфарам-Ḫалил [20]. При этом получается следующая картина соответствий имен [21]: Ḫазмат — Ḫазфарам — 20=25, 22 = 27, 25 = 30, 28 ≠ 33, 31 = 36, 34 ≠ 39; Фадаḫам — Ḫазмат—23=28, 26 ≠ 31, 29 ≠ 34, 32 = 37, 35 = 40. Таким образом, из одиннадцати ожидаемых соответствий налицо семь, т. е. 63,5%, а нарушений закономерности можно отметить лишь два, правда, одно из них — крупное, захватывающее три соответствия подряд.

По счастью, надписи содержат материал, позволяющий понять причины этого нарушения: известно, что тридцатый эпоним Тубба'кариб, сын Вадад'ила, из Ḫазфарам-Ḫалил выполнял свои функции не менее девяти лет (Ja 735) при законном сроке эпонимата в семь лет; видимо, он незаконно удерживал пост эпонима какое-то время после истечения своего срока, может быть, даже два срока подряд, что исказило весь следующий тур череды эпонимов [22] и вызвало нарушение соответствий имен [23].

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что соответствия имен эпонимов через пять эпониматов не случайные совпадения, а закономерное проявление какого-то древнего сабейского обычая, хотя этот обычай и допускает известные исключения [24]. Следовательно, мы можем использовать соответствия имен для реконструкции списка сабейских эпонимов; при этом, однако, нужно помнить, что нарушения обычая были довольно часты (в первоначальном списке — почти 37% случаев), так что закономерные соответствия имен можно использовать лишь как дополнительный материал, все время проверяя и контролируя полученные результаты какими-нибудь данными другого характера.

Реконструируем список эпонимов из Ḫазмат на основе соответствий имен двумя способами: А — по соответствиям от рода Фадаḫам и Б — по соответствиям от рода

---

[19] Название рода повреждено и издатели «Корпуса» читают лишь два знака d̲š, да и то предположительно. Проф. М. Хёфнер в письме от 24 октября 1964 г. любезно подтвердила мне возможность восстановления [ḥ]d̲m[t] на основе анализа эстампажа Э. Глазера.

[20] Эту закономерность для родов Фадаḫам и Ḫазмат впервые заметил проф. Ж. Рикманс, обративший на нее мое внимание в письме от 26 ноября 1964 г. Я пользуюсь случаем, чтобы выразить ему свою глубокую благодарность за постоянное внимание к моей работе по изучению эпонимата и за любезную помощь неизданными материалами и ценными дружескими советами.

[21] См. Loundine et Ryckmans, стр. 411, табл. I. Для удобства читателей номера эпонимов даются по новой таблице (см. ниже, табл. I), в которую первоначальный список вошел целиком. Он охватывает последние 20 номеров новой таблицы.

[22] Действительно, нарушение соответствий имен распространяется на всех эпонимов следующего тура: №№ 31, 33 и 34. К сожалению, нам не известно, как произошло впоследствии восстановление традиционного порядка смены эпонимов. Отметим только, что можно заметить какие-то искаженные соответствия: № 26 = № 32 и № 28 = № 34.

[23] Объяснение датировки девятым годом эпонима нарушением обычая (Lundin, Eponymenliste..., стр. 71; Loundine et Ryckmans, стр. 425) вызвало резкие возражения А. Жамма (Jamme, À propos..., стр. 36). Однако теперь, когда мы видим, что необычный срок эпонимата сопровождается нарушением систематических соответствий имен, гипотеза о нарушении обычая получает документальное подтверждение.

[24] Этот обычай заслуживает подробного исследования, которое автор надеется дать в ближайшем будущем.

Ḫазфарам-Ḫалил. При этом получается следующая картина:

А	Б
nš'krb	ḫywm
'bkrb	'bkrb
wdd'l	m'dkrb
nš'krb	'bkrb
smhkrb	b'ṯtr
—	m'dkrb
—	tb'krb
—	smhkrb и т. д.

С первого взгляда результат получается весьма неутешительный: из пяти случаев, когда имена эпонимов восстанавливаются разными способами, результаты совпадают только в одном, так что новый метод кажется очень ненадежным. Попытаемся, однако, продолжить анализ. Среди реконструируемых имен два — ḫywm и b'ṯtr — не характерны для эпонимов [25]. Естественно предположить, что именно эти имена попали в список в результате нарушений закономерных соответствий. Тогда мы можем определять имена соответствующих эпонимов из Ḫазмат только от имен эпонимов из Фадаḫам, и реконструируемая генеалогия рода Ḫазмат примет следующий вид: nš'krb — 'bkrb — wdd'l/m'dkrb — nš'krb/'bkrb — smhkrb — m'dkrb(?) — tb'krb(?) и т. д.

При этом эпонимы из Ḫазмат, известные по датированным надписям, очень хорошо идентифицируются с эпонимами реконструированного списка: wdd'l/bn/'bkrb и надписи CIH 380 дает возможность выбрать имена из пар wdd'l/m'dkrb и nš'krb/'bkrb; 'bkrb/bn/...krb надписи Конде идентифицируется с 'bkrb/bn/smhkrb нашего списка. Видимо, с тем же эпонимом можно отождествить и эпоним надписи CIH 609.

Надпись Конде позволяет еще раз проверить полученные данные. Она упоминает двух эпонимов, но от имени первого сохранились лишь два знака m', к счастью, позволяющие легко восстановить имя целиком: m'[dkrb]; не известно и название рода. Логично предположить, что в надписи датированы два события, близкие по времени, и названные эпонимы являются «соседями» по туру эпонимата, как два эпонима надписи Ja 615. Тогда m'dkrb должен принадлежать к племени Ḫалил и предшествовать 'Абкарибу, сыну Сумхукариба, из Ḫазмат по туру эпонимата. Действительно, при совмещении реконструированного списка эпонимов из Ḫазмат со списком для Ḫалил и Фадаḫам оказывается, что 'Абкарибу надписи Конде предшествует Ма'адкариб, отец эпонима Би'аṣтара, известного по надписи CIH 282.

Таким образом, привлечение нового материала, опубликованного уже после составления первоначального списка эпонимов периода царей Саба' и ẕу-Райдāна, и использование закономерных соответствий имен позволило получить полный и, по-видимому, достаточно надежный список общесабейских эпонимов для периода в 20 эпониматов, т. е. в 140 лет. Весь реконструированный нами список эпонимов охватывает теперь период в 280 лет, с 4 г. н. э. по 284 г. н. э. (см. таблицу на сл. стр.).

Имеется теоретическая возможность продолжить этот список и дальше, по крайней мере до середины I в. до н. э. на основе надписей CIH 80 и 73, датированных нами палеографически, восстанавливая при этом имена эпонимов из Фадаḫам и Ḫазмат ретроспективно по закономерным соответствиям. Но такое восстановление кажется нам в настоящее время чересчур ненадежным.

Приведем небольшой подсчет: документальным материалом для составления первоначального списка послужили 24 надписи, содержащие 26 упоминаний эпонимов [26].

---

[25] Имя ḫywm встречается как имя эпонима в четырех надписях: CIH 99, RES 4727, Ja 645 и Nami NAG 13, но все эти упоминания относятся к одному лицу (эпоним № 24). Имя b'ṯtr встречается в надписях всего трижды: CIH 282, 601 и RES 4765. Вопрос о характерных именах эпонимов, связанный с обычаем закономерных соответствий имен, будет разобран автором в дальнейшем.

[26] Упоминание нескольких эпонимов в надписях с формулой ḏsryhw мы приравниваем к одному упоминанию датировки по эпониму.

СПИСОК ОБЩЕСАБЕЙСКИХ ЭПОНИМОВ

Дата эпонима	№ п/п	Имя	Род	Надпись	Дата надписи	Правитель
4	1	tbʿkrb?	H	—		
11	2	smhkrb	F	—		
18	3	ʾbkrb	H	* Ja 560?		
25	4	mʿdkrb/bn/tbʿkrb?	H	—		
32	5	nšʾkrb/bn/smkrb	F	Nami NAG 1	б/г	—
39	6	tbʿkrb/bn/ʾbkrb	H	CIH 567	1	—
46	7	smhkrb/bn/mʿdkrb	H	—		
53	8	wddʾl/bn/nšʾkrb	F	—		
60	9	mʿdkrb/bn/tbʿkrb	H	Condé	?	—
67	10	ʾbkrb/bn/smhkrb	H	Condé; CIH 609 * Ja 560?	?	HLKʾMR bn KRBʾL WTR YHNʿM
74	11	ʾbkrb/bn/wddʾl	F	Schreyer 1	2?	—
81	12	bʿṯtr/bn/mʿdkrb	H	CIH 282	б/г	—
88	13	wddʾl/bn/ʾbkrb	H	CIH 380	1	—
95	14	nšʾkrb/bn/ʾbkrb	F	—		
102	15	ʾbkrb/bn/bʿṯtr	H	—		
109	16	ʾbkrb/bn/wddʾl	H	—		
116	17	mʿdkrb/bn/nšʾkrb	F	Nami NAG 15 CIH 600? CIH 607?	1 1 ?	WHBʾL YḤZ — —
123	18	mʿdkrb/bn/ʾbkrb	H	Schreyer 1	б/г	SʿDŠMSM w MRṮDM
130	19	nšʾkrb/bn/ʾbkrb	H	—		
137	20	tbʿkrb/bn/mʿdkrb	F	—		
144	21	ʾbkrb/bn/mʿdkrb	H	* Ja 589		
151	22	wddʾl/bn/nšʾkrb	H	* CIH 430		
158	23	smhkrb/bn/tbʿkrb	F	CIH 81 CIH 404	б/г ?	— —
165	24	ḫywm/bn/ʾbkrb	H	Ja 645 RES 4727	1 б/г	RBŠMSM NMRN —
172	25	tbʿkrb/bn/wddʾl	H	—		
179	26	mʿdkrb/bn/smhkrb	F	Fa 71 Ja * 567, * 589 * CIH 436	4	ʿLHN NHFN
186	27	wddʾl/bn/ḫywm	H	Nami NAG 12 CIH 99 * Ja 589	5 б/г	Šʿ RM ʾWTR —
193	28	smhkrb/bn/tbʿkrb	H	CIH 83 * Ja 589	б/г	—
200	29	ʾbkrb/bn/mʿdkrb	F	Ja 633 * CIH 430	7	SʿRM ʾWTR
207	30	tbʿkrb/bn/wddʾl	H	Ja 653 CIH 314+954 Ja 735 * CIH 430	3 6 9	ŠMR YHRʿŠ I ʾLŠRḤ II wYʾZL —
216?	31	ʾbkrb/bn/smhkrb	H	CIH * 430?, * 436?		
221	32	mʿdkrb/bn/ʾbkrb	F	* Ja 567, CIH * 4302, * 436?		
228	33	mʿdkrb/bn/tbʿkrb	H	RES 4646 * Ja 567	6	ʾLŠRḤ YḤDB II
235	34	smhkrb/bn/ʾbkrb	H	Ja 877 Ja 567 Ja 751	3 7 б/г	NŠʾKRB Yʾ MN ʾLŠRḤ YḤDB II —
242	35	nšʾkrb/bn/mʿdkrb	F	Ja 610 * Ja 567	2	NŠʾKRB Yʾ MN
249	36	ʾbkrb/bn/mʿdkrb	H	—		
256	37	mʿdkrb/bn/smhkrb	H	—		
263	38	.../bn/nšʾkrb	F	—		
270	39	wddʾl/bn/ʾbkrb	H	Ja 618 Ja 613, 615 Nami NAG 11	4 6	NŠʾKRB Yʾ MN NŠʾKRB Yʾ MN
277	40	nšʾkrb/bn/mʿdkrb	H	Ja 611, 615	3	NŠʾKRB Yʾ MN

Звездочка * означает упоминание эпонима в надписи с формулой ḏṣryḥw; б/г — без года. Прочерк — означает отсутствие упоминания, знака вопроса — повреждение датировочной формулы или сомнение в точности реконструкции имени эпонима.

Для новой части потребовалось 10 текстов с 12 упоминаниями [27], однако это, видимо, минимально необходимое число. Действительно, в новой части списка лишь два эпонима известны более чем по одной надписи. Исходя из этих цифр, для сколько-нибудь надежного восстановления списка эпонимов еще на 70 лет необходимо не меньше шести надписей, тогда как нам известны только две. Поэтому дальнейшие попытки реконструкции списка общесабейских эпонимов следует отложить до появления нового материала; попытка с негодными средствами может лишь скомпрометировать применяемые методы.

Интересно отметить, что в первоначальном списке число реально осуществившихся соответствий имен составляет 63,5%, а по всему списку в целом оно равно 62,5%. Таким образом, процент нарушений закономерности остается постоянным по меньшей мере на протяжении 300 лет.

Реконструированный список эпонимов обещает очень большие результаты для уточнения весьма сложной и запутанной хронологии многочисленных династий «царей Саба'» и «царей Саба' и ẓу-Райдāна», оспаривавших власть над сабейским государством в I—III вв. н. э. Надписи, вошедшие в список, упоминают представителей почти всех династий, правивших в этот период [28]; таким образом, для каждой из этих династий историк получает хотя бы одну опорную дату, которая позволит датировать с известной точностью всю династию. Не имеют такой даты только ʿАмдан Баййин Йухаḳбид и Лиʿазз Йануф Йухасдиḳ — изолированные правители, которых не удается связать ни с одной династией, и единственная из крупных династий — хымьяритская династия Йасира Йухасдиḳа — Ẓамарʿалайа Йухабирра. Правда, надпись RES 3960, упоминающая Ẓамарʿалайа Йухабирра, была датирована по эпониму, но от датировочной формулы сохранилось только название месяца. Однако и правители хымьяритской династии могут быть сейчас датированы более точно, благодаря нескольким синхронизмам с представителями других династий, имеющими теперь точную датировку.

Не упоминается в датированных надписях также царь Саба' Наша'кариб Йуха'мин, сын Ẓамарʿалайа Зариḥа, но его все же можно попытаться датировать, хотя и очень приблизительно. Основанием для этого может послужить надпись Ja 560,8, содержащая следующий текст: wbḏt/stwfy/ṣry/bnhw/'bkrb. Это выражение, несомненно, имеет то же значение, что и формула ḏṣryhw [29] «и (в благодарность) за то, что дал решение оракула сыну его 'Абкариб». Таким образом, 'Абкариб — не сын автора надписи, как полагает А. Жамм, а эпоним. К сожалению, единичное упоминание эпонима, без имени отца и названия рода и даже без «хронологического списка», обычного для надписей с формулой ḏṣryhw, не дает возможности для точной датировки. 'Абкариб надписи Ja 560 может быть идентифицирован с № 3, 10—11 и 15—16 нашего списка; более поздние эпонимы с тем же именем, видимо, отпадают.

Однако идентифицировать эпонима еще не значит датировать надпись с формулой ḏṣryhw, потому что в этой формуле эпоним датирует лишь рождение одного из авторов надписи [30], в данном случае сына автора, но никак не время установления текста, тогда как упоминаемый в надписи царь датирует самую надпись. Остается еще решить очень сложный вопрос: в каком соотношении находятся дата рождения сына и дата самой надписи.

---

[27] Соответственно и надежность этой части несколько меньше.

[28] См. J. Ryckmans, La Chronologie des rois de Saba et ḏū-Raydān, Istanbul, 1964, табл. I и II; Wissmann, Zur Geschichte..., табл. III a.

[29] Loundine et Ryckmans, стр. 412—413.

[30] Этого очевидного факта не заметил А. Жамм (Jamme, À propos..., стр. 39—41), который относит правителей, названных в надписях с формулой ḏṣryhw, ко времени всех упомянутых в формуле эпонимов, после чего усердно опровергает полученные им самим абсурдные результаты. Эта ошибка кажется тем более странной, что анализируемая А. Жаммом статья содержит специальный раздел, предостерегающий читателя от механического использования дат по эпонимам: Loundine et Ryckmans, стр. 425—427.

Обратимся к известным нам надписям с формулой ḏsryhw. 1) Ja 589. Надпись датируется совместным правлением ʾИлшараха Йаḫдуба II и его брата Йаʾзила Баййина, т. е. временем между 210 (212) и 232 гг. н. э.[31] Эпоним старшего сына Маʿадкариб (№ 26) выполнял свои функции с 179 по 185 гг., т. е. отделен от установки надписи промежутком от 25 до 53 лет. Для эпонима младшего сына (Сумхукариб, № 28, 193—199 гг.) этот промежуток составляет от 11 до 40 лет. 2) Ja 567. Надпись датируется временем правления ʾИлшараха Йаḫдуба II, т. е. между 212(233) и 242 гг.[32] и содержит упоминание события, датированного седьмым годом эпонима Сумхукариба (№ 34), т. е. 241 г. Эпоним старшего сына — Маʿадкариб (№ 32, 221—227 гг.), эпоним младшего — Нашаʾкариб (№ 35, 242—248 гг.). Следовательно, разница между датой рождения старшего сына и временем установления надписи не менее 15—22 лет, а дата младшего сына практически совпадает с датой надписи.3) CIH 430. Надпись датируется правлением Шамира Йухарʿиша «царя Сабаʾ, ẓū-Райдāна, Ḫадрамаута и Йаманата». Между тем, в списке эпонимов упоминается лишь Шамир Йухарʿиш I, царь Сабаʾ и ẓū-Райдāна, правивший в Мāрибе между 206 (209) и 209 (212) гг. В тексте названы следующие эпонимы: отца — Вададʾил (№ 22, 151—157 гг.), старшего сына — ʾАбкариб (№ 29, 200—206 гг.) и среднего сына Тубба' кариб (№ 30, 207—213 гг.). Имя последнего эпонима не сохранилось, видимо, его можно идентифицировать с № 31 или 32 (216—227 гг.).

Даты всех приведенных эпонимов не оставляют сомнения в том, что правитель, упомянутый в надписи, идентичен с Шамиром Йухарʿишем I, хотя он и носит «долгий» титул [33]. Таким образом, мы можем прийти к двум важным выводам: 1) «Долгий» титул принял уже Шамир I между 210 и 216 (227) гг. н. э. 2) После захвата Мāриба ʾИлшараḫом II и Йаʾзилем между 209 и 212 гг. Шамир I продолжал царствовать минимум до 216 г.

Надпись CIH 430 датируется временем не ранее 216 г.[34] Следовательно, промежуток между эпонимом старшего сына и датой надписи составляет минимум 11—17 лет [35].

Этот несколько затянувшийся экскурс служит хорошей иллюстрацией трудностей, встающих перед исследователем при попытке датировать надпись или упоминаемое в ней событие (правителя) даже в том случае, когда текст содержит датировку по эпониму.

В надписи Ja 560 упоминается только один сын автора, который получает решение оракула; можно предположить, что речь идет именно о старшем сыне. Если принять далее, что разница между датой эпонима и датой надписи Ja 560 равна средней

[31] Надпись 209 г. из Мāриба называет царя Шамира Йухарʿиша I; совместное правление ʾИлшараха и Йаʾзила в Мāрибе засвидетельствовано надписью от 212 г.; следовательно, оно началось между 210 и 212 гг. Следующая датированная надпись из Мāриба, от 233 г., относится уже к единоличному правлению ʾИлшараха II; следовательно, конец соправления ʾИлшараха и Йаʾзила датируется временем между 212 и 233 гг.

[32] Эта дата определяется следующим образом: самое позднее упоминание правления ʾИлшараха II содержится в надписи Ja 567 с датой — 241 г., но в этой же надписи назван и эпоним № 35. Наиболее ранние упоминания Нашаʾкариба, сына ʾИлшараха, имеются в надписях Ja 877 с датой — 237 г. и в Ja 610 от 243 г. Единственно возможное объяснение таких дат состоит в том, что Ja 877 установлена через значительное время после события, датированного в тексте, не ранее 242 г. Конец правления ʾИлшараха и начало правления его сына можно датировать 242—243 гг. н. э.

[33] Ср. А. Г. Лундин, [рец. на кн.: J. Ryckmans, La chronologie des rois de Saba...], ВДИ № 3, 1965, стр. 205.

[34] Ср. датировку надписей Ja 589, 567 и CIH 430 и упомянутых в них правителей у А. Жамма (Jamme, À propos..., стр. 40—41).

[35] Формулу ḏsryhw содержат еще две надписи, но Ja 703 упоминает локальных эпонимов и не может быть датирована, а CIH 436 слишком фрагментирована, и сама формула лишь восстанавливается по ясным параллелям Ja 589: ₁hḥyʿṯ[t/ḏsryhw] ₂mʿdkr[b/wbnhw/y] ₃hʿn/ḏ[sryhw/,...] ₄rb.

разнице между такими же датами в Ja 589, 567 и CIH 430, то мы получим примерную цифру в 17—31 год. Тогда при идентификации ʾАбкариба с эпонимом № 3 мы получаем для Ja 560 дату — между 35 и 55 гг. н. э., с — № 10—11 — между 84 и 111 гг., а с — № 15—16 — между 119 и 146 гг. Последний период относительно полно документирован в списке эпонимов: как раз на это время падает правление в Мāрибе Вахабʾила Йахуза (между 116 и 122 гг). и Саʿдшамса и его сына Марçада (не позднее чем с 123 г.). Между тем, по эпиграфическим критериям надписи Нашаʾкариба предшествуют времени Вахабʾила и Саʿдшамса, поэтому последний вариант идентификации эпонима ʾАбкариба надписи Ja 560 (с № 15—16) отпадает. Однако у нас нет материала, чтобы выбрать одну из двух оставшихся возможностей: идентифицировать ʾАбкариба с эпонимом № 3 или № 10—11.

Таким образом, реконструированный список эпонимов дает более или менее точные опорные даты для всех сабейских династий I—III вв. н. э., т. е. для наиболее сложного и запутанного периода сабейской истории. С начала IV в. уже появляются надписи, датированные по хымьяритской эре, так что хронология IV—VI вв. не представляет столь значительных трудностей.

В целом же в настоящее время в распоряжении исследователя имеются надежные методы датировки для всей сабейской истории, начиная с рубежа нашей эры. Дальнейшее исследование синхронизмов между династиями, относительной хронологии надписей одного правления и эпиграфических методов датировки, блестяще разработанных Ж. Рикмансом, позволит, вероятно, в ближайшем будущем установить детальную картину конкретных событий истории Южной Аравии в I—VI вв. н. э. Однако такое исследование не входит в задачи настоящей статьи, основная цель которой — реконструировать список общесабейских эпонимов и проиллюстрировать возможности его использования для датировки отдельных правлений, конкретных событий и надписей.

Автор полностью отдает себе отчет в том, что появление новых надписей, датированных по эпонимам, может привести к необходимости некоторых модификаций реконструированного списка, особенно для I в. н. э., плохо документированного имеющимися текстами. Однако сама идея списка и примененные способы его реконструкции, по нашему мнению, выдержали проверку новым материалом и могут считаться достаточно надежными.

Остается надеяться, что в скором времени будут опубликованы новые тексты, которые позволят реконструировать список общесабейских эпонимов и для более раннего времени. Эти перспективы весьма широки, так как обычай датировки по эпонимам засвидетельствован в сабейском государстве уже в XI в. до н. э., и система сабейского эпонимата с XI в. до н. э. по IV в. н. э. не претерпела существенных изменений[36].

А. Г. Лундин

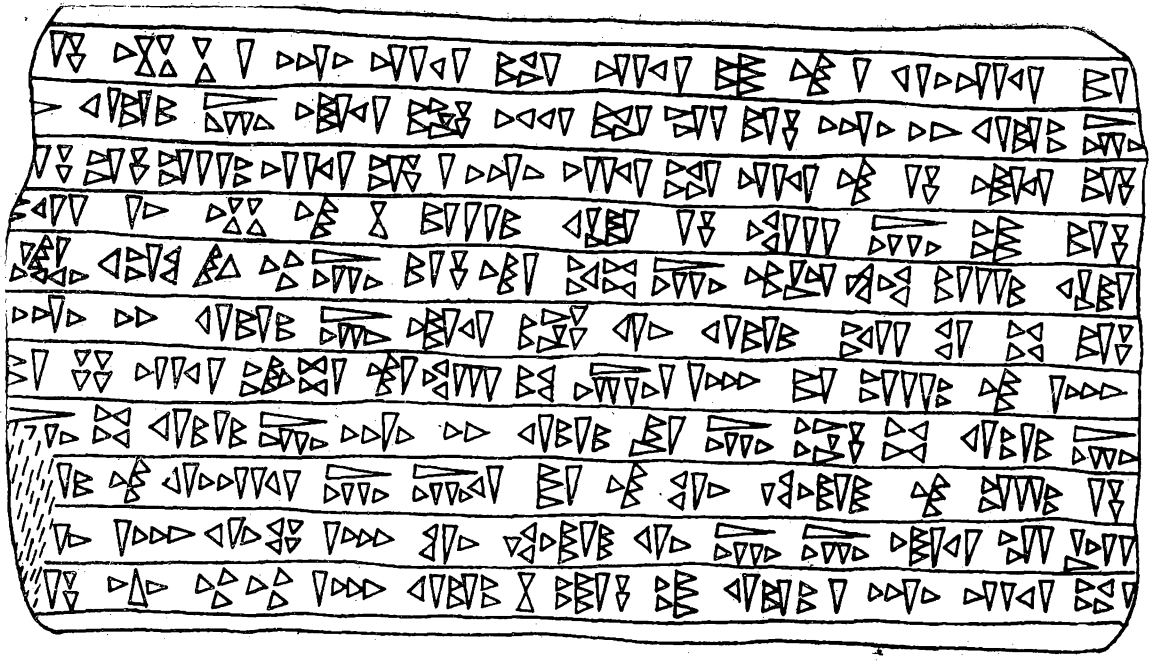
[36] Lundin, Eponymenliste..., стр. 92—96.

НОВАЯ УРАРТСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ДАВТИ-БЛУРА

Раскопки на Давти-блуре [1], проводимые за последние годы Нор-армавирской экспедицией Института археологии и этнографии Академии наук Арм. ССР под руководством д-ра историч. наук А. А. Мартиросяна, регулярно выявляют весьма интересные материалы, освещающие целый ряд вопросов истории Ванского царства вообще и в частности страны Аза [2] в VIII—VI вв. до н. э. Среди них первостепенный интерес пред-

[1] Давти-блур расположен на южной окраине сел. Нор-Армавир Октемберянского района Арм. ССР.

[2] Страна Аза простиралась на Араратской равнине к северу от р. Аракс. На ее территории были расположены известные урартские города-крепости Эребуни, Аргиштихинили и Тейшебаини.



ставляет клинообразная надпись Сардури II, обнаруженная 18 июня 1965 г. у внутренней крепостной стены цитадели.

Надпись (80×40 см) высечена на базальтовом камне и содержит довольно хорошо сохранившийся клинообразный текст в 11 строк; пошиб типичен для урартских надписей. Строки надписи разграничены аккуратно проведенными линиями. Оборотная сторона камня совсем не обработана. Это обстоятельство показывает, очевидно, что он был установлен в кладке храмового сооружения у внутренней крепостной стены цитадели, недалеко от которой, как известно, и был обнаружен камень с надписью.

Несмотря на то, что камень сохранился почти полностью, а высеченный на нем клинописный текст дошел до нас в хорошей сохранности (имеются некоторые несущественные повреждения лишь у левого края камня), изучение надписи связано с определенными трудностями. Это объясняется тем, что на обнаруженном камне недостает левостороннего и правостороннего отрывков надписи. Следовательно, наш текст был высечен на трех камнях, причем находящийся ныне в нашем распоряжении камень с надписью был поставлен в центре. К сожалению, далеко не все недостающие отрывки текста могут быть восстановлены. Однако в некоторых случаях, в соответствии с имеющимися в других надписях аналогиями, можно предложить в достаточной степени аргументированные восстановления, которые показывают, что недостающий левосторонний камень был небольшой величины, а правосторонний — примерно таких же размеров, как и имеющийся средний камень.

В начале первой строки текста имеется несколько поврежденный знак e (отсутствуют начальные горизонтальные клинья), а затем гетерограмма EN «господин, владыка» и аккадское суффиксальное местоимение мужского рода 3-го л. ед. ч. дат. падежа ŠÚ «ему» [3]. Кстати, в урартской эпиграфике EN и его урартское соответствие euri «господин, владыка» выступают, без единого исключения, наряду с именем верховного бога Халди и непосредственно относятся к нему. Иными словами, урартские правители своим владыкой считали именно бога Халди. При этом, как и в нашей надписи, эта трафаретная формула ^{D}Ḫaldie EN ŠÚ или ^{D}Ḫaldie eurie «богу Халди, владыке своему» всегда выступает в самом начале урартских надписей [4]. Исходя из сказанного, в первой строке отсутствующего левостороннего камня с уверенностью можно восстановить падежное окончание -e, которое, как уже сказано, стоит в самом начале обнаруженного камня. Таким образом, в начале первой строки новой урартской надписи Сардури II следует прочесть: [^{D}Ḫal-di]-{e EN ŠÚ «богу Халди, владыке своему».

Далее, в первой строке имеется подлежащее предложения — имя и начало отчества царя: ^{ID}Sar$_5$-du-ri-i-še ^{I}Ar-giš-[... Имея в виду, что имя царя Сардури выступает здесь в эргативном падеже с характерным для него показателем- še, такое же падежное окончание следует предложить и для отчества царя: ^{I}Ar-giš-[ti^{5}-ḫi-ni-še]. Однако текст первой строки отсутствующего правостороннего камня, как показывает связь отрывков первой и второй строк обнаруженного камня, приведенным незначительным восстановлением не исчерпывался. Для выяснения этого вопроса приведем чтение текста второй строки имеющегося в нашем распоряжении среднего камня: ...^{D}Ḫ]al-di-ni-li KÁ ba-du-si-e ^{D}Ḫal-di-ni[... Возникает вопрос: что же могло быть между [^{D}Ḫal-di]-{e EN ŠÚ ^{ID}Sar$_5$-du-ri-i-še ^{I}Ar-giš-[ti-ḫi-ni-še] первой строки и [^{D}Ḫ]al-di-ni-li KÁ ba-du-si-e ^{D}Ḫal-di-ni второй? В аналогичном контексте надписи того же царя Сардури II,

---

[3] Л. А. Липин, Аккадский язык, М., 1964, стр. 85.

[4] Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960 (далее—УКН), 23, стк. 1; 65, стк. 1—2; 66, стк. 1; 70, стк. 1; 93, стк. 1 и т. д. и т. п. В некоторых случаях перед ^{D}Ḫaldie eurie имеется ^{D}Ḫaldinini ušmašini «халдовым могуществом» (УКН, 72, стк. 1; 73, стк. 1 и др.).

[5] Возможно также восстановление te. Ср. УКН, 160, стк. 2; 278, стк. 8; 280, стк. 2, 3, 8; 281, стк. 3,5 и др.

происходящей с Армавирского холма, читается: ^{D}Ḫaldie EN ŠÚ ini É[6] ^{ID}Sarduriše ^{I}Argištiḫiniše šidištuni e'a ^{D}Ḫaldinili KÁ-li badusie kušuni atqanaduni ^{D}Ḫaldie EN ŠÚ... [7]. Примерно такой текст встречается также в начале пространной культовой надписи Русы II, происходящей из раскопок 1961—1962 гг. на Кармир-блуре: ^{D}Ḫaldie EN ŠÚ ini É susie ^{I}Rusaše ^{I}Argišteḫiniše šidištuni e'a ^{D}Ḫaldi[nili ^{GIŠ}KÁ-li] badusie ^{I}Azaini KUR-ni ^{D}IM-ni URU kušuni atqanaduni ^{D}Ḫaldie ... [8] Сопоставление приведенных выше текстов с соответствующим отрывком публикуемой надписи как будто показывает, что царем Сардури II на Давти-блуре были сооружены не только «халдовы ворота» (^{D}Ḫaldinili KÁ — стк. 2), но и «дом susi», о чем сообщалось, вероятно, в первой строке недостающего правостороннего камня. Исходя из этого, мы считаем целесообразным здесь, кроме É susi, восстановить также переходный глагол šid-išt(u)- «строить, сооружать» в 3-м л. ед. ч. прош. времени: ši-di-iš-tú-ni, а во второй строке недостающего левостороннего камня — союз e-'a «и, также», «а также» и т. п. После e'a здесь следует восстановить также детерминатив бога D, который относится к следующему Ḫaldinili, упомянутому в самом начале второй строки обнаруженного камня.

Таким образом, после предложенных нами восстановлений текст первой и второй строк примет следующий вид: [^{D}Ḫal-di]-[e EN ŠÚ ^{ID}Sar$_5$-du-ri-i-še ^{I}Ar-giš-[ti-ḫi-ni-še-i-ni É su-si [9] ši-di-iš-tú-ni e-'a ^{D}H]al-di-ni-li KÁ ba-du-si-e ^{D}Ḫal-di-ni[...

Следует иметь в виду, что в некоторых случаях сооружению ^{D}Ḫaldinili KÁ сопутствует É.GAL «крепость» [10], а иногда — и susi, и É. GAL [11]. Однако для урартской эпиграфики характерно упоминание вместе обоих культовых сооружений — «дома susi» и «халдовых ворот» [12]. С другой стороны, susi, как правило, в урартских надписях упоминается перед «халдовыми воротами», а «крепость» — за ними. Исходя из сказанного, предпочтение следует отдать несомненно восстановлению «дом susi» [13]. Следовательно, в нашей надписи в целом речь шла вероятно о сооружении царем Сардури II известного комплекса культовых объектов — «дома susi» и «ворот бога Халди».

Вызывает, однако, недоумение упоминание ^{D}Ḫaldini после слова baduse «величественный» (последнее относится как к «дому susi», так и к «халдовым воротам»). Во всех других аналогичных примерах за словом baduse следуют глаголы kušuni и atqanaduni, а затем ^{D}Ḫaldie или ^{D}Ḫaldie eurie. Иными словами, в подобных урартских надписях далее речь идет о воздвижении (kušuni) «ворот бога Халди» и посвящении (atqanaduni) обоих культовых объектов («дома susi» и «ворот бога Халди») «богу Халди» (^{D}Ḫaldie) или «богу Халди, владыке» (^{D}Ḫaldie eurie [14]).

Исходя из вышесказанного и наличия ...]- [e e-ú-ri-e в начале третьей строки обнаруженного камня, во второй строке недостающего правостороннего камня с большой долей вероятности можно восстановить ku-šú-ni at-qa-na-du-ni, а в третьей строке левостороннего камня — ^{D}Ḫal-di. При подобной интерпретации первых двух строк и на-

[6] Сопоставление этого контекста с аналогичными контекстами других надписей показывает, что под этим «домом» (É), следует понимать культовое сооружение «дом susi» (É susi).

[7] УКН, 165, сткк. 1—7.

[8] Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи Кармир-блура, Ереван, 1966 (в печати).

[9] В урартских надписях аналогичного характера, в отличие от нашей, ini É susi обычно стоит между ^{D}Ḫaldie EN ŠÚ и царским именем.

[10] УКН, 31, сткк. 6—7; 65, сткк. 6—9; 265, сткк. 4—5.

[11] УКН, 73, сткк. 3—5 и 8—10.

[12] УКН, 18, сткк. 6—7; 25, сткк. 2 и 5; Арутюнян, Новые урартские надписи ..., текст I, сткк. 1—2.

[13] Что касается É.GAL, то он, разумеется, здесь был сооружен Аргишти I, т. е. отцом Сардури II.

[14] И. М. Дьяконов думает, что суффиксальное местоимение подразумевается также в конце урартского слова eurie (ewri-je EN ŠÚ) — см. И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М.— Л., 1963 (далее — УПД), стр. 54, прим. 41.

чала третьей строки содержание нашего текста в основном совпадает с другими аналогичными текстами урартской эпиграфии: [^{D}Ḫal-di]-{e EN ŠÚ ^{ID}Sar$_5$-du-ri-i-še ^{I}Ar-giš-[ti-ḫi-ni-še i-ni É su-si ši-di-iš-tú-ni e-ʾa ^{D}Ḫ]al-di-ni-li KÁ ba-du-si-e ^{D}Ḫal-di-ni [.....ku-šú-ni at-qa-na-du-ni ^{D}Ḫal-di]-{e e-ú-ri-e ... «Богу Халди, владыке своему, Сардури, сын Аргишти, этот дом susi построил, а также ворота бога Халди величественные. Бог Халди ..... воздвиг, посвятил богу Халди, владыке (своему)».

Тем не менее следует обратить внимание на то, что наш текст несколько отличается от других: здесь между именем прилагательным baduse и глаголом kušuni имеется ^{D}Ḫaldini и еще что-то, что не сохранилось [15]. По сравнению с другими текстами ^{D}Ḫaldini[... второй строки нашей надписи выглядит явно не на своем месте; этим наш текст отклоняется, хотя и несущественно, от общепринятого трафарета и, следовательно, до некоторой степени носит своеобразный характер.

Далее в строках 3—5 рассматриваемой надписи можно прочесть: ^{ID}Sar$_5$-du-ri-še a-li-e [.....^{D}Ḫal-di-i]š-me EN-še šú-ú-ki a-ru-ni i-e-[še.....]-qi ul-ḫi [16] KUR-ni-e-te-qu-ni ka-gu-ú-ki [... Это место также значительно отличается от аналогичных текстов других надписей. Следует заметить, что в подобных текстах речь идет либо об основании по велению бога Халди города-крепости, искусственного озера, виноградника и т. д. (^{I}Rusaše ^{I}Argišteḫiniše ali ^{KUR}Quarlini ḫubi qiurani šulie manu ui giei ištini manuri šuki ^{D}Ḫaldiše ubarduduni ieše ini ^{GIŠ}uldi terubi и т. д.) [17], либо же о выполнении урартскими правителями разного рода мероприятий вслед за предоставлением им царственности верховным богом Халди (^{ID}Sarduriše ^{I}Argištiḫiniše alie iu ^{D}Ḫaldišme LUGÁL-tuḫi aruni naḫadi ^{LU}AD-sini esi LUGÁL-tuḫini ali ardaie ini isiuše ^{KUR}šurani edini turubi и т. д.) [18].

Рассматриваемый текст новой надписи Сардури II, как видно, представляет собой, так сказать, средний вариант приведенных выше аналогичных текстов, ибо он имеет, в общей сложности, элементы и того, и другого типа. Общим для всех этих текстов является то, что строительные и другие мероприятия урартскими правителями производятся либо «когда (-как?) бог Халди царскую власть (=владычество)дарует» тому или другому урартскому правителю (iu(=šuki)^{D}Ḫaldišme LUGÁL-tuḫi (=EN-še) aruni), либо же — «как (?) бог Халди приказывает урартским царям» (šuki (= iu) ^{D}Ḫaldiše ubarduduni). В нашей же надписи, в отличие от других, идет речь и о строительных предприятиях (сооружение культовых объектов, разбивка полей с посевами, виноградников и фруктовых садов) и, по-видимому, о военных действиях по восстановлению нарушенного в стране порядка (KUR-nie tequni kaguki).

Необходимо отметить, что во фразе...]-qi ul-ḫi KUR-ni-e te-qu-ni ka-gu-ú-ki «...страну склонил (он) передо мной» глагол (сказуемое) tequni стоит в 3-м лице (ед. ч. прош. времени), поэтому подлежащим этого предложения является не Сардури, а бог Халди, который и склонил страну (очевидно, Аза) перед урартским царем (KUR-nie tequni kaguki). В самом деле, teq(u)- «склонять» в урартской эпиграфике всегда применяется в связи с завоевательными действиями, приписываемыми царями верховному богу Халди, причем этот глагол (как и kar(u)- «покорять»), без единого исключения, выступает в заглавных декларациях летописных текстов и некоторых других победных надписей [19]. С этой точки зрения, наша надпись среди урартских письменных источ-

---

[15] В некоторых аналогичных надписях имеется трафаретное выражение ^{D}Ḫaldini ušmašini (УКН, 71—73, и др.), которое, однако, выступает в самом начале текста, перед начальным ^{D}Ḫaldie EN ŠÚ или ^{D}Ḫaldie eurie.

[16] Быть может: [...]-qi-ul-ḫi.

[17] УКН, 276, лиц. стор., сткк. 38—45, 280, сткк. 3—7; 281, сткк. 5—11.

[18] УКН, 155 G, сткк. 1—3; 156, A II + A I, сткк. 25—28; 168, сткк. 2—4.

[19] УКН, 127, I, стк. 18; II, сткк. 6 и 26; III, сткк. 22 и 48; IV, стк. 69; 132, стк. 3; 156 B, сткк. 4, 21 и 53; 158, стк. 3 и др. Форма tequni, как правило, налицо при единстве объектов, а при множестве объектов закономерно выступает форма tequali. Об этом см. также Н. В. Арутюнян, Заглавные декларации урартских надписей и их значение при изучении вопросов топонимики, ИАН Арм. ССР, о. н., 1954, № 8.

ников строительного характера занимает вполне обособленное место, так как в ней встречается фраза, примечательная для заглавных деклараций победных текстов (ср., например: ^{D}Ḫaldini uštabie masini ^{GIŠ}šurie karuni ^{KUR}Manani KUR-nie tequni ^{ID}Sarduri-kai сардуровской летописи (УКН, 155А, стк. 1—2) и ... KUR-nie tequni kaguki нашей надписи).

Далее следует иметь в виду, что в приведенном выше тексте публикуемой надписи *субъект предложения, очевидно, дважды меняется, т. е. действующим лицом является* тó бог Халди (см. глаголы aruni и tequni), тó царь Сардури II (см. личное местоимение ieše «я», требующее глагол в 1-м лице — terubi (?) или чего-либо в этом роде). Исходя из этого, можно полагать, что имя бога Халди, по всей вероятности, должно было быть упомянуто также после фразы, связанной с личным местоимением ieše. И это второе упоминание, в отличие от прежнего ^{D}Ḫaldišme EN-še šuki aruni, уже относится к KUR-nie tequni kaguki.

Что касается чтения ...]-qi ul-ḫi KUR-ni-e te-qu-ni и т. д., то нам кажется, что трудно усмотреть в ...]-qi-ul-ḫi в целом продолжение названия какой-либо страны, если иметь в виду, что на Араратской равнине, начиная с левого берега реки Аракс (район Аргиштихинили) и далее на север вплоть до пределов современного Еревана, в урартский период существовала лишь одна значительная для того времени политико-географическая единица — страна Аза. В этой связи мы склонны думать, что знак...]-qi в начале пятой строки нашей надписи является, возможно, окончанием какого-либо неизвестного пока урартского слова [20], а ul-ḫi, быть может, представляет собой повелительную форму известного глагола ulḫ(u)- «повелевать(?), приказывать (?)» [21]. В таком случае KUR-nie пятой строки нашего текста следует отнести не к предыдущему ...]qi ulḫi, а к последующему tequni kaguki.

С другой стороны, следует иметь в виду, что в урартских надписях нередко вслед за названиями городов и стран, а также за племенными названиями следует гетерограмма KUR с фонетическим комплементом -nie (урарт. ebanie) «страна»: ^{URU}Sebeteriani KUR-nie (УКН, 39, стк. 3) «страна города Шебетериа(ни)», ^{KUR}Manani KUR-nie УКН, 127, V, стк. 34) «страна Мана», ^{I}Azaini KUR-nie (УКН, 127, IV, стк. 73) «страна племени Аза» и т. д. Исходя из сказанного, а также окончания ...]qiulḫi нашей надписи и наличия племенных названий с окончанием -ulḫi в составе племенного объединения Диаухи-Балтулхи (УКН, 36, стк. 25; 128 В1, стк. 16), Халдириулхи (УКН,36,стк.26),быть может,следует думать,что под...]qiulḫi публикуемого текста таится какое-либо племенное название.Но и в таком случае мы склонны это племя(?) рассматривать в неразрывной связи с известной страной Аза, тем более, что долина Куарлини (Кублини) также выступает, по всей вероятности, в составе этой страны. Надо учитывать, что *в левобережной части Аракса, на Араратской равнине, согласно* урартским источникам, кроме Аза, другой страны не существовало [22].

Таким образом, во всяком случае мы склонны упомянутые выше неурядицы связать именно со страной Аза, где в самом начале своего правления Сардури II, вероятно, приложил немало усилий для восстановления порядка и обеспечения урартской власти в дальнейшем на территории этой, по-видимому, непокорной, страны.

В связи с рассматриваемым текстом строк 4—5 нашей надписи, наконец, следует высказать некоторые соображения сугубо лингвистического порядка. Прежде всего

стр. 81—93. В связи с военными походами урартских царей в летописях и в других победных надписях закономерно упоминается глагол ḫa(u)- «завоевывать».

[20] С окончанием -qi в урартском известно, например, слово aqarqi (мера жидких тел — вина и т. д.).

[21] Ср. ul-ḫu-li-ni (УКН, 268, стк. 31), а также, быть может, ul-ḫu-di (УКН, 158, стк. 22).

[22] На участке Араратской равнины, расположенном в правобережной же части Аракса, в урартское время находилась страна Эрикуахи с царским городом Лухиуни, (см. Н. В. Арутюнян, Земледелие и скотоводство Урарту, Ереван, 1964, стр. 78 и прим. 105).

несколько слов о гетерограмме EN с фонетическим комплементом -še. Если EN в урартской эпиграфике выступает неоднократно и является, как установлено, раскрытием урартского слова euri «господин, владыка», то форма EN-še, как и его фонетическое соответствие euriše, до сих пор нигде не засвидетельствована. Кстати, в одной из надписей Аргишти II (УКН, 276, лиц. стор., стк. 31) Г. А. Меликишвили восстанавливает после гетерограммы EN -še и это EN-[še], наподобие EN, он воспринимает как «владыка». Однако с окончанием -še в урартском языке, как известно, образуются абстрактные имена существительные (ср., например, alsuini «великий» и alsuiše «величие», ušmašini «могущественный» и ušmaše «могущество», pisušini «радостный» и pisuše «радость» gunušini «боевой» и gunuše «бой, битва» и т. д. и т. п.).

Следовательно, EN-še (=euriše) нашей надписи (как и надписи из Хаги?), в отличие от EN (= euri) «господин, владыка», следует воспринять, как «господство, владычество». Но если это так, то ^{D}Ḫaldišme EN-še šuki aruni «как (?) бог Халди мне господство (владычество) даровал» нашего текста является, очевидно, вариантом широко известной в урартской эпиграфике трафаретной формулы iu ^{D}Ḫaldišme LUGÂL-tu-ḫi(ni) aruni «когда бог Халди мне царство даровал»[23]. Итак, EN-še (=euriše) и šuki нашей надписи и соответственно LUGÂL-tuḫi(ni) и iu других идентичных текстов, очевидно, равнозначно [24].

А сейчас вкратце о слове kaguki пятой строки нашей надписи. Хотя эта форма в урартской эпиграфике встречается лишь впервые, однако не может быть сомнения в том, что она является вариантом широко известного ka(i)uki «передо мной» (от -ka(i) «перед» и -uki «мой»). Прекрасным доказательством тому может служить распространенное в урартском чередование g — i || j. Ср., например, taragi и tarai, tuagi и tuai, teragi и terai, šidaguri и šida(j)uri, kuguni и kuituni, ^{KUR}Iga(ni) и ^{KUR}Ija(ni) и т. д.[25] С другой стороны, следует учесть, что слово ka(i)uki в урартских текстах, в отличие от нашей надписи, обычно встречается в совершенно иных фразах: ...^{I}u-ṭupuršini LUGÂL ^{I}Diaueḫi nunabi kaiuke šatuali kurieli... (УКН, 36, стк. 12—14), ...šiabi kauki gunušinie... (УКН, 155E, стк. 9—10),... nunabi kauki ^{I}Nidini LUGÂL ^{KUR}Uelikuḫi (УКН, 155 F, стк. 19—20)... nunabi ^{I}Ḫilaruadani kaukie suluštibi šatuali kurieli ... (УКН, 158, стк. 22—24) и т. д.

Что касается kaguki (= kaiuki) публикуемой надписи, то контекст его (... KUR-nie tequni kaguki) скорее имеет прямое отношение к заглавным декларациям урартских летописей и некоторых других победных надписей. На это прежде всего указывает глагол teq(u)-, который выступает исключительно в заглавных декларациях. Ср., например, ^{D}Ḫaldini uštabi masinie ^{GIŠ}šurie karuni ^{KUR}Manani ^{KUR}ebanie karuni ^{KUR}Buštuni tequali ^{I}Argištikai... (УКН, 127, IV стр. 42—45). ^{D}Ḫaldini uštabi masinie ^{GIŠ}Surie karuni ^{KUR}Qumaḫaḫali KUR-ni tequni ^{ID}Sardurikai... (УКН, 155E, стк. 36—37) и т. д.

Сопоставление приведенных текстов с публикуемым показывает, что между ними имеется лишь незначительное и несущественное различие: вместо tequni ^{I}Argišti-kai, tequni ^{ID}Sarduri-kai и т. д. заглавных деклараций победных надписей в нашем тексте (строительного характера!) имеется tequni kag-uki (= kai-uki), т. е. вместо собственных имен Аргишти, Сардури и т. д. в публикуемой надписи имеется их местоименное соответствие -uki, следовательно, tequni ^{I}Argišti-kai «склонил (он) перед Аргишти» [25],

---

[23] УКН, 155 g, стк. 2; 156, A II + AI, стк. 26; 168, стк. 3 и др.

[24] Перевод слова šuki «как» принадлежит И. И. Мещанинову (И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, Л., 1935, стр. 143). И. М. Дьяконов склонен šuki вывести из хурритского šu- (š(ui)-uke) и перевести «мне, у меня, передо мной» (УПД, стр. 53, 79 и 91).

[25] M. Tsereteli, Die neuen ḫaldischen Inschriften König Sardurs von Urarṭu, Heidelberg, 1928, стр. 31; J. Friedrich, Einführung ins urartäische, Lpz, 1933, стр. 2 и 67; Н. В. Арутюнян, Заметки по урартской эпиграфике, ИАН Арм. ССР, о. н. 1957, № 12, стр. 75.

tequni$^{I\,D}$Sarduri- kai «склонил (он) перед Сандури» [26], с одной стороны, и tequni kad-uki (= kai-uki) «склонил (он) передо мной» [27] — с другой, равнозначны.

Далее в публикуемом тексте (стк. 6—7), как и выше (см. стк. 1—2), вновь повествуется о строительных мероприятиях царя: ...] ^{D}Ḫal-di-ni-li KÂ ši-di-iš-tú-bi e [28]-[..... .....^{GIŠ}ul-di] ^{GIŠ}ṣa-ri GIBIL te-ru-bi GAN$^{MEŠ\ GIŠ}$. ŠAM^{MEŠ}ŠE^{MEŠ} [šú-ḫi [29] iš-ti-ni te-ru-bi ...].

Однако здесь, как видно, рассказывается не только о сооружении культовых объектов (ср. стк. 1—2), но и о разбивке виноградников и фруктовых садов, полей с посевами. Эти последние закладывались, вероятно, на базе водных ресурсов тех пяти оросительных каналов, которые были проведены еще в эпоху правления Аргишти I — отца Сардури II. Как известно, район Аргиштихинили, с точки зрения развития в нем земледелия и садоводства-виноградарства, был в центре внимания не одного Аргишти I, но и Сардури II. Вот почему не только наш текст, но и другая дефектная надпись того же Сардури II, происходящая опять-таки из Аргиштихинили — Армавира, повествует о разбивке нового сада и виноградника [30].

С другой стороны, надо полагать, что здесь, как и выше (см. стк. 1—2), перед ^{D}Ḫaldinili KÂ следует восстановить, по-видимому, É su-si «дом susi». Данный комплекс культовых объектов — «дом susi» и «ворота бога Халди» — по сведениям урартских надписей широко известен на территории Урарту, в том числе в городе-крепости Аргиштихинили. В последнем он был сооружен тем же Сардури II — составителем публикуемого текста [31]. Сооружение культовых объектов, как и закладка виноградников, фруктовых садов и полей с посевами, согласно надписи, были произведены в самом начале правления Сардури II (^{D}Ḫaldišme EN-še šuki aruni...), т. е. в 764 г. (?) до н. э.

Теперь несколько слов о переходном глаголе 1-го л. ед.ч. прош.вр.šidištubi. Объектами этого глагола являются ^{D}Ḫaldinili KÂ «ворота бога Халди», которые, как видно, обозначены во множественном числе [32]. Однако эта множественность объекта не отражена в глаголе, ибо вместо характерной формы šidištuli (при множестве объектов) в рассматриваемом тексте мы имеем šidištubi (характерная форма при единстве объектов). Кстати, такая непоследовательность, когда число объектов не всегда отражается в соответствующем показателе глагола, в урартской эпиграфике встречается сплошь и рядом ср., например, šidištuli inili É.GAL^{MEŠ} (УКН, 266, стк. 15), É. GAL^{MEŠ} šiduli (УКН, 127, III, стк. 24) и É.GAL^{MEŠ} ištini šidištubi (УКН, 155 E, стк. 15—16); ^{I}Rusaḫinili šiduli (УКН, 268, сткк. 9—10) и ^{I}Argištiḫinili šidubi (УКН, 127, IV, стк. 72); paruli ^{GIŠ}TUKUL-li gunušinieli (УКН, 264, ур. текст, стк. 26) и ANŠU.KUR.RA^{MEŠ} parubi (УКН, 127, I, сткк. 15; V, стк. 7 и 29); ʾaše^{MEŠ} ^{SAL}lutu ^{MEŠ} ištinini parubi (УКН, 155 A, стк. 9) и т. д. и т. п.

То же самое явление прослеживается и в 3-м л. ед. ч. прош. вр., когда показатель -ni встречается не только при единстве, но и при множестве объектов. В этой связи привлекают внимание, например, контексты: ^{D}Ḫaldini uštabi masinie ^{GIŠ}šurie karuni ^{KUR}Etiuni karuni ^{KUR}Qiḫuni KUR-nie tequni ^{I}Argištikai (УКН, 127, II, стк. 25—26;

---

[26] Речь идет о покорении (karuni) богом Халда вражеских стран и о склонении (tequni) их перед царями Аргишти, Сардури и т. д.

[27] Здесь говорится, вероятно, о подавлении богом Халди какого-то мятежа в Аза и о новом подчинении этой непокорной страны царю Сардури II.

[28] Быть может, относится к предыдущему глаголу šidištubi — ср. написание ši i-di-iš-tú-ú-bi-e в УКН, 128A2, стк. 15.

[29] Быть может, следует восстановить гетерографическое его соответствие GIBIL «новый» — ср. ^{GIŠ}ṣari GIBIL приведенного контекста. Однако в надписях более распространено урартское слово šuḫe.

[30] Арутюнян, Земледелие и скотоводство..., стр. 46—47, 78—79, 118—119.

[31] УКН, 165, сткк. 1—7. Под гетерограммой É здесь подразумевается ни что иное, как É susi «дом susi».

[32] Возможно, перед ^{D}Ḫaldinili KÂ следует восстановить É susi, тогда объектами глагола šidišt(u)- являются не только «халдовы ворота», но и «дом susi».

128 A 2, стк. 1—5); ^{D}Ḫaldini uštabi masinie ^{GIŠ}šurie karuni ^{I}Uṭupuršini ^{I}Diauhi KUR-nie karuni ^{I}Abnuluani(?) ^{KUR}ebanini tequni ^{I}Argištikai (128 A 1, стк. 1—7) и др. В приведенных примерах, как видно, показатель -ni выступает при двух объектах, в то время как в таких случаях скорее ожидалась бы форма с объектным показателем множественности на -ali: tequali.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что наличная при глаголе суффиксация -bi и -ni выражает лишь субъект, т. е. они являются просто окончаниями переходных глаголов 1-го и 3-го л. ед. ч. прош. времени, а не показателями единства объектов [33]. Следовательно, в глагольной форме šidištubi нашего текста не отражено множество объектов («ворота бога Халди» и, возможно, «дом susi»).

Что касается восстановления ^{GIŠ}uldi седьмой строки нашего текста, то следует иметь в виду, что в Урарту разбивке фруктовых садов (^{GIŠ}ṣari=GIŠ^{MEŠ}) сплошь и рядом сопутствовала закладка виноградников (^{GIŠ}uldi = ^{GIŠ}GEŠTIN) [34]. Кстати, то же самое явление прослеживается и в одной из дефектных надписей того же Сардури II, происходящей опять-таки из Аргиштихинили (УКН, 172, стк. 1). При этом данная надпись имеет и ряд других общностей с публикуемым текстом, и, на наш взгляд, не исключена возможность, чтобы обе они повествовали об одних и тех же мероприятиях Сардури II в административно-хозяйственном центре Аргиштихинили и окружающих его районах.

А сейчас несколько слов о гетерограмме GIBIL «новый» седьмой строки, которая относится к заложенным вновь виноградникам и фруктовым садам. Эта гетерограмма (в частично поврежденном виде) засвидетельствована в урартской эпиграфике пока лишь в аналогичной надписи того же Сардури II, происходящей из Армавира. Но если гетерограмма GIBIL в урартской клинописи упоминается лишь дважды, то фонетическое ее соответствие šuḫe встречается гораздо чаще [35]. Следовательно, установлением значения слова šuḫe «новый» урартская эпиграфика обязана именно надписи УКН 172 Сардури II [36]. Что касается нашего текста, то он лишний раз подтверждает идентичность гетерограммы GIBIL с урартским šuḫe и поэтому правильность предложенного для этого слова перевода «новый».

Восстановление šuḫi ištini terubi седьмой строки текста предложено на основании аналогичных контекстов других надписей ср., например, [^{GIŠ}ul-di] ^{GIŠ}ṣa-ri GIBIL te-ru-bi GAN^{MEŠ} ^{GIŠ}·ŠAM ŠE^{MEŠ} [šú-ḫi iš-ti-ni te-ru-bi...] нашего текста и ... ^{GIŠ}uldi ^{GIŠ}ṣari [GI]BIl.terubi ... (УКН, 172, стк. 1), ... ieše ini ^{GIŠ}uldie terubi GAN$^{GIŠ·ŠAM}$ ŠE^{GIŠ}ṣari šuḫie ištini terubi ... (УКН, 281, стк. 10—12) и др.

Таким образом, текст строки 6—7 публикуемой надписи повествует о сооружении культового объекта «ворот бога Халди» в Аргиштихинили, а также о закладке новых виноградников, фруктовых садов и полей с посевами в районе этого административно-хозяйственного центра.

Далее, в строках 8—9 нашего текста, после соответствующих восстановлений, можно прочесть: [^{D}Ḫal-di]-ni bi-di-ni ^{D}Ḫal-di-na-ni KÁ bi-di-ni [^{ID}Sar$_5$]-du-ri-e^{I} Ar-giš-ti-hi-ni-e ul-gu-še [37] al-su-i-še ar-d]i-še [38] ar-ni uš-ma-še pi-ṣu-še ú-a-[ni-še...].

[33] Н. В. Арутюнян, Хорхорская летопись Аргишти I, царя Урарту (автореф. канд. дисс.), Л., 1951, стр. 10—11. Ср. УКН, стр. 68.

[34] УКН, 27, стк. 27—28; 86—87; 65, стк. 12—13; 137, стк., 9; 172, стк. 1; 275, лиц. стор., стк. 29; 276, лиц. стор., стк. 40; 281, стк. 10—11.

[35] УКН, 25, стк. 4 и 9; 27, стк. 27, 28 и 29; 65, стк. 30; 100, стк. 7; 281, стк. 12 и 13 и др.

[36] Арутюнян, Земледелие и скотоводство..., стр. 120 и прим. 104.

[37] В келяшинской билингве царей Ишпуини и Менуа этому урартскому слову соответствует ассирийское balâṭu «жизнь» — «Corpus Inscriptionum Chaldicarum», II, B.— Lpz., 1935, стб. 144.

[38] В топузавинской билингве Руса I этому урартскому слову соответствует ассир. danânu «сила, власть»—M. de Tseretheli, Études ourartéennes, RAss, XLIV, 1950, 4, стр. 185—192; УКН, 264 (урарт. текст, стк. 28-ассир. текст, стк. 26).

Эта трафаретная формула о пожелании урартских правителей, чтобы со стороны бога Халди и его «ворот» (храма), иногда также со стороны других богов (Шивини, Хутуини, Куэра и т. д.) им были даны жизнь, величие и другие успехи, в урартской эпиграфике встречается лишь в надписях культового характера со времен совместного правления Ишпуини и Менуа. Однако упомянутая формула благожелания в начальный период истории Урарту довольно ограничена и лишь затем ее содержание постепенно обогащается. Так, если в надписях Ишпуини и Менуа эта формула ограничивается либо лишь благожеланием «жизни» (ulguše — УКН, 27, стк. 24), либо — «жизни и величия» (ulguše alsuiše — УКН, 18, сткк. 10—16, 26—32 и 42—48), в надписях Менуа — благожеланием «жизни», «радости» и «величия» (ulguše pisuše alsuiše — УКН, 93, сткк. 4—7; 94, сткк. 4—7; 95, стк. 4—7), то в текстах Сардури II, кроме «жизни», «радости» и «величия», выражаются добрые пожелания также «власти» (ardiše), «силы» (arni), «могущества» (ušmaše) и uaniše [39]. В дальнейшем эта формула встречается лишь в одной из надписей Русы II, причем она почти полностью совпадает с формулой надписей Сардури II, за исключением того, что у Русы отсутствует слово uaniše [40].

В связи с рассмотренной выше формулой благожелания, наконец, невольно привлекают наше внимание слова arni, ardiše и uaniše, которые, возможно, имеют прямое отношение к именам богов ^{D}Arni (УКН, 27, сткк. 12 и 51), ^{D}Ardi (УКН, 27, стк. 23) и ^{D}Ua=^{D}A (УКН, 27, сткк. 6 и 38; послесловие, 62, стк. 1).

Сопоставление приведенного выше текста строк 8—9 (^{D}Ḫaldini bidini ^{D}Ḫaldinani KÂ bidini ^{ID}Sardurie ^{I}Argištiḫinie ulguše alsuiše ardiše arni ušmaše pisuše uaniše...) с аналогичными текстами других надписей показывает, что здесь не хватает глагола. В самом деле, в идентичных текстах, обычно употребляется неправильный глагол manu «быть, существовать» в 3-м л. ед. ч. повелит. наклонения — manini «да будет, пусть будет». Так, например: 1)...manini ^{D}Ḫaldini bedini ^{I}Menua ^{I}Išpuiniḫinie ... ulguše pisuše alsuiše (УКН, 93, сткк. 4—7; ср. УКН, 94 и 95); 2) [... manini ^{D}Ḫaldini] bidini ^{D}Ḫaldinani KÂ bidini [^{ID}Sardurie] ^{I}Argištiḫinie ulguše alsuiše [ardiše] arni ušmaše pisuše uaniše ... (УКН, 172, сткк. 3—5; ср. [^{D}Que]rà [41] bidini и т. д. в УКН, 171, сткк. 1—6); 3) ^{D}Ḫaldini bidi [^{D}Ḫaldinani] ^{GIŠ}KÂ bidi manini ulguše pisuše alsuiše eia ardiše arni ušmaše ^{I}Rusa ^{I}Argiš[teḫi...] [42].

Из приведенных выше примеров видно, что глагол manini выступает в интересующих нас контекстах в обязательном порядке, причем в некоторых случаях он встречается в самом начале фразы, перед ^{D}Ḫaldini bidini и т. д., а в других — в середине фразы, перед словами благожелания ulguše alsuiše и т. д. В подобных контекстах надписей Сардури II (УКН, 171 и 172) manini, как будто, всегда встречается в самом начале фразы [43]. Исходя из этого, мы склонны восстановить его в публикуемой надписи также в начале фразы, т. е. в конце предшествующей седьмой строки, хотя с таким ж] успехом он мог стоять и в другом недостающем месте — перед словами благожелание ulguše, alsuiše и т. д. восьмой строки.

Таким образом, исходя из сказанного, фразу [manini ^{D}Ḫaldi]ni bidini ^{D}Ḫaldinani KÂ bidini [^{ID}Sardurie ^{I}Argištiḫinie ulguše alsuiše ar]diše arni ušmase pisuše ua[niše...] нашей надписи, после отмеченных восстановлений недостающих отрывков можно понять следующим образом: «Да будет со стороны бога Халди, со стороны халдовых ворот Сардури, сыну Аргишти, жизнь, величие, власть, сила, могущество, радость, uaniše».

---

[39] Кроме нашего текста, см. также надписи того же Сардури II в УКН, 171 (сткк. 1—6) и 172 (сткк. 3—5). Слово uaniše встречается лишь в упомянутых трех надписях, и его значение пока что не установлено.

[40] Арутюнян, Новые урартские надписи..., текст I, сткк. 4—5.

[41] Восстановление наше; у Г. А. Меликишвили: ...]-ra-a. Ср. ^{D}Siuini bidini (УКН, 95); ^{D}Ḫuṭuini bidini (УКН, 94).

[42] Арутюнян, Новые урартские надписи..., текст I, сткк. 4—5.

[43] Если, конечно, в третьей строке надписи УКН, 171 не следует восстановить: [ma-a-ni?]-i-ni-i-e (вместо [^{I}Ru-sa ^{ID}Sar$_5$-du-ri-ḫi]-i-ni-i-e).

В конечных строках 10—11 надписи читается: ...] ME.MEŠ KURUN^{MEŠ} pi-ṣu-ši-ni-ni-li si-ip-[.....D]AN.NU KUR.KUR^{MEŠ}-di šú-ia-i-di ^{ID}Sar$_5$-du-[... Эта не совсем полная формула совпадает с подобной же формулой лишь двух надписей того же Сардури II, происходящих опять-таки из Аргиштихинили. В этих последних имеется: 1)...]-ri-li UD$^{ME.MEŠ}$ KURUN^{MEŠ} pi-ṣu-ši-ni-ni-li [si-ip-ru-gi-ni ^{ID}Sar$_5$-du-ri-še LUGÁL-tú-ḫi-ni ^{D}UTU-ni-ka-i [..... te-ru]-ni tar-gi-ni KUR.KUR^{MEŠ}-di šú-ia-i-di (УКН, 172, сткк. 6—8); 2) ...]^{MEŠ} UD$^{ME.MEŠ}$ KURUN^{MEŠ} [pi-ṣu-ši-ni-ni]-li si-ip-ru-gi-ni [^{ID}Sar$_5$-du-ri-še LUGÁL]-tú-ḫi-ni ^{D}UTU-ni-ka-i [te-ru-ni tar-gi]-ni KUR.KUR^{MEŠ}-di šú-ia-i-di (УКН, 171, сткк. 7—10).

Исходя из приведенных идентичных текстов, для строк 10—11 публикуемой надписи можно предложить следующее чтение: ...-ri-li [44] UD]$^{ME.MEŠ}$ KURUN^{MEŠ} pi-ṣu-ši-ni-ni-li si-ip-[ru-gi-ni LUGÁL-tú-ḫi-ni ^{D}UTU-ni-ka-i [45] te-ru-ni D]AN.NU KUR.KUR^{MEŠ}-di šú-ia-i-di ^{ID}Sar$_5$-du-[ri-še ^{I}Ar-giš-ti-hi-ni-še?].

Следует обратить внимание, что приведенный текст публикуемой надписи имеет некоторое, правда несущественное, отличие от идентичных текстов других надписей того же Сардури II. В этой связи прежде всего бросается в глаза гетерограмма DAN.NU «могущественный» нашего текста, которую в других аналогичных надписях заменяет урартское ее соответствие tar-gi-ni.

Затем в упомянутых двух других давно известных надписях Сардури II царское имя — подлежащее последнего предложения — стоит в самом начале его, в то время как в нашей надписи — в самом конце предложения. Следует учитывать, что в начале предложения, т. е. перед LUGÁL-tuḫini, в нашем тексте нет необходимого места для восстановления царского имени. Кстати, наш текст и не нуждается в этом, если иметь в виду, что в самом конце публикуемой надписи сохранилось начало царского имени — ^{ID}Sar$_5$-du[...

В связи с приведенным выше текстом строк 10—11 нашей надписи надо еще обратить внимание на то обстоятельство, что ...riliUD]$^{ME.MEŠ}$KURUN^{MEŠ} pisušininili sip[rugini] относится здесь к предыдущей фразе — «Да будет со стороны бога Халди, со стороны халдовых ворот Сардури, сыну Аргишти, жизнь, величие, власть, сила, могущество, радость, uaniša ... счастливые, радостные дни siprugini».

Что касается фразы [LUGÁL-tuḫini ^{D}UTU-ni-kai teruni D]AN.NU KUR.KUR^{MEŠ}-di šuiaidi ^{ID}Sardu[riše ^{I}Argištiḫiniše], то ее следует понять как: «Царство под солнцем установил могущественное над странами вражескими Сардури, сын Аргишти», или же: «Сардури, сын Аргишти, установил могущественное царство под солнцем(=на земле) над вражескими странами».

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, для публикуемой надписи в целом можно предложить нижеследующее чтение.

Транслитерация

1[^{D}Hal-di]-[e EN ŠÚ ^{ID}Sar$_5$-du-ri-i-še ^{I}Ar-giš-[ti-ḫi-ni-še i-ni É su-si ši-di-is-tú-ni?]
2[e-ʾa ^{D}Ḫ]al-di-ni-li KÁ ba-du-si-e ^{D}Ḫal-di-ni [..... ku-šú-ni at-qa-na-du-ni?]
3[^{D}Ḫal-di]-[e e-ú-ri-e [46] ^{ID}Sar$_5$-du-ri-še a-li-e [.....]
4[^{D}Ḫal-di-i]š-me EN-še šú-ú-ki a-ru-ni [47] i-e-[še.....]

[44] Ср. УКН, 172, стк. 6. Здесь налицо окончание какого-то урартского слова, гетерографическое соответствие которого, вероятно, имелось в УКН, 171, стк. 7. На это указывает, очевидно, знак ^{MEŠ}, сохранившийся перед UD$^{ME.MEŠ}$.

[45] Согласно надписи УКН, 172, стк. 8 далее имелось, возможно, еще что-то другое, на что намекает, как будто, недостающий отрывок. Однако УКН, 171, стк. 10 и, вероятно, наша надпись не допускают подобной интерпретации рассматриваемых идентичных текстов.

[46] Сткк. 1—3 нашей надписи ср. с УКН. 165, сткк. 1—7 и др.

[47] Эту фразу четвертой строки ср. с iu ^{D}Ḫaldišme LUGÁL-tuḫi(ni) aruni других надписей.

5[.....]-qi ul-ḫi [48] KUR-ni-e te-qu-ni ka-gu-ú-ki [.....] [49]

6[.....] [50] ^{D}Ḫal-di-ni-li KÁ ši-di-iš-tú-bi e [51] [.....]

7[^{GIŠ}ul-di] ^{GIŠ}ṣa-ri GIBIL te-ru-bi GÁN^{MEŠ} GIŠ.ŠAM$_{5}$E^{MEŠ} [šú-ḫi [52] iš-ti-n$_{i}$ te-ru-bi [53] ma-ni-ni?]

8[^{D}Ḫal-di]-ni bi-di-ni ^{D}Ḫal-di-na-ni KÁ bi-di-ni [^{ID}Sar$_{5}$-du-ri-e [54] ul-gu-še al-su-i-še?]

9[ar-d]i-še ar-ni uš-ma-še pi-su-še ú-a-[ni-še .....]

10[.....-ri-li [55] UD] $^{ME.MEŠ}$ KURUN^{MEŠ} pi-ṣu-ši-ni-ni-li si-ip[ru-gi-ni LU-GÁL-tú-ḫi-ni ^{D}UTU-ni-ka-i]

11[te-ru-ni D]AN.NU KUR.KUR^{MEŠ}-di šú-ia-i-di ^{ID}Sar$_{5}$-du- [ri-še ^{I}Ar-giš-ti-ḫi-ni-še] [56].

Перевод

1 «Богу Халди, владыке своему, Сардури, сын Аргишти, этот дом susi (?) соорудил (?), 2 а также ворота бога Халди величественные. Бог Халди ..... воздвиг, посвятил (?) 3 богу Халди, владыке (своему). Сардури говорит: ..... 4 Бог Халди мне господство как (?) даровал, я ..... 5 [.....]qi ulḫi [57] страну склонил (он передо мной ..... 6 Ворота бога Халди соорудил (я) ..... 7 виноградник, фруктовый сад новый разбил (я), поля с посевами новые здесь разбил (я). Да будет (?) 8 со стороны бога Халди, со стороны ворот бога Халди (царю) Сардури жизнь, величие, 9 власть, сила, могущество, радость, uaniše ..... 10 ..... дни счастливые, радостные siprugini. Царство под солнцем 11 установил (?) могущественное над странами вражескими Сардури, сын Аргишти».

Таким образом, наша надпись повествует о сооружении целого комплекса культовых объектов — дома susi (?) и «халдовых ворот». Эти культовые сооружения являлись, очевидно, составной частью цитадели урартской крепости, основанной на Давти-блуре. Как известно, царю Сардури II принадлежат также некоторые другие надписи культового характера, повествующие опять-таки о сооружении дома susi и халдовых ворот и происходящие, по мнению их издателей, с соседнего Армавирского холма [58]. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что царем Сардури II были совершены одинаковые мероприятия по сооружению культовых объектов как на Давти-блуре, так и на Армавир-блуре. Давти-блурская надпись недвусмысленно указывает, что эти строительные мероприятия были произведены в самом начале правления Сардури II («как бог Халди господство даровал мне»), т. е в 764 (?) до н. э., а что касается подобных армавирских сооружений, то трудно сказать что-нибудь определенное о времени их основания. На обоих этих холмах Сардури II продолжал, по-видимому, дело своего

---

[48] Возможно также чтение: ...]-qi-ul-ḫi.

[49] То же, что и ka(i)uki других текстов.

[50] Быть может, здесь следует восстановить E' su-si?

[51] Возможно, относится к предыдущему šidištubi — ср. УКН, 128 А 2, стк. 15.

[52] Быть может, следует восстановить гетерографическое его соответствие GIBIL.

[53] Текст стк. 7 ср. с УКН, 172, стк. 1; 281, сткк. 10—13 и др.

[54] Согласно восстановлениям других строк (ср. 1, 7, 10), здесь не хватает места для восстановления отчества царя (^{I}Ar-giš-ti-ḫi-ni-e).

[55] Восстановлено согласно стк. 6 УКН, 172. Быть может, следует восстановить ^{MEŠ} — см. УКН, 171, стк. 7.

[56] Текст надписи, начиная со слова manini седьмой строки и вплоть до конца, ср. с другой надписью того же Сардури II, происходящей опять-таки из Аргиштихинили — УКН, 172, стк. 3—8. С этими текстами много общего имеет также надпись УКН, 171, Сардури II.

[57] Возможно, ...]qiulḫi — окончание названия какого-то племени?

[58] См. УКН, 165, 171 и 172. Можно не сомневаться в том, что царю Сардури II принадлежала также армавирская надпись УКН, 143, составителем которой, однако, исследователи до сих пор без достаточного основания считали Аргишти I.

отца по сооружению разного рода объектов. При этом, если в центре внимания Аргишти I были объекты военно-административного назначения — крепостные и дворцовые сооружения [59], то взоры Сардури II были направлены уже на сооружение объектов культового порядка — susi, халдовых ворот и т. д.

Что касается мероприятий по развитию экономики в районах Армавира и Давти-блура, то разбивкой виноградников, фруктовых садов и т. д. здесь занимались и Аргишти I, и Сардури II [60].

С точки зрения усилий, предпринятых Сардури II в начале своего царствования по восстановлению порядка в Урарту, наша надпись, очевидно, лишний раз подтверждает некоторые сведения летописи этого царя. Исследователи урартской эпиграфики, например, согласны в том, что в самом начале, т. е. в I году правления Сардури II (764 г. до н. э.), в Ванском царстве произошли какие-то смуты, направленные против центральной власти, в связи с чем урартский царь был вынужден, по-видимому, пойти на какие-то уступки под давлением некоторых кругов населения своего царства (освобождение определенных категорий населения от ряда государственных обязательств, главным образом в отношении комплектования и снабжения войска?) или жестоко рассчитываться с ними [61]. Приведенные выше сведения публикуемой надписи свидетельствуют, что определенные недовольства против царской власти были проявлены не только в центре Урарту, но и на окраинах, в данном случае на северо-востоке — в стране Аза.

Будучи глубоко убеждены в том, что выяснение вопроса о взаимосвязях урартских объектов на Давти-блуре и Армавирском холме является делом будущего, так как оно может быть достигнуто лишь при обнаружении соответствующих новых письменных источников, мы все же не можем в заключение не высказать некоторых соображений по этому поводу и при нынешних наших знаниях. Даже с первого взгляда бросается в глаза то отнюдь немаловажное обстоятельство, что давти-блурская цепь холмов с востока продолжается почти вплоть до Армавирского холма (расстояние между ними составляет не более 600 м). К тому же на поверхности этих холмов повсюду прослеживается подъемный материал урартской керамики. Исходя из этого, нетрудно прийти к выводу, что урартские сооружения в ту отдаленную эпоху существовали на всех холмах давти-блурской цепи. Имея в виду это обстоятельство и тот факт, что восточная окраина давти-блурской цепи холмов вплотную примыкает к Армавирскому холму, мы склонны вслед за А. А. Мартиросяном думать, что остатки сооружений обоих этих холмов принадлежали, по-видимому, одному и тому же крупному урартскому центру. На таком ничтожном расстоянии, разумеется, не могли быть два центра.

С другой стороны, все урартские надписи, происходящие не только с Армавирского блура, но и с разных пунктов Октемберянского района вообще, исследователи до сих пор обычно связывали с указанным холмом и под остатками его сооружений видели развалины урартского административно-хозяйственного центра Аргиштихинили, основанного в одиннадцатом году правления Аргишти I, т. е. в 776 г. (?) до н. э. Однако публикуемая надпись заставляет ныне по-новому ставить вопрос о месте происхождения надписей Октемберянского района Арм. ССР. В некоторых случаях, как это еще в 30-х годах остроумно предположил акад. И. И. Мещанинов, возможно, их следует отнести не к Армавирскому холму, а именно к Давти-блуру [62].

Далее, в то время были, по-видимому, соответствующие сооружения также на небольшой равнинной части между Давти-блуром и Армавирским холмом. Таким образом, вероятно, осуществлялась непосредственная связь между разными участками од-

[59] См. УКН, 127 (IV, стк. 72); 137; 141.

[60] См. надпись УКН, 137, Аргишти I; УКН, 172 и стк. 7 публикуемого текста Сардури II.

[61] См. УКН, 155G, сткк. 1—12 и прим. 9; УПД, стр. 83 и прим. 137; Арутюнян, Земледелие и скотоводство..., стр. 158—159 и прим. 120.

[62] И. И. Мещанинов, Новая халдская надпись из сел. Джанфида, ИАН, Оон, VII сер., 1932, № 9, стр. 859, прим. 4.

ного и того же урартского центра, расположенного в основном на вершинах и склонах целого ряда неотрывных холмов, а также отчасти — у их подножий.

Здесь следует иметь в виду и то весьма важное для рассматриваемого вопроса обстоятельство, что урартские надписи, происходящие из Армавира, Давти-блура и их районов, а также знаменитая Хорхорская летопись упоминают лишь об одном крупном административно-хозяйственном центре, сооруженном Аргишти I в интересующем нас районе страны Аза. И это вовсе не случайно. В указанном районе, кроме города Аргиштихинили, не существовало другого более или менее известного урартского центра.

Следовательно, исходя из всего сказанного, можно заключить, что город Аргиштихинили был, очевидно, одним из наиболее значительных административно-хозяйственных центров Ванского царства. Находясь недалеко от пределов северных границ коренной территории Урарту и в сердце Араратской равнины, в VIII в. до н. э. (возможно — и позже) Аргиштихинили, видимо, успешно управлял экономикой этой весьма плодородной равнины, позаботившись, таким образом, не только о хозяйственных нуждах страны Аза и воздвигнувшихся в ней центров Эребуни и Аргиштихинили, но и снабдив центральную власть Урарту необходимыми запасами продуктов земледелия, садоводства-виноградарства и т. д. Прекрасным доказательством тому служат также сведения публикуемой надписи о закладке на этой территории новых виноградников, фруктовых садов и полей с посевами.

Н. В. Арутюнян

ЧАСТНЫЙ СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ В ФИВАХ ВРЕМЕНИ XXV — НАЧАЛА XXVI ДИНАСТИИ

В настоящее время, особенно после появления «Каталога выставки египетской скульптуры Позднего периода в Бруклине» [1], становится уже неприемлемой слишком общая датировка в пределах этого периода. Конечно, многое станет ясным только после издания «Корпуса позднеегипетской скульптуры» [2], и пока, может быть, основное — это изучение конкретных данных (иконографии, стилистических особенностей, палеографии), которые дадут более твердые критерии датировки. Уже сейчас в этом отношении сделано многое, и все чаще, а также с большей уверенностью можно датировать скульптуру в пределах отдельных династий Позднего периода. Вместе с тем наступает время, когда возможно будет не только накапливать факты, но и пытаться объяснить их, что особенно важно, так как в искусстве Позднего периода многие даже основные вопросы еще ждут своего решения.

Часто бывает, что однажды высказанная в печати точка зрения получает общее распространение и повторяется без достаточной проверки во всех работах, посвященных данной теме. Так получилось и с широко бытующим мнением, что художники и скульпторы XXV династии сознательно подражали в своих работах образцам Среднего царства. Конечно, определенную общность скульптуры и рельефа XXV династии с искусством Среднего царства, а иногда и прямые заимствования отрицать нельзя. Так, Б. Ботмер справедливо отмечает близость к Среднему царству рельефа из гробницы Ахаменру (ESLP, табл. 6 и текст к ней) или статуи жреца Убастит (ESLP, стр. 9 и табл. 8). Несомненно близок древним образцам и безымянный рельеф из частного со-

---

[1] B. V. Bothmer, H. de Meulenaere, H. W. Müller, Egyptian Sculpture of the Late Period, Brooklyn, 1960 (далее ESLP).

[2] Решение составить такой корпус было принято на XXIII Международном конгрессе востоковедов в Кембридже в 1954 г. Ведется эта работа в основном египтологами Б. Ботмером, Х. де-Меленаром и Г. Мюллером.

брания в Гамбурге [3]. Однако сводить к этому все особенности искусства XXV династии было бы неверно.

Как известно, подобная точка зрения уже подвергалась критике при анализе надписей Позднего периода [4], но, однако, должного отклика эта критика не получила. По-прежнему в работах, посвященных искусству XXV династии, постоянно акцентируются именно те формы, которые ведут свое начало со времени Среднего царства или заимствованы из этой эпохи, подчеркиваются те стилистические моменты, которые могли быть характерны для ее памятников. В действительности же все обстоит гораздо сложнее. Дело не только в том, что некоторые из этих утверждений спорны [5], гораздо важнее, что при этом чрезмерно упрощается весь путь развития искусства, не улавливаются особенности художественного творчества XXV династии, не получает объяснения его интересная и закономерная многогранность.

Между тем сейчас имеется уже достаточно много публикаций памятников Позднего периода для того, чтобы более полно представить себе общую картину развития их стиля и иконографии. В том же «Каталоге» Б. Ботмер издает статую, несомненно относящуюся к XXV династии, так как на ней имеются картуши Аменирдис и Шепенопет (ESLP, стр. 3, табл. 3). Это — статуя коленопреклоненного человека, держащего в руках изображение Осириса. Иконографический тип таких статуй возникает во время Нового царства. Длинный и пышный складчатый передник, в который одет слуга «супруги бога», также появляется с Нового царства и достаточно часто встречается на статуях XXV династии. Статуя Гори [6], жреца Монту — владыки Фив — относится к так называемым «кубическим» статуям, тип которых восходит к концу Среднего царства и получил широкое распространение в Новом царстве. В разделке парика статуи Гори, в обработке глаз, бровей и рта чувствуется стремление сделать нарядной даже такую строгую и скупную форму статуи, как «кубическая». Эта тенденция к декоративности и нарядности характерна именно для искусства Нового царства. То же можно сказать и о статуе Ити [7], относящейся к 15 году Шабаки. Статуя приближенного Аменирдис, дочери Кашты Песешупета, изображенного сидящим на поджатых ногах [8], также находится под влиянием храмовой скульптуры Нового царства. Об этом говорят и форма парика, и три стандартные складки под грудью. Можно привести и другие примеры подобного рода — достаточно вспомнить хотя бы статую прославленного градоначальника Фив при Тахарке и в начале правления Псаметиха I Монтуэмхета [9], выполненную в традициях XVIII династии.

Рельефы этого времени тоже далеко не всегда следуют образцам глубокой древности. Так, изображения жертвоприношения быков в гробнице Монтуэмхета сцена за сценой скопированы с рельефов храма Хатшепсут [10] (пропущено только по одному эпизоду из-за недостатка места). В этой же гробнице есть рельефы, повторяющие композиции гробницы Менены времени XVIII династии. На сохранившихся фрагментах

---

[3] H. W. Müller, 5000 Jahre Aegyptische Kunst, Essen, 1961, № 126.

[4] См. M. Lichtheim, The High Steward Akhamenru, JNES, VII, 1948, стр. 178—179.

[5] Например, статуя сидящего на кубе, закутанного в одежду человека действительно появляется в эпоху Среднего царства, но этот тип статуй существовал и в Новом царстве. Однако в литературе постоянно подчеркивается именно время возникновения такого иконографического типа и потому теряется традиционность этой формы. То же можно сказать и о некоторых других частных вопросах.

[6] Müller, 5000 Jahre..., № 124.

[7] J. Leclant, Enquêtes sur les sacerdoces et les sanctuaires égyptiens, Le Caire, 1954, табл. V—VI, стр. 78.

[8] Там же, табл. XVIII—XXII.

[9] J. Leclant, Montouemhat, quatrième prophète d'Amon, prince de la ville, Le Caire, 1961, табл., XXIII—XXIV.

[10] A. Erman, Saitische Kopien aus Der el Bahri, ZÄS, 52, 1915, стр. 90—95.

мы видим девочку, вынимающую занозу из ноги другой [11], и драку двух девочек [12] в сцене уборки урожая.

Таким образом, если нельзя отрицать определенную общность или сходство в скульптуре и рельефе XXV династии со скульптурой и рельефом Среднего и даже Древнего царств, то все же нельзя считать, что именно памятники глубокой древности служили основными образцами для подражания, или подчеркивать наличие памятников именно такого характера. Вряд ли правильно говорить вообще о сознательном подражании в это время образцам и моделям XII, XVIII или VI династий. Имея в своем распоряжении многочисленные памятники фиванского некрополя и разнообразную храмовую скульптуру, мастера XXV династии обращались в поисках сюжетов и композиций к ним, развивая и продолжая традиции и Нового царства и более отдаленных эпох и не делая, конечно, между ними специального различия. Естественно, что вследствие требований религии, да и из-за самой веками выработанной техники и обязательных приемов и статуи, и рельефы продолжают основываться на прежних традициях, однако они выполняются в соответствии с требованиями иного времени.

Рис. 1. Статуя Монтуэмхета в традициях XVIII династии

Интересно, что подобные явления прослеживаются и в надписях на статуях Позднего периода. Исследуя эти надписи, М. Лихтхайм [13] пришла к выводу, что тексты Позднего периода составлялись из традиционного материала, постоянно встречавшегося на протяжении Среднего и Нового царств, причем роль Нового царства была двоякой: во-первых, оно переработало и передало последующим столетиям древние формулы, а во-вторых, выработало свои. Это наследие было для писцов Позднего периода не предметом слепого копирования, а литературным источником, к которому они прибавили много нового. Поэтому надписи ливийской, эфиопской и саисской династий не воскрешают давно забытые литературные формулы, а доказывают непрерывность литературной традиции. Е. Отто полагает [14], что существовали сборники отрывков из гробничных текстов, изречений древних и новых поучений, цитат из Книг мертвых и т. д. Именно этим он объясняет словесные совпадения текстов Позднего периода с более старыми. Что же касается изобразительного искусства, то известно, что существовали письменные руководства для художников, где имелись канонические образцы

[11] H. J. Kantor, A Fragment of Relief from the Tomb of Mentuemhat, at Thebes, JNES, XIX, стр. 213, табл. V—VI.

[12] J. D. Cooney. Three Early Saite Tombs Reliefs, JNES, IX, 1950, стр. 193, табл. XIV—XVI.

[13] Lichtheim, The High Steward Akhamenru, стр. 163—179.

[14] E. Otto, Die biographischen Inschriften der ägyptischer Spätzeit, Leiden, 1954, стр. 123.

для фигур людей, животных, птиц. Это, наряду с другими факторами, поддерживало постоянство форм и способствовало непрерывности традиции.

Особенно важным аргументом в пользу вывода о сознательном подражании эпохе Среднего царства в искусстве XXV династии считаются особенности фиванских портретов египетских вельмож XXV — начала XXVI династий. Б. Ботмер полагает, что «подчеркнутый реализм» этих портретов восходит к стилю, преобладавшему в конце XII династии [15]. У других же авторов это явление вызывает недоумение. Вот, например, что пишет В. Вольф, автор одной из последних статей, посвященных искусству Позднего периода: «достигнутые в настоящее время знания, правильность которых должна быть еще доказана в дальнейшей работе над Корпусом, вытекают, коротко говоря, из того, что реалистический портрет, который появляется с XXV династии эфиопов, уже во времена ранней XXVI династии вновь проявляет черты идеализации, что затем приводит при XXVII династии персов, в результате сочетания обоих направлений, к новому реализму... На чем основано это двухкратное обращение к портрету в эфиопское и персидское время с точки зрения духовного развития, остается еще выяснить» [16].

Рис. 2. Статуя Харуа

Действительно, после долгого двенадцативекового перерыва в египетской скульптуре вновь появляется индивидуализированный портрет, столь же подробно передающий черты портретируемого, как и в искусстве конца Среднего царства. Однако при этом необходимо учитывать, что подробная передача черт лица существовала в эпоху Среднего царства лишь в царском портрете, частный же портрет был значительно более обобщенным, а со второй половины Среднего царства для статуй частных лиц становится характерным повторение портретных черт правящего фараона, чего, естественно, не могло быть в эпоху XXV династии.

В эту эпоху в рельефе и скульптуре вырабатывается не столько стандартный портрет эфиопского фараона, сколько сходный с ним тип, отбирались в основном не индивидуальные особенности каждого царя, а присущие им всем общие этнические черты, передавать которые умели и любили египетские художники всех времен. Этот образ эфиопского царя сохранился в Нубии и после того, как эфиопы были изгнаны из Египта. Портреты эфиопских фараонов не дают ни той индивидуализации, ни той детальной разработки черт лица, которой добивались мастера позднего Среднего царства в царском портрете.

---

[15] B. Bothmer, A New Field of Sculpture of the Late Period, «Connoisseur Year Book», 1962, стр. 37.

[16] W. Wolf. [рец. на кн. ESLP], OLZ, 1963, 11/12, стр. 556.

Частный же портрет XXV династии отличается значительно большей индивидуализацией. Здесь, таким образом, наблюдается картина, обратная той, которую мы видим в Среднем царстве.

Если говорить более точно, то стремление к передаче действительно портретных черт наблюдается лишь на некоторых статуях частных лиц. Когда говорят о портрете XXV — начала XXVI династии, то обычно имеют в виду прежде всего статуи Харуа, Иригадиганена и особенно Монтуэмхета. Некоторые из их статуй действительно отличаются подчеркнутой портретностью. Харуа, один из видных фиванских вельмож времени XXV династии, не происходил из знатной семьи. Сын писца, он еще мальчиком начал службу при дворе «супруги бога», т. е. верховной жрицы Амона. Ко времени XXV династии институт «супруги бога» стал серьезной политической силой. Увеличивается значение «супруги бога», ее роль в культе перестает быть фиктивной, как прежде. Дом «супруги бога» усиливается политически и экономически, становится «государством в государстве» со своим хозяйством и чиновничьим аппаратом [17]. В титулатуре «супруги бога» появляются эпитеты, подобные царским. Естественно, что и окружение этой жрицы приобретает большой политический вес, особенно значительной становится роль «великого начальника дома». Он заведует всем хозяйством «дома», отвечает за содержание дворца, принимает участие в культе. Этот чиновник может иметь должности и за пределами «дома супруги бога». Именно таким «великим начальником дома» и был Харуа. Известна группа его статуй, резко различающихся и по качеству работы, и по самому подходу к изображаемому. Точнее всего передает подлинный облик Харуа статуя, где он представлен сидящим на поджатой ноге [18]. Он изображен бритым, с полным, даже одутловатым лицом. Брови отмечены острыми валиками, от носа глубокие складки идут к тонкому, слегка западающему рту. От углов губ спускаются морщины. Туловище этой статуи не имеет ничего общего со стандартными торсами основной массы египетской скульптуры. Это обрюзгшее тело пожилого и очень полного человека. Ожиревшие мышцы груди и живота подчеркнуты поперечными мягкими складками, а не формальными, почти графически очерченными, как у Песешупера. Впадины у плеч усиливают впечатление полноты груди. Таким же образом дано туловище и еще двух статуй в той же позе [19], то же мы видим и на стоящей статуе Харуа [20]. К сожалению, у трех

Рис. 3. Статуя Иригадиганена

[17] C. E. Sander-Hansen, Das Gottesweib des Amun, København, 1940.

[18] B. Gunn and R. Engelbach, The Statues of Harwa, BIFAO, XXX, 1931, стр. 791—792, табл. I—II.

[19] Там же, стр. 792, табл. III.

[20] Там же.

последних статуй отбиты головы, однако есть все основания предполагать, что они были аналогичны первой.

Этой группе памятников стилистически очень близка портретная статуя «родовитого князя, царского знакомца, воистину любимого им» Иригадиганена [21]. И облик его напоминает Харуа. В отличие от короткого опоясания «великого начальника дома», длинное платье Иригадиганена несколько скрывает полноту живота, но ожиревшие грудные мышцы отчетливо проступают даже под одеждой.

На этих статуях не только показан, но и подчеркнут возраст портретируемого, что мы видим и на каирском бюсте знаменитого Четвертого жреца Амона Монтуэмхета. Как и в случае с Харуа, мы располагаем группой разнохарактерных статуй, производящих впечатление того, что они выполнены для разных лиц. Это явление (с аналогичным ему мы сталкиваемся еще в Древнем царстве) само по себе должно стать предметом исследования. Личность Монтуэмхета хорошо известна по многочисленным памятникам и надписям, и этот материал постоянно привлекается при изучении эпохи XXV династии. В противоположность Харуа, Монтуэмхет происходил из семьи, занимавшей высокое положение и сохранившей его и при эфиопах. Будучи «великим князем Фив» и «начальником князей Фив», он играл ведущую роль в столице. Его высокий светский ранг привел к пожалованию ему и должности Четвертого жреца Амона [22]. Монтуэмхет поддерживал Тахарку в борьбе против ассирийцев и благодаря этому его положение упрочилось, так что он мог чувствовать себя скорее союзником эфиопского царя, чем подчиненным. Его титулы «начальник Южного Египта» и «великий глава Южного Египта» свидетельствуют о самостоятельности Фив в то время и о том, что Монтуэмхет был в сущности местным правителем [23]. Он сумел сохранить свое высокое положение и при смене династий. На папирусе 14 года Псаметиха I в сцене торжественного шествия с наосом Монтуэмхет и его старший сын Несиптах изображены идущими впереди и Первого и Третьего жрецов Амона [24].

Среди многих статуй, оставленных Монтуэмхетом, каирский бюст [25] наиболее правдиво передает его черты. Этот портрет, ставший почти хрестоматийным примером при изучении портрета XXV династии, был сделан, когда Монтуэмхету было уже не мало лет, и сохранил нам облик этого полного достоинства, несколько грубоватого, властного человека.

К приведенным примерам можно добавить и портрет главного херихеба Педиамонэмипета [26], гробница которого является самой грандиозной из расположенных в Асасифе. К сожалению, надписи ни в гробнице, ни на статуях не упоминают имени царя. Р. Антес предполагает, что царь, которому служил Педиамонэмипет,— это кто-нибудь из эфиопских царей, скорее всего Тахарка [27]. Некоторые из статуй Педиамонэмипета не могли быть сделаны ранее времени Псаметиха I, например статуя, где он изображен в позе писца [28]. Но берлинская «кубическая статуя», как мне кажется, создана раньше. Бросающейся в глаза особенностью этой портретной статуи являются расходящиеся от переносицы складки на лбу. Аналогичные, но очень подчеркнутые

[21] Ch. Kuentz, Rémarques sur les statues de Harwa, BIFAO, XXXIV, 1934, стр. 143, табл. (без номера).

[22] H. Kees, Das Pristertum im ägyptischen Staat vom Neuen Reich bis zur Spätzeit, Leiden, 1953, стр. 274.

[23] Leclant, Montouemhat, стр. 279.

[24] R. A. Parcer, A Saite Oracle Papyrus from Thebes, L., 1962, стр. 4, табл. I.

[25] См., например, H. Schäfer und W. Andrae, Die Kunst des Alten Orients, B., 1942, стр. 433.

[26] R. Anthes, Der Berliner Hocker der Petamenophis, ZÄS, 73, 1937, стр. 25—35, табл. V—VI.

[27] Там же, стр. 29—30.

[28] G. Loukianoff, Le statues et les objets funérares de Peduamonapet, ASAE, XXXVII, 1937, стр. 222—224, табл. II. По данным Б. Ботмера, статуи в позе писца появляются лишь во время царствования Псаметиха I (ESLP, стр. XXXVI—XXXVII).

складки видны и на статуе жреца Убастит, которую Б. Ботмер датирует началом царствования Псаметиха I, считая, что и берлинская статуя Педиамонэмипета относится приблизительно к тому же времени (ESPL, № 23, табл. 21). Однако на статуе жреца Убастит складки выполнены значительно суше, чем на статуе Педиамонэмипета, как бы графично. Трактовка глаз и бровей, несколько грубоватая обработка поверхности берлинской статуи — все это заставляет предположить более раннее происхождение портрета. В таком случае Педиамонэмипет жил в то же, примерно, время, что и Монтуэмхет, или несколько позднее, если верно указание Р. Антеса на то, что Педиамонэмипет умер немного раньше Пабасы [29]. В любом случае рамки — конец XXV — начало XXVI династии — будут верны и для Педиамонэмипета, а его берлинский портрет можно отнести к концу правления эфиопов.

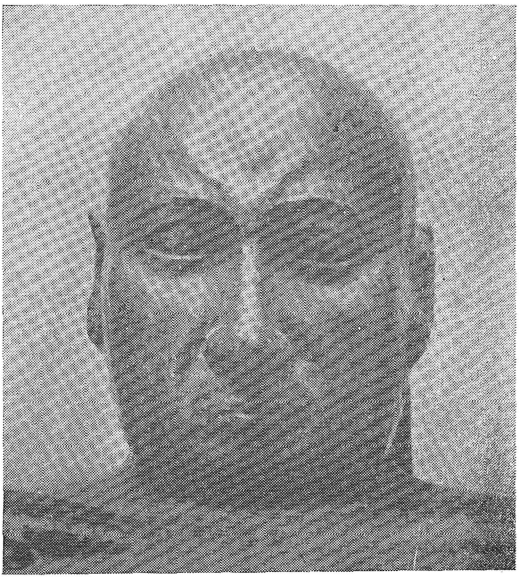


Рис. 4. Голова «кубической» статуи Педиамонэмипета

Итак, все приведенные примеры говорят о том, что после двенадцативекового перерыва в Фивах вновь появляется наряду с обобщенным также и очень индивидуализированный скульптурный портрет. И хотя эти портреты тоже подчинены определенным правилам и используют обязательные приемы для передачи тех или иных признаков, все же мастера теперь обращают значительно большее внимание на детали воспроизводимого лица.

Такой тип портрета, характерный для высших представителей фиванской знати, был распространен в эпоху XXV династии и в самом начале правления Псаметиха I, т. е. в то время, когда еще были живы представители правящей группы независимых Фив. После же восстановления твердой централизованной власти эти традиции уступают место другим — портреты даже высших чиновников становятся все более идеализированными и холодными.

Биографические надписи интересующего нас периода, как это убедительно показал Е. Отто, несомненно, перекликаются с автобиографиями начала Среднего царства. Этот процесс «архаизации» начинается с надписей Харуа [30]. Однако в то же время тексты эти отличаются подчеркнутой индивидуализацией и выдвижением роли личности заказчика надписи (являлся ли он в то же время и автором — неясно). Так, из надписи Монтуэмхета в храме Мут в Карнаке явствует, что в празднестве Мина он играл ту роль, которую до того выполнял сам царь [31]. Фиванская администрация, которой эфиопы фактически предоставили положение своих союзников, управляла внутренней жизнью столицы, а может быть, и более значительным районом, самостоятельно. Понятно поэтому, что фиванская знать искала и находила литературные прообразы для своих надписей именно в текстах начала Среднего царства, времени, когда владетельные фамилии на местах обладали действительной властью. Иными словами, надписи вельмож XXV династии — это не слепые копии более древних, а сознательное обращение к сходному сюжету для подчеркивания своей роли и полноты своей власти.

---

[29] Anthes, ук. соч., стр. 28.

[30] Otto, ук. соч., стр. 122.

[31] Leclant, Montouemhat, стр. 279, прим. 1.

Об этом же свидетельствует и то, что на некоторых частных статуях XXV династии имя изображенного стали помещать на поясе передника, что было ранее привилегией лишь фараонов. Интересно, что с таким же явлением мы сталкиваемся в некоторых случаях и в скульптуре Среднего царства, например на статуях Уахка и Ибу — независимых номархов X нома Египта [32]. О заимствовании здесь говорить не приходится: сходные ситуации порождают сходные следствия.

Таким образом, индивидулизированный портрет не является результатом преднамеренной архаизации — это как бы утверждение права сохранить свой истинный облик на века. Такие портреты могли появиться как отражение обстановки, которая сложилась вследствие политической и экономической независимости египетских вельмож XXV династии. Именно в этот период стало возможным появление частного портрета с той степенью индивидуализации, на которую в Среднем царстве имел право лишь фараон.

И. А. Лапис

[32] W. M. Fl. Petrie, Antaepolis, The Tomb of Qau, L., 1930.

К ВОПРОСУ О ПОДЛИННОСТИ МЮНХЕНСКОЙ ТАБЛИЧКИ

Глиняная табличка, вопрос о подлинности которой рассматривается в этой заметке, была обнаружена бароном фон Гроттусом (von Grotthus) в одной из антикварных лавок Мюнхена. Обстоятельства появления ее в лавке остались неизвестными. Комментированную публикацию этого памятника дал И. Фридрих [1], имеющий фотографию таблички и гипсовый слепок с нее, полученные им от Э. Грумаха и переданные последнему одним из баронов фон Гроттус.

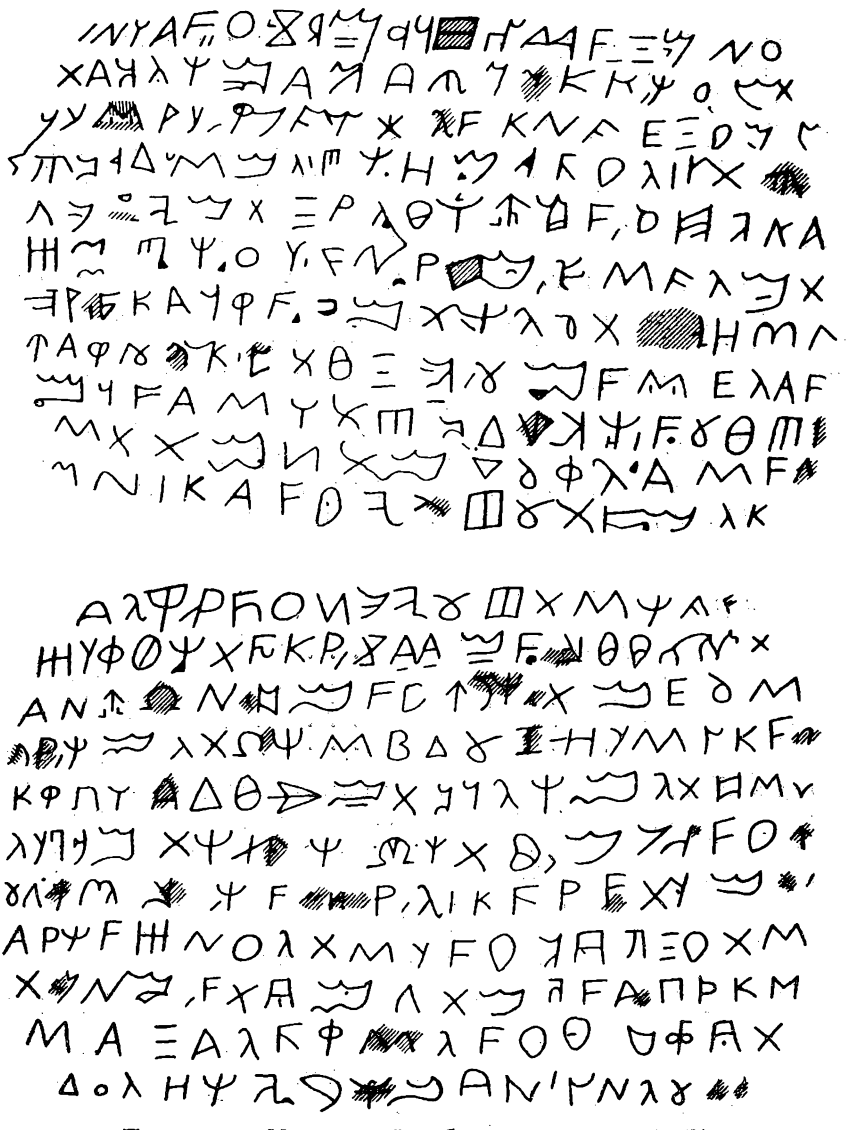
Эта слегка выпуклая табличка имеет размеры 10,5×7 см и на каждой из ее сторон нанесены по 11 строк знаков неизвестной ранее письменности, предположительно (wohl) малоазиатский характер которой отмечает И. Фридрих, в связи с этим делающий заключение о малоазиатском происхождении таблички. Выделение им 217 различающихся знаков [2] (в число которых он включил, правда, многочисленные графические варианты) дает нам право считать письменность Мюнхенской таблички, ввиду отсутствия явных идеограмм, слоговой, причем мы, вероятно, должны оставить всякую надежду дешифровать данную надпись.

Ниже последовательно будет приведен ход рассуждений, который, не говоря уже о подозрительных обстоятельствах появления таблички, позволяет в конечном счете высказать серьезные сомнения относительно ее подлинности и древности.

I. Система письма Мюнхенской таблички внешне представляет хаотичное смешение следующих алфавитов: северосемитского (XIV — X вв. до н. э.), классического греческого, архаического греческого, в том числе различных его видов — древнейших алфавитов Афин (конец IX в. до н. э.), Крита (VII в. до н. э.), Наксоса (VII в. до н. э.), Коркира (VII в. до н. э.), Беотии (VIII—VII вв. до н. э.), карийского, лидийского и ликийского алфавитов (совпадения относятся не только к тому общему, что естественно может быть объяснено единством происхождения упомянутых письменностей, но и к

[1] J. Friedrich, Ein wohl kleinasiatisches Tontäfelchen mit unbekannter Schrift, «Kadmos», B., 1964, 1, стр. 156 сл.

[2] Следует отметить чрезвычайно небрежный характер этого выделения. Так, например: начертание большинства знаков в перечне отличается от начертания соответствующих знаков в надписи (№ 13, 14, 17 и т. д.); знак № 20 не имеет ничего общего со своим соответствием в надписи, полностью тождественным знаку № 19; довольно часто встречаются неверные указания на стороны и строки нахождения знаков и т. д.



Прорисовка Мюнхенской таблички (стороны А, В)

их частным различиям), кипрского слогового письма (II тысячелетие до н. э.) и критских линеарных письменностей: «А» (XVII в. до н. э.) и «В» (XIV в. до н. э.) [3]. Нетрудно заметить, что в письменности Мюнхенской таблички сдвинуты все хронологические рамки [это касается, кстати, знака λ (№№ 171 и 172), сходного с λ (l) греческого унциального письма (VII в. н. э.) и знака Ξ (№ 125), сходного с Ξ (χ) греческого клас-

[3] При сравнении названных письменностей с системой письма Мюнхенской таблички использованы следующие данные: о северосемитском, греческих и малоазиатских алфавитах, кипрском слоговом письме и критских линеарных письменностях — Д. Дирингер, Алфавит, М., 1963 (пер. с англ.); кроме того, о ликийском и лидийском алфавитах — И. Фридрих, Дешифровка забытых письменностей и языков М., 1961, стр. 112 (пер. с нем.), о карийском алфавите — В. В. Шеворошкин Опыт дешифровки карийских надписей, ВДИ, 1965, № 1, стр. 43—44.

сического алфавита (IV в. до н. э.)]. Фонемной письменность Мюнхенской таблички не может являться ни в коем случае и, следовательно, такого сходства, какое наблюдается здесь, существовать не должно.

Утверждаемое И. Фридрихом тождество письменностей Мюнхенской и Лейденских табличек [4], на что сравнение количеств их различающихся знаков (217 : 36) оставляет мало надежд, может равным образом относиться к десятку других буквенных письменностей.

II. В надписи Мюнхенской таблички встречается немыслимое количество графических вариантов (например: А; Δ Ꭺ Ꭺ ; — №№ 159—163). Графический вариант представляет собой отклонение, которому следует нормальный человек. Человек не может беспрестанно изменять себе, если, конечно, в этих изменах не заключается его цель. А цель автора Мюнхенской таблички могла быть только одной: максимально затруднить идентификацию знаков и чтение текста.

III. Многие из неопознанных знаков, т. е. неотождествленных со знаками иных письменностей, представляют собой либо а) лигатуры (№№ 90, 142, 197 и др.), либо б) части других знаков (№№ 190, 195, 196 и др.), либо, напротив, в) усложненные знаки №№ 58—62, 175, 205, 207, 208—211 и др.). Все это, наряду с бессистемной «диакритикой», полностью соответствует названной цели.

IV. Некоторые данные свидетельствуют о наличии известной системы в комбинировании знаков:

а) А, стр. 11 . . . ⊡ γ X
В, стр. 1 . . . γ ⊡ X
б) А, стр. 9 . . . Δ
А, стр. 10 . . . ∇

в) Под знаком верхней строки никогда не встречается тождественный верхнему знак нижней строки. [В единственном случае, когда это нарушается, нижний знак входит в лигатуру (А, строки 9—10). Для 396 знаков, распределенных по 22 строкам, совпадения могли быть более частыми.]

Несомненно, что при более пристальном исследовании Мюнхенской таблички будут еще найдены многие примеры подобного механического заполнения ее знаками, но едва ли Мюнхенская табличка заслуживает более пристального исследования.

В. П. Назаров

[4] Friedrich, Tontäfelchen, стр. 156. Публикация Лейденских табличек осуществлена Ф. М. Бёлем [AFO, 8, 1932—1933, стр. 173]. Кстати, Г. Нойман не очень уверен в том, что и эти таблички подлинные.

СТЕЛЫ ГЕРМОКОПИДОВ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О РАБАХ V в. до н. э.

Для изучения афинской экономики V в. до н. э. важным документом служат аттические стелы с описью различного вида собственности, на которую во многих случаях сохранилась продажная цена. Здесь мы находим регистрацию домов, земельных участков, урожаев, рогатого скота, сельскохозяйственного инвентаря, кузнечных инструментов, всевозможной кухонной утвари, мебели, одежды и т. п.

В научной и учебной литературе широкое распространение получили фрагменты стел из находок XIX в.: список 16 рабов метека Кефисодора с указанием их цены и происхождения, перечень предметов домашней обстановки, часть из которых описывается Поллуксом как конфискованное имущество Алкивиада, и др.; но находки 30—40-х гг. XX в., составившие бо́льшую часть дошедшего текста стел, фактически не ис-

пользовались, пока, наконец, в 1953 г. Притчетт не реконструировал все известные к тому времени фрагменты [1].

Данные стел об отдельных объектах продажи Притчетт исследовал с филологической и историко-экономической точек зрения, сгруппировав материал по разделам: 1) сельскохозяйственные продукты, 2) одежда и обувь, 3) мебель, 4) домашний скот и ульи, 5) недвижимое имущество, 6) рабы, 7) черепица и кирпичи, 8) инструменты и различные предметы для работы вне дома, 9) оружие, 10) разное [2].

В разделе «Рабы» он сравнивает цены на рабов в наших стелах с ценами, приведенными у аттических ораторов IV в. до н. э., и приходит к выводу, что диапазон цен на рабов за 100 лет не изменился [3]. Затем Притчетт останавливается на вопросах о занятиях рабов, источниках рабства и о собственности рабов. Однако не менее интересным было бы осветить и другие вопросы, сопоставив записи стел о продаже рабов с остальным материалом этих надписей.

Хотя текст стел остается еще далеко не полным (находки поступают крайне медленно), благодаря реконструкции фрагментов мы имеем теперь более ясное представление о хозяйстве поименованных на стелах владельцев, об их имуществе и статьях дохода, а также о соотношении цен в Афинах на различные виды движимой и недвижимой собственности. Рассматривая в свете этих данных материал стел о рабах, мы с большой долей вероятности можем определить, какое место в хозяйстве лиц определенного имущественного ценза занимали рабы, в каких областях хозяйства они использовались, какова была стоимость раба по сравнению с ценами на другие виды собственности в это время и т. п.

Согласно произведенной Притчеттом реконструкции, мы располагаем фрагментами десяти стел [4]. Каждая стела состоит из нескольких колонок, в которых записаны слева направо налог на продажу, продажная цена и название собственности. При совокупной продаже нескольких объектов общая цена и налог помещены в начале, середине или в конце списка [5].

Названные на стелах имена и сохранившиеся при них записи (например, «в нечестии относительно мистерий» или «[лица], осквернившие двух богинь») не оставляют сомнения в том, что речь идет об имуществе лиц, осужденных в Афинах в 415 г. по обвинению в профанации мистерий и изуродовании герм: восстановленные на стелах 15 имен фигурируют в доносах, приведенных Андокидом в его известной речи «О мисте-

[1] W. K. Pritchett, The Attic Stelai, Part I, «Hesperia», XXII, 1953, № 4, стр. 225—311. Текст стел снабжен подробным эпиграфическим комментарием, внесены исправления и добавления в чтение фрагментов. Во «Введении» Притчетт касается вопросов о месте и дате постановки стел, об упоминаемых на стелах лицах, о начислении налога на продажу имущества. В 1961 г. Притчетт опубликовал пять новых, найденных в 1959 г. фрагментов с соответствующим эпиграфическим комментарием — W. K. Pritchett, Five New Fragments of the Attic Stelai, «Hesperia», XXX, 1961, № 1, стр. 23—29. Русский перевод стел см. Э. Д. Фролов, Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э., Л., 1964, стр. 92—118.

[2] W. K. Pritchett, The Attic Stelai, Part II, «Hesperia», XXV, 1956, № 3, стр. 178—317, с приложением, составленным А. Пиппин (A. Pippin, The Demiopraṭa of Pollux, X, там же, стр. 318—328), в котором решаются вопросы о том, что послужило источником для X книги Поллукса, какие наименования объектов конфискованного имущества на надписи совпадают с текстом Поллукса и др. Продолжением труда Притчетта является работа Д. А. Эмикса о сосудах и других емкостях (горшках, корзинах и т. п.), перечисленных на стелах (D. A. Amyx, The Attic Stelai, Part III, «Hesperia», XXVII, 1958, № 3, стр. 163—254; № 4, стр. 225—307).

[3] «Hesperia», XXV, стр. 276—278.

[4] Принадлежность XI стелы к фрагментам этой группы аттических стел оспаривается. Нумерация в статье дается по изданию Притчетта: римские цифры обозначают номера стел, арабские — номера строк.

[5] См. II, 90—95; 311—314; VI, 98—107.

риях»[6]; совпадают также с рассказом Андокида указания на стелах, в каком именно роде нечестия (в профанации мистерий или изуродовании герм) обинялся данный человек.

Расхождение надписи с сообщением Андокида содержится только к отношении обвинения, предъявленного Евфилету. На стелах (VI, 88—89; X, 13—14) при имени Евфилета указано: περὶ ἀμφότερα — обвиненный и в том и другом нечестии, т. е. и в повреждении герм, и в профанации мистерий, тогда как в рассказе Андокида он назван только как участник повреждения герм. Его имя фигурирует в доносе Тевкра на лиц, изуродовавших гермы, а затем оно упоминается несколько раз в том месте речи, где Андокид рассказывает «истинную» историю этого преступления (I, 35, 51, 61—64).

Конечно, мы не можем с полным доверием относиться ко всем сообщениям Андокида. Прежде всего неизвестно, насколько правдиво было его собственное донесение: действительно ли повредили гермы именно указанные им лица, а не какие-либо другие; неизвестно также, не был ли Андокид сам в то время в сговоре с членами следственной комиссии — тайными олигархами Писандром и Хариклом, так как «казалось, что Андокид ненавидит народ и настроен олигархически» (Plut., Alc., XXI) и он, как ни странно,— единственный из обвиненных, который в 415 г. получил прощение (по псефисме Мениппа). Но все сказанное Андокидом о содержании отдельных доносов, о настроениях в городе, о роли следственной комиссии, о наградах за доносы, т. е. то, что было хорошо известно всем гражданам, не может вызывать сомнений. В пользу правдивости этих сообщений говорят следующие обстоятельства: во-первых, подтверждение нашей надписью в отношении всех других лиц правильности списков осужденных и указаний на характер обвинения, приведенных Андокидом; во-вторых, присутствие на суде, где Андокид в 399 г. произносил защитительную речь, самих пострадавших и родственников тех, кто погиб в результате процессов (And., I, 25—26, 35); в-третьих, то обстоятельство, что если бы Андокид, перечисляя лиц, на которых было указано в доносах о мистериях, случайно или умышленно и пропустил кого-нибудь, то этим лицом никак не мог быть Евфилет, которому оратор в своем рассказе отводит особое место, взваливая на него основную вину за повреждение герм как на инициатора и руководителя преступления. Поэтому применение слов περὶ ἀμφότερα к Евфилету может быть объяснено тем, что в процессуальном акте под рубрикой περὶ ἀμφότερα значились вообще все лица, которых обвинил Тевкр.

Как известно, Тевкр подал два списка: в одном указывались лица, заподозренные в профанации мистерий, а в другом — те, кого он обвинял в повреждении герм. Эти два списка как исходящие от одного и того же доносчика могли значиться в судебном акте под общим заглавием — как дело περὶ ἀμφότερα. И так как в таком общем списке был указан Евфилет, соответственная запись судебного дела вместе с его именем была перенесена на стелы. Однако не менее вероятным было бы предположение, что слова περὶ ἀμφότερα были списаны резчиком надписи не непосредственно с самого постановления суда или с объединенных под общим заглавием доносов Тевкра, а со специально для резчика составленных списков в разное время проданного имущества, принадлежавшего различным лицам, обвиненным в одном или в обоих нечестиях. После того как процессы были закончены и осужденные казнены или бежали, такая неточность в списках конфискованного и уже проданного имущества никакого практического значения не имела.

В одном пункте надпись даже дополняет сообщения Андокида. Оратор говорит, что когда один из доносчиков, Диоклид, был уличен во лжи, то, сознавшись, он назвал Совету Алкивиада фегусийца и Амианта из Эгины как людей, убедивших его сделать ложный донос, «и они, испугавшись, бежали»[7]. На стелах же (VIII, 4—7) имеется запись

[6] Только в написании двух имен содержится разночтение: в надписи — Νικίδης и Οἰωνίας, а у Андокида (I, 13) — Νικιάδης и Ἰωνίας.

[7] And., I, 65—66. О политической сущности процессов 415 г. см. нашу статью «Социально-политическая направленность комедии Аристофана „Птицы“», сб. «Аристофан», изд. МГУ, 1956, стр. 112—116.

о продаже урожая с участков Алкивиада фегусийца, что свидетельствует о конфискации его имущества и, следовательно, о том, что он сам как подстрекатель к ложному доносу был заочно осужден и, подобно другим обвиненным, лишен гражданских прав.

Таким образом, стелы содержат опись конфискованного и проданного с публичного аукциона имущества осужденных в процессах 415—414 гг. Попытаемся более точно определить время самой продажи этого имущества.

Как известно, гермы были изуродованы летом 415 г., во время подготовки афинян к Сицилийскому походу. Это кощунство расценили как попытку искусственно создать дурное предзнаменование для предстоящей экспедиции, чтобы заставить народ отказаться от нее. Поэтому для расследования преступления была создана специальная следственная комиссия при Совете Пятисот. Комиссия объявила, что каждый, будь то чужеземец или раб, может безбоязненно доносить не только о виновниках изуродования герм, но и о других известных кому-либо случаях святотатства. После этого один за другим стали поступать доносы на лиц, которых обвиняли в профанации мистерий, а также на виновников повреждения герм.

Первый донос был сделан, когда все приготовления к походу были закончены и триера Ламаха [8] уже вышла в море (And., I, 11), т. е. в июле 415 г. Уже в этом первом доносе среди других лиц обвинялся в профанации мистерий инициатор и глава Сицилийского похода Алкивиад [9].

Несмотря на его настойчивые требования о немедленном разборе дела, суд над ним отложили и приказали ему отплыть с войском в Сицилию. «Враги Алкивиада,— говорит Фукидид,— боялись, что, если процесс будет вестись теперь же, войско окажется на стороне Алкивиада и народ будет относиться к нему мягко... Поэтому они всячески старались отсрочить процесс... Враги Алкивиада желали взвести на него более тяжкие обвинения, которые они надеялись легче собрать в его отсутствие, и потом уже вызвать его и предать суду» [10].

После того как закончилось дело о гермах, следственная комиссия снова приступила к разбору дела об осквернении мистерий, и за Алкивиадом в Сицилию послали быстроходную триеру «Саламинию» с приказом явиться на суд в Афины. Таким образом процессы, начавшиеся в середине лета 415 г., перед самым отплытием войска в Сицилию, продолжались до тех пор, пока в Афины не вернулась из Сицилии «Саламиния» с известием, что Алкивиад по дороге бежал. Тогда, как свидетельствует Фукидид (VI, 61, 7), «афиняне заочно приговорили к смерти его и его спутников». И далее историк указывает: «Летняя кампания приходила к концу» (VI, 62, 5). Следовательно, приговор над Алкивиадом был вынесен перед концом летней военной кампании, т. е. в конце октября — начале ноября 415 г. На этом процессы закончились.

Конечно, имущество осужденных не могло быть конфисковано, а тем более продано до вынесения судебного приговора. Со дня же вынесения приговора о конфискации до дня фактической продажи имущества с аукциона должно было пройти какое-то время, необходимое на составление описи и на оценку этого имущества. Записи на стелах показывают, что многие из осужденных были людьми весьма состоятельными, а некоторые даже крупнейшими богачами: они владели домами и участками не только в различных демах Аттики, но и за ее пределами — на Евбее, Фасосе, в Офринии и др. Поэтому требовалось определенное время на то, чтобы местные демархи [11] или другие должностные лица, получив приказ из Афин, произвели опись и оценку отдельных видов соб-

[8] Ламах — один из трех стратегов Сицилийского похода.

[9] Повреждение герм ему не инкриминировалось, так как было бы слишком нелепо обвинять Алкивиада в том, что он якобы совершил действия, направленные к срыву им же самим возглавляемого предприятия. Поэтому сообщение Фукидида (VI, 61, 1), что Алкивиад профанировал мистерии по тем же причинам, что и повредил гермы, надо считать неправильным.

[10] Thuc., VI, 27—29. Здесь и далее перевод Ф. Мищенко — Фукидид, История, т. I—II, М., 1915.

[11] См. V, 20, 23, 27, 38, 41.

ственности. Нужно также учесть, что вряд ли покупатели решались на приобретение за глаза крупной собственности, оцененной иногда в несколько десятков талантов. Скорее надо думать, что они лично или их управляющие — рабы выезжали на места для предварительного ознакомления с объектами продажи.

Исходя из всего вышеизложенного, мы полагаем, что самая ранняя продажа имущества с аукциона произошла на месяц или полтора позже вынесения приговора, т. е. в декабре 415 г. На X стеле сохранились календарные даты продажи — январь — февраль 413 г. [12] Если вслед за Притчеттом считать, что это была последняя продажа имущества, то можно заключить, что аукцион продолжался с декабря 415 по январь — февраль 413 г.

Что же представляло собой имущество осужденных, каковы были статьи их дохода и какое место в их хозяйстве занимали рабы? Как мы уже указывали, на стелах восстановлено 15 имен: Эоний, Алкивиад (сын Клиния), Никид, Аксиох, Адимант, Полистрат, Ферекл, Кефисодор, Гефэстодор, Панэций, Хэредем, Евримах, Евфилет, Фэдр, Алкивиад фегусиец.

Собственность Эония. На II стеле (311—314) записано имя Эония, сына Эонохара, и сумма в 81 талант 2 тысячи драхм от продажи собственности, принадлежавшей ему в Леланте, Дире и Герэсте. Чтобы представить себе, сколь велика была эта сумма для того времени, сопоставим ее с размерами состояния богатейших афинских граждан. Эти данные приведены Лисием в речи «Об имуществе Аристофана». Желая доказать, что представление о богатстве некоего Аристофана сильно преувеличено и что родственники его ничего не утаили от государства, обвиняемый приводит в пример известных богачей, имущество которых после их смерти оказалось значительно меньше того, что приписывала им молва. Так, полагали, что состояние Исхомаха составляет 70 талантов, Стефана — более 50 талантов, Никия — 100 талантов, Каллия, сына Гиппоника, слывшего самым богатым человеком в Элладе,— 200 талантов, Алкивиада — более 100 талантов (Lys., XIX, 45—48, 52).

В данном случае для нас не имеет значения, действительно ли эти граждане владели таким состоянием или, как утверждает клиент Лисия, оно фактически было значительно меньшим. Это место речи важно тем, что дает представление, каким состоянием, по понятиям того времени, могли владеть крупнейшие афинские богачи. Отсюда становится очевидным, что Эоний, обладавший собственностью, стоимость которой исчисляется в 81 талант, должен быть причислен к разряду самых богатых афинских граждан [13].

К сожалению, названия самой собственности на стеле не сохранились, остались только указания на ее географическое местоположение: Лелант, Дир, Герэст. Лелант и Герэст находились на Евбее, что же касается Дира [14], то, по-видимому, он также был расположен на Евбее, так как назван между Лелантом и Герэстом и собственность, находившаяся в этих трех местах, была продана вместе: продажная цена проставлена только перед названием последней местности — Герэстом.

Какого же рода собственность, помещавшаяся на Евбее, могла быть продана за столь высокую цену? На той же II стеле (178) записан принадлежавший Эонию урожай в Леланте, но цена на урожай не сохранилась. Согласно Страбону (X, 3, 6), из-за Лелантской равнины в древности население городов Евбеи вело войны. Фукидид сообщает, что перед началом Пелопоннесской войны афиняне поместили свой скот на Евбею, а во время оккупации Декелеи Евбея была для Афин главным поставщиком всех жизненных припасов, (II, 14, 1; VII, 28, 1; ср. VIII, 95, 1; 96, 1—2). Все это говорит, по-видимо-

[12] См. X, 5, 6, 8, 10, 13, 21, 28—29, 37; «Hesperia», XXII, стр. 232—234.

[13] По-видимому, столь высокая цена первоначально вызвала у Притчетта сомнение в правильности чтения, поэтому в комментариях он специально указал: «Вертикальные черточки обозначают талант (например, Δ) — чтение подтвердил проф. Вэндерпул» («Hesperia», XXII, стр. 261, комм. к II, 314).

[14] Дир упомянут также в IV, 18.

му, о том, что земля на Евбее отличалась плодородием. Если сумма в 81 талант 2 тысячи драхм была получена от продажи земли на Евбее, можно составить себе некоторое, правда очень приблизительное, представление о ее размерах [15].

В упомянутой уже XIX речи Лисия обвиняемый рассказывает, что Аристофан купил дом за 50 мин и приобрел 300 с лишком плетров земли (XIX, 29). Далее он указывает, что за дом и землю было заплачено более 5 талантов (XIX, 42). Следовательно, стоимость 300 плетров равняется 25 тысячам драхм, а стоимость 1 плетра — 83,3 драхмы. Так как один плетр составляет 0,095 га, то за сумму в 81 талант 2 тысячи драхм можно было купить немногим более 500 га, т. е. около 5 км ^{2}. Очень возможно, что земля являлась главным источником дохода Эония.

Собственность Алкивиада, сына Клиния. На стелах восстановлено имя знаменитого Алкивиада, сына Клиния, из Скамбонидского дема, и хотя по тем отрывочным данным, которые сохранились на надписи, нельзя составить более или менее точного представления о размерах имущества Алкивиада, одно имя его уже говорит об их значительности.

На I стеле (12—13) есть запись о продаже медных горшков; на IV стеле (30—35) сохранились только начала названий принадлежавших Алкивиаду предметов. Кроме того, Притчетт предлагает как один из двух возможных вариантов чтение имени Алкивиада в строке 158 стелы I. Возможность такого восстановления обосновывается им, с одной стороны, тем, что размер данной строки подходит для написания 28 букв, составляющих имя Алкивиада (Ἀλκιβιάδο τὸ Κλεινίο Σκαμβονίδο), и в этой строке сохранились три буквы αμ̣β̣, входящие в название дема Скамбониды, и, с другой стороны,— тем, что некоторые предметы, перечисленные в следующих строках, упомянуты у Поллукса как принадлежавшие Алкивиаду: ἐν δὲ τοῖς δημιοπράτοις πέπραται Ἀλκιβιάδου χαμεύνη παράκολλος καὶ κλίνη ἀμφικνέφαλλος— «в числе конфискованного имущества было продано принадлежавшее Алкивиаду низкое ложе со спинкой на конце и кровать с двумя спинками» (Poll., X, 36); ср. строки 231 и 233 стелы I: χάμευνα παράκολλος, κλίνη μιλεσιοργὲς ἀμφικέφαλος.

Общий список объектов продажи, следующий со строки 160, включает шерстяное покрывало, 10 ковров (из них 9 двусторонних), 3 занавеса, 15 гиматиев, 2 ложа (брачных), желтый уток, 2 ремня из конской кожи, 4 сундучка, 2 набитых матраца, 21 покрывало, 2 сундука (с двумя и с четырьмя крышками), 12 милетских кроватей, 4 стола, низкое ложе со спинкой на конце, 6 алебастровых сосудов, 5 стульев, 2 корзины из камыша (для хлеба) и тростниковую циновку.

Конечно, этот список предметов небольшой ценности не дает представления об имуществе Алкивиада. Но из сообщений Фукидида, Плутарха, Лисия и Андокида [16] нам хорошо известно, что Алкивиад был одним из самых богатых людей в Афинах. Достаточно вспомнить, что он лично от себя послал на Олимпийские игры семь колесниц, «сколько не посылало прежде ни одно частное лицо» (Thuc., VI, 16, 2), содержал большую конюшню, выступал с исключительным блеском на хорегиях, имел собственный корабль и несколько замков [17]. Ему приписывали состояние более чем в 100 талантов.

Собственность Никида. На II стеле в строках 172—175 читаем: «Из принадлежавшего Никиду: арендные платы за реки внесены в размере 10 155 драхм 3 оболов». Как можно заключить из этой записи, Никид, вероятно, брал у государства на откуп сбор налогов за пользование реками. При конфискации его имущества право на откуп должно было быть также у него конфисковано, и плата за пользование реками была взыскана уже самим государством [18].

---

[15] Стоимость земли, конечно, зависела от плодородия почвы, местоположения и многих других причин.

[16] Мы имеем в виду речь Κατὰ Ἀλκιβιάδου, которая приписывалась Андокиду.

[17] Thuc., VI, 12, 2; 15, 3; 16, 2—3; 61, 6; Lys., XIX, 52; [And.], IV, 20, 26; Xen., Hell., I, 5, 17; Plut, Alc., IV, X, XI, XVI.

[18] На стелах записаны также суммы арендной платы за дом и землю в Миррринунте, принадлежавшие Фэдру (VI, 112—115). Кёлер полагает, что, поскольку аренда выпла-

Уже из одной этой записи видно, что Никид, бравший на откуп сбор налогов за сумму в 10 тысяч драхм, был весьма богатым человеком. Строкой ниже указана сумма в размере более 5 талантов 11 тысяч драхм (т. е. около 7 талантов). Если учесть, что имя Никида с описью различных видов его имущества (дом, какая-то собственность в Дире, утварь) встречается на стелах еще три раза и что, следовательно, состояние его не исчерпывается 7 талантами, можно будет отнести его к числу тех богатых афинских граждан, на обязанности которых лежало исполнение литургий.

Такая оценка имущественного положения Никида вытекает из сравнения его состояния с состоянием Критобула из «Домостроя» Ксенофонта. Имущество Критобула Сократ оценивает в сто раз больше своего, а так как от продажи собственного имущества он полагает возможным получить 5 мин, то, следовательно, имущество Критобула стоило 500 мин, или, иначе, 8 талантов 2 тысячи драхм. Доказывая Критобулу, что тот скорее может впасть в нужду, чем бедняк Сократ, философ ссылается на то, что в числе прочих расходов Критобул должен нести государственные повинности: содержать лошадей, оплачивать расходы на хорегию, устраивать гимнастические игры, оказывать покровительство метекам, а в военное время — снаряжать суда и платить военные налоги [19].

Собственность Адиманта. На X стеле (стк. 4) указана сумма в 5 талантов 513 драхм, полученная от продажи имущества Адиманта; в других местах записаны принадлежавшие ему на Фасосе дом и поле (VI, 53, 56), восемь рабов (VI, 17—23, 54; X, 25), хозяйственные предметы, урожай, сумма в 379 драхм и пр.

Собственность Аксиоха. От продажи имущества Аксиоха сохранились цены на общую сумму в 2046 драхм $1/2$ обола (VI, 119—121), зафиксирована продажа двух рабов за 195 и 130 драхм, урожай и сумма в 195 драхм (X, 7, 9, 23, 31) и еще четыре или пять рабов [20]. Кроме того, записан дом, сдававшийся в наем (συνοικία — IV, 11) [21]. Строка, следующая за записью доходного дома, не сохранилась, а строкой ниже указывается: «капитал с домов» (κεφάλαιον οἰκιῶν) (IV, 13). Множественное число — οἰκιῶν — говорит о том, что в предыдущей, не сохранившейся строке значился по крайней мере еще один дом и, возможно, тоже доходный. Отсюда становится очевидным, что Аксиох, владевший двумя или более доходными домами, какой-то собственностью за границей (IV, 15 — ὑπερορία) [22] и имуществом на сумму около двух с половиной тысяч драхм, был человеком весьма состоятельным.

Собственность Полистрата. На II стеле (180—182) записана сумма в размере более 10 тысяч 300 драхм серебром [23], выплаченная из имущества Полистрата, сына Диодора, из Анкилы. На других фрагментах числится его дом и половина участка в Мунихии, дом в Кидафенее и участок в Анкиле, а также сумма в 247 драхм за раба и другой участок в Анкиле (IV, 5—9; VI, 75—84; I, 26—32).

Собственность Евфилета, сына Тимофея, из Кидафенея. Евфилет был владельцем трех домов и нескольких участков, расположенных в различных демах Аттики:

«Евфилета, сына Тимофея, из Кидафенейского дема,
обвиненного в обоих нечестиях, [продано]: дом...

чивалась два раза в год, в месяце гекатомбеоне и посидеоне (соответственно главным срокам сбора), а имущество осужденных было продано в месяце гамелионе (см. стелу X), который следовал за посидеоном, аренда подлежала срочной уплате (U. Köhler, Hermocopideninschriften, «Hermes», 23, 1888, стр. 394—395).

[19] Xen., Oec., II, 3, 5—6.

[20] См. «Hesperia», XXX, стр. 26.

[21] О разнице понятий οἰκία и συνοικία см. A. Böckh, Die Staatshaushaltung der Athener, I, B., 1886, стр. 83—84.

[22] Перед словом ὑπερορία (IV, 15) Притчетт предлагает поставить χώρα или χωρία («Hesperia», XXII, стр. 264).

[23] Глагол κατεβλέθεσαν указывает, что речь идет об уплате аренды. Ср. VI, 110, 113, 115.

[за] 1500 драхм, [налог] 15 драхм...» (VI, 88—90).
«[Имущество] обвиненных в обоих нечестиях: продано
на 6 день от конца месяца гамелиона
Евфилета, сына Тимофея, из Кидафенейского дема:
дом в Семахидах [за] 105 драхм, [налог] 1 драхма 3 обола,
участок в Гаргетте [за] 105 драхм, [налог] 1 драхма 3 обола,
участок в Миррринунте, сад и дом [за] 205 драхм, [налог] 2 драхмы 3 обола,
участок в Афиднах [за] 10 драхм, [налог] 3 обола.
Общая сумма 431 драхма» (X, 13—19).

Как показывает сравнение с данными других источников, стоимость домов Евфилета в Семахидах и Миррринунте очень незначительна. Только в одном документе начала IV в. до н. э. встречается продажная цена дома, близкая к стоимости дома в Семахидах,— 145 драхм (CIA, II, 777). В другой же надписи, сообщающей о закладе домов, самые низкие цены — 200 драхм, самые высокие— 3 тысячи драхм (там же, II, 1116). При этом надо учесть, что цена заклада, по всей вероятности, была ниже действительной стоимости дома. У ораторов IV в. до н. э. самая низкая цена за дом — 3 мины, самая высокая — 100 мин [24].

Что же касается дома Евфилета (упомянутого в VI, 88—90), то об его стоимости трудно судить, так как строка с записью этого дома полностью не сохранилась, как не сохранились и три последующие строки. Из сравнения же с записями о продаже домов на других фрагментах можно предполагать, что в этих не сохранившихся строках либо приводилось описание дома и указание на его местоположение [25] (ср. VI, 11—16, 76) — и в этом случае сумма в 1500 драхм составляла продажную цену только дома,— либо кроме местоположения дома здесь были записаны участок и поле, на котором стоял дом (ср. VII, 23—27 и 73), и тогда цена в 1500 драхм составляла бы сумму от совокупной продажи дома и земли.

Но как бы ни были незначительны цены за каждый дом или участок в отдельности, общая сумма от продажи имущества Евфилета составляет около 2 тысяч драхм.

Собственность Ферекла, сына Ференикэя, из дема Фемак, обвиненного в обоих нечестиях. Ферекл имел дом в Бате, пять участков и пастбище с каналом, проданные вместе за 1200 драхм (VI, 93—107).

Об имущественном положении осужденных мы можем судить также по записям тех крупных сумм, которые сохранились в различных местах стел. Так, на VII стеле записана сумма в 1900 драхм от продажи виноградника, дома и двух полей (сткк. 72—74); затем сумма в 1 талант 100 драхм от продажи виноградника и дома на поле (сткк. 75—77); несколькими строками ниже — сумма в 2 таланта 9 с чем-то драхм от продажи

---

[24] Is., II, 35; Dem., XLV, 28; см. также Böckh., ук. соч., I, стр. 84 сл.; «Hesperia», XXV, стр. 270—272.

[25] В описании дома упоминалось иногда наличие или отсутствие дверей: [....] αι οἰκία τεθυρο[μένε] hάπασα ἐν τοῖ (IV, 20—21), так как двери могли продаваться и отдельно от дома как самостоятельный вид имущества (см. II, 13—16). Изучая списки имущества гиеропеев, Кэнт отмечает: «По-видимому, в древней Греции был обычай рассматривать все деревянные архитектурные части сельского дома как часть домашней мебели, и одна аттическая арендная запись 306/5 г. до н. э. показывает, что в случае сдачи в аренду домов в имениях деревянные части были обычно собственностью съемщика. Слова τεθυρωμένος и ἄθυρος в делосских списках указывают, что в то время как в других частях Греции съемщик имения, возможно, должен был приносить свои собственные двери, гиеропеи поставляли многие из дверей, необходимых для храмовых построек, и только в случае построек „без дверей“ съемщик, если хотел иметь двери, должен был доставлять свои собственные. Некоторые постройки снабжались также деревянными подпорками или балками» (J. H. Kent, The Temple Estates of Delos, Rheneia, and Mykonos, «Hesperia», XVII, 1948, № 4, стр. 293 сл. См. также «Hesperia», XXV, 1956, стр. 233—239).

домов и участков (сткк. 82—83); на X стеле отмечена продажа дубовой и сосновой рощиц, дома и пифосов за 1800 драхм (сткк. 1—2) и т. д.

Итак, мы видим, что владельцы зарегистрированного на стелах имущества были людьми весьма и весьма состоятельными [26]. Поэтому вполне естественно было бы встретить в описи проданной собственности перечень если уже не сотен, то, по крайней мере, нескольких десятков рабов, принадлежавших каждому владельцу. Однако количество рабов на стелах, известных в настоящее время, крайне невелико: на «старых» (находки XIX в.) и «новых» (находки 30—40-х гг. XX в.) фрагментах названо всего 39 рабов. Кроме того, в 1959 г. было найдено еще пять фрагментов, на одном из которых записано пять рабов [27]. Итак, общее число рабов на стелах в настоящее время составляет не более 44—45 человек.

Трудно представить себе, что мы не располагаем именно теми камнями стел, которые содержали какие-нибудь обширные списки рабов. На малую вероятность такого предположения отчасти указывает запись на камне, где названы рабы не отдельных граждан поименно (среди них могли быть и люди малоимущие), а вообще всех лиц, обвиненных в профанации мистерий, среди которых находились такие богачи, как Алкивиад, Эоний, Никид и др. [28] Поэтому именно в данном месте надписи можно было бы ожидать отчета о продаже наибольшего числа рабов. В действительности же дело обстоит иначе: сохранились сведения только о шести рабах, а далее, после пропуска в 9 строк, идет запись о продаже домов и участков в Афмоне:

«Согрешивших в отношении мистерий...
проданы следующие рабы (ἀνδράποδα) [29]:
Антиген, родом фракиец,
Стронгилион, родом кариец,
Сим, родом скиф,
Карион, родом кариец,
Фан, родом
(пропуск в 2 строки)
родом фракиец
(пропуск в 9 строк)
участок и дом в Афмоне,
другой участок и дом в Афмоне» (VII, 1—26).

Если даже допустить, что в не сохранившихся 9 строках (14—22) были записаны рабы и при этом в каждой строке было указано по одному рабу (в строках 3—4, 5—6, 10—11, 12—13 обозначение одного раба занимает две строки), то и в этом случае общее число их в данном списке не превысило бы 15.

О незначительности количества рабов, принадлежавших осужденным, говорит и другое обстоятельство. Имена владельцев с описью отдельных видов их имущества

---

[26] То обстоятельство, что обвинялись именно богатые граждане, делало политическую окраску, которую придали процессам члены следственной комиссии, заверявшие народ, что кощунство совершено с целью свержения демократии, более правдоподобной. Возможно, что члены следственной комиссии — тайные олигархи, хотели конфискацией имущества этих богачей в пользу государства в тяжелый для него момент привлечь на свою сторону народ.

[27] Находки 1959 г., как мы уже указывали, опубликованы в «Hesperia», XXX, стр. 23 сл.

[28] У Андокида названо всего 30 человек, обвиненных в профанации мистерий, кроме отца Андокида Леогора и метека Тевкра, которые не были осуждены и, следовательно, не могли фигурировать на стелах.

[29] Термин ἀνδράποδα обычно применялся к рабам, когда они играли роль предмета купли-продажи или аренды, независимо от их профессии или области использования. Термин этот мы находим в тех случаях, когда доминирует свойство рабов обмениваться на деньги, их товарная сущность (Э. Л. Казакевич, Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э., ВДИ, 1958, № 2, стр. 90—110).

встречаются на стелах по несколько раз: имя Аксиоха записано 7 раз, имя Адиманта — 9 раз, имена Никида, Полистрата, Эония — по 4 раза и т. д. Если бы эти граждане имели несколько сотен или хотя бы несколько десятков рабов каждый, это должно было бы найти частичное отражение в записях их имущества.

Объяснение подобным фактам нужно искать, как нам кажется, с одной стороны, в том, что общее количество рабов в Афинах конца V в. до н. э. было сравнительно невелико [30] и, с другой,— в том, что далеко не во всех отраслях афинской экономики рабский труд применялся в широких масштабах, в связи с чем даже богатые афинские граждане могли обладать крайне незначительным числом рабов [31].

О количестве рабов в Афинах в период Пелопоннесской войны можно судить по сообщению Фукидида в том месте его «Истории», где он, перечисляя самые большие бедствия, постигшие афинян во время Декелейской войны, наряду с гибелью всего мелкого и вьючного скота и потерей почти всей территории Аттики, указывает на бегство 20 тысяч рабов (VII, 25,5). Вполне понятно, что если бы эти 20 тысяч не составляли весьма значительной части всего количества рабов в Афинах, историк не мог бы придать их бегству столь большое, общегосударственное значение.

В этом же сообщении Фукидида говорится, что бо́льшая часть этих 20 тысяч являлась χειροτέχναι. На занятость большинства рабов в ремесленном производстве указывают и другие источники. Как известно, сто двадцать рабов Лисия работали в эргастерии по изготовлению щитов (Lys., XII, 19); рабы отца Демосфена были оружейниками и мастерами по изготовлению кроватей (Dem., XXVII, 9); из 11 или 12 рабов некоего Тимарха 9 являлись сапожниками, одна ткачихой и один вышивальщиком по коже (Aeschin., I, 97). В надписях об отпуске рабов на волю, относящихся к 349—320 гг. до н. э., из общего числа в 138 рабов в ремесле было занято 74, на транспорте — 10, в прочих службах — 39, в сельском хозяйстве — 12 [32].

Другим видом использования большого числа рабов была отдача их в наем на рудники. Именно так использовались 1000 рабов Никия, 600 — Гиппоника и 300 — Филоменида [33].

Меньше, чем в других областях, применялся рабский труд в сельском хозяйстве, что обусловливалось малыми размерами земельных участков в Аттике. Урожай, который собирался с таких участков, не оправдывал расходов на приобретение и содержание сельскохозяйственных рабов. Это частично подтверждается и стелами — цены на земельные участки и урожаи здесь неизмеримо ниже цен на рабов:

«Урожай во Фрии 18 драхм, [налог] 3 обола,
урожай в Афмоне 20 драхм, [налог] 3 обола» (I, 20—22).
«Урожай в Анкиле 42 драхмы, [налог] 1 драхма» (I, 29—30).
«Урожай в Милэях [34] 40 драхм, [налог] 3 обола,
смоквы, виноград, маслины, шелуха и солома на том же поле 22 драхмы, [налог] 3 обола.

---

[30] Уестерман высказывает предположение, что «рабы в Аттике в ранний период Пелопоннесской войны составляли от 60 до 80 тысяч человек» (W. Westermann, The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, Philadelphia, 1955, стр. 9).

[31] В XI речи Исея приводятся две подробные описи имущества некоего Стратокла, которое было оценено в 2 1/2 таланта и в 5 талантов 3 тысячи драхм, но ни в той, ни в другой описях рабы не фигурируют (Is., XI, 40—43).

[32] См., IG, 2², 1553—1578. Уестерман ссылается на М. Тода, который указывает, что эти рабы после того, как они были отпущены на волю, обычно продолжали свое прежнее занятие (Westermann, ук. соч., стр. 13, прим. 24).

[33] Xen., Vect., IV, 14—15; Plut., Nic., IV. Уестерман правильно заключает, что приведенные здесь Ксенофонтом цифры «заслуживают мало доверия, так как сообщены автором, который принадлежал к последующему поколению, и они известны ему только понаслышке; ведь о рабах, отдававшихся на рудники даже в его время, он мог сказать только то, что их было много» (Westermann, ук. соч., стр. 8).

[34] Местоположение неизвестно.

В Платаврах виноград, смоквы, маслины 20 драхм, [налог] 3 обола» (II, 81—89).

«Ферекла, сына Ференикэя, из Фемака,
обвиненного в обоих нечестиях: дом в Бате и участок...,
другой участок у....,
участок у Пифия...,
место для дома болотное и бесплодное у Пифия,
другой участок у святилища Геракла,
половина пастбища и канала, [идущего] от храма в Пифии,
а другая половина в Кикале.
Все это продано вместе за 1200 драхм, [налог] 12 драхм» (VI, 93—107).

«Алкивиада фегусийца в Оропе... урожай с участка 20 драхм [налог]...» (VIII, 4—6).

«Урожай был привезен из земли в Офринии [35] 50 драхм, [налог] 1 драхма» (X, 11).

«Урожай 20 драхм, [налог] 3 обола» (X, 31—32).

Кроме того, на фрагменте X стелы (16—18) зафиксированы цены в 105 драхм за участок в Гаргетте, в 205 драхм — за участок вместе с домом и садом в Мирринунте и в 10 драхм — за участок в Афиднах.

Теперь рассмотрим, каковы же цены на рабов. В списке рабов метека Кефисодора из Пирея представлены следующие цены:

«Кефисодора, метека в Пирее:

фракиянка	165 драхм, [налог] 2 драхмы,
фракиянка	135 драхм, [налог] 1 драхма,
фракиец	170 драхм, [налог] 2 драхмы 3 обола,
сириец	240 драхм, [налог] 2 драхмы 3 обола,
кариец	105 драхм, [налог] 1 драхма 3 обола,
иллириец	161 драхма, [налог] 2 драхмы,
фракиянка	220 драхм, [налог] 2 драхмы 3 обола,
фракиец	115 драхм, [налог] 1 драхма 3 обола,
скиф	144 драхмы, [налог] 1 драхма 3 обола,
иллириец	121 драхма, [налог] 1 драхма 3 обола,
колх	153 драхмы, [налог] 2 драхмы,
мальчик кариец	174 драхмы, [налог] 2 драхмы,
ребенок из Карии	72 драхмы, [налог] 1 драхма,
сириец	301 драхма, [налог] 3 драхмы 1 обол,
мелиттенянин [36]	151 драхма, [налог] 2 драхмы,
лидиянка	60 драхм, [налог] 2 драхмы, (I, 33—49).

На I и II стелах сохранились цены на пять рабов:

«Пист 202 драхмы, [налог] 2 драхмы 1 обол» (I, 28).

«Сконис, рожден в доме, трапедзопойос [37], 225 драхм, [налог] 2 драхмы,
Алекситим, рожден в доме, погонщик ослов, 140 драхм, [налог] 2 драхмы,
Потэний, кариец, ювелир, 360 драхм, [налог] 4 драхмы,
Поликсена, македонянка, 310 драхм, [налог] 3 драхмы, 3 обола», (II, 71—80).

Кроме того, как мы уже указывали (стр. 120), на X стеле записаны цены еще на двух рабов — 195 и 130 драхм.

Даже при самом поверхностном сопоставлении этих данных с ценами на урожаи и на земельные участки видно, как дорого обходилась владельцам таких участков покупка рабов. Можно согласиться с мнением А. И. Тюменева, который еще в 1935 г. писал: «... при преобладании мелких хозяйств число сельскохозяйственных рабов не было осо-

---

[35] Strabo, XIII, 1, 29.

[36] Житель иллирийского о-ва Мелиты в Адриатическом море или Мальты, как считают некоторые; Притчетт думает, что этот раб был родом из Каппадокии (см. «Hesperia», XXV, стр. 278, прим. 10).

[37] Мы оставляем здесь это слово без перевода; значение его рассматривается ниже.

бенно велико, и во всяком случае не они составляли главную массу рабов. У нас нет никаких прямых данных относительно числа сельскохозяйственных рабов в Греции, все же некоторые случайные сведения, какие имеются на этот счет, дают достаточно характерную картину. В 415 г., во время процесса гермокопидов в Афинах, было арестовано много граждан, имущество которых было конфисковано. В числе арестованных немало было землевладельцев, и из этих последних большая часть не имела рабов вовсе, остальные же имели не более 1—4 рабов» [38].

Правда, у Аристофана в комедиях «Ахарняне» и «Мир» земледельцы среднего достатка Дикеополь и Тригей имеют по два раба, но это не может служить доказательством того, что каждый крестьянин в Аттике владел рабами. Ведь в этих комедиях Аристофан рисует не действительную, а идиллическую картину сельской жизни, которая должна наступить после заключения мира, и в этой идиллии он образно воплощает мечты мелких и средних слоев трудового населения, разоренных войной. А в рабовладельческом обществе идиллия без рабов не могла сойти за полноценную идиллию, за идеал мелкого земледельца или ремесленника.

Малое число рабов на стелах говорит, по-видимому, о том, что большинство осужденных получало доходы не от ремесленного производства и не от эксплуатации рудников. Как мы видели, Никид брал на откуп сбор налогов за пользование реками, Адимант имел доходные дома, Фэдр сдавал в аренду дома и земли. Каковы были источники дохода других осужденных, мы не знаем, но важно отметить, что на стелах в описи их имущества ничто не указывает на наличие у них эргастериев или хотя бы мелких мастерских. Единственный из обвиненных, кто, вероятно, имел такую мастерскую,— это метек Кефисодор из Пирея. За списком принадлежавших ему 16 рабов на стеле следует пробел в 40 строк, за которым идет запись о продаже чугунов, различных вертелов, медного сосуда для нагревания воды и двух пар кузнечных клещей (I, 91—98). Если эти предметы входили также в его собственность, то, очевидно, он имел в Пирее какую-то мастерскую, в которой и работали указанные рабы. Это предположение кажется вполне вероятным, так как в Афинах бóльшая часть производства находилась в руках метеков и количество рабов Кефисодора по сравнению с числом рабов других осужденных является наибольшим.

Стелы служат единственным источником сведений о ценах на рабов за период от окончания Персидских войн до IV в. до н. э. [39]. Как мы видели, средняя цена на раба составляла 170—180 драхм, самая высокая — 360 драхм — отдана за ювелира, ремесло которого требовало особого искусства и навыков, а также за женщину македонянку (310 драхм), профессия которой нам неизвестна [40].

Ксенофонт в «Меморабилиях» сообщает, что в его время рабы стоили от пол-мины до 10 мин. Исходя из того, что в списке рабов Кефисодора ребенок кариец продан за 72 драхмы, Уестерман полагал, что указанная Ксенофонтом цена в пол-мины относилась к детям и объяснялась «элементом риска и издержками на воспитание до возраста, когда ребенок будет приносить доход, издержками, которые учитывались этой ценой» [41]. Но в списке рабов Кефисодора на стеле I фигурирует рабыня лидиянка, от продажной цены которой сохранились два знака [illegible] Δ (I,49). Прежние издатели стел, смущенные, по-видимому, столь низкой ценой, восстанавливали перед [illegible] знак Н [42],

[38] А. И. Тюменев, История античных рабовладельческих обществ, М.—Л., 1935, стр. 50—51.

[39] Уестерман (ук. соч., стр. 13) отмечает, что выкупная цена за пленного во времена Греко-персидских войн составляла 200 драхм.

[40] У Гиперида приводится цена в 300 драхм за рабыню, занимавшуюся проституцией (Hyp., V, 2).

[41] Westermann, ук. соч., стр. 14.

[42] Ditt., Syll., I³, 24.

но Притчетт отвергает это восстановление, так как место, где записана сумма, является, по его мнению, первоначальной поверхностью камня, на котором перед никаких знаков не обнаруживается [43]. Следовательно, цена лидиянки составляет не более 70 драхм, и указанные Ксенофонтом 50 драхм могли быть ценой и за взрослых рабов низкого качества.

На стелах названы рабы пяти профессий: обелископойос (VI, 20), погонщик ослов (II, 76), сапожник (VI, 21—22), трапедзопойос (II, 73), ювелир (II, 78). Притчетт отмечает, что «обелископойос» — новое для нас слово. Словом ὀβελίσκος обозначали железные вертела и вообще предметы, похожие на вертел,— гвозди и пр. Поэтому ὀβελισκοποιός может означать слесаря, копейщика, гвоздильщика, изготовителя серпов и т. п. Слово «трапедзопойос» объясняют по-разному. В словаре Лидделл-Скотта этот термин определяется как раб, который накрывает на стол. Согласно другому объяснению,— это плотник, делающий столы. Лексикографы обращали внимание также на сходство слов τραπεζοποιός и τραπεζοκόμος, на основании которого этот термин они определяли как раб, который заботится о слугах, посуде, о приеме гостей. Афиней цитирует два фрагмента комических поэтов IV в. Филемона и Антифана, где говорится, что τραπεζοποιός моет тарелки, зажигает лампы, приготавливает возлияния. Афиней определяет его как τὸν τραπεζῶν ἐπιμελητὴν καὶ τῆς ἄλλης εὐκοσμίας — «заведующий едой и остальным порядком (приема гостей)» (IV, 170 d — e). Поллукс считает, что это — ὁ πάντων τῶν περὶ τὴν ἑστίασιν — «заведующий всем, что касается угощения» (III, 4).

Слову σκυτοτόμος Притчетт также приводит ряд объяснений, указывая, что основное значение его «работник по коже, закройщик кожи». Иногда σκυτοτόμος означает «изготовитель всех кожаных изделий», но чаще этот термин употребляется в специальном значении — «сапожник» [44].

На стелах среди собственности Адиманта названы два сапожника — Аристарх и Сатир (VI, 22—23), а несколькими строками ниже следует запись имущества Аристарха:

«Из имущества сапожника Аристарха...
высокие деревянные башмаки...,
легкие башмаки, балки, кровать,
кровать, стол» (VI, 31—46).

Как мы видим, в собственность раба Аристарха входила не только продукция его ремесла — обувь, но две кровати, стол, четырехугольные балки (по-видимому, от его жилища). Общий список имущества занимал 14—15 строк. Естественно, что если бы этот раб жил в доме своего господина, то при конфискации собственности Адиманта и раб, и имущество, которым он пользовался, были бы включены в собственность его хозяина. То же обстоятельство, что при продаже это имущество фигурировало отдельно как имущество раба, наводит нас на мысль, что сапожник Аристарх жил отдельно от хозяина, имел собственное жилище и мебель и распоряжался самостоятельно продукцией своего труда, т. е. относился к тем рабам μισθοφοροῦντες, которые, находясь на оброке, выплачивали хозяину какой-то процент от своего заработка.

Другой пример отпуска рабов на оброк, относящийся к этому же времени, мы находим в речи Андокида «О мистериях». Там рассказывается, что один из доносчиков, некий Диоклид, сообщил Совету Пятисот, что он увидел ночью большую группу лиц (которых он заподозрил в повреждении герм), когда шел в Лаврий, чтобы получить оброк с раба [45].

---

[43] «Hesperia», XXII, стр. 246, комм. к I, 49.
[44] «Hesperia», XXV, стр. 279—280.
[45] A n d., I, 38.

тысячелетия после Фукидида в греческом языке не появилось термина для обозначения чумы и, надо полагать, не потому, что не было за этот промежуток времени массовых эпидемических заболеваний, а потому, что термин λοιμώδης νόσος — «заразная болезнь» — в достаточной степени определял уровень медицинских знаний того времени.

Этими же терминами пользуется и Филострат Флавий — современник тяжелой эпидемии, поразившей Римскую империю в конце II в. н. э.: ...λοιμὸ δὴ ὑφερπόντος τὴν Ἐφέσον καὶ ὅτως ἀνοιδδσης τῆς νδσο (Vita Apol., IV, 4, 1). Переводчик «Жизнеописания Аполлония Тианского» передает термин νόσος современным нам словом la peste — «чума»: «Cependant la peste commençait à se glisser dans Ephèse» [7].

Надо, однако, отметить, что и те авторы, которые описывали знаменитую, так называемую Юстинианову, чуму, терзавшую Восточную Римскую империю в течение 52 лет,— Прокопий Кесарийский и Евагрий—пользовались почти теми же терминами. Так, Прокопий пишет: Ὑπὸ δὲ τούτους χρόνους λοιμὸς γέγονεν (Pers., II, 22, 12). Далее он пользуется знакомым нам термином νόσος, который переводчик прошлого века Дестунис переводит уже как «чума» [8]. «История церкви» Евагрия на русский язык не переведена, в английском же переводе употребляемые Евагрием термины νόσος и — гораздо чаще πάθη (IV, 29, 1—2) переданы словом pestilence [9], что может быть переведено на русский язык и как «чума», и как «моровая язва», «поветрие». На греческом языке название главы, которая по-английски кратко именуется Pestilence, звучит так: Περὶ τοῦ λοιμικοῦ πάθους —«О тлетворной (заразной) болезни (страдании)».

Заметим попутно, что английское обозначение моровой язвы — the pestilence — восходит, очевидно, к латинскому обозначению эпидемических заболеваний — pestilentia. Так, Элий Спартиан в биографии Адриана замечает как бы мимоходом: Fuerunt eius temporibus fames, pestilentia, terrae motus — «В его правление были голод, моровая язва, землетрясения» [10].

Итак, целью нашего введения было показать, что перевод терминов λοιμός и νόσος или λοιμώδες νόσος словом «чума» носит в значительной мере произвольный характер и основывается на общем впечатлении от описанной Фукидидом картины заболевания. Впечатлении ложном, как мы постараемся показать.

Единственным источником наших сведений о поразившем Афины в 430 г. до. н. э. заболевании, оставленным нам современником этого события, является «История» Фукидида. Добросовестный историк, участник событий Пелопоннесской войны, сам перенесший заболевание, Фукидид дает замечательное по своей точности описание этой страшной эпидемии (II, 49—51). В отличие от Фукидида, который не брался судить о причинах болезни, ибо даже врачи — его современники — совершенно не могли в них разобраться, Диодор выдвигает версию о причине этого заболевания. По его мнению, она состояла в том, что из-за многоснежной зимы весной и летом образовалось много болот, которые своими ядовитыми испарениями отравили воздух и заразили скученное за стенами Афин население (XII, 44). Плутарх ограничивается лишь упоминанием о моровой язве в Афинах в связи с описанием жизни и деятельности Перикла (Pericl., XXXVI, XXXVIII). Тем не менее и этот источник представляет интерес, так как содержит некоторые сведения о болезни Перикла и о причинах, которые, по мнению современников, вызвали болезнь в Афинах.

Для сравнения с рассказом Фукидида нами были также привлечены описания знаменитой, так называемой Юстиниановой, чумы в Византии в VI в. н. э., данные в уже упоминавшихся «Истории войн с персами, вандалами и готами» Прокопия Кесарийского

---

[7] Apollonius de Tyane. Sa vie, ses prodiges par Philostrate et ses lettres, trad. par A. Chassang, P., 1862.

[8] Здесь и далее перевод С. Дестуниса — Прокопия Кесарийского История войн римлян с персами, вандилами и готфами, СПб., 1880.

[9] Evagrius, The History of the Church, a New Translation from the Greek, L., 1846.

[10] SHA, Hadr., XXI, 5. Перевод С. П. Кондратьева — ВДИ, 1957, № 1.

и «Истории церкви» младшего его современника Евагрия. Прокопий был очевидцем чумы в Византии, Евагрий был свидетелем четырех последовательных эпидемий чумы в своем родном городе Антиохии, сам перенес в детстве эту болезнь и потерял от нее несколько детей, а затем взрослую дочь и внука. В своем описании эпидемии он обращает внимание на чрезвычайную длительность этого бедствия и ссылается на автора конца II в. н. э. Филострата, во времена которого чума длилась только 15 лет.

Все эти авторы, за исключением Диодора и Плутарха, были свидетелями описываемых ими эпидемий, а зачастую и сами перенесли болезнь (Фукидид, Евагрий). Естественно, что их описаниям можно вполне доверять. Для постановки современного диагноза следует, конечно, учитывать вероятность изменения заболеваний за прошедшие тысячелетия, а также, возможно, недостаточную осведомленность авторов в принятых в их время медицинских терминах. Кроме того, и само значение терминов зачастую изменялось коренным образом.

Итак, было ли заболевание, поразившее Афины в начале Пелопоннесской войны, чумой? Историки и медики прошлого столетия в этом не сомневались[11]. В отечественной исторической литературе также принято считать эту болезнь чумой [12]. Однако уже в начале нашего века и особенно в 40—50-х гг. появился целый ряд работ, авторы коpых доказывают, что описанное Фукидидом заболевание не было чумой, и выдвигают различные версии для объяснения картины этого заболевания. К их числу принадлежат Кроуфэрд, Зинссер, Холмс, Роллстон [13], на которых ссылается Шрюсбери, и сам Шрюсбери [14]. Некоторые полагают, что это комбинация бубонной чумы и сыпного тифа [15].

С нашей точки зрения, это заболевание не могло быть чумой. По современному определению, «чума (pestis) — острая инфекционная болезнь из группы зоонозов, протекающая в виде бубонной, септической и легочной формы, способная передаваться и через воздух» [16]. Начало вспышки любого зоонозного заболевания всегда связано с эпизоотией среди диких животных, для чумы — с эпизоотией среди грызунов [17]. Только после этого в процесс вовлекается человек, и возникает эпидемия. Все известные и детально исследованные эпидемии так называемой портовой чумы начинались с завоза больных грызунов — крыс — в тот или иной порт. Эпидемия 430 г., по словам Фукидида, была завезена в Афины из Египта через Лемнос, но афиняне не знали таких животных. Как отмечает Шрюсбери [18], ни одно из животных, описанных Аристотелем в его «Истории животных», не может быть отождествлено с черной крысой — основным источником чумы. Более того, в классическом греческом языке отсутствует слово, обозначающее крысу.

Между тем «можно считать установленным, что первое заболевание чумой, с которого начинается эпидемия, всегда возникает в результате контакта с больным грызу-

---

[11] J. A. F. Ozanam, Histoire médical générale et particulière des maladies epidémiques, contagieuses et épizootiques, 2-е изд., т. 4, P., 1835, стр. 6—8; W. Ebstein, Die Pest des Thukydides, Stuttg., 1899, стр. 17—18.

[12] Например, см. В. С. Сергеев, История древней Греции, 3-е изд., М., 1963, стр. 279.

[13] R. Crawfurd, Plague and Pestilence in Literature and Art, Oxf., 1914, стр. 26—33; H. Zinsser, Rats, Lice a. History, Boston, 1941, стр. 119—126; W. H. Holmes, Bacillary and Rickettsial Infections Acute and Chronic, N. Y., 1940, стр. 4.; J. D. Rolleston, The History of the Acute Exanthemata, L., 1937, стр. 8, 10.

[14] Shrewsbury, ук. соч., стр. 6.

[15] R. H. Major, War and Disease, L., 1942, стр. 17.

[16] БМЭ, т. 34, М., 1963, стр. 814.

[17] В. Н. Федоров, И. И. Рогозин, Б. К. Фенюк, Профилактика чумы, М., 1955, стр. 97.

[18] Shrewsbury, ук. соч., стр. 10.

ном» [19]. Инфекция передается от одного грызуна другому и от грызунов к человеку через укус переносчиков чумы — блох. Возникающее при этом заболевание всегда носит характер так называемой бубонной чумы. Само русское слово «чума» происходит от древнеарабского слова «джумма» [20], что в переводе означает «боб»; действительно, характерные для этой болезни припухшие лимфатические узлы (бубоны) внешне напоминают боб. Можно, правда, слово «бубон» с большим успехом вывести и из греческого слова βουβών — «пах», «опухоль в паху» (по Аристотелю) [21]. Именно в этом смысле употребляют это слово Прокопий Кесарийский и Евагрий. И именно отсутствие описания бубона у больных афинян является одним из основных аргументов против отождествления болезни, описанной Фукидидом, с чумой.

Прокопий Кесарийский пишет: «.... у одних в тот же день, а у других на следующий или немного дней после показывался желвак (βουβών) не только в пахах, но и под мышкою, а у некоторых близ уха» (Pers., II, 22). Заметим попутно, что Прокопий употребляет при описании явно чумного заболевания тот же термин, что и Фукидид, λοιμός — «зараза». От этой «заразы» пострадал и сам император Юстиниан: «... занемог и царь, у него тоже появился желвак» (Pers., II, 23).

Описание Евагрия особенно ярко характеризует тяжесть поразившего Римскую империю бедствия, причем следует обратить особое внимание на то место, где говорится о полном опустошении городов. Как будет показано ниже, ничего подобного не наблюдалось во время эпидемии, описанной Фукидидом. В главе «Чума» Евагрий пишет: «Я должен также рассказать о чуме, которая появилась в этот период и распространилась на весь мир в течение 52 лет — обстоятельство, которого никогда не было. Спустя два года после пленения Антиохии персами разразилась чума, по некоторым признакам похожая на описанную Фукидидом, по другим — сильно отличающаяся. Она началась из Эфиопии, как это ныне известно, и с успехом проделала круг по всему миру, не оставив, как я полагаю, непосещенным ни одного места, где живут люди. Некоторые города были столь сильно поражены, что совершенно обезлюдели» (IV, 29). Евагрий отмечает чрезвычайное разнообразие течения болезни, но среди других описывает, как весьма характерное, течение болезни с бубоном: «... в других случаях образовывался бубон, за которым следовала очень сильная лихорадка, и пострадавший умирал в конце второго или третьего дня..., другие умирали в бреду, а некоторые — при вскрытии карбункулов» (IV, 29).

Очень важным обстоятельством для определения характера заболевания является установление путей передачи болезни. «Все наблюдения последних 50 лет ясно показали,— пишут Федоров, Рогозин и Фенюк,— что человек, больной чумой в неосложненной бубонной форме, практически не является источником заболевания для окружающих, поскольку у него процесс протекает закрыто и рассеивание заразы вокруг человека, больного бубонной чумой, не происходит» [22].

Именно на эту интересную особенность обратил внимание Прокопий Кесарийский: «... ни врач, ни другой кто не заражался от прикосновения к больным или умершим. Многие, погребая чужих людей или прислуживая им, против всякого чаяния оставались в это время здоровы, между тем как другие вдруг умирали, пораженные болезнью без всякой известной причины» (Pers., II, 22). Во время же эпидемии, описанной Фукидидом, врачи «.... чаще всего умирали сами, чем более входили в соприкосновение с больными» (II, 47, 4), и, более того, «если же иные и приближались к больным, то погибали сами, больше всего люди, желавшие оказать какую-либо услугу другому» (II, 51, 5).

Врачи во время Юстиниановой чумы пытались выяснить причины болезни и были недалеки от истины, полагая, что она кроется в бубонах: «...некоторые врачи..., полагая,

[19] А. Ф. Билибин, К. В. Бунин, Курс инфекционных болезней, М., 1956, стр. 319—320.

[20] Там же, стр. 319.

[21] И. Х. Дворецкий, Древнегреческо-русский словарь, М., 1958.

[22] Федоров и др., ук. соч., стр. 97.

что зародыш болезни заключается в желваках, решились рассмотреть тела умерших и, прорезав несколько желваков, нашли, что в них образовался какой-то страшный уголь (карбункул?). Одни умирали от него тотчас, другие несколько дней спустя; у некоторых тело покрывалось черными пупырьями величиною с чечевицу. Эти люди не переживали и одного дня; скоро испускали дух. Многих погубило тотчас же кровохарканье, развившееся само собою» (Procop., Pers., II, 22).

Трудно предположить, что во времена Фукидида асклепиады, ученики Гиппократа, были менее пытливыми врачами, нежели во времена Прокопия Кесарийского, и не пытались выяснить причин болезни. Да и сам Фукидид пишет о том, что причину найти не могли: «дело в том, что врачи были бессильны» (II, 47, 4). Между тем, как это видно из приведенной цитаты, врачи — современники Прокопия — связывали болезнь с наличием бубона. Более того, сам Прокопий дает довольно точное описание генерализации заболевания — появление черных «пупырьев» и кровохарканья.

Может возникнуть возражение, что Фукидидом описаны как раз септическая и легочная формы чумы, но, во-первых, септическая чума и вторичная легочная чума невременно начинаются с бубонной формы, чего, как мы показали, в Афинах не наблюдалось; во-вторых, первичная легочная чума отличается крайней тяжестью, необычайно высокой заразительностью и, что самое главное, при отсутствии современных средств лечения — стопроцентной смертностью. «Первичная легочная чума развивается внезапно и протекает быстро и бурно. Озноб, головная боль, рвота, высокая температура, сильная одышка, сердцебиение, частый пульс, режущие боли в груди, кашель с кровавой мокротой, нередко бред, позже прострация и, наконец, кома, кончающаяся смертью,— вот главные признаки этой формы чумы. Смерть наступает в течение 2—4 дней» [23].

Кровохарканье описывают и Прокопий Кесарийский, и Евагрий. Фукидид о нем не упоминает, хотя и отмечает кашель и страдания в груди. Гибель больных в Византии и Антиохии наблюдалась на второй-четвертый день, в Афинах — на седьмой-девятый.

Болезнь, описанная Фукидидом, была весьма заразительна, но тем не менее врачи заболевали тем более, чем более входили в контакт с больным, тогда как Евагрий знает случаи, когда для заражения было подчас достаточно лишь войти в комнату, где находился больной. Он пишет: «Пути, которыми передается болезнь, были различны и не поддавались учету; так, некоторые заболевали от того, что жили с зараженными, другие только от прикосновения к ним, третьи — только от того, что лишь входили в их комнаты, иные — только от посещения публичных мест. Некоторые, сбежав из зараженного города, сами спасались, но передавали болезнь здоровым. Некоторые избегали заболевания, хотя и были вместе со многими заболевшими и прикасались не только к больным, но и к мертвым» (IV, 29).

Кажущееся противоречие между меньшей заразительностью бубонной чумы, которая в Афинах не наблюдалась, и большей заразительностью легочной чумы по сравнению с заразительностью описанного Фукидидом заболевания объясняется особенностями этих двух форм чумы и их коренным отличием от эпидемии в Афинах. Бубонная чума возникает главным образом при укусе блох — переносчиков чумы — и, будучи закрытой формой заболевания, от человека к человеку не передается. Напротив, легочная чума, являясь капельной инфекцией, передается по воздуху и, поражая дыхательные пути здорового человека, приводит к молниеносному развитию болезни. «Чума Фукидида занимает промежуточное положение: для ее передачи требуется время, она передается от человека к человеку сравнительно медленно.

Наконец, последнее обстоятельство, которое говорит против того, что описанное Фукидидом заболевание было чумой, заключается в сравнительно небольшой смертности от этой инфекции. Юстинианова чума унесла половину жителей Империи, обошла (и притом несколько раз) всю ее территорию, опустошила многие города, длилась более 50 лет и наблюдалась во все сезоны года. Эпидемия в Афинах унесла самое большее чет-

[23] Билибин, Бунин, ук. соч., стр. 322.

вертую часть населения, наблюдалась почти исключительно в Афинах, вспыхивала каждый раз в периоды осады, длилась около четырех лет и практически не распространилась по Греции. Стопроцентной смертности не наблюдалось никогда ни в одном населенном пункте, ибо такое событие Фукидид ни в коем случае не мог бы обойти молчанием. Он пишет, что «в Пелопоннес болезнь не проникла, по крайней мере, в такой силе, чтобы стоило говорить о том; больше всего она охватила Афины, а затем и другие местности, гуще всего заселенные» (II, 54, 5).

Изложенного, на наш взгляд, достаточно, чтобы с уверенностью утверждать, даже не вдаваясь в подробный анализ клиники чумы и описанного Фукидидом заболевания, что эпидемия в Афинах V в. не была чумой. Однако относительно того, какое это было заболевание, существуют самые разнообразные мнения.

Весьма своеобразно и в то же время наименее вероятно мнение Финли [24]. Он считает, что поразившее афинян бедствие вовсе не было эпидемией, а являлось массовым отравлением спорыньей (маточными рожками — Secale cornutum, грибком, поражающим ржаные колосья). По мнению Финли, в период осады Афин хлеб завозился из Фракии, где в классический период выращивали рожь, и афиняне, питаясь хлебом, пораженным спорыньей, погибали от отравления. Однако против этой гипотезы, помимо самой картины отравления, протекающего остро и не носящего характера постепенно развивающегося заболевания, говорит целый ряд фактов.

Прежде всего, основной приток хлеба шел не из Фракии, а из Северного Причерноморья, где культивировали пшеницу, а не рожь. Затем, болезнь имела явно египетское происхождение и поразила и Лемнос, куда, надо полагать, хлеб из Фракии не завозили. То обстоятельство, что болезнь поражала всех — и бедных и богатых — также имеет немаловажное значение, ибо трудно предположить, что Перикл и другие богатые люди даже во время осады питались ржаным хлебом. Наконец, если предположить, что болезнь зависит от потребления фракийского хлеба, то прежде всего ею должны были быть поражены осаждавшие Потидею войска, между тем болезнь была туда завезена афинскими гоплитами из отряда Гагнона. Явная заразительность болезни, передача ее от больного к здоровому также решительно свидетельствуют против массового отравления спорыньей.

Другая гипотеза, поддерживаемая Роллстоном [25], заслуживает гораздо большего внимания. Он разделяет мнение, что это заболевание было эпидемией черной оспы, занесенной из Египта. Здесь она, по-видимому, существовала в течение многих столетий, о чем говорит обезображенное этой болезнью лицо мумии фараона Рамсеса V [26]. Поэтому завоз ее в V в. в Афины из Египта был вполне возможен. Наличие в числе симптомов оспы сильной головной боли, пустулезной сыпи, которую можно отождествить с φλυκταίναις μικραῖς Фукидида (II, 49,5), заболевание вследствие соприкосновения с умершими и относительно высокая смертность могут также говорить в пользу этого диагноза. Действительно, известно, что вирус оспы «столь жизнеспособен, что соприкосновение с телом больного после его смерти представляет значительную опасность» [27], и что «в некоторых... вспышках оспы смертность была очень высокой, часто достигая 30% и даже выше» [28]. Но если предположить, как это делает Шрюсбери [29], что инфекция обрушилась на «девственный» человеческий коллектив, в котором это заболевание никогда ранее не встречалось, то потери от оспы должны были бы быть гораздо более тяжелыми, а картина опустошений — похожей на описанную Прескоттом [30] оспу, занесенную испанскими конкистадорами в Мексику.

---

[24] J. H. Finley, Thucydides, Cambr. Mass., 1942, стр. 69—70.

[25] Rolleston, ук. соч., стр. 8, 10.

[26] «Курьер ЮНЕСКО», 1965, № 3, стр. 24.

[27] Т. Риверс, Вирусные и риккетсиозные инфекции человека, М., 1955, стр. 471.

[28] Там же, стр. 461.

[29] Schrewsbury, ук. соч., стр. 8.

[30] N. H. Prescott, The Conquest of Mexico, L., 1925, стр. 435 сл.

Однако целый ряд различий в клинике оспы и картине болезни, нарисованной Фукидидом, заставляет отвергнуть и этот диагноз. Прежде всего, для начального периода оспы наиболее характерны не головные боли, а боли в пояснице; при оспе никогда не наблюдаются потеря памяти и гангрена конечностей. Трудно предположить также, что Фукидид, сам перенесший болезнь, не заметил последствий оспы — рубцов на коже, которые неизменно оставляет оспа, протекающая даже в легкой форме.

Наиболее своеобразную точку зрения отстаивает Шрюсбери. Он утверждает, что заболевание в Афинах было вовсе не чумой, не оспой и не тифом, а... корью. Для подтверждения этой гипотезы Шрюсбери необходима вторая гипотеза, а именно, что заболевание это возникло в «девственном», неимунном коллективе, ибо только в таком случае можно объяснить распространение болезни среди людей всех возрастов. Приняв это допущение, Шрюсбери сравнивает эпидемию в Афинах с эпидемией кори на островах Фиджи и Фарерских, где было поражено взрослое, ранее никогда не соприкасавшееся с корью население. Вторым и едва ли не единственным заслуживающим внимания доводом является ссылка на описанное Фукидидом чувство нестерпимого внутреннего жара у больных, заставлявшее их сбрасывать одежду и кидаться в колодцы.

Однако этот симптом наблюдался далеко не при всех эпидемиях кори, а Риверс и Бунин вообще не обращают на него особого внимания. Утверждение, что среди осложнений при кори встречается слепота, также не вполне состоятельно, так как Риверс [31] указывает как на гораздо более частое осложнение на глухоту. Сыпь при кори наблюдается прежде всего на лбу и за ушами, а потом спускается на тело, между тем Фукидид говорит о появлении пузырьков и гнойничков на теле, а не на лице. Резкого возбуждения и чрезвычайно сильной головной боли при кори не наблюдается, напротив, характерна сонливость. Хотя Оуслер и Маккрэй, на которых ссылается Шрюсбери [32], и наблюдали при кори гангрены кожи и гениталий, однако подобное осложнение является редчайшим исключением, которое не отмечается ни в одном из руководств по инфекционным болезням. Все это позволяет отвергнуть оригинальную, но недостаточно доказательную гипотезу Шрюсбери.

Остается только одно эпидемическое заболевание, которое почти полностью укладывается в рамки «заразной болезни» Фукидида,— это сыпной тиф.

Эта точка зрения имеет в настоящее время много сторонников. Так, Кроуфэрд [33] безоговорочно убежден в том, что эта болезнь была сыпным тифом. Мэйджор [34] — сторонник диагноза чумы — тем не менее указывает, что это могла быть комбинация бубонной чумы и сыпного тифа. Холмс [35], полагая, что сыпной тиф не полностью исчерпывает картину болезни, утверждает, что эта была комбинация сыпного и брюшного тифов.

Можно согласиться с консультантом Гомма [36] — профессором университета в Глазго Фергэссоном, что за многие сотни лет, отделяющие нас от эпидемии в Афинах, классическая картина сыпного тифа хотя и могла измениться, однако не настолько, чтобы нельзя было установить, что это сыпной тиф. Фергэссон ссылается в качестве примера на изменчивость вирусных заболеваний, так называемой инфлюэнцы и гриппа. Однако риккетсиозные заболевания, каковым является и сыпной тиф, гораздо меньше подвержены изменениям во времени. Сам автор «Комментариев к Фукидиду» Гомм принимает точку зрения Фергэссона и также считает, что νόσος Фукидида — сыпной тиф, а не чума.

Эту же точку зрения разделяет, хотя и не доказывает ее, автор монографии «Сыпной тиф» К. М. Лобан [37]. По-видимому, он знаком с мнением Д. Д. Плетнева, кото-

---

[31] Риверс, ук. соч., стр. 534.

[32] Shrewsbury, ук. соч., стр. 23.

[33] Crawfurd, ук. соч., стр. 26—33.

[34] Major, ук. соч., стр. 16—17.

[35] Holmes, ук. соч., стр. 55—59.

[36] A. W. Gomme, A Historical Commentary on Thucydides, II, Oxf., 1956, стр. 151—153.

[37] К. М. Лобан, Сыпной тиф, М., 1960, стр. 3.

рый хоть и очень кратко, но с полной уверенностью заметил, что поразившее афинян бедствие было именно сыпным тифом «... Описанная Фукидидом болезнь была сыпным тифом, а не чумой. По сути дела чумой в древние и средние века назывались разнообразные опустошительные эпидемические заболевания..., критерием для чумы являлась не клиническая картина болезни, а поражаемость и смертность населения» [38].

Нам представляется целесообразным подробно рассмотреть доводы, которые позволяют утверждать, что «чума» Фукидида на самом деле была сыпным тифом. Отступая несколько от общепринятого порядка разбора заболевания, начнем прямо с клиники болезни, которая так подробно изложена Фукидидом. Чрезвычайно характерно начало болезни: «....сильный жар в голове, появлялась краснота и воспаление глаз» (II, 49, 2). Именно сильная головная боль, краснота лица и глаз являются весьма характерными симптомами сыпного тифа, который в просторечии часто именуется «головным» и «красным» тифом. Лобан пишет: «...болезнь начинается остро с повышения температуры и появления чувства жара, головной боли... особенно быстро усиливается головная боль, которая вскоре становится мучительной, ввиду чего появляется бессонница» [39]. Фукидид также обращает внимание на то, что «невозможность успокоиться и бессонница угнетали больного непрерывно» (IX, 49, 5). Беспокойство, описывает болезнь Лобан, переходит в состояние эйфории и возбуждения, вследствие чего больные в первые дни болезни могут оставаться на ногах. То же и у Фукидида: «Пока болезнь была во всей силе, тело не ослабевало» (II, 49, 6).

Весьма характерной для сыпного тифа является появление на теле сыпи, которая носит розеолезно-петехиальный характер и представляет собой массу розовых пятен с небольшими кровоизлияниями в них (петехии). Причем расположена она именно на теле (а не на лице). Свидетельство Фукидида о том, что «тело... было красноватое, синело и на нем высыпали пузырьки и нарывы» (II, 49,5), давало основание для различного диагностического толкования этого описания, причем этому способствовал подчас не совсем точный перевод терминов с древнегреческого языка. Так, например, Джоветт, переводом которого пользуется Шрюсбери, переводит ἡ φλύκταινα как the pustule, между тем термин «пустула» имеет уже несколько иной смысл, нежели «пузырек». В этом отношении перевод Мищенко на русский язык выгодно отличается от английского перевода.

Не вдаваясь, однако, в филологические тонкости, укажем, что иногда при сыпном тифе наблюдается приподнятая сыпь, так называемая elevata. Цвет кожи у некоторых больных имеет бледно-синеватый оттенок, причем кожные покровы приобретают своеобразную мраморность (так называемые «пятна Мерчисона» [40]). Все это, хоть и не полностью, укладывается в описание Фукидида. Следует, кроме того, иметь в виду изменение картины тифа на протяжении истории. Так, Я. Щировский, наблюдавший тиф в начале прошлого века, отмечал, что цвет кожи может быть не только с синевато-багровым оттенком, но даже с черноватым [41].

Некоторое затруднение представляет описание изменений со стороны дыхательных путей: «...гортань и язык тотчас затекали кровью, дыхание становилось неправильным и зловонным. После этих симптомов наступало чихание и хрипота, а немного спустя страдания переходили в грудь, что сопровождалось жестоким кашлем» (II, 49, 3). Лукреций, который заново и при этом даже более подробно описывает поразившую афинян болезнь, гораздо ярче и, с медицинской точки зрения, точнее характеризует это явление:

Следом за этим гортань, чернея глубоко, сочилась
Кровью, и голоса путь зажимали преградою язвы;

---

[38] Д. Д. Плетнев, Был ли Наум Прокофьев болен чумой?, «Клиническая медицина», X (1932), № 5—6, стр. 156.

[39] Лобан, ук. соч., стр. 52.

[40] Лобан, ук. соч., стр. 66.

[41] Я. Щировский, О гошпитальной горячке сочинение, СПб., 1811, стр. 24.

Мысли глашатай — язык затекал изверженной кровью,
Слабый от боли, в движеньи тяжелый, шершавый наощупь [42]

Этот «слабый от боли, в движеньи тяжелый» язык есть классический симптом, характерный именно для сыпного тифа и даже носящий специальное название «симптома Годелье»: больной сыпным тифом испытывает затруднение в высовывании языка, язык выдвигается медленно, толчками.

Катарр верхних дыхательных путей — насморк, першение в горле, сухой кашель и т. п.,— вообще говоря, характерен для сыпного тифа, однако в столь тяжелой форме в настоящее время не наблюдается. Но тут нам снова приходит на помощь описание сыпного тифа, наблюдавшегося русскими врачами во время военных действий против Наполеона в 1807—1808 гг. Я. Говоров [43] пишет о том, что губы больного были сухими, черные массы покрывали губы и язык, который принимал сине-багровый цвет. Отвратительное зловоние (путридный синдром) наблюдали, по сообщению Гомма [44], военные врачи во время эпидемии сыпного тифа в Карлэйле в 1781 г.

Симптомы неутолимой жажды и чувства жара в коже, которые Шрюсбери [45] считает характерными для кори, действительно, в настоящее время не выражены столь сильно. Однако Щировский [46] как на один из характерных симптомов указывал именно на «жгучий жар в коже», а Говоров [47] наблюдал палящий жар и сильную жажду. Бред, сопровождающийся резким повышением чувствительности (гиперестизией) кожи, отмечают и при современном сыпном тифе [48].

Труднее всего укладываются в рамки современного сыпного типа изменения со стороны желудочно-кишечного тракта. Правда, тошноту и рвоту, и горечь во рту— явления, аналогичные описанным Фукидидом, отмечал Говоров [49]. Но «сильное нагноение, сопровождавшееся жестоким поносом» (Thuc., II, 49, 6), истощавшее больных и приводившее их к смерти, может быть объяснено либо кишечным кровотечением, которое наблюдается иногда при тяжелом сыпном тифе, либо, что более вероятно, присоединившейся кишечной инфекцией.

Лучше всего соответствуют клинике сыпного типа описанные Фукидидом нарушения со стороны нервной системы: головная боль, бессоница, беспокойство, судороги, резкое возбуждение с сохранением сил почти до конца болезни, потеря памяти. Потеря зрения является редким осложнением, чаще наблюдается потеря слуха, однако и нарушения со стороны зрения также встречаются [50].

Наиболее характерное осложнение — поражение конечностей: «...болезнь давала себя знать поражением конечностей. Поражению этому подвергались детородные части, пальцы рук и ног, и многие с выздоровлением теряли эти члены» (II, 49,8).

Гомм [51], цитируя Мак Артура, пишет: «...даже если бы Фукидид сказал только, что при заболевании имеются поражения конечностей с гангреной, то это одно уже диагностически характерно именно для сыпного тифа». К. М. Лобан указывает, что чаще других отмечаются тромбофлебиты, причем в основном вен нижних конечностей» [52].

---

[42] Lucr., De rerum natura, VI, 1147—1150. Перевод Ф. А. Петровского — Лукреций, О природе вещей, М., 1958.

[43] Я. Говоров, Теория и способ лечения нервной повальной горячки с прибавлением мнения о заразительных болезнях, СПб., 1812, стр. 21.

[44] Gomme, ук. соч., II, стр. 149.

[45] Shrewsbury, ук. соч., стр. 20, 24.

[46] Щировский, ук. соч., стр. 11.

[47] Говоров, ук. соч., стр. 21, 25.

[48] Лобан, ук. соч., стр. 83.

[49] Говоров, ук. соч., стр. 22.

[50] Лобан, ук. соч., стр. 109.

[51] Gomme, ук. соч., II, стр. 153.

[52] Лобан, ук. соч., стр. 111.

Автор этих строк также наблюдал тяжелые поражения нижних конечностей, едва не закончившиеся потерей ноги, как результат заболевания сыпным тифом [53].

Еще одно указание Фукидида чрезвычайно характерно именно для сыпного тифа, а именно то, что врачи «чаще всего умирали сами, чем более входили в соприкосновение с больными» (II, 47, 4). На это обстоятельство — большую смертность среди медиков — обращали внимание во все времена. Так, Говоров [54] писал, что болезнь переходила к «сожительствующим и особливо — к прислуживающим». Недаром сыпной тиф носит специальное название болезни медиков — morbus medicorum. Описанная Фукидидом (II, 50) гибель животных (видимо, собак и ворон), поедавших трупы людей, не говорит ни о чуме, ни о сыпном тифе: к обеим инфекциям эти группы животных равно невосприимчивы — и зависела, скорее всего, от вульгарной трупной микрофлоры, быстро развивавшейся в телах погибших в жаркое летнее время.

Еще одно соображение говорит в пользу сыпного тифа — его инкубационный период. Скрытый период болезни — от заражения до заболевания — длится 10—12 дней (редко — до 23) [55]. Такое же примерно время — 7—10 дней — необходимо было афинским триерам, чтобы достичь Потидеи. Надо полагать, что в отряде Гагнона, отправившемся из Афин, не было явно больных гоплитов, иначе бы их не взяли в поход. Тем не менее вскоре по прибытии под Потидею как среди вновь прибывших, так и среди осаждавших появились больные: «из 4000 гоплитов в отряде Гагнона за 40 дней погибло 1500» (II, 58). За 40 дней могло пройти три-четыре волны заболевания, но самые первые больные, опасные для осаждавших, могли появиться не раньше, чем через 7—10 дней.

Остается последнее обстоятельство, необходимое для окончательного установления диагноза — сыпной тиф вместо чумы,— обстоятельство, относительно которого мы не находим никаких указаний у Фукидида. Дело в том, что сыпной тиф — вшивый тиф, распространяющийся главным образом с помощью платяных и в исключительных случаях [56] — головных вшей.

Но были ли у афинян вши? Шрюсбери [57] считает, что нет: афиняне, как и все греки, часто купались. Однако одного купания, как известно, отнюдь не достаточно для уничтожения вшей, особенно если не стирать в горячей воде нательное белье. Мы также считаем, что вши не были широко распространены в Греции, но по другим соображениям, о которых будет сказано ниже. А вот знали ли вообще греки о вшах и вшивости? Безусловно, да. Тот же Шрюсбери пишет, что Аристотель знал и описал вшей, причем твердо верил, что вши самозарождаются в коже человека. Геродоту, надо полагать, также были известны вши, если он обратил внимание на одно из племен, о которых писал, что они φθειροτραγέουσι (IV, 109). Однако из того, что Геродот и Аристотель знали о вшах, нельзя сделать ни того вывода, что у афинян были вши, ни обратного. Более того, общеизвестное широкое употребление масел и прежде всего оливкового масла для умащения кожи должно было препятствовать распространению вшей среди греков. Но, анализируя конкретную обстановку Пелопоннесской войны, нельзя задаваться таким вопросом вообще, нужно рассматривать условия, в которых находился народ в те или иные периоды войны, когда вспыхивала эпидемия.

Большинство авторов — медиков, анализируя характер болезни в Афинах, сосредотачивают свое внимание на эпидемии, разразившейся летом 430 г., и забывают о том, что болезнь эта длилась в течение нескольких лет и периодически повторялась в одних и тех же Афинах. Отсюда следует, что ни о какой эпидемии среди «девственного» коллек-

[53] М. В. Зенкевич, Н. Б. Мордвинова, А. Н. Алексеев, Результаты изучения вспышки сыпного тифа в Казахской ССР в 1961—62 гг., «Вопросы противоэпидемической защиты населения», изд. ИЭМ им. Гамалея, вып. 6, 1964, стр. 220—227.

[54] Говоров, ук. соч., стр. 27.

[55] П. Ф. Здродовский, Е. М. Голиневич, Учение о риккетсиях и риккетсиозах, М., 1956, стр. 181.

[56] Г. М. Дутова, Заражение риккетсиями Провачека головных вшей, «Вопросы вирусологии», 1964, № 3, стр. 364—366.

[57] Shrewsbury, ук. соч., стр. 10.

тива не может быть и речи, во всяком случае при повторных эпидемиях. Следовательно, несостоятельность коревой гипотезы Шрюсбери доказывается даже одним этим аргументом. Когда же повторялась болезнь? Летом 430 г., летом 428 г., зимой 427/426 г., т. е. в те годы, когда пелопоннесцы вторгались в Аттику. Вторжение 425 г. длилось всего 15 дней и в счет не идет. Т. е. болезнь вспыхивала только тогда, когда население Аттики скапливалось за крепостными стенами Афин. Принимая причину за следствие, Фукидид пишет: «...в довершение к постигшему бедствию афиняне были угнетены еще скоплением народа с полей в город, особенно пришельцы. Так как домов не доставало и летом они жили в душных хижинах, то и умирали при полнейшем беспорядке... Святыни, где расположились в палатках пришельцы, полны были трупов (II, 52, 1—3).

Но помимо скопления крестьян, живших в хижинах и палатках, каковы были условия жизни афинян-горожан? Так ли уж они были хороши и благоустроены? Раскопки американских археологов вблизи агоры показали, что это далеко не так. Например, ширина типичной для Афин V в. улицы к западу от ареопага составляла всего 3—4 метра, размер комнат в доме — 8,6 × 3,0 м, ванн в домах не было, они появляются в Афинах только в римский период [58]. Другая дорога, раскопанная к юго-западу от агоры, шириной в 5 м, окружена маленькими домами с иррегулярным планом строения. Такой дом представлял, видимо, комбинацию жилого дома с лавкой [59]. Последующие раскопки западной и восточной улиц, идущих с агоры, и частных домов V в. до н. э. заставили Томпсона полностью согласиться с мнением писателя и путешественника эллинистического периода Псевдо-Дикеарха, который писал после посещения Афин: «Весь город сух и недостаточно снабжен водой. Он плохо спланирован из-за своей древности. Большинство домов ветхи, лишь немногие — хорошие. С первого взгляда на Афины у путешественника возникает вопрос, действительно ли перед ним славный город Афины?» [60]. Раскопки подтвердили также, что город действительно был плохо снабжен водой. Водопровод Писистратидов не мог полностью удовлетворить потребность в воде. Это стало ясно после того, как были раскопаны приспособления (площадки, система терракотовых труб) для собирания дождевой воды. К V в. относится также довольно большое количество колодцев и цистерн для воды. Так, только в течение сезона 1957 г. было открыто 4 колодца и 2 цистерны [61].

Из всего этого можно сделать вывод о низком уровне гигиены большинства населения Афин, резко ухудшавшемся в периоды вторжения лакедемонян в Аттику, когда массы сельского населения стекались под защиту городских стен. Если воды едва хватало в мирное время, то в периоды осады использование ее для мытья и стирки представляется весьма сомнительным. А это, в свою очередь, говорит в пользу возможного распространения вшей среди населения.

Они, видимо, были и в относительно спокойное время, ведь не случайно герой «Ахарнян» Аристофана Дикеополь говорит:

Всегда являюсь первым на собрание,
Сижу и принимаюсь в одиночестве
Вздыхать, считать, рыгать, *чесаться*, волосы
Выдергивать, скучать [62]

В «Ахарнянах», правда, нет слов о том, что во время войны пострадали оливковые деревья: герои комедии жалуются на то, что вытоптаны виноградники, однако среди

[58] H. A. Thompson, The Excavation of the Athenian Agora. Twelfth Season. 1947, «Hesperia», XVII (1948), № 3, стр. 167, 172.

[59] H. A. Thompson, Activities in the Athenian Agora. 1955, «Hesperia», XXV (1956), № 1, стр. 48.

[60] H. A. Thompson, Activities in the Athenian Agora: 1957, «Hesperia», XXVII (1958), № 2, стр. 147.

[61] Там же, стр. 147—148.

[62] Aristoph., Acharn., 28, 31. Перевод С. Апта — Аристофан, Комедии, I, М., 1954.

благ, которые принесет мир, хор славит возможность высадить маслины и умащаться оливковым маслом (vv. 995—999). В другой комедии Аристофана «Мир» мы читаем и о гибели маслин (v. 634).

Приведенных выше косвенных доводов достаточно, как нам кажется, для того, чтобы показать, что в периоды осады, скученности населения в городе, недостатка воды и пищи и несомненного наличия, хотя, может быть, и небольшой, исходной вшивости возможно было распространение сыпного (вшивого) тифа среди афинян.

Одним из основных возражений противников сыпнотифозной теории, в частности Шрюсбери, является то, что Перикл, который заболел и погиб от распространившейся болезни, уж наверное не имел вшей. Но, во-первых, известно [63], что риккетсии — возбудители сыпного тифа — могут попадать в организм человека с вдыхаемой пылью. Во-вторых, вши покидают тело человека, находящегося в лихорадке или погибшего [64], и активно переползают на здоровых. Таким образом, даже случайного контакта с заболевшим или вдыхания зараженной пыли могло оказаться достаточным, чтобы заболеть сыпным тифом в период интенсивной эпидемии. Кстати, активным перемещением зараженных переносчиков на здоровых, ухаживающих за больными, объясняется описываемый Фукидидом факт гибели многих здоровых людей: «Если же иные и приближались к больным, то погибали сами, больше всего люди, желавшие оказать какую-либо услугу другому» (II, 51, 5). Перенесенный сыпной тиф оставляет стойкий, пожизненный иммунитет; «вторично болезнь, по крайней мере с смертельным исходом, не постигала никого» (II, 51, 6).

Сыпной тиф, передаваемый вшами, распространяющийся при наличии вшивости, скученности населения, голода, антисанитарного состояния, естественно, не мог найти подходящих условий для своего распространения в Спарте и других частях Греции, где условия жизни были удовлетворительными. Недаром Фукидид говорит о том, что в Пелопоннес болезнь не проникла, во всяком случае «в такой мере, чтобы стоило говорить об этом» (I, 54, 5). Следовательно, единичные заболевания были, но эпидемии не возникло, так как не было всех этих необходимых для нее условий. Не нашло подходящих условий для своего распространения это заболевание и среди осаждавших Потидею. Фукидид (II, 58) пишет, что после прибытия отряда Гагнона среди осаждавших появились больные, но после того как гоплиты Гагнона вернулись в Афины, осада продолжалась и успешно завершилась, следовательно, эпидемии среди осаждавших не возникло.

Отсутствуют данные о заносе болезни с афинскими войсками в места, куда совершали афиняне походы на протяжении 430—426 гг. (за исключением Потидеи). А ведь зимой 430/429 г., в период, когда эпидемия в Афинах еще не затихла, 20 кораблей во главе с Формионом были посланы к Навпакту и 6 — в Карию (II, 69, 1). В 429 г. 2000 гоплитов и 200 конных отправились в поход против халкидян Фракийского побережья (II, 79, 1), а в конце летней компании 427 г.— 20 кораблей со стратегом Лахетом — в Сицилию (III, 86, 1). В 426 г. афиняне под командованием Демосфена предприняли военные действия в Этолии (III, 107—114). И тем не менее ни в одной из этих местностей «чума» не распространилась. Нет сомнения в том, что настоящая чума была бы занесена во все эти пункты и в короткое время охватила бы всю Элладу.

И, наконец, последнее обстоятельство, которое окончательно убеждает нас в том, *что в Афинах имел место именно сыпной тиф, а не какое-либо другое заболевание и*, конечно же, не чума,— сравнительно невысокая смертность от этой болезни. Мы, разумеется, лишены возможности с точностью учесть количество погибших афинян, так как не знаем количества населения. Однако, судя по потерям в отряде Гагнона, в котором из 4000 погибло 1500 гоплитов, и считая, что все они переболели, получаем 37,5% погибших. Эти цифры не очень далеко отстоят от цифр смертности для тяжелых случаев

[63] М. К. Кронтовская, Ф. Г. Кротков, Т. В. Бочарова, А. Г. Гиндин, Верхние дыхательные пути как входные ворота лабораторной сыпнотифозной инфекции, «Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии», 1946, № 8—9, стр. 38—43.

[64] A. Buxton, The Louse, L., 1947, стр. 34.

сыпного тифа, приводимых Н. И. Рогозой — 30% — и даже меньше тех цифр смертности, которые, по подсчетам Н. И. Рогозы, наблюдал Я. Говоров в армии во время войны 1807—1808 гг.— до 42% [65].

Изложенного, на наш взгляд, достаточно для того, чтобы с уверенностью сказать, что так называемая чума в Афинах на самом деле была эпидемией сыпного тифа, тифа, ставшего на протяжении дальнейшей истории человечества непременным спутником войн, разорения, голода и осад.

Остается разобрать еще один вопрос. Сколь велико было влияние эпидемии на ход военных действий и на изменение политических настроений в Афинах? И можно ли в связи с этим согласиться с утверждением некоторых авторов, например Шрюсбери, что «чума» в Афинах вместе с неудачной Сицилийской экспедицией предопределили ход и исход Пелопоннесской войны?

Разумеется, гибель 25—30% населения Афин не могла не оставить тяжелого следа в воображении современников. Однако впечатление чрезвычайной тяжести постигшего Афины бедствия у последующих историков было обусловлено в значительной мере необыкновенно выразительным, эмоционально-насыщенным описанием Фукидида. Это не бесстрастное повествование историка последующих времен вроде Диодора Сицилийского, который спокойно разбирает возможные причины болезни, и не смиренное повествование историка-христианина вроде Евагрия или Прокопия Кесарийского, воспринимающего чуму как наказание господне, а полный боли и сострадания рассказ гражданина Афин о несчастье, обрушившемся на сограждан: «...болезнь прежде всего послужила для государства началом дальнейшего попрания законов. Теперь каждый легче отваживался на такие дела, какие прежде скрывались во избежание нареканий в разнузданности: люди видели, с какою быстротою происходила перемена с богачами, как внезапно умирали они, и как люди, ничего прежде не имевшие, тотчас завладевали достоянием покойников. Поэтому все желали поскорее вкусить чувственных наслаждений, считая одинаково эфемерными и жизнь, и деньги. Никто не имел охоты заранее переносить страдания ради того, что представлялось прекрасным, так как неизвестно было, не погибнет ли он прежде, чем достигнет этого прекрасного. Что было приятно в данную минуту и во всех отношениях полезно для достижения этого приятного, то считалось и прекрасным и полезным. Людей нисколько не удерживал ни страх перед богами, ни человеческие законы, так как они видели, что все гибнут одинаково, и потому считали безразличным, будут ли они чтить богов или не будут; с другой стороны, никто не надеялся дожить до той поры, когда понесет по суду наказания за свои преступления. Гораздо более тяжким приговором считался тот, который висел уже над головою, а потому казалось естественным прежде, чем он постигнет, насладиться хоть чем-нибудь от жизни.

Вот какого рода бедствие обрушилось на афинян и угнетало их в то время, когда и внутри города умирали люди, и за стенами его опустошались поля» (Thuc., II, 53,1—54,1).

В другом месте Фукидид, рассказывая о событиях 427—426 гг., пишет: «В следующую зимнюю кампанию болезнь вторично обрушилась на афинян; хотя она еще и не совсем затихла, однако был некоторый перерыв. Второй раз болезнь продолжалась не менее года, да в первый раз два года. Ни от чего другого не пострадали и не были ослаблены в такой степени силы афинян» (III, 87, 2). Стараясь оставаться бесстрастным и точным, Фукидид подсчитывает потери: из числа гоплитов — 4400 человек, из числа всадников — 300. Число остальных погибших «нельзя определить с точностью» (III, 87, 3).

Потери были действительно тяжелыми. Однако эпидемия сыпного тифа не помешала афинянам на протяжении всех этих лет — с 430 по 425 гг.— вести активные военные действия. В разгар эпидемии 150 кораблей во главе с Периклом отправляются под Эпидавр. Спустя некоторое время те же гоплиты под командованием Гагнона плывут

[65] Н. И. Рогоза, Исторический очерк изучения сыпного тифа, «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», т. 31, М., 1955, стр. 88.

к Потидее. Да и само вторжение лакедемонян в 430 г., самое длительное из всех, продолжалось около 40 дней. «Все время, пока пелопоннесцы находились в земле афинян, а последние были в морском походе, болезнь истребляла людей и в войске, и в городе. Поэтому и пошли речи о том, что пелопоннесцы, узнав от перебежчиков о появлении в городе болезни — да они и сами часто видели похороны — испугались и поспешили покинуть афинскую землю» (Thuc., II, 57, 1). Таким образом, хоть это звучит и парадоксально, эпидемия способствовала освобождению Аттики. Как уже упоминалось, осада Потидеи продолжалась и успешно завершилась несмотря на занос тифа в ряды осажденных. А после падения ее «афиняне отправили в Потидею колонистов из среды своих граждан и заселили город» (II, 70, 4). Зимой 430—429 гг. корабли афинян плавали к Навпакту и в Карию. В 429 г. 2000 гоплитов идут в поход на халкидян Фракийского побережья, в 428 г. 40 кораблей отправляются на Лесбос, а 30 под начальством Ассопия — к Пелопоннесу. Фукидид подробно перечисляет корабли, которые находились в распоряжении афинян в это время: «Аттику, Эвбею и Саламин охраняли сто кораблей, в пелопоннесских водах было других сто, в этот счет не входили еще те, которые находились подле Потидеи и в прочих местах. Таким образом, в одну летнюю кампанию всех кораблей в совокупности было у афинян двести пятьдесят» (III, 17, 2). Афинские корабли активно действовали в районе Керкиры, 20 кораблей было отправлено в Сицилию, чтобы воспрепятствовать доставке хлеба в Пелопоннес. В 426 г.— активные, хоть и неудачные, военные действия в Этолии. И, наконец, в 425 г.— захват Пилоса, прервавший вторжение пелопоннесцев в Аттику, в которой они пробыли всего 15 дней, затем поражение лакедемонян и захват в плен 120 спартиатов.

Поражение у Пилоса положило конец вторжениям пелопоннесцев в Аттику и одновременно — эпидемии сыпного тифа. Прекратились осады с их скученностью, голодом и недостатком воды, уменьшилось население, прекратился и сыпной тиф.

В пользу того, что Афины в ходе войны практически полностью преодолели последствия эпидемии, свидетельствует сама возможность организации Сицилийской экспедиции. Ведь спустя 15 лет после эпидемии в Сицилию отправилось четыре тысячи гоплитов и 300 конных воинов, а «государственная казна... поставила неоснащенных кораблей шестьдесят с быстрым ходом и сорок для перевозки гоплитов и дала к ним наилучшую команду» (Thuc., I, 23, 3). Из этого описания следует, что спустя полтора десятилетия после тяжелой эпидемии, к тому же тянувшейся несколько лет, Афины в значительной степени оправились и смогли выставить войско для завоевательного похода, причем войско по численности не меньше того, которое во главе с Периклом ходило на Эпидавр (VI, 31, 3).

Однако не следует думать, что на продолжении активных боевых действий не сказалось моральное потрясение, вызванное этой эпидемией. Напротив, можно полагать, что сыпной тиф вкупе с разорением полей и виноградников сыграл немалую роль в росте антивоенных настроений афинян и сторонникам продолжения военных действий приходилось преодолевать значительное сопротивление миролюбиво настроенных группировок, главным образом аттических земледельцев, загнанных вторжениями в город и более всего страдавших и от разорения полей, и от болезни, которая косила прежде всего именно их, лишенных крова, а зачастую и пищи. Эпидемия тифа и изменение настроений афинян привели даже к смещению Перикла с должности стратега. Очень образно описывает это событие Плутарх: «Болезнь имела вредное влияние и на тело, и на душу граждан: они озлобились на Перикла. Как люди, обезумевшие от болезни, оскорбляют врача или отца, так и афиняне стали дурно относиться к Периклу по наущению его врагов, которые говорили, что болезнь эту производит скопление деревенского народа в городе, когда множество народа в летнюю пору принуждено жить вместе, вповалку, в тесных хижинах и душных сараях, вести жизнь сидячую и праздную вместо прежней жизни на чистом воздухе и на просторе; а виноват в этом тот, кто в связи с войной загнал деревенский люд в городские стены и ни на что не употребляет такую массу народа, а спокойно смотрит, как люди, запертые подобно скоту, заражаются друг от друга, и не дает им возможности изменить свое положение и подышать свежим воздухом» (Pericl., XXIV).

Отстранение Перикла от должности стратега было выражением неудачи его плана ведения войны. И причиной этой неудачи был сыпной тиф. В избранной Периклом стратегии активной войны на море и обороны на суше была своя Ахиллесова пята: тесный, пыльный, недостаточно снабженный водой город не мог безнаказанно выдержать скопление сельского населения за своими стенами. Антисанитарное состояние его, скученность населения, недостаток воды, распространение в связи с этим вшивости и занесенный извне, а может быть, имевшийся и раньше возбудитель привели к вспышке сыпного тифа, к эпидемии, тянувшейся до тех пор, пока продолжались вторжения врагов в Аттику. И только перемещение центра тяжести военных действий из Аттики в другие части Эллады и прекращение вторжений пелопоннесцев в Аттику в связи с поражением лакедемонян у Пилоса полностью прервали течение тифа.

Итак, резюмируя все изложенное, можно сказать, что так называемая чума в Афинах, оказавшаяся эпидемией сыпного тифа, не имела решающего влияния на ход военных действий в первый период Пелопоннесской войны, однако сыграла несомненную и немалую роль в усилении миролюбивых настроений в определенных слоях афинского народа, более всего пострадавших от вторжений пелопоннесцев и болезни.

А. Н. Алексеев

ПОДРАЖАНИЯ МЕДНЫМ МОНЕТАМ ГОРОДОВ ПОНТА И ПАФЛАГОНИИ ВРЕМЕНИ МИТРИДАТА VI ЕВПАТОРА

На период правления понтийского царя Митридата VI Евпатора падает выпуск большого числа медных монет разных типов и номиналов, чеканенных практически всеми городами Понта и Пафлагонии. Изучение этих эмиссий интересно не только по тому, что они в сфере медной монеты обслуживали денежное обращение наследственных областей понтийского царя на протяжении более полувека. Многочисленные находки монет такого рода в Восточном (Колхида) и Северном (Боспор, Херсонес, Ольвия) Причерноморье предполагают их ведущую роль и в местном денежном хозяйстве [1]. Поэтому исследование городской монетной меди городов Понтийского царства конца II — первой половины I в. до н. э. неизбежно затрагивает широкий круг проблем.

Просмотр этих монет собраний Эрмитажа, Исторического музея, Музея изобразительных искусств и некоторых других коллекций [2] позволил выделить несколько экземпляров, которые следует квалифицировать как «варварские подражания». За это говорит ряд признаков, не свойственных обычным понтийским монетам. Здесь мы отметим лишь очень низкий вес подражаний (от 3,85 до 7,15 г при среднем весе прототипов около 8 г), а такой решающий признак, как искажение изображений, становится очевидным при сопоставлении подражаний и их прототипов, которое приведено в конце настоящей заметки (см. «Приложение»).

---

[1] Д. Г. Капанадзе, К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 146 сл.; К. В. Голенко, Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках, ПС, 11, 1964, стр. 58 сл.; он же, Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э., ВДИ, 1964, № 4, стр. 50 сл.; А. Н. Зограф, Находки понтийских монет мифрадатовского времени в Ольвии, сб. «Ольвия», I, Киев, 1940, стр. 293 сл.; П. О. Карышковский, Денежное обращение Ольвии в конце II и первой половине I в. до н. э., НЭ, V, 1965, стр. 62 сл.

[2] Пользуемся случаем принести нашу искреннюю признательность всем предоставившим материалы для настоящей работы.

Вместе с тем нередкая небрежность изготовления понтийской монетной меди заставляет нас обойти вниманием некоторые экземпляры монет, подражательный характер чекана которых мы можем лишь подозревать, хотя и с достаточной долей вероятности. Надо думать, что тщательное исследование (в порядке составления корпуса) понтийских медных монет митридатовских выпусков позволит выделить из их числа ряд новых подражаний, характерные особенности которых менее бросаются в глаза, чем у монет, рассматриваемых здесь.

Установить образцы наших подражаний не трудно. Это две разновидности монет одного самого распространенного номинала — тетрахалка. Монеты первой разновидности (№ 1—6) имеют на лицевой стороне изображение головы Ареса в шлеме и на оборотной — меч в ножнах [3]. Другая разновидность (№ 7—10) принадлежит к типу: эгида с Горгонейоном в середине — Ника, идущая с лавровой ветвью в руках [4]. Монеты этих типов чеканились от имени многих городов: наши монеты, исключая № 10 (название города неясно) и № 3 (Синопа), все следуют амисскому прототипу. Едва ли стоит придавать этому большое значение; судя по находкам, столичный чекан был ведущим [5].

Что касается датировки понтийской меди, которой следовали при изготовлении подражаний, то, принимая хронологию Ф. Имхоф-Блумера [6], тетрахалки с эгидой (табл., *В*) нужно относить к 105—90 гг. до н. э. Несколько сложнее дело обстоит с монетами типа: Арес — меч. Эти последние распределяются между двумя хронологическими группами: 111—105 гг. до н. э. (табл., *А* — *Б*) и 105—90 гг. до н. э. [7], которые различаются добавочными изображениями: одна монограмма или отсутствие таковых — для ранних, два или более добавочных изображения — для поздних. Едва ли мы ошибемся, признав прототипами подражаний ранние разновидности тетрахалков с Аресом. За это говорит не столько отсутствие монограмм на большинстве подражаний (такая малозначащая деталь типа опущена и у подражаний с эгидой), сколько наличие на одной из них (№ 2) бесспорно ранней монограммы Σ (ср. табл., *В*). Таким образом, подражания следовали образцам 111—90 гг. до н. э.

Как известно, подражания чеканились тогда, когда внезапно прекращалось поступление на рынок привычной, хорошо себя зарекомендовавшей монеты, игравшей роль основного платежного средства. Почти всегда подражания выпускались в варварской среде, достигшей той степени развития общественно-экономических отношений, при которой возникает денежное обращение, иными словами — потребность в монете. Те районы, где обращалась понтийская митридатовская медь, дали нам многочисленные образцы «варварских подражаний». Так, широко известны малоазийские (каппадокийские) подражания синопским и амисским драхмам IV—II вв. до н. э.; для данной области отмечены и более поздние подражания, времени Митридата VI: тетрадрахмам этого царя [8] и драхмам царей Каппадокии [9]. В Колхиде одной из основ местного денежного

[3] См., например, амисские и синопские монеты: E. Babelon, Th. Reinach, Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, t. I, fasc. 1, P., 1904 (далее — Rec.), табл. VII, *20*, *21*; табл. XXVI, *16*, *17*; F. Imhoof-Blumer, Die Kupferprägung des mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontos und Paphlagoniens, NZ, 1912 (далее — NZ, 1912), табл. I, *25—28*; наша таблица, *А* — *Б*.

[4] См., например, амисские монеты : Rec., табл. VIII, *1—4*; NZ, 1912, табл. II, *3*; наша таблица, *В*.

[5] Возможно, впрочем, исключение здесь составляют заключительные эмиссии тетрахалков Синопы.

[6] NZ, 1912.

[7] На наш взгляд, позднейшая разновидность тетрахалков этого типа могла быть выпущена в самом конце указанного периода или даже после 90 г. до н. э.

[8] См., например, аукционный каталог: L. Naville, Coll. prof. S. Pozzi, April 4, 1921, Geneve, табл. LXIII, 2101.

[9] См., например, B. Simonetta, Notes on the Coinage of the Cappadocian Kings, NC, 1961, стр. 9 слл.; Ариарат V — № 12—15, 22, 23; Ариарат IX — № 3*d*, 8.

обращения служили подражания статерам Александра и Лисимаха [10], чеканившиеся вплоть до римского времени. Мы можем указать и образцы подражаний в Северном Причерноморье, на Боспоре: статерам Асандра [11] и анонимным оболам [12] позднемитридатовского времени [13].

Но едва ли уместно сближать подражания медным понтийским монетам с любой из указанных групп. Как мы видели, ни малоазийские владения понтийского царя, ни Колхида не знали подражаний медным монетам, что предполагает отсутствие потребности в монетной меди в местной, туземной среде. Кроме того, помня о датировке прототипов подражаний, появление подражаний в Малой Азии мы должны считать мало вероятным также потому, что греческие города Понта и Пафлагонии и после 90 г. до н. э. продолжали регулярный чекан меди, среди которой по-прежнему преобладали тетрахалки. В отношении Колхиды уместно добавить, что датировка понтийских монет из местных находок строго ограничена 105—90 гг. до н. э. [14], т. е. среди них отсутствуют тетрахалки с изображением Ареса, которым следует одна из разновидностей подражаний. Что касается боспорских подражаний, то они не могут привлекаться в качестве аналогии в данной связи, так как чеканились много позже, чем наши подражания [15].

Все сказанное предполагает, что подражания понтийским медным монетам не могли чеканиться в варварском окружении городов Малой Азии, Колхиды и Северного Причерноморья [16]. Таким образом, наиболее вероятным становится предположение, согласно которому эти монеты выпущены в одном из греческих городов в силу исключительных обстоятельств [17]. Если принять возможность выпуска вне варварской среды монет, отвечающих всем формальным признакам «варварских подражаний», то, очевидно, центр чекана монет такого рода следует искать среди городов, на монетных рынках которых понтийская медь играла ведущую роль до 90 г. до н. э. Как мы видели, такой центр трудно предполагать в одном из городов малоазийских владений понтийского

[10] См., например, Д. Г. Капанадзе, О древнейших золотых монетах Грузии, ВДИ, 1949, № 3, стр. 156 сл.

[11] А. Орешников, Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья, отд. отт. из НС, т. III, М., 1914, стр. 62, № 18.

[12] Подражания такого рода издавались, по-видимому, лишь однажды: A. Sibirsky, Catalogue des médailles du Bosphore Cimmérien, SPb., 1859, табл. X, *90*.

[13] См., например, К. В. Голенко, О характере чекана боспорских анонимных оболов, НСфр. II, Киев, 1965, стр. 41 слл.

[14] Это подтверждается и новыми находками в сел. Вани, подготавливаемыми к изданию.

[15] В этой связи не составляют исключения и подражания анонимным оболам, на отдельных экземплярах которых имеются надчеканки времени Асандра, никогда не присутствующие на оригинальных монетах такого рода. Надчеканки косвенно указывают на то, что подражания чеканились и обращались на рынках боспорских городов.

[16] Несмотря на ряд находок понтийской меди вне городов Северного Причерноморья (ср.: П. О. Карышковский, ук. соч., прим. 20; К. В. Голенко, Находка монет у подножья горы Аю-Даг, НЭ, IV, 1963, стр. 115), можно смело утверждать, что в античный период местная, варварская среда никогда не достигала той ступени общественно-экономического развития, на которой возникает потребность в медно-разменной монете. В этой связи нас не должны смущать медные монеты Скилура, чеканенные в Ольвии, поскольку они, отражая зависимость города от скифского царя, оставались средством внутригородского обращения.

[17] Принципиально это предположение не полностью лишено аналогий. Помимо упоминавшихся подражаний анонимным оболам, мы можем указать на подражания позднебоспорским статерам из меди (ср. К. В. Голенко, О необычных монетах Рискупорида VI, КСИА АН УССР, вып. 6, Киев, 1956, стр. 57 слл.; он же, О характере выпуска некоторых монет Фофорса, МАСП, вып. II, Одесса, 1959, стр. 187 слл.), которые также чеканились и обращались на Боспоре, что подтверждается и находками этих подражаний.

царя или Колхиды. Скорее всего подражания чеканились в Северном Причерноморье. Последние работы, в которых собраны материалы о находке понтийских монет на Боспоре, в Херсонесе и Ольвии [18], позволяют для каждого из этих городов установить особенности денежного обращения на отдельных этапах митридатовского периода. Несмотря на очевидные локальные различия, монетное хозяйство всех этих трех городов объединяет одна общая черта — ведущее положение понтийской меди (точнее — тетрахалков) 111—70 гг. до н. э. на местных рынках.

Сопоставление находок этих монет на Боспоре, в Херсонесе и Ольвии позволяет прийти к следующим выводам: 1) выпуски понтийских монет до 111 г. до н. э. в находках крайне редки; 2) тетрахалки 111—105 гг. до н. э. везде очень многочисленны, для Ольвии и Херсонеса (где их несколько меньше) — это самая многочисленная группа монет времени Митридата VI, но Боспор значительно уступает этим городам; 3) находки монет 105—90 гг. до н. э. малочисленнее предыдущих, их по-прежнему больше в Ольвии, но число находок в Херсонесе здесь меньше, чем на Боспоре; 4) наименьшее число находок дают эмиссии 90—80 гг. до н. э.; количественное их распределение обратно тому, что характерно для монет 111—105 гг. до н. э., т. е. на первом месте Боспор, на втором — Херсонес и на третьем — Ольвия; 5) подобным же образом распределяются и находки монет заключительных митридатовских серий 80—70 гг. до н. э., с той лишь оговоркой, что количество находок в Ольвии практически остается на прежнем уровне (90—80 гг. до н. э.), в Херсонесе же оно резко возросло, а на Боспоре монеты этого рода составляют самую многочисленную группу находок.

Сопоставляя приведенные данные, следует отметить, что наиболее ровное поступление привозной понтийской монеты имело место на Боспоре, наиболее резкое колебание этого поступления в Ольвии, там эмиссии 111—105 гг. до н. э. (82 экз.) и 105—90 гг. до н. э. (49 экз.) решительно и безоговорочно [19] преобладают над более ранними — 120—111 гг. до н. э. (1 экз.) и более поздними — 90—80 гг. до н. э. (2 экз.), 80—70 гг. до н. э. (3 экз.).

Хотя понтийская медь времени Митридата VI и играла решающую роль в денежном обращении Северного Причерноморья, его характеристика будет неполной без учета местного чекана этого периода. Бесспорно, наиболее насыщенным и интенсивным денежное обращение было на Боспоре. Не вдаваясь в подробности, которые приведены в другой работе [20], отметим, что обильные выпуски местной монеты, представленной в большинстве случаях крупными номиналами серебра и меди (оболы и тетрахалки), были наиболее интенсивными в период сокращения ввоза понтийской меди (90—80 гг. до н. э.) и менее интенсивными — в периоды усиления этого ввоза (около 100—90 гг. до н. э. и после 80 г. до н. э.). Иными словами, во все периоды правления Митридата VI боспорский рынок не испытывал недостатка в наличной монете, ни один вид которой в то же время не занимал монопольного положения в обращении. Несколько иную картину мы видим в Херсонесе. В первое десятилетие I в. до н. э. там, по-видимому, не чеканилась монета [21] и потребность в ней удовлетворялась понтийской медью. С сокращением поступления понтийской меди в Херсонес завозится некоторое количество боспорской монеты и возобновляется местный чекан. По крайней мере, те херсонесские монеты,

[18] См. материалы трудов, перечисленных в примеч. 1. Сопоставление находок понтийских монет в трех названных городах см. П. О. Карышковский, ук. соч.

[19] Сильное ослабление поступления понтийской меди в Северное Причерноморье примерно с 90 г. до н. э. едва ли может быть непосредственно объяснено с точки зрения политики понтийского царя в этом районе. Указанный факт, очевидно, следует связывать с сокращением объема выпуска медной городской монеты в Понте, вызванным резким усилением чекана царского серебра после 90 г. до н. э. Кстати, в отличие от Колхиды, в городах Северного Причерноморья многочисленные царские тетрадрахмы и более редкое золото не получили распространения.

[20] К. В. Голенко, Монетная медь..., стр. 58 сл.

[21] Или, возможно, мы не можем выделить чекан этого времени из общей массы херсонесских монет.

которые могут быть отнесены ко времени Митридата VI, не могли выпускаться ранее 90 г. до н. э. [22] Несмотря на редкость этих монет, они (как и на Боспоре в эти годы) имели высокую номинальную ценность — драхмы и тетрахалки.

Что касается Ольвии, то выделение митридатовских выпусков из числа монет этого города не имеет столь надежной основы, как для городов Боспора и даже Херсонеса. Следуя П. О. Карышковскому [23], проделавшему большую работу в этом направлении, ко времени Митридата VI могут быть отнесены пять серий медных монет Ольвии. Первые три серии: 105—95, около 90 и около 80 гг. до н. э., представлены наименьшими номиналами [24] и ничтожным числом экземпляров [25]. Более богатые находками другие две серии имеют уже в своем составе тетрахалки в качестве старшего номинала. Вне зависимости от того, принадлежала ли Ольвия Митридату VI в последние годы его жизни и падает ли усиление понтийского влияния в этом районе на рубеж II—I вв. до н. э. [26] или на более поздний период [27], датировка этих двух серий ольвийских монет, предложенная П. О. Карышковским, нам представляется несколько завышенной [28]. Но даже согласно этой датировке, монеты четвертой и пятой серий относятся к около 75 г. до н. э. и около 67—63 гг. до н. э., иными словами к последним годам жизни понтийского царя. Таким образом, в период от 90 до около 75 г. до н. э. (или позже) на ольвийский рынок поступало ничтожное количество монеты и понтийские тетрахалки 111—90 гг. до н. э. оставались ведущим элементом денежного обращения. К этому следует добавить что в Ольвии в это время не чеканилось серебро[29] и, кроме понтийской меди, туда не ввозилась другая монета, например боспорская, как то было в Херсонесе [30].

---

[22] К. В. Голенко, Херсонесские драхмы с именем магистрата Деметрия, «Сообщения ГМИИ», II, 1964, стр. 45 слл.; он же, Состав..., стр. 50 сл.

[23] П. О. Карышковский, ук. соч.

[24] Дихалки и халки (?). Резкое преобладание среди этих ольвийских монет мелких номиналов указывает на следование традициям в денежном деле более раннего времени (II в. до н. э.). В чекане I в. до н. э. других городов державы Митридата VI (города Понта, Пафлагонии, Боспора, в Херсонесе) дихалки и халки практически отсутствуют.

[25] Зарегистрировано только две находки халков около 80 г. до н. э. в Ольвии.

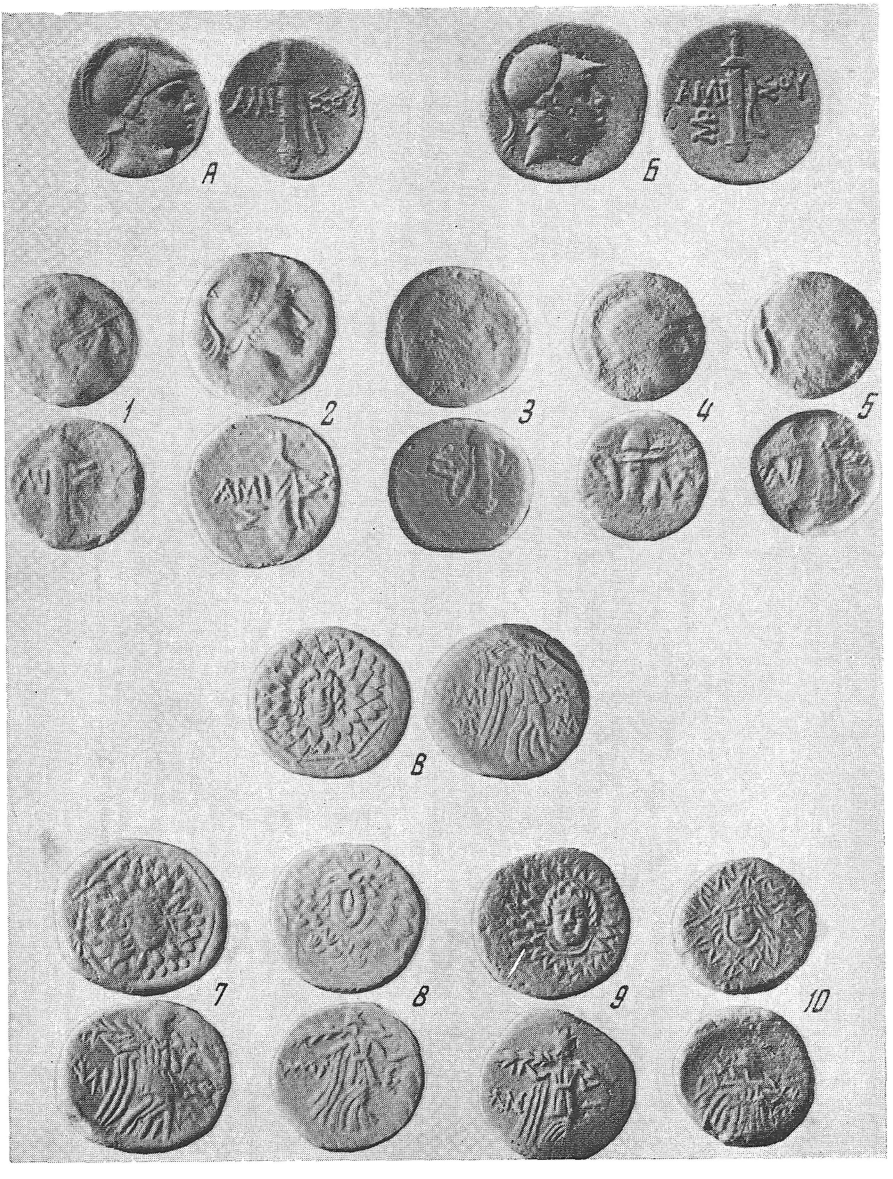
[26] См., например, С. А. Жебелев, Ольвия и Мифрадат Евпатор (IOSPE, I², 35), сб. «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 275 слл.; Д. Б. Шелов, Тира и Митридат Евпатор, ВДИ, 1962, № 2, стр. 95 слл.

[27] См., например, М. И. Ростовцев, Мифрадат Понтийский и Ольвия, ИАК, вып. 23, 1907, стр. 21 сл.; П. О. Карышковский, ук. соч.

[28] Монеты пятой группы, которые П. О. Карышковский датирует временем около 67—63 гг. до н. э., в ряде случаев перечеканены. Материалом для этой операции служили понтийские тетрахалки 80—70 гг. до н. э. и ольвийские халки четвертой группы. Таким образом, ольвийские монеты четвертой группы практически одновременны упомянутым понтийским тетрахалкам. Между тем эти последние составляют заключительный выпуск понтийской монеты при Митридате VI, что подтверждается и боспорскими материалами, свидетельствующими об обращении этих привозных монет и после смерти понтийского царя, при его преемнике — Фарнаке. Сказанное заставляет думать о выпуске пятой группы ольвийских монет в послемитридатовское время и предполагать это с некоторыми основаниями для меди четвертой группы, чему не противоречит присутствие в ней монет четырех мелких (меньше тетрахалка) номиналов, столь нехарактерных для монетного дела городов, подвластных Митридату VI.

[29] Ольвийские драхмы, которые могли бы быть отнесены ко времени Митридата VI, П. О. Карышковский считает поддельными (П. О. Карышковский, Серебряные монеты Ольвии с изображением Афины. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма, МАСП, Одесса, 1962, стр. 103 сл.).

[30] В ольвийских находках зарегистрирована только одна боспорская монета этого времени (анонимный обол). Ср. П. О. Карышковский, Ольвия и Боспор по нумизматическим данным, КС о полевых археологических исследованиях ОГАМ 1962 г., Одесса, 1964 , стр. 142 сл.



Медные понтийские монеты и подражания им

В связи со всем сказанным нам представляется, что локальные особенности монетного дела и денежного обращения именно Ольвии создали специфические предпосылки для выпуска заменителей понтийским монетам [31]. Единственная зарегистрированная находка подражания такого рода (№ 2) не противоречит подобному выводу, поскольку она происходит из Ольвии [32].

Если эта находка и особенности денежного обращения в Ольвии в позднемитридатовский период делают весьма вероятным ольвийское происхождение подражаний [33], то это последнее предположение рождает ряд вопросов, на которые, в силу отсутствия местных источников и четких аналогий в других центрах, мы не в состоянии дать достаточно обоснованных ответов.

Прежде всего встает проблема юридической основы выпуска подражаний. Рассуждая отвлеченно, Ольвия в позднемитридатовское время (если тогда город оставался под понтийским контролем) могла быть лишена одной из основных прерогатив автономного полиса — права чекана. Этим, например, объясняется анонимность боспорских оболов, чеканенных после 80 г. до н. э. [34]. Вероятно, то же следует повторить в отношении херсонесских драхм 90—80 гг. до н. э., лишенных имени города [35]. Такого же рода объяснения П. О. Карышковский предлагает и для анэпиграфных ольвийских монет, датируемых им 67—63 гг. до н. э. [36]. Таким образом, при запрете чекана монеты вообще или только крупной меди (тетрахалков) и при нехватке привычных понтийских тетрахалков на ольвийском внутреннем рынке мог возникнуть местный чекан по образцу привозных монет. Но такого рода предположение трудно увязать с внешним видом подражаний с искаженными изображениями и надписями [37], что указывает на малую опытность и недостаточную грамотность резчиков штемпелей. Но вместе с тем можно напомнить и о подражаниях боспорским анонимным оболам, которые, как мы видели, чеканились или во всяком случае обращались на Боспоре в греческой среде.

В то же время техническое несовершенство ольвийских подражаний, техника их изготовления (чеканка, а не литье) и, наконец, обилие штемпелей, которыми они чеканились, позволяют, на наш взгляд, отвергнуть мысль о том, что перед нами подделки древнего фальсификатора.

При любом решении вопросов, затронутых здесь, подражания понтийским медным монетам заслуживают самого пристального внимания и без учета этих своеобразных памятников картина денежного обращения во всепонтийской державе Митридата VI не будет до конца полной.

---

[31] Ольвийское происхождение этих монет не исключает подражания и более поздним понтийским образцам, которые обращались на местном рынке в ограниченном числе. Составители Rec. отмечают (Rec., стр. 55, № 34) среди амисских оболов 90—80 гг. до н. э. экземпляр, обладающий чертами подражания.

[32] Согласно сообщению П. О. Карышковского, любезно предоставившего нам для издания слепок монеты, она найдена при раскопках Ольвии в 1949 г., раскоп «И», полуквадрат 218/3, глубина 0,52—0,57 *м*.

[33] Особенности местного монетного рынка Ольвии, как нам кажется, делают мало вероятным предположение о случайном завозе в Ольвию подражания в массе понтийских монет. Впрочем, эта мысль может быть безусловно отвергнута только новыми находками подражаний на Ольвийском городище.

[34] К. В. Голенко, О характере чекана...

[35] К. В. Голенко, Херсонесские драхмы...

[36] П. О. Карышковский, Денежное обращение...

[37] Бесспорно, издаваемые монеты далеко не однородны в степени деградации типа оригиналов и мастерстве изготовления. Это, однако, учитывая исключительность факта подражания медным монетам, не дает еще оснований для предположения о возможности изготовления подражаний в нескольких центрах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПИСАНИЕ МОНЕТ (ТАБЛ. I)

Прототипы подражаний 1—6

А. *Л. ст.* Голова Ареса в шлеме с султаном, вправо
Об. ст. Меч в ножнах с перевязью справа, по сторонам АМІ-ΣΟΥ
Б. *Л. ст.* Как *А*

Об. ст. Как *А*, но слева

Подражания монетам типа *А*, *Б*

1. *Л. ст.* Изображение упрощено

Об. ст. Изображение упрощено,

6,52 г. ГМИИ
2. *Л. ст.* Изображение искажено (например, черты лица Ареса, трактовка шеи)
Об. ст. Элементы изображения меча упрощены и утрированы,

5,91. Материалы Ольвийской экспедиции
3. *Л. ст.* Изображение упрощено;

Об. ст. Изображение искажено (перевязь меча слева);

4,91 г. ГЭ
4. *Л. ст.* Изображение упрощено
Об. ст. Изображение упрощено и искажено (например, отсутствие рукояти и перевязи у меча);

3,86 г. ГИМ
5. *Л. ст.* Общего штемпеля с 4

Об. ст. Как 4, но справа от меча перевязь (?),

3,85 г. ГИМ
6. *Л. ст.* Изображение упрощено

Об. ст. Изображение упрощено,
5,91 г. [сильно потерта]. ГМИИ

Прототип подражаний 7—10

В. *Л. ст.* Чешуйчатая эгида, обрамленная змеями, с Горгонейоном в центре
Об. ст. Ника, держащая обеими руками перевитую тэнией пальмовую ветвь, положенную на плечо, идущая вправо; по сторонам АМІ—ΣΟΥ, две монограммы

Подражания монетам типа *В*

7. *Л. ст.* Как *В*
Об. ст. Изображение упрощено и искажено (трактовка крыла Ники, отсутствие тэнии),

6,52 г. Собрание Д. И. Мошнягина
8. *Л. ст.* Изображение упрощено:

Об. ст. как 7,

6,52 г. ГМИИ
9. *Л. ст.* Изображение упрощено и искажено (например, отсутствие обрамления эгиды, Горгонейон);
Об. ст. Как 7,
6,51 г. ГИМ

10. *Л. ст.* Изображение упрощено и искажено (например, отсутствие обрамления эгиды, Горгонейон)
Об. ст. Изображение крайне упрощено и искажено, надпись отсутствует или неясна из-за сдвига штемпеля
6,45 г. ГИМ

К. В. Голенко

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЦИЦЕРОНА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ МАЛОАЗИЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ РИМА В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ

Литературное наследие Цицерона, в частности его переписку, принято использовать преимущественно как источник по истории политической жизни и политической борьбы в Риме или же изучать как памятник художественной прозы. Что же касается данных Цицерона о римской провинциальной политике на Востоке, они в исторической литературе привлекались в значительно меньшей степени.

Если при изучении налоговой системы, деятельности ростовщиков и откупщиков, административного устройства провинций и организации самого управления данные Цицерона в той или иной степени принимались во внимание большинством историков [1], то те чрезвычайно важные сведения, которые можно почерпнуть из его переписки в отношении волнений местного населения и взаимоотношений различных его слоев с римлянами, по существу в буржуазной историографии не использовались. В советской же исторической науки вопрос о ценности литературного наследия Цицерона с точки зрения характеристики римской политики на Востоке поднимался лишь в плане римско-парфянских отношений [2].

А между тем речи и письма Цицерона дают яркий и колоритный материал также и по восточным провинциям. Часть речей (Pro lege Manilia, Pro Flacco, Pro Deiotaro) непосредственно затрагивает проблемы, связанные с римской провинциальной политикой на Востоке; большой материал содержится и в речах против Верреса, где Цицерон неоднократно возвращается к тому периоду жизни своего обвиняемого, когда тот был легатом в Азии. Весьма близко к речам примыкает по своему характеру знаменитое письмо брату Квинту в провинцию Азию, являющееся по существу последовательно изложенной программой провинциальной политики [3].

---

[1] См. В. Иванов, De societatibus vectigalium publicorum populi Romani, Спб., 1910; M. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Lpz.— B., 1910; он же, The Social and Economic History of the Hellenistic World, 2, Oxf., 1941; L. Pareti, Storia di Roma, 2, Torino, 1952; D. Magie, Roman Rule in Asia Minor, Princeton, 1950; J. Hatzfeld, Les trafiquants italiens dans l'orient hellenique, P., 1919; G. Hugues, Une province romaine sous la république, P., 1876. В работах В. Шапо («La province romaine proconsulaire d'Asie», P., 1904), А. Джонса «The Cities of the Eastern Roman Province», Oxf., 1937), В. Рамсея («The Social Basis of Roman Power in Asia Minor», New Haven, 1941) и Т. Франка («A History of Rome», 1945) хотя и используются отдельные места из речей и писем Цицерона, но полностью игнорируется тот богатейший материал, который содержится в переписке периода его киликийского наместничества.

[2] А. Г. Бокщанин, Парфия и Рим, ч. 2, М., 1966.

[3] Нельзя согласиться с мнением Д. Мейджи, считающего, что это «плод некой морализирующей риторики» (Magie, ук. соч., стр. 381).

Но как ни богат материал, содержащийся в речах и в письме Квинту, он значительно уступает тем сведениям, которыми насыщены письма Цицерона, написанные им за год наместничества в провинции Киликии — в 51—50 г. до н. э.,— и близкие к ним по содержанию письма должностным лицам азиатских провинций, относящиеся к более позднему времени.

В переписке «киликийского» периода есть ряд писем официальных и полуофициальных, которые рассчитаны на ознакомление с ними более или менее широких кругов, но основная масса писем носит частный характер. И, пожалуй, нет ни одного источника, который бы с такой полнотой и силой рисовал обстановку в малоазийских провинциях, как переписка этого периода. Разбросанные в разных письмах замечания, а иногда просто вскользь брошенные фразы вводят нас в самую гущу событий. Не думая быть опубликованным, Цицерон откровенно жалуется друзьям на трудность своего положения — быть в разоренной провинции, среди враждебно настроенного или в лучшем случае колеблющегося населения, под постоянной угрозой нападения парфян. И можно поверить в искренность этих жалоб. Прибыв в Киликию всего через два года после поражения Красса при Каррах, реально обострившего угрозу вторжения парфян в римские провинции, Цицерон попадает в неспокойную обстановку провинции, разоренной неумеренными поборами его предшественника и втайне ожидающей нападения парфян.

Цицерон задевает в своих письмах весьма широкий круг вопросов, связанных с восточными провинциями вообще. Он говорит об административном устройстве провинций, освещая вопросы о принципе выдвижения кандидатур, о правах и полномочиях наместника в своей и соседних провинциях, о взаимоотношениях его с полузависимыми царьками союзных Риму государств Азии. Немало места уделяет он судебной власти наместника, которой придает особенное значение, а также самоуправлению городов. Из переписки можно получить сведения не только об отдельных налогах, но и о практических путях их сбора. В ней постоянно поднимаются вопросы, связанные с взаимоотношениями стоявшего у власти нобилитета со всадничеством, игравшим в жизни провинций немалую роль: передавая интереснейшие подробности многочисленных откупных и ростовщических операций, Цицерон по существу вводит нас за кулисы деловой жизни Рима, неразрывно слитой в конце республиканского периода с экономической жизнью восточных провинций. И, наконец, переписка во многом раскрывает *взаимоотношения с римлянами различных слоев провинциального населения*. В задачи данной статьи не входит исчерпывающий анализ всех проблем римского провинциального управления, затрагиваемых Цицероном; тема исследования ограничивается кругом вопросов, относящихся к положению малоазийского населения и взаимоотношениям различных его слоев с римлянами.

Через все письма и речи Цицерона проходит мысль об огромной роли азиатских провинций в экономической жизни Рима: в азиатских богатствах были заинтересованы не только казна, но и целый ряд италийских городов, владевших в Азии землями, приносящими гражданам доход (Fam., VIII, 9, 4), а также множество частных лиц не только всаднического, но и сенаторского сословия, вложивших крупные средства в откупные и особенно ростовщические операции. Уже в начале I в. до н. э наблюдается теснейшая связь финансовой жизни Рима и Азии. Как известно из высказываний Цицерона, в период Митридатовых войн, вследствие потери многими гражданами крупных денежных сумм в Азии, «в Риме все платежи были приостановлены, все кредиты пали» [4].

Восточные провинции составляли наиболее богатую и доходную часть римских владений. Плутарх, подсчитывая только регулярные налоги после присоединения Помпеем новых провинций на Востоке, называет сумму в 85 млн. сестерциев (около 3700 талантов) [5].

---

[4] Cic., Pro lege Man., 19.

[5] Plut., Pomp., 45. Ученые пытались пересмотреть эту сумму, исходя из анализа тех денег, которые впоследствии собрали в Азии Брут и Кассий, а затем Анто-

Но цифра эта осталась бы мертвой без того яркого материала, который дают письма Цицерона.

«Мы прибыли в погубленную и навеки совершенно разоренную провинцию...,— писал Цицерон в одном из первых писем после приезда в Киликию.— Мы услыхали только одно: внести указанные подушные они не могут, продажное всеми продано; стоны городов, плач, поступки не человека, а какого-то огромного дикого зверя. Что еще нужно? Им вообще в тягость жизнь».

Многочисленные упоминания о всевозможных видах налогов и поборов, разбросанные в различных письмах киликийского периода, показывают, что хотя картина эта нарисована в преувеличенно ярких литературно риторических красках, она не так далека от истины, как может показаться на первый взгляд. Вопрос о таких основных налогах, выплачивавшихся восточными провинциями, как десятина (decima) [6], пастбищные сборы (scriptura) [7] и пошлины (portoria) [8], достаточно разработан в литературе [9]. Большинство ученых считает, что в этом отношении римская налоговая политика мало чем отличалась от налоговой политики их предшественников Селевкидов и Атталидов и внесенные ими изменения не были существенными [10].

Формально это действительно так. Но, как наглядно показывает переписка Цицерона, удельный вес регулярных налогов был не столь велик, если учесть много-

ний. Брандис, впервые произведший такого рода расчеты, считает, что взнос азиатских провинций составлял как раз те 16 000, которые получил в Азии Брут (App. B. c., IV, 75). Эту цифру Брандис сопоставляет с сообщением Плутарха, указывающего, что Антоний, потребовав выплаты налога за 9 лет и собрав значительные суммы с городов и династов, получил 200 000 талантов (Plut., Ant., 24). Принимая ежегодный взнос провинций за 16 000 талантов, ученый исчисляет их долю в собранных Антонием деньгах в 144 000 талантов (см. RE, s. v. *Asien*). Выводы Брандиса принимает также и В. Шапо (ук. соч., стр. 329—330). Однако вряд ли есть основания брать за основу явно преувеличенную цифру. Видимо, в рукописи биографии Антония содержится ошибка и вместо μυρίαδας следует читать χιλίας. Выплата 200 000 талантов, конечно, была нереальной: достаточно вспомнить, насколько огромной и разорительной считали все без исключения античные историки двадцатитысячную контрибуцию, наложенную на Азию Суллой.

[6] Cic., De lege Man., 15; Att., I, 17, 5.

[7] Cic., De lege Man., 15; Fam., XIII, 65, 1; Att., V, 15, 3; Att., XI, 10, 1.

[8] Cic., De lege Man., 15; De lege agr., II, 29, 80; Att., V, 15, 3; Att., XI, 10, 1; О сборе portorium идет речь также в надписи из Милета, CIL, III, 447, которая упоминает villicus servus XXXX portuum Asiae.

[9] V. Chapot, ук. соч., стр. 325—326 и 329—330; Иванов, ук. соч., стр. 22, 99—110; Rostowzew, Studien zur Gechichte..., стр. 283—284; он же, The social and economic history..., т. 2, стр. 813—814; Magie, ук. соч. Несколько менее ясно, какое место занимал в налоговой системе упоминаемый Цицероном подверный и подушный налог. Что это был налог регулярный, не вызывает сомнения, но всеми или только частью азиатских провинций он выплачивался, сказать трудно. Судя по довольно туманной фразе Цицерона о просьбе городов, «чтобы наименее необходимые налоги не включались в сданные на откуп подати и хорошо известный... жесточайший подверный и подушный налог» (Cic., Fam., III, 8, 5), можно предполагать, что налог этот не был выражен в твердо зафиксированной сумме, а в него могли входить или не входить какие-то дополнительные поборы.

[10] Впервые мысль о том, что Рим унаследовал систему своих предшественников, почти не внеся изменений ни в экономическую, ни в социальную структуру, высказал М. И. Ростовцев в своем исследовании «Studien zur Geschichte des römischen Kolonates» (стр. 283). Эта точка зрения не встретила возражений. Даже Д. Мейджи, усматривающий «весьма значительную разницу между старым режимом и новым», считает, что наложенная на малоазийцев подать «была скорее всего не больше, чем та, которую они выплачивали при своих монархах» (Magie, ук. соч., стр. 159).

численные официальные и неофициальные дополнительные поборы, а главное — саму систему сбора налогов, открывающую широкие возможности для злоупотреблений.

Прежде всего города систематически несли расходы, связанные с содержанием войск. Хотя номинально содержание легионеров не ложилось на плечи населения [11] и солдаты получали жалованье из рук магистратов (Att., V, 14, 1), тем не менее постои солдат оставались тяжелой повинностью, и богатые города платили наместникам большие деньги, «чтобы не принимать солдат на зимние квартиры» (Att. V, 21, 7). Цицерон приводит пример жителей Кипра, которые выплачивали ежегодно 200 аттических талантов (там же) — сумму, всего вдвое меньшую, чем налог, который собирал в своем царстве царь соседней Каппадокии Ариобарзан.

Кроме того, определенные суммы требовались на расходы по самому управлению провинцией. Известно, что города должны были заботиться о содержании штата приехавших с наместником лиц при передвижении их по провинции [12] и обеспечивать всем необходимым сенатские посольства [13]. Официально эти поборы не были особенно велики. В 59 г. до н. э., в год своего первого консульства, Цезарь провел закон, ограничивающий обязанности местного населения по отношению к должностным лицам самым необходимым [14], но практически такое ограничение соблюдалось редко. Сообщение Цицерона о строгом соблюдении им Юлиева закона [15] вполне правдоподобно, но здесь это объясняется тревожной обстановкой в провинции, и к тому же не последнюю роль играло и личное тщеславие Цицерона, жаждавшего славы справедливого и гуманного правителя. Стоит отметить, с каким нескрываемым удовольствием, как о какой-то особой заслуге, говорит об этом сам Цицерон.

Но и те деньги, которые должны были отпускаться в Риме на управление провинцией, не всегда выдавались наместнику из римской казны: они могли быть получены им на месте (хотя сумма их всегда устанавливалась в Риме). Говоря о сэкономленном в течение года миллионе сестерциев, Цицерон сообщает, что вернул эту сумму в киликийский и фригийский эрарии (Att., VII, 1, 6). Употребление глагола referre не оставляет сомнения в том, что деньги эти были в свое время получены Цицероном именно из местных средств, а не привезены им из Рима. Причем то, что сам Цицерон не считает нужным особо оговорить это, заставляет думать, что такой порядок был обычным.

Какие-то суммы полагались самому наместнику. Даже Цицерон, любивший повторять, что в его наместничество «не израсходовано ни гроша ни на частные, ни на казенные нужды» (Att., VI, 1, 2), приобрел за год «законным путем» более двух миллионов сестерциев (около 100 талантов) [16].

Наряду с регулярными налогами и затратами, связанными с содержанием войск и управлением, существовали многочисленные поборы, вводимые по усмотрению наместника. Это прежде всего значительные средства, взыскивавшиеся с жителей провинций эдилами для устройства различных празднеств, игр, торжественных чествований должностных лиц. Таким сборам придавалась видимость добровольных взносов: они оформлялись как постановление жителей города [17].

Помимо праздников в честь правителей, практиковались и разного рода другие

---

[11] Порядок, который установил Сулла, обязав население полностью обеспечивать войско всем необходимым, включая жалованье (Plut., Sylla, 25), больше никем не практиковался.

[12] Cic., Att., VI, 2, 4; V, 21, 5; VI, 1, 21.

[13] Cic. In Verr. I, 64—69; Att., V, 16, 3.

[14] Cic., Att., V, 16, 3. Исчерпывающий список источников см.: Magie, ук. соч., стр. 1243.

[15] Cic., Att., VI, 1, 21; V, 26, 3; V, 21,5; V, 17, 1; V, 16, 3.

[16] Cic., Fam., V, 20, 9; Att., XI, 1, 2.

[17] Так, несколько городов провинции Азии собрали фонды для проведения игр в честь Луция Валерия Флакка, бывшего проконсулом этой провинции (Cic., Pro Flacco, 23). Об играх в честь Сцеволы и Лукулла известно, что они праздновались на протяжении многих лет (Cic., Acad., II, 13).

почести (установление храмов, статуй и т. п.) [18], которые Цицерон характеризовал как «несправедливый и тяжелый налог в пользу эдилов» (Q. fr., I, 1, 26).

Столь же «добровольными» были затраты на отправку в Рим дорогостоящих посольств для выражения благодарности наместнику [19]. Решения о таких посольствах принимались явно под давлением наместника, как можно видеть на примере предшественника Цицерона Аппия Клавдия. Сразу же после его отъезда из Киликии города начали направлять к Цицерону депутации с просьбой об отмене уже принятых ими постановлений о посольствах [20].

К этой серии всеобщих и местных, регулярных и нерегулярных «законных» поборов прибавлялись еще хищения и вымогательства наместников и их свиты. Достаточно сказать, что одни только жители кипрского города Саламина из года в год собирали для наместника более 100 талантов, которые так и называли «преторским сбором» (Att., V, 21, 11).

Формально наместника за злоупотребления и вымогательства можно было привлечь к суду, и в 67 г. до н. э. был даже установлен закон о почестях для обвинителей [21], но на деле привлечение к суду мало зависело от реальной деятельности магистратов в провинции, а было лишь удобным средством борьбы внутри господствующего класса в самом Риме. *Фактически наместник не нес никакой ответственности за свои действия:* не случайно Аппий Клавдий, злоупотребления которого Цицерон вскрывает в частной переписке, не только не был привлечен к ответственности, но даже надеялся на получение триумфа (Fam., III, 10, 1).

Гнет налогового пресса, помимо злоупотреблений наместников, усиливался самими способами сбора налогов. Их было два: откупная система и прямой сбор налогов, и они составляли соответственно экономическую основу провинциальной политики двух основных политических группировок — всадничества и нобилитета. Но как сами эти группировки, несмотря на постоянную вражду, были тесно связаны друг с другом, так *и оба способа сбора налогов, тесно переплетаясь, никогда не выступали в чистом виде.* Еще в 80-х годах, проводя в интересах нобилитета реорганизацию провинций, Сулла формально отменил введенную Гаем Семпронием Гракхом откупную систему. По словам Цицерона, он «во все общины Азии распределил подать пропорционально» [22]. И установленная Суллой система формально оставалась в силе до конца республики,

---

[18] Cic., Att., V, 21, 7; Fam., III, 7, 3.

[19] Cic., Fam., III, 7, 3; 8, 2—3; 8, 5; 9, 1; 10,6. В отношении этих расходов нельзя согласиться с мнением Д. Мейджи, который считает, что они связаны с злоупотреблениями Аппия Клавдия Пульхра (Magie, ук. соч., стр. 388). Налог этот не был эпизодическим. Видимо, большинство наместников использовало свою власть для организации подобных посольств, поскольку закономерность существования такого обложения даже признавалась в законодательном порядке: оно регулировалось Корнелиевым законом, ограничивавшим расходы на посольства определенным минимумом (Cic., Fam., 10,6). Налог этот имел столь значительный вес, что мог даже входить в число сдаваемых на откуп (Cic., Fam., III, 8, 5).

[20] Cic., Fam., III, 8, 2; 8, 5; 10, 6. Трудно сказать, все ли города направляли посольства, но что таких городов было немало, не вызывает сомнения. Наряду с крупными городами, сформировавшими посольства в честь Аппия Клавдия, Цицерон называет такие мелкие городские общины, как Синнада, Филомелий, Аппий (Cic., Fam., III, 8, 5; 7, 3; 9, 1). Вообще пункт о посольствах входил в отчеты всех городов: Цицерон упоминает об этих отчетах, где каждая община называла сумму, ассигнуемую ею на посольство (Cic., Fam., III, 10, 6).

[21] Cassius Dio, XXXVI, 38.

[22] Cic., Pro Fl., 14. Указание на пропорциональное распределение есть и у Аппиана (B. c., V, 4) и из поздних авторов у Кассиодора, который говорит о разделении Суллой Азии на 40 районов (Cassiod., Chron., 384). Округа эти, видимо, и были теми налоговыми единицами, которые Сулла взял за основу при обложении. Возражая

послужив основой для деятельности последующих магистратов в Азии (Cic., Pro Flacco, 14). Это не означает, конечно, что откупа были полностью уничтожены. Даже в момент проведения реформы она не была осуществлена последовательно до конца, поскольку относилась только к десятине. В руках всадников остались пастбищный сбор, сбор пошлин и аренда государственной земли [23]. А вскоре всадничеству вообще во многом удалось отвоевать свои позиции, и откупа снова прочно вошли в жизнь. Показательно, что говоря о Сицилии 70-го года до н. э., Цицерон сообщает, что «цензоры отдают землю на откуп, как это делается в Азии на основании Семпрониева закона» (In Verr., III, 12). Бросается в глаза, что сравнение дано в настоящем, а не в прошедшем времени (constituta est), т. е. уже через 13 лет после реформы Суллы, и отвоевавшие былое место откупа производились в Азии по старым нормам формально отмененного закона.

В этом нет ничего удивительного. К середине I в. до н. э. всадничество сложилось в крупную силу и не могло в результате одного законодательного акта утратить своего могущества, тем более что за это время окончательно оформилось объединение части всадников в могущественные откупные компании, сосредоточившие в своих руках колоссальные доходы. С такой силой невозможно было не считаться, и не случайно Цицерон еще за полтора десятилетия до своего наместничества давал совет проконсулу Киликии «не ущемлять выгод и самолюбия откупщиков» (Fam., I, 9, 26), а когда сам оказался киликийским наместником,— готов был поддерживать их требования даже тогда, когда считал их «наглыми» и «бесстыдными» [24].

Письма, написанные Цицероном из Киликии, наглядно показывают, что фактически сбор налогов находился в руках могущественных откупных компаний. Как о благодеянии городам сообщает Цицерон о своем постановлении не передавать откупщикам «наименее необходимые расходы» (Fam., III, 8, 5). Это доказывает, что все остальные налоги, как раз наиболее существенные, сдавались на откуп.

Формально Lex Censoria, издававшийся цензорами на каждые пять лет, определял как размеры различных налогов, так и условия их взносов. Но население провинций могло заключить с откупщиками «добровольное» соглашение об ускорении выплаты. Цицерон рекомендует жителям провинции «смотреть на заключение этих договоров не как на закон, установленный цензором, а скорее как на удобство для окончания дела и избавления от тяготы» (Q. fr., I, 1, 35). Сама формулировка показывает, что на такого рода соглашения приходилось смотреть именно как на закон. Договоры эти и представляли, видимо, тот основной канал, по которому — в обход формальному законодательству — прочно завоевывали себе место отмененные Суллой откупа.

Особенно хорошо видна в переписке Цицерона деятельность на территории малоазийских провинций могущественного товарищества откупщиков, собиравшего пошлины и пастбищные сборы. Это была компания, вобравшая в себя целый ряд откупных товариществ, ранее, видимо, действовавших самостоятельно. «Это товарищество и

Т. Моммзену и Тенни Франку, для которых изменение порядка сбора налогов при Сулле не вызывало сомнения, В. Шапо, а вслед за ним и Т. Р. Холмс считают, что указания античных авторов относятся лишь к частному случаю распределения военной контрибуции — (см. обзор дискуссии в кн. T. R. Holmes, «The Roman Republic and the Founder of Empir, I, Oxf., 1923, стр. 395—396). Той же точки зрения придерживается и Ормерод (см. CAH, IX, стр. 260). Однако достаточно веских оснований в пользу этого взгляда его сторонники не приводят. А между тем, говоря о Флакке, проконсуле Азии 62 г. до н. э., Цицерон подчеркивает преемственность установленного Суллой принципа: «Он (Флакк) распределил между ними налог, исходя из расчетов Помпея, которые были соразмерны распределению Луция Суллы» (Cic., Pro Flacco, 14). Это замечание Цицерона дает право думать, что установленный Суллой принцип пропорционального обложения не ограничивался частным случаем взимания контрибуции, а должен быть отнесен к налоговой системе вообще.

[23] См. Иванов, ук. соч., стр. 128—129.

[24] Cic., Att., V, 21, 12.

вследствие принадлежности к самому сословию и по своему составу — величайшая часть государства (ведь оно образовано из других товариществ)» (Fam., XIII, 9, 2),— пишет о нем Цицерон. О том, как много представителей этого товарищества было даже в такой небольшой провинции, как Киликия, можно судить по постоянным упоминаниям о письмоносцах откупщиков, через которых Цицерон часто пересылал в Рим и получал из Рима свою корреспонденцию [25]. Оно же действовало, как свидетельствуют рекомендательные письма Цицерона, также в провинциях Азии и Вифинии (Fam. XIII, 9; XIII, 65). Тесно связанные с провинциальной администрацией откупщики неизменно опирались на ее поддержку. Так, Цицерон просит проконсула Вифинии помочь главе этого товарищества заключить соглашение о выплате налога с рядом городов Вифинии (Fam., XIII, 65, 1).

Переписка Цицерона, при всем его умении подчеркивать малейшее, как он любил говорить, благодеяние жителям провинции, нигде не содержит даже намека на прямой сбор какого-либо налога в обход откупщиков. Даже когда речь идет о тех «наименее необходимых расходах», которые Цицерон разрешил не включать в сдаваемые на откуп (Fam., III, 8, 5), нигде не удается увидеть, чтобы обещание это осуществлялось. Напротив, говоря о выплате налогов городами, задолжавшими казне, Цицерон совершенно определенно указывает, что они внесли деньги именно откупщикам (Att., VI, 2, 5). Таким образом, практически откупщики были единственными посредниками между местным населением и римской казной [26].

Налоговая политика римлян создавала прочную базу для развития ростовщичества. Хотя сенат делал попытки и, видимо, неоднократные, ограничить процент роста двенадцатью годовыми (Att., V, 21, 13), постановления эти на практике большей частью обходились, иногда даже со специального разрешения того же сената [27], не говоря уже о том, что фактически власть находилась в провинции в руках наместника, который мог заставить платить любой процент.

Говоря о своей деятельности в Киликии, Цицерон сообщает, что избавил «многие городские общины от жесточайшей дани, тяжелейшей платы за ссуду и мошеннических долгов» (Fam., XV, 4, 2), однако такое освобождение было весьма относительным. Так, по словам Цицерона, он «стал назначать довольно отдаленный срок платежа, на который установил рост в размере одной сотой, если должник заплатит в срок, а если не заплатит, то на основе соглашения» (Att., VI, 1, 16). Кроме того, он несколько пересмотрел методы взимания налогов и долгов у себя в провинции, отказавшись от широко применявшейся практики использования военных отрядов и назначения дельцов на должность префекта [28]. Он любил повторять, что готов предоставить своим влиятельным друзьям «сколько угодно префектур, только не для дельцов» (Att., VI, 1, 4). Это, впрочем, не мешало ему идти на компромисс, когда он считал, что такой компромисс не скажется на его репутации справедливого и гуманного наместника. «Я все же предоставил Марку Скапцию и Луцию Гавию, ведущим в царстве Ариобарзана дела Брута,

[25] Cic., Att., V, 15, 3; 16, 1; 21, 4: Fam., VIII, 7, 1.

[26] Этот вывод, к которому приводит анализ переписки Цицерона, подтверждается тем конкретным материалом, который дает Цезарь. Говоря о деятельности наместника Сирии 48 года до н. э., Цезарь указывает, что этот последний, когда ему потребовались деньги, взыскивал налоги с откупщиков (Caes. B. c., III, 31). Аналогично и в провинции Азии налог за следующий год наместник получает также с откупщиков (там же), т. е. и в том и в другом случае наместник имеет дело не с населением, а с откупщиками.

[27] Так, в частности, Брут, дав в рост через подставное лицо какую-то крупную сумму жителям Кипрского города Саламина, добивается проведения через сенат двух постановлений, признающих для данного случая законность 48% годовых (Cic., Att., V, 21, 12).

[28] Cic., Att., VI, 1, 4; 2, 8—9; 3, 5. О том, что предоставление префектур было весьма распространено, свидетельствуют многочисленные просьбы, с которыми обращались к Цицерону его друзья, прося за отдельных дельцов. Получая должность

должности префектов, которые через тебя обещал Бруту (Att., VI, 1, 4),— сообщает Цицерон своему другу Аттику и тут же поясняет,— ведь они вели дела не в моей провинции» (там же). С таким же лицемерием поступал Цицерон и в решении тех спорных дел, которые не удавалось урегулировать мирно. Так, в течение нескольких месяцев разбирая дело о долге жителей города Саламина некоему Скапцию (за спиной которого стоит Брут), после того, как не удалось прийти к соглашению, он откладывает решение конфликта до будущего года, надеясь, что щекотливый вопрос придется решать не ему. И вместе с тем, чтобы во время спора о проценте не прекращался рост, он запрещает саламинцам положить деньги в храм (Att., V, 21, 12; VI, 1, 7).

Такая двойственность была неизбежной, и это прекрасно понимал сам Цицерон. «Эта слава справедливости и воздержанности,— пишет он Аттику в первую же неделю пребывания в провинции,— будет более громкой, если мы уедем отсюда скоро» (Att., V, 17, 5). Теснейшим образом связанные с публиканами, представители провинциальных властей не могли не оказывать им содействия в их вымогательствах. Рекомендательные письма, которые рассылает Цицерон своим друзьям, наместникам соседних провинций, показывают достаточно ясно, какую роль играет римский магистрат (будь то наместник или квестор) в эксплуатации провинций римскими публиканами. Просьба тем или иным способом помочь в сохранении роста, в ускорении выплаты долга, в заключении откупного соглашения, в решении спорного дела с отдельными жителями или целыми городами — таков характер помощи, которая, судя по рекомендательным письмам, требуется от должностных лиц [29]. По существу это просьбы об административном нажиме.

Только за время своего киликийского наместничества Цицерон направляет различным магистратам соседних провинций одиннадцать рекомендательных писем — пять в провинцию Азии и шесть в Вифинию [30] (в провинцию Сирию он не пишет такого рода писем лишь потому, что отношения его с проконсулом Сирии Бибулом весьма натянуты [31]). Почти все эти письма (десять из одиннадцати) написаны в конце 51 или самом начале 50 г.— как раз в тот период, когда Цицерон после усмирения волнений в горной части Киликии приступает к решению хозяйственных и административных вопросов в своей провинции. Интересно проследить мотивы такого рода рекомендаций. Препоручая пропретору Вифинии Ферму дела заместителя старшины публиканов Терренция Гиспона, Цицерон пишет: «Этим ты теснее привлечешь ко мне товарищество и сам получишь огромную выгоду, снискав признательность членов товарищества, влиятельных людей» (Fam., XIII, 65, 2).

Здесь ключ к пониманию большинства рекомендательных писем вообще. Тесное привлечение дельцов приносит наместнику «огромную выгоду», т. е. поддержка публиканов провинциальными властями вытекает по существу из реальной власти всадничества, сосредоточившего в своих руках значительные материальные средства. Сам состав лиц, за которых просил Цицерон своих коллег по наместничеству, неоспоримо свидетельствует об этом (см. табличку на стр. 157).

Таким образом, в основном речь идет о людях, связанных с Цицероном именно деловыми отношениями. Кроме того, некоторые из дельцов сами входили в состав римской провинциальной администрации. Так, в когорте Цицерона его легаты Марк Ленний и Марк Анней ведут крупные дела в провинциях Азии и Вифинии. Возможно, они потому и поехали в качестве должностных лиц в Киликию, что надеялись добить-

---

префекта, дельцы приобретали широкие возможности нажима на население. Так, об одном из таких дельцов известно, что, располагая в качестве префекта отрядами конницы, он осадил в курии городской сенат и не снимал с осады до тех пор, пока несколько сенаторов не умерло от голода (Cic., Att., VI, 1, 6).

[29] Cic., Fam., XIII, 56; 61; 64; 65.

[30] Cic., Fam., XIII, 53—57; 61—65; 9.

[31] Cic., Fam., II, 17, 6; Att., VII, 2, 6.

Лица, приехавшие вместе с Цицероном в «когорте претора»	Марк Анней, легат Цицерона [32] Марк Лений, легат Цицерона [33] Квинт Цицерон, легат Цицерона [34] Марк Марцилий, сын переводчика Цицерона [35]
Лица, издавна связанные с Цицероном деловыми отношениями	М. Клувий, ростовщик, сделавший впоследствии Цицерона своим наследником [36] Сын Т. Пинния, сделавшего Цицерона в своем завещании опекуном и вторым наследником [37] Л. Эгнаций, ростовщик, у которого нередко брал деньги сам Цицерон и которого он и до 51 г. до н. э. неоднократно снабжал рекомендательными письмами [38] Публий Теренций Гиспон, Публий Рупилий и Гней Пупий из товарищества откупщиков, в котором, по словам Цицерона, было немало его «близких друзей» [39]
Лица, имена которых впервые встречаются в переписке киликийского периода	Луций Генуцилий Курв [40] Атилий [41]
Лица, связанные с Цицероном личной дружбой	Аттик [42] Возможно, Тиберий Клавдий Нерон [43]

ся более успешного решения своих дел в соседних провинциях [44]. Надо думать, что какие-то дела Лений вел и в самой Киликии, судя по тому, что Цицерон отказал ему в должности префекта, в которой отказывал обычно лишь дельцам [45]. Видимо, вложения Ления в Киликии были значительны, поскольку иначе трудно было бы объяснить, зачем ему, легату, понадобилось добиваться еще дополнительной должности префекта с ее правом распоряжаться отрядами солдат. В качестве дельца выступает также сын одного из находившихся при Цицероне переводчиков. Имеет в Вифинии какие-то дела и брат Цицерона, также бывший легатом. Т. е. уже о четверых из когорты Цицерона известно, что они вели денежные дела в соседних провинциях, а один из них, кроме того,— и в самой Киликии.

Итак, римские дельцы, занимавшиеся в восточных провинциях откупными и ростовщическими операциями, были теснейшим образом связаны с провинциальной администрацией — они всегда пользовались ее покровительством и нередко даже входили в ее состав. Наместники вмешивались в конфликты дельцов с местным насе-

---

[32] Cic., Fam., XIII, 55, 1—2; 57; XV, 4, 2; 4, 8.

[33] Cic., Fam., XIII, 63, 2.

[34] Cic., Fam., XIII, 62.

[35] Cic., Fam., XIII, 54.

[36] Cic., Fam., XIII, 56. О наследстве, переданном Клувием Цицерону см. Att., XIII, 46, 3; XIV, 9, 1; 10, 3; 11, 2.

[37] Cic., Fam., XIII, 43—45; 64.

[38] Cic., Fam., XIII, 45; 47. О деловых взаимоотношениях с Цицероном см. Att., XI, 3, 3.

[39] Cic., Fam., XIII, 9; 65.

[40] Cic., Fam; XIII, 53.

[41] Cic., Fam., XIII, 62.

[42] Cic., Att., V, 20, 10.

[43] Cic., Fam., XIII, 64.

[44] В частности, Марк Анней с разрешения Цицерона на несколько месяцев уезжает в провинцию Азию вести там собственные финансовые дела (Cic., Fam., XIII, 57).

[45] Cic., Att., V, 21, 10; VI, 1, 6; 3,6.

лением и оказывали непосредственный нажим, облегчая получение от населения денежных средств; нередко они предоставляли публиканам должность префекта с соответствующим правом распоряжаться отрядами солдат, которые использовались в таких случаях.

Так переписка Цицерона, вводя нас в напряженную атмосферу жизни одной из провинций, как бы иллюстрирует известную фразу Ливия (XLV, 18): «Всюду, куда проникают публиканы, нет больше общественного права, нет больше ни для кого свободы».

Со времени восстания Аристоника и Митридатовых войн в Малой Азии не было крупных народных движений. Но в моменты, когда возникала какая-либо внешняя угроза, положение римлян в провинциях становилось весьма неустойчивым. После разгрома Митридата и резкого ослабления Армении единственно серьезным противником Рима на Востоке оставалась лишь Парфия, поэтому волнения местного населения с середины I в. до н. э. неизменно связаны с обострениями римско-парфянских отношений. Как только поражение Красса при Каррах дает населению реальную надежду на парфянскую поддержку, в ряде провинций начинается брожение. В Сирии, куда вторгаются парфянские отряды, население открыто оказывает им поддержку [46]; неустойчиво положение и в других провинциях. «Когда стало известно о поражении римлян,— сообщает Орозий (VI, 13),— многие восточные провинции отложились бы от союза и верности римскому народу, ...если бы Кассий не привел возгордившуюся Сирию исключительной доблестью духа к смирению». Таким образом, именно победа Кассия над парфянами в Сирии явилась решающим фактором в сохранении верности Риму и Сирией и другими восточными провинциями [47]. Но хотя широкого антиримского движения и не началось, смутное брожение в соседних провинциях продолжалось, то утихая, то разгораясь в зависимости от остроты парфянской угрозы. И пример Киликии, единственной провинции, об обстановке в которой мы можем судить на протяжении года, ничем не примечательного в истории римского владычества, показывает, насколько остра была ненависть к Риму того покоренного населения, о котором В. Рамсей писал, что оно «спокойно подчинилось, ибо там не было современного „национализма“, подстрекающего к сопротивлению» [48].

«Союзники настроены нетвердо и колеблются в чаянии перемен» (Fam., XV, 1, 3),— писал в сентябре 51 г. до н. э. Цицерон в официальном донесении сенату, раскрывая ту тревожную обстановку, которая сложилась к его приезду в азиатских провинциях. И колебания эти не всегда выражались только в пассивном ожидании парфянского вторжения — кое-где они выливались в открытые вспышки восстаний.

«Перед моим приездом,— сообщает Цицерон,— войско разбежалось после какого-то восстания» (Fam., XV, 4, 2). Цицерон дает своему легату распоряжение перевести пять когорт этих солдат к остальному войску, и уже из самого характера этого распоряжения ясно, что речь идет о каком-то локальном столкновении с местным населением, где были рассеяны римские когорты, а не о бунте войска: ни о необходимости успокоить солдат, ни о каких-нибудь трудностях при их переводе в другое место Цицерон не говорит. Несомненный намек на вспышки недовольства содержит и другое письмо Цицерона. «О парфянах молчат,— пишет он,— однако проезжающие сообщают об избиении наших всадников варварами» (Att., V, 16, 4). Эти противопоставленные парфянам «варвары», видимо, тоже какая-то восставшая группа киликий-

---

[46] Cassius Dio, XL, 28.

[47] Точно такую же роль сыграла двадцать лет спустя весть о победе над парфянами Вентидия, сразу же прекратившая волнения городов, массовые отпадения которых начались одновременно с вторжением парфян. «Когда голову Пакора пронесли по городам, которые отпали, Сирия была возвращена без войны»,— пишет по этому поводу Флор (IV, 9, 7).

[48] W. Ramsay, The Social Basis of Roman Power in Asia Minor, Aberdeen, 1941, стр. 4.

ского населения. Кроме того, Цицерон и прямо говорит о «тех из киликийского племени, которые взялись за оружие» (Fam., XV, 1, 3).

Плутарх в биографии Цицерона (36) рисует идиллическую картину мирного разрешения всех конфликтов: «Обратив внимание на киликийцев, осмелевших под влиянием парфянской неудачи римлян, и на возмущение в Сирии, он успокоил их кротостью своего управления». На деле Цицерону пришлось вести упорную, кровопролитную борьбу. На одном только Амане, населенном, по его словам, исконными врагами римских властей [49], он уничтожил не менее 5—6 тыс. населявших эту гору киликийцев, судя по тому , что именно тогда солдаты провозгласили его императором [50]. И не случайно этому району Цицерон уделял большое внимание, считая «чрезвычайно важным для обороны обеих провинций усмирять Аман и изгонять с этой горы постоянного врага» (Fam., XV, 4, 8). Победа нелегко далась Цицерону. Несмотря на незначительные размеры, города Амана «долго, ожесточенно сопротивлялись» (там же). Пришлось брать силой множество мелких крепостей, которые были затем сожжены (Fam., II, 10; 3; XV, 4, 8). Но даже перебив значительное число жителей и спалив их города и укрепления, Цицерон не считал умиротворение Амана завершенным: после победы он еще в течение пяти дней опустошал поля по всему киликийскому склону гор Тавра (Fam., XV, 4, 9). Но и после столь радикального разрушения до конца Аман усмирен так и не был, судя по тому, что вскоре после военных действий Цицерона там же потерял несколько когорт наместник Сирии Бибул (Att., V, 2, 4), а три года спустя было нанесено поражение Кв. Цецилию Сципиону [51].

А Аман был не единственным неспокойным районом. «Самой враждебной частью Киликии» (Fam., II, 10, 3) Цицерон называет район Пинденисса, населенный элевтерокиликийцами. Видимо, это был значительный центр брожения, куда стекались все недовольные римским господством. Во всяком случае Цицерон ставит спокойствие всей Киликии в прямую зависимость от разгрома этого центра: «Так как они принимали беглых рабов и с великим нетерпением ожидали прихода парфян, то я счел, что для авторитета моей власти важно подавить их дерзость, чтобы тем легче сломить прочих, враждебно относящихся к нашей власти» (Fam., XV, 4, 10).

Нелегко далась ему победа и здесь: «сильнейшим образом укрепленный город Пинденисс» [52] удалось взять только на 57-й день осады. Исключительно яркое описание взятия Пинденисса, отражающее все ожесточение сопротивления и весь накал борьбы, дает Цицерон в письме Катону: «Я окружил его валом и рвом, отрезал шестью укреплениями и огромным лагерем, осадил при помощи насыпей, навесов и башен. Применив множество метательных орудий, с помощью многочисленных стрелков, я с большим трудом для себя... закончил дело на 57-й день. После того, как все части города были разрушены или подожжены, жители оказались вынужденными отдаться под мою власть» (Fam., XV, 4, 10). Все жители Пинденисса были проданы в рабство [53], город разрушен до основания, но и тогда Цицерон не мог считать местность вполне усмиренной. Он поручил брату отвести туда войско на зимние квартиры и разместить его «во взятых или плохо усмиренных селениях» [54]. Что же касается соседних с элевтерокиликийцами тебаров, по словам Цицерона, «таких же преступных и дерзких» (Fam., XV, 4, 10), от них были взяты заложники [55].

---

[49] Cic., Fam., II, 10, 3; Att., V, 20, 3.

[50] Cic., Fam., II, 10, 3; Att., V, 20, 3; VI, 1, 9; Plut., Cic., 36.

[51] Caes. B. c., III, 31.

[52] Cic. Fam, II, 10, 3; Att., V, 20, 5.

[53] Cic., Att., V, 20, 5. О том, что количество проданных в рабство было действительно огромно, свидетельствует следующий факт: уже на третий день продажи выручка достигла 12 млн. сестерциев.

[54] Cic., Fam., XV, 4, 10. См. также Att., V, 20, 5.

[55] Из изложенного видно, насколько неправы те историки, которые отрицают напряженность борьбы Цицерона с киликийским населением или рассматривают ее как карательную экспедицию против разбойников. А между тем, такая точка зрения

Все эти районы, несомненно, не были (как пытаются иногда представить) областями, заселенными разбойниками. Это были «разбойники» лишь с точки зрения римских властей [56], на деле же — это мирное пастушеское население. Сам Цицерон, когда он пишет вне связи со своим наместничеством, характеризует киликийцев как народы пастушеские, «которые летом и зимой то на равнинах, то в горах пасут свои стада» (De div., I, 1, 42).

Упорное длительное сопротивление этих районов объясняется тем, что борьбу с римлянами облегчали горные условия местности. Но несомненно, что и в остальной части провинции настроения были те же, хотя открытого восстания и не произошло. Во всяком случае положение в Киликии было столь напряженным, что Цицерон уже через полтора месяца после своего приезда в Киликию обращается в сенат с требованием принятия экстренных мер. «Я убедительнейшим образом и советую и напоминаю вам, хотя и позже, чем следовало, но все же когда-нибудь позаботиться об этих провинциях» (Fam., XV, 1, 4). Одновременно он указывает на необходимость военного *подкрепления: «В настоящее время положение таково, что если вы не пошлете в эти* провинции срочно войска такой численности, какой вы посылаете обычно на величайшую войну, то есть чрезвычайная опасность потерять все эти провинции» (Fam., XV, 1, 5).

Сопоставляя оба эти отрывка из официального донесения сенату, нетрудно убедиться, что тревожный тон письма вызван не столько самим фактом угрозы нападения парфян, сколько неустойчивым положением тыла: Цицерон настаивает на необходимости позаботиться о разоренных поборами провинциях, он говорит о посылке войск именно в провинции, а не против парфян. И обосновывая причины своего беспокойства, Цицерон подробно развивает мысль о неустойчивости союзников — об их враждебности римлянам.

«Вспомогательные войска союзников,— отмечает он, — вследствие свирепости и несправедливости нашего владычества либо настолько слабы, что не могут оказать нам большой помощи, либо настолько враждебны нам, что,

довольно прочно укоренилась в литературе. Еще Т. Моммзен, признавая, что Цицерон вынужден был постоянно бороться с горными племенами Амана, подчеркивал, что этому не следует придавать никакого значения (Т. Моммзен, История Рима, т. II, стр. 130), а Г. Ферреро изображал эти события скорее как финансовое, чем военное предприятие. По его мнению, узнав об отступлении парфян, «Цицерон подумал немного о своем кошельке и кошельке своих солдат и предпринял экспедицию против варварских племен, живших разбоем в горах Амана. Он дал небольшую битву, осадил город Пинденисс и получил от своих солдат титул императора... Потом, удовлетворенный, что и он в два месяца сделался генералом, вернулся в свою провинцию» (Г. Ферреро, История величия и падения Рима, т. 2, стр. 152). Подобные взгляды, пожалуй, мало изменились со времен Моммзена и Ферреро. И до сих пор большинство историков оценивает военные действия Цицерона как легкую военную экспедицию, а провозглашение его императором используется для насмешек над его *честолюбием. Такова, в частности, оценка Хескелла, посвящающего Цицерону специальное исследование:* «Цицерон провел штурм и солдаты провозгласили его императором. В дальнейшем он в соответствии с обычаем стал ставить после своего имени „император", и насколько же он любил этот знак отличия!» (H. J. Haskell, This Was Cicero, New York, 1942, стр. 271). Единственно ощутимым результатом военных действий Цицерона Хескелл, как некогда Ферреро, считает, что он, «как и можно было ожидать, поправил свои финансовые дела» (там же, стр. 272). И даже Д. Мейджи, который значительно более подробно, чем другие историки, излагает эти события, рассматривает их как один из малозначительных военных эпизодов, имевших целью «поднять репутацию Рима» (Magie, ук. соч., стр. 398).

[56] Plut., Cic., 36: «Вел он также войну, обратив в бегство разбойников, живших в окрестностях Амана». Aur. Vict., De vir. ill., 81: «Будучи претором, он освободил Киликию от разбойников».

по-видимому, не следует ни ожидать от них чего-либо, ни что-либо поручать им»[57].

Вполне справедливо полагая, что в случае вторжения парфян и восстания местного неселения его 25-тысячное войско будет бессильно, Цицерон значительно больше надежд возлагал на политику заигрывания и лавирования. «Я же,— пишет он,— больше всего забочусь о том, чтобы то, что мы с трудом можем удержать военной силой, мы удержали мягкостью и умеренностью, благодаря верности союзников» (Fam., XV, 3, 2). Таким образом, основной остается проблема верности населения, поскольку обострение парфянской угрозы вызывало ответную реакцию в провинциях.

Но важно отметить, что реакция эта была лишь более ярким проявлением того постоянного недовольства, которое в менее рельефной форме проявлялось и тогда, когда Риму извне ничто не грозило. Недаром Цицерон говорит о жителях Амана и элевтерокиликийцах как об исконных врагах римской власти. Так, в 80/79 г. до н. э. какую-то войну с киликийцами вел Долабелла; при полном отсутствии внешнего врага Цицерон упрекал его в том, что он «бросил войско, провинцию, войну» (In Verr., I, 29, 73), «бросил войско и врага» (In Verr., I, 30, 77). А в 54 г. до н. э., в тот самый год, когда, по словам Диона Кассия, восточные провинции были абсолютно спокойны[58], за военные действия в Киликии был провозглашен императором Публий Корнелий Лентул. «Рад за тебя,— пишет ему Цицерон,— что ты император и после успешных действий управляешь провинцией и стоишь во главе победоносного войска» (Fam., I, 9, 2). Внешних войн в это время Лентул, как известно, не вел; следовательно, все военные действия его «победоносного войска», за которые он получил даже триумф[59], были направлены против населения провинции. А год спустя в той же провинции императором был провозглашен Аппий Клавдий Пульхр, который также надеялся на получение триумфа (Fam., III, 10,1).

Вряд ли можно считать Киликию каким-то исключением из общего правила. Надо думать, что если бы не счастливо дошедшая до нас переписка наместника, не было бы ничего известно и о волнениях киликийского населения, что доказывает приведенная выше оценка обстановки в провинциях Дионом Кассием. Античные авторы никогда не уделяли внимания локальным волнениям, если эти волнения не перерастали рамки локальности и не выливались в события, игнорировать которые было уже невозможно.

Острая ненависть порабощенного населения к поработителям проходит через всю историю римского господства, и никогда бы не удержаться в такой атмосфере этому господству, если бы Рим не опирался на активную поддержку местных рабовладельцев. Поэтому, как бы далеко ни заходило экономическое могущество всадничества и как бы ни было глубоко то влияние, которое оказывало оно на провинциальную политику стоявших у власти оптиматов, оптиматы неизменно стремились удержать произвол публиканов в тех рамках, в которых это не приводило к слишком резкому конфликту с местной знатью. Такое смягчение противоречий шло по двум направлениям. С одной стороны, проконсул, по словам Цицерона, «должен обуздать бесчеловечного дельца, чересчур жадного откупщика» (Q. fr., I, 1, 7). С другой — смягчение это достигалось путем частичного допущения местных дельцов к ростовщическим и даже откупным операциям[60]. Правда, допущение это было весьма ограниченным (несмотря на отмену Семпрониева закона, запрет сдавать на откуп доходы где-либо, кроме

---

[57] Cic., Fam., XV, 1, 5. В данном случае речь идет именно о жителях провинции, а не о вспомогательных отрядах союзных царей, поскольку Цицерон говорит здесь о вспомогательных войсках союзников в связи с перспективой возможного набора в провинции.

[58] Cassius Dio, XL, 12.

[59] Cic., Att., V, 21, 4. Военные действия Лентула были, видимо, еще более кровопролитны, чем Цицерона, поскольку Цицерон триумфа не имел.

[60] Во всяком случае, Цицерон упоминает о греках-ростовщиках, доказывая, что «римские ростовщики не более жестоки, чем другие» (Cic., Q. fr., 1, 1, 33)

Рима, оставался в силе, хотя практически запрет этот мог, конечно, обходиться[61], это создавало значительную материальную заинтересованность, тесно связывая местную знать с римскими деловыми кругами.

Среди этих людей большинство составляли греки, сохранившие в известной мере и при римском господстве свое привилегированное положение. Об одном из таких греков, некоем Андроне, Цицерон писал: «Из всей моей провинции Киликии... у меня ни с кем не было более дружеских отношений, чем с Андроном, сыном Артемона из Лаодикеи, и в этом городе я пользовался его гостеприимством» (Fam., XIII, 67, 1). С ним Цицерона связывали какие-то деловые отношения, судить о которых по единственному и к тому же рекомендательному письму, правда, трудно [62].

Среди этих лиц, тесно связавших свои деловые интересы с римлянами, могли быть и римские вольноотпущенники азиатского происхождения, вернувшиеся к себе на родину в новом качестве римских граждан. О таком вольноотпущеннике (Гае Курции Митрете) идет речь в другом рекомендательном письме Цицерона: «если мне или кому-нибудь из моих что-нибудь нужно в Азии, я обычно пишу ему и пользуюсь как его содействием и верностью, так и его домом и имуществом как своими» (Fam., XIII, 69,1). Таких дельцов в восточных провинциях было немало. Достаточно вспомнить события 88 г. до н. э., когда, по эфесскому декрету Митридата, в один день были перебиты все римляне и италики, находившиеся в Азии. Описание Афинея (V, 50), взятое им из Посидония, неоспоримо свидетельствует о том, что среди подвергшихся репрессиям римских граждан было немало таких, чья родина была не Рим: «Одни спаслись бегством к подножию статуй богов, другие надели квадратные одежды и вновь стали именовать себя по прежнему отечеству». Среди этих людей, конечно, могли быть выходцы из самых различных областей, привлеченные в Азию жаждой наживы, но все же большинство их, видимо, состояло из жителей Азии, получивших в свое время права римского гражданства. И они, несомненно, составляли значительную прослойку среди тех слоев, на которые опирались римляне.

Цицерон неоднократно подчеркивал, что верность этих людей римлянам обеспечивается теми материальными выгодами, которые они получают в условиях римского господства. «Они знают все пути наживы», «они все делают ради денег», к претору их тянет «жадность к деньгам» (Q. fr., I, 1, 15), — говорит он о них. Он характеризует эту прослойку местной знати как «того рода граждан, которые либо теснейшим образом связаны с римлянами как откупщики, либо, занимаясь делами, от которых разбогатели, считают, что сохранят в целости свое состояние» благодаря проконсульству того или иного наместника (Q. fr., I, 1, 6). Именно поэтому, указывая на задачи, стоящие перед наместником, Цицерон неизменно отмечает необходимость заботиться не только о благе, но даже и о «выгоде» (Q. fr. I, 1, 24) жителей провинции Чтобы тверже держаться у власти, римляне должны были сознательно расширять круг лиц, так или иначе связанных с ними и заинтересованных материально в их господстве. «Тебе, облагодетельствовавшему в этой провинции множество людей, хорошо известно, как много находится благодарных» (Fam., XIII, 67, 1), — пишет Цицерон проконсулу Азии, раскрывая смысл этой политики.

Но, опираясь на материальную заинтересованность малоазийских рабовладельцев в целом, римляне могли тем не менее существенно ущемлять интересы иногда значительных групп этого слоя. Наживаться на грабеже населения местные рабовладельцы могли лишь в той мере, в какой это не противоречило интересам римлян. В этом отношении характерен приводимый Цицероном пример перераспределения доходов в пользу римских рабовладельцев. Когда Цицерон получил наместничество в Киликии, многие города, разоренные предшествующими поборами, не были в состоянии упла-

---

[61] Cic., De lege agr., II, 21, 55—56.

[62] О том, что это человек состоятельный, свидетельствует упоминание о его пребывании в Риме, поездка куда стоила недешево. Об оказанном же ему Цицероном содействии можно сделать вывод на основании того, что Цицерон подчеркивает, что этот грек оказался благодарным человеком.

тить текущих налогов Риму. Тогда он потребовал от местных должностных лиц возврата денег, награбленных ими тем или иным путем за последнее десятилетие, чтобы города могли их выплатить римским откупщикам. «Я сам допросил тех,— лицемерно пишет он,— кто занимал должности в течение последнего десятилетия. Они откровенно признались. Поэтому они без бесчестия, своими руками возвратили деньги населению, а население без всякого стона выплатило откупщикам, которым они ничего не вносили в течение этого пятилетия, а также деньги за предыдущие пять лет» (Att., VI, 2, 5).

Наилучшей политикой Цицерон считает игру на противоречиях внутри самой местной знати, советуя всегда помнить, что «среди этих людей есть жестокие разногласия, многочисленные обиды и затем следуют великие споры» (Q. fr., I, 1, 7).

Такое создание определенной материальной заинтересованности у значительного слоя местной знати и использование противоречий и трений внутри этого слоя укрепляли позиции Рима в провинциях. Но основу основ их авторитета в глазах местной знати составляло то, что Рим выступал как оплот рабовладения в Азии. Именно на этой базе блок местной и римской рабовладельческой знати начал складываться еще в годы восстания Аристоника и был закреплен в период Митридатовых войн. Роль Рима как единственной гарантии классового господства эллинистических и эллинизованных рабовладельцев всегда была решающей. Поэтому авторитет рабовладельца в провинциях должен был стоять особенно высоко. Не случайно Цицерон подчеркивает необходимость особенно последовательно осуществлять господство над рабами именно в провинции: «Над ними мы должны властвовать везде, но особенно в провинциях» (Q. fr., I, 1, 17). Даже самым верным рабам не рекомендует он поручать дел, связанных с функцией управления провинциями. «Если кто-нибудь из твоих рабов исключительно предан тебе,— поучает он брата, — то используй его в домашних и частных делах, а к тем делам, которые касаются служебных обязанностей, пусть он не имеет никакого отношения. Ведь многого, что вполне можно поручить верным рабам, не следует им поручать во избежание разговоров и порицания» (там же). А между тем, в самом Риме рабам нередко давались такого рода поручения. Очевидно, то, что в Риме было вполне допустимо, в провинции могло подорвать престиж римлян среди тех слоев, которые составляли их социальную опору.

Так вырисовывается совершенно определенная картина сближения местных ростовщиков и откупщиков с римской знатью и римской провинциальной администрацией, постепенного сращивания римских и местных рабовладельцев, для которых падение римского господства означало бы их собственное экономическое крушение.

Итак, переписка Цицерона дает возможность более конкретно, чем какой-либо другой источник, рассмотреть целый ряд вопросов, связанных с римской провинциальной политикой. И можно сказать, что место литературного наследия Цицерона в изучении восточных провинций в конце республиканского периода не менее значительно по своему удельному весу, чем даже в изучении политической борьбы в самом Риме. Без его писем наши сведения были бы слишком фрагментарны и недостаточно конкретны.

Л. С. Ильинская

К ВОПРОСУ О ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ПРАВАХ АФРИКАНСКИХ КОЛОНОВ В I—IV вв.

Африканский колонат — явление весьма своеобразное, и знаем мы о нем одновременно и очень много и очень мало. Очень много—по сравнению с другими областями Римской империи, так как нигде, кроме Африки, как известно, не были найдены документы, рисующие картину взаимоотношений колонов и землевладельцев.

Очень мало потому, что документы эти весьма фрагментарны: мы имеем в виду надпись из Хенхир Меттиха, именуемую Манциевым законом [lex Manciana (CIL, VIII, 25902)], надпись из Айн-эль-Джемалы [lex Hadriana (CIL, VIII, 25943]), надпись из Айн-Весселя [ara legis Hadrianae (CIL, VIII. 26416]), надпись из Гаср-Мезуар (CIL, VIII, 14428), декрет Коммода Бурунитанскому сальтусу (CIL, VIII, 10570) и некоторые другие тексты.

Одним из наиболее неясных вопросов, возникающих при изучении этих документов, является вопрос о владельческих правах африканских колонов. Несомненно, что в какой-то мере права эти опирались на традицию, обычай, поэтому вопрос о правах колонов восходит к еще более сложному вопросу — происхождению африканского колоната.

Относительно происхождения африканского колоната высказывались различные предположения. Одни исследователи относили возникновение колоната к республиканской эпохе, другие — к императорскому периоду [1]. Не так давно в нашей историографии Г. Г. Дилигенский высказал предположение о местном происхождении африканского колоната. Он полагает, что колонами становились туземные земледельцы, потерявшие свои земли в результате римского завоевания и ставшие колонами римских поссессоров уже в силу самого этого факта [2]. Мысль эта заслуживает внимания и весьма правдоподобна, но представляется нам несколько односторонней. Вряд ли контингент колонов рекрутировался только из числа туземцев и в момент завоевания. Если крестьяне привыкли считать землю своей и до прихода римлян не платили никакого налога за пользование ею какому-то посреднику или верховному собственнику, то не так просто было заставить их платить такие налоги римскому владельцу. Источники, как известно, не содержат никаких указаний на наличие особого аппарата принуждения в руках римского поссессора или кондуктора для сбора части урожая у колонов. Мы знаем только, что ко времени составления Манциева закона, в котором отражены взаимоотношения колонов и землевладельцев, эти взаимоотношения стали обычаем, и права владельца или кондуктора не вызывали у колонов сомнений. Колоны имели право обрабатывать пустующие земли, не испрашивая на то разрешения владельца или кондуктора. Возможно предположить, что подобные отношения сложились еще до римского завоевания, и если здесь произошли какие-то изменения, то только в отношении собственников земли. Нам представляется более вероятным, что хотя путь, указанный Г. Г. Дилигенским, также имел место, но, очевидно, африканский колонат складывался значительно сложнее и на протяжении многих веков. Названные надписи в сочетании с другими, более поздними, позволяют, как кажется, проследить эволюционирование некоторых прав африканских колонов.

Ошибкой многих предшествовавших исследователей было то, что они представляли африканский колонат как институт, раз навсегда сложившийся и застывший. Имело место смешение источников о колонах, относящихся к разным эпохам; исследователи пытались объяснить более поздние свидетельства, исходя из ранних документов, допуская иногда натяжки в чтении и толковании надписей.

Обратимся к известным нам свидетельствам о колонах. Они принадлежат разным векам. Одна группа надписей от II в. н. э.— это надписи из Хенхир Меттиха (хотя сам Манциев закон мог относиться ко второй половине I в.), надписи из Айн-эль-Джемалы, Сук-эль Кмис и Гаср-Мезуар (декреты Коммода). Другая группа надписей — из Айн-Весселя и из Хоррейского комплекса императорских сальтусов — относится уже к первой половине III в., эдикт Константина — к началу IV в. Тутен, на рассуждениях которого нам уже приходилось останавливаться (ВДИ, 1961, № 1, стр. 125), преувеличивал владельческие права колонов. Пользуясь лакунами в надписи из Хен-

---

[1] Обзор этих взглядов дан нами в одной из предыдущих работ (см. И. Ф. Головачев, О некоторых особенностях колонатных отношений в Римской Африке II в. н. э., ВДИ, 1961, № 1, стр. 122—127).

[2] Г. Г. Дилигенский, Северная Африка в IV—V веках, М., 1961. стр. 130.

хир Меттиха (CIL, VIII, 25902, IV, 22—28), он предлагал конъектуры, из которых следовало, будто инквилины были не то рабами, не то батраками колонов [3]. В этом случае колоны представали перед нами в виде зажиточных и самостоятельных земледельцев. Ошибочность мнения Тутена была показана уже Шультеном, заметившим большой разрыв между словами in[q]uilinum[ve] и coloni, которые он отнес к разным предложениям [4]. О. Зеек, пытаясь прочесть плохо сохранившийся конец надписи из Хенхир Меттиха (IV, 35—40), находил возможным говорить о центурии как обычном участке колона. Он считал поэтому, что колоны — это зажиточные фермеры, которые вели свое хозяйство при помощи собственных рабов [5]. Это мнение Зеек основывал в сущности на произвольном чтении им следующего текста надписи (IV, 35): cum test-(36) [es] non sin[t], ad natas fru[g]es inspiciendas familias (37) barbaricas vocabunt, par[ti]arius, [qui eius] f(undi) sa-(38) cra festis [c]elebratis [lu]stris derel[i]cturus est erit, bona gra- (39) tia sine querela centuriam restituat intem-(40) eratam («...когда нет свидетелей, к охране урожая следует привлекать рабов-варваров, а партиарий, намеревающийся оставить имение, после широкого оповещения по окончании арендного срока пусть добровольно возвратит центурию в безукоризненном виде, не прибегая к жалобам...»).

Хотя от этого текста сохранились лишь немногие слова (точками отмечены буквы, от которых едва остались следы), Зеек считал эти места несомненно прочитанными, а не предположительно восстановленными, на что указывали Канья и Тутен, издатели IV части дополнений восьмого тома CIL.

Конечно, отдельные колоны могли быть зажиточными, но скорее всего это было исключением. Вряд ли возможно предположение о состоятельности колонов распространять на все их категории. Сами колоны в своей жалобе императору Коммоду (CIL, VIII, 10470, II, 17—18) упоминают о mediocritas nostra, о том, что они маленькие сельские люди, поддерживающие свою жизнь трудом собственных рук (homines rustici tenues manuum nostrarum operis victum tolerantes, III, 18—20).

Преувеличивание прав колонов произошло из-за смешения некоторыми исследователями сущности двух законов — Манциева и Адрианова. На основании второго из этих законов они заключали, что колоны сидели главным образом на вновь освоенных землях, на которые они приобретали широкие права. В нашей литературе подобной точки зрения придерживалась, например, Ф. Нахман. По ее мнению, все колоны владели землей на основе права владения ею и пользования и передачи земли по наследству (jus possidendi ac fruendi heredique suo relinquendi) [6].

Найденные в 1929 г. «Таблички Альбертини» [7] вызвали новые споры относительно владельческих прав колонов. Таблички, на которые уже обращалось внимание в нашей и зарубежной литературе, представляют собой акты на продажу земельных участков, написанные на кусочках коры. Эти акты относятся к эпохе вандальского господства в Африке (494—495 гг.). Примечательно, что земельные участки именуются в табличках culturae mancianae. Эта терминология и стала предметом обсуждения. Шарль Сомань, один из издателей и комментаторов табличек, еще в 1937 г. высказал предположение, что lex Manciana рисует нам вовсе не колонов, а свободных земле-

[3] J. Toutain, L'inscription d'Henchir-Mettich, «Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-Letters», 1897, I ser., XI, 1, стр. 31 сл.

[4] A. Schulten, Die Lex Manciana, B., 1897, стр. 12—13, 16, 34, 51.

[5] O. Seek, Die Pachtbestimmungen eines römischen Gutes in Afrika, «Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», VI, 1898, стр. 331.

[6] Ф. Нахман, Об историческом развитии мелкоарендных отношений в Северной Африке в первые три века Империи, ЖМНП, 1909, кн. 5, стр. 222 сл.

[7] «Tablettes Albertini. Actes privés de l'époque vandale (fin du Ve siècle)», édités et commentés par Ch. Courtrois, L. Leschi, Ch. Perrot, Ch. Saumagne, P., 1952.

дельцев, ставших землевладельцами по Манциеву закону [8]. Эту же точку зрения Сомань повторяет в комментарии к «Табличкам Альбертини» (Le Droit, «Tablettes Alb.», стр. 97—142). Однако он не ограничивается только этими соображениями. Толкуя один закон, содержащийся в позднем императорском законодательстве и относящийся к взаимоотношениям африканских колонов и эмфитевтов [CJ, XI, 63 (62), 1], Сомань ставит знак равенства между coloni и cultores manciani: Emphyteuticarios gravant coloni (= cultores manciani) agros praeter consuetudinem (=legem mancianam) usurpantes... etc. [«Колоны (=манциевы земледельцы) притесняют эмфитевтов, захватывая, вопреки обычаю (=Манциеву закону), земли» и т. д.]. Сомань почти что приравнивает, таким образом, африканских колонов к эмфитевтам, а Манциев закон рассматривает как источник эмфитевтических прав колонов. К этому месту мы еще вернемся ниже. Далее, из упоминания в законе Адриана Манциева закона Сомань делает вывод об идентичности этих законов. Для доказательства этого положения он соответствующим образом толкует текст надписи из Хенхир Меттиха. В результате Сомань приходит к выводу, что держатели земли по Манциеву закону получали права римских поссессоров, т. е. частных землевладельцев, с правом передачи земли по наследству, правом ее продажи и т. д. Эти права, предоставляемые Манциевым законом, впоследствии, якобы, были расширены, по мнению Соманя, так как по этому закону землевладельцы получали jus possidendi ac fruendi heredique suo relinquendi. Поэтому Сомань находит возможным ввести даже собственный термин—jus mancianum, отсутствующий в источниках.

Осторожнее к вопросу о владельческих правах колонов подходит Жюльен, который полагает, что аграрные отношения римской эпохи продолжают быть устойчивыми и в вандальский период. По его мнению, земельные отношения «Табличек Альбертини» также напоминают положения lex Manciana, так как земледелец, занявший пустующую землю какого-либо собственника, получает ее в наследственное пользование[9]. Эти взгляды были подвергнуты критике в работе Г. Г. Дилигенского [10]. По мнению другого французского исследователя, Ж.-П. Бриссона, термин «cultor mancianus» скорее связан с повинностями, лежавшими на колонах по Манциеву закону, нежели с владельческими правами, которые он, якобы, в себе заключал. Бриссон критически относится к самой системе аргументации Соманя [11].

Однако нам представляется, что вряд ли можно ограничиться одной только критикой. Сама постановка вопроса о владельческих правах колонов является заслугой Соманя, хотя мы и не согласны с его аргументацией и ее основаниями. Обратимся к рассмотрению Манциева и Адрианова законов. Первый регулирует взаимоотношения земледельцев и кондукторов с колонами, второй поощряет освоение новых земель. Конечно, в Манциевом законе тоже содержатся некоторые статьи, в какой-то мере определяющие характер землепользования в отдельных частных случаях. Но главная цель Манциева закона вовсе не эта. Поэтому совершенно не обязательно и неправильно видеть в Манциевом законе источник владельческих прав колонов. Сам смысл терминов «manciane cultor», «culturae mancianae» понят, как нам кажется, Соманем неверно. В данных терминах содержится указание не на владельческие права, якобы связанные с Манциевым законом, а на лежавшие на данных участках повинности, имевшие своим источником Манциев закон. Что же касается владельческих прав, то мы находим возможным в какой-то мере проследить эволюцию колонатного держания,

---

[8] Ch. Saumagne, Inscriptions de Jenan ez-Zaytouna, CRAI, 1937, стр. 292—301. С ним полемизирует Тутен: J. Toutain, Culturae mancianae, «Mélanges Fr. Martroya», 1941, стр. 93—110.

[9] Ch. J. Julien, Histoire de l'Afrique du Nord, Tunisie-Algérie-Maroc, P., 1951, стр. 240.

[10] Г. Г. Дилигенский, Аграрные отношения в вандальском королевстве, ВВ, XI, 1956, стр. 19—21; он же, Северная Африка..., стр. 138—141.

[11] J. P. Brisson, Autonomisme et christianisme dans L'Afrique romaine de Septime Sévére à l'invasion vandale, P., 1958, стр. 24—27.

тогда как Сомань и Жюльен склонны считать права колонов раз и навсегда установленными и вытекающими из известных нам документов.

Первый параграф Манциева закона имеет в виду тех колонов, которые проживают в пределах имения (qui [i]ntra fundo). Им на основании Манциева закона позволяется возделывать участки, которые представляют собой отрезки земли (eos agros qui su[b]cisiva sunt excolere permittitur lege Manciana..., I, 6—8). Здесь же говорится, что обрабатывающие эти subsiciva приобретают на них только право пользования (usum proprium) (I, 9—10). Это, однако, означает совсем не то, что право владения (jus possidendi), как думает Сомань. Эти люди здесь же именуются колонами (I, 12). Далее определяется порядок уплаты ими доли урожая в пользу владельца имения, кондуктора или вилика.

Во втором параграфе говорится о тех, которые в пределах имения имеют или будут иметь виллы (qu[i i]n f(undo)... villas [habe]nt habebunt, I, 20—22). В отдельных случаях Манциев закон поощряет оккупацию пустующих земель. Им предусмотрены льготные годы, в течение которых колон, насадивший плодовые деревья, не платит с них никакой доли урожая. Эта льгота не представляется, впрочем, такой уж выгодной, так как в первые пять-десять лет фруктовые и оливковые деревья почти не плодоносят. *Манциев закон гарантировал передачу по наследству таких посадок.* В § 13/14 говорится, что «если кто-либо в имении Вилла Магна или Маппалия Сига насадил или насадит... детям, которые выросли от законного брака, дозволяется оставить по завещанию...» (Si qui in f. Ville Mag]ne sive Mappalie Sig[e... se]verunt severin[t... liberis] qui e legitim[o matrimonio procreati sunt] testamen[to relinquere licet..., IV, 2—9). Следующий текст неразборчив. Впрочем и приведенный выше восстановлен по догадке. Если здесь действительно говорится о завещании в пользу детей от законного брака, то все-таки остается неизвестным, что же именно разрешалось оставлять и в каких размерах. Зеек считал, что речь шла о плодоносящих деревьях и дополнял это место следующим образом: [Si qui...] [...arbores frugiferas se]verunt severin[t, iis eius superficiei usum post... annos liberis] qui e legitim[o etc. («Если кто-либо... насадил или насадит фруктовые деревья, ему по истечении [стольких-то лет] разрешается оставить по завещанию пользование этой посадкой детям от законного брака»). Этот текст согласуется с § 1, где говорится об usus proprium на subsiciva. Однако usus proprium — еще не право свободного владения.

Следующий параграф Манциева закона (IV, 9—22) также говорит о некоторых других правах колонов. Так, кто возделает необработанную почву и построит на ней дом, тот имеет на эту землю ius colendi и сохраняет его даже в том случае, если перестанет обрабатывать землю и не будет возделывать ее в течение двух лет. За это время кондуктор ежегодно должен напоминать колону о необходимости обработки земли, причем должен делать это при свидетелях. Если же тот при свидетелях откажется ее обрабатывать, то лишь тогда ее могут обрабатывать кондуктор или вилик имения. Больше в Манциевом законе не содержится никаких намеков на права колонов.

В надписи из Айн-Весселя, более позднего времени — III в.,— говорится о праве владения, пользования и передачи по наследству земельных участков, занятых колонами. Имеются в виду участки, которые не обрабатываются кондукторами, хотя бы они и находились в их аренде, а также участки, занятые лесами и болотами [12]. В надписи это выражено следующим образом: isque qui occupaverint possidendi ac fru[en]di heredique suo relinquendi id ius datur quod et lege Ha(dria)na comprehensum de rudibus agris et iis qui per X an(n)os continuos inculti sunt («Тем, кто займет [эти земли], дается такое же право владения и пользования и передачи земли по наследству, которое предусмотрено законом Адриана о пустующих землях и о землях, остаю-

[12] Ростовцев также полагал, что право владения колонов носило прекарный характер, что колон не был не только dominus, но даже и possessor. По Манциеву закону он имел лишь usus proprium, земельная собственность оставалась за фиском (M. I. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Lpz —B., 1910, стр. 359).

щихся невозделанными в течение 10 лет» — a. L. H., II, 7—13). Таким образом, закон Адриана давал императорским колонам право владения на обработанные ими участки из числа вновь освоенных или заброшенных земель. Однако это еще не было римским possessio, как полагает Сомань, так как колоны обязаны были уплачивать partes agrarias владельцам имения или кондукторам, в чьей аренде находились обрабатываемые колонами участки; уплата же производилась на основе Манциева закона (ср. L. H., IV, 7—9). Как известно, Манциев закон запрещал колонам даже срывать самовольно плоды на занимаемых ими участках, так как эти плоды считались собственностью хозяина имения. Сбор урожая, очевидно, разрешался только в присутствии представителя хозяина или кондуктора, чтобы колоны не могли утаить часть урожая. Значит, были лишены права срывать плоды и земледельцы, согласившиеся обрабатывать земли по Адрианову закону, так как последний предоставлял земли для обработки на условиях Манциева закона. Право владения было неполным, а о праве отчуждения вообще ничего не сказано. Манциев закон, таким образом, не предоставлял колонам никаких владельческих прав. Закон Адриана хотя и наделял колонов некоторыми правами, но сохранял за ними обязанность уплаты повинностей, определяемых Манциевым законом.

Как видно из текста Адрианова закона, императорское правительство поощряло освоение новых земель в местах лесистых, болотистых и вообще пустопорожних (в терминологии закона) на территориях сальтусов. Разрешалось занимать даже те земли, которые кондукторы сняли в аренду под собственное хозяйство, но потом забросили и не обрабатывали в течение десяти лет. В этом мы можем усмотреть происходящее во II в. сокращение собственных хозяйств кондукторов. Если Манциев закон разрешал кондукторам занимать участки колонов, не обрабатывавшиеся в течение двух лет, то закон Адриана разрешает колонам занимать участки, заброшенные кондукторами. Освоение новых земель и обработка заброшенных вели к увеличению доходов императора и поэтому весьма поощрялись. Кроме того, сухие части урожая плодов (partes aridas fructuum), сдававшиеся кондуктору, по истечении пятилетнего срока с момента освоения земли, по закону Адриана, должны были поступать уже в пользу фиска.

Некоторые исследователи склонны видеть в земледельцах, фигурирующих в законе Адриана, не колонов, а мелких землевладельцев, соглашавшихся обрабатывать болотистые и лесистые местности на условиях Манциева закона [13]. Но те места надписи, где, вероятно, говорилось о социальной принадлежности выступающих с просьбой земледельцев, не сохранились, и мы не можем считать, что просители являлись не колонами, а были самостоятельными мелкими землевладельцами. Однако даже если они были землевладельцами, согласие обрабатывать землю на условиях Манциева закона делало их колонами. Становясь колонами, они получали jus possidendi ac fruendi heredique suo relinquendi, причем только в том случае, если уже обработали заброшенные или необработанные земли. Далее, этот текст надписи в какой-то степени согласуется с уже цитированным параграфом Манциева закона (IV, 2—9), который разрешал передавать по наследству пользование насаждениями фруктовых деревьев, если посадка произведена колоном на необработанной почве. Не удивительно, что закон Адриана расширял это право колонов вследствие того, что многие земли оказывались во II в. заброшенными (qui per X an(n)os continuos inculti sunt). Происшедшие изменения в правах колонов представляются нам известным расширением их прав, диктуемым условиями времени. Точно так же зарегистрированное в «Табличках Альбертини» право колонов отчуждать свои участки было, на наш взгляд, приобретено ими задолго до прихода в Африку вандалов, хотя и высказывалось мнение, что развитие владельческих прав колонов произошло в результате дезорганизации местного самоуправления городов и ослабления социальных позиций муниципальных

[13] W. E. Heitland, Agricola, Cambr., 1921, стр; 349—351; J. Carcopino, L'inscription d'Ain-el-Djemala, «Mélanges d'archéologie et d'histoire», 1906, V, стр. 393 сл.; Дилигенский, Северная Африка..., стр. 122 сл.

землевладельцев вследствие вторжения вандалов и завоевания ими провинции [14]. Нам кажется, что этому предшествовал длительный процесс эволюции колонатного держания. Весьма возможно, что закон Адриана, хотя и относящийся к императорским имениям, как уже правильно отмечалось в исследованиях, как раз и являлся одним из этапов на пути расширения и эволюции владельческих прав колонов.

Еще одно наблюдение. В надписи из Айн-Весселя (ara legis Hadrianae) в том месте, где говорится о повинностях с участков, засаженных оливковыми или фруктовыми деревьями, указывается, что «никакие другие плоды не попадут в раздел [с кондуктором], кроме тех, которые потом будут проданы владельцами» (nec alia pom(a) in divisione(m) umquam cadent qu[a]m quae venibunt a possessoribus, III, 12—14). Земледельцы, обрабатывающие земли на условиях Манциева закона, названы здесь поссессорами. Одновременно они и колоны. Очевидно, это не римское possessio, поскольку оно обременено повинностями; колоны названы поссессорами как лица, сидящие на земле. Выражение jus possidendi, видимо, указывает не на право владения участком, а на право колона находиться на нем. В связи с этим возникает более общий вопрос, имел ли в I—II вв. термин «colonus» в применении к Африке тот социально-правовой смысл, который отражен в позднейшем римском законодательстве? Не имеется ли под названием колона в виду просто земледелец, т. е. тот, кто обрабатывает (excoluit, excoluerit) землю. То же относится и к термину «manciane cultor, culturae mancianae», т. е. тот, кто обрабатывает участок на условиях Манциева закона, связан обязательствами по Манциеву закону. Но в таком случае оказывается лишенной смысла и сама постановка вопроса о том, имеет ли закон Адриана в виду колонов или самостоятельных мелких земледельцев. Очевидно, африканский колонат в I—II вв. еще не стал определенным институтом и вплоть до начала IV в. он нигде не упоминается в общеимперском законодательстве. Возможно, что coloni Манциева закона, были те земледельцы, которые искони сидели в имении и обрабатывали участки; coloni-inquilini были пришлые земледельцы. Среди них могли быть и римляне, недавно занявшие в имении участки и ставшие их обрабатывать. Позднее это различие стирается, и Бурунитанский декрет именует всех земледельцев имения coloni. Но к этому времени термин «colonus» наполняется новым социальным содержанием.

По нашему мнению, в Манциевом законе присутствует элемент становления колоната, потому что колоны подразделяются еще на различные категории, т. е. закон отражает исторический характер заселения имения и возникновения повинностей колонов. Именно поэтому инквилинам даются некоторые привилегии, по сравнению с колонами-старожилами, их стараются привлечь в имение, а может быть, они и в самом деле были римскими гражданами и поэтому находились в более привилегированном положении.

Дальнейшее развитие прав колонов отразилось в других документах. Видимо, можно наметить две линии развития колонатных отношений в Африке вообще. Одна идет по пути прикрепления колонов к земле и полного лишения их владельческих прав. Эта линия нашла свое выражение в эдикте Константина 332 г. о запрещении колонам оставлять свои участки и покидать имения. Эдикт распространялся на всю Империю и в том числе на Африку, хотя конкретного применения или следствий этого эдикта здесь проследить не удается. Это направление не могло привести к наделению колонов владельческими правами на занимаемую ими землю.

Другая линия развития колоната шла в направлении приближения прав колонов на участок к тому, что представляло в этом отношении римское possessio. Эта линия прослеживается начиная с закона Адриана, который, как мы видели, именует колонов поссессорами. Следующий — третий — этап в развитии владельческих прав колонов можно, как нам кажется, проследить в первой половине III в. на примере колонов Хоррейского комплекса императорских сальтусов в Мавретании Ситифитанской. Размеры этих сальтусов были, вероятно, огромны, гораздо больше, нежели известные императорские сальтусы в долине реки Баграда. Об этом можно судить на основании

[14] Дилигенский, Северная Африка..., стр. 274.

происходящих отсюда посвящений колонов, находимых на обширной территории от Хорреи на севере (Caput saltus Horreor(um) — Atl. Alg., fe. 16, 319; CIL, VIII, 8425, 8426) до Целл на юге, и от Паскаля на востоке до Эквизета и Лемеллефа на западе (Coloni Lemellefens(ium) — CIL, VIII, 8808). По всей вероятности, для охраны кастеллов и императорских владений здесь, помимо регулярных войск, использовались колоны. На это указывает ряд надписей. В некоторых кастеллах колоны строят укрепления [15]. Некоторые кастеллы расширяются с помощью колонов [16]. Очевидно, колоны принимали участие в охране этих владений императоров. В этой связи, как нам кажется, может быть приведена еще одна надпись, найденная неподалеку от Лемеллефа и относящаяся ко времени Александра Севера: termina[t](iones)? [a]grorum defenicionis Matidiae adsignantur colonis Kasturrensi(bus).— Atl. Alg., fe. 15, 82; CIL, VIII, 8812. В указанной надписи вместо defenicionis мы, очевидно, должны читать defen[s]ionis. В этом случае речь идет о полях охраняемого колонами кастелла Matidiae. О существовании данного кастелла нам известно из другой надписи, найденной севернее Сетифа, сообщающей о восстановлении межевых знаков между землями нескольких кастеллов и в том числе между полями кастелла Матидии [17].

Возвратимся к тексту предыдущей надписи. Она сообщает о том, что пограничные районы полей обороны Матидианова [кастелла] даны колонам Кастурренского кастелла прокуратором личного императорского имущества в Африке в ранге всадника, Аксием Элианом, через посредство Целия Марциала, агрименсора [18]. Очевидно, за свою службу по охране императорских имений колоны наделялись участками на окраинах охраняемых ими владений. Такие участки опоясывали внутренние части сальтуса и служили защитой от нападения извне. На территории Хоррейских сальтусов имелось несколько таких кастеллов, служивших для сальтусов защитой. В условиях III в., когда военно-политическая обстановка в Африке и во всей Империи была напряженной, императорское правительство использовало колонов для охраны пограничных сальтусов, предоставляя им земли, на которых они могли селиться и обрабатывать их. Наделение колонов участками на границе напоминает ту практику, которая имела в это время место в войсках limitanei, получавших наделы вдоль лимеса Нумидии. Остается неизвестным, на каких правах получали участки кастурренские колоны. Можно предполагать, что права таких колонов отличались от прав обычных колонов. Термин «adsignantur» указывает на то, что участки колоны получали в полное владение. Возможно, что эти участки продолжали быть связанными повинностями, определяемыми Манциевым законом, и именно поэтому они стали потом именоваться culturae mancianae.

Подобные случаи наделения колонов землей имели место не только в Хоррейских сальтусах, но и в других местах. Такие колоны, несомненно, были более самостоятельны. Нам кажется, что именно к такого рода колонам относится эдикт Константина 319 г. (CI, XI, 63 (62), 1), который так вольно интерпретирован Соманем.

---

[15] Murus constitutus a solo a colonis eius castelli Cellensis (243 г.; CIL, VIII, 8777; Atl. Alg., fe. 26, 135); muros kastelli Diane(n)sis extruxit per colonos eiusdem kastelli (243 г.; CIL, VIII, 8701; Atl. Alg., fe. 16, 368).

[16] Например, castellum Vanarzanense при Гордиане III (Atl. Alg., fe. 16, 360); castellum Thib... при Александре Севере (CIL, VIII, 20486) и Гордиане III (CIL, VIII, 20487; Atl. Alg., fe. 16, 371). В Паскале (El Bahira) проходили границы, отделявшие императорские имения от участков, занимаемых колонами; limites defensionis rationis privati d(ominorum) n(ostrorum) Aug(ustorum)—Atl. Alg., fe. 26, 30.

[17] ...ter(minus) vetus positus secundum acta inter kastell(a) Curolensem at Medianum [M]atidianum Alexandrianum Tiliruensem — AÉP, 1907, 5; Atl. Alg., fe. 16, 332. Castellum Matidianum был назван так, вероятно, по имени жены Траяна.

[18] CIL, VIII, 8812, Atl. Alg., fe. 15, 82: d. n. imp. Cae. M. Aurelio Severo Alexandro Pio Felice Aug. termina[t](iones) [a]grorum defen[s](ionis) Matidiae adsignantur colonis Kasturrensi(bus) iussu v(iri) e(gregii) Axi Aeliani proc(uratoris) Aug(usti) r(ationis) p(rivatae) per Cae(lium) Martiale[m] agrimensore(m).

Эдикт отмечал, что колоны притесняют эмфитевтов, захватывая, вопреки обычаю, земли, которые они не освоили никакими культурами, в то время как им разрешалось присваивать лишь то, что засажено их трудом оливами или виноградниками. Но колоны пытаются захватить и оросительные воды источников, пользоваться которыми должны только одни эмфитевты. А посему, продолжает эдикт, императору было угодно, чтобы на булущее время право и власть на воды находились в руках эмфитевтов и чтобы колонам было уделено столько воды, сколько явно необходимо для культур их земельных участков, которые они сами обрабатывают. В возмещение излишнего полива, который они стараются осуществить сверх необходимой для своих культур нормы, им предписывалось платить эмфитевтам-поссессорам арендную плату и проценты [19].

Титул Кодекса, где помещен этот рескрипт, носит название «De mancipiis et colonis patrimonialium et saltuensium et emphyteuticariorum fundorum». Поскольку распоряжения о колонах даны там же, где и постановления о рабах, нам кажется, что в эдикте речь не шла о свободных земледельцах, как полагает Сомань. Кроме того, эдикт имеет в виду не всех колонов, а только колонов императорских имений и сальтусов, а также колонов из арендуемых на условиях эмфитевзиса императорских имений. Поэтому эдикт, который имеет в виду Сомань, на наш взгляд, не приложим не только к свободным земледельцам, но даже и к африканским колонам частных имений. Колоны императорских имений, судя по содержанию данного эдикта, находились в лучших условиях и пользовались широкими правами, подчас ущемляя интересы наследственных арендаторов — эмфитевтов. Нам представляется убедительным мнение Г. Г. Дилигенского, который полагал, что речь в данном случае шла о двух независимых друг от друга категориях земледельцев — эмфитевтах и колонах, занимавших смежные части имения. Колоны, как известно, имели право оккупации пустующих земель внутри имения при условии их обработки. Этим правом они пользовались, захватывая у эмфитевтов участки, по которым протекали источники, причем, вероятно, не возделывали этих участков, а использовали их исключительно для подведения воды. Эмфитевты же не имели права согнать колонов с занятых ими участков, так как этого права был лишен даже сам собственник, в данном случае — император (ук. соч., стр. 138 слл.).

Несомненно, что в эдикте имеются в виду две независимые друг от друга категории земледельцев — эмфитевты и колоны. Вероятно, колоны были наделены участками из императорских владений, наподобие кастурренских колонов, и чувствовали себя достаточно независимо. Они могли сидеть и на землях эмфитевтов, которые в данных условиях играли роль бывших кондукторов, т. е. имели права на partes agrarias колонов и на их opera. Но скорее всего эдикт имеет в виду колонов, занимавших соседние с имениями эмфитевтов части императорских сальтусов. Перед лицом верховного земельного собственника и эмфитевты и колоны были совершенно равноправны. Но более чем вероятно, что в данном случае колоны владели своими участками на более твердых основаниях, нежели на тех, которые предоставлялись им Манциевым или Адриановым законами. Кроме того, они не потеряли и права оккупации пустующих земель, так как об этом упоминается в эдикте, и нередко превышали эти права, так что понадобилось вмешательство самого императора. Тем не менее мы далеки от мысли, что все африканские колоны в IV в. имели право квази-собственности на занимаемые ими участки, якобы предоставляемое Манциевым законом [20].

---

[19] CI, XI, 63 (62), l: Imp. Constantinus A. Emphyteuticarios gravant coloni agros praeter consuetudinem usurpantes, quos nullis culturis erudierunt, cum sollemnitas id eos attractare permittat, quod eorum labore vel olivetis est obsitum vel vinetis. Sed et inriguas fontium aquas usurpare conantur, quarum fructus solis emphyteuticariis debentur. Ideoque placuit, ut deinceps aquarum ius potestatesque penes emphyteuticarios permaneant, tantumque ex eis colonis impertiatur, quantum culturis eorum agrorum sufficere manifestum est, quos ipsi colunt. Pro modo autem superfluae inrigationis, quam ultra culturas suas usurpaverint, emphyteuticariis possessoribus pensiones accessionesque praebeant. P. P. VII id. Mart. Carthagine, Constantino A. et Licinio C. conss. (a. 319).

[20] A. P i g a n i o l, L'Empire chrétien (325—393), P., 1947, стр. 9.

В наиболее привилегированном положении, как мы пытались показать, находились лишь императорские колоны. Большинство документов, упоминающих колонов, происходит из императорских сальтусов в долине реки Баграда и из Хоррейского комплекса. Колоны, упомянутые в эдикте 319 г., также были императорскими колонами. Что же касается Манциева закона, то трудно сказать, была ли Маппалия Сига частным имением или императорским. Эволюцию же колонатного держания мы можем проследить лишь на примере императорских колонов. Только они наделялись какими-то правами на занимаемые ими участки, так как выполняли одновременно обязанности по охране сальтусов и потому находились в более независимом положении. Они имели возможность обратиться с жалобой к императору, тогда как колоны частных имений целиком и полностью зависели от произвола поссессоров и кондукторов. Очевидно, именно колоны частных имений в конце IV в. и образовали слой крепостных колонов. Произвол существовал, конечно, и в императорских сальтусах, о чем красноречиво свидетельствуют жалобы колонов Бурунитанского сальтуса и сальтуса в Gasr Mezoûar, но он мог быть ограничен вмешательством императора. Забрасывание земель кондукторами вынуждало императорское правительство идти на некоторые уступки колонам, проживавшим в императорских сальтусах. Относительно же частных сальтусов нам почти ничего не известно.

Стремление императорского правительства к увеличению доходов фиска, с одной стороны, и забрасывание земель кондукторами, приводившее к сокращению императорских доходов, с другой, побуждали императоров к некоторому расширению владельческих прав императорских колонов, а в особых случаях — к предоставлению им даже права отчуждения. Это диктовалось напряженной военно-политической обстановкой в Африке III—IV вв.

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что эволюция африканского колоната шла по двум направлениям: по линии прикрепления колонов к земле и по линии выделения привилегированной прослойки колонов, обладавших более широкими владельческими правами, в частности — правом передачи участков по наследству, а может быть, и правом их отчуждения. Но эти участки продолжали оставаться связанными Манциевыми повинностями и поэтому получили наименование culturae *mancianae*.

На раннем этапе развития колонатных отношений африканские колоны имели jus occupandi на территории сальтусов, которое давало им право пользования (usus proprium) и право обработки (jus colendi) занятых участков. Позднее законом Адриана им было предоставлено jus possidendi ac fruendi heredique suo relinquendi в случае, если они засадят необрабатываемые и заброшенные земли оливковыми деревьями или виноградниками. За пользование участками колоны платили partes agrarias собственнику или кондуктору имения, а за право проживания на территории имения обязаны были отработками — opera. Таким образом, lex Manciana и lex Hadriana рисуют нам колонат на различных стадиях развития. Первый регулирует взаимоотношения между землевладельцами и колонами, второй определяет некоторые права колонов, в частности их отношение к занимаемым ими участкам. Конкретной иллюстрацией осуществления прав колонов на практике служит декрет Коммода Бурунитанскому сальтусу.

Становление африканского колоната происходит в течение I—II вв. н. э. Постепенно он приобретает специфические черты и наполняется своим особым содержанием. В I в. *колоны могли еще не представлять особой социальной категории и различались* не столько по своей социальной принадлежности, сколько по месту происхождения. Различия в социальном положении колонов выступили позднее и отразились в надписях III в. и в императорских рескриптах IV в. В итоге эволюция колонатных отношений в Африке привела, с одной стороны, к образованию слоя крепостных колонов в частных имениях, с другой,— к выделению императорских колонов, обладавших более широкими владельческими правами на занимаемые ими участки.

И. Ф. Головачев

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. А. ЛИПИН, Аккадский язык, М., 1964, 155 стр.

Книга доцента кафедры древнего Востока Ленинградского Государственного университета Л. А. Липина, которая вышла в свет в известной серии «Языки народов Азии и Африки», является первой на русском языке грамматикой аккадского языка, который в течение трех тысячелетий был разговорным и литературным языком аккадцев, вавилонян и ассирийцев, а также нашел широкое распространение в Малой Азии, Эламе и Сирии, а в середине II тыс. стал и международным языком дипломатической переписки во всей Передней Азии.

Рецензируемая работа, несмотря на ее небольшой объем, содержит достаточно подробный очерк грамматики аккадского языка. Однако жаль, что автору пришлось ограничиться очень беглой характеристикой слабых глаголов, так как предусмотренный издательством объем книги не позволил ему остановиться на парадигмах спряжения этих глаголов. В отношение всего остального материала книга по насыщенности фактами превосходит распространенные на Западе аналогичные пособия [1] (о капитальной исследовательской грамматике аккадского языка, автором которой является В. фон Зоден [2] мы не говорим).

В книге весьма доступно излагаются такие сложные вопросы, как возникновение полифонии в шумеро-аккадской письменности, принципы транслитерации и транскрипции клинописи и т. д. К книге приложен список клинописных знаков с указанием всех известных фонетических значений и образцы текста с переводом. Автор дает также обзор грамматических работ и словарей аккадского языка [3].

Изложение грамматических правил превосходно иллюстрируется большим количеством примеров из самых разнообразных текстов, наглядно отражающих историю развития аккадского языка и его диалектальные особенности в различные периоды, начиная с III до второй половины I тыс. до н. э., когда были составлены вавилонские варианты ахеменидских надписей. Однако, к сожалению, автор, очевидно, в целях экономии места не дает ссылок на произведения, откуда взяты приводимые им примеры.

В работе содержится немало новых наблюдений. К их числу относится и наблюдение автора, что «имена от двусогласных корней с кратким гласным в основе образуют обычно сопряженное состояние путем добавления к основе гласного u или i, независимо от падежа этого имени» (стр. 68). Этот вывод подтверждается, в частности, следующим примером из надписи Саргона с реляцией богу Ашшуру (стк. 1): ana (d)aššur abu ilāni «Ашшуру, отцу богов» (ср. S o d e n, Grundriss..., стр. 82, § 64, c: некоторые двусогласные имена с кратким гласным в сопряженном состоянии в большинстве случаев оканчиваются на -i).

Далее, в указанной работе В. фон Зодена (стр. 101, § 77, d) предикативное состояние и пермансив рассматриваются как идентичные категории, но Л. А. Липин (стр. 97—98) показывает, что хотя эти грамматические категории близки друг другу, между ними имеются и существенные различия. В частности, предикативному состоянию в отличие от пермансива чужда грамматическая категория вида. Кроме того, существительное в предикативном состоянии не может употребляться как сказуемое придаточного предложения.

Следует также отметить, что в рецензируемой книге содержится специальный раздел об имени прилагательном (стр. 74—78), где этот вопрос рассмотрен даже

---

[1] Ср., например, A. U n g n a d, Grammatik des Akkadischen, München., 1949. Замечание автора рецензируемой работы, что А. Унгнад в 1949 г. выпустил третье издание указанной грамматики, может ввести непосвященного читателя в заблуждение, так как издание это является посмертным, а сам автор умер в 1945 г.

[2] W. von S o d e n, Grundriss der akkadischen Grammatik, Roma, 1952.

[3] Попутно следует отметить, что замечание автора — «всего предполагается 8—10 выпусков» словаря W. von Soden «Akkadisches Handwörterbuch», уже несколько устарело, так как в настоящее время этот словарь по замыслу его издателя составит 12 выпусков, из которых пока вышло только 6.

более подробно, чем в труде В. фон Зодена.

Однако ряд положений рецензируемой работы представляется нам спорным. Предположение автора, что русские слова «дорога» и «снег» вместе с их славянскими в первом случае и индоевропейскими во втором коррелатами в конечном счете являются заимствованиями из аккадских darag(g)u и šalgum или соответствующих им слов в других семитических языках (стр. 49), кажется нам необоснованным.

Далее, несколько осторожное отношение автора к мнению, согласно которому семитические языки родственны так называемым хамитским (стр. 8) [4], представляется также необоснованным, так как в этих языках установлено несколько сот общих слов, которые не могут быть заимствованными. В течение последнего времени проделана большая работа по сравнительному изучению этих языков, результаты которой убедительно показали, что они являлись родственными [5].

Предположение автора, что «двусогласный корень древнее трехсогласного, что трехсогласность — явление сравнительно более позднее» (стр. 55), весьма спорно. В семитических языках двусогласных слов слишком мало, и в большинстве случаев корень слова является трехсогласным. Поэтому вслед за многими семитологами можно полагать, что для семитических языков с самого начала был характерен трехсогласный корень, а в двусогласных словах мы имеем усеченный трехсогласный корень [6].

В заключение следует отметить, что рецензируемая работа написана ясным языком в очень доступной форме и в ней нет стилистических погрешностей, если не считать выражения «часто встречаемые составные предлоги» (стр. 117). Книга Л. А. Липина является прекрасным пособием, написанным на высоком научном уровне, и поэтому она принесет большую пользу для ассириологов, представителей смежных специальностей и особенно для студентов.

Можно выразить только пожелание, чтобы при возможном переиздании этой книги, которая сразу после выхода целиком разошлась, был бы несколько увеличен ее объем с тем, чтобы дать парадигмы спряжения неправильных глаголов и дополнить примеры ссылками на тексты, а также увеличить количество примеров.

М. А. Дандамаев

[4] Необходимо отметить, что сам термин «хамитские языки» условен и в настоящее время выходит из употребления (см. М. А. Коростовцев, Введение в египетскую филологию, М., 1963, стр. 7).

[5] См. Коростовцев, Введение, стр. 5—13 (там же приводится и литература). Ср. И. М. Дьяконов, Семито-хамитские языки, М., 1965, стр. 7—13.

[6] Так, в частности, полагает профессор И. Н. Винников.

М. Э. МАТЬЕ, Во времена Нефертити, Л. — М., изд-во «Искусство», 1965, 119 стр., 66 илл. в тексте, VI цветных таблиц

Книга Милицы Эдвиновны Матье, посвященная искусству Амарны, на самом деле далеко выходит за рамки этой темы, по существу это исследование всей художественной культуры времени правления Эхнатона и его ближайших преемников. Рассчитанная по форме на широкий круг читателей, книга представляет большой интерес для специалистов, поскольку она подводит итог всем многолетним исследованиям автора в области культуры и истории Амарны, в том числе и таким, которые еще не были изложены в других работах М. Э. Матье. К этой книге вполне приложимо то определение, которое дал когда-то своим работам крупнейший исследователь древнеегипетского искусства Генрих Шефер: когда его спросили, какому читателю предназначены его книги, он ответил: «всякому, кто знает свой родной язык»[1]. Умение говорить ясно и просто о самых сложных вопросах в высшей степени характерно для любой работы М. Э. Матье.

Из всего комплекса вопросов, затронутых автором, наиболее важны проблемы периодизации искусства Амарны, эстетической его оценки и влияния амарнского искусства на египетское искусство последующего времени.

Начало систематического изучения Амарны было положено раскопками У. М. Фл. Питри в 1891—1892 гг. [2] и последующими публикациями Нормана Девиса, в шести томах которых были

[1] Со слов Н. Д. Флиттнер, слушавшей лекции Г. Шефера в Берлине (см. Н. Д. Флиттнер, Искусство Двуречья и соседних стран, Л.— М., 1958, стр. 5).

[2] W. M. Fl. Petrie, Tell el-Amarna, L., 1894.

впервые более полно воспроизведены памятники искусства из гробниц Ахетатона [3].

Но этот капитальный труд представлял собой еще только первую публикацию. Несколько иной характер носили уже труды Л. Борхардта, возглавлявшего раскопки, которые в 1907—1914 гг. проводило здесь «Германское востоковедное общество» [4]. Л. Борхардт уже не ограничивался только описанием найденных памятников, но сделал ряд ценных выводов относительно амарнского искусства, особенно по вопросам техники выполнения скульптур. Выводы здесь подсказывал сам материал раскопок, так как были найдены следы мастерских скульпторов, в частности, мастерская придворного скульптора Тутмоса. Двум памятникам — скульптурному портрету царицы Тии и полихромной голове царицы Нефертити — Борхардт посвятил специальные монографии, что само по себе уже знаменовало новый этап в изучении египетского искусства — появление нового гипа трудов, в которых при изучении отдельных памятников привлекаются параллели и аналогии. И все же основная масса памятников, изданных Борхардтом, не подверглась в его работах историческому исследованию. Поэтому в рецензируемой книге М. Э. Матье особый интерес представляет тот тщательный анализ, которому она подвергла материал первых публикаций, а также дневников Л. Борхардта. Эта большая исследовательская работа, проведенная М. Э. Матье над подчас сырым материалом источников и осмысление его в свете достижений современной египтологии позволили ей по-новому оценить многие явления амарнского искусства. В книге М. Э. Матье оживают давно позабытые факты и впечатления, воскресает утерянная острота первоначальных восприятий. Особенно ценна в этом отношении глава «В мастерских скульпторов» (стр. 55—72), где рассказывается о находке прославленных скульптур. Заново строго проверенные факты излагаются живо и увлекательно, точные эпитеты помогают читателю осознать впечатления, производимые шедеврами искусства, воссоздается яркая картина жизни и быта той эпохи, реконструируется обстановка мастерских скульпторов, дается глубокое толкование сюжетов росписей и рельефов. Так, зоркой наблюдательностью отличается, например, анализ изображений работы скульптора Юти, создающего статуэтку царевны, его помощника, следящего за работой мастера, людей, занятых обработкой статуи и ножки стула. М. Э. Матье справедливо заключает, что сам Юти навряд ли непосредственно обрабатывал все рельефы, «вернее ему могли принадлежать общая планировка композиции, отбор сцен, эскизы фигур, наиболее значительные из которых, может быть, он делал и сам, внося поправки в исполнение других» (стр. 84).

Подобные наблюдения, гипотезы и реконструкции стали возможны лишь на современном уровне изучения египетского искусства, когда от расстановки первых вех стало возможно уже перейти к изучению специальных вопросов. Много для этого дали работы Г. Шефера, который одним из первых применил к египетскому искусству метод художественно-стилистического анализа, причем многие его работы были посвящены именно амарнскому искусству [5]. Этот метод позволил, в частности, и мне заметить, что росписи гробницы Сети I принадлежат разным художникам, а также, что росписи гробницы Аменхотпа II отличаются от других этого времени своеобразным колоритом, легкостью и прозрачностью красок, близких акварели, свидетельствующим об особом стиле и индивидуальной манере их автора. Выявление же специфических черт искусства древнего Египта как искусства рабовладельческого общества древневосточного типа было затем дано в работах советских ученых, как общих, так и в специальных исследованиях, посвященных публикации памятников Амарны из советских собраний [6].

Однако специального исследования искусства Амарны в целом до исследований

[3] N. de G. Davies, The Rock Tombs of El-Amarna, I — VI, L., 1902—1905.

[4] L. Borchardt, Der Portret-Kopf der Königin Teje, Lpz, 1911; он же, Portrets der Königin Nofret-ete, Lpz, 1923.

[5] H. Schäfer, Von ägyptischer Kunst, besonders der Zeichenkunst, Lpz, 1919; он же, Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna, ZÄS, 55, 1918; он же, Die Religion und Kunst von El-Amarna, B., 1923; он же, Die Anfänge der Reformation Amenophis des IV, SBPAW, 1919; он же, Die frühesten Bildnisse König Amenophis des IV «Amtliche Berichte Berliner Museum», 40, 1919; он же, Amarna in Religion und Kunst, B., 1931.

[6] Н. Д. Флиттнер, Стекольно-керамические мастерские Телль-Амарны, «Ежегодник Ин-та истории искусств», I, СПб., 1921; В. В. Павлов, Египетская скульптурная модель № 2141 из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. Пушкина, ВДИ, 1951, № 3; он же, Фаянсы эпохи Амарны в собрании ГМИИ, «Материалы по теории и истории искусства. Труды Кафедры истории искусства МГУ», 1956; он же, Египетская скульптура в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Малая пластика, М., 1949; М. Э. Матье, В. В. Павлов, Памятники египетского искусства в музеях Советского Союза, М., 1958.

М. Э. Матье [7] в нашей науке создано не было. Приступая в 1953 г. к решению проблемы его периодизации, М. Э. Матье справедливо указывала, что при всех заслугах ученых Запада в собирании материала, «эти ученые вследствие неправильного методологического подхода к изучению данного вопроса не смогли понять ни общественно-исторических причин, обусловивших возникновение самой реформы Аменхотепа IV, ни сущности его религиозного учения, ни характерных особенностей искусства этого времени. Игнорирование всей совокупности конкретных исторических фактов, произвольное толкование отдельных, произвольно же выхваченных из общей непрерывной цепи событий, неуменье правильно связать явления идеологического порядка с закономерно породившими их социально-экономическими причинами, наконец, чисто внешний анализ памятников искусства, воспринимаемых в отрыве от создавших их общественных условий,— таковы причины отсутствия до настоящего времени удовлетворительного очерка развития искусства Амарны» [8].

В трудах М. Э. Матье, начиная с цитированной статьи и кончая рецензируемой работой, эта намеченная ею задача была удачно решена; как я уже писал в рецензии на ее «Искусство древнего Египта», «можно без преувеличения сказать, что историю искусства эпохи Амарны отныне нельзя изучать без труда М. Э. Матье» (ВДИ, 1964, № 1, стр. 153.)

Прежде всего М. Э. Матье, убедительно показав органическую связь искусства Амарны с предшествующим развитием всей идеологии и культуры Египта и найдя, как увидим, причины резкого перехода к новым формам, опровергла взгляд на амарнское искусство как обособленное явление, Zonderkunst по выражению Шпигельберга [9], или результат заимствования с Крита (это нашло, например, отраженуе в работах Пенделбери).

Далее, М. Э. Матье, опираясь на совокупность данных стилистического, палеографического, просопографического и религиозно-философского анализа изображений и текстов, обосновала свою оригинальную периодизацию искусства Амарны. Тщательно исследовав источники по социально-политической истории конца правления Аменхотпа III — начала царствования Аменхотпа IV, М. Э. Матье подробно реконструировала картину сложившихся в это время общественных группировок и доказала, что резкий переход к новым формам искусства был результатом их борьбы друг с другом. Аменхотеп IV не мог использовать старые формы, поскольку они служили выражением идеологии враждебной ему группировки, причем «новые эстетические требования разделялись и принявшим новую религию Атона ближайшим окружением царя: реалистическая направленность этих требований была созвучна... запросам выходцев из средних слоев» (стр. 28). Найдя таким образом причину резкого перехода к новому стилю, М. Э. Матье тщательным анализом произведений искусства и надписей доказала, что те «странные» памятники, которые раньше считали принадлежащими к концу амарнского периода, например колоссы Аменхотпа IV в Карнаке или пограничные стелы, относятся к раннему периоду Амарны. Преувеличенная деформация лиц и фигур членов царской семьи на этих памятниках объясняется тем, что «переход от привычных норм к новым был настолько крут,что всем скульпторам, рисовальщикам, резчикам, живописцам приходилось очень быстро находить новые художественные формы и средства» [10]. Эти неопровержимо аргументированные выводы М. Э. Матье делают излишними все, столь частые вплоть до настоящего времени, попытки объяснить «странные» изображения как отчасти карикатурные или как признак манерности, развившейся якобы к концу Амарны, куда только на этом основании их и относили. С подлинным ощущением эпохи писала М. Э. Матье об этих произведениях: «эти скульптуры должны были производить огромное впечатление на современников, вызывая недоумение, возмущение, а может быть и страх. Впервые египтяне видели своего владыку не мощным богом, а слабым человеком, и это не могло не возбудить самых разнообразных толков» (стр. 28).

Расцвет амарнского искусства, как показывает анализ памятников, начинается с шестого года правления Эхнатона. Главы, посвященные искусству этого периода, когда были созданы и прославленные портреты Нефертити, принадлежат к лучшим страницам рецензируемой книги (главы «В мастерских скульпторов» и «Мастера некрополя», стр. 54—90); автору удалось раскрыть в полной мере высокую одухотворенность, спокойствие большого искусства, необычайную красоту формы произведений этого времени.

В рецензируемой книге убедительно показаны причины краха реформ Эхнато-

[7] См. М. Э. Матье, О периодизации истории амарнского искусства, ВДИ, 1953, № 3; она же, Искусство древнего Египта, М., 1958; она же, Искусство древнего Египта, М.— Л., 1963.

[8] М. Э. Матье, О периодизации истории амарнского искусства, ВДИ, 1953, № 3, стр. 212—213.

[9] A. Spiegelberg, Geschichte per ägyptischen Kunst, Lpz, 1903.

[10] М. Э. Матье, Искусство древнего Египта, Л.— М., 1963.

на и реставрации культа Амона как результат того, что «социальная опора царя была недостаточной», средние слои населения не были удовлетворены реформами, а с другой стороны, «господство знати и жречества имело прочные корни и в экономике и в идеологии рабовладельческого государства» (стр. 94).

Искусство времени Тутанхамона М. Э. Матье рассматривает лишь как продолжение искусства Амарны. «Общей чертой всех этих памятников,— пишет она,— является тесная связь с Ахетатоном. В них в полной мере живет его искусство, хотя можно отметить и новые черты» (стр. 111). М. Э. Матье отмечает черты амарнского искусства и в трогательных образах богинь, стоявших вокруг ящика с канопами, и в алебастровом сосуде, который вызывает в памяти строки гимна к Атону, и в композиции изображений на спинке трона Тутанхамона, о которой она говорит: «кажется, что все это создано в Ахетатоне — так близка к его памятникам сцена с диском Атона, ее композиция, свободные позы фигур, легкие складки одеяний, развивающиеся ленты» (стр. 113).

Все эти наблюдения бесспорно верны, но они касаются главным образом сюжетной стороны, иконографии, но не художественного стиля в целом. С моей точки зрения стиль и художественный образ искусства времени Тутанхамона очень отличен от Амарны. В основе этого искусства лежит стремление к декоративности, в этих памятниках заложено иное начало, чем в пластических, одухотворенных и высоко человечных портретных образах Амарны, материалом для которых служил главным образом песчаник или известняк. Трон Тутанхамона так же, как и золотая его маска с инкрустациями из паст и ярких самоцветов,— высшее достижение ювелирного мастерства во всем мировом искусстве, и сама М. Э. Матье характеризует трон как «выдающееся произведение скульпторов и ювелиров».

Подчеркивая отличие искусства времени Тутанхамона от амарнского, я, однако, вовсе не отрицаю преемственности его от последнего. В этом смысле известная статуя бога Хонсу с портретными чертами Тутанхамона еще овеяна красотой амарнского искусства, и я согласен с М. Э. Матье, предполагающей здесь руку скульптора Тутмоса (стр. 115—116).

Рассматривая искусство времени ближайших преемников Тутанхамона, М. Э. Матье предлагает ряд новых определений принадлежности памятников, основанных на тщательном сличении портретного сходства большого числа памятников, а в некоторых случаях и на данных письменных источников или условий находки произведений. Убедительно ее определение группы памятников, в которых раньше видели изображение Эхнатона как портретов Сменхкара, например, статуэтки царя с жертвенником в руках из Каирского музея и статуэтки из Лувра, а также рельефа Берлинского музея, изображающего Сменхкара с его женой Меритатон. Во всех этих произведениях мы видим одни и те же черты лица с одинаковым выражением, портретное сходство в меру возможностей египетского искусства (см. илл. 27 и 33 рецензируемой книги).

Однако не всегда элементы сходства являются достаточным критерием при определении принадлежности памятника. Так, М. Э. Матье несомненно права, когда видит в известной головке Берлинского музея, считавшейся раньше портретом не известной царевны, изображение жены Тутанхамона — Анхесенпаатон, но предположение М. Э. Матье о возможности такого же определения гипсовой модели из мастерской Тутмоса (стр. 72, илл. 17, 18, 35,36, 37) вызывает возражения. Статуэтка из Луара, которую М. Э. Матье относит к тому же кругу памятников, представляется мне очень отличной от всей группы портретов этой царевны: иной овал круглого лица, иная трактовка глаз и особенно отлична разработка формы — более точная и дробная, в частности в парике. Сходство может быть обусловлено и общем стилем памятника, манерой мастера, художественным образом, который хотел выразить мастер, поэтому его нельзя считать вполне объективным критерием.

Большое значение имеет вывод автора относительно влияния Амарны на последующее развитие египетского искусства в эпоху XIX династии. Книга М. Э. Матье —ценный вклад в изучение искусства Амарны, одной из самых пленительных страниц искусства древнего Востока

В. Павлов

М. М. КОБЫЛИНА, Милет, М., изд-во «Наука», 1965, 203 стр., тираж 2500 экз., цена 95 коп.

Рецензируемая книга должна заполнить ощутимую досадную лакуну в нашей литературе. Милет был в свое время крупнейшим городом Ионии. Отсюда выходили корабли «вечных мореходов». В VIII — VI вв. до н. э. милетяне вывели чуть ли не сотню апойкий. Они, в частности, основали почти все эллинские города в Северном Причерноморье, а эти апойкии на протяжении веков поддерживали тесные экономические, политические и культурные связи со своей метрополией. В Милете зародилась ионийская натурфилософия, а перипетии социально-политической истории этого города во многом повторялись в других эллинских полисах. В этих условиях просто удивительным кажется тот факт, что наши эллинисты, столь интенсивно изучавшие под руководством покойного В. Н. Дьякова греческие города античного Причерноморья, как-то оставили вне поля зрения их метрополию — Милет. Автор этих строк может указать в нашей литературе только на одну специальную работу о Милете — это интересная небольшая статья А. И. Доватура [1], посвященная очень важному, но все же частному вопросу истории главного города Ионии.

По всем перечисленным соображениям можно только приветствовать выбор темы исследования М. М. Кобылиной. Автор книги — известный археолог и искусствовед, давно уже занимающийся античным Причерноморьем. В своей исследовательской работе она постоянно соприкасалась с различными вопросами истории Милета. Литературные источники по истории метрополии Ионии довольно скудны и, главное, разрозненны. Зато археологические памятники Милета, особенно архаического, обильны и разнообразны. От периода, предшествовавшего разрушению города персами, сохранились развалины святилища Аполлона Дельфиния, храма Аполлона Филесия в Дидимах, алтарь Посейдона Геликонского, а также фундаменты жилых домов и большое количество керамики и различных терракот. При таком состоянии источников монографию о Милете, естественно, лучше всего было писать археологу.

Раскопки Милета велись немецкими археологами почти непрерывно с начала века и вплоть до кануна второй мировой войны. После 1945 г. здесь предпринимались лишь небольшие работы турецкими учеными в содружестве с английскими археологами. Зато последнее десятилетие отмечено выходом в свет целого ряда обобщающих трудов по истории Ионии. К ним принадлежат широко учтенные М. М. Кобылиной работы Дж. М. Кука о греческих поселениях в восточной Эгеиде и Малой Азии (1961 г.) и о греках в Ионии и на Востоке (1962 г.), К. Вейкерта о новых раскопках в Милете (1959 г.), Е. Акургала об искусстве Анатолии от Гомера до Александра (1961 г.), К. Рёбака об ионической торговле и колонизации (1959 г.) и ряд других книг и статей [2]. Таким образом, очевидно, подошел к концу определенный период раскопок и первых обобщений истории ранней Ионии и, в частности, Милета, а в рецензируемой книге могли быть учтены новейшие публикации и исследования.

Работа М. М. Кобылиной состоит из обстоятельного «Введения» (стр. 5—47), в котором изложены основные данные об археологических раскопках и свидетельства античных авторов о Милете, двух больших глав, посвященных соответственно строительству (стр. 48—118) и скульптуре (стр. 119—152) архаического Милета, и четырех меньших, отчасти фрагментарных, глав, в которых трактуются вопросы милетской керамики (стр. 153—156), градостроительная деятельность Гипподама Милетского (стр. 157—164), связи Милета с Северным Причерноморьем (стр. 165—183) и градостроительство Милета в эллинистическо-римский период (стр. 184—197).

Отсюда следует, что не менее трех четвертей объема книги уделено периоду, предшествовавшему разрушению города персами; ведь и во «Введении», и в главах о керамике и связях с Северным Причерноморьем речь идет главным образом об архаическом периоде. Такое распределение материала по необходимости оставляет в тени многие важные аспекты тысячелетней истории античного Милета, тем не менее оно кажется вполне правильным. Историческое значение Милета связано с периодом Великой колонизации; этот период истории города особенно интересен и для исследователей нашего юга.

Основным литературным источником для архаического периода истории Милета является, как известно, повествование Геродота. Читатель рецензируемой книги временами чувствует себя так, как будто он рассматривает иллюстрации к рассказу «отца истории». Перед его взором оживает Панионий и алтарь Посейдона Геликонского, святилище Аполлона в Дидимах и многие бытовые сценки из жизни главного полиса Ионии. Обильные фотографии находок, рисунки и схемы еще более усиливают такое впечат-

[1] А. И. Доватур, Аграрный Милет, ВДИ, 1955, № 1, стр. 27—30.

[2] К перечисленным книгам стоит, пожалуй, добавить еще капитальную монографию — M. B. Sakellariou, La migration grecque en Ionie, Athènes, 1958, — которая, возможно, осталась незамеченной автором рецензируемой книги.

ление. В этом несомненно большая заслуга автора. Вообще в книге графический материал играет вполне равноправную с текстом роль, а такие вклейки, как женская фигура из Дидимейона (рис. 34) или милетский лев (рис. 57), не только возбуждают восхищение искусством архаических мастеров, но и оживляют картину далекого прошлого Милета.

М. М. Кобылина, очевидно, не ставила перед собой задачу исследовать историю Милета, а стремилась скорее показать эту историю, описав наиболее выдающиеся ее памятники. Эта цель вполне достигнута автором, и читатель может только испытывать благодарность за доставленное ему удовольствие.

К сожалению, в бочке меду иногда бывает и ложка дегтя. Так дело обстоит и в рассматриваемой работе. Роль дегтя играют многочисленные описки или опечатки. Перечислю здесь лишь несколько наиболее бросающихся в глаза. Египет (стр. 41) входил в описываемое время в состав Персидской империи. На стр. 44 речь идет об острове Ладе, а не Ладосе (греч. Λάδη). Нельзя писать о «свидетельстве Афинея, переданном Гераклитом Понтийским» (стр. 32), коль скоро первый жил на несколько веков позже второго. В VII в. в районе Милета не могло быть «турецких памятников» (стр. 15). Довольно часто встречаются разночтения: например, Миус (стр. 13) и Миунт (стр. 21 и 33), милетцы и милетяне (passim). Особенно много опечаток в ссылках на иностранную литературу. Все это не к лицу издательству «Наука».

Вызывают сомнение неоднократные датировки «геометрическим периодом» (например, стр. 52). Они были приняты в начале века, когда писал Т. Виганд. Однако с тех пор наука далеко шагнула вперед, и ныне достаточно четко различаются прото-, ранне-, зрело- и позднегеометрический периоды, каждый из которых длился около века. Датировка вообще «геометрическим периодом» явно устарела. Быть может, с этой нерасчлененностью связано заметное преувеличение автором роли крито-микенских мотивов в искусстве архаического Милета.

Все же отмеченные ошибки и неточности не портят в общем весьма положительного впечатления от рецензируемой книги. «Милет» с удовольствием прочтет каждый человек, интересующийся античностью. Тираж книги явно не соответствует потребностям.

Я. А. Ленцман

* * *

Книга М. М. Кобылиной «Милет» — первая по времени и пока единственная работа в советской исторической литературе, специально посвященная этому античному городу. Тем самым она восполняет весьма существенный пробел в нашей историографии; существенный потому, что в архаический и раннеклассический периоды Милет, бесспорно, представлял один из крупнейших центров ионийской культуры. Как известно, этот город был родиной Фалеса, Анаксимена и Анаксимандра, заложивших фундамент для всего последующего развития античной философии. В нем зародилась и историческая наука древних греков в лице первых логографов — Кадма, Гекатея и Дионисия. Отсюда родом был знаменитый Гипподам — родоначальник античного градостроительства. Милет рано вступил на путь интенсивного экономического развития. В VII — VI вв. до н. э. он был уже крупнейшим экономическим центром Греции, средоточием развитого ремесла и морской торговли. Изделия милетских деревообделочных мастерских и судостроительных верфей, милетская шерсть и шерстяные изделия снискали себе широкую известность не только в самой Греции, но и далеко за ее пределами; творческая деятельность милетских архитекторов и скульпторов раннего времени оставила после себя заметный след и оказала большое влияние на все греческие города. Однако наиболее крупную роль, как известно, Милет сыграл в совершенно исключительном по своим историческим последствиям процессе — в развитии греческой колонизации. По античным преданиям, Милет считался одной из самых плодовитых греческих метрополий — ему приписывалось основание до 90 эллинских городов-колоний. Если эта цифра, может быть, и несколько преувеличена, то в колонизации побережий Черного моря Милету, безусловно, принадлежит первое место. Уже одно это не может не привлекать к Милету внимания советских историков и археологов, занимающихся изучением причерноморских полисов античной эпохи. С этой точки зрения выход в свет книги М. М. Кобылиной имеет большое значение.

Книга ориентирована не только на специалистов. По замыслу автора она рассчитана на значительно более широкий круг читателей, что прямо оговаривается в аннотации к этому изданию на суперобложке.

Содержание книги М. М. Кобылиной можно подразделить на три круга вопросов: исторический очерк, который охватывает всю историю Милета с древнейших времен; краткий обзор археологических раскопок Милета и подробный и обстоятельный обзор его памятников, в основном времени расцвета города, т. е. VI в. до н. э.

М. М. Кобылина поставила своей задачей «осветить культуру Милета в период его расцвета, в VI в. до н. э., показать ее в процессе исторического развития» (стр. 5). Автор считала необходимым, и с этим можно согласиться, подробно остановиться на особенностях градострои-

тельства и планировки города; ее интересуют храмы, святилища, алтари, особенности материала и строительной техники сооружений, детали ордера и орнамента, содержание и стиль культовых статуй и декоративной скульптуры. Весь этот материал на русском языке почти не публиковался и крайне важен для сопоставлений с находками в милетских колониях на побережьях Черного моря.

Разделы книги, посвященные строительству Милета в архаическое время, его скульптуре, градостроительству в эллинистическо-римский период, дают интересный материал для ознакомления с материальной культурой и искусством Милета. Эти разделы богато иллюстрированы: 63 иллюстрации из 72 приложены к этим разделам. Следует отметить высокий уровень техники иллюстраций; это можно сказать и об оформлении книги в целом. Не совсем ясно только, почему автор не счел нужным указать в тексте номера рисунков и схем. Отсутствие такого рода координации затрудняет пользование книгой, так как в тексте речь идет о гораздо большем количестве памятников и находок, чем дано на рисунках.

В разделе «Строительство архаического Милета» М. М. Кобылина рассказывает об археологических раскопках на территории Милета, в том числе и о новейших. Она характеризует строительство жилых домов, крепостных сооружений, останавливается на устройстве улиц, декоративной скульптуре, монументальных сооружениях архаической архитектуры города, таких, как алтарь Посейдона Геликонского на мысе Монодендры, святилище Аполлона Дельфиния, храм Афины, храм Аполлона Филесия в Дидимах. Эти сооружения, несмотря на их фрагментарность, дают представление о строительстве города, типах построек, их технике и орнаментации. Они позволяют судить о том, в какой степени были перенесены во вновь основанные колонии особенности культуры метрополии. В этом большая ценность данного раздела, особенно для историков, археологов и искусствоведов, занимающихся изучением причерноморских колоний.

Раздел, посвященной скульптуре архаического Милета,— один из наиболее интересных в книге. М. М. Кобылина, как известно, пользуется заслуженной репутацией одного из наиболее крупных знатоков в области античной скульптуры. Большая ее заслуга состоит в том, что она рассмотрела милетскую скульптуру в развитии от еще очень схематичных изображений — таких, как кора Анаксимандра и ранняя статуя Бранхидов,— к более реалистической передаче человека, его тела и одежды. С полным на то основанием автор подчеркивает, что милетская скульптурная школа — одна из интереснейших школ восточноионийской скульптуры. Испытав на себе местные (карийские, лидийские, фригийские) и крито-микенские влияния, эта школа сохранила свою самобытность. М. М. Кобылина отвергает довольно распространенное мнение, что милетская скульптурная школа наиболее ориентализирована, и присоединяется к взглядам Е. Ланглотца, который характеризует эту школу как восточноионийскую [1]. Указывая на близость милетской школы искусства к эфесской и самосской, М. М. Кобылина в то же время отмечает их различия.

Следующий раздел — «Состояние вопроса об изучении милетских расписных ваз» — не может не вызвать некоторых возражений. Автор здесь ограничивается констатацией того, что исследователи греческой расписной керамики не имеют единого твердого мнения по вопросу о милетской школе расписной керамики. Излагая взгляды различных исследователей, М. М. Кобылина пользуется, в основном, старыми работами, а из новых — только книгой В. Ширинга. Названа только работа Е. Бушора «Griechische Vasenmalerei» (Münch., 1913), а его книга «Griechische Vasen» (Münch., 1940) не использована. Мнение Р. Кука вообще не нашло отражения в книге М. М. Кобылиной, не говоря уже о новой его работе [2]. Между тем сравнительно недавно в журнале «Советская археология» была опубликована статья В. М. Скудновой «Родосская керамика с острова Березани» [3], где с достаточной полнотой изложены точки зрения различных исследователей по этому вопросу. В. М. Скуднова использовала ряд работ, которые М. М. Кобылина почему-то не сочла нужным назвать [4], так же как и эту статью В. М. Скудновой, хотя, несомненно, знает ее,— в другом месте и по другому поводу (стр. 183, прим. 87) есть ссылка на эту работу.

Можно отметить также, что термин «милетская керамика» не употребляется в современной искусствоведческой литературе, и было бы лучше, если бы автор и здесь выразилась осторожнее, как она это делает в разделе «Милет и Северное Причерноморье», употребляя термин «восточногреческая ионийская керамика» (стр. 183).

От высказывания своего собственного мнения автор здесь воздерживается, считая, что только новые раскопки и откры-

---

[1] E. Langlotz, Frühgriechische Bildhauerschulen, Nürenberg, 1927, стр. 104 сл.

[2] R. M. Cook, Greek Painted Pottery, L., 1960.

[3] СА, 1960, № 2, стр. 153—167.

[4] M. Lambrino, Les vases archaïques d'Histria, Bucureşti, 1938; E. Homman-Wedeking, Archaische Vasenornamentik in Attika, Lakonia und Ostgriechenland, Athen, 1933; M. Robertson, The Excavations at Al Mina, Sueidia, J H S, LX, 1940.

тия дадут возможность уточнить вопрос и выделить милегские особенности техники и стиля росписей ваз.

Очень интересно и живо написан раздел, посвященный Гипподаму Милетскому. На основе источников и археологических раскопок автор очень убедительно раскрывает образ знаменитого архитектора и получившей его имя системы планировки, примененной в афинском Пирее, в самом Милете, в Фуриях, может быть, в Олинфе. М. М. Кобылина описывает, как исторически складывалась система регулярной планировки, какое влияние оказала на нее древневосточная и эгейская архитектура, практика строительства новых городов в процессе колонизации.

Перечисленные нами разделы (включая «Очерк градостроительства Милета в эллинистическо-римский период», где дается краткая история Милета вплоть до византийского времени и Милет характеризуется как яркий пример эллинистического градостроительства с его характерными чертами) дают археологам и историкам-античникам обширный и ценный материал по истории материальной культуры Милета, впервые столь систематично публикуемый на русском языке. Материал этот особенно важен для ученых, занимающихся изучением Северного Причерноморья.

Раздел «Милет и Северное Причерноморье», специально посвященный взаимоотношениям метрополии с северочерноморскими колониями, может быть признан, наряду с разделами об архитектуре и скульптуре архаического Милета, наиболее удачным в книге. Здесь, оперируя целым рядом данных, автор наглядно показывает, насколько значительна была роль Милета в Северном Причерноморье в архаический период. Она не ограничивалась одной организацией переселения ионийских греков в милетские фактории и основанием греческих городов по побережью Черного моря, но сказалась и в быстром развитии экономики и производства в этих городах (стр. 166). Должное внимание уделяет М. М. Кобылина и ряду других данных, свидетельствующих о прочных связях северочерноморских городов-колоний со своей метрополией Милетом, нашедших отражение как в политической жизни (договоры об исополитии — стр. 47 и 167), так и в перенесении в колонии милетских культов, алфавита, календаря. Первые пантикапейские монеты около середины VI в. до н. э. чеканились также по ионийским образцам (стр. 168).

Безусловный интерес вызывают те страницы книги, которые посвящены важному вопросу о влиянии Милета на градостроительство, производство художественной керамики и пластику в северочерноморских колониях, что еще раз подтверждает тот установленный наукой факт, что культура древнейшего периода существования этих городов была ионийской. Высказанные на этих страницах наблюдения автора хорошо иллюстрируются конкретным материалом. Заслуживает быть особо отмеченным, что, констатируя сильное влияние Милета на типы жилых домов в колониях, М. М. Кобылина не только не отрицает, но и подчеркивает активную переработку жителями северочерноморских городов этого влияния и наличие оригинальных черт в местном жилом строительстве.

В книге М. М. Кобылиной, как уже упоминалось, имеется и очерк истории Милета. Оя составляет вторую часть «Введения» (первая посвящена истории раскопок на территории Милета). Содержание очерка хронологически шире содержания основных глав книги, так как история Милета излагается с древнейших времен до IV в. до н. э. включительно, а в основных главах описываются памятники Милета преимущественно времени его расцвета, т. е. VI в. до н. э. К сожалению, в историческом очерке встречаются досадные неточности в переводах источников. Так, на стр. 20—21 автор в подтверждение того, что ионяне заняли Милет не мирным путем, приводит цитату из Геродота (I, 146): «Даже те из ионян которые отправлялись от афинского пританея и считают себя благороднее всех остальных, даже и эти не сочетались с кариянками, родителей которых умертвили...». Между тем у Геродота сказано: «Те же из них, которые отправлялись от афинского пританея и считались наиболее благородными из ионян, даже и эти не привезли жен в колонию, но сочетались с кариянками, родителей которых умертвили» (οἱ δὲ αὐτῶν ἀπὸ τοῦ πρυτανηίου τοῦ Ἀθηνέων ὁρμηθέντες καὶ νομίζοντες γενναιότατοι εἶναι Ἰώνων, οὗτοι δὲ οὐ γυναῖκας ἠγάγοντο ἐς τὴν ἀποικίην ἀλλὰ Καείρας ἔσχον, τῶν ἐφόνευσαν τοὺς γονέας). Таким образом, в первой части перевода автор следует за устаревшим и не всегда, как мы здесь видим, точным переводом Ф. Мищенко, а во второй части из перевода выпало несколько слов и вследствие этого отрывок получил прямо противоположный смысл. Вероятнее всего, специалисты разберутся в этом и поймут цитату правильно, но ведь книгой несомненно будут пользоваться не только они.

То же самое можно сказать о пересказе одного эпизода из Геродота (стр. 22), где Биант из Приены предлагает всем собравшимся отплыть в Сардинию, основать там общеионийское государство и жить благополучно, избавившись от рабства и занимая «наибольший из всех островов» (νήσων τε ἁπασέων μεγίστην—Herod., I, 170). У М. М. Кобылиной он превратился в «небольшой остров».

На стр. 34 М. М. Кобылина утверждает, что милетский оракул «повторил свое решение и на запрос лидийской делегации, направленной Аристокусом», и ссы-

лается при этом на К. Фримен [5]. Между тем ни у К. Фримен, ни у Геродота (I, 153—161) подобных сведений нет, речь идет о кумской делегации, возглавленной Аристодиком.

Вообще в ссылочном аппарате книги, рассчитанном, конечно, не на широкий круг читателей, а на специалистов, встречаются и другие досадные ошибки. Прим. 102 на стр. 30 отсылает нас к стр. 148 «Истории древней Греции» под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса (М., 1962), а между тем указанная страница не содержит сведений, которые приводит автор. Хиллер фон Гертринген (Hiller von Gaertringen) в книге М. М. Кобылиной (стр. 9—10, прим. 10 на стр. 10, прим. 28 на стр. 16) переименован в Хюблера фон Гертрингена (Hubler von Gertringen). Неправильно приведены и страницы его статьи в RE, XV: не 1566—1622, а 1586—1622 (прим. 10 на стр. 10). В прим. 140 на стр. 39 у Аристотеля появляется новое сочинение — «Метаморфозы». Один и тот же ученый C. Weickert становится то C. Wieckert'ом (прим. 1 на стр. 48, 130 на стр. 88, 134на стр. 89),то G.Weickert'ом (прим. 39 на стр. 64). Кстати, и по-русски он именуется то Вайкертом (стр. 10), то Вейкертом (стр. 48). В прим. 4 на стр. 120 неправильно дается название работы Е. Ланглотца: вместо «Frühgriechische Bildhauerschulen» стоит «Die archaischen Schulen», в то время как на стр. 104 в прим. 212 книга эта названа правильно. Прим. 2 на стр. 153 отсылает нас к работе Б. В. Фармаковского «Милетские вазы», напечатанной якобы в МАР, № 34 за 1914 г. На самом деле здесь имеется в виду работа Б. В. Фармаковского «Милетские вазы из России», помещенная в сб. «Древности», т. 25, М., 1916 (правильная ссылка на эту работу имеется на стр. 165, прим. 2), а в МАР, № 34, 1914 напечатана другая его статья — «Архаический период в России». В прим. 9 на стр. 155 неправильно указан год издания работы Е. Пфуля «Malerei und Zeichnung der Griechen»: вместо 1923 г. стоит 1928; не указано также, какой из трех томов этой работы имеется в виду. На этой же странице прим. 10 вместо 48 тома JDAI назван LIII. В прим. 46 на стр. 174 Елена Ивановна Леви превратилась в О. Леви, хотя буквально через 4 строчки, в прим. 48, ее инициалы названы правильно. В прим. 79 на стр. 182 раскопки в Нимфее в 1952—1954 гг. приписываются Г. Белову. И, наконец, в прим. 84 на стр. 183 статья Н. И. Сокольского названа «Курос из Ольвии», тогда как на самом деле она называется «Курос из Кеп». Страницы ее приведены тоже неправильно. Встречаются неполадки и в самом тексте книги. Например, на стр. 114 праздник в честь Аполлона Дидимейона назван Дидомейя (Διδόμεια), в то время как правильное его название — Дидимейя (Διδυμεῖα) [6].

На стр. 147, указывая на близость милетской скульптурной школы к самосской, автор иллюстрирует эту близость рядом очень сходных между собой произведений этих школ. К этим произведениям М. М. Кобылина относит и бронзового грифа (рис. 59, стр. 148), найденного в 1955 г. в Милете, и аналогичного грифа, раскопанного на Самосе. Между тем до сих пор не установлено, в каком именно центре изготовлялись эти бронзовые украшения. Это вопрос очень сложный и спорный, и, может быть, со стороны автора книги несколько неосторожно подавать его читателям как уже решенный.

Было бы желательно выделить исторический очерк из «Введения» в отдельную главу, так как он занимает довольно значительное место в книге (35 страниц из 200, т. е. почти шестую часть), при этом оглавление книги более точно отразило бы ее содержание.

К списку опечаток необходимо добавить еще следующее: на стр. 53 временем расцвета строительства Милета назван VI в. н. э.; на стр. 103 даются размеры головы женской фигуры «почти в натуральную величину», как сказано на стр. 102,— высота головы 22,6 м, высота лица 16,1; на стр. 129 вместо греч. ς напечатано ε, и, таким образом, получается, что именительный падеж имени Ἀναξίμανδρος оканчивается на ε вместо ς; на стр. 155 немецкий ученый E. Pfuhl на русский язык передается как Е. Фуль, а A. Rumpf — А. Румф; имя афинянина в комедии Аристофана «Птицы» не Пифетер (стр. 158), а Писфетер (Πεισθεταίρος). Разумеется, специалисту ясно, что все это опечатки, но опечатки очень уже нежелательные по отношению к широкому кругу читателей.

Исходя из интересов этого круга читателей, автору следовало бы снабдить книгу терминологическим словарем: в книге около ста специальных терминов, которые нуждаются в объяснении. Нуждаются, по нашему мнению, в объяснении и некоторые имена (Астиох, Анахарсис).

Указанные ошибки и опечатки, ответственность за которые, само собою разумеется, должны вместе с автором разделить редактор и издательство, несколько снижают ценность этой интересной по замыслу книги. Тем не менее нельзя не признать работу М. М. Кобылиной полезным вкладом в изучение античного искусства, заполняющим существенный пробел в нашей историографии. Нельзя также не поблагодарить Институт археологии АН СССР за предпринятое им издание.

И. В. Куклина

[5] K. Freeman, Greek City — States, L., 1950, стр. 142.

[6] RE, V, стб. 442.

ARTHUR UNGNAD, Grammatik des Akkadischen. Völlig neubearbeitet von Lubor Matouš. Vierte Auflage der Babylonisch-assyrischen Grammatik A. Ungnads. Verlag C. H. Beck, Münch., 1964, 202 + XV стр.

В области востоковедения все еще сохраняется комплексный характер гуманитарных наук: историк все еще должен быть одновременно если не лингвистом, то во всяком случае филологом. Поэтому состояние изучения грамматики древневосточных языков имеет прямое отношение к возможностям труда историка древнего Востока.

С тех пор как в результате появления новых источников и исследований устарела первая строго научная грамматика аккадского (вавилоно-ассирийского) языка Фридриха Делича [1], ее место заняла сжатая грамматика Артура Унгнада [2]. По точности приводимого материала, по ясности изложения и обоснованности заключений с ней не могли сравниться другие грамматики, время от времени появлявшиеся в различных странах; во всем мире ассириологи учились по грамматике А. Унгнада и пользовались ее данными в своих исследованиях.

В 1952 г. появилась подробная грамматика Вольфрама фон Зодена [3]. Основанная на картотечной росписи громадного количества памятников [4], грамматика В. фон Зодена дает чрезвычайно детальную грамматическую картину аккадского языка в его развитии,— от староаккадского до поздневавилонского диалекта. Однако, как справедливо замечает Л. Матоуш в своем предисловии к рецензируемой работе (стр. V), грамматика В. фон Зодена не полностью заменяет грамматику А. Унгнада. Действительно, «Grundriss» фон Зодена — прекрасное справочное пособие, но это издание слишком загромождено деталями для того, чтобы служить пособием учебным, а также пособием для более общего ознакомления ученых смежных областей с аккадским языком. Бесконечные отступления, детально освещающие грамматические особенности отдельных диалектов и периодов языкового развития, сильно затрудняют пользование этой книгой. В силу своего исследовательского характера работа В. фон Зодена содержит также немало положений, отражающих мнение автора, но не могущих считаться общепринятыми. Поэтому нужда в «стандартной» краткой грамматике аккадского болезненно ощущалась всеми ассириологами.

Следуя традициям древневосточной филологии, издательство Бек в Мюнхене решило предпринять новое, четвертое переработанное издание книги А. Унгнада, полностью оправдавшей себя в полувековой преподавательской практике. В нее было решено включить все основные данные по аккадской грамматике, полученные наукой после смерти автора, подобно тому, как это уже в течение более ста лет делается в отношении древнееврейской грамматики В. Гезениуса, 28-е и 29-е издание которой [5] уже имеют очень мало общего с первоначальным. Переработка грамматики А. Унгнада была поручена чешскому ассириологу Любору Матоушу, одному из лучших современных знатоков аккадского языка.

Нынешнее четвертое издание аккадской грамматики А. Унгнада в переработке Л. Матоуша — ценнейший подарок для филологов и историков древнего Востока. Полностью сохраняя характер свойственных А. Унгнаду ясности и сжатости изложения, Л. Матоуш учел все основные новейшие достижения ассириологов-грамматистов; помимо грамматики В. фон Зодена учтены некоторые критические замечания на нее, а также многочисленные специальные работы, в том числе и еще не опубликованные исследования К. Деллера и К. Хеккера.

Построение грамматики — традиционное: естественно, что грамматику, выходящую под именем ученого старшего поколения, нельзя было перестроить под углом зрения новых веяний в общем языкознании. Однако в этом пока еще и нет необходимости, так как для древневосточных языков до сих пор не выработан тип

---

[1] F. Delitzsch, Assyrische Grammatik, B., 1889.

[2] Первое издание: A. Ungnad, Babylonisch-assyrische Grammatik mit Übungsbuch, Münch., 1906; последнее издание перед рецензируемым: A. Ungnad, Grammatik des Akkadischen mit Übungsbuch (in Transkription), 3. durchgearbeitete Auflage, Münch., 1949 (издание посмертное, подготовленное по рукописи автора M. Сан-Николó).

[3] W. von Soden, Grundriss der akkadischen Grammatik, Roma, 1952 (далее — GAG).

[4] Пользуясь своей картотекой и картотекой умершего Б. Мейсснера, В. фон Зоден в настоящее время выпускает также подробный словарь, охватывающий все периоды и диалекты аккадского языка (W. von Soden, Akkadisches Handwörterbuch, Wiesbaden, 1959), по полноте почти не уступающий коллективному труду — многотомному словарю Чикагского института («The Assyrian Dictionary», ed. I. J. Gelb, Th. Jacobsen, B. Landsberger, A. L. Oppenheim, E. Reiner, Chicago, 1956).

[5] W. Gesenius, Hebräische Grammatik, 28. Aufl. hsg. von E. Kautsch, Lpz., 1909; 29. Aufl. hsg. von G. Bergsträsser, I — II, Lpz, 1918—1929.

структуралистской грамматики, который был бы достаточно легок и удобен для восприятия читателем и учащимся и в то же время в должной мере учитывал бы то обстоятельство, что в древневосточной филологии мы имеем дело не непосредственно с синхронными языковыми структурами, а с письменными языками, нередко отражающими разновременные слои языкового и, тем более, графического развития.

В новом издании грамматики А. Унгнада в основу изложения, как и прежде, взят старовавилонский диалект аккадского, однако даются и указания на важнейшие отличия других диалектов. Возросший объем книги вынудил редактора опустить прилагавшуюся к прежним изданиям хрестоматию текстов в транслитерации; об этом следует пожалеть, так как существующие хрестоматии текстов в их подлинном клинописном облике [6] не заменяют упражнений, разработанных А. Унгнадом, которые значительно облегчали усвоение параграфов самой грамматики и, помимо того, давали возможность ознакомления с аккадским языком также для специалистов в смежных областях — гебраистов, арабистов, арамеистов, эфиопистов, египтологов и т. п.

Работа, проделанная Л. Матоушем, настолько ценна для всякого, кто имеет дело с языком или историей древнего Двуречья, что кажется почти несправедливым делать ему упреки в том или ином несовершенстве его труда. Приводимые ниже критические замечания, конечно, ни в коей мере не могут влиять на высокую оценку четвертого издания грамматики А. Унгнада в обработке Л. Матоуша и служат лишь цели содействовать еще бо́льшему усовершенствованию следующего издания.

Естественно, что грамматика, выпускаемая под именем покойного выдающегося ученого, должна включать из данных, сделавшихся достоянием науки после смерти автора, только такие, которые безоговорочно приняты наукой и более ни у кого не вызывают никаких сомнений; предполагается, что автор, будь он еще жив, был бы готов подписаться под каждым положением. Между тем, некоторые моменты, введенные редактором в новое издание грамматики, представляются нам еще подлежащими дискуссии; иначе и быть не может, имея в виду, что редактор учитывал даже неопубликованные работы, выводы которых еще не подвергались в науке коллективной критической проверке и рецензированию; да и положения монументальной грамматики В. фон Зодена, расходящиеся со взглядами А. Унгнада, как они изложены в предыдущих изданиях его грамматики, но в большинстве случаев безоговорочно принятые редактором рецензируемого издания, не всегда разделяются другими исследователями. С другой стороны, некоторые положения А. Унгнада, сохраненные редактором, тоже представляются дискуссионными. Ниже мы попытаемся отметить те моменты в книге А. Унгнада — Л. Матоуша, которые, с нашей точки зрения, должны восприниматься при преподавании и изучении аккадского языка не догматически, в качестве принятых всей наукой, а только как отражающие взгляды редактора или же той или иной — часто, может быть, и значительной,— группы исследователей.

«Введение» (§ 1a). По мнению рецензента, семитские языки следует подразделить не на две ветви — восточносемитскую (аккадский) и западносемитскую (все остальные языки) с дальнейшим подразделением последней на две группы — северо-западную и юго-западную, а на четыре ветви: северно-периферийную (аккадский), северно-центральную (ханаанейские и арамейские языки), южно-центральную (арабский) и южно-периферийную (языки Южной Аравии и Эфиопии). Однако следует учитывать, что ряд различий между семитскими языками (например, в глагольной системе) носит, несомненно, не столько ареальный, сколько стадиальный характер; так, ранние северно-центральные (северо-западные) и некоторые южно-периферийные (юго-западные) языки по ряду важнейших своих грамматических черт (глагольная система) сближаются с аккадским едва ли не в большей степени, чем с позднейшими по уровню развития языками своих групп; что же касается признаков лексических и фонетических, то и они не позволяют достаточно обосновать противопоставление аккадскому всех западносемитских языков как единой ветви. В издании 1949 г. А. Унгнад не отнес южно-периферийных языков к западносемитским (в отличие от более ранних изданий) и едва ли не был прав.

(§ 1b). Нововведением для грамматики А. Унгнада является предлагаемая трактовка семитского корня (в основном по В. фон Зодену). Согласно этой трактовке, в состав «слабого» корня входит, помимо двух согласных радикалов, также долгий гласный (модели *kūn, *bnī, по прежней

[6] Л. Матоуш (стр. VI) ссылается на кн. Th. Bauer, Akkadische Lesestücke, I — III, Roma, 1953 и R. Borger, Babylonisch-assyrische Lesestücke, I — II, Roma, 1963—65; можно еще упомянуть хрестоматию Л. А. Липина («Аккадский (вавилоно-ассирийский) язык», Л., 1957); справочная часть этой книги устарела, так как является перепечаткой из известной хрестоматии Ф. Делича (F. Delitzsch, Assyrische Lesestücke, последнее издание — Lpz., 1913); неудачен и приложенный к хрестоматии словарь. Тем не менее в текстовой части это полезное и широко используемое учебное пособие.

трактовке *kwn, *bnj), а в состав «сильного» корня — три согласных радикала и краткий гласный (модели *prus, *pqid и т. п., по прежней трактовке *prs, *pqd). Однако в качестве предполагаемой «корневой» огласовки глагольного корня берется огласовка одной определенной финитной глагольной формы — Praeteritum (и Imperativus) породы G, что, в сущности, произвольно [7]. Вернее было бы говорить о закономерном для каждой модели глагольного корня чередовании гласных[8]. На ранних этапах развития семитских языков,— в частности, в аккадском,— огласовка форм от «сильного» глагольного корня после первого радикала, как правило, *a* или *ø*; другие огласовки на этой позиции могут, вероятно, рассматриваться как имеющие вторичное происхождение [9]. Поэтому, если полагать, что первоначально в семитский «сильный» глагольный корень входил, наряду с согласными радикалами, и постоянный гласный (что весьма вероятно), то этот гласный был, скорее всего, *a* (после первого радикала). Что же касается огласовки после второго радикала, то она носит скорее характер грамматического показателя, чем корневой огласовки, в том числе и в форме Praeteritum G, и существует лишь в определенном чередовании с огласовкой других глагольных форм. Несмотря на то, что на засвидетельствованном памятниками уровне развития аккадского языка не всегда легко определить грамматическое значение той или иной модели чередования огласовок, лексикализация этих моделей, несомненно, вторична.

Следовало бы также уже здесь оговорить особый характер исконно именных корней (ср. § 35a 2).

(§ 3a и 3f). Утверждение о наличии на поздних этапах развития аккадской клинописи, наряду со знаками типа *V*, *VC*, *CV* и *CVC*, также «слоговых» знаков типа *CVCV* (по К. Деллеру), как нам кажется, приемлемо небезоговорочно; возможно, что здесь идет речь об элизии гласного, уже ранее редуцированного: [ibbalakkatúni] > [*ibbalə(k)katúni] > [ibbalkatúni]; отсюда написание i-BAL-kàt-u-ni, где BAL нет необходимости трактовать как двухслоговой знак *BALA (как иногда в шумерских логограммах); в крайнем случае можно признать, что при следовании слога с редуцированным гласным за слогом с полным гласным редуцированный гласный мог не получать графического отражения [10]; иначе говоря,— слоговые знаки типа *CVC* обслуживали и фонетическую последовательность *CVCə*.

Точно так же наличие в написании «паразитических» гласных (li-qi-bu-ni для [*liqbūni]) свидетельствует, по нашему мнению, не о возникновении знаков для одного согласного [11], а о возникновении «облегчительного» гласного типа šəwā между взрывными или между плавным и взрывным в определенной фонетической позиции [*liqəbúni] [12]. Так или

[7] Ср. для «слабых» корней: (староакк. и староасс.) Inf. ku'ānum, Praet. ikūn, Praes. iku'an; Inf. banā'um, Praet. ibnī, Praes. ibannī; но для «сильных»: Inf. parāsum, Praet. iprus, Praes. iparras; Inf. paqādum, Praet. ipqid. Praes. ipaqqid.

[8] См. J. Kuryłowicz, L'apophonie en sémitique, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961.

[9] В самом деле: 1) все модели собственно глагольных и именных отглагольных основ с префиксами и инфиксами имеют *a* или *ø* после первого радикала или восходят к таким формам (например, pitras- < *p(a)ras- + инфикс-t-); 2) из списка моделей именных основ без префиксов по списку GAG § 54 следует исключить : а) слова, семитское происхождение которых сомнительно (ugārum «возделываемая территория», sinuntum «ласточка», kunāšum «пшеница», turāḫum «козерог», pilakkum «веретено», nigiṣṣum «ущелье», qināzum «плеть» и многие другие); б) модели, где *u* после первого радикала чередуется по диалектам с *a*, поскольку последняя форма, вероятно, более древняя (ḫubullum // ḫabullum «долг», модель глагольного имени purrus-//parrus и т. п.); в) формы имен с лексикализованными формантами (lišānum «язык», imērum «осел», dinānum «образ»; их следует отнести к исконно именным корням, которые имеют свои особые закономерности, не обсуждаемые здесь; 3) после исключения таких форм, а также уменьшительных, которые, вероятно, тоже вторичного происхождения (ṣuḫārum «отрок», kusīpum «кусочек»), остается чрезвычайно мало моделей, имеющих *i* и *u* после первого радикала (из широко употребительных — только pirs- и purs-). О семантике моделей чередования глагольных огласовок см. GAG, § 100.

[10] Аналогию представляет масоретский значок šəwā, выражающий как гласный в сильной степени редукции (*ə*, šəwā mobile), так и нуль гласного (šəwā quiescens).

[11] Подобные знаки действительно возникают в позднеэламской письменности, однако они фиксированы в этом употреблении, например, для *-k* в конце закрытого слога всегда применяется только знак IK, для *-m* — всегда только *UM* и т. д., независимо от фонетического окружения. Здесь же возможен любой слоговой знак в зависимости от огласовки предыдущего слога.

[12] В пользу фонетического, а не графического характера этих «паразитических» или «облегчительных» гласных говорит и появление их при транскрибировании поздневавилонских текстов греческим письмом в III — I в. до н. э.:*σολο[βορ] ωει = [šul^{u}ḫur ūwī] = šulbur ūmī иначе,

оба явления, как нам кажется, следует трактовать с точки зрения фонетики, а не графики, значительно более косной в своем развитии.

(§ 3d). По-видимому, scriptio plena для долгих[13] гласных возможна, как правило, только под ударением.

«Фонетика» (§ 4a). Нам представляется преждевременным включение, вслед за В. фон Зоденом, в нормативную грамматику подобного типа (тем более, что она в данном случае основана на старовавилонском диалекте), сверх *a*, *e*, *i*, *u* в долгом и кратком варианте, также и гласных звуков *o* и *ä*, так как соответствующие данные источников могут иметь и другое истолкование. Прежде всего здесь не проведено различие между явлениями фонетическими и фонологическими. Ф о н е м *o* и *ä* в аккадском безусловно не существовало (как не существует их и в арабском, несмотря на резкие различия в произношении фонем *a*, *i*, *u* в зависимости от фонетического окружения). Согласно В. К. Шилейко, в поздневавилонских текстах, записанных греческим алфавитом, всякое аккадское краткое *u* передается как ο[14]. Это, однако, бесспорно доказывает только, что данный звук был далек от греческого узкого, палатализованного υ (недаром греч. υ передавалось в аккадском как *i*). Кроме того, следует учесть несомненно сильное развитие редукции гласных, особенно в поздних диалектах аккадского[15], что и может оказаться объяснением таких написаний как новоасс. áš-par-u-ni для [*aspərūni< <*ašpurūni]; видеть здесь передачу гласного [o] необязательно. Более того, нам кажется, что бесспорных случаев передачи иноязычного гласного [o] с помощью знаков для слогов, содержащих *a*, вообще нет в клинообразных системах письменности, поэтому и случаи чередования написаний с *a* и с *u* в самом аккадском могут оказаться способом передачи скорее [ə], чем [o].

Совсем спорным представляется нам наличие в аккадском палатализованного [ň] (§ 16b, Anm.; § 22c), так как форма inamdiṇ < inandin < inaddin, образованная по диссимиляции, вовсе не требует предположения о наличии здесь палатализации. Пока недостаточным кажется нам материал, доказывающий существование в аккадском (и шумерском) звука [ř] (глухое *r*? См. § 19e, Anm. 1).

(§§ 12—13). В разделе о «полугласных» следовало бы учесть теорию глайдов в аккадском, разработанную Э. Рейнер[16].

(§ 19). Форма Urašṭa «урарт, армянин», очевидно, восходит не к Urarṭa (такой формы нет), а через посредство формы Urašṭā к Ur'arṭā'a (Ur'arṭāia).

(§ 20). Обозначение фонемы, встречающейся в каузативном показателе и в местоимениях 3-го лица и чередующейся с *h* || ' в других семитских языках, как *ś*, представляется крайне неудачным, так как это обозначение уже принято для другой (латеральной?) общесемитской фонемы (др.- евр. śīn), с которой она, несомненно, не идентична: общесем. **ś* > акк. *š*, др.- евр. *ś*, араб. *š*, между тем как обсуждаемая фонема, общесем. *s̱* (как мы предлагаем ее обозначать) > акк. *š*, др.- евр. *h*, и в определенных сочетаниях *š* (в арабском > *h* и ' || *h*, и в определенных сочетаниях *s*). При этом можно допустить, что сама аккадская фонема, которую мы традиционно транслитерируем как *š*, в действительности была именно латеральным *ś*[17], чем и объясняется пере-

---

(W. K. S i l e j k o, AfO, 3, 1920—1921, стр. 11—13). Ср. σαφαλις = [*šap̃ᵃliš] = šapliš (E. S o l l b e r g e r, Graeco-Babyloniaca, «Iraq», XXIV, стр. 65).

[13] А при так называемых среднеассирийских и средневавилонских «аномальных» написаниях (ср. § 4a¹)—и для кратких ударных гласных. Однако такие «аномальные» написания характерны только для определенного, сравнительно узкого круга текстов (см. Г. Х. К а п л а н, К фонетике среднеассирийского диалекта аккадского языка, «Семитские языки», 2, ч. II, М., 1965, стр. 187 сл.)

[14] В бóльшей степени колеблются передачи акк. *ū*, *û* (ω, ου, ῡ). Ср. по этому поводу соображения В. К. Шилейко (AfO, 5, стр. 13).

[15] Вряд ли можно принять положение А. Унгнада (§ 38b), что в новоассирийском диалекте форма винительного падежа замещается формой именительного — тип развития, имеющий мало аналогий: обычно с разрушением системы внешней флексии, напротив, прямой падеж вытесняется косвенным. Новоассирийское именное окончание -u, обслуживающее как винительный, так и именительный падеж, следует скорее трактовать как передачу редуцированного гласного [-ə] (как известно, в ново- и поздневавилонском, а в отдельных случаях и в новоассирийском, эта флексия редуцируется уже до нуля). В связи с этим, очевидно, нельзя, как это делает В. фон Зоден (GAG, § 64e), трактовать «облегчительное» *i* в конце некоторых форм сопряженного состояния просто как [-ə]; скорее следует предположить, что в новоассирийском различался палатализованный редуцированный гласный (графически -*i*) и непалатализованный (графически -u или в определенных случаях -*a*-).

[16] E. R e i n e r, The Phonological Interpretation of a Subsystem in the Akkadian Syllabary, «Studies presented to A. Leo Oppenheim», Chicago, 1964, стр. 167 сл.

[17] В староаккадском диалекте были как [ś], так и [š] (а также, возможно, и [s̱]). Обычно считается, что в дальнейшем

ход сочетания *-št-* > *-lt-* (распространившийся затем и на другие сочетания сибилянта со взрывным, а потом и щелевым переднеязычным), а также совпадение *š* с *s* в новоассирийском диалекте (§ 20d).

(§ 22b). Этимологически неоправданное удвоенное написание согласных (ḫiṭṭu вм. ḫiṭu «грех», окончание имен абстрактных на -uttu[18] вм. -ūtu, имен индивидуализованных на -annu вм.-ānu и т. п.) можно объяснить как альтернативный способ графической передачи ударения на долгом гласном (или на гласном, удлиненном под влиянием ударения). В ряде случаев удвоенные написания совершенно адекватны scriptio plena ударного гласного.

(§ 24c). При присоединении местоименной притяжательной энклитики к имени в форме родительного падежа, ударение (как следует из правил стихосложения) падало на предпоследний слог (*ina ṣerí-ki, *ina ṣēri-šúnu). Однако этот слог практически никогда[19] не пишется plene (или, тем более, с удвоением следующего согласного). Поэтому маловероятно, чтобы здесь мы были вправе постулировать удлинение гласного (*ina ṣerī-ki, *ina ṣēri-šūnu). Вообще, законы ударения в аккадском нуждаются в дальнейшем исследовании[20].

«Морфология» (§ 25). Долгий гласный на конце самостоятельных личных местоимений anākū, attā, attī, nīnū, attunū, attinā (так по А. Унгнаду — Л. Матоушу) постулируется, по всей вероятности, исходя из случаев написания этого гласного plene в случае присоединения энклитики. Помимо этих, не слишком частых, случаев, написание конечного гласного этих местоимений plene известно мне только при вопросительной и, может быть, паузальной интонации. Все эти случаи написаний могут рассматриваться как отражающие перемещение ударения. В прежних изданиях грамматики А. Унгнада символами *ā*, *ē*, *ī*, *ū* как раз и обозначались гласные, выступающие как долгие только в определенных условиях (так называемые «сокращаемые», в отличие от «несокращаемых» долгих *â*, *ê*, *î*, *û*); Л. Матоуш перешел на систему В. фон Зодена, где как *â*, *ê*, *î*, *û* обозначаются только те долгие гласные, которые возникли в результате слияния двух гласных, а остальные долгие обозначаются как *ā*, *ē*, *ī*, *ū*. Но написание anākū, attā и т. д. тем самым означает признание конечных гласных в этих местоимениях долгими в л ю б ы х условиях, что требует дальнейших доказательств.

(§ 36). Раздел словообразовательных моделей аккадского имени, соответствующих семантическим классам, следовало бы изложить подробнее; ссылка на В. фон Зодена не решает проблемы, тем более, что в этом разделе GAG содержится немало и спорного. Простое же перечисление моделей имени, лишь очень редко сопровождаемое указанием на их семантику, как это сделано в рецензируемой книге, мало что дает для понимания системы словообразовательных структур и к тому же, как показывает преподавательская практика, не запоминается учащимися. Между тем, усвоение этого раздела имеет большое практическое значение для чтения и перевода неизданных текстов, так как позволяет правильно выбрать из теоретически возможных чтений тех или иных сочетаний клинописных знаков единственно оправданное с формальной и семантической стороны и отбросить неприемлемые. В § 36h, 27 следует, очевидно, читать nešmū вместо nišmū и, вероятно, melqītu вместо milqītu. В § 36j, 35 совершенно необходимо было бы указать, что модель *taprīs- — масдар редуплицированной породы D.

(§ 53). Представляется сомнительным, чтобы аккадский язык на каком бы то ни было этапе своего развития выработал систему времен в собственном смысле слова. С нашей точки зрения здесь, как и в других древнесемитских языках, в с е г д а господствовала система противопоставления двух в и д о в — совершенного и несовершенного действия (плюс форма предиката, выражающего состояние). Хотя в грамматике А. Унгнада — Л. Матоуша и оговорен не-временнóй характер аккадских финитных глагольных форм, однако только в отношении их первоначального смысла (ursprünglich); тем не менее, представляется сомнительным, чтобы соответствующие формы выражали времена и позже: термин Tempora, применяемый к ним, — несомненно, дань старинным грамматическим представлениям и здесь в новом издании — шаг назад по сравнению с предыдущим (3-е изд., § 30a). Так, например, статив ни коим образом не являлся временной формой (ср. § 54d), а был общей предикативной формой причастия состояния. В связи с этим необходимо отметить, что причастие состояния рассматривается в рецензируемой книге (§ 61 c) под обозначением Verbaladjektiv

---

[š > ś], но вполне вероятно и обратное, т. е. [š > ś].

[18] Эту форму вряд ли следует рассматривать как ассирийскую диалектальную; во всяком случае, ее следует отнести за счет графических, а не языковых особенностей того или иного периода или района распространения клинописи.

[19] Если и встречаются совершенно единичные случаи подобного рода, то их следует, вероятно, отнести к числу «аномальных» написаний, о которых шла речь выше.

[20] А также вопросы scriptio plena и scriptio defectiva в графике и проблема их соотношения с фонологически и фонетически долгими и краткими гласными.

(в прежних изданиях — Participium perfecti), причем указывается, что «в отличие от причастия (т. е. причастия действия — *И. Д.*) оно пассивно» (в прежних изданиях: «обычно пассивно»). Однако причастие действия не образуется от так называемых глаголов состояния [21] (что следовало бы указать), а причастие состояния (Verbaladjektiv) и, соответственно, его предикативная форма — статив, образуясь как от глаголов действия, так и от глаголов состояния, в то же время нейтральны в отношении залога; так, ṣabit может означать не только «взят», но и «взял и продолжает держать», например, urḫa ṣabtāku «держу путь» (ср. подробно § 54d); такие склоняемые формы причастия состояния как balṭu «живой», šalmu «благополучный», marṣu «больной» тоже не имеет характера ни активного, ни пассивного залога. Если в случае Verbaladjektiv от переходных глаголов действия мы в большинстве случаев переводим его пассивным причастием, то в самой системе аккадского языка эта глагольная форма все же не должна рассматриваться как пассивная: это частный случай употребления формы, выражающей состояние вообще. С нашей точки зрения, в аккадском не существовало самих категорий актива и пассива; другое дело, как нужно переводить те или иные аккадские формы на языки, обладающие залогами. Это вопрос того же порядка, как и проблема времен и видов; конечно, при переводе тех или иных аккадских глагольных форм мы передаем их соответственными формами своей глагольной системы, построенной на выражении категории времени; но отсюда еще не следует, что в системе аккадского языка существовали времена.

Трудно считать временно́й формой не только статив, но и так называемый Praesens, хотя бы потому, что он может выражать незавершенное действие как в будущем, так и в настоящем и даже в прошедшем, а также некоторые модальные оттенки значения глагола, а точнее — любое незавершенное действие. Что касается семантики Praeteritum и Perfectum, которая менялась по периодам и до сих пор не достаточно выяснена, то, во всяком случае, и эти глагольные формы не противопоставляются как разные категории времени. С нашей точки зрения все эти формы — скорее виды (Aspekten) чем времена (Tempora), причем Praesens — вид несовершенный.

Редактируя грамматику А. Унгнада, Л. Матоуш полностью принял, — соответственно перестроив изложение, — теорию аккадского Perfectum в том виде, в каком она была разработана В. фон Зоденом (в первоначальном виде она была выдвинута Б. Ландсбергером). Однако теория В. фон Зодена содержит ряд слабых мест и, возможно, потребует частичного пересмотра. Согласно В. фон Зодену, в аккадском существует система трех времен (помимо статива), проходящая по всем породам глагола — Praesens, Praeteritum и Perfectum. Однако сферы значений каждой из этих «временны́х» форм, в особенности Praeteritum и Perfectum, до сих пор не могли быть ясно сформулированы.

Множество морфологических моделей, занимающих, согласно В. фон Зодену, различные места в парадигме, по форме полностью совпадает. Это заставляет насторожиться:

1) Perfectum G = Praeteritum Gt
Perfectum D = Praeteritum Dt = Praeteritum Dtn
Perfectum Š = Praeteritum Št = Praeteritum Štn
2) Praesens Gt = Praeteritum Gtn
3) Perfectum Dt и Št = Perfectum Dtn и Štn.

В частности, породы Dtn и Štn имеют самостоятельную форму только в Praesens, все остальные формы этих пород как финитные, так и нефинитные, не различимы от форм пород Dt и Št. К этому следует добавить, что формы uptarris и uštapris вообще не могут быть отнесены к породам Dtn и Štn, так как не могут рассматриваться как образованные с помощью инфиксации -tan-: предполагаемые исходные формы *up-tan-rris и *uš-tan-pris противоречат основному закону семитской фонетической системы, согласно которому скопление трех согласных подряд исключается на любом этапе развития языка, а на раннем — тем более; не могут они быть возведены и к *up-tan-arris и *uš-tan-apris, так как тогда не наступило бы стяжение из-за ударения на втором слоге от конца. Поэтому мы вправе исключить эти формы из пород Dtn и Štn и числить их только в породах Dt и Št. То же верно относительно форм uptatarris и uštatapris, и уже из этого следует, что не все породы образуют перфект.

При этом необходимо учесть, что все формы Perfectum от глагольных пород с инфиксом -t- и -tan- — в высшей степени

[21] Нужно отметить (А. Унгнад, 3-е изд., § 30 f; в 4-м издании опущено), что почти все так называемые глаголы состояния в аккадском (кроме глаголов с неполной парадигмой типа išū «иметь», baštū «быть» и т. п.) в действительности являются — в формах Praesens, Praeteritum и Perfectum — глаголами непереходного действия (например, глаголы движения: alākum «ходить», причем обстоятельство места конструируется как прямой объект, или начинательные: balāṭum «становиться или оставаться живым»). Собственно состояние выражается только формой статива.

редкие и, насколько мне известно, как правило, поздние [22]; они также, несомненно, первоначально отсутствовали в глагольной парадигме. С исключением этих форм оказывается: а) что породы Dtn и Štn вовсе не имели Perfectum, а породы Gt, Dt, Št и Gtn не имели его, во всяком случае, первоначально; б) что породы Dtn и Štn не имели и особой, различимой от пород Dt и Št, формы Praeteritum; да и формы Praesens Dtn и Štn — настолько редки, что их можно считать возникшими под влиянием Systemzwang (аналогия с породой Gtn); поэтому породы Dtn и Štn могут быть исключены из принципиального рассмотрения исходной системы; в) что остальные формы Perfectum (пород G; D и Š) формально совпадают с Praeteritum, соответственно, пород Gt, Dt и Št. Единственная независимая форма Perfectum существует в возвратной породе N; к объяснению этого факта мы вернемся ниже.

Итак, в исходной парадигме Perfectum G, D и Š и Praeteritum Gt, Dt и Št представляют собой одни и те же формы [23]. Отнесение форм с инфиксом -ta- частично к породам G, D и Š в качестве особой формы Perfectum — явление несомненно вторичное и, возможно, связанное с влиянием шумерского.

Обратимся к семантике пород Gt, Dt и Št. Согласно § 67d рецензируемой книги, порода Gt может у одних глаголов иметь значение взаимности (qerēbum «приближаться», qitrubum «встречаться, схватываться»), у других — отделительное значение (alākum «итти», atlukum «уходить»), у третьих — значение действия с постоянным результатом (šakānum «класть, ставить», šitkunum «устанавливать, утверждать»). Такие несомненные случаи существования явно автономной породы Gt известны для немногих глаголов. Согласно § 68b, Dt имеет возвратное значение, откуда далее вырабатывается значение пассивное; возвратное же значение имеет и $Št_2$ (§ 69b), в то время как вариант той же породы $Št_1$ имеет возвратно-безличное и затем пассивное значение [24].

Сопоставление с другими семитохамитскими языками показывает, что первоначальной функцией пород с инфиксом (или префиксом) (-)t- было выражение любой перемены направления действия [25]; поэтому вполне допустимо предположение, что из этого круга значений могла выработаться и функция выражения действия, наступающего в с л е д с т в и е или п о с л е какого-либо другого действия. Если это действие было законченным и мгновенным, то оно выражалось с помощью Praeteritum пород с инфиксом -t-, точно так же, как исходное или предшествующее законченное мгновенное действие выражалось с помощью Praeteritum пород без инфикса.

Трудность, которую испытывают исследователи, пытаясь семантически разграничить значение Praeteritum и Perfectum в их развитии, тем именно и объясняется, что все формы так называемого Perfectum — первоначально претеритальные (т. е. выражают вид совершенный).

Лишь позже, когда выражение «последовательности действия», а затем и мгновенного завершенного действия вообще, становится о с н о в н о й функцией форм с инфиксом -t-, противопоставляемых формам Praeteritum G, D и Š, появляется

[22] Так, они не засвидетельствованы в староаккадском (I. J. G e l b, Old Akkadian Writing and Grammar [2], 2nd ed., Chicago, 1961, стр. 157 сл.), в старовавилонском диалекте Мари (A. F i n e t, L'accadien des lettres de Mari, Bruxelles 1956; единственная сомнительная форма nu-uš-ta-ti-lu, стр. 157 — очевидно, читать, по В. фон Зодену, nu-uš-ṭà-ti-lu, Perf. G.) и Элама (L. de M e y e r, L'accadien des contrats de Suse, Leiden, 1962, стр. 124 сл.), а также в среднеассирийском диалекте (по сообщению Г. Х. Каплан); полных грамматик староассирийского диалекта и старовавилонских диалектов северной и южной Вавилонии еще нет, но уже и сейчас можно сказать что и там они, если существуют, то крайне редки.

[23] Форма Praesens Gt также совпадает с формой Praeteritum Gtn, но в этом случае возможно совпадение по фонетическим причинам: Gt Praes. ip-t-árras, Praet. ip-t-aras; Gtn Praes. ip-tan-árras, Praet. *ip-tán-aras > *ip-tán-ras > iptárras.

[24] По А. Унгнаду — Л. Матоушу (изложение следует здесь за GAG, § 94), $Št_1$ образует пассив к породе Š. Однако, собственно пассивные значения для возвратных пород вырабатываются в аккадском лишь постепенно. Большей частью грамматический субъект подобной формы не противопоставляется отдельному логическому субъекту, и, например, uštalpit скорее значит «разрушился», чем «был разрушен».

[25] Ср. GAG, § 92c. В большинстве семитохамитских языков породы этого типа выражают возвратное или взаимное действие, откуда лишь позже вырабатываются (например, в арамейском) пассивы; однако любопытно, что берберский являет развитие, аналогичное наблюдаемому в аккадском: наряду с сохранением особых рефлексивных пород модели i-tə-frəs, наблюдается вхождение форм с префиксом -tt- внутрь парадигмы л ю б ы х пород наряду с формами видов совершенного и несовершенного, а именно для выражения завершенного постоянно повторяющегося действия (габитатива). Следует заметить, что египетскую глагольную форму šḏm.t.f не следует, как это иногда делается, связывать с аккадским Perfectum: *она не имеет с ним ничего общего* ни по семантике, ни по происхождению.

потребность в соответственных формах для всех пород. Раньше всего, очевидно, возникла автономная форма с инфиксом -t- для породы N, поскольку не существовало породы *Nt, чей Praeteritum мог бы нести соответствующую функцию. Это, возможно, было обусловлено наличием случаев функционирования породы N в качестве основной для некоторых глаголов (где n-, видимо, являлся старым лексикализованным префиксом иного происхождения, чем показатель возвратности породы N) [26]; для таких глаголов существовала не только итеративная порода Ntn, что несомненно, но и Nt, во всяком случае в функции выражения последующего действия, откуда модель формы с инфиксом -t- могла перекочевать и в остальные случаи употребления породы N. Затем, поскольку породы Gt, Dt и Št, по крайней мере для некоторых глаголов, имели и свою особую семантику, помимо функции выражения consecutio actionibus, появляется потребность в отдельных «перфектных» формах и для этих пород — возникают формы iptatras и т. д. для породы Gt, uptatarris для Dt и uštatapris для Št; этот процесс идет и дальше, и в новоассирийском диалекте мы уже встречаем форму uktatassar, не укладывающуюся в парадигму В. фон Зодена. Имея в виду, что наличие всего двух форм, uptarris и uptatarris, было недостаточно для обслуживания и Praeteritum и Perfectum как породы Dt, так и породы Dtn, понадобилось перераспределение и создание новых форм. К тому же, «перфектные» формы от пород с инфиксами остались достоянием только разговорного языка; они, по-видимому, воспринимались как «вульгарные», так как практически и в позднее время не встречаются в литературных и официальных текстах.

Если бы речь шла только о выражении consecutio actionibus, то, возможно, вся система «перфектных» форм могла бы и не выработаться. Ее создание следует поставить в связь с расширением значения самих форм с инфиксом -t-. Начиная со средневавилонского и среднеассирийского периодов формы с инфиксом -t- в живом языке [27] полностью вытесняют Praeteritum в его роли формы, выражающей мгновенное завершенное действие в утвердительном повествовательном предложении; именно это, видимо, и вызвало настоятельную потребность во введении аналогичных форм с инфиксом -t- по всем породам, и только с этого момента возникает аккадский Perfectum как факт общей глагольной системы.

Однако это не нарушает характерного для семитских языков принципа двух видов, так как роль совершенного вида теперь, вместо Praeteritum, играет Perfectum, противостоящий Praesens, за которым остается роль несовершенного вида. Старый же Praeteritum сохраняется как специфическая модальная форма для выражения предиката в вопросительных, отрицательных и придаточных предложениях, в утвердительных же — только как архаизм, как устаревшая историческая форма.

Мы отдаем себе полный отчет в том, что наша интерпретация аккадской глагольной системы является лишь одной из возможных; но в самом начале наших критических замечаний мы уже отметили, что речь будет идти не об ошибках автора или редактора рецензируемой книги, а лишь о том, что, несмотря на принятое в ней нормативное изложение, некоторые моменты в ней остаются еще спорными и могут являться предметом дискуссии. Все это нисколько не должно уменьшить той благодарности, с которой будет принята книга А. Унгнада — Л. Матоуша всяким, кто преподает или изучает аккадский язык и не может надеяться запомнить и усвоить чрезвычайно детализированное изложение в грамматике В. фон Зодена.

И. М. Дьяконов

[26] Ср. GAG, § 102.

[27] Как он отразился в письмах; в литературных и официальных текстах, как дань истории языка и элемент архаического стиля, в утвердительном повествовательном предложении встречается также Praeteritum, причем его употребление семантически ничем принципиально не отличается от употребления Perfectum. Отсюда невозможность сформулировать, каковы грамматические функции каждой из этих форм в отдельности.

НОВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ТЕКСТОВ ИЗ АРХИВОВ УГАРИТА

CH. VIROLLEAUD, *Le Palais Royal d'Ugarit*, Textes en cunéiformes alphabétiques des archives Sud, Sud-Ouest et du Petit Palais (Mission de Ras Shamra, XI, publié sous la direction de Claude F.-A. Schaeffer), P., 1965, стр. XII + 207.

Старейший французский семитолог Шарль Виролло подарил науке новый, пятый том публикаций угаритских текстов, содержащий 172 документа (сохранившихся полностью или частично). В томе изданы в автографии и транскрипции алфавитные тексты, найденные в 1954—1955 г. (XVIII и XIX сезон раскопок) [1]. Таким образом, количество известных алфавитных угаритских текстов увеличилось почти на одну треть.

В кратком предисловии руководитель раскопок Клод Шеффер указывает на большое значение этих новых текстов. Добавим, что их изучение и сравнение с ранее опубликованными значительно расширяет наши знания не только по политической и социально-экономической истории Угарита, но заставляет во многом дополнить и по-иному осмыслить известный нам словарный запас угаритского языка [2]. Кроме того, опубликованные в PRU V тексты возбуждают ряд новых вопросов, разрешить и выяснить которые остается задачей совместных усилий угаритологов.

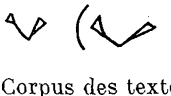
В начале издания помещены мифологические тексты, к сожалению, сохранившимися лишь во фрагментах [3]. Из них наибольший интерес представляет № 1, найденный, по мнению Ш. Виролло, в частной библиотеке. Это миф, озаглавленный: ^{d}Tbil [...]. Похоже, что Астрата (ʿttrt) представлена в нем в виде лани (aylt), а бог Эл (Il) в виде быка (tr). Поэтому нам кажется, что стк. 11 лицевой стороны — aylt tġpy tr (глагол в имперфекте, существительное жен. род. оставлено издателем без перевода) следует переводить «лань заметила [4] быка...».

В томе опубликованы тексты 19 писем [5], самое большое число для этого рода табличек, известное до сих пор. Особенно интересно письмо № 8, содержащее обращение к царю Угарита «великого (т. е. старосты) селения Mi[ḫd] [6]» (tḥm.rb Mi[ḫd]...), которое датировано фразой: ₐNmry.mlk ʿlm «Нимурия (т. е. фараон Аменхотеп III), царь вселенной»; в письме упоминается тамкар и корабль, но в целом его содержание не ясно.

Письмо № 114 из Малого дворца [7], составленное, на наш взгляд, в поэтической форме, в сильных выражениях рассказывает о каких-то бедствиях, по-видимому о ка-

---

[1] О раскопках см. Cl. F.-A. Schaeffer, Ugaritica, IV, P., 1962 и рецензию на это издание: М. Л. Гельцер, Новые проблемы истории Угарита, ВДИ, 1965, № 1, стр. 198—206. В этой рецензии был уже разобран по фотографиям ряд текстов, публикуемых Виролло в рассматриваемом V томе; хотя разбор следовало бы исправить в свете опубликованных автографий, эти исправления не меняют исторической интерпретации текстов.

[2] См. J. Aistleitner, Wörterbuch der Ugaritischen Sprache, B., 1963 (далее — WUS); см. рецензии со значительными лексико-графическими дополнениями: M. Liverani, RSO, 1964, 2, стр. 158—163; F. Vattioni, OA, IV, 1965, 1, стр. 145—148: D. O. Edzard, «Biblische Zeitschrift», 9, 1965, стр. 95—96; G. R. Driver, OLZ, LX, 1965, 1/2, стр. 5—7; M. Weippert, GGA, 216, 1964, стр. 182—195. В настоящем обзоре мы для облегчения транскрипции передаем вслед за другими угаритологами ʾa, ʾi, ʾu условно как a, i, u; помимо этого знак  как это убедительно доказала А. Эрднер (A. Herdner, Corpus des textes en cunéiformes alphabétiques de Ras Shamra, Campagnes I à XI, 1929 à 1939, P., 1963), следует передавать не через ś или ž, но через ḏ.

[3] №№ 1 (19.39); 2 (19.179); 3 (18.107) и мелкие фрагменты 124 (19.54); 125. (19.59); см. также текст о толковании снов Оп № 158 (18.39) (Оп — тексты из обжигательной печи, датируемые концом существования угаритского царства — см. Ugaritica, IV — рец. ВДИ, 1965, № 1, стр. 199).

[4] ġpy — ср. др.-евр. ṣāfā «смотреть, наблюдать»: соответствие угар. ġ др.-евр. ṣ см. угар. √nġr и др.-евр. √nṣr (см. WUS, стр. 209, № 1811).

[5] № № 8 (18.113 A); 9 (17.139); 10 (19.29); 114 (19.11); 115 (19.10); 126 (18.285); 127 (18.286); 128 (18.287); 129 (19.22); 130 (19.181); 171 (19.158); Оп № № 59 (18.31); 60 (18.38); 61 (18.147); 62 (18.148); 63(18.40); 64 (18.140), 65 (18.75); 159 (18.134).

[6] Или Mi[dḫ], так как нам известны оба эти названия селений (см. ниже).

[7] О Малом дворце см. Гельцер, Новые проблемы.., стр. 205.

ком-то набеге: $_{1}$l.Drdn $_{2}$b'ly rgm[8]| $_{3}$bn.Hrnk $_{4}$mġy $_{5}$hbṭ.hw $_{6}$ḫrd.w.slhw $_{7}$qr'(?) $_{8}$akln.b. grnt $_{9}$l.b'r $_{10}$ ap.krmm $_{11}$ḫlq $_{12}$qrtn ḫlq $_{13}$w.d'.d«$_{9}$$_{11}$. Drdn'y $_{2}$господину моему, скажи! $_{3}$bn.Hrnk[10] $_{4}$прибыл. $_{5}$Избит он, $_{6}$дрожит он и ограблен[11] он. $_{7}$... $_{8}$ Продовольствие наше на гумнах $_{9}$сожжено, $_{10}$даже виноградники $_{11}$погибли[12]. $_{12}$Город наш погиб. А ты знай! знай (это)!».

Хотя от письма № 130 и остался лишь жалкий фрагмент, интересно, что это «[по]слание наследника престола» ([t]ḫm utryn[...])[13]. Возможно, что плохо сохранившееся письмо Оп № 59 было направлено царю Угарита царем Библа.

Из текстов обжигательной печи, датированных тем самым последним периодом существования Угарита, интерес представляет № 59 — письмо царя Тира царю Угарита (видимо, перевод на угаритский язык[14]), в котором идет речь о корабле, посланном в Египет, очевидно, царем Угарита. «Однако в Тире ($_{12}$ḫndt b. Sr) он погиб от великого ливня (может быть, бури — $_{13}$mtt.by $_{14}$gšm.adr $_{15}$nškḫ...) и начальник (великий) моряков (?) (...w.$_{16}$rb.tmtt)[15] взяли все... ($_{17}$lqḫ.kl. dr' $_{16}$). Далее в письме говорится, что «все они (т. е. моряки) в руках начальника моряков» и об усилиях царя Тира возвратить этих моряков в Угарит[17]. Этот текст и ряд других дают также ценные данные для понимания позднеугаритской прозы[18].

Большая часть текстов, изданных в рецензируемом томе PRU, представляет собой административные документы.

Чрезвычайно интересен текст № 11 (19.16), озаглавленный: spr.ḫpr.bnš mlk. byrḫ Itt[bnm] «ведомость (букв. список) пропитания царских *бунушу* в месяце Itt[bnm]»[19]. Под этим заголовком следует 38 строк, разделенных чертами на 25 разделов. Первый раздел начинается словами rb 'šrt Ršpab; rb 'šrt (букв. «начальник десятки», т. е. «десятник»); затем перечислены восемь имен без каких-либо дополнительных обозначений (сткк. 2—4), а далее следует имя другого «начальника десятки»—Šm'm rb 'šrt—, за которым опять следует перечень имен без дополнительных обозначений, на этот раз шести человек (сткк. 5—6); тем же порядком следуют в сткк. 7—8 имена «начальников десяток» 'bd'nt и Bnil, после которых стоят соответственно имена пяти и трех людей. Нашему переводу слова 'šrt как «десятка» противоречит как будто бы тот факт, что под началом этих Ršpab'a, Šm'n'a, 'bd'nt'a и Bnil'a находятся не по десять людей, но восемь, шесть, пять и трое, однако в том, что «десятки» могли быть в данный момент неполными, что по тем или иным причинам часть людей, входивших в «десятку», в месяце Itt[bnm] выбыла, ничего невозможного нет; вполне вероятно также, что выражение «десятка» приобрело постепенно условное значение (ср. совр. «десятник»). Термин rb 'šrt надо, видимо, идентифицировать с угарит. 'šr — словом, которое нередко встречается в качестве обозначения лиц, принадлежавших к верхнему слою[20] служилых людей царя, и передается по-аккадски как $^{am\bar{e}lM}$aširu[21]. Видимо, 'šr представляет

---

[8] Знаком | условно передается горизонтальная черта, делящая таблички на разделы.

[9] Все чтения и восстановления текста, когда это не будет отмечаться особо, даны по Виролло.

[10] Virolleaud, стр. 137: «твой bn Hrn».

[11] Может быть, от √ šll «грабить».

[12] Может быть, «погублен(ы)».

[13] Об этом термине см. М. Гельцер, К вопросу о датировке недатированных текстов из Угарита, ПС, XI, 1964, стр. 6—7; Liverani, SU, стр. 73—75.

[14] См. Гельцер, Новые проблемы.., стр. 199.

[15] Ср. PRU, IV, 17.133, в частности: $_{15}$rab $^{am\bar{e}lM}$malaḫḫi; tmtt, может быть, надо сравнить с акк. tamtu «море».

[16] Слово не ясно.

[17] Письмо № 60 рассмотрено в статье Гельцер, Новые проблемы..., стр. 199; письма 61—63 плохо сохранившиеся послания Pgn'a, Ydn'a и Tpṭb'l'a к царю Угарита.

[18] См. M. Liverani, Elementi innovativi nell' ugaritico non letterario, ANLR, ser. VIII, vol. XIX, 1964 , № 5—6, стр. 1—19.

[19] bnš = bn nš — букв. «сын человека» (см. WUS, стр. 54, № 539); об этом термине как обозначавшем «царского человека» см. М. Л. Гельцер, bnš — bunušu в угаритском языке, СЯ, III (в печати), где автор пришел к данному выводу еще до знакомства с разбираемым текстом № 11. Нам представляется, что угаритскому bnš mlk «человек (букв. сын человека) царский» соответствует в аккадоязычном тексте PRU, IV, 17.238 arad šár ^{mât}Ú-ga-ri-it «слуга (раб?) царя страны Угарит» — см. М. Гельцер, Социальное деление свободных слоев населения в Угарите XIV—XIII вв. до н. э., ПСЭИДМ, стр. 66.

[20] См. Гельцер, Социальное деление..., стр. 68—69.

[21] Совпадение имен между списками khnm, mru(m), 'šr(m) в UH, 400 (на угарит. яз.) и списками šangū, mur'u, $^{am\bar{e}lM}$a-ši-ru-(ma) в PRU, III, 16.257 (на акк. яз.) подтверждает тождество терминов 'šr(m) и $^{am\bar{e}lM}$a-ši-ru-(ma) (относительно одновремен-

собой сокращение от rb ʿšrt и имеет то же значение, что и последний термин, т. е. «начальник десятки, десятник». Это предположение находит подтверждение в тексте PRU, III, 16.257, B, III, 30—36, где упоминаются «подчиненные (людям) *аширу*» [22]. Нужно также отметить, что в тексте № 105 рецензируемого издания (18.130) упоминается bt.ʿšrm «дом *аширу*», т. е., вероятно, то учреждение, которое управляло людьми, входившими в состав «десяток». Согласуется со всеми этими данными и тот факт, что в неизданном тексте 22.231, который упоминает Виролло (стр. 20), шесть rb ʿšrt перечислены поименно в качестве получателей серебра. Таким образом, текст № 11 рецензируемого издания дает, видимо, возможность выяснить значение термина ʿšr(m) = $^{\text{amīl}M}$aširu.

В следующих разделах текста № 11 поименно перечислены три человека, обозначенные как «глашатаи под начальством Ubn'a» (yšḫm·bd Ubn — стк. 9), три ʿptrm [23] (сткк. 10—11), двое из которых названы еще и škn qrt «наместник селения» [24] (Smʿ rgm и Šmʿ), три «стража виноградника» (nġr krm — стк. 12), семь «привратников» (tġr(m) — сткк. 13—14), три «водоноса (?) святилища» [25] (стк. 15), четыре ḫdġlm [26] (стк. 16), 1 + *x* храмовых певцов šrm [27] (стк. 17), 7 + *x* [28] «домостроителей (?)» (ḫrš [bhtm...] — сткк. 18—19, XI раздел текста) [29], два «дровосека» (ḫṯbm — стк. 20), три tdġlm (стк. 21) [30], 4 + *x* [31] ḫrš qṯn (сткк. 23—24) [32], восемь «литейщиков стрел» [33] (nsk ḫdm) (сткк. 25—26), три + 1 (?) «пахаря» ḫrṯm (стк. 27), пять «мастеров колесниц» (ḫrš mrkbt — стк. 28) [34]; после лакуны отмечено, что перечисленные выше лица находятся под начальством (bd — букв. «в руке») Ansny, далее названы одиннадцать «литейщиков серебра (ювелиров)» (nsk ksp) [35] (сткк. 32—34, раздел XX) [36], два bʿl tdtt (стк. 35, раздел LXI), три bʿl tġpṯm [37] (стк. 36), далее «Mnn, певец (?) угарит-

---

ности этих текстов см. Гельцер, К вопросу о датировке...., стр. 3—8). Ш. Виролло, ссылаясь на работу É. Cassin, Nouveaux documents sur les Ḫabiru, JAs, CCXLVI, 1958, 3, стр. 225—236, сопоставляет rb ʿšrt с rāb ešri документов Нузу (букв. тоже «начальник десятки»). Но с акк. asīru (термин, обозначавший, вероятно, людей, происходивших из военнопленных) сопоставлять угарит. ʿšrm нельзя (см. W. F. Leemans, The Asiru, RAss, LV, 1961, 2, стр. 57—76).

[22] $^{\text{amīl}M}$muš-ke-nu-ma $^{\text{amīl}M}$a-ši-ru-ma, в данном случае *мушкену* = угар. bdl(m) = bi-da-lu-ma «подчиненные» (см. Гельцер, Социальное деление..., стр. 68—69); вполне возможно также, что упоминаемый в PRU, III, 16.257, B, III, 35 «*мушкену аширу*» Абинергал, сын Гудараны, идентичен с rb ʿšr Ršpab (угар. Ršp соответствует аккадоязычному обозначению бога Нергала); в таком случае документ PRU, V, 11 оказывается составленным позже, чем III, 16.257: за время, протекшее между составлением последнего и первого, Абинергал (= Ršpab) был повышен в должности из «подчиненного *аширу*» до *аширу* (= rb ʿšrt); текст PRU, III, 16.257 относится ко времени правления Аммистарму II (см. Гельцер, К вопросу о датировке..., стр. 3—8).

[23] Значение слова не выяснено; см. PRU, II, 58, 5.

[24] Относительно этого термина см. М. Л. Гельцер, Еще раз об общинном самоуправлении в Угарите, ВДИ, 1965, № 2, стр. 3—9; Н. Б. Янковская, Общинное самоуправление в Угарите, ВДИ, 1963, № 3, стр. 50—51; C. Buccellatti, Maškim — sākinu, OA, II, 1963, 2, стр. 224—228.

[25] šib.mqdšt; ср. угар šʾb «черпать» (WUS, стр. 298, № 2563).

[26] Значение слова не выяснено; см. также PRU, II, 50, 2; 51,5; 117,1.

[27] WUS, стр. 316, № 2682; см. также М. Гельцер, Храмовое землевладение в древнем Угарите, LAMMDI, VI, 1964, стр. 159—161.

[28] Вероятнее всего три, т. е. всего десять.

[29] Восстановление Ш. Виролло; столь же оправдано восстановление ḫrš[anyt...] «кораблестроителей».

[30] Значение слова не выяснено; см. также PRU, II, 34, 10; 39, 21. Стк. 22 (раздел XIV) разрушена.

[31] Вероятнее всего два или три.

[32] «Малые мастера (?)», или «подмастерья», или «производящие мелкие предметы» — см. М. Л. Гельцер, Организация ремесленного производства в Угарите, ПС, XIII, 1965, стр. 50—51.

[33] Ср. psl. ḫzm «ваятели стрел» (там же, стр. 55).

[34] Там же, стр. 50, сткк. 29—31 (XIX раздел) разрушены.

[35] Наличие в этом поименном списке «литейщиков серебра» имен Ktrmlk и Ydln, которые упоминаются также в PRU, II, 39 (стк. 25) и 117 (сткк. 8—9), позволяет установить хронологическую близость этих последних текстов и рассматриваемого здесь PRU, V, 11. К тому же Виролло (стр. 20) отмечает, что теперь в PRU, II, 39, 11—12 следует читать [bʿ]l tġpṯm Krwn (последний упоминается и в тексте PRU, V, 11, раздел XXI).

[36] Гельцер, Организация ремесленного производства..., стр. 54.

[37] Значение этих слов не известно.

ский»[38] и «горшечник (ysr) Dkr» (стк. 37). Далее (стк. 38) сказано: Tgġln.ḫmš.ddm «Tgġln[39] — пять кувшинов»; в стк. 39 было еще имя лица, которому тоже выдается пять кувшинов. Итоги подводятся, по-видимому, в приписке сбоку, которая целиком не читается. В ней говорится о 26 bnš mlk «царских *бунушу*» и, вероятно, еще об одиннадцати подобных же людях. Из первой строки приписки видно, что все поименованные лица «взяли пропитание» (lqḥ ḥpr) и что по крайней мере часть их является «владельцами поля» (bʿl šd)[40].

Таким образом, из заголовка и приписки с полной ясностью вытекает, что текст № 11 является месячной ведомостью каких-то натуральных выдач «царским людям», обобщенным названием которых было bnš mlk «царские *бунушу*».

Бунушу упоминаются во многих документах рецензируемого тома PRU. В тексте № 14 (19.96) читаем: ₁[bnšm.dt.]bd mlk «[*бунушу*, которые] в подчинении (букв. в руках) у царя», а в строках 2 и 6 этого текста перечислены люди «в подчинении у царицы» (bd mlkt). В самом тексте перечислено около 60 человек, упоминаемых либо по имени, либо по имени и имени отца, либо только по имени отца. В ряде случаев указано, из какого селения эти люди (Adddy, Mḫdy/вместо Maḫdy). Строки 8, 12 и 15 указывают, что они находились под властью skn'a (*шакину*). При некоторых именах указана профессия: mdrġl[41], mḫṣ «телохранитель».

В тексте № 15 (18.106) перечисляются разные лица «под начальством» (bd) царицы (стк. 1—2), равно как и люди, находящиеся (d. yṯb) в разных селениях Угаритского царства (Ġnʿ, Ḫbt, Qmy, Aġt, Ubrʿy, Ar, Sʿrt, Ilštmʿ, Šbn, Šlmy, Syn). То, что это были царские служилые лица, свидетельствует rev. 3, где упомянуты mrum (*мурʾу*)[42]. В стк. 25 упоминается Ag[·]ṯ.ḫ pṯ.d[.yṯb b] Šʿrt «Ag[·]ṯ «*хупшу*, который находится (проживает) в селении Šʿrt». Термин *хупшу* встречается[43] в угаритских документах впервые, до сих пор для Угарита он был известен только в эпосе о Керете, где обозначает свободных воинов, идущих с Керетом в поход[44]. Правда, в PRU, II, 21, 1 и 161,4 встречался, видимо, идентичный термин ḫbṯ, который упомянут также в Оп № 80, 8 и во фрагменте PRU, V, № 134 (18.301 bis), 10, но в неясных контекстах; интересно, что в № 134 также читается глагол yṯb.

Бунушу упоминаются в табличке из обжигательной печи, относящейся к концу существования Угаритского царства, Оп № 66 (18.76), озаглавленной: ₁[s]pr.bnš mlk.d.b.Tbq «[Спи]сок царских *бунушу*, которые в (селении) Tbq»[45]. В сохранившихся строках ее читается: в rev. 4 — ṯn.bn.Iwrḫz [n]ʿrm «два сына (bn) Iwrḫz'a, отроки[46]» и в rev. 6 — w. ṯn.bnš Iytlm «и два человека (bnš) Iytlm'a». Далее в тексте упоминаются «20 упряжек быков» (ʿšrm ṣmd alpm). Таким образом, в этом тексте видимо зафиксировано направление на работу в селении Tbq отряда «царских людей» (bnš) вместе с рабочим скотом, но надо обратить внимание на то, что двое из этих «царских людей» (bnš) оказываются в то же время «людьми» (bnš) некоего Iytlm'a. Или это были люди, находившиеся под начальством этого Iytlm'a?

Близок по типу к только что рассмотренному документу текст № 40 (18.99), не имеющий заголовка. В его 1 и 2 строках названы селения Ap и Pd, а начиная с 3-ей строки за названием селений следует цифра, отмечающая количество ослов (ḫmrm) и bnšm (людей) (от одного до пяти ослов и людей). Не ясно, однако, почему за названием ряда селений более ничего не указывается. Вероятно, этот документ представляет собой ведомость распределения царских (?) *бунушу* для работ в этих селениях (или при тех gt, которые там находились). Этот текст перекликается с документом Оп № 78 (18.45), частично разобранным нами ранее (ВДИ, 1965, 1, стр. 203), где перечислено

---

[38] Вероятнее всего, «храмовый певец» — см. Гельцер, Храмовое землевладение..., стр. 159.

[39] Слово это в других угаритских текстах как имя собственное не засвидетельствовано; может быть, (?) акк. от угаритского имени собственного Takḫulinu.

[40] Каковы основания этого владения, остается неизвестным.

[41] Значение термина до сих пор не выяснено — см. A. F. Rainey, The Military Personel of Ugarit, JNES, 1965, № 1/2, стр. 23, где автор связывает их, как и марьянну, с колесничим войском.

[42] См. Гельцер, К вопросу о датировке..., стр. 2—8; Rainey, ук. соч., стр. 18; в то время как этимология этого слова от «командовать, приказывать» может быть и убедительной, контексты, где mrum являются людьми явно подчиненными более высоким должностным лицам, противоречат подобному толкованию.

[43] О *хупшу* в текстах амарнского архива и Алалаха см. М. Л. Гельцер, Классовая и политическая борьба в Библе амарнского времени, ВДИ, 1954, № 1, стр. 33—39; она же, Новые тексты из древнего Алалаха и их значение для социально-экономической истории древнего Востока, ВДИ, 1956, № 1, стр. 23—24.

[44] I Krt, 90; III Krt, I, 6.

[45] Вариант Ṯbq.

[46] Не ясно, действительно ли речь идет о родных сыновьях и действительно ли слово «отрок» не имеет здесь социального смысла.

не менее двухсот *бунушу* (bnšm), направленных, видимо, для работы в 42 селения Угарита [47].

Интереснейший вопрос возникает в связи с текстом Оп № 67 (18.79), озаглавленном: «Список царских *бунушу*» (spr bnš mlk), «которые пожелали (?) (или избрали) ʿmsn» [48] ($_2$d.taršn. ʿmsn). Далее в тексте перечислено 13 лиц, вслед за чем (стк. 13) упоминаются ḫrš bhtm «домостроители» [49] и перечисляется шесть человек этой профессии. Оборотная сторона таблички сильно разрушена, однако видно, что там речь шла о pslm «ваятелях» [50]. Хотя совершенно не ясно, что или чего пожелали (избрали) *бунушу*, все-таки самый факт возможности для них желать (избирать) чрезвычайно интересен.

Из документа Оп № 67 и ряда других, к которым мы сейчас обратимся, видно, что те из *бунушу*, которые не имели особой специальности, назывались просто *бунушу*. Так, в документе Оп № 68 (18.26) в первой строке читаем: bnšm.dt.l u[ ]atb [51] «*бунушу*, которые у .....», а во втором разделе текста, начинающимся после разделительной черты: $_{17}$bnšm.dt.lmlk «*бунушу*, которые у царя»; для ряда перечисленных *бунушу* специальность указана только в отдельных случаях, например «горшечник» (ysz), «строитель колесницы» (ḫrš mrkbt), а также иногда обозначено селение (Ulmy, Uškny).

В ряде случаев в тексте названы и члены семей *бунушу*: $_2$Ktrn $_3$w.athh.w.nʿrh «Ktrn и жена его и отрок [52] его»; $_{10}$ʿbdyrḫ. tn ǵlyth «ʿbdyrḫ (и) две девушки [53] его»; $_{19}$ʿbdn.w.atth.w.bnh «ʿbdn и жена его и сын его»; $_{25}$Annmn. w.tlt nʿ[r]ḫ «Annmn и три отрока [52] его»; $_{27}$bn.Ayln. w.tn. bnh «сын Ayln'a и два сына его» [54].

Таким образом, мы видим из этого текста, что *бунушу* имели семью и, возможно, даже своих рабов и рабынь [55], а выше мы видели, что у них бывали иногда и земельные владения. Имеются также свидетельства наличия порой у *бунушу* движимой собственности. Так, в тексте № 23 (18.293) сказано: bnšm.dt.it.alpm.lhm «*бунушу*, у которых имеются быки». Можно установить, что далее во фрагментированном тексте перечислены по имени отца не менее чем 31 человек [56]. Аналогичен текст Малого дворца № 117 (19.44): $_1$[bn]šm.dt.it [ ] «*бунушу*, которые имеют [ ]». В нем по имени или имени отца перечислено 82 человека. При именах стоят цифровые знаки. Чаще всего это единица, в четырнадцати случаях —2, и в одном — 3 [57].

Очень важен текст Оп № 99 (18.133): $_1$bnšm.d.b.U[ ] $_2$tšʿ.dt.tq[ḫn] $_3$šʿrt $_4$šbʿdt tqḫn, $_5$ššlmt «*бунушу*, $_2$которые в [название селения], $_3$9 (человек), которые взяли ячмень (или шерсть?) $_4$7 (человек), которые взяли оплату». Следует ли из этого, что *бунушу* получали натуральное довольствие и «оплату» на разных основаниях или ššlmt «оплата» [58] означает только иной, денежный вид довольствия, остается пока не ясным.

Пастухи rʿym [59] упоминаются также в Оп № 72 (18.82): $_1$rʿym.dt.bd.Iytlm «Пастухи, которые под начальством Iytlm'a». При этом поименно перечисляются (сткк. 1—15) сами rʿy(m), равно как «и подпасок его» (w.s_2ǵrh) [60] или sǵr bn.x, причем последнее можно понимать как «подпасок такого-то (имя собственное)», что явствует из сравнения данного текста с Оп № 82 (18.29). Последний текст в десяти строках перечисляет sǵr «подпасков» разных лиц, причем здесь в стк. 8 назван подпасок

---

[47] bnšm упоминаются также в текстах Оп № 82,6 (18.29); № 49 (18.55), 2 (в связи с $s_2s_2$wm «лошадьми»); № 43 (18.290) во фрагментированном контексте.

[48] Значение слова не известно.

[49] Об этой профессиональной группе см. Гельцер, Организация ремесленного производства..., стр. 49—50.

[50] Там же, стр. 55.

[51] Читаю по автографии; у издателя t(?)tb.

[52] Может быть, = «раб».

[53] Возможно,— «рабыни». Ср. с угар. ǵlmt «девушка, рабыня»; возможно, что в наиболее поздних угаритских текстах третий коренной согласный выпал (?) или же мы имеем здесь дело с уменьшительным — «девчёнки» (???).

[54] Кроме того, в сткк. 4, 7, 8, 9, 12, 15, 18 упоминаются при именах собственных (не сохранившихся) «и жена его» (atth).

[55] Ср. с текстом UH, 119 о составе семей угаритских mdrǵlm в Алашии на Кипре.

[56] Ср. также № 122 (19.158): $_1$bnšm.dt [ ] «*бунушу*, которые [ ]», где во фрагментированном тексте следует их перечисление; Оп № 161 (18.131): $_{13}$bnšm. d.b.[ ] «*бунушу*, которые в [ ]».

[57] Ср. также фрагментированный текст Оп № 104, где речь идет о быках (alpm) и *бунушу*.

[58] См. Гельцер, Еще раз об общинном самоуправлении, стр. 11.

[59] Различие между nqdm «пастух» и rʿym «пастух» остается неизвестным. См. М. Л. Гольцер, Новые публикации эпиграфического материала из Финикии и Палестины, ВДИ, 1961, № 1, стр. 160.

[60] См. там же.

(sġr) Ḫyrn'a, упомянутый и в тексте № 72: Ḫyrn. w.s$_2$ġrh «Ḫyrn и подпасок его» [61]. Это, возможно, свидетельствует об одновременности текстов Оп №№ 82 и 72, чем дополнительно подтверждается, что в табличкообжигательную печь для обжига были помещены документы за небольшой промежуток времени.

О *бунушу*, несомненно, идет речь и в табличке № 52 (19.62). Она состоит из 15 строк (6 разделов): (первый раздел) $_1$aḥd.bkd $_2$arbʿm.b ḫzr $_3$lqḥ šʿrt «1 (мера, мина или талант), 40 (сиклей или мин)...[62] взяли шерсть»; (второй раздел) $_4$tt.ʿšrh.lqḥ. $_5$ḫlpnt «16 (человек) взяли (одежды) ḫlpnt» [63]. Далее речь идет о шести пахарях (tt. ḥrtm), десяти «домостроителях» (ʿšr. ḥrš bhtm), «четырех малых мастерах?» (ḥrš qṭn) [64], «шести литейщиках стрел» (tt.nsk.ḥzm[65]), «которые взяли шерсть» (lqḥ šʿrt). Ясно, что люди таких специальностей получили шерсть не для каких-либо других целей, но как натуральное довольствие.

Сводкой ведомостей охарактеризованного выше типа является, возможно, текст № 12 (18.112) [66], к сожалению, плохо сохранившийся. В тексте четыре раздела, каждый из которых начинается словами b yrḫ «в месяце» таком-то [67]. В каждом разделе были названы какие-то люди (сохранились слова mdrġl(m) и md(m) и указание на количество продуктов.

Обращает на себя внимание и еще ряд текстов типа ведомостей. Текст № 13 (19.97) озаглавлен: [sp]r.akl [ ]tryn «[Спи]сок продовольствия [ ]tryn». Он разделен на шесть однотипных разделов. Приведем первый из них: $_2$[tg]mr.akl.b g[t.B]ir.alp. $_3$[ʿ]šrm.l.mit.ḥ[p]r ʿbdm $_4$mitm.drt. ṯmnym. drt «$_2$[Ит]ого продовольствия в g[t (селения) B]ir $_3$1120 рационов питания (людей) ʿbdm [68] $_4$180 проса [69]». Эта формула чрезвычайно близка к соответствующим формулам текстов PRU, II, 84 и 89 [70]. В других разделах текста № 13 говорится о таких же припасах в gt Bʿln, Ḫldy и G[l] [71]. Следовательно, в этих gt хранилось продовольствие, предназначенное для (царских) ʿbdym. Сходным, видимо, был сильно разрушенный текст 18.139, во всех четырех разделах которого сохранилось слово gt (чтению поддаются только названия двух из них: gt Sb[...] и gt Trġnds. В документе упоминаются пшеница (ḥṭm), полба (ks$_2$, mm) и вино (yn); скорее всего это ведомость складского состояния gt.

Текст № 103 (18.48) из Малого дворца показывает, что в связи с gt речь идет также о «(царских) людях» (bnš). Десять строк этого текста разделены на восемь разделов: $_1$bt alpm $_2$ʿšr.bnšm $_3$hmš.bnšm.tt [$_4$ʿšr.b gt.[$_5$tn.ʿšr.b.gt.Ir[bs] $_6$arbʿ.b.gt.Bʿln $_7$ʿšt.ʿšr.b.Gpn $_8$yd.ʿdnm $_9$arbʿ.ġzlm $_{10}$tn.ysrm «$_1$Дом быков. $_2$10 человек (bnšm)$_3$ 5 человек (bnšm) tt[ ], $_4$10 при gt [ ], $_5$12 при gt Ir[bs], $_6$4 при gt Bʿln, $_7$11 при gt Gpn $_8$под началом ʿdnm'a. $_9$4 ġzlm, $_{10}$два горшечника».

Таким образом, из этого текста видно, что gt не были только складом, при них находились и люди [72], и рабочий скот. В этом отношении интересен также текст № 38, состоящий из десяти разделов, из которых, однако, удовлетворительно сохранились лишь первые четыре (сткк. 1—12): $_1$[b.]gt.Tpn.ʿšr.smdm $_2$w.tlt.ʿšr.bnš $_3$yd.Ytm. yd.rʿy.ḫmrm «При gt Tpn [73] 10 (парных) упряжек [74] $_2$ и 13 *бунушу* $_3$под начальством Ytm'a, под начальством ослопаса». Сткк. 4—6 упоминают 8 упряжек и 14 *бунушу* и «стража посевов» (nġr mdrʿ) при gt Gwl [75], а сткк. 7—8 — 6 упряжек и 10 *бунушу* при gt Ipṯl [76]. Вероятно, что и здесь речь идет об упряжках ослов. Особо надо отметить упоминание «стража посевов», что, быть может, свидетельствует о на-

[61] Не ясно значение текста Оп № 83 (18.129), где во всех 14 сохранившихся строках упоминается *x* (имя собственное) wrʿh «*x* и пастух его» (?).

[62] Значение слова ḫzr не ясно — см. WUS, стр. 111, № 1013.

[63] Ср. акк. naḫlaptu «покрывало, рубашка, плащ»; такое толкование этого слова заставляет нас перевести šʿrt в данном контексте как «шерсть», а не «ячмень».

[64] Толкование термина см. Гельцер, Организация ремесленного производства..., стр. 50—51.

[65] Там же, стр. 55.

[66] Возможно, что к текстам этой же категории относятся весьма фрагментарные № № 121 (18.05); 122 (19.158); 149 (19.168).

[67] Уцелели только названия месяцев Ittbnm и Rišyn.

[68] Об этой группе царских людей см. Гельцер, Организация ремесленного производства..., стр. 55.

[69] См. WUS, стр. 83, № 796.

[70] См. также PRU, II, 98 и 99, на что указывает также издатель текста на стр. 25.

[71] Названия gt из-за фрагментарности текста в сткк. 20 и 25 не сохранились.

[72] Ср. также текст № 15 (18.106): Ilšlm.bn.Gs[ ]r.d.ytb.b.gt Al[ḫb] Rev. 5 [*x*] ytb.b.gt. Aġld «Ilšlm, сын Gs[ ]r'a, который находится при gt Al[ḫb], Rev. 5 [*x*] находится при gt Aġld».

[73] В аккадоязычных текстах из Угарита это селение обозначено $^{\bar{a}lu}$Šuppani.

[74] smdm — дв. число.

[75] Известно одноименное селение.

[76] Остальные семь разделов, судя по отдельным сохранившимся словам, были однотипны с вышеприведенными.

хождении при gt также и посевных полей, хотя не исключено, что «страж посевов» был чем-то вроде инспектора по оценке урожаев, с которых шли поставки в gt.

Любопытен не совсем понятный текст Оп № 113 (18.86). В его первой строке читаем: Dnn.tlt.ṣmdm «Dnn — 3 упряжки», затем, в сткк. 2—22, идет перечень имен 21 лица, подавляющее большинство которых обозначены как «сын такого-то» (bn. *x*), без имени; лишь в трех случаях после имени собственного стоит ṣmd «упряжка». Далее, за разделительной чертой (сткк. 23—25) сказано: «20 упряжек, 6 тяжелых (?) в Ḥ[ ][77] и 4 осла». В следующем разделе (сткк. 26—27) упоминается «в (селении) Mʿrby 8 упряжек». Последние разделы текста (сткк. 28—34) посвящены выдаче фуража рабочим животным и выдаче продуктов царским марианну, из чего, скорее всего, следует, что и в этом тексте речь идет о «царских людях», а под Mʿrby имеется, возможно, в виду не само селение, а находившееся в нем gt.

В тексте № 48 (19.52) названы (селения) Atlg, Ulm, Sġy, Gwl и gt ʿmq, Iptl, Bir и Ḫrtm, причем и все последние названия, кроме gt Ḫrtm, известны также как названия селений. В документе перечисляется только селькохозяйственный инвентарь [78], ни люди, ни скот, ни продукты не упомянуты. В заключительном разделе текста читаем: $_{19}$b·Ḫrbġlm.Ġlm[n] $_{20}$w.Trhy.atth $_{21}$w.Mlky.b[n]h $_{22}$Ily.Mrily·tdgr «$_{19}$В (селении) Ḫrbġlm [79] Ġlm[n] и $_{20}$Trhy, жена его, $_{21}$и Mlky, сын его. $_{22}$Ily, житель селения Mril, секретарь (?)» [80].

В большинстве случаев, хотя и не всегда, названия gt совпадают с известными нам названиями селений-общин царства Угарит, однако из текста Малого дворца № 118 (19.109) мы узнаем, что «[ ]yl в селении Bqʿt при gt Tgyn» ($_{6}$[...]yl.b.Bqʿt.b. gt.Tgyn), т. е., что gt.Tgyn как-то связан с селением Bqʿt. В этом же тексте упоминаются и другие названия селений. Интересно, что в полуразрушенных сткк. 1—4 этого документа сохранились слова b.dmt.qdš: учитывая, что в этом же тексте упоминается слово gt, надо думать, что gt и dmt (= акк. dimtu) — понятия разные, а отсюда вытекает аргумент против предлагаемого Н. Б. Янковской отождествления угар. gt и акк. dimtu [81]. К сожалению, аккадский эквивалент угаритского термина gt нам до сих пор не известен [82].

Мы получаем также дополнительные данные о прикреплении полей повинностного владения к разным gt. Так, текст № 25 (18.296) озаглавлен: Spr[.]šd.Ri[šym...] «Список полей [жителей селения] Ri[š]». Вторая строка почти целиком разрушена, а в третьей мы читаем: b. gt Tm[ ]yn [ ]..... «при gt Tm[ ].....» [83]. Далее плохо сохранившийся текст повествует о перераспределении полей царских людей из рук одних лиц в другие руки, т. е. здесь речь идет о явлении, известном из угаритских «аграрных» текстов (см. ниже).

В дополнение к выводам относительно gt, сделанным нами в предыдущих работах [84], документы рецензируемого издания позволяют, таким образом, отметить, что в связи с gt идет речь о 1) продуктах сельского хозяйства и рабочем скоте; 2) «царских людях» разных специальностей; 3) полях жителей селений и, возможно, о прикреплении этих полей к gt; 4) выдаче довольствия марианну и фуража для скота.

Надо также отметить, что ряд неизвестных ранее названий gt не совпадает с названиями селений; чем это объяснить — вопрос для последующего исследования.

В рецензируемом томе PRU опубликован еще ряд каких-то ведомостей или списков, цель составления которых не ясна. Так, текст № 19 (18.252) представляет собой список «профессий» — mrynm «(люди) марианну», mrum «(люди) *муру*», ʿšrm «(люди) *аширу*», tnnm «(люди) *шанану*» [85], nqdm «пастухи», khnm «жрецы», «(люди) inšt»; в сохранившейся части таблички после каждого из этих обозначений стоит цифра

[77] Может быть, название селения.

[78] Хотя приведенная здесь интереснейшая терминология, обозначающая названия сельскохозяйственных орудий, требует отдельного исследования, отметим, что Ш. Виролло на стр. 63 удачно определил слова ḫrmtt «серп» и mqb «молот».

[79] Ср. $^{\bar{a}lu}$Ḫu-ur-ba-ḫu-li-bi (PRU, IV, 17.62, 15; 17. 339 A, 6).

[80] Возможно, от √ d/zkr, угар. вариант (?) dgr «помнить, упоминать»; ср. с др.-евр. mazkīr «хронист, секретарь»; Виролло (на стр. 63) сравнивает этот термин с арам. √ dgr «собирать», что нам кажется неубедительным.

[81] См. Янковская, Общинное самоуправление..., стр. 42.

[82] См. также фрагментированные складские ведомости с упоминанием разных gt: Оп №№ 166 и 168.

[83] Ср. PRU, II, 104, где речь также идет о полях селения Ilštmʿ, прикрепленных к двум различным gt.

[84] Сводку ранее имевшихся данных см. Гельцер, Еще раз об общинном самоуправлении..., стр. 8—11.

[85] Из всех противоречивых толкований этого термина пока нам кажется наиболее убедительным объяснение, данное в статье: Rainey, ук. соч., стр. 23 — «лучник», связанное с др.-ег. snn.

(от 2 до 5) [86]. В сохранившейся части текста № 18 (19.180) перечислены по именам отцов (bn *x* «сын такого-то») 7 пастухов (nqdm), в сильнофрагментированном Оп № 163 (18.251) — «иеродулы» (qdšm) [87], «ваятели» (pslm), в Оп № 84 (18.84) — «телохранители» (mḫs), mru ʿbd и др.

В тексте Оп № 69 (18.49 bis), озаглавленном «mrynm» «марианну» перечислено десять человек, причем интересно, что в стк. 5 назван bn.Brzn, а в стк. 7 bn.Brzn tn «сын Brzn'a второй»; это свидетельствует против вывода Н. Б. Янковской относительно такого способа обозначения лиц, как якобы доказательства того, что государство имело дело с «патронимиями, а не с отдельными лицами» [88].

В тексте Оп 71 (18.98), озаглавленном: $_1$Mdrǧlm.dt.inn $_2$bd.Tlmyn «Mdrglm, которые не находятся $_2$под начальством (под рукой) Tlmyn'a», перечислено восемь человек, причем после их имени следует нисба, т. е. указание, из какого селения они родом, а в стк. 6 указано: S_2gryn.Ary.b.Yny «S_2gryn (из селения) Ary в (селении) Yny». Впрочем тексты подобного рода встречались и в прежних публикациях. Вероятнее всего список mdrǧlm представляет собой и № 46 (18.118), начинающийся со слов: $_1$Mṣry d.ʿrb b.unṯ «Египтянин [89], который отбыл (букв. вышел в) [90] повинность» [91]. Далее по имени отца перечислено три mdrǧl'a и еще 11 человек, относительно которых указано, в каких селениях они находятся.

Особый интерес представляет текст № 20. Ш. Виролло (стр. 34) совершенно резонно сопоставляет этот фрагмент, где сохранилось перечисление khnm «жрецов», с ранее опубликованным текстом UḪ, 400, VI. Как нами уже отмечалось [92], имена собственные khnm совпадают с именами жрецов šangū в аккадоязычном тексте PRU, III, 16.257, B III. Рассмотрим здесь все совпадающие имена этих текстов.

№ 20 (19. 174)	UH, 400, VI	PRU, III, 16. 257, B III
5 bn·T[ʿy][93]	22 bn·Tʿy	
8 bn·Nq[ly]	25 bn·Nqly	42 mār Ni-qa-la-a
9 bn·Snr[n]	26 bn·Snrn	45 mār Si-na-ra-na
10 bn·Pzn[y]	31 bn·Pzny	41 mār Pi-zu-ni
11 bn·Mgl[b]	32 bn·Mglb	44 mār Na-ma-ak-li-bi
12 bn·Amd[n]	29 bn·Amdn	38 mār Am-ma-da-na
7 bn·Tʿl[n][93]	—	54 mār Ša-a-la-na

Таким образом, во всех трех текстах совпадают пять имен собственных жрецов и в каждом из двух текстов еще совпадает по одному имени: в тексте № 20 и UH, 400, VI — имя Tʿy, а в тексте № 20 и PRU, III, 16.257, B III — имя Tʿl[n]. Отсюда надо заключить, что все три текста относятся к одному времени, т. е. как установлено для UH, 400 и PRU, III, 16. 257 ко времени правления царя Аммистамру II [94]. Определение же даты документа № 20 (19.174) дает основание предполагать, что и другие алфавитные тексты юго-восточного архива близки к этому времени. Несколько более прочной становится благодаря этому датировка тем же временем текста № 11 и PRU, II, 39 (см. выше).

Среди табличек имеется ведомость [95] выдачи денег — Оп № 108 (18.28 bis):

[86] Ш. Виролло с полным основанием сближает этот текст с UH, 81 и PRU, II, 26.

[87] Акк. bārū, ср. Гельцер, Храмовое землевладение..., стр. 159.

[88] Янковская, Общинное самоуправление..., стр. 38—44; текст Оп № 70 (18.49 ter.), прочитанный Виролло как $_1$spr mr[ymn] и содержащий перечисление имен, может быть отнесен также и к mr[um].

[89] Может быть, это имя собственное, образованное по этнической принадлежности.

[90] См. WUS, стр. 241, № 2093; F. Vattioni, OA, IV, 1965, 1, стр. 148.

[91] Издатель не учел последних толкований этого важнейшего термина — см. Гельцер, Новые публикации эпиграфического материала..., стр. 159; Liverani, SU, стр. 148—149; ср. также unṯ во фрагментарном тексте № 156 (19.100).

[92] Гельцер, К вопросу о датировке..., стр. 5—7.

[93] Восстановление наше.

[94] Гельцер, К вопросу о датировке..., стр. 3—8.

[95] Возможно, что текстом подобного же рода является № 55 (18.11), где речь идет об «оливках» (zt), и № 54 (19.165), упоминающий не менее чем о 50 разных лицах без указаний их профессий, причем после их имени указывается количество (сиклей) серебра, колеблющееся между десятью и тридцатью для каждого; в то же время формула, повторяющаяся в каждой строке этого текста (например, стк. 18: b.Gdn.bn. Uss. ʿšrm «у (или от) Gdn'a, сына Uss'a 20 (сиклей)»), равно как и встречающееся в тексте один раз (Rev. 25) слово trbyt (ср. с др.-евр. tarbīt «процент на капитал», см. Ш. Виролло, стр. 69), допускает возможность понимания этого текста как списка должников с указанием величины их долга; возможно также, что здесь имеется в виду и определенный взнос в казну от поименованных в тексте лиц; дальнейшая публикация материалов из Угарита, быть может, разъяснит значение этого текста.

$_1$Skn.ʿšrm kk[r...] $_2$Mšrn. ṯlṯ ʿš[r.kkr] «$_1$Наместник [96] 20 талан[тов], $_2$Mšrn 13 та[лантов]». Человек, обозначенный как bn. S_2w, получает 7 талантов. В конце документа сказано о 40 талантах «в руки Mtn'a (для ?) уплаты» ($_5$bd.Mtn (l?) [97]šlm).

Табличка № 47 (19.49) дает дополнительные данные относительно призыва в войско [98]. Здесь под заголовком: $_1$[nq]dm [99] dt.kn.npṣhm «[Пас]тухи, у которых в порядке (или имеется [100]) снаряжение» [101]. В последующих восьми уцелевших строках в каждой перечислено по одному человеку, причем у каждого имеется лук (qšt), колчан или праща (utpt) [102], праща или щит (qlʿ) [103] и копья (mrḥm).

Несомненно, что с *бунушу*, хотя они так и не названы, а обозначены лишь по специальности, мы имеем дело и в тексте Оп № 98, озаглавленном: $_1$Spr.rʿym $_2$lqḥ šʿrt «Список пастухов, $_2$взявших ячмень», в котором названо 5 имен (сткк. 3—8), причем имя Ḫyrn упомянуто дважды. В стк. 7 подводится итог: [ʿš]rm.ṯn.kbd «22 тяжелых (меры)», а в следующих строках говорится: $_9$s$_2$ġrm $_{10}$lqḥ šślmt «подпаски, взявшие вознаграждение».

В рецензируемом томе PRU опубликован также ряд «аграрных текстов». Плохо сохранившаяся табличка № 27 (18.296) упоминает поля (šdm) и виноградник (krm) при (b) gt Ṯm[ ] (см. выше); можно установить, что он составлен по обычной формуле «поле *x* (имя собственное) в руки *y* (имя собственное)» (šd *x* bd *y*) [104]. Текст № 29 (19.72) озаглавлен: $_1$Spr.ubdy.Art «Список пожалований в (селении) Art». В 23 строках текста говорится о перераспределении двадцати повинностных (ubdy) полей; к обычной формуле «поле *x* в руки *y*» здесь в десяти случаях добавлено «(и) потомков его (nḥlh)». В семи случаях отбираемые у одних лиц поля передаются не другим лицам, но «селению» (общине — lqrt) [105]. Надо отметить, что в ранее известных текстах такие случаи не встречались. Вопросу о значении этого явления мы посвятим специальное исследование.

От последнего периода существования Угарита сохранился аналогичный «аграрный текст» — Оп № 89 (18.46), прекрасной сохранности, состоящий из двух разделов. 13 строк I и строки 14—15 II раздела составлены по формуле «поле *x* в руки *y*», но в 16 строке II раздела речь идет о «двух полях в (селении) Uš[kn]» ($_{16}$ṯn.šdm b Uš[kn]). Вероятнее всего, что в этой строке подводится итог II раздела. Текст Оп № 90 (18.47) составлен по формуле «поле в руки (или в руках *x*)» (šd, bd *x*), однако в этом тексте встречается такой вариант формулы, когда одно и то же лицо значится владельцем двух и трех полей [106]: в стк. 12 Amtrn обозначен как владелец двух полей, в стк. 22 он же (или его тезка) — как владелец трех полей, а в стк. 23 два поля отмечены «в руках (или в руки) skn». Строка 17 текста привлекает внимание тем, что в ней идет речь о «поле в руки (или руках) [107] рода жрецов» (šd.bd.dr. khn[m]).

Среди «аграрных текстов» два — Оп №№ 96 (18.27) и 97 (18.30) — принадлежат к ранее не встречавшемуся типу. Во-первых, в них вместо слова šd «поле» встречается ṣṣ, что Ш. Виролло (стр. 119) убедительно возводит из угаритской глоссы ṣiṣūma к аккадскому eqil ṭâbti [108] «доброе поле» («солончак»). Следовательно, и здесь речь идет о земельных участках. Однако пока нам не ясно, чем ṣṣ отличалось от šd. Начнем с текста

---

[96] *Шакину* страны или отдельного селения: «šākinmāti» или «skn (селения) *x*» соответственно.

[97] Восстановление издателя.

[98] Ср. UH, 113 (см. М. Л. Гельцер, Сельская община и прочие виды землевладения в древнем Угарите, ВДИ, 1963, №1, стр. 441; он же, Организация ремесла..., стр. 47—60).

[99] Восстановлене Ш. Виролло (стр. 62); остаток буквы q виден на автографии, так что чтение [m]dm исключается, а ни одно другое из известных нам обозначений профессиональных групп не имеет окончания на d(m).

[100] Ср. др.-евр. kēn «в порядке, хороший, правый»; ср. также арам. √kwn «быть».

[101] См. WUS, стр. 211, № 1824, где значение слова устанавливается из контекстов как «одежда»; здесь возможен более общий перевод «снаряжение», так как в тексте речь идет об оружии.

[102] WUS, стр. 41, № 475: «праща»; B. Landsberger, Nachtrag zu aspu = «Schleuder», AfO, XIX, 1959/1960, стр. 66.

[103] WUS, стр. 277, № 2413: «праща»; Rainey, ук. соч., стр. 22: «щит».

[104] Ср. также № 28 (18.295), составленный по формуле «поле *x* в руки *y*», где речь идет о десяти переделяемых полях; № 30 (18.297), составленный по той же формуле, где речь идет не менее как об одиннадцати полях; № 21 (18.177), где во фрагментированном контексте шесть раз сохранилось указание šd ubdy «поле пожалованное»; ср. также фрагменты № 32 (19.103) и 136 (19.100).

[105] Сткк. 6, 9, 14, 16, 17 и 21—23.

[106] Ср. Гельцер, Сельская община..., стр. 54—55.

[107] Ср. др.-евр. dōr «поколение». Ср. PRU, III, 16. 257 — см. Гельцер, Еще раз об общинном самоуправлении..., стр. 6.

[108] PRU, III, стр. 22; тексты № 15.147, v. 4; № 15.177, 12.

Оп № 96, поддающегося разбору несмотря на фрагментированность. В противоположнось всем другим текстам из Угарита, он разделен чертами не по горизонтали, а по вертикали, и так как в каждой строке имеется только четыре слова, то каждое из них находится в отдельной графе.

Например: 1 ṣṣ bn Ilyn ṯlṯm «поле (доброе) bn Ilyn'a 30»
2 ṣṣ bn Kzn ṯlṯm «поле (доброе) bn Kzn'a 30»

В тексте читаются или восстанавливаются 13 строк, составленных по этой формуле. Цифры в четвертом столбце колеблются от 20 до 50; в конце текста сбоку имеется приписка «760 тяжелых (kbd)» и под ней — по-аккадски: 7 me-at 60 61. Смысл последней цифры — 61 — не ясен. Возможно, как считает Ш. Виролло (стр. 119), это уточнение итоговой цифры. Слово kbd «тяжелый» применяется и к сиклям и к более крупным единицам серебра, равно как и к кувшинам и мерам сыпучих тел.

Следующий текст, № 97, не разделен на графы. В начале каждой строки (1—19) стоит уже упоминавшееся слово ṣṣ, затем следует имя (без имени отца при нем), а в сткк. 7, 13, 14, 19 указано «сын такого-то» (bn *x*). За именем во всех строках следуют числительные, колеблющиеся от 15 до 150, и далее — «тяжелых» (kbd). Возможно также, что в сткк. 10 и 16 соответственно говорится о ṣṣ m[l]k ʿšrm «доброе поле царское (или селения Мулукки) 20» и ṣṣ mlk mit[ ] «доброе поле царское (или Мулукки) 100 + *x*». В строках 20—21, отделенных от основного текста не заполненным пространством, читаем: $_{20}$alp ṯtm $_{21}$kbd mlḫt «1060 тяжелых mlḫt». Последнее слово издатель (стр. 116) переводит «соль», исходя из общесемитской параллели, однако других аргументов для такого перевода нет. Чтобы понять смысл текстов Оп №№ 96 и 97, нам кажется, следует привлечь ранее изданную табличку PRU, II, 116. Из сравнения этого последнего текста с Оп № 97 видно, во-первых, что они составлены по одному типу: «поле доброе»— имя собственное — цифра, с тем только различием, что в PRU, II, 116 отсутствует последнее слово некоторых строк Оп №97 kbd «тяжелых»

Оп № 97	PRU, II, 116
1 ṣṣ Mrʿm ḫmšm ḫmš (т. е. пятьдесят) kbd	6 Mrʿm ʿšrm (т. е. двадцать)
2 ṣṣ Ubn ḫmš ʿšrḫ (т. е. пятнадцать)	15 Ubn ʿšr (т. е. десять)
5 [ṣṣ] ʿmtḏl ṯlṯm (т. е. тридцать)	8 ʿmtḏl ʿšrm (т. е. двадцать)
6 ṣṣ ʿmlbi ṯṯ Iʿšrm (т. е. двадцать шесть)	7 ʿmlbu ʿšrm (т. е. двадцать)
9 ṣṣ Iytlm mit ṯlṯm (т. е. сто тридцать) kbd	2 Iytlm ṯlṯm (т. е. тридцать)
12 ṣṣ Yḏrd ʿšrm (т. е. двадцать)	9 Yʿḏrd ʿšrm (т. е. двадцать)
15 ṣṣ Mlknʿm a[rbʿm] (т. е. сорок)	5 Mlknʿm ʿšrm (т. е. двадцать)

Таким образом, из семнадцати (или девятнадцати) имен первого текста и из 14 второго — семь совпадают; это очень высокий процент, свидетельствующий о хронологической близости текстов. Тем самым мы узнаем также впервые, что и некоторые ранее изданные тексты относятся к последним годам существования царства Угарита. Но это — между прочим; обратимся к вопросу об интерпретации текстов Оп №№ 96 и 97. Табличка PRU, II, 116 озаглавлена: $_{1}$Skn. ṯlṯm «*Шакину* — 30». Упоминание в первой строке царского управляющего (наместника) уже само по себе свидетельствует, что в тексте речь идет о «царских людях». На обороте этого документа указано: $_{1}$3TÚG^{meš} GAL $_{2}$6 TÚG^{meš} TUR^{meš} $_{3}$2 TÚG^{meš} SAL^{meš} $_{4}$5 TÚG GÙ ÊA^{meš} $_{5}$10 TÚG^{meš}ku-ub-šu «$_{1}$3 больших одежды, $_{2}$6 малых одежд, $_{3}$2 женские одежды, $_{4}$5 одежд *нахлапту*, $_{5}$10 одежд *кубшу*». Таким образом, одежд здесь упомянуто всего 26, в то время как сумма чисел, упомянутых в лицевой стороне текста PRU, II, 116, составляет 290. Следовательно, ясно, что цифры на лицевой стороне относятся не к одеждам. Поэтому остается предположить, что речь идет о каких-то натуральных поставках в казну, за что эти 14 человек в виде вознаграждения получили данные одежды. Так как все три текста (Оп №№ 96 и 97 и PRU, II, 116) а) относятся к одному и тому же времени, б) и в Оп № 97 и PRU, II, 116 упомянуты одни и те же лица, все люди, упомянутые в них, исходя из текста II, 116, являются царскими служилыми людьми.

Ряд важных новых сведений дают тексты, опубликованные в рецензируемом томе, относительно сбора различных налогов. Во-первых, сильно фрагментированный, однако местами убедительно восстанавливаемый текст № 58 (19.19) [109] дает сведения о дани царю хеттов. Лицевая сторона этой большой таблички озаглавлена: $_{1}$[Spr] argmn špš «[Список] дани (царю)-Солнцу» (т. е. хеттскому царю — Ш. Виролло, стр. 75).

[109] Стр. 75—78; издатель текста дает лишь автографию, транскрипцию аккадоязычных строк и неполный список названий селений и профессиональных групп, встречающихся в тексте

Под этим заголовком табличка разделена вертикальной чертой на два столбца. В I столбце первоначально было 36—40 названий селений, из которых читается или бесспорно восстанавливается лишь 16. Рядом с названием стоят цифровые знаки, колеблющиеся в читаемой части от «5» (при названиях [Ḫl]b ʿprm и Qdš) до «152» (Ilštmʿ), а в стк. 21, где название селения разбито, стоит цифра 400 (4 ME). Во II столбце было 40 названий селений, читается и восстанавливается 26; цифры при них колеблются от «4» (Ḫlby) до «107» (Mʿqb). Преобладают цифры менее ста. Оборотная сторона, которая сохранилась еще хуже и где читаются почти только одни цифровые знаки, интересна тем, что там сохранились кое-какие названия «профессиональных групп», видимо, «царских людей». Так, в стк. 3 III столбца читается: [ ]rm [110]50, а в стк. 4—[nq]dm [111]«[nac]-тухи». В столбце IV можно прочесть: [2][m]ru skn 10 + x [3]šrm (храмовые певцы) 10 + + x, [5]inšt 24 [112].

В частично сохранившемся аккадоязычном итоге (IV, 5—10) значится: «[5][x] тысяч 120 + x [6]всего серебра, 10 + x селений (ālu) [7][x] тысяч, 630 + x. [8]Всего серебра селений ...», и после разделительной черты: «[9][x] тысяч 56... [10]Всего сиклей серебра [ ]». Итак, взносы дани хеттскому царю в серебре делали селения и «профессиональные группы».

Выдающийся интерес представляет текст № 4 (19.15). Его лицевая сторона озаглавлена: [1]yn. d. ykl. bd. [...][2] b.dbḥ mlk «Вино, которое ykl в руки [2]при жертвоприношении царском [113]». Далее за разделительной чертой следует перечисление богов с указанием соответствующих жертвенных предписаний каждому. На обороте же таблички перечислены селения-общины Угарита: Lbnm, Ḫlb gngnt, Bṣr, Nnu, Šql, Šmny, Šmgy, Hzp, Bir, Agm, Šrš, Rqd, Uḫnp [114], всего 13 селений. После каждого селения указано, сколько «кувшинов вина» (kd yn) они вносили, причем цифры эти колеблются от двух до десяти. Таким образом, становится известным, что вино для культовых целей поступало в качестве налога от селений-общин царства, а это еще раз доказывает теснейшую связь храмов с государством [115].

Текст Оп № 107 (18.78), свидетельствующий об откупе налогов тамкарами, был разобран нами ранее по фотографии Ugaritica, IV [116].

Какого-то налога, вносившегося селениями, возможно, касается также текст № 42 (19.256), озаглавленный: Spr.ḫrd [117]. Arr[ ] «список ḫrd (селения) Arr [ ]». Здесь в двадцати строках после остатков названий селений следуют остатки цифр, среди которых читается arb ʿm «сорок» и ḫmšm «пятьдесят», а затем слово kbd «тяжелый», возможно, обозначающее «тяжелые (сикли?)» [118]. Однако не исключено, что этот текст аналогичен рассмотренным выше текстам №№ 96 и 97, где, быть может, речь идет о «тяжелых» упряжках.

Текст Оп 64 (18.140), представляющий собой письмо, начальные формулы которого не сохранились, содержит упоминание о том, что «царь лошадей прекрасных дает ʿbdyrḫ'y» ([10] w.ml[k].s[2]s[2]wm nʿmm [17]ytn.l.ʿbdyrḫ). Интересны строки 21—23: [21]w. lḫt [119].alpm. ḫrṯm [22]k.rgmt.ly Blym [23]alpm aršt.lk.w.ly «[21]и, как ты мне при-

---

[110] Возможны восстановления mkrm,šmrm или ʿšrm.

[111] Альтернативное восстановление Виролло (стр. 76) [m]dm неприемлемо, так как угаритские md(m) *муду* налогов не платили — см. М. Гельцер, Угаритско-аккадские этимологии, СЯ, II, 1965, стр. 335—358.

[112] Этот текст, судя по его заголовку, свидетельствует о непосредственном сборе угаритским государством дани для хеттов, а не с помощью откупщика-тамкара, что предполагалось Н. Б. Янковской (см. Янковская, Общинное самоуправление..., стр. 38).

[113] Возможно также, что речь идет о виде жертвоприношения, называемом mlk. См. O. Eissfeldt, Molk als Opefrbegriff im Punischen und Hebräischen und das Ende des Gottes Moloch, 1935, стр. 123. Ср. тексты UH, 1, 3; PRU, II, 4; 5; A. Herdner, Un nouvel exemplaire du rituel Rs 1929, № 3, «Syria», XXXIII, 1956, стр. 104—112.

[114] В настоящем издании название селения Uḫnp встречается много раз; поэтому аккадоязычная форма, ранее читавшаяся, при отсутствии угаритских параллелей, [ālu]Aḫ-nab-bu, должна читаться [ālu]Uḫ-nap-pu, что не противоречит клинописной графике и ее чтению.

[115] Гельцер, Храмовое землевладение..., стр. 153—162.

[116] См. Гельцер, Новые проблемы..., стр. 201—202. Судя по автографии Ш. Виролло в настоящем издании, мы допустили тогда некоторые неточности в чтении, однако для интерпретации текста в целом это значения не имеет.

[117] ḫrd — см. WUS, стр. 117, № 1080; однако толкование слова не удовлетворительно.

[118] См. также фрагмент, содержащий перечисления селений царства Угарит, № 41 (19.48) и тексты Оп №№ 74 (18.73) и 77 (18.34); №№ 144 (19.167 A); 145 (19.257); 146 (19.258); 147 (19.259); 165 (18.251 bis).

[119] lḫt, видимо, обозначало «письменный приказ»— табличку.

казал, 22 жители селения Bly отобрали (выбрали) 23быков для тебя и для меня»[120]. Возможно, что тут речь идет о налоге быками или повинности предоставления царю быков для пахоты от селений, часть которых царь переуступает автору письма.

Интереснейшее данные о земельных отношениях находим в тексте № 26 (19.109), озаглавленном: 1šd. Snrym. dt. ʿqb 2b. Ayly «Поля (жителей селения) Snr, которые расположены[121] в (селении) Ayly». Далее следует перечисление полей с указанием их владельцев, названных по имени или только по имени отца или по имени и имени отца.

Этот текст перекликается с известным ранее PRU, III, 16.70, согласно которому «люди селения Мулукки» и «люди селения Талба» имели поля на территории селения Харману[122]. Здесь же жители (селения) Snr (Snrym) имеют поля в (селении) Ayly. Более того, из стк. 9 мы узнаем, что один из жителей селения Snr происходил из другого селения: 9šd. bn Tmr[n M]idḫy «поле сына Tmr[n]'a, жителя (селения) [M]idḫ».

О смысле этих фактов у нас еще пока нет оснований говорить определенно, однако надо отметить, что речь, несомненно, идет о каком-то очень существенном явлении аграрного строя Угарита.

Среди текстов, которые были известны до настоящего времени, во всех налоговых списках речь шла лишь о налогах, лежавших на селениях-общинах в целом[123]. Теперь впервые изданы документы, которые, быть может, имеют отношение к налогам и в таком случае фиксируют их за отдельными членами общин.

Так, в фрагментированном тексте № 16 (19.18), озаглавленном: 1Miḫdym «жители (селения) Miḫd»[124], сохранилось 45 имен (первоначально их было не менее чем 90). Рядом с одним из имен (Rev. 3—4) указано: «и потомство его» (wnḫlh). При большинстве имен стоят цифровые знаки, означающие числа от 1 до 10. При трех именах никаких дополнительных данных нет. Во втором столбце в сткк. 2, 4, 8, 9, 14 и 18 после имени стоит слово ḫlq. Возможно, что оно значит «погиб» или «испорчен?». В случае правильности первого перевода весь текст, быть может, следует понимать, как список общинников или глав семей селения, составленный для несения повинности или внесения налога, причем здесь указаны и те семьи, где нет мужчин, т. е. где они погибли (ḫlq), и семья не может нести повинность[125]. Близок по типу тоже фрагментированный текст № 21 (18.13), озаглавленный: 1[s]p[r] Ušknym.dt. [ ] «Список жителей (селения) Uškn, которые [ ]». Первоначально в тексте было не менее 30 имен собственных[126]. Схожа и табличка Оп № 78 (18.20): 1Rišym. qnum «Жители (селения) Riš qnum (мн. ч.)»[127]. Причастная форма глагола qnʾ заставляет предполагать, что речь идет о каких-то действиях, производимых жителями Riš, видимо, о какой-то повинности или виде налога. В тексте по имени, имени отца или обеим именам перечислены 21 человек.

По-видимому, к той же группе текстов относится также Оп № 75 (18.36), озаглавленный: 1Spr.rpš d.1У[dy][128] «Список rpš (?), которые у Ydy (?)[129]». Далее перечислено четыре селения (сткк. 2—5), а в стк. 6 стоит имя собственное — bn Sḫrn. Далее следует шесть названий селений (сткк. 6—12), а затем снова семь имен собственных (сткк. 13—19). Оборотная сторона (стк. 20) начинается со слов rpš d ydy, затем следует восемь названий селений (сткк. 21—28), слова bn.Ḫgby «сын Ḫgby» (стк. 29) и название селения Mrat (стк. 30)[130]. Появление среди названий селений имен отдельных лиц, быть может, означает, что некоторые семьи разрослись, превратились в целые мелкие селения, но сохранили обозначение по главе семьи.

---

[120] Относительно arš «отбирать, выбирать» см. А. И. Харсекин, М. Л. Гельцер, Новые надписи из Пирги на финикийском и этрусском языках, ВДИ, 1965, № 3, стр. 108—131.

[121] Перевод Ш. Виролло (стр. 40), сравнивающего слово ʿqb с др.-евр. ʿaqōb «неровная, гористая местность» неприемлем, так как здесь явно глагольная, а не именная форма; нам кажется убедительным сравнение с др.-евр. √ʿqb, Piʿel которого значит «задерживаться», а отсюда «находиться, быть расположенным».

[122] Гельцер, Сельская община..., стр. 46—47.

[123] Там же, стр. 36—45.

[124] Селение это упоминается и в других текстах PRU, V (№ 14, 17; 17,1; 144,3 и др.), причем в № 14,17 назван Mḫdy «житель (селения) Mḫd»; в ранее изданном тексте название этого селения встречается в форме Maḫd (PRU, II, 134, 1; 59, 1; PRU, IV, 19.06: ālu Ma-a-ḫa-di).

[125] Miḫdy[m] «жители (селения) Miḫd» в количестве восьми человек перечислены также во фрагменте № 17 (18.108).

[126] Возможно, к аналогичным текстам относятся фрагменты №№ 22 (19.03); 24 (19.60); 25 (18.12); 119 (19.136).

[127] Слово не имеет убедительной интерпретации; предложение Ш. Виролло (стр. 104) — «красители пурпура» в высшей степени сомнительно.

[128] Восстановление Ш. Виролло (стр. 101) y[dym?] ничем не обосновано.

[129] Ср. стк. 20 данного текста: rpš d ydy.

[130] См. также сходный фрагмент № 118.

Тексты, опубликованные в рассматриваемом томе, пополняют список селений-общин Угарита, известных по ранее изданным документам, число которых доходило до 150 [131], следующими 36-ю названиями: Agn, Ayly, Anan, Ap, Arr, Adds, Gll, Hlb gngnt, Hmrn, Hrbġlm, Hry, Yrml, Kmkty, Kttġlm [132], Šmngy, Šrt, Šl(?)t, Midḫ, Mld, Mnt, Mtn, Nḫl, Slḫ, ʿr, Ġbl, Ġn, Ġr, Qmṣ, Tbil, Tlt, Tm, Tky/Tkn, Tmrm, Tpḫ, Trzy, Irbn [133].

Настоящее издание содержит больше текстов, чем все предыдущие, касающихся семей и имущества внутри общины. В Оп № 79 (18.35) читаем: ₁Rišym.dt.ʿrb ₂b[.] bnšhm «₁жители (селения) Riš, которые явились со своими *бунушу*». Далее в тексте отмечается, что Dmry и Ptpt явились (ʿrb) с Yrm'ом (сткк. 3—4), [Ily] и Dmry явились с Tbʿm'ом, Ydn, сын Ilrpi, и Tbʿm—с ʿdn'ом, Dmry, сын Yrm'a,—с Adʿy (сткк. 5—10). Куда они явились, остается неизвестным, однако несомненно, что для отбывания какой-то повинности. Обращает на себя внимание тот факт, что у жителей этого селения были какие-то «их» (суф. местоим. hm) люди (букв. «сыны людей»), которые являлись для отбывания повинности не сами по себе, а с тем, «чьими» они были; знаменательно, что они названы bnš, так же как bnš «люди» называются «люди царя» (bnš mlk).

Следующий текст этого рода, Оп № 80 (18.50), не имеет заглавия и начинается прямо с перечисления семей, надо полагать, семей ряда жителей селения Bir, так как в стк. 1 говорится о жителе (селения) Bir (Biry), в последующих же строках указаний на местность больше нет. В шести разделах текста читаем: ₁bn.Bʿln. Biry ₂tlt.bʿlm ₃w. adnhm. tr. w.arbʿ. bnth «₁bn.Bʿln, житель (селения), Bir, ₂три работника [134], и их господин Tr, и три его дочери»; ₄Yrḫm.yd.tn.bnh ₅bʿlm.w.tlt.nʿrm.wbt.aḫt «Yrḫm вместе с двумя сыновьями, двумя работниками (дв. ч.), и тремя отроками, и одной дочерью»; ₆bn.Lwn.tlttm.bʿlm «bn·Lwn, 6 работников» [135]; ₇bn.Bʿly.tlttm. bʿlm ₈w.aḫd.ḫbt ₉w.arbʿ.att «bn.Bʿly, 6 работников, и один *хупшу* [136], и четыре жены»; ₁₀bn.Lg.tn.bnh ₁₁bʿlm.w.aḫth ₁₂b.Šrt «bn.Lg, два сына его, два работника и сестра его в (селении) Šrt»; ₁₃Šty.w.bnh «Šty и сын его». Таким образом, здесь перечислено шесть семей. Жена или жены упоминаются не во всех разделах. Помимо главы семейства упоминаются еще и работники. Вероятнее всего — это рабы. Так как особо отмечается сестра, сыновья и дочь, то можно считать, что и nʿrm «отроки» — это тоже рабы или слуги. В одном случае семья находилась в селении Srt. Важно и то, что учетный документ подобного рода находился в царском архиве и, вероятно, служил для целей начисления налога или повинностей этих семей внутри общины. Нам кажется также, что здесь речь идет о наиболее зажиточных общинниках, так как это семьи, где имелось даже по шесть работников (рабов) [137], в то время как количество сыновей и дочерей было меньшим.

С целью раскладки налогов были составлены, надо полагать, и некоторые другие тексты. Это № 39 (19.37), озаглавленный: ₁b Tlt «в селении Tlt» [138]. Затем следует перечисление: ₂Ilmlk.ʿšr.ṣin «Ilmlk — 10 (голов) мелкого скота». Такое же перечисление идет и в следующих строках. У трех лиц упоминается по 10 голов, у трех по 5 голов и у девяти — по одной голове мелкого скота. В конце текста (стк. 17) указано: Tbq alp «(селение) Tbq [139] — (один) бык». Кажется наиболее вероятным, что переименованные лица, выступая в качестве глав семей, внесли вышеперечисленное количество мелкого скота в казну и что налог скотом селения Tlt был разложен между общинниками таким образом. В то же время жители селения Ṭbq внесли вместе одного быка [140].

Текст PRU, II, 80 известен нам, как перечисление состава семьи и количества скота [141]. Сравнение его с текстом № 44 (18.258) показывает, что в этих текстах речь

---

[131] Гельцер, Сельская община..., стр. 37—40.

[132] Все перечисление идет по порядку угаритских алфавитных знаков; ср. PRU, II, 137, где Kttġlm неверно идентифицировалось как имя собственное или название профессии.

[133] Согласно текстам №№ 4; 14; 26; 33; 39; 40; 41; 42; 48; 58; 118 и 119; Оп №№ 71; 74—77; 80; 95 и 107.

[134] См. Ш. Виролло (стр. 106), где он указывает на встречающееся в угаритском чередовании b/p в том числе bʿl/pʿl; см. также P. Fronzoroli, La fonetica Ugaritica, Roma, 1955.

[135] tlttm встречается впервые; вероятнее всего tlt в дв. ч.ж.р.

[136] ḫb/pt см. выше; значение этого термина в деловых текстах Угарита не ясно.

[137] Ср. также PRU, II, 80; UH, 329; Оп № 81 (18.37), где мы имеем дело с явно аналогичным, хотя и фрагментированным текстом.

[138] Толкование Ш. Виролло (стр. 53) «за три (сикля серебра)» бездоказательно, а стк. 17 свидетельствует, что мы имеем дело с названием селения.

[139] Вар. Ṭbq.

[140] Ср. с текстом PRU, III, 10.044, согласно которому целый ряд селений вносил в виде налога по одному быку.

[141] См. Гельцер, Сельская община..., стр. 48.

идет об одних и тех же семьях и лицах; мы полагаем, что это дает возможность частично восстановить оба разрушенных текста.

№ 44 (18. 258)	PRU, II, 80
1 y[ ]b[142] [ ]	
2 am[ ]n·a[143]]	
3 w·a[tt]h·[ ]	
4 Ḫzmtn·tn[bnh][144]	
5 w·tlt·alph·[ ]	
6 Swn·qrty·w·[b]nh[ ]	12 Swn·qrty·w[atth][144]
7 w·alph·w·a[r]bʿ·l·arbʿ[m ṣin][144]	13 [w]bnh·w·tn·alpm 14 [w]tltm·ṣin
8 Pln·Tmry·w·tn·bnh·w[ ]	9 Pln·Tmry][144] 10 w·tn·bn[hw . . .]
9 Ymrn·Apsny·w·atth·b[n . . .]	
10 Prd·Mʿqby[·w· . . . a]tth	11 [Pr]d[143]·Mʿqby [w·atth[144
11 Prt·Mgd[ly . . . w]at[th]	
12 ʿdyn[watth[144]]	
13 w·th[·bnh[144]]	
14 Ymrm[w]b[nb[144]]	
15 Annt[n·]w[atth][144]	
16 w·tn·bnh[ ]	
17 Aġltn·Ypr[y·watth w bnh][145]	7 Aġltn·[Ypr]y[144]·w[atth][144]
18 w·šbʿ·ṣinh[ ]	8 w·bnh·w·alp·w·[ṣin(?)]

Перевод восстановленного таким образом текста № 44: 4Ḫzmtn, 2 [сына его...] 5и 3 быка его [ ]. | 6 Swn, житель (селения) Qrt, и [сы]н его [...], 7 и бык его, и 44 (головы) [мелкого скота] [146]. 8Pln, житель (селения) Tmr, и 2 сына его, и [ ] [147]. | 9 Ymrm, житель (селения) Апсуны, и жена его, [ ]. | 10 Prd, житель (селения) Mʿqb, [и...же]на его [ ] [148]. | 11Prt, житель (селения) Mgd[l... и] же[на его.....].| | 12 ʿdyn [и жена его..., 13и 2 [сына его...]. | 14 Ymrm, [и] сы[н его...]. | 15 Annt[n], и [жена его], 16 и 2 сына его [ ].| 17 Aġltn, житель (селения) Yp[r, и жена его, и сын его], 18 и 7 (голов) мелкого скота его [....]» [149].

Очевидна также хронологическая близость обоих текстов, причем, однако, совершенно ясно, что они не являются копиями. Наоборот, они отражают изменение имущественного и семейного положения лиц, в них перечисленных. № 44 упоминает 11 глав семейств, а PRU, II, 80 — 8. Следовательно, четыре семьи, засвидетельствованные в обоих текстах, составляют половину второго списка.

Из настоящего издания мы узнаем больше, чем из всех прежних, также об организации судоходства и судовладения в Угарите. Здесь надо упомянуть письмо царя Тира к царю Угарита (№ 59, см. выше), а также № 56 (18.119): 1any. Al[ty] 2d b Atlg [...] «1Корабль алашийский (кипрский), который (находился) в Atlg'e (т. е. в порту угаритского приморского селения)». Далее в тексте упоминаются всевозможные товары, которыми корабли были гружены. Фрагмент № 57 (18.291): 1an[y]t.mlk [ ] «Царские корабли [...]»; в сохранившихся строках перечислены br(m) и tk(m), т. е. разные виды кораблей [150]. О частных судовладельцах, а может быть, и о передаче судов в другие руки или их аренде говорит № 123 (19.126). В нем в начале строк упоминаются

[142] Ш. Виролло (стр. 59) читает yd (?); наше чтение основано на автографии (стр. 60).

[143] Чтение по автографии наше.

[144] Восстановление наше; основано на большом сходстве обоих текстов.

[145] Восстановление наше; ширина таблички допускает такое количество знаков.

[146] PRU, II, 80: «12Swn, житель (селения) Qrt, и [жена его], 13[и] сын его, и 2 быка, 14[и] 30 (голов) мелкого скота».

[147] PRU, II, 80: «9Pln, [житель (селения) Tmr], и 2 сына [его, и...]».

[148] PRU, II, 80 чтение аналогично с № 44, 10.

[149] PRU, II, 80: «7Aġltn, житель (селения) [Ypr] и [жена его], 8и сын его, и бык, и [мелкий скот (?)]»; вероятно, текстом такого же характера является фрагмент № 142 (18.289).

[150] См. также фрагмент Оп № 110 (18.132).

имена, вероятнее всего владельцев или капитанов (кормчих) судов. В сткк. 1, 4, 6 в конце строки упоминается вид корабля br [151], а в стк. 3 — wr[t]. Лучше всего сохранилась последняя (7) строка: Prkl.bʿl.any.d.bd Abr [ ] «Prkl, владелец судна, который в руках Abr[ ]». Этот текст важен еще и тем, что он дает возможность правильно интерпретировать текст UH, 319: ₁anyt Miḫd[ym] [152] «корабли [жителей] (селения) Miḫd» [153]. Далее здесь перечисляются: ₂br.Tpṭ.bʿl [ ] ₃br.Dmty [ ] и т. д., т. е. указывается вид судна и имя его владельца или капитана (кормчего) [154]. Благодаря этому мы узнаем, что жители селения Miḫd владели (?) по крайней мере семнадцатью кораблями. Очевидно, селение Miḫd было также портовым. Сделанные выводы помогают нам правильно понять смысл текстэ Оп № 85 (18.74). Как его заглавная, так и находящаяся под итоговой чертой строки отбиты. Во всех четырнадцати сохранившихся строках по имени вместе с именем отца перечислено 14 человек, причем после имени стоит везде слово ṯkt (вид судна). К счастью, ряд имен совпадает с именами текста Оп № 78 (18.80), где перечислены жители селения Riš (см. выше). Приводим эти совпадения:

Оп № 85	Оп № 78
5 Ilthm.bn.Dnn.ṯkt	13 Ilthm
8 Pss₂.bn.Buly.ṯkt	12 Pss₂
10 Nʿmn.bn.ʿyn.ṯkt	7 bn.ʿyn
11 ʿptn.bn.Ilrš.ṯkt	2 bn.Ilrš
12 Ilthm.bn.S₂rn.ṯkt	22 bn.S₂rn
13 Šmlbu.bn.Grb.ṯkt	9 bn.Grb[155]

Следовательно, из тринадцати имен первого документа и двадцати одного имени второго текста совпадают шесть. Отсюда, как кажется, можно заключить, что суда ṯkt принадлежали (?) жителям селения Riš, которое, очевидно, было также приморским.

Помимо рассмотренных в данном обзоре текстов, особого исследования заслуживает группа табличек, говорящих о различных товарах, выдачах со складов или поставках туда отдельными лицами, а также ряд табличек, повествующих о продаже разных товаров в обмен на серебро[156].

В заключение следует сказать, что наука должна быть благодарна издателю текстов Ш. Виролло, трудами которого изданы и готовятся к печати многие сотни угаритских текстов, имеющих столь большое значение для семитологии и изучения истории древних обществ Ближнего Востока.

М. Л. Гельцер

---

[151] Относительно этого вида корабля см. М. А. Коростовцев, Путешествие Ун-Амуна в Библ, М., 1960, стр. 42.

[152] Восстановление наше.

[153] Относительно наличия такого селения см. выше прим. 123; в связи с такой интерпретацией отпадают прежние интерпретации, как-то: «корабли захваченные» или «корабли рыболовные».

[154] В том числе и корабли типа ṯkt и wry.

[155] Чтение Ш. Виролло (стр. 104) bn.Grb[n] лишено основания.

[156] №№ 6 (18.23); 7 (18.113); 34 (18.102); 35 (18.301); 36 (18.08); 37 (19.14); Оп №№ 93 (18.51); 94 (18.52); 100 (18.28); 101 (18.24); 102 (18.142); 109 (18.144); 110 (18.132); 111 (18.43); №№ 150 (19.169); 151 (19.174); 152 (19.175); 153 (19.138); 154 (19.161); Оп №№ 167 (18.81); 168 (18.136); 169 (18.146); 170 (18. 250 bis).

A. DELATTE ET Ph. DERCHAIN, Les intailles magiques gréco-égyptiennes, P., 1964, 380 стр. с илл. (Bibliothèque Nationale, Cabinet des médailles et antiques).

Рецензируемая книга А. Делатта и Ф. Дершена является публикацией резных камней Кабинета медалей Парижской Национальной библиотеки с добавлением 15 камней из Лувра, ранее изданных [1], а также ряда камней, хранящихся у частных лиц. Всего опубликовано 526 экземпляров.

Авторы книги — специалисты в разных областях исторической науки: покойный А. Делатт был видным исследователем античной культуры, Ф. Дершен — египтолог. Такое сочетание является очень удачным при исследовании столь сложного материала, как греко-египетские резные камни. Для правильного понимания этих памятников, отразивших различные влияния культур египетской, греческой, еврейской, иранской, требуется в сущности соединенный труд не только антиковеда и египтолога, но также гебраиста и ираниста, и авторы справедливо выражают сожаление о том, что такого сотрудничества в данном случае не удалось осуществить.

Именно этой сложностью материала объясняется тот факт, что долгое время результаты исследований магических камней ограничивались либо статьями по отдельным вопросам, либо публикациями групп памятников, и только в 1950 г. была издана книга К. Боннера, явившаяся первой попыткой серьезного обобщающего труда [2].

Работа К. Боннера остается и в настоящее время основной по греко-египетским магическим резным камням, хотя она не охватывает всего комплекса вопросов, связанных с данной темой. Автор и не ставил перед собой подобной задачи, его цель была достаточно скромной: помочь хранителям музеев в определении имеющегося у них материала. Отсюда и название книги Боннера — «Очерки о магических амулетах». Однако эта серия очерков охватывает ряд важнейших типов резных магических камней, и исследуются они с такой тщательностью, что большой авторитет, который приобрела книга Боннера, вполне заслужен.

А. Делатт и Ф. Дершен построили свою работу иначе, чем К. Боннер, что и понятно в свете различия задач этих трудов: если у К. Боннера первая часть книги составляет исследование, за которым следуют описания использованных в очерках камней с приложением таблиц, то А. Делатт и Ф. Дершан отводят публикациям камней всю книгу, предпослав им лишь краткое предисловие, содержащее историю возникновения и написания данной работы, и «Введение», тоже небольшое, освещающее пути исследования темы и имеющиеся источники.

Следует отметить, что в своем «Введении» авторы касаются интересного вопроса о месте изготовления резных магических камней. Думается, что они правильно считают таким центром Александрию и убедительно это обосновывают, показав, что именно в Александрии теснее всего соприкасались религиозные идеи египтян, греков и евреев, идеи, слияние которых столь характерно для магических текстов на резных камнях. Далее, Александрия была ведущим в Средиземноморье центром по созданию ювелирных изделий и художественного стекла. И те, и другие памятники широко экспортировались из Александрии. В пользу Александрии как места изготовления резных магических камней говорит и такой факт, как наличие на этих камнях египетских, греческих и еврейских надписей. Авторы правильно связывают эти надписи с текстами египетских магических папирусов, в которых греческие тексты смешаны с коптскими или демотическими вставками; известны случаи, когда на резных камнях и в текстах папирусов встречаются одинаковые формулы, а подчас папирус описывает сцены, воспроизведенные на камне. «И в тех, и в других встречаются те же таинственные имена, те же кабалистические знаки, те же призывания, те же обряды» (стр. 16). Составители изображений и надписей на камнях хорошо знали различные религиозные доктрины, умело сочетали однородные божества разных религий. Порой можно с уверенностью сказать, что тот или иной текст составлен опытным жрецом, знавшим еще иероглифы.

Если авторы, таким образом, правильно определяют центр изготовления основной массы камней, то в другом выводе, думается, они не вполне правы: поскольку среди дошедших инталий нет драгоценных камней, авторы склонны считать, что подавляющее большинство их принадлежало небогатым людям. Однако авторы не учитывают некоторых данных. Как правильно указывал Боннер, высоко ценилась сама работа резчика, и даже грубовато сделанные буквы, но размещенные в большом количестве (до сотни!) на маленькой поверхности, оплачивались

[1] L. Delaporte, Musée du Louvre. Catalogue des cylindres orientaux, II, Acquisitions, P., 1923. стр. 218—219, табл. 108, № 1252—1270.

[2] C. Bonner, Studies in Magical Amulets Chiefly Greek-Egyptian, Ann Arbour—London, 1950.

дорого [3]. Добавлю, что поскольку сами авторы считают местом изготовления камней Александрию, следовало бы учесть, что именно для Египта всегда было характерно употребление в ювелирном деле как раз не драгоценных камней, а самоцветов — разных оттенков яшмы, кварца, сердолика, лазурита, халцедона. Далее, широкое распространение суеверий среди различных общественных кругов рассматриваемого периода хорошо известно. Думается, что правильнее было бы считать, как это делает Боннер, что стоимость амулета определялась главным образом качеством работы и что, следовательно, поскольку сохранились вещи и великолепного исполнения, и ремесленного (порой даже с плохо распознаваемыми изображениями), данные памятники считались действенной защитой от разных бед во всех слоях населения.

Исследовательская часть состоит из девяти глав. Первая посвящена резным камням с изображением магических божеств, вторая — египетским богам, третья — греческим, четвертая — солярной тематике (солнечная ладья, квадрига, космический всадник, лев), пятая — любовной магии, шестая — лечебной магии, седьмая — магии и астрологии, восьмая — различным божествам, священным животным и отдельным темам, не вошедшим в предыдущие главы. В девятой главе разбираются надписи. Затем следуют минералогический анализ камней, указатель слов на резных камнях, указатель имен божеств, тематический указатель, краткий перечень и пояснения египетских слов, встречающихся в описаниях, а также список сокращений, являющийся в сущности и списком основной литературы (статьи же, имеющие более узкое значение, указаны по ходу изложения).

В краткой рецензии невозможно, разумеется, рассмотреть все затронутые в книге А. Делатта и Ф. Дершена темы, поэтому мы остановимся лишь на некоторых, либо имеющих общее значение, либо таких, в разработку которых авторы внесли существенные новые черты. Следует сразу же отметить, что авторами полно использована вся литература, появившаяся после опубликования книги Боннера, и это — большое достоинство их труда.

Среди изображений, наиболее распространенных на резных магических камнях, находятся образы бога с головой петуха и с ногами в виде змей, затем безголового бога и бога Хнубиса.

Первый образ (стр. 23—42), сущность которого не была окончательно выяснена, обычно принимался за воплощение таинственного божества магического характера, Иао Абрасакс, поскольку эти имена часто сопровождают данную фигуру. Авторы склонны до известной степени принять гипотезу, высказанную в последней работе на эту тему — книге А. Барб [4], где бог с головой петуха и ногами в виде змей связывается с Адамом. Однако А. Барб, указывая, что имени Адама на данной группе камней не встречается, не решается предлагать свою гипотезу как безоговорочное определение бога с головой петуха и ногами в виде двух змей. Понятно, что Делатт и Дершен также не считают мнение Барб окончательным решением и правильно пишут, что, несмотря на интересные факты, приведенные у Барб, происхождение этого божества остается неясным.

Не дают нового решения авторы и после анализа крайне сложного образа безголового бога (стр. 42—54). Рассматривая более ясное, хотя тоже сложное божество Хнубис (стр. 54—73), авторы приводят интересные факты, собранные Ж. Дорессом и только еще частично опубликованные [5]. Дорресс связывает угрожающий образ астрономического Льва (с которым, как известно, сопоставлялся Хнубис) с змеем Кнефом — творцом мира по фиванской космогонии. Имя это по-египетски означает «завершающий свое время». Авторы рецензируемой книги, принимая мнение Дорресса, в подтверждение приводят данные Парижского магического папируса (PGM, IV, 1635 слл.), где бог нильских порогов (следовательно, Хнум) изображен в виде огромного змея и носит имя Кмеф, т. е. вариант имени упомянутого выше фиванского демиурга. Авторы ничего не говорят о распространенном мнении относительно связи Хнубиса с Агатодаймоном [6], возможно, считая его общепринятым.

Среди резных камней с изображениями египетских божеств авторы, естественно, ставят на первое место камни с образом Осириса. Публикуемые инталии дают различные типы, среди которых авторы выделяют в своем кратком комментарии изображение бога в виде мумии, из плеч которой вырастают цветы (№ 94, стр. 78). Они указывают, что эти цветы, помещенные на местах, обычно занятых изображениями плети — атрибута Осириса как царя, встречаются еще на фигурах Осириса в позднем варианте «Книги мертвых», и считают, что это — замена перьев, о наличии которых у Осириса свидетельствуют древнеегипетские тексты (стр. 77). Думается, что появление такого образа Осириса следовало бы связывать с обрядом древнеегипетского заупокойного ритуала, согласно которому в гроб-

[3] Bonner, ук. соч., стр. 13—14.

[4] A. Barb, Abraxas-Studien, «Hommage à Waldemar Deonna», Coll. Latomus, 28, Bruxelles, 1951, стр. 76—80.

[5] J. Doresse, Images des dieux gnostiques, «Bull. de l'Institut d'Egypte», 32, 1949—1950, стр. 364—365.

[6] См., например, Bonner, ук. соч., стр. 162.

ницу ставилась фигура лежащего Осириса из земли с зернами, которые, прорастая, давали зеленеющий силуэт бога — символ воскресения. На рельефе птолемеевского времени сохранилось изображение жреца, поливающего такую проросшую колосьями фигуру Осириса; следовательно, обряд сохранился и в греко-римском Египте.

Заслуживает внимания наблюдение авторов, что на резных камнях с изображениями мумии Осириса имя этого бога ни разу не встречается (стр. 77). Однако попытка объяснить это обстоятельство возможным наличием запрета произносить имя Осириса вряд ли убедительна, хотя они и вспоминают известное сообщение Геродота (II, 170), тем более, что около других типов Осириса его имя имеется. Пожалуй, это скорее связано с изменением образа и роли Осириса в религии греко-римского Египта.

Аналогичными причинами следует объяснять и приводящее авторов в недоумение сравнительно редкое появление на резных магических камнях богини Исиды(стр. 82). Авторы сами отмечают, что Исида изображается в подобных случаях с сыном — младенцем Гором; далее, авторы говорят и о том, что имеется ряд камней с фигурами Исиды-Деметры, Исиды-Афродиты, Исиды-Тюхэ, но почему-то не видят закономерности этих фактов. Думается, что сохранение древнего образа Исиды в течение греко-римского периода именно в роли матери объясняется тем, что эта функция была исконной для образа Исиды и издревле снискала богине всеегипетское народное поклонение, отразившееся и в мифах, и в заговорах, и в иконографии. Широкое же распространение культа Исиды — главного египетского женского божества — далеко за пределами Египта повлекло слияние ее образа с различными греческими богинями в большей степени, чем аналогичное слияние других египетских и греческих божеств.

В свете сказанного особый интерес приобретают публикуемые авторами инталии с необычными изображениями Исиды, на которых богиня показана с крыльями (№ 105, стр. 85), в чем авторы правильно усматривают один из древних иконографических типов Исиды, связанный с тем местом осирического мифа, где Исида, найдя труп Осириса, временно оживляет его мановением своих крыльев. Авторам следовало упомянуть, что вообще образ соколицы — один из древнейших в сложном культе Исиды. Вторая инталия, которую авторы склонны считать также «типичным египетским образом Исиды, хорошо известным по поздним бронзам» (стр. 83), изображает полунагую греческого типа богиню с посохом в одной руке и змеей в другой (№ 108, стр. 86—87). Головной убор богини указывает на Исиду, тогда как надписи, упоминающие Афродиту и говорящие о принадлежности камня врачу, определяют, как правильно отмечают авторы, что здесь дан образ Исиды-Афродиты-Гигиеи, новое свидетельство сложных путей развития религиозного синкретизма греко-римского Египта.

Много новой литературы используют Делатт и Дершен при разборе камней с изображениями солнечного младенца на лотосе (стр. 106—109). Их выводы по определению данного божества представляются совершенно правильными: перед нами отнюдь не всегда образ Гарпократа, как это обычно считают,— гораздо чаще здесь следует видеть отражение гермопольского мифа о рождении Ра из лотоса. На это указывает ряд деталей — изображенные тут же фигуры бога Тота, кинокефала. С образом Ра, рождающегося из лотоса, позднее слились образы различных богов-младенцев: Хнума из Эсне, Мандулиса из Калабше, Харсомтуса из Дендеры, Гарпократа. К тому же, как справедливо указывают авторы, о гермопольском происхождении образа младенца на лотосе говорит и написанное в ряде случаев около этой фигуры имя Фра (т. е. Ра). Авторам следовало бы подчеркнуть, что по древнеегипетскому мифу Гарпократ вообще не возник из лотоса, а был рожден Исидой, причем можно было бы указать и причины, способствовавшие включению Гарпократа впоследствии в группу божественных младенцев, изображавшихся сидящими на лотосе,— как известно, считалось, что Гарпократ родился в болотах Дельты, и Исида с сыном на руках в ряде случаев изображалась среди водяных растений. Заслуживает внимания объяснение авторами изображений ибиса Тота на скале как смешение двух гермопольских сказаний о сотворении мира (стр. 141—142).

Анализируя инталии с пантеистическими божествами, авторы правильно приводят мнение Биссинга [7] о возможном истолковании в данном случае образа Бэса как Гормерти — «Гора с двумя глазами». Напомнив об одобрении, которое получила гипотеза Биссинга у ряда египтологов, авторы, однако, справедливо указывают, что обычно Гормерти изображается в виде человека с головой кобчика, иногда держащего два глаза; поэтому авторы, несмотря на ряд данных в пользу мнения Биссинга, все же воздерживаются от решения этого вопроса (стр. 128—129).

Менее осторожны они при определении значения изображений мумии, окруженной змеем, хотя, думается, в данном случае как раз нужна была большая осторожность. Авторы правы, выделяя фигуру стоящей мумии, вокруг которой обвивается змей (№ 90, стр. 76). Сопоставление этого изображения с рядом мате-

[7] W. V. Bissing, Zur Deutung der pantheistischen Besfiguren, ZÄS, 75, 1939, стр. 131—132.

риалов и в особенности с 175 главой «Книги мертвых» очень интересно. В этом тексте говорится о том, что в конце света сохранятся только Осирис и Атум, творец мира, который превратится в змея — олицетворение первобытного хаоса (стр. 74—75). Переходя же к изображениям змея, окружающего лежащую мумию, авторы, как нам кажется, не обращают нужного внимания на существенные различия некоторых с первого взгляда близких инталий. Публикуя прекрасную зеленую яшму, на которой вырезана мумия, лежащая на змее, верхней частью туловища накрывающем мумию (№ 129, стр. 103), авторы сопоставляют это изображение с близким иероглифом, обозначающим вечность. Птицу, сидящую на шее змея, они понимают как душу «ба», а скарабея, который показан перед головой змея, читают как иероглиф ḫpr «существовать». Таким образом, все изображение, по мнению авторов, означает «душа, существующая вечно» или «да существует (эта) душа вечно» (стр. 103—104). Авторы, считая, что Боннер издал аналогичные инталии, оспаривают его определение этой темы как змея, охраняющего Осириса, которое Боннер основывал на виньетке из «Книги о том, что есть в Преисподней» [8]. Однако Боннер все же имел основание для такого мнения, так как сравнение инталий показывает существенное различие в положении змея: на камне Боннера змей окружает мумию не так, как это показано на яшме, издаваемой Делаттом и Дершеном; поза змея ничего общего с приводимым ими иероглифом не имеет и, наоборот, обычна для изображения змеев, охраняющих богов, истоки Нила и т. д. Можно предположить, что перед нами слияние различных прототипов, и отбрасывать мнение и материалы Боннера не следует.

Среди камней, предназначенных для помощи при болезнях, авторы публикуют камень с очень интересным вариантом темы срезания колосьев (№ 261, стр. 197). Как известно, изображение жнеца, помещавшееся на магических камнях, объясняется как средство против болей в пояснице. Две из публикуемых инталий (№ 261—262, стр. 197—198) имеют надпись ἐργάζομαι καὶ οὐ πονῶ — «работаю и не страдаю», что полностью подтверждает назначение подобных камней.

Очень интересен подбор резных камней, изображения которых, по истолкованию авторов, соответствуют тематике парижского папируса PGM IV с любовными заклинаниями («Меч Дардана»). Аргументы авторов обоснованы и убедительны.

Работа А. Делатта и Ф. Дершена является в целом весьма полезным вкладом в сложную историю развития резных магических камней, дающих ценный материал для исследователя идеологии греко-римского Египта.

М. Э. Матье

[8] Bonner, ук. соч., стр. 231—232.

«MENANDERS DYSKOLOS ALS ZEUGNIS SEINER EPOCHE». Hrsg. von Fr. Zucker (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Altertumswissenschaft, 50). B., Akademie-Verlag, 1965, 254 стр.

Рассматриваемая книга представляет собой сборник докладов, прочитанных на специальной научной сессии, посвященной Менандру, которая была проведена в Иене с 30 января по 1 февраля 1962 г. Кроме филологов-классиков ГДР (6 докладов) в работе сессии приняли участие ученые Польши (5 докладов), СССР (3 доклада), Венгрии (3 доклада) и Чехословакии (1 доклад).

Как сообщает в предисловии редактор сборника, работа конференции протекала в обстановке живого товарищеского общения. Почти каждый из участников выступил с самостоятельным докладом, и все доклады вызвали чрезвычайно оживленную дискуссию. Хотя она и не воспроизведена в печатном сборнике, основная проблема, стоявшая перед конференцией, получила разностороннее освещение в самих докладах, снабженных к тому же обстоятельными библиографическими примечаниями, так что книга дает представление о той обширной научной литературе, которая была порождена опубликованной в 1958 г. вновь найденной комедией Менандра [1], и о современном положении поднятых в ней вопросов.

Открывая конференцию, Ф. Цукер (Иена) во вступительном слове конкретизировал общую тему сессии «„Дискол" Менандра и окружающая его действительность», выделив как два ее центральных пункта, во-первых, вопрос о том, в какой степени опирается на реальные черты этой действительности показанная в комедии картина основанных на соци-

[1] V. Martin, Papyrus Bodmer IV: Ménandre, Le Dyscolos, Bibliotheca Bodmeriana, Cologny — Genève, 1958.

альной равноценности (Soziale Ranggleichheit) взаимоотношений между противостоящими друг другу в отношении уровня материального благосостояния общественными группами, представители которых выступают в комедии; во-вторых, о том, можно ли считать типическими для эпохи Менандра примеры Феофраста, которого Диоген Лаэртий (V, 37) называет «благотворителем» (εὐεργετικός), и главы академической школы Аркесилая, который, по свидетельству того же Диогена (IV, 12, 34), «был полон готовности делиться своим имуществом и благотворительствовать, с величайшей скромностью оставаясь при этом незаметным». Идеализировал ли, и в какой мере, Менандр окружающую его действительность? И находил ли он, черпая идейное содержание своих комедий из современных ему философских учений, у сколько-нибудь значительной части театральной публики понимание своих взглядов и способность разделить их?

Ближайшим образом связаны с социально-политической проблематикой «Дискола» первые три из помещенных в сборнике докладов. М. Брожек (Краков) в докладе «„Дискол" Менандра и Афины», обрисовав обстановку частых смен политических режимов, возникшую в Афинах после смерти Александра Македонского в результате борьбы за власть между его преемниками, подвергает анализу выраженную в «Дисколе» общественную позицию молодого Менандра. Материалом для этого ему служит составляющее сущность драматического конфликта пьесы противопоставление бедных и богатых и поражение, которое терпят в ходе ее действия жизненные принципы ее главного героя «человеконенавистника» Кнемона. Социальная тенденция комедии раскрывается здесь как примирительная: «основу действия Дискола составляет требование дружественной совместной жизни и взаимного благожелательства людей, т. е. требование всеобщей φιλανθρωπία» (стр. 15). Поэт отнюдь не имеет в виду каких-либо уравнительных мероприятий, направленных к смягчению противоположности между бедностью и богатством: «бедный должен спокойно и терпеливо переносить свою участь и в полном подчинении судьбе дожидаться ее милости. Богатый же должен воздерживаться от причинения бедному какой-либо обиды или вреда и постоянно помнить о возможности перемены своей судьбы, как мы слышим от Горгия, выражающего взгляды самого Менандра (271 сл.)» (стр. 15). Проповедь социального мира близко соприкасалась с развивавшимся в эту эпоху в этике перипатетической школы учением о φιλία и φιλανθρωπία и вполне соответствовала охранительным политическим тенденциям возглавлявшихся Деметрием Фалерским умеренно олигархических кругов как средство сдерживать революционные силы и достигнуть спокойного сосуществования обоих противостоящих друг другу общественных слоев в Афинах.

В заключительной части доклада М. Брожек рассматривает общий вопрос о месте, занимаемом общественно-политической темой в послеаристофановской комедии. Он указывает, что хотя в средней комедии роль политического элемента сократилась по сравнению со староаттической комедией, но все же не в такой степени, как обычно принимают: о наличии этого элемента говорят не только свидетельства Исократа, Платона и Эсхина, но и сами сохранившиеся отрывки, несмотря даже на то, что отбор этих отрывков у цитирующих их авторов производился с точек зрения, ничего общего не имеющих с интересом к политическому содержанию комедий. Значительно слабее затрагивалась общественно-политическая тематика в новой комедии, однако есть примеры, показывающие, что она не оставалась вовсе вне поля зрения комических поэтов: таковы нападки Архедика на государственного деятеля демократического направления Демохара, предпринятые им, по свидетельству Полибия (XII, 13), с целью расположить к себе Антипатра, и т. п. Что же касается темы бедности и богатства, известной уже и для древней и средней комедии, то наиболее широкую разработку она получает именно в новой комедии и, в частности, в «Дисколе». «Правда,—заключает М. Брожек,— авторскую мысль можно истолковать и изложить в общечеловеческом смысле. Однако с таким же правом можно усматривать в пьесе конкретный смысл, касающийся конкретных проблем конкретного, а именно афинского общества, как мы это и попытались показать» (стр. 20).

Иная оценка философской и политической направленности «Дискола» дана в докладе покойного С. Я. Лурье (Львов) «Менандр — не перипатетик и не враг демократии». Автор предостерегает против преувеличения прямой зависимости Менандра от перипатетической школы, указывая, что отразившиеся в его пьесах этические учения и, в частности, центральная мысль «Дискола» о примирении противоречий между богатыми и бедными на основе общечеловеческой солидарности, φιλανθρωπία и φιλία, не составляют исключительной принадлежности перипатетиков, а являются общим достоянием различных философских школ: вполне ясную формулировку этого принципа можно найти уже у Демокрита (Diels, Fr. d. Vors.[5], 68 B 255). Более того, в столь важном пункте как вопрос о том, должно ли воспитание основываться на разумном убеждении или на страхе перед наказанием, Менандр, как сторонник «гуманного» принципа, отраженного, по мнению С. Я. Лурье, в «Дисколе» и, во всяком случае, нашедшего яркое вы-

ражение в известной по переделке Теренция комедии «Братья», оказывается единомышленником Демокрита (там же, В 181), тогда как Аристотель в «Никомаховой этике» (1179 b 11—29) высказывает тот взгляд, что такое воспитание может привести к цели только в применении к юношам, от природы склонным к добродетели, большинство же склонно повиноваться не стыду, а страху, и от дурного их удерживает не совесть, а предстоящее наказание. Образ Кнемона также не дает оснований установить зависимость его от «Характеров» Феофраста: именно такого «характера» в сочинении Феофраста нет, и он представляет собой разработку имеющего старинную традицию в греческой литературе типа «Тимона-человеконенавистника». Общий вывод: Менандр не был верным последователем какой-либо определенной философской школы, и менее всего — перипатетической.

Второй из тезисов, сформулированных в заглавии доклада — «Менандр не враг *демократии*», *направлен ближайшим* образом против статьи И. М. Тронского «Новонайденная комедия Менандра „Угрюмец" („Человеконенавистник")» [2]. Однако докладчик не касается рассматриваемого в этой статье вопроса о социальной тенденции «Дискола» в условиях олигархического режима в Афинах, установленного Деметрием Фалерским, а возражает лишь против отдельных высказываний И. М. Тронского, притом субъективно истолкованных. Так, если И. М. Тронский высказывает ту мысль, что общественная позиция Кнемона представляет собой одностороннее выражение принципа «самодовлеющего существования», о котором говорит Перикл в своей надгробной речи (Thuc., II, 41, 1), без того необходимого корректива, который составляет для него противоположный принцип «дружбы», то С. Я. Лурье неправ, усматривая здесь истолкование слов Перикла как «пропаганды себялюбия и отшельничества». Неправильно, конечно, и его утверждение, будто И. М. Тронский вкладывает в слово αὐτάρκες в той же речи Перикла значение «Selbstgefälligkeit».

Доклад Р. Шотлендера (Берлин) «„Дискол" Менандра и крушение автаркии» содержит обзор развития важного для греческой эпохи понятия «самодовления» (αὐτάρκεια), начиная с передаваемого Геродотом (I, 32) разговора Солона с Крезом, где мы впервые встречаем этот термин. Показан анализ этого понятия у Аристотеля, лежащий в основе его политической теории и приводящий к положению: «кто неспособен поддерживать общение или не нуждается в нем вследствие самодовления, тот не может быть частью государства, оказываясь или животным или божеством». С этим положением сопоставлен тот факт, что наиболее последовательный представитель философии самодовления Диоген с гордостью носил прозвище Собаки, стараясь оправдать его всей своей жизненной практикой. «Киником без философии» может быть назван и герой комедии Менандра. Следуя примеру своего учителя Феофраста, который в «Характерах» раскрыл ряд психологических черт, типичных для «мизантропа», Менандр подверг этот характер сокрушительной критике средствами своей драматургии.

Г. Девечери (Будапешт) в докладе «Метр и стиховая техника как выразительное средство в „Дисколе"» начинает с установления ряда общих положений, открывающих широкие перспективы исследования стиховой формы как выразительного средства: «Метр — строфа или строка — сам по себе произведение искусства; не простое подчинение текста данной форме, но его реализация в данной форме. Равным образом, метр не такая форма, которая просто заполняется *текстом*, а *форма*, *создаваемая этим текстом*. В борьбе между формулировкой и изображением метр не только участник, но вместе с тем и поле столкновения, на котором получает перевес то одна, то другая сторона» (стр. 43). Наряду с метром учитываются как выразительные средства такие элементы стиховой формы, как ритмика, определяемая цезурами, рифма, аллитерация. Однако в самом ходе доклада эти пути исследования остаются малоиспользованными. Применение вариантов стиховой формы как выразительного средства иллюстрировано лишь немногими примерами, и в то же время изложение обременено пространными рассуждениями, касающимися вопросов поэтики «Дискола», Менандра и вообще комедии, связь которых с основной темой не везде достаточно раскрыта. Конечный вывод докладчика совпадает с приводимой им оценкой Р. Шотлендера в предисловии к его переводу «Дискола»: «Не только форма членения, но и язык действующих лиц в новой комедии существенно изменился. Хотя никто из античных драматургов не пришел к отказу от привлекательной стихотворной формы, все же, насколько для стихотворной речи возможно приближение к прозе, мы его находим у Менандра» (стр. 57).

В докладе «Об употреблении дактиля в трохеическом тетраметре у Менандра». В. Стржелецкий (Вроцлав) на основании критического пересмотра всех случаев наличия рассматриваемой метрической формы в сохранившемся наследии Менандра устанавливает, что бесспорно засвидетельствован такой дактиль только один раз — «Отрезанная коса», 150. Поэтому приходится существенно ограничить принцип Виламовица, согласно которому введение дактиля в трохеический тетраметр путем конъектуры всегда допустимо.

[2] ВДИ, 1960, № 4, 55—72.

Чтения Peric. 111 — περιβαλοῦσ' [ἐφίλησέ] με (Sudhaus), Dysc. 717 — τόν⟨τ'⟩ ἐπικουρήσοντ'ἀει (Kraus), Dysc. 775 — ἀλλ'ἀπολοῦμ' ἴσως (Martin) — не могут притязать на правдоподобность, тем более, что во всех трех случаях дактиль оказывается разбитым между двумя словами, примеров чему не засвидетельствовано ни у Менандра, ни у Аристофана. К выводам докладчика следует, однако, отнестись с некоторой осторожностью: в его наблюдениях остался не учтенным стих Dysc. 762 — 'εγγυῶ, δίδωμί τε πάντων [μαρτύρω]ν 'εναντίον, где дактиль в трохеическом тетраметре засвидетельствован столь же надежно, как и в указываемом им как единственный случай этого рода стихе Peric. 150.

Вопросы критики текста рассматриваются и в докладе В. Стеффена (Познань) «Удачное и неудачное в восстановлении текста „Дискола"». Как известно, папирусный текст «Дискола» содержит много явных искажений, и это открывает широкое поле для конъектуральной критики. Не ставя перед собой задачи в какой-либо мере исчерпать накопившийся здесь огромный материал, В. Стеффен останавливается на тех пунктах, которые наиболее важны для понимания комедии. В ряде мест он защищает засвидетельствованный текст против предложенных изменений, в других случаях предлагает и собственные убедительные поправки. Отметим небольшой интерпретационный промах в ст. 174—175. Здесь συντάττεσθε необходимо понять как форму не изъявительного (ihr veranstaltet), а повелительного наклонения (так переводил уже и Martin в первом издании).

«Обыденная лексика в „Дисколе" Менандра» составляет предмет рассмотрения А. А. Тахо-Годи (Москва). Материал собран с большой тщательностью и правильно использован для характеристики стиля «Дискола» и вообще Менандра. Показательно в этом отношении проводимое сопоставление словоупотребления старой и новой аттической комедии: в то время как у Менандра названия житейской утвари и т. п. связаны с обычной функцией соответствующих предметов, у Аристофана те же предметы оказываются гротескно преображенными в качестве «материализованной метафоры». Вместе с тем нельзя согласиться с утверждением автора, что метафорический способ выражения вовсе чужд «Дисколу» и что исключения встречаются лишь там, где речь идет о Кнемоне. Гораздо точнее было бы сказать, что метафоры Менандра, как правило, не выходят за пределы того, что составляет достояние разговорной речи. О серьезном недочете в понимании А. А. Тахо-Годи греческого текста говорит даваемый на стр. 85 перевод слов πρᾶγμα πάνδεινον παθών вместе с сопровождающим этот перевод комментарием. Менее важной, но все же прискорбной ошибкой является передача словом Ernährer собственного значения греческого τρόφιμος (стр. 96).

Чрезвычайно интересный экскурс за пределы менандровской темы представляет собой публикация «Неизвестный отрывок Филита из берлинского собрания папирусов», принадлежащая Г. Шайбнеру (Наумбург). Публикуемый папирус происходит из оболочки мумии из Абусир-эль-Мелека, развернутой в 1926 г., и относится предположительно к I в. до н. э. Он имеет 24 см в высоту и 9 см в ширину и содержит два столбца письма по 27 строк, причем в первом столбце читаются окончания гексаметров величиной около половины стиха, а во втором — по 3—6 букв, начинающих строки. Отрывок был уже отчасти известен по упоминанию П. Мааса в отзыве на книгу В. Шубарта «Griechische literarische Papyri» (В., 1950): «Одним из наиболее многообещающих текстов мне представляется № 7, эллинистический эпос... Не исключено авторство Евфориона» [3]. Основанием для нынешней атрибуции служат встречающиеся в отрывке имена Эола, Перибеи, согласно схолиям к Одиссее, (X, 6) — дочери Эола, и ахейцев, указывающие на миф о пребывании Одиссея на острове повелителя ветров Эола. Именно этот миф и был использован в знаменитом эпиллии Филита «Гермес», о содержании которого, связанном с любовью Одиссея и дочери Эола Полимелы, мы узнаем из мифографического компендия Парфения «Любовные переживания». Этому эпиллию, очевидно, и принадлежит сохраненный папирусом отрывок. Искусно используя текст самого папируса, а также отрывки, известные из литературной традиции (Стобей), и литературные параллели, издатель реконструирует ситуацию, к которой относится рассматриваемый отрывок: разговор Одиссея с Полимелой, происходящий в уединенном горном святилище Пана. Предложенные издателем exempli gratia дополнения стихов, от которых сохранилось в лучшем случае по половине, а иногда и вовсе незначительные отрывки слов, свидетельствуют о превосходном владении языком и стилем эллинистического эпоса. К тексту сообщения приложена хорошо исполненная фототипическая копия папируса.

Статья Г. Купишевского (Варшава) «„Дискол"» Менандра и его значение для понимания греческого и римского семейного права» представляет собой переработанную и расширенную научным аппаратом редакцию докладов, сделанных во Вроцлавском, Варшавском и Венском университетах в 1961 и 1962 гг. В несколько иной редакции она была уже опубликована в журнале «Eos» (1962, № 1, стр. 48—66) на польском языке. Автор указывает на существование в

[3] «Gnomon», 23 (1951), стр. 243.

науке двух взаимно противоположных взглядов по вопросу об истолковании произведений римских комедиографов как источников по истории права: одни исследователи считают правовые институты, отраженные в комедиях Плавта и в меньшей степени Теренция, соответствующими римской действительности, другие — перенесенными без изменений из тех произведений аттической новой комедии, которые служили для римских поэтов образцами. Такая неопределенность обусловлена, с одной стороны, скудостью памятников римского права эпохи Плавта, с другой — недостаточностью нашего знания греческих оригиналов римской комедии. В этих условиях «Дискол» — единственная новоаттическая комедия, известная нам полностью, и притом богатая правовым материалом — приобретает особенно важное значение для истории не только греческого, но и римского права.

Автор останавливается на следующих пунктах. Обстоятельства ухода жены Кнемона к своему сыну, о которых мы узнаем из произносимого Паном пролога, позволяют значительно расширить объем понятия κάκωσις «дурного обращения», которое, согласно норме аттического права, могло служить для жены основанием требовать расторжения брака.

В четвертом действии комедии Кнемон усыновляет Горгия и одновременно передает ему право собственности на все свое имущество, возлагая на него вместе с тем обязанность в качестве опекуна своей сводной сестры выдать ее замуж, с выделением в приданое половины этого имущества, а также обязанность содержать его, Кнемона, и мать. Анализ правового содержания этого акта дает материал, существенно дополняющий те данные, которые можно извлечь из частноправовых речей Исея и Демосфена.

Рассматривая далее сущность правовых отношений, связанных с термином ἐγγύη в специальном значении «помолвка», автор устанавливает ряд значительных различий между ἐγγύη и римскими sponsalia («обручение») и приходит к выводу, что Плавт и Теренций, говоря о sponsalia, вкладывали в этот термин только римское содержание.

К тому же заключению о правомерности использования Плавта и Теренция как источников для истории римского права приводит автора и анализ правовых отношений, возникающих в результате акта «обещания приданого», dotis dictio, чему у Менандра соответствует προῖκά σοι δίδωμι — например, Dysc. 843 сл.; Peric. 436 сл.; Coneazom. 3.

Тема исследования Н. А. Чистяковой (Ленинград) — «Пан и Фила в „Дисколе“ Менандра». Роль Пана в комедии значительно выходит за пределы произносимого им пролога. Пан приводит Состата к встрече с дочерью Кнемона и пробуждает в нем любовь к девушке, оказываясь таким образом важнейшей движущей силой действия комедии. Это объясняется не только тем, что покровительство любви является обычной функцией сельских божеств — Пана и соседствующих с ним в комедии «Дискол» нимф. Прославление Пана само по себе входит в художественный замысел Менандра как выражение дружбы к Македонии, где это божество было высоко почитаемо, а тем самым и как дружественный акт по отношению к Деметрию Фалерскому. Выбор Филы как места действия комедии также отражал политическую обстановку момента: Фила была укрепленным пунктом, находившимся почти на границе между Аттикой и Беотией, и составляла предмет притязаний противника Деметрия Фалерского Антигона, захватившего власть в Беотии. В этих условиях первый стих комедии, содержащий обращение Пана к зрителям: «Считайте, что перед вами находится аттическое селение Фила» — приобретал и второй смысл: «Считайте, что находящаяся перед вами Фила принадлежит Аттике».

«Менандр обыгрывает театральную технику?» — такой вопрос ставит в своем докладе Э. Рехенберг (Берлин). Поводом к постановке этого вопроса послужило одно из дополнений, предложенных к стиху 758, начало которого в папирусе содержит лакуну объемом около четырех букв: εἰσκυ]κλεῖτ' εἴσω με [4].

Ситуация такова: Кнемон, утомленный длинной речью, в которой он дает Горгию свои последние распоряжения, отклоняет предложение самому вступить в беседу с Состратом, который просит в жены его дочь. За этим следуют обрывки трех не поддающихся восстановлению стихов, в последнем из которых и содержится рассматриваемое место. Слова εἴσω με с достаточной ясностью могут быть поняты как входящие в просьбу лишенного сил Кнемона внести его в дом. Однако с предложенным дополнением эта просьба получает форму: «Внесите меня в дом при помощи эккиклемы», против чего и направлена аргументация докладчика. Он с полной убедительностью показывает, что комический прием нарушения сценической иллюзии путем обыгрывания условностей театральной техники, весьма обычный у Аристофана и у Плавта, не находит вовсе применения в новой аттической комедии. Следовало бы только добавить по поводу конъектуры, послужившей докладчику исходным пунктом, что содержащаяся в ней буффонадная шутка, не соответствуя вообще стилю Менандра,

[4] E. G. Turner, Emendations to Menander's Dyscolos, «Bulletin of Institute of Class. Stud. of Univer. of London», 6 (1959), стр. 71.

была бы вовсе нелепа в устах еле живого и мрачно настроенного Кнемона.

Не остались вне поля зрения конференции и традиционные моменты в драматургии «Дискола». Этой теме посвящен доклад Е. Лановского (Вроцлав) «Дискол и старая аттическая комедия». В нем прослеживается прежде всего литературная история образа «человеконенавистника», намечены также те черты в образах аристофановских персонажей, которые получают дальнейшее развитие в типах повара и раба в новой комедии, наконец, сопоставляются отдельные сценические ситуации у Аристофана и Менандра, позволяющие обнаружить преемственность мотивов. Общий вывод: «В „Дисколе" мы находим как рудиментарные остатки старой комедии, так и новое развитие некоторых ее художественных приемов. Конечно, в старой комедии и в „Дисколе" представлены различные линии развития, но вместе с тем между ними существуют и более глубокие внутренние связи, чем это можно было предполагать ранее» (стр. 172).

В направлении раскрытия историко-литературных связей, уходящих в прошлое, исследует «Дискола» и Р. Гошек (Брно) в докладе «Три старых мотива во вновь найденном Менандре». Первый из этих мотивов докладчик усматривает в недовольстве Кнемона окружающей действительностью, толкуя его,— на наш взгляд несколько натянуто,— как выражение той идеализации доброго старого времени, которую мы находим у Кратина (fr. 238 Edm.) и Аристофана (Equ. 1387). Более отчетливы фольклорные и литературные параллели, приводимые для мотива падения человека в колодец, уже привлекавшего к себе внимание исследователей [5]. Третий рассматриваемый в докладе мотив — выпады против ἀνόσιοι, которые пользуются жертвоприношением богам как предлогом для того, чтобы пиршествовать самим, предоставляя богам лишь несъедобные остатки, и против φιλοθύται, которые грешат чрезмерным усердствованием в жертвоприношениях: здесь Менандр имеет предшественниками, с одной стороны, Ферекрата (fr. 24 Edm.), с другой,— Аристофана (Vesp. 82 с пояснением схолий к этому месту).

Заглавие доклада И. Тренчени-Вальдапфеля (Будапешт) «„Дискол" греческий и „Дискол" римский» в самом тексте доклада раскрывается как весьма смелое утверждение, что во вновь найденной комедии Менандра перед нами греческий оригинал комедии Плавта «Aulularia». Эта мысль уже высказывалась, когда «Дискол» был известен только по немногочисленным отрывкам. Важнейшим из них был сохраненный Стобеем отрывок в 16 строк (= Dysc. 797—812), содержащий обращение некоего сына к отцу: «Богатством надо разумно пользоваться и для себя самого и для того, чтобы помогать как можно большему числу людей; лучше явный друг, чем невидимое богатство, закопанное в землю». Не зная всей пьесы, вполне естественно было видеть в адресате этой речи прототип плавтовского Евклиона. Но когда это предположение отпало, отпало и какое бы то ни было основание сближать «Aulularia» с «Дисколом» Менандра. При всем остроумии делаемых докладчиком частичных сопоставлений, они свидетельствуют только об узости репертуара сценических ситуаций, на которых строилась новая комедия и которые могли быть использованы в пьесах самого различного содержания. Таким образом, даваемая первым издателем «Дискола»[6] отрицательная оценка гипотезы о прямой зависимости «Aulularia» от «Дискола» должна быть оставлена в силе.

Снабженный обширным научным аппаратом доклад И. Ирмшера (Берлин) «Менандр в Византии» содержит обстоятельный обзор истории текста Менандра в византийскую эпоху. Докладчик приходит к заключению, что комедии Менандра читали и переписывали в образованных кругах вплоть до эпохи Юстиниана, хотя чтение Менандра и не имело опоры в школьном преподавании. В дальнейшем, в процессе феодализации Византийского государства, который сопровождался в широких размерах экспроприацией крупных земельных собственников, составлявших основную часть образованных кругов, комедии Менандра были утрачены. Славу Менандра поддерживали с этих пор только цитаты из его произведений, сохраненные в грамматической литературе, и многочисленные сборники нравоучительных сентенций, распространявшиеся начиная с римской эпохи под именем Менандра, хотя материалы для них были почерпнуты не только из его комедий, но в значительной мере и из других поэтов.

Специально «одностишиям Менандра» посвящен доклад М. Римпнейдер (Лейпциг) «Μενάνδρου γνῶμαι μονόστιχοι в перспективе мировой литературы». Докладчица убедительно возражает против предлагавшегося в научной литературе объяснения происхождения этих сборников как образчиков для школьных каллиграфических упражнений и рассматривает их как особый жанр дидактической художественной литературы, специфика которого определяется лежащим в основе его возникновения пафосом собирательства. «Одностишия Менандра» сопоставляются с такими литературными памятниками, как египетские «Поучения» царя Амененопе и другие, ветхозаветные книги «Притчи Соломоновы» и «Когелет», роман

[5] Ср. Тронский, ук. соч., стр. 66, прим. 34.

[6] Martin, ук. соч., стр. 7, прим. 1.

об Ахикаре, в греческой литературе — «Труды и дни» Гесиода и гномы Фокилида. Формирующим принципом «Одностиший» является расположение составляющих сборник сентенций в алфавитном порядке, и это позволяет признать его самостоятельным литературным произведением, а не антологией.

Заканчивается рассматриваемая книга докладом Э. Мароти (Будапешт) «Изучение Менандра в Венгрии». Здесь дается обзор венгерских работ о Менандре, появившихся в печати за период после опубликования в 1899 г. оксиринхского папируса, содержащего около 50 строк из комедии «Отрезанная коса», до настоящего времени. В конце своего обзора докладчик выражает пожелание, чтобы наряду с продолжающейся в Венгрии исследовательской работой по частным вопросам было предпринято подводящее итоги уже достигнутым в этом направлении результатам критическое издание Менандра с переводом и комментарием.

Сборник в целом свидетельствует о полном успехе Иенской конференции, которая должна послужить и другим академическим центрам поощряющим примером для проведения международных конференций по актуальным проблемам классической филологии.

Я. М. Боровский

НОВЫЙ ТРУД О ЕГИПЕТСКОЙ ОБЩИНЕ ТЕРАПЕВТОВ

Les Oeuvres de Philon d'Alexandrie, publiées sous le patronage de L'Université de Lyon, № 29: *De Vita Contemplativa*, Introduction et notes de F. Daumas; traduction de P. Miquel. Éditions du Cerf, P., 1963, 150 стр.

Вопрос о египетской общине терапевтов и их месте в истории социальных и идейных течений эпохи позднего эллинизма не нов. Терапевты — община египетских иудеев, о которых рассказывает Филон Александрийский (первая половина I в. н. э.) в трактате «De Vita Contemplativa» (далее — DVC). Проблемой этого трактата и терапевтов занимались давно и много, особенно в XIX веке, когда обсуждался вопрос о подлинности трактата, о его принадлежности Филону и о реальном существовании терапевтов. Обилие противоречивых мнений о терапевтах объясняется прежде всего и ограниченностью сведений: DVC — единственный источник, а данные этого трактата не могут быть проверены другими, что значительно затрудняет исследование. Усложняет задачу исследователя и характер самого источника. Его данные далеко не полны — о многих сторонах жизни и воззрений терапевтов вообще ничего не говорится, о других мы можем лишь догадываться по беглым и туманным замечаниям. К тому же необходимо учитывать субъективность оценок Филона и некоторую идеализацию терапевтов в его трактате.

В острой и оживленной дискуссии еще в прошлом веке благодаря блестящим филологическим работам Массебио, Конибира, Вендланда было окончательно доказано авторство Филона. Однако вопрос о самих терапевтах оставался попрежнему нерешенным.

Недавние находки рукописей Мертвого моря, вызвавшие оживленную дискуссию вокруг ессеев, которым, как принято считать, и принадлежали эти рукописи, вновь привлекли внимание и к терапевтам. Это вполне понятно, поскольку и прежде ученые, занимавшиеся проблемой терапевтов, пытались каким-то образом сопоставить палестинскую секту ессеев с египетской общиной терапевтов. В обширной кумрановедческой литературе (в работах Дюпон-Соммера, Браунли, Симона, Милика, Блека, Филоненко и др.) появились отдельные беглые попутные заметки о терапевтах и попытки сопоставить их общину с вновь открытой. Специально этому вопросу посвящены статьи Вермеша [1]. В 1960 г. появился новый французский перевод трактата DVC с небольшим введением и комментариями Жольтрена и его специальная статья [2]. Этому вопросу посвящена и статья автора данной рецензии [3]. Большинство исследо-

---

[1] G. Vermes, Esseniens—Therapeutai — Qumran, «The Durham University Journal», LII (1960), № 3, стр. 97—115; он же, The Etymology of Essenes, «Revue de Qumran», t. 2 (1960), fasc. 3, № 7, стр. 427—443; он же, *Essenes* and *Therapeutai*, «Revue de Qumran», t. 3 (1962), fasc. 4, № 12, стр. 495—505.

[2] P. Geoltrain, La contemplation à Qoumrân et chez les Therapeutes, «Semitica», IX (1959), стр. 49—57; он же, Le traité de la Vie Contemplative de Philon d'Alexandrie, «Semitica», X (1960), стр. 67.

[3] М. М. Елизарова, К вопросу об общине терапевтов, «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 67, 1963, стр. 237—250.

вателей приходит к заключению, что община терапевтов может рассматриваться, по всей вероятности, как египетская ветвь ессейского движения. Все это лишь первые шаги в новом подходе к проблеме терапевтов. Вопрос требует более углубленного и систематического изучения с привлечением данных, предоставляемых рукописями Мертвого моря, и материалов из египетской религиозной жизни.

Большой интерес представляет новое серьезное исследование о трактате DVC и проблеме терапевтов, выполненное профессором Лионского университета Ф. Дома и включающее перевод памятника, сделанный П. Микелем. Книга насчитывает 150 страниц, из них 76 занимает исследование Ф. Дома, ему же принадлежат и обширные подстрочные комментарии, остальную часть книги занимает греческий текст трактата (по изданию Кона и Вендланда, лишь в трех местах имеются разночтения — § 38, 49, 53) с параллельным французским переводом. Перевод сделан тщательно и на высоком уровне. Избегая буквализма, но не отступая от точного смысла текста, переводчик стремится воспроизвести особенности и своеобразие языка Филона.

Введение и примечания Ф. Дома охватывают большой круг проблем. Часть введения посвящена вопросам об авторстве Филона и о датировке трактата. Поддерживая наиболее распространенное мнение, согласно которому трактат DVC представляет собой, по-видимому, часть большого произведения Филона Ἀπολογία ὑπὲρ Ἰουδαίων, Ф. Дома склоняется к тому, что, несмотря на явную идеализацию терапевтов, в трактате идет речь, по-видимому, о реально существовавшей общине, центр которой во времена Филона находился в окрестностях Александрии. Рассмотрев далее очень кратко историю вопроса, автор безоговорочно признает трактат DVC произведением Филона и соглашается с мнением, что взгляд на терапевтов как на христианских монахов несостоятелен.

Ф. Дома кратко останавливается на значении слова терапевты (стр. 15—17), определение которого важно для понимания сущности общины. Рассмотрев значение глагола θεραπεύειν «служить, отправлять культ и заботиться, лечить, исцелять» и производных от него слов в эллинистической литературе и у Филона, автор приходит к заключению, что Филон называет членов общины терапевтами, во-первых, потому, что они лечили страсти свои и тех, кто к ним приходил за помощью, но в то же время они считали себя истинными слугами бога. Первое значение названия, по мнению Ф. Дома, было предназначено для эллинистического читателя, которому близко было понятие философии как «врачевания» души, ортодоксальные же иудеи могли воспринимать это слово в его втором смысле, в котором оно встречается в греческом переводе Писания, т. е. в значении «служить, отправлять культ» (евр. ʿabōdā).

Далее Ф. Дома, кратко изложив содержание трактата (стр. 18—21), останавливается на вопросе о заимствованиях Филона (стр. 21—23).

Ф. Дома присоединяется к мнению, что трактат выражает глубоко личные чувства и настроения Филона. Вместе с тем Филон показывает свое знание современной ему риторики, приемами которой он пользуется при построении трактата, и знакомство с греческой философией. Филон хорошо знал быт и нравы эпохи, о чем свидетельствует его описание языческих пиров.

Касаясь вопроса о датировке трактата (стр. 24—26), Ф. Дома склоняется к тому, что это позднее произведение Филона (конец 30-х гг. I в. н. э.), хотя (как отмечает сам Ф. Дома) нет никакого определенного указания, которое позволило бы с уверенностью датировать этот трактат.

Признавая, что все эти вопросы, связанные с трактатом, при нынешнем состоянии наших знаний не могут быть решены окончательно, автор главное внимание уделяет наиболее важной сейчас проблеме терапевтов. Эту часть введения (стр. 26—29) Ф. Дома делит на четыре раздела. Первый раздел он посвящает историческому характеру проблемы. Отметив, что по сравнению с описанием ессеев, которое более конкретно (детальнее описаны их занятия), изображение терапевтов интересует Филона больше с философской точки зрения, Ф. Дома пытается проследить некоторые сведения о терапевтах в других работах Филона, где они прямо не названы, но характер описания «истинных философов» [4] позволяет думать о терапевтах. Ф. Дома указывает на возможность личных связей Филона с терапевтами, среди которых он, вероятно, проводил отшельнические периоды своей жизни. Намек на это можно найти в сочинениях Филона «De Specialibus legibus» и «De Abrahamo».

Следующий раздел Ф. Дома посвящает анализу конкретных данных о терапевтах. Интересны наблюдения автора, который пытается увидеть в беглых замечаниях Филона конкретные детали, позволяющие частично восстановить картину жизни общины. Таков, например, топографический анализ местоположения главного поселения терапевтов, приводящий автора к выводу, что поселение это располагалось к западу от Александрии часах в двух-трех ходьбы, на холмах между морем и озером, и, таким образом, позволяющий уточнить сообщение Филона. Вполне правдоподобным представляется мнение Ф. Дома, что

[4] См., например, описание истинных философов в отличие от софистов в «De posteritate Caini», 101—102.

встречающиеся сначала только у Филона слова σεμνεῖον или μοναστήριον, которые начинают широко употребляться лишь в III—IV вв., заимствованы были Филоном непосредственно у терапевтов. Ф. Дома обращает внимание на некоторые реалии из быта терапевтов. К таким реалиям относятся легкие перегородки, при помощи которых священное помещение для собраний разделяли на мужскую и женскую половины. Эти перегородки, по всей вероятности, как замечает Ф. Дома, во время ночного празднества убирались, так как нигде не говорится, что было еще специальное помещение для хора и танцев. Другое наблюдение — это выявление типа ложа, на котором возлежали терапевты во время совместных трапез (с характерными подлокотниками египетского происхождения).

Здесь же автор касается отдельных черт жизни терапевтов и их установлений. Он подчеркивает, что несмотря на сильные духовные связи с греческим миром, терапевты остаются иудеями, о чем свидетельствует их приверженность Закону, тщательное соблюдение субботы, разделение женщин и мужчин на собраниях, как в синагогах, молитвы-благословения перед началом трапезы, священные танцы с хором в честь великих исторических событий.

Обычай молиться дважды в день, по мнению большинства исследователей, отличает терапевтов от официального иудейства, где было принято молиться трижды в день. Ф. Дома же полагает, что этот обычай терапевтов соответствует тому, как «делают в храме и как поступают благочестивые евреи по предписанию раввинов» (стр. 46).

Заслуживают внимания соображения Ф. Дома о том, что терапевты были вегетарианцами наподобие пифагорейцев. Он понимает τράπεζα καθαρά τῶν ἐναίμων как вообще отсутствие мясных блюд в общине. Это Ф. Дома подтверждает и тем, что терапевты, как он считает, отказывались от одежды из шерсти и кожи, а носили льняные или хлопчатобумажные ткани по примеру египетских жрецов и пифагорейцев [5]. Эти запреты и ограничения в пище и одежде сближают терапевтов, согласно Ф. Дома, одновременно и с языческими братствами и с ессеями.

Что касается аллегорических толкований священного писания, которые занимали так много места в жизни терапевтов, Ф. Дома очень осторожно замечает, что терапевты могли испытывать влияние философских школ стоиков и неопифагорейцев, с одной стороны, и влияние символических интерпретаций египетских храмовых оракулов, о которых говорит Плутарх в описании египетских жрецов (De Osir. et Is.). Ф. Дома отмечает, что, возможно, и ессеи в своих комментариях библейских текстов в какой-то степени обязаны идеям толкований египетских прорицателей при храмах, что же касается терапевтов, то они могли прямо оказаться под их влиянием. Это, однако, не умаляет оригинальности терапевтов. Их толкования библейских текстов, как и комментарии Филона, получили совершенно особое направление.

Однако останавливаясь в этой части своего исследования на отдельных чертах общины терапевтов, Ф. Дома, к сожалению, лишь бегло коснулся социального аспекта вопроса. Объяснение отказа терапевтов от рабства, которое мы находим в трактате, едва ли представляет собой выражение взглядов самого Филона, как то считает автор. Принимая стоическую формулу, что рабство противоречит природе, Филон не отвергал рабства вообще, полагая его в некоторых случаях необходимым, и подходил к этому вопросу с точки зрения библейского законодательства о рабах. Сам он оставался рабовладельцем, подобно многим стоическим философам, и весь протест его против рабства носил скорее литературно-философский характер. У терапевтов же, как и у ессеев, мы видим практический отказ от рабского труда в своей среде. Причем необходимо отметить, что обоснование этого отказа у терапевтов и ессеев Филон передает почти в сходных выражениях [6]. Трудно представить, чтобы Филон вопреки действительности приписывал бы свои взгляды и той и другой группе. В рукописях Мертвого моря содержится интересный материал для социальной характеристики кумранской общины. Хотя один из наиболее важных памятников, «Устав» кумранской общины, ничего не говорит о наличии или отсутствии рабов в общине, но требование обязательного труда для всех членов общины, отсутствие частной собственности и коллективное владение всем имуществом общины предполагает, по всей вероятности, отсутствие рабского труда в среде кумранитов.

Что касается материальной основы общины терапевтов, то вопрос этот неясен. В отличие от ессеев (по данным античных

[5] В § 38 Ф. Дома вслед за Конибиром заменяет в тексте χλαῖνα ἀπὸ λασίου δορᾶς (плащ из мохнатой шкуры) на χλαῖνα ἀντὶ λασίου δορᾶς (плащ вместо шкуры). В этом тексте Ф. Дома видит намек на то, что плащ был не из шкуры или шерсти (обычное значение слова χλαῖνα), но льняной или хлопчатобумажный. Ф. Дома указывает, что несмотря на то, что лучшие и многочисленные рукописи дают ἀπό вместо ἀντί, возможно, ἀπό было написано переписчиком, не знавшим доводов, которыми руководствовались терапевты, отказываясь от животных продуктов.

[6] DVC, 70; Quod omnis probus liber sit, 78.

авторов) и кумранитов, которые передавали свое имущество в общее пользование общины, терапевты отдавали свое достояние перед вступлением в общину родственникам и друзьям. В этом едва ли можно видеть противоречие между терапевтами и ессейско-кумранской группой, поскольку и в том и в другом случае в основе лежит отказ от частной собственности, различна лишь форма ведения хозяйства. Возможно, справедливо мнение (к нему присоединяется и Ф. Дома), что необходимые для жизни средства доставляли терапевтам те, кому они передавали свое имущество. Не исключено, что то была широкая прослойка сочувствующих, которые, принимая имущество терапевтов, как бы брали на себя обязательство материально поддерживать их.

Недостаточно полно говорит Ф. Дома и о праздниках терапевтов. Принимая, что терапевты помимо каждой субботы особенно торжественным образом отмечали каждый пятидесятый день (семь раз в год), автор осторожно замечает, что вопрос этот не может быть решен окончательно из-за недостаточности сведений. Однако с этим вряд ли можно согласиться, ибо новые данные кумранских рукописей и реконструкция кумранского календаря позволяют, как кажется, рассматривать этот вопрос по-новому.

Сообщение Милика о том, что в четвертой пещере были найдены фрагменты рукописей с указанием на разделение года в кумранской общине на семь пятидесятидневных периодов, каждый из которых начинался с сельскохозяйственного праздника, очень важно в связи со сведениями Филона о праздновании каждого пятидесятого дня в общине терапевтов [7]. Анализ же текста Филона (§ 65) показывает, что самый торжественный праздник пятидесятого дня у терапевтов всегда приходился на воскресенье. Если праздник Недель совпадал с одним из пятидесятых дней, то он также всегда падал на воскресенье. Согласно реконструированному календарю, праздник Недель в кумранской общине падал из года в год на один и тот же 15-й день третьего месяца, который всегда был воскресеньем. Таким образом, выявляется совпадение в соблюдении праздников у терапевтов и в кумранской общине.

Нельзя согласиться и с заявлением автора, что терапевты не были аскетами и не стремились к отшельничеству со всеми его изнуряющими ограничениями, но искали лишь спокойствия от шумного мира, чтобы тихо предаваться созерцанию, выбирая для этого удобные уединенные места вблизи города. Однако отказ терапевтов от имущества, самые ограниченные потребности, уединение, усиленные философские занятия в одиночестве и безбрачие позволяют рассматривать их как аскетов, тем более, что и еврейская традиция знала аскетизм. Недостаточно освещает Ф. Дома и вопрос о связях терапевтов с ессейством. Автор отводит этой важной проблеме лишь небольшой раздел, отсылая читателя к книге М. Симона [8].

Указав на целый ряд черт, общих для этих двух сект: бегство из городов, стремление к уединению, отказ от частной собственности, уважение к Закону и его изучение, соблюдение субботы, целомудрие и послушание, скромность в еде и одежде, священные трапезы, Ф. Дома даже здесь видит больше несходства, чем сходства. Различия между этими двумя группами он полагает наиболее существенными. В то время как ессеи являются более строгими блюстителями еврейской традиции, терапевты — сектанты, не чужды внешним влияниям эллинистической культуры, они граждане мира и проповедуют некоторый род универсализма. Терапевты допускают в свою общину женщин на равных правах, ессеи, согласно Филону и Флавию, относятся к ним с недоверием. Ф. Дома справедливо отмечает, что у терапевтов не заметно ни мессианистических, ни эсхатологических воззрений, чем они значительно отличаются от кумранитов; следует, однако, напомнить, что у ессеев Филона эсхатологические и мессианистические черты также не подчеркнуты, причины чего остаются пока неясными. Главная же противоположность между ессеями и терапевтами, по мнению Ф. Дома, заключается в отношении к физическому труду. Если ессеи работают, занимаясь сельским хозяйством и ремеслами, принципиально отвергая торговлю, терапевты всю свою жизнь посвящают лишь духовным упражнениям, под которыми понимается чтение, размышление, молитвы, создание произведений, восхваляющих бога. Далее Ф. Дома переходит к заключению, что если эти два движения и вышли, возможно, из одного и того же истока — еврейского благочестия, они глубоко различны. По мнению Ф. Дома, александрийское движение — более открытое посторонним влияниям, менее строгое в организационном отношении, чем движение сектантов Кумрана. Первое, полагает Ф. Дома, обратилось к уединению из соображений религиозных и философских, тогда как второе было обязано своим образованием причинам национальным и политическим. Указанные Ф. Дома различия не исключают, однако, сходной социальной направленности. Даже несмотря на различные пути развития, по своему характеру и социальной направленности эти движения очень близки.

[7] J. T. Milik, Ten Years of Discovery in the Wilderness of Judaea, L., 1959, стр. 92.

[8] M. Simon, Les sectes Juives au temps de Jésus, P., 1960.

А указанные выше столь важные моменты, как отказ от рабского труда и от частной собственности, так же как возможное сходство календарных систем и другие общие черты, позволяют, кажется нам, говорить об общине терапевтов как о египетской ветви ессейского движения. Исследование рукописей Мертвого моря значительно расширяет вероятность этого отождествления.

Наиболее интересна та часть работы, где автор проводит параллели и сопоставления сведений Филона об общине терапевтов с данными о египетской религиозной жизни греко-римской эпохи. Хорошо знакомый с материалами из истории религии и быта греко-римского Египта, автор делает целый ряд важных и интересных сравнений. Как было отмечено выше, убедительным представляется топографическое определение главного поселения терапевтов. Привлекают внимание и некоторые наблюдения, указывающие на заимствования из воззрений и быта египетских жрецов: например, священное молчание на собраниях жрецов, числовые спекуляции с прямоугольным треугольником, приписываемые Плутархом египетским жрецам, ограничения относительно пищи и одежды и др. Иные сопоставления автора остаются спорными. Так, не представляется достаточно убедительной попытка автора видеть в надписях фиванского некрополя доказательство того, что в Египте с древнейшего времени существовало стремление к благочестивому размышлению и уединению. По-видимому, нельзя отождествлять и отношение к солнцу у терапевтов и у древних египтян, поскольку оно определялось различными системами религиозных воззрений: египтяне почитали солнце как бога, у терапевтов солнце было символом света и божественной силы. Автор прав, когда пытается найти у терапевтов черты, общие с затворниками Сараписа и жрецами Херемона. Однако и здесь, скорее всего, истоки надо искать не в древнеегипетской религиозной жизни, а в особенностях и своеобразии духовной атмосферы греко-римской эпохи.

Увлекаясь установлением египетских параллелей, Ф. Дома очень мало внимания уделяет еврейской традиции, чем обедняет свое интересное исследование. Характерно, что в своей библиографии, впрочем весьма краткой, автор не отмечает работ Вермеша, которые посвящены специальному вопросу о сопоставлении терапевтов с ессеями и кумранитами.

В заключение следует отметить своевременность появления этой новой работы, освещающей проблему терапевтов с новой стороны, ставящей ее в связь с местными египетскими культами и египетской жизнью, что помогает выяснить некоторые специфические черты общины терапевтов.

М. М. Елизарова

W. HARTKE, Vier urchristliche Parteien und ihre Vereinigung zur apostolischen Kirche, B., 1961, XIV + 792 стр.

Важнейшим источником для изучения истории первоначального христианства [1] является Новый завет, и проблема происхождения христианства сводится так или иначе к проблеме критики новозаветных сочинений. Что эти сочинения полны противоречий и могут быть использованы только после серьезного критического анализа,— в этом, пожалуй, не сомневаются ныне не только историки-атеисты, но и профессиональные богословы (особенно протестанты). Однако характер и степень этой критики весьма различны — она колеблется от полного отрицания исторической ценности Нового завета до признания достоверности основной линии его повествования.

Согласно традиционному представлению, воспринятому и в нашей литературе, древнейшим евангелием является наиболее краткое из четырех — евангелие от Марка, возникшее как целостное сочинение на базе утерянного ныне первоисточника; на основе евангелия от Марка (или его первоисточника) были созданы затем евангелия от Матфея и от Луки, и уже позднее появилось евангелие от Иоанна, где были «сознательно опущены или перередактированы многие рассказы синоптических евангелий» [2]. Традиционное это представление, впрочем, подвергается критике. Во-первых, исследования последнего времени обнаружили, что именно

[1] О необходимости разграничения понятий раннее (до IV в. н. э.) и первоначальное христианство см. Я. А. Ленцман. Было ли раннее христианство коммунистическим? «Наука и религия», 1963, № 7, стр. 40 слл. Я. А. Ленцман относит термин «первоначальное» только к христианству, отраженному в «Откровении Иоанна», предлагая для более позднего времени термин «евангельское христианство». Здесь однако под первоначальным разумеется христианство I — середины II в. н. э.

[2] Я. А. Ленцман, Происхождение христианства, М., 1958, стр. 29—32. Ср. H. Lietzmann, Geschichte der alten Kirche, I, B. Lpz., 1937, стр. 35 сл.

евангелие от Иоанна всего ближе к кумранским текстам [3]; что древнейшие новозаветные папирусные отрывки (первая четверть II в. н. э.) совпадают именно с евангелием от Иоанна; что оно, наконец, содержит независимую от синоптических версию деятельности Иисуса (напомню, что в изложении синоптиков проповедь Иисуса укладывается в годичный срок, а по евангелию от Иоанна она занимает три года) [4]. Все это ставит под сомнение тезис о евангелии Иоанна как о наиболее позднем.

Во-вторых, сторонники так называемой Formgeschichte показали, что новозаветные памятники вообще не являются целостными произведениями, но состоят из отдельных частей, построение которых соответствует принципам устного творчества. Следовательно, становление евангелий не сводится к простому переписыванию одним евангелистом другого.

Автор рецензируемой работы, скончавшийся в Берлине 8 апреля 1966 г., филолог и теолог Вильхельм Хартке, ученик Э. Роде и К. Фишера, У. фон Вилламовиц-Меллендорфа и А. фон Харнака, идет еще дальше в критике традиционного представления: из элементов, на которые Formgeschichte расчленила новозаветные памятники, он пытается воссоздать те первоначальные христианские сочинения, которые предшествовали нынешнему канону. На стр. 386 Хартке формулирует свое отношение к Formgeschichte, критикуя это направление по трем пунктам: во-первых, за чрезмерное внимание к теологии и культу и за пренебрежение социальными отношениями; во-вторых, за то, что сторонники Formgeschichte сосредоточивают свой анализ на установлении частных преданий (Einzelgeschichten), которые лишь постепенно слились в бо́льшие комплексы, а в конечном счете — в нынешние евангелия, а не на рассмотрении первоначальных целостных сочинений (Ganzheiten), послуживших источниками нынешних новозаветных текстов (чтобы пояснить различие, я бы позволил себе сравнить Formgeschichte с «теорией малых песен», а взгляды Хартке — с «теорией основного ядра» в гомеровском вопросе); наконец (у самого Хартке это стоит на втором месте), за преувеличение роли анонимного коллектива и преуменьшение значения личностей в создании христианства.

Как ни оценивать результативность книги Хартке, как ни относиться к его конкретным выводам, самая постановка вопроса представляется мне значительной: интерес к социальной стороне раннехристианской истории, попытка выделить первоначальные целостные христианские сочинения, стремление обрисовать индивидуальные характеристики авторов этих сочинений и их позднейших редакторов,— все это, несомненно, заслуживает пристального внимания.

Исследование Хартке развивается по трем линиям. Первая из них — анализ в собственном смысле слова — всего ближе к традициям Formgeschichte [5]. Так, следуя за указанной работой А. Фора, Хартке расчленяет текст канонического евангелия от Иоанна на три слоя: *1*) древнейшее сочинение о двенадцати «знамениях» (σημεῖα) человека Иисуса, сына плотника Иосифа (от чуда в Кане Галилейской до въезда в Иерусалим), где еще отсутствовал рассказ о смерти и воскресении (стр. 140—142); *2*) пролог и ряд добавлений, где Иисус — в противоречии с древнейшим сочинением!— трактуется не как человек-мессия, но как божественный логос (стр. 144); *3*) добавления в духе дуализма гностиков, где — в противоречии со вторым слоем!— проводится представление о мире не как о божьем творении, но как о грешном, плотском, подчиненном диаволу; не божественную любовь ко всему человечеству (как второй автор) проповедует составитель третьего слоя, но так называемую praedestinatio gemina, т. е. предопределение одних к гибели, других — ко спасению (стр. 146. Ср. стр. 11 и сл.).

Расчленяя евангелие от Иоанна на три слоя, Хартке — и это весьма существенно — руководствуется не только формально-стилистическими особенностями (что характерно для Formgeschichte), но в первую очередь противоречиями мировоззрения. Полученные им результаты весьма важны для научной критики новозаветного канона.

Несколько иной характер носит сравнительный анализ различных евангелий, опять-таки позволяющий Хартке наметить ряд противоречий новозаветного канона: например, евангелие от Иоанна говорит о четырех посещениях Христом Иерусалима, тогда как для редактора евангелия от Марка последний въезд был первым, и он заставляет Христа с любопытством осматривать храм (стр. 309); синоптические евангелия иначе чем евангелие от Иоанна определяют дату тайной вечери (стр. 299 и сл.); противоречиво в разных евангелиях изложена легенда о явлении Христа после смерти (стр. 351 и сл.) и т. п. Соотношение отдельных

[3] И. Д. Амусин, Рукописи Мертвого моря, М., 1960, стр. 244 сл.

[4] C. H. Dodd, Historical Tradition of the Fourth Gospel, Cambr., 1963.

[5] Ср. например, A. Faure, Die alttestamentlichen Zitate im 4. Evangelium und die Quellenscheidungshypothese, «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», 21, 1922, H. 2. Исходный пункт анализа А. Фора — наличие в евангелии от Иоанна различных типов цитирования Ветхого завета: καθὼς εἶπεν и ἵνα ἡ γραφὴ πληρωθῇ.

эпизодов в синоптических евангелиях приводит Хартке к выделению составных частей в них: он отличает пратекст евангелия от Марка и отредактированный текст, первый и второй пратексты евангелия от Луки. Менее детально осуществляет автор анализ других новозаветных сочинений: в Откровении он разделяет пратекст и так называемые «семь посланий» (стр. 197), в Деяниях видит переработку так называемых πράξεις Παύλου (стр. 552 и сл.).

Вторая линия работы Хартке — это синтезирование древнейших христианских текстов. В отличие от сторонников Formgeschichte он оперирует с целостными сочинениями, но — в отличие от традиционных воззрений — это не сохранившиеся целостные элементы нынешнего канона, а гипотетические пратексты и промежуточные тексты. Хартке интересует не столько время завершения доработки и переработки евангелий (что, как известно, мог наблюдать еще Цельс), сколько пути становления текста. Пути эти рисуются ему следующим образом.

В основе евангелий лежат три независимые версии: Логии, т. е. изречения Иисуса, написанные, согласно Папию, на арамейском языке (стр. 371 и сл.); пратекст евангелия от Марка (стр. 260 и сл.) и уже известное нам сочинение о двенадцати «знамениях». Все остальные тексты возникли в результате контаминации и редактирования трех первых версий (стр. 544 и сл.), результатом чего и явилось обилие противоречий и ошибок. Так, первый пратекст евангелия от Луки образовался путем включения Логий в пратекст евангелия от Марка, а позднее был переработан во второй пратекст; параллельно возник отредактированный текст евангелия от Марка; на базе евангелия от Марка и второго пратекста евангелия от Луки было создано евангелие от Матфея. Затем к евангелиям были присоединены послания, которые в свою очередь подвергались переработке...

Установление всякого рода стемм и архетипов, разумеется, всегда спорно. Формирование новозаветных текстов вряд ли может быть представлено в виде убедительной для всех схемы. Но метод, применяемый Хартке, кажется плодотворным: мы получаем возможность судить не только о противоречивом мировоззрении канонических евангелий, но и о взглядах тех групп и сект в христианстве, которые приложили свою руку к созданию Нового завета.

И тут мы переходим к третьей линии исследования Хартке — к установлению социально-политических противоречий в первоначальном христианстве, к рассмотрению тех четырех «партий», которые и дали название книге.

По мнению Хартке, в первоначальном христианстве существовали следующие группировки (стр. 516 и сл.):

1) консервативные эллинисты, перенесшие свой центр из Кесарии Палестинской в Иераполис (во Фригии) и создавшие евангелие от Марка;

2) группа девтероиоаннитов, действовавшая в Колоссах и Лаодикии, а также в Эфесе, и создавшая «канон в трех частях», куда входили евангелие от Иоанна, послания Иоанна и Иуды и Откровение Иоанна;

3) павлинисты, боровшиеся с девтероиоаннитами за главенство в Эфесе;

4) так называемые петристы, опиравшиеся на Антиохию и использовавшие в качестве идейного оружия евангелие от Матфея.

Хартке прослеживает не только борьбу между этими группами, но и тенденцию к объединению христиан Малой Азии, проводниками которой были, по его мнению, редактор евангелия от Луки (и Деяний) и редактор корпуса посланий Павла. Этот редактор павлинистского корпуса, действовавший в условиях разочарования христиан в возможности скорого установления царства божьего (стр. 490), подверг коренной переработке первоначальные письма: именно ему принадлежит знаменитый текст Римл. 13, 1—7, призывающий к примирению с властями, тогда как в других местах корпуса (например, I Кор., 6, 1—8) сохраняется враждебное отношение к государству (стр. 492) [6]. Редактор корпуса стремился также заменить учение об Иисусе — сыне божьем воззрением на Иисуса как на человека и мессию (стр. 483). В результате борьбы и компромисса создается текст так называемого Эфесского Нового завета, включавший, по Хартке, все канонические сочинения, кроме послания евреям и послания Иакова (стр. 557 и сл.).

Разумеется, в построенной Хартке схеме есть белые пятна: он абстрагируется, например, от очень важного вопроса о воздействии текста посланий Павла на евангельский текст. Но в общем и целом его книга создает интересную картину острой борьбы отдельных групп и группок, сопровождавшейся постоянным перередактированием новозаветных книг — перередактированием, которое вело и к искажению внешней канвы (фактов) раннего повествования, и к изменению идеологии.

К какому же времени Хартке относит борьбу четырех партий в первоначальном христианстве? В рецензируемой книге мы находим детализованную хронологи-

---

[6] Ср. об этом также E. Barnikol, Römer 13. Der nichtpaulinische Ursprung der absoluten Obrigkeitsbejahung von Römer 13, 1—7, «Studien zum Neuen Testament und zur Patristik», B., 1961, стр. 65—133. Барниколь считает это место поздней вставкой.

ческую шкалу развития новозаветного канона:

Логии — это дневник, составленный еще при жизни Иисуса его учеником Матфеем;

пратекст евангелия от Марка был продиктован Петром Иоанну-Марку в 43 г. н. э.;

сочинение о 12 «знамениях» написано Иоанном, сыном Зеведеевым, в Иерусалиме в 44 г.;

первый пратекст евангелия от Луки относится к 48 г.

Далее Хартке допускает более чем двадцатилетний перерыв в литературной деятельности христиан и следующие памятники относит ко времени вскоре после 70 г. (второй пратекст евангелия от Луки, отредактированное евангелие от Марка и к несколько более позднему времени — евангелие от Матфея). Сборник подлинных посланий Павла принадлежал Тимофею, а переработка их — Силе. Сочинение о 12 «знамениях» было переработано Иоанном-Марком, а затем (около 92 г.) еще раз — Иудой Варсаввой, составителем канона девтероиоаннитов. И т. д.

Отождествление авторов анонимных и псевдонимных сочинений с различными новозаветными персонажами и определение дат этих сочинений представляется мне наименее обоснованным элементом в построениях Хартке. Да, мы можем, опираясь на авторитет Папия, допускать существование арамейских Логий — но нет никаких оснований думать, что за бродячим проповедником Иисусом ходил верный ученик Матфей, тут же записывавший изречения и притчи учителя; атрибуция и датировка сочинения о 12 «знамениях» (стр. 133 и сл.) основаны на серии допущений и предположений; тоже относится и к деятельности Иоанна-Марка, который к тому же оказывается у Хартке сыном Марии Магдалины (стр. 154); дата первого пратекста Луки устанавливается, в частности, на том основании, что с ним будто бы полемизировал самаритянин Таллос, вольноотпущенник императора Клавдия (стр. 312) — но, как известно, личность Таллоса, в сочинении которого, действительно, упомянута казнь Христа и затмение, случившееся в этот момент, нам совершенно неизвестна, а отождествление его с самаритянином, жившим в середине I в. н. э., крайне спорно и основывается на конъектуре греческого текста (см. RE, II.R. Hb.IX, 1934, стб. 1225) [7]. Откуда мы знаем, что Тимофей издал подлинные послания Павла, а не псевдоэпиграф? Что дает нам право сказать, что Сила, а не кто иной был тем редактором павлинистского сборника, который-то и придал христианству новое направление? Эти вопросы остаются без ответа.

В нашей литературе господствует довольно поздняя датировка новозаветных сочинений, если не считать «Откровения Иоанна». Ранние послания Павла Я. А. Ленцман относит к первой четверти II в., послания эфесянам, филиппийцам, колоссянам и фессалоникийцам — ко второй четверти, пастырские послания — к середине, а евангелия — чуть ли не ко второй половине того же столетия [8]. По-видимому, они все-таки старше — во времена Юстина и Папия евангелия уже существовали (к первой четверти II в. относятся два первых папирусных фрагмента), хотя доработка их продолжалась и позже. Но и столь ранняя дата, какую предлагает Хартке для возникновения христианской литературы, ничем не обоснована, кроме поздней церковной традиции. Еще при Папии и при Иренее устное предание пользовалось глубоким уважением, и, следовательно, писаные памятники были сравнительно молодыми.

Литературное творчество первоначальных христиан, о котором говорит Хартке, связано исключительно с Малой Азией и Антиохией. В Месопотамии, в Египте, где существовали большие еврейские колонии, достоверные свидетельства о христианах относятся лишь к началу II в. н. э. [9] Значит ли это, что христианство первоначально распространялось только на запад, или мы вправе предположить, что его распространение вообще имело место несколько позднее, чем это рисует церковная традиция — и в таком случае «четыре партии», намеченные Хартке, окажутся хронологически близкими к другим группировкам, например, к самаритяно-египетским гностикам?

Проблема эта сложная и при ее решении очень важно удержаться от увлечений и предвзятых суждений.

А. П. Каждан

---

[7] Касаясь нехристианских свидетельств о первоначальной истории новой религии, Хартке вообще почему-то теряет свой критицизм: не только рассказ Тацита о пожаре в Риме, но и известие Иосифа Флавия (Ant., XVIII, 63—64) он безоговорочно признает достоверными (стр. 397 и сл.). А объяснение причин вставки у Иосифа, который будто бы хотел показать, что не евреи, а христиане — опаснейшие враги империи (стр. 400),— трудно назвать иначе, как чистой фантазией.

[8] Я. А. Ленцман, Происхождение..., стр. 187 и сл.

[9] W. Bauer, Rechtgläubigkeit und Ketzerei im ältesten Christentum, Tübingen, 1934, стр. 234. Ср. L. Goppelt, Christentum und Judentum im ersten und zweiten Jahrhundert, Gütersloh, 1954, стр. 192 сл., 211 сл.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ В ГРУЗИИ (1960—1965 гг.)

Одной из характерных черт выполненных в Грузии за 1960—1965 гг. научно-исследовательских работ по древней истории, филологии и археологии [1] является широта и разносторонность исследуемых проблем. Систематическая плановая работа по изучению древневосточных языков, истории стран древнего Востока, а также по истории и археологии Грузии с древнейших времен до середины I тысячелетия до н. э. проводится в основных научных учреждениях республики — в Институте истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Груз.ССР, Институте востоковедения АН Груз. ССР, Тбилисском гос. университете и Гос. Музее Грузии им. С. Н. Джанашиа. За указанные годы в этих учреждениях было выполнено много научных работ, представляющих большую ценность в деле изучения проблем древнего мира в целом.

Научно-исследовательская работа по изучению структуры и истории языков древнего Востока, а также по разработке вопросов древневосточной филологии велась в основном в созданном в 1960 г. Институте востоковедения АН Груз.ССР.

Успешно разрабатывал вопросы хеттского языкознания проф. *Т. В. Гамкрелидзе.* После опубликования работы «Хеттский язык и ларингальная теория» [2], заслужившей высокую оценку специалистов, Т. В. Гамкрелидзе изучил в историческом аспекте систему гласных хеттского языка, детально разработал древнехеттский текст KBo, VII, 14 (транскрипция, перевод, историко-филологические комментарии [3]), написал работу о корреляции взрывных в хеттском языке, в которой определяются отношения между рядами хеттских согласных и дается сравнительный анализ хеттского консонантизма с системами других индоевропейских языков. Работая над «анатолийскими языками» (хеттским, лувийским, палайским), Т. В. Гамкрелидзе попытался восстановить картину языкового состава Малой Азии в древности и охарактеризовать отношения между языками, распространенными на территории древней Анатолии [4]. В этой последней работе говорится также о близости морфологических структур кавказских, в частности картвельских, и индоевропейских языков. Это свидетельствует, по мнению Т. В. Гамкрелидзе, о тесных контактах, существовавших между картвельскими и индоевропейскими языками, что, по его же мнению, подтверждает тезис о кавказском пути проникновения индоевропейских племен в Малую Азию. Т. В. Гамкрелидзе,

---

[1] Об основных итогах изучения древней истории и археологии Грузии, языков и истории древневосточных стран в Грузии до 1960 г. см.: Г. А. Меликишвили, Древняя история Закавказья в советской исторической науке, ВДИ, 1957, № 3, стр. 66—75; В. Г[в а х а р и я], Изучение языков и истории древневосточных стран в Грузии, ВДИ, 1959, № 2, стр. 220—223; Н. М. Постовская, Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.), М., 1961.

[2] ТИЯз, III, 1960, стр. 15—91. См. рец.: L. Z g u s t a, ArOr, 29,1961, 1, стр. 125—126; R. S l o n e k, BiOr, XX, 1963, 1/2, стр. 52—55.

[3] Часть указанной работы опубликована в «Переднеазиатском сборнике» (М., 1961, стр. 211 сл.): Т. В. Гамкрелидзе, Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке; в этой же работе второй ее раздел посвящен проблеме происхождения хеттской клинописи — проблеме, результаты исследования которой уже были изложены автором на страницах ВДИ, а также в статье на английском языке, посвященной происхождению письменности у хеттов (См. Th. V. G a m k r e l i d z e, The Akkado-Hittite Syllabary and the Problem of the Origin of the Hittite Script, ArOr, 29, 1961, 4, стр. 406—418).

[4] Основные положения автора см. в труде: Т. В. Гамкрелидзе, «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен, М. 1964 (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук).

интенсивно работая (совместно с *Г. И. Мачавариани*) над фундаментальной монографией о системе сонантов и аблауте картвельских языков, в которой исследуются основные вопросы сравнительно-исторической грамматики с применением структуральных методов описания языков [5], разрабатывал также вопросы сравнительной грамматики индоевропейских языков древнейшей Малой Азии [6].

Многолетняя и кропотливая работа над составлением словаря урартского языка завершилась появлением в свет труда *В. А. Гвахария* «Словарь-симфония урартского языка» (М., 1963) [7]. Словарь наиболее полно отображает лексический запас урартского языка, богато иллюстрирован фразеологией со ссылками на соответствующий источник и снабжен переводами на русский и грузинский языки [8].

Отдельным вопросам грамматики урартского языка были посвящены также работы акад. *Г. В. Церетели* (относительно структуры и генезиса лиц урартского глагола), *Т. В. Гамкрелидзе* (о некоторых вопросах грамматической структуры урартского языка) и *В. А. Гвахария*, который начал разрабатывать вопросы урартской лексики (слова, расположенные в алфавитном порядке, снабжены примечаниями этимологического характера [9]).

З. Г. Кикнадзе принадлежит первый грузинский перевод вавилонского эпоса о сотворении вселенной — Enūma eliš (перевод, комментарии, исследование). На основе детального изучения клинописных текстов эпоса Гильгамеша З. Г. Кикнадзе опубликовал грузинский стихотворный перевод всех известных вавилонских и ассирийских версий и фрагментов поэмы [10]. Монография снабжена исследованием ряда основных вопросов эпоса. З. Г. Кикнадзе разработал и некоторые вопросы грамматики аккадского языка (релятивное предложение в аккадском) и вавилонской философской литературы (миф и сновидение в аккадском эпосе [11] и др.). Перевод некоторых древневосточных литературных памятников принадлежит также В. А. Гвахария [12].

Изучением хурритского языка занималась *Н. Нозадзе*. Ее работы посвящены вопросам структуры имени в хурритском, определению типов простых именных корней и производных слов, группировке имен существительных по смысловым значениям. Н. Нозадзе разрабатывает также вопросы эргативной конструкции хурритского и готовит исследование относительно глагола в хурритском языке [13].

Исследование вопросов структуры и истории языков древнего Востока, а также проблем древневосточной филологии в Институте востоковедения АН Груз. ССР будет продолжаться и в дальнейшем. Изучение ряда проблемных вопросов социально-экономической, политической и этнической истории стран древнего Востока, а именно Хеттского государства, Фригийского царства и Урарту, в основном велось в Институте истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР.

В связи с разработкой вопросов социально-экономического, политического и этнического развития населения Грузии в эпоху распада первобытно-общинных отношений и существования первых грузинских государств акад. АН Груз. ССР *Г. А. Меликишвили* изучал проблему происхождения Хеттского царства [14]. Этническая картина Малой Азии второй половины III и начала II тысячелетия представляется Г. А. Ме-

---

[5] Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани, Система сонантов и аблаут в картвельских языках, Тбилиси, 1965, 511 стр. (под ред. и с предисл. Г. В. Церетели).

[6] K. Deller, Keilschriftchronik. 4, Or, 34, № 3, 1965, стр. 343 (далее — Or, 34, № 3). Т. В. Гамкрелидзе принадлежит также обстоятельная рецензия на кн.: «Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»)». Пер. И. М. Дьяконова (ВДИ, 1963, № 1, стр. 95—104).

[7] См. рец.: И. М. Дьяконов, ВДИ, 1965, № 3, стр. 154—156.

[8] В. А. Гвахария опубликовал также работу «Шестиричная и десятиричная системы счета в некоторых древних письменностях народов Передней Азии» (ЭВ, XV, 1963, стр. 6—16).

[9] См. также Or., 34, № 3, стр. 343.

[10] «Эпос о Гильгамеше». Пер. с аккадского и комм. З. Г. Кикнадзе, под ред. Т. В. Гамкрелидзе, Тбилиси, 1963, 233 стр.

[11] Доклад, прочитанный на II Всесоюзной сессии по изучению древнего Востока (Л., 14—19 мая 1962 г.). См. «II Всесоюзная сессия по изучению древнего Востока», ВДИ, 1963, № 1, стр. 170 (далее — ВДИ, 1963, № 1). См. также Or., 34, 3, стр. 343.

[12] В. Гвахария, Гимн о путешествии богини Иштар, «*Мнатоби*», 1962, 7, стр. 180—183 (на груз. яз.). Гимну о происхождении человека и вопросу о шумерийско-ассирийской нотной системе В. А. Гвахария посвятил доклад, прочитанный на II Всесоюзной сессии по изучению древнего Востока (см. ВДИ, 1963, № 1, стр. 170).

[13] Or., 34, 3, стр. 343.

[14] Г. А. Меликишвили, К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1965, стр. 141—191 (на груз. яз.); он же, Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии, ВДИ, 1965, № 1, стр. 3—30.

ликишвили следующим образом. По его мнению, хеттско-лувийские индоевропейские племена проживали в Анатолии (на территории распространения западноанатолийской культуры) начиная с довольно ранних времен. Проникновение неситов в центрально-анатолийские области Г. А. Меликишвили относит ко второй половине III тысячелетия до н. э., а древнейшим местопребыванием протохеттских (хаттских) племен он считает территории, расположенные много восточнее Центральной Анатолии, откуда с середины III тысячелетия до н. э. происходило их постепенное проникновение на центрально-анатолийское плато. Гор. Хаттуса (начала II тысячелетия) рассматривается как один из центров причерноморского, западнокавказского населения. Хеттское царство возникло, по мнению Г. А. Меликишвили, в условиях политической гегемонии не неситов, а проникавших с востока протохеттов.

Г. А. Меликишвили параллельно продолжал работу над изучением истории и языка Урарту. Он опубликовал новую урартскую надпись из Иранского Азербайджана, принадлежавшую царю Сардури II[15]. В серии «Языки народов Азии и Африки» Г. А. Меликишвили издал очерк об урартском языке[16]. Он исследовал также вопросы политической истории, исторической географии и этнического состава соседних с Урарту малоазийских и северосирийских политических образований по материалам ассирийских и урартских источников, в результате чего появился ряд его работ[17]. Им опубликована также статья по истории древнеколхидского царства (Кулха)[18]. Некоторым вопросам урартского пантеона Г. А. Меликишвили посвятил отдельную работу, опубликованную недавно на немецком языке в итальянском журнале «Orientalia»[19].

Г. Г. Гиоргадзе разрабатывал в основном вопросы истории Малой Азии начала II тысячелетия до н. э. и Древнехеттского царства. Привлекая новый археологический материал из Малой Азии и данные письменных источников («каппадокийских» табличек), он изучил отдельные стороны торгово-культурных взаимоотношений между Каппадокией и соседними странами в начале II тысячелетия до н. э.[20] Специальное исследование посвятил Г. Г. Гиоргадзе борьбе хеттов за Северную Сирию в период Древнего царства, определив отдельные этапы этой борьбы[21]. Он подготовил работу «Хеттские источники по истории Древнего царства», в которой даются переводы (с транслитерацией, комментариями, исследованием) основных текстов, составленных на древнехеттском языке и имеющих важное значение в деле изучения истории Хатти древнего периода. В указанную работу входит и хеттский текст, описывающий ранний этап истории хеттов — «Текст Анитты»[22]. Г. Г. Гиоргадзе подготовил также работу о взаимоотношениях хеттов и хурритов в эпоху Древнего царства[23]. В работе «Из истории управленческого аппарата у хеттов» он делает попытку выяснить главные функции одного из должностных лиц управленческого аппарата политических образований Малой Азии начала II тысячелетия до н. э. и периода существования государства хеттов —

---

[15] Г. А. Меликишвили, Новая урартская надпись из Иранского Азербайджана, «Восточный сборник» (далее — ВС), I, 1960, стр. 59—74 (на груз. яз., рез. на русск. и нем. яз.) = ВДИ, 1960, № 3, стр. 3—11. См. также УКН, стр. 453 сл.

[16] Г. А. Меликишвили, Урартский язык, М., 1964, 73 стр.

[17] Г. А. Меликишвили, К изучению древнейшей этнонимики восточной Малой Азии, ВООНАНГ, 1961, № 3, стр. 87—119 (на груз. яз.) = ВДИ, 1962, № 1, стр. 46—65; он же, Ассирия и «страны Наири» на рубеже XII—XI вв. до н. э., ВДИ, 1963, № 2, стр. 115—129 (см. также доклад, прочитанный на II Всесоюзной сессии по изучению древнего Востока — ВДИ, 1963, № 1, стр. 167).

[18] Г. А. Меликишвили, Кулха (Из древней истории Южного Закавказья), «Древний мир» (сб. в честь акад. В. В. Струве), М., 1962, стр. 319—326.

[19] G. A. Melikišvili. Die Götterpaartrias an der Spitze des urartäischen Pantheons, Or, 34, 1965, 4, стр. 441—445; Г. А. Меликишвили опубликовал также ряд рецензий: ВДИ, 1960, № 4, стр. 126—130 (на кн.: И. М. Дьяконов, Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер); ВДИ, 1962, № 2, стр. 126—129 (на кн.: И. Г. Алиев, История Мидии) и др.

[20] Г. Г. Гиоргадзе, Торгово-культурные взаимоотношения между Каппадокией и соседними странами в начале II тысячелетия до н. э., «Кавказско-ближневосточный сборник», Тбилиси (далее — КБС), II, 1962, стр. 5—32 (на груз. яз., рез. на русск. и англ. яз.); см. также доклад, прочитанный на II Всесоюзной сессии по изучению древнего Востока (ВДИ, 1963, № 1, стр. 172). Оценки статей по истории древнего Востока, опубликованных в вышеуказанных «Восточном сборнике» и «Кавказско-ближневосточном сборнике», даны в рец.: О. В. Цкитишвили, НАА, 1961, 3, стр. 234—235; В. Г. Силагадзе, НАА, 1964, 5, стр. 196—198; Р. Наваса-рдян, ИФЖ, 1965, 2 (29), стр. 231—236.

[21] Г. Г. Гиоргадзе, Борьба хеттов за Северную Сирию в период Древнего царства, ВДИ, 1964, № 1, стр. 3—22.

[22] Г. Г. Гиоргадзе, «Текст Анитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов, ВДИ, 1965, № 4, стр. 87—111.

[23] Or., 34, 3, стр. 343.

rabi simmiltim «каппадокийских» табличек и EN GIŠ I.LU хеттских источников [24]. Несколько статей того же автора посвящены исторической географии Малой Азии, а также локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий [25].

Вопросы социально-экономической истории Новохеттского царства изучает *Э. А. Менабде*. Вслед за исследованием норм хеттского наследственного права по данным хеттских законов [26], а также характера рабства в Хеттском государстве [27], Э. А .Менабде приступил к разработке других вопросов социально-экономической истории хеттов. Он высказал ряд соображений относительно процесса возникновения государства у хеттов (который, по его мнению, может быть датирован приблизительно концом XX и началом XVII в. до н. э.) [28], о характере придворных смут в Древнехеттском царстве [29], относительно вопроса об уголовной ответственности в хеттском праве [30]. Э. А. Менабде коснулся и вопроса об отдельных этапах экономического развития Хеттского государства [31]. Одновременно он изучал социальную структуру Хеттского государства (рабовладельческая аристократия и свободные общинники). Кроме основных источников по данному вопросу, Э. А. Менабде специально изучил хеттские исторические и культовые тексты по социально-экономической истории хеттов. В результате многолетнего труда Э. А. Менабде создал обобщающую монографию «Хеттское общество» (Тбилиси, 1965) [32], в которой рассмотрены хозяйственная деятельность населения и экономические отношения (сельское хозяйство, ремесленное производство и торговля, основные виды собственности), брак, семья и порядок наследования (формы брака, смешанные браки, прекращение брака, наследуемая собственность, прямые наследники и т. д.) [33].

В области истории позднехеттского (хеттско-иероглифического) периода работала *Н. В. Хазарадзе*. Она собирала материалы по истории населения восточной Малой Азии в хеттско-иероглифических надписях, изучила двуязычную надпись из Каратепе, разработала некоторые вопросы исторической географии и этнического состава указанной области. Ею были изучены также хеттско-иероглифические надписи по истории западной части Урарту. Наряду с этим Н. В. Хазарадзе работала над вопросами

---

[24] Доклад, прочитанный на III Всесоюзной конференции по истории, истории культуры и филологии стран древнего Востока (М., 1966).

[25] Г. Г. Гиоргадзе, Несколько замечаний о локализации стран Арцава, ВС, 1, 1960, стр. 5—28 (на груз. яз., рез. на русск. и англ. яз.); о н ж е. К вопросу о локализации некоторых областей Хеттского царства, ТИИГ, V, 1960, 1, стр. 197—212 (на груз. яз., рез. на русск. яз.) = ВДИ, 1960, № 1, стр. 74—84; о н ж е, К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий, ПАС, I, стр. 161—210 (рез. на англ. яз.). См. также рец. на кн.: Я. А. Манандян, О некоторых спорных проблемах истории древней Армении, ВДИ, 1960, № 3, стр. 191—196 и рец. на кн.: J. Garstang — O. Gurney, The Geography of the Hittite Empire, ВДИ, 1962, № 3, стр. 168—170.

[26] Э. А. Менабде, Наследственно-правовые отношения в хеттском обществе, ВС, I, 1960, стр. 29—58 (рез. на англ. яз.); о н ж е, О порядке наследования в Хеттском царстве. Доклад, представленный XXV Международному конгрессу востоковедов, М., 1960.

[27] Э. А. Менабде, О рабстве в Хеттском государстве, ПАС, I, стр. 11—56. Относительно работ Т. В. Гамкрелидзе, Г. Г. Гиоргадзе и Э. А. Менабде, опубликованных в ПАС, о которых сказано выше, см. отзывы: в ArOr, 32, 1964, стр. 452—453 (L. Zgusta); «Paideia», 19, 1964, 1, стр. 25 (V. Pisani); SLC, 14, 1963, стр. 422—425 (Vl. Bănăţeanu); BiOr, XXII, 1965, 1/2, стр. 38—41 (R. Slonek).

[28] Э. А. Менабде, Несколько замечаний относительно основных этапов развития Хеттского (неситского) государства, ТИИГ, VI, 1962, 2, стр. 213—228 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[29] Э. А. Менабде, О характере придворных смут в Хеттском государстве (XVII—XVI вв. до н. э.), КБС, II, стр. 33—44 (рец. на франц. яз.).

[30] Доклад, прочитанный на II Всесоюзной сессии по изучению древнего Востока (ВДИ, 1963, № 1, стр. 171 сл.).

[31] Э. А. Менабде, К вопросу об экономическом развитии Хеттского царства, «Проблемы социально-экономической истории древнего мира» («Сб. памяти акад. А. И. Тюменева»), М.— Л., 1963, стр. 73—87.

[32] См. также Or., 34, 3, стр. 343.

[33] Э. А. Менабде принадлежит также несколько рецензий — на кн. Г. Ф. Александров, История социологических учений (Древний Восток), ВООНАНГ, 1960, 1, стр. 285—290 (на груз. яз.); на кн.: R. Haase, Der Privatrechtliche Schutz der Person und der einzelnen Vermögensrechte in der hethitischen Rechtssammlung, КБС, II, стр. 247—254; см. также коллективную рецензию Т. В. Гамкрелидзе, Г. Г. Гиоргадзе и Э. А. Менабде на кн.: A. Goetze, Kleinasien (2-е изд.) ВДИ, 1961, № 3, стр. 143—154.

истории Фригийского царства. Детально изучив материалы древневосточных и древнегреческих источников по истории мушков и фригийцев, она сделала ряд интересных наблюдений по вопросу о названии «страна мушков» [34], относительно генетических взаимоотношений фригийцев, мушков и армян [35], о культурно-экономических взаимоотношениях Фригии со странами Передней Азии [36]. Н. В. Хазарадзе опубликовала также статью о курганных погребениях Гордиона, рассмотрела материалы по истории «Геллеспонтской Фригии» [37] и др.

В области истории древнего Востока было опубликовано еще несколько работ. Учебное пособие для изучающих историю древневосточного права опубликовал акад. АН Груз. ССР *И. С. Долидзе* [38]. *З. М. Шарашенидзе* напечатал статью о местожительстве и этнической принадлежности касситов [39], а *А. А. Барамидзе* коснулся культурных связей урартийцев с киммерийскими и скифскими племенами (на основе археологического материала, обнаруженного преимущественно на Кармир-блуре)[40]. Проф. *Г. К. Гозалишвили* поставил вопрос о предполагаемых взаимоотношениях древнеегипетского и древнегрузинского божеств луны [41].

В дальнейшем помимо продолжения исследований по указанным проблемам историки древнего Востока намерены заниматься также историей Ново-Вавилонского царства (Р. С. Рцхиладзе), по социально-экономической истории Двуречья в эпоху Древнеаккадского царства (Дж. М. Шарашенидзе) и другими вопросами.

Определенные успехи были достигнуты в области изучения древней истории и археологии Грузии (с древнейших времен до середины I тысячелетия до н. э.). Археологические раскопки, проведенные Институтом истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР, Тбилисским гос. университетом, Гос. Музеем Грузии им. С. Н. Джанашиа, Гос. Музеем искусств Груз. ССР, Батумским научно-исследовательским институтом, Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д. Гулия и другими научными учреждениями Грузии, выявили исключительно важные материалы, которые обогатили наши представления по целому ряду вопросов древней истории Грузии или же совершенно по-новому осветили изучавшийся и ранее ряд научных проблем. В большинстве случаев добытые археологические памятники изучены на фоне богатого параллельного материала из разных стран, в особенности из древнейших культурных очагов Передней Азии. Изучение новых памятников лишний раз доказывает, что материальную культуру древней Грузии (как и всего Закавказья) следует рассматривать в тесной связи с цивилизациями Передней Азии древневосточной эпохи.

Успешно продолжалось изучение каменного века на территории Грузии. Особенно плодотворными явились раскопки палеолитических стоянок, которые размещаются по следующим районам: 1) причерноморский район Грузии в пределах Абхазской АССР (Яштхва, Квачара и др.) [42]; 2) предгорье и средняя полоса высокогорья южных

---

[34] Н. В. Хазарадзе, К вопросу о восстановлении названия «страны мушков» в «Анналах» Тукульти-Нинурты II, ВС, I, стр. 75—92 (на груз. яз., рез. на русск. и англ. яз.).

[35] Н. В. Хазарадзе, Некоторые вопросы древнейшей истории Фригии, КБС, II, стр. 45—64 (на груз. яз., рез. на русск. и англ. яз.); она же, о некоторых вопросах древнейшей истории Фригии, «Сб. докладов XII Научной конференции аспирантов и молодых научных работников АН ГССР» (сокращенный текст доклада), Тбилиси (далее — «XII конференция»), 1961, стр. 360—361 (на груз. яз.).

[36] Н. В. Хазарадзе, Из истории торгово-культурных связей Фригии, ВООНАНГ, 1963, 3, стр. 141—152 (на груз. яз., рез. на русск. яз.; см. также доклад, прочитанный на II Всесоюзной сессии по изучению древнего Востока (ВДИ, 1963, № 1, стр. 171).

[37] Н. В. Хазарадзе, Курганные погребения Гордиона, КБС, II, стр. 255—264 (на груз. яз.); она же, Материалы по истории «Фригии у Геллеспонта», «XIV Научная конференция молодых научных работников» (сокращенный текст доклада), Тбилиси (далее — «XIV конференция»), 1964, стр. 18—19 (на груз. яз.).

[38] И. С. Долидзе, Древневосточное право, Тбилиси, 1960, 163 стр. (на груз. яз.).

[39] З. М. Шарашенидзе, К вопросу о первоначальном местожительстве касситов и их этнической принадлежности, ВООНАНГ, 1961, 2, стр. 100—107 (на груз. яз.).

[40] А. А. Барамидзе. Материальные памятники Урарту и киммеро-скифский вопрос, «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», III, 1963, стр. 23—25, с илл.

[41] Г. К. Гозалишвили, Два этюда из истории Понта и Каппадокии, Тбилиси, 1965, стр. 5—28 (на груз. яз.).

[42] Н. З. Бердзенишвили, Палеолитические памятники Причерноморья Грузии, «Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1959 г.», Тбилиси, 1960 (Аннотации докладов. Далее — «Итоги 1959 г.»), стр. 3—5 (на груз. яз.); она же, Итоги полевых работ, проведенных в 1961 г. археологической экспедицией каменного века Причерноморья Грузии «Итоги полевых архео-

склонов Центрального Кавказа (Шида Картли [43], Юго-Осетия [44], Чиатурский [45] и Сачхерский районы [46]; 3) низкогорье правобережья р. Куры в пределах Квемо Картли [47]; 4) Джавахетское нагорье Малого Кавказа [48]. Палеолитические стоянки обнаружены также в разных местах Грузии [49]. Параллельно изучались и неолитические стоянки [50].

логических исследований на территории Груз. ССР в 1961 г.», Тбилиси, 1962 (Краткое содержание докладов. Далее — «Итоги 1961 г.»), стр. 8—10 (на груз. яз.); о н а ж е, Новые данные о палеолите Абхазии, «Труды Абх. института языка, литературы и истории», Сухуми (далее — ТИЯЛИ Абх.), XXX, 1960, стр. 159—181; Л. Н. С о л о в ь е в, Следы нижнего палеолита на Карангатской террасе между п. Адлер и с. Гантиади, ТИЯЛИ Абх., XXX, стр. 183—192; о н ж е, Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г., ТИЯЛИ Абх., XXXII, 1961, стр. стр. 191—195.

[43] А. Н. К а л а н д а д з е, Основные итоги работ, проведенных в 1959 г. палеолитической экспедицией южных склонов Центрального Кавказа, «Итоги 1959 г.», стр. 6—10 (на груз. яз.); о н ж е, Итоги работ, проведенных в 1960 г. палеолитической экспедицией южных склонов Центрального Кавказа, «Итоги полевых археологических исследований на территории Груз. ССР в 1960 г., «Тбилиси, 1961 (Краткое содержание докладов. Далее — «Итоги 1960 г.»), стр, 3—7 (на груз. яз.); о н ж е, Итоги работ, проведенных в 1961 г. палеолитической экспедицией южного склона Центрального Кавказа, «Итоги 1961 г.», стр. 3—6 (на груз. яз.).

[44] В. П. Л ю б и н, Нижнепалеолитические памятники в Юго-Осетии, М., 1960 (МИА СССР, 79), стр. 9—78, с илл.

[45] Д. М. Т у ш а б р а м и ш в и л и, Итоги полевых работ, проведенных 1959 г. Квирильским отрядом палеолитической экспедиции южных склонов Центрального Кавказа, «Итоги 1959 г.», стр. 10—15 (на груз. яз.); о н ж е, Итоги работ, проведенных в 1960—1961 гг. в пещере Джручула, «Итоги 1961 г.», стр. 6—8 (на груз. яз.); о н ж е, Археологические разведки в ущелье р. Квирила, ВГМГ, XXIII, 1962, стр. 23—35 (на груз. яз.; рез. на русск. яз.); о н ж е, Итоги работ, проведенных в 1962 г. палеолитической экспедицией Квирильского ущелья, «Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1962 г.» (Аннотации докладов. Далее — «Итоги 1962 г.»), Тбилиси, 1963, стр. 3—5 (на груз. яз.); о н ж е, Пещеры ущелья р. Джручула, «Пещеры Грузии», I, Тбилиси, 1963, стр. 167—182 (на груз. яз., рез. на русск. и англ. яз.); о н ж е, Итоги работ палеолитической экспедиции Квирильского ущелья (Чиатурский р-н Груз. ССР) за 1963—1964 гг., «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР», Баку, 1965 (Тезисы докладов. Далее — «Материалы Бакинской сессии»), стр. 55—56.

[46] Н. З. Б е р д з е н и ш в и л и, Погребенная палеолитическая пещера в ущелье р. Цхалцитела, «Итоги 1960 г.», стр. 7—11 (на груз. яз.); о н а ж е, Пещерная стоянка Сагварджиле и ее древнейшие культурные слои, Тбилиси, 1964 (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук»); о н а ж е, Новый памятник каменного века в ущелье Цхалцитела, Тбилиси, 1964, 84 стр., с илл. (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[47] Г. К. Г р и г о л и я, Палеолит Квемо Картли (погребенная пещера Цопи I), Тбилиси, 1963, 130 стр. (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[48] Г. К. Г р и г о л и я, Нижнепалеолитические памятники в Джавахети, «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», Тбилиси (далее — МАГК), IV, 1965, стр. 5—12, с. илл. (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[49] Н. З. Б е р д з е н и ш в и л и, Палеолитические памятники из долины р. Храми, МАГК, III, 1963, стр. 5—16, с илл. (на груз. яз., рез. на русск. яз.); о н ж е, Находка первого следа человека каменного века в Гурджаанском районе, «Объединенная научная сессия Гурджаанского краеведческого музея и Института истории, археологии и этнографии АН ГССР», Тбилиси, 1965 (далее — «Гурджаанская сессия»), стр. 22—28; Г. К. Г р и г о л и я, Палеолит полосы Северного предгорья Колхидской низменности, «Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1964 г.» (Краткие отчеты), Тбилиси, 1965 (далее — «Итоги 1964 г.»), стр. 3—5 (на груз. яз.); М. К. Г а б у н и я, Итоги археологических работ, проведенных в 1963—64 гг. в Едзани, там же, стр. 5—8 (на груз. яз.; Г. К. Г р и г о л и я, А. К. В е к у а, Цопская палеолитическая стоянка и ее фауна, «Пещеры Грузии», I, стр. 157—165 (на груз. яз., рез. на русск. и англ. яз.).

[50] Л. Д. Н е б и е р и д з е, Итоги полевых работ, проведенных в 1960 г. неолитическим отрядом археологической экспедиции каменного века Причерноморья Грузии, «Итоги 1960 г.», стр. 11—13 (на груз. яз.); о н а ж е, Основные итоги полевых работ, проведенных в 1961 г. неолитическим отрядом, «Итоги 1961 г.», стр. 10—12 (на груз. яз.); о н а ж е, Итоги работ, проведенных в 1962 г., неолитическим отрядом на «Мнцис цихе», «Итоги 1962 г.» (на груз. яз.); о н а ж е, Ранненеолитический памятник в Анасеули, ТИИГ, VII, 1964, стр. 151—182, с илл. (на груз. яз., рез. на русск. яз.);

В результате раскопок были выявлены замечательные памятники культуры каменного века, детальное изучение которых значительно обогатило наши представления о времени и условиях пребывания человека на территории Грузии в далекой древности. Большинство специалистов считает, что Грузия и вообще Закавказье сыграли большую роль в деле формирования палеолитических культур Северного Кавказа и Восточной Европы [51]. В настоящее время в Грузии ведется большая работа над составлением труда «Памятники каменного века в Грузии», в котором будут описаны главные памятники нижнего и верхнего палеолита, а также неолита Грузии, будет выработана хронологическая классификация этих памятников, будут показаны особенности производственного процесса для каждой эпохи с характеристикой основных отраслей хозяйства и т. д.

Продолжалась работа по выявлению и изучению энеолитических памятников на территории Грузии. Особенно важных результатов добились археологи при раскопках на селище Квацхелеби (Твлепца-кохи) около Урбниси [52]. Результаты восьмилетней работы были подытожены *А. И. Джавахишвили* и *Л. И. Глонти*, которые посвятили специальную монографию изучению археологического комплекса Квацхелеби [53], слой которого (в частности, слой *С*) размещается в кругу так называемой Куро-араксской энеолитической культуры. Новые раскопки на Квацхелеби, а также на Хизанаант-гора позволяют проследить жизнь этих поселений с позднеэнеолитических времен до развитой стадии раннебронзовой эпохи [54]. Энеолитические памятники были открыты также в Гудабертка-Цихиагора (около Гори) [55], близ Болниси [56] и в других местах.

Вопросы изучения энеолитической культуры Грузии затронуты наряду с основной проблемой в монографии *О. М. Джапаридзе* [57]. Куро-араксское культурное единство сложилось и формировалось, по мнению О. М. Джапаридзе, в районе центрального Закавказья. Раннюю ступень куро-араксской культуры он относит к эпохе энеолита, а позднюю — к ранней бронзе. О. М. Джапаридзе полагает, что уже в эпоху куро-араксской культуры зародился картвельский этнический элемент и сложился общекартвельский язык...[58].

Проблемы «куро-араксской культуры» рассматривались в трудах *Т. Н. Чубинишвили* [59], *Г. А. Меликишвили* [60] и других ученых. В связи с этой культурой следует

Н. Бердзенишвили, Л. Небиеридзе, Стоянка каменного века в Кинтришском ущелье, «Памятники Юго-Западной Грузии», [Тбилиси], I, 1964, стр. 7—16 (на груз. яз.); Л. Н. Соловьев, Древнее поселение Кистрик в Абхазии, «Материалы Бакинской сессии», стр. 48—50.

[51] О состоянии изучения палеолитических памятников в Грузии см. А. Н. Каландадзе, К истории изучения памятников древнепалеолитической культуры в Грузии, Тбилиси, 1964, 11 стр., с илл. («VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук»); Д. М. Тушабрамишвили, К вопросу о происхождении и расселении человека в Грузии, «Гурджаанская сессия», стр. 9—11. О современном состоянии изучения древнего палеолита в Грузии А. Н. Каландадзе и Д. М. Тушабрамишвили прочитали доклад на Всесоюзном совещании археологов по каменному веку в Ленинграде в 1965 г.

[52] П. П. Закарая, Археологические раскопки в Урбниси, «Итоги 1960 г.», стр. 47—50 (на груз. яз.).

[53] А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти, Урбниси. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби, I, Тбилиси, 1962, 73 стр., с илл. (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[54] Л. И. Глонти, Я. А. Киквидзе, А. И. Джавахишвили, Итоги раскопок селищ IV — III тысячелетий до н. э. Хизанаант-гора и Квацхелеби в 1964 г., «Материалы Бакинской сессии», стр. 83—84.

[55] Ш. Я. Амиранашвили, С. И. Надимашвили, Итоги работ 1956 и 1960 гг. историко-археологической экспедиции по изучению древнейшего Шида Картлийского селища «Гудабертка-Цихиагора», «Итоги 1960 г.», стр. 18—19 (на груз. яз.); они же, «Итоги 1961 г.», стр. 12—15 (на груз. яз.).

[56] Г. Г. Пхакадзе, Жилищное сооружение энеолитической эпохи из Коранта близ Болниси, «XIV конференция», стр. 44—46 (на груз. яз.). Энеолитические памятники Квемо Картли специально изучены в монографии: Г. Г. Пхакадзе, Энеолит Квемо Картли, Тбилиси, 1963, 139 стр.

[57] О. М. Джапаридзе, К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры, Тбилиси, 1961, 288 стр., с илл. (на груз. яз., рез. на русск. и англ. яз.) (см. рец.: Г. А. Меликишвили, КБС, II, стр. 234—246, на груз. яз.).

[58] См. также О. М. Джапаридзе, Культура раннеземледельческих племен на территории Грузии, М., 1964, 9 стр., с илл. («VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук»).

[59] Т. Н. Чубинишвили, О взаимоотношениях кавказской («куро-араксской») культуры с переднеазиатской культурой в III тысячелетии до н. э., Тбилиси, 1964, 10 стр., с илл. («VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук»).

[60] Меликишвили, К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, стр. 103—133.

познакомиться и с работой Месхет-Джавахетской археологической экспедиции (руководитель *Т. Н. Чубинишвили*), в течение ряда лет проводившей раскопки в Ахалцихском и Ахалкалакском районах. Систематические раскопки, проведенные в основном на Амиранис Го́ра, дали богатейший материал (керамические изделия, металлические предметы, украшения и т. д.), характерный для эпохи «куро-араксской» культуры[61]. Она характеризуется в основном высоким развитием металлургии. Эта культура, по мнению Т. Н. Чубинишвили, относится не к эпохе энеолита, а к началу раннебронзового периода (первая половина III тысячелетия до н. э.). Основные выводы Т. Н. Чубинишвили изложены в его двух монографиях [62].

Археологические памятники из Шида Картли и Земо Имерети эпохи ранней бронзы специально были изучены *О. М. Джапаридзе* в его указанной выше монографии. Анализ добытого ранее материала (металлические предметы, керамика и др.) приводит автора к мысли о тесной взаимосвязи культур указанных двух районов. Земо Имерети являлся и одним из сильных очагов производства металлов.

В изучении курганной культуры эпохи средней бронзы новых успехов добилась Триалетская археологическая экспедиция, руководимая *О. М. Джапаридзе* [63]. Раскопки новых курганов с богатым инвентарем (бронзовые предметы разного назначения, глиняные сосуды, серебряные и золотые предметы и т. д.)[64], относящимся к «цветущей поре» триалетской культуры, дают возможность яснее решить вопрос о периодизации среднебронзовой культуры Грузии [65].

Памятники среднебронзовой эпохи были открыты также в других местах Грузии [66].

Памятники материальной культуры поздней бронзы были обнаружены в разных районах Грузии. В деле выявления и обработки материалов большая работа проделана археологической экспедицией под руководством *Г. Ф. Гобеджишвили* по изучению эпохи бронзы и железа южного склона Центрального Кавказа. Раскопки в Геби [67], Тли [68],

---

[61] Об основных результатах работ, проведенных Месхет-Джавахетской археологической экспедицией, см. в кратких сообщениях Т. Н. Чубинишвили, опубликованных в следующих изданиях: «Итоги 1959 г.», стр. 23—27; «Итоги 1960 г.», стр. 13—16; «Итоги 1961 г.», стр. 16—19; «Итоги 1962 г.», стр. 14—16 (там же — стр. 17—19 — сообщение Ш. Ш. Дедабришвили); «Итоги 1963 г.», стр. 8—10; «Итоги 1964 г.» (сообщение совместно с О. С. Гамбашидзе), стр. 8—11 (все на груз. яз.).

[62] Т. Н. Чубинишвили, Амиранис Го́ра. Материалы к древнейшей истории Месхет-Джавахети, Тбилиси, 1963, 120 стр., с илл. (на груз. яз., рез. на русск. яз.); он же, Древнейшая культура в двуречье Куры и Аракса, Тбилиси, 1965, 147 стр., с илл. (на груз. яз., рез. на русск. яз.). См. также: К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э., СА, 1963, № 3, стр. 10—24. Большой интерес специалистов вызвали пиктографические знаки, помещенные на глиняной посуде погребения № 36 из Амиранис Го́ра — см. Ш. А. Амиранашвили, Найденные в Грузии образцы письменности архаического времени, газ. «Комунисти», 273, 2 декабря 1961 г., стр. 3 (на груз. яз.).

[63] См. предварительные отчеты Триалетской археологической экспедиции, опубликованные О. М. Джапаридзе: «Итоги 1959 г.», стр. 15—17; «Итоги 1961 г.», стр. 19—21; «Итоги 1962 г.», стр. 20—21. См. также О. М. Джапаридзе, Археологические раскопки в Триалети, «*Сабчота хеловнеба*», 1960, № 9, стр. 75—76, с илл. (все на груз. яз.).

[64] О. М. Джапаридзе, Археологические раскопки в Триалети в 1957—1958 годах, Тбилиси, 1960, 51 стр., с илл. (на груз. яз., рез. на русск. и немецк. яз.); он же, Зуртакетские курганы, САН ГССР, XXXI, 1963, 1, стр. 247—255, с илл. (на груз. яз., рез. на русск. яз.); он же, К изучению знаков на камнях зуртакетских курганов, «Материалы Бакинской сессии», стр. 76.

[65] О. М. Джапаридзе, Результаты работ Триалетской археологической экспедиции за 1960—1961 гг., ВООНАНГ, 1963, 5, стр. 191—201, с илл. (на груз. яз.); он же, Археологические раскопки в Триалети в 1959—1962 гг., СА, 1964, 2, стр. 102—121.

[66] Н. Н. Тушишвили, Погребение эпохи средней бронзы из сел. Ардисубани, «XII конференция», стр. 337—340; Ш. Ш. Дедабришвили, Памятники эпохи средней бронзы из сел. Лодобана, «XIV конференция», стр. 46—48. См. также М. В. Барамидзе, Брильский склеп, «Итоги 1960, г.», стр. 23—24 (все на груз. яз.).

[67] Г. Ф. Гобеджишвили, «Итоги 1959 г.», стр. 19—22; «Итоги 1960 г.», стр. 19—22; «Итоги 1961 г.», стр. 21—24; «Итоги 1962 г.», стр. 26—30 (все на груз. яз.).

[68] Б. В. Техов, «Итоги 1960 г.», стр. 25—26; он же, О культурной общности Северной и Южной Осетии в кобанское время, «Материалы Бакинской сессии», стр. 80—81.

Лечхуми [69] и других местах выявили новые материалы (бронзовые орудия труда, бронзовое боевое оружие и т. д.), доказывающие существование развитого металлургического производства в Раче, Лечхуми, в горной зоне нынешней территории Юго-Осетии и т. д.

Позднебронзовый материал дали также раскопки Мцхетской археологической экспедиции (руководитель *А. Н. Каландадзе*) [70] в Каспи [71], Кахетской археологической экспедиции [72]; позднебронзовые памятники найдены в Нареквави [73], сел. Гора (Болнисский район)[74], сел. Доглаури [75], Гантиади (Батумский район)[76], сел. Курзу (Гегечкорский район) [77], Бадиаури [78] и во многих других местах Грузии [79].

Наряду с обильным позднебронзовым материалом в некоторых вышеуказанных местах найдены и памятники эпохи раннего железа. Новые археологические памятники этого периода найдены как в Восточной [80], так и в Западной [81] Грузии. В 1960—1965 гг. появилось и несколько обобщающих трудов, в которых рассмотрены отдельные вопросы, связанные с эпохой раннего железа. Такими являются работа *Р. М. Абрамишвили*, который различает несколько этапов в развитии металлургии железа в Грузии [82], и монография *И. А. Гдзелишвили*, посвященная древним железоплавильным

---

[69] Л. С. Сахарова, «Итоги 1962 г.», стр. 34—36; она же, К изучению земледельческих орудий Лечхуми позднего бронзового века, «*Мацне*», 1964, № 1, стр. 156—169 (на груз. яз.).

[70] А. Н. Каландадзе, «Итоги 1962 г». стр. 37—43.

[71] М. В. Барамидзе, Археологические материалы из гор. Каспи, «XII конференция», стр. 349—351; он же, «Итоги 1962 г.», стр. 43—45; «Итоги 1963 г.», стр. 14—15; он же, Каспский могильник, МАГК, IV, стр. 31—66, с илл. (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[72] К. Н. Пицхелаури, «Итоги 1961 г.» стр. 24—27; «Итоги 1962 г.», стр. 21—25; «Итоги 1963 г.», стр. 18—22 (все на груз. яз.). См. также К. Н. Пицхелаури, Об археологической культуре Центрального и Восточного Закавказья (конца II — первой половины I тысячелетия до н. э.), «Материалы Бакинской сессии», стр. 72—73.

[73] Н. И. Окропиридзе, Археологические памятники эпохи поздней бронзы из Нареквави, «XII конференция», стр. 376—378 (на груз. яз.); она же, Могильник из Нареквави, ТИИГ, VII, 1964, стр. 184—220, с илл. (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[74] К. Д. Квижинадзе, О. С. Гамбашидзе, Археологические материалы из сел. Гора, «Итоги 1964 г.», стр. 24—25 (на груз. яз.).

[75] О. С. Гамбашидзе, Находки из сел. Доглаури, «Итоги 1959 г.», стр. 27—29 (на груз. яз.). Памятники поздней бронзы рассмотрены О. С. Гамбашидзе также в монографии «Тхморский клад» (Тбилиси, 1963, на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[76] А. Т. Рамишвили, Клад бронзовых орудий из Гантиади, «Труды Батумского научно-исслед. ин-та», II, 1962, стр. 137—146 (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[77] Д. Л. Коридзе, Случайные археологические находки в сел. Курзу, ВГМГ, XXIII-В, 1961, стр. 55—69 (на груз. яз., рез. на русск. яз.). Материалы позднебронзовой эпохи Грузии рассматривались также в работах: Д. Л. Коридзе, К вопросу о датировке и распространении листовидных кинжалов с бронзовой рукояткой, ВГМГ, XXIII-В, 1962, стр. 3—21 (на груз. яз.); он же, Древнейшие памятники материальной культуры из Сачхерского района, Тбилиси, 1961, 136 стр. (на груз. яз., рез. на русск. яз.). Вопросам так называемой «колхской культуры» второй половины II тысячелетия и начала I тысячелетия посвящена монография: Д. Л. Коридзе, К истории колхской культуры, Тбилиси, 1965, 166 стр., с илл. (на груз. яз., рез. на русск. яз.).

[78] К. Д. Квижинадзе, Бронзовые вилы и щит из сел. Бадиаури, «XIII Научная конференция аспирантов и молодых научных работников АН ГССР», Тбилиси, 1962, стр. 51—52 (на груз. яз.).

[79] Н. Н. Тушишвили, «Итоги 1963 г.», стр. 16—17; М. В. Барамидзе, «XIV конференция», стр. 48—50; Р. М. Абрамишвили, Д. Л. Мусхелишвили, «Итоги 1960 г.», стр. 30—32 (все на груз. яз.).

[80] Р. М. Абрамишвили, «Итоги 1960 г.», стр. 28—30; «Итоги 1962 г.»; стр. 5—8; «Гурджаанская сессия», стр. 29—33 (все на груз. яз.).

[81] И. А. Гдзелишвили, «Итоги 1962 г.», стр. 93—94; он же, Основные итоги раскопок железо-плавильных печей-мастерских, обнаруженных в Аджарии в 1960—1961 гг., «Памятники Юго-Западной Грузии», [Тбилиси], I, 1964, стр. 29—44, с илл.; О. С. Гамбашидзе, Случайно найденные археологические памятники из сел. Сазано, «Итоги 1962 г.», стр. 45—46 (все на груз. яз.).

[82] Р. М. Абрамишвили, К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV — VI. вв. до. н. э.), ВГМГ, XXII-В, 1961, стр. 291—382, с илл. (на груз. яз., рез. на русск. яз.); см. рец.: О. М. Джапаридзе, ВГМГ, XXIII-В, 1962, стр. 261—265; А. М. Апакидзе, ВООНАНГ, 1963, № 3, стр. 223—231 (обе на груз. яз.).

мастерским (рассмотрены вопросы выплавки железа и технологии его производства)[83]. Определенный интерес вызывает и статья Д. А. Хахутайшвили [84].

На основе анализа добытого археологического материала во всех указанных выше работах рассмотрено немало вопросов социально-экономической, политической и культурной жизни грузинских племен. Изучение нового археологического материала (касающегося в особенности «куро-арасской», «триалетской» и «колхидской» культур) и его сопоставление с языковыми данными (в частности, древнейшими индоевропейскими заимствованиями в грузинской лексике) дали возможность *Г. А. Меликишвили* в новом аспекте рассмотреть вопросы этногенеза грузинских племен и древнейшего населения Грузии вообще [85]. Недавно Г. А. Меликишвили высказал также мнение по поводу пересмотра проблемы социально-экономического строя древней Грузии [86].

Относительно древней истории Грузии ценные материалы выявлены и грузинскими этнографами, работы которых должны быть рассмотрены отдельно. Здесь мы укажем только на некоторые труды *В. В. Бардавелидзе* и *Г. С. Читая*, внесшие крупный вклад в дело изучения древней истории Грузии [87].

Основные итоги научно-исследовательской работы по указанным выше отдельным дисциплинам обсуждались как на институтских, так и на объединенных республиканских сессиях. Хорошей традицией Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили стало обсуждение итогов полевых археологических исследований каждого минувшего года. Грузинские ученые выступали также с докладами на II Всесоюзной сессии по изучению древнего Востока (Г. А. Меликишвили, В. А. Гвахария, Э. А. Менабде, Н. В. Хазарадзе, З. К. Кикнадзе, Г. Г. Гиоргадзе), на I Всесоюзной конференции по семитским языкам (З. Г. Кикнадзе), на Всесоюзной конференции по изучению индоевропейских языков (Т. В. Гамкрелидзе), на Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (О. М. Джапаридзе, Т. Н. Чубинишвили, А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти, Д. М. Тушабрамишвили, К. Н. Пицхелаури, Я. А. Киквидзе), на Всесоюзном совещании археологов по каменному веку (А. Н. Каландадзе, Д. М. Тушабрамишвили), на III Всесоюзной конференции по истории, истории культуры и филологии стран древнего Востока (Г. А. Меликишвили, Э. А. Менабде, Н. В. Хазарадзе, Г. Г. Гиоргадзе) и т. д.

Грузинские ученые не раз принимали участие в работе совещаний или конгрессов международного масштаба. Они выступали с докладами на XXV Международном конгрессе ориенталистов (Г. А. Меликишвили, Г. С. Читая, Т. В. Гамкрелидзе, Э. А. Менабде), на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме (Г. А. Меликишвили), на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Н. З. Бердзенишвили, А. Н. Каландадзе, Т. В. Гамкрелидзе, Т. Н. Чубинишвили, О. М. Джапаридзе и др.), на IV Международном конгрессе спелеологов (А. Н. Каландадзе).

Всячески следует приветствовать расширение контактов с научными учреждениями и специалистами наших республик, а также установление научных связей с зарубежными научными учреждениями и некоторыми коллегами. Как мы видели выше, работы грузинских ученых опубликованы во многих всесоюзных печатных изданиях. Несколько научных трудов грузинских специалистов появилось и в зарубежных журналах (статьи Г. А. Меликишвили, Т. В. Гамкрелидзе). На труды грузинских ученых написаны рецензии не только у нас, но и за рубежом (см. выше). Несколько рецензий грузинских ученых на труды зарубежных коллег появилось и у нас (см. выше).

В крупных научно-педагогических учреждениях республики видными учеными-специалистами читались и читаются курсы по древневосточным языкам, по истории стран древнего Востока и по древней истории и археологии Грузии.

---

[83] И. А. Гдзелишвили, Железо-плавильное дело в древней Грузии, Тбилиси, 1964.

[84] Д. А. Хахутайшвили, У истоков колхидской металлургии железа, «Памятники Юго-западной Грузии», I, стр. 45—58 (на груз. яз.).

[85] Меликишвили, К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, стр. 103 слл. и 203 слл.

[86] Доклад, прочитанный на Объединенной научной сессии АН Груз. ССР, ТГУ и Грузинского научного общества истории, археологии, этнографии и фольклора, посвященной 65-летию со дня рождения С. Н. Джанашиа (Тбилиси, 19 ноября 1965 г.). см. «*Мацне*», 1966, № 1, стр. 52—90 (на груз. яз.).

[87] В. В. Бардавелидзе, Одна из древнейших ступеней развития пантеона астральных божеств грузинских племен, «Материалы по этнографии Грузии», X, 1959, стр. 157—172; XI, 1960, стр. 139—160 (на груз. яз., рез. на русск. яз.); он же, Из истории древнейших верований Грузии. Знамя «Лем», волк-собака, «Материалы по этнографии Грузии», XII—XIII, 1963, стр. 141—156; Г. С. Читая, О некоторых чертах древнеколхской культуры, М., 1964, 9 стр. (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук) и др.

Повседневная кропотливая работа по подготовке молодых научных специалистов дала и дает свои плоды. За последнее время в Грузии было воспитано немало молодых ученых, имена которых не раз упомянуты выше.

Сравнительно мало сделано в Грузии в отношении популяризации научных знаний. За последние годы в интересующей нас области появились научно-популярные книги лишь двух грузинских ученых — Г. А. Меликишвили [88] и З. Г. Кикнадзе [89]. Из переводной литературы следует отметить книги К. Керама [90] и М. З. Гонейма [91].

Г. Г Гиоргадзе

[88] Г. А. Меликишвили, Как заговорили клинообразные надписи, Тбилиси, 1961, 131 стр., с илл.

[89] «Эпос о Гильгамеше». Пер. с аккадского З. Г. Кикнадзе, Тбилиси, 1963, 101 стр. (Детюниздат «*Накадули*»).

[90] К. Керам, Тайна хеттов, Тбилиси, 1965 (с послесл. Г. Г. Гиоргадзе).

[91] М. З. Гонейм, Потерянная пирамида, Тбилиси, 1965, 138 стр.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА В ПЕРМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(К 50-летию университета)

Осенью 1916 г. открытие в Перми отделения Петроградского университета положило начало Пермскому государственному университету — первому университету в истории Урала. В следующем году отделение было преобразовано в самостоятельный университет. За пятьдесят лет существования Пермский университет подготовил тысячи специалистов в разных областях знания и дал советской науке немало выдающихся ученых.

С момента открытия университет в Перми становится значительным центром изучения древней истории. Для организации научной и преподавательской работы по древней истории Петроградский университет направил в Пермское отделение группу молодых талантливых ученых. В деле формирования факультета и кафедр значительную роль сыграл Б. Л. Богаевский, второй декан историко-филологического факультета; он создал музей древностей, кружок по изучению Северного края, пригласил для работы в университете А. А. Булаховского, А. П. Дьяконова, Б. В. Казанского, А. В. Шмидта.

Специалистов по древней истории объединяли кафедра всеобщей истории, на которой древней историей занимались Б. Л. Богаевский и А. И. Вольдемар [1], кафедра истории искусств, на которой работали Б. Л. Богаевский и специалист по классической филологии Н. П. Обнорский, кафедра истории римского права во главе с В. Ф. Глушковым, кафедра классической филологии в составе Б. В. Казанского, Б. Л. Богаевского, А. И. Вольдемара, К. К. Буги и Н. П. Обнорского. На кафедре истории церкви (в дальнейшем — византиноведения) работал А. П. Дьяконов. В 1918—1920 гг. по дисциплинам, связанным с древней историей, были прочитаны следующие курсы: общие — по истории древнего Востока и по истории античного искусства (профессора Богаевский и Дьяконов), «Введение в классическую филологию» (проф. Казанский), а также специальные — «Аристофан» и «Основные идеи духовной культуры древней Греции» (Богаевский), «Трагедии Сенеки» и «История Рима (эпоха принципата)» (Казанский), «История римского государственного права» (проф. Глушков). А. П. Дьяконов вел занятия по истории Византии V — VII веков, а К. К. Буга — по истории латинского языка. Преподавание древних языков вели Б. В. Казанский, А. И. Вольдемар и Н. П. Обнорский [2].

На тематику исследовательской работы в связанных с древней историей областях повлияли многочисленные поступления в дар вновь созданному университету и находок в Прикамье памятников древности [3]. Из коллекций этих памятников был создан

[1] А. И. Вольдемар недолго работал в Пермском университете и не играл существенной роли в его жизни; после Октябрьской революции он эмигрировал.

[2] ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 522, л. 7, 78, 122; оп. 2, д. 257, л. 14. См. также «Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского ун-та и его деятельности в 1916—1917 учебном году», Пермь, 1918, стр. 8—9, 11 и 13.

[3] ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 327, л. 87; оп. 2, д. 41, л. 79—80, 85. В Чердыни Богаевского заинтересовало блюдо из собрания «сирийских блюд» купца Алина, которое он

университетский музей древностей (1916 г.); заведующим музеем стал Б. Л. Богаевский, а хранителем он пригласил молодого египтолога, ученика акад. Б. А. Тураева А. В. Шмидта. Наряду с обработкой и изучением коллекций музея А. В. Шмидт вместе с Б. Л. Богаевским проделал большую работу по приобретению других древних памятников — античных сосудов, купленных у М. Ю. Терлецкой, коллекций и отдельных вещей, присланных в музей Б. А. Тураевым, Б. В. Фармаковским и С. А. Жебелевым, редкой коллекции античных ваз и терракот, собранной А. Эльтерманом [4].

Работая в музее, А. В. Шмидт не прервал исследовательской работы в области истории древнего Востока, уделяя внимание преимущественно позднему Египту [5]; он был ученым секретарем I Всероссийского съезда египтологов [6]. Ему принадлежит единственное, правда, очень краткое описание египетских коллекций Перми, Екатеринбурга (Свердловска) и Красноуфимска (ок. 800 предметов), в том числе двух египетских мумий I—III веков. Углубляясь в изучение археологии Урала и Севера, молодой ученый особенно тщательно исследовал древние связи Урала со странами Ближнего и Среднего Востока [7].

Б. Л. Богаевский продолжал работу по изучению древнегреческой религии и земледелия, по истории Крита; несколько прочтенных им докладов остались в связи с условиями времени неопубликованными [8]. Под влиянием Б. Л. Богаевского и Б. В. Казанский, продолжая работу по римской филологии, обратился к древнегреческой культуре [9]; много внимания Б. В. Казанский уделял популяризации научных знаний; под его редакцией был составлен и издан сборник научно-популярных статей позитивистского толка [10]. Н. П. Обнорский во время работы в Перми от исследовательских занятий отошел. Окончив Пермский университет, в 20-х годах в музее древностей работала Р. В. Шмидт, которая позднее стала одним из крупных исследователей истории древней Греции [11].

Пролетарская революция и гражданская война обнаружили среди профессоров историко-филологического факультета резкие политические разногласия. Некоторые медленно и трудно переживали эволюцию своих исторических и политических воззрений влево. Так, Б. Л. Богаевский выступил с сообщением, в котором подверг критике взгляды Л. С. Лаппо-Данилевского, призвав ученых отказаться от преувеличения роли его концепций в исторической науке [12], а при обсуждении доклада Б. М. Попова «Пути искусства» резко критиковал применение в искусствоведении «метода мистического вчувствования» и утверждения Л. В. Успенского, что «историзм в искусстве —

сфотографировал, но не успел опубликовать. Позднее эта фотография через акад. Я. И. Смирнова и И. А. Орбели попала к Л. И. Мацулевичу, который опубликовал ее в МИА (№ 1, М., 1940, стр. 148), уже не зная, где и с какого памятника она была сделана.

[4] ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 227, л. 23, 24, 27, 35, 36 и 107—109; д. 522, л. 68; д. 166, л. 1, 84—85 и 101; оп. 2, д. 41, л. 29.

[5] А. В. Шмидт, Развитие египтологии в России, «Наука и ее работники», № 3—4, 1922, стр. 15—20; он же, Деятельность научных учреждений Перми и Пермской губернии, НВ, 1922, № 2, стр. 725—727. В последней заметке упоминаются египетские коллекции Пермского университета, Перми, Екатеринбурга (Свердловск) и Красноуфимска. Подробнее см.: Е. Богословский, Материалы к изучению научной деятельности А. В. Шмидта (1917—1924), «Материалы IV Уральского археологического совещания», II, Пермь, 1966 (в печати).

[6] И. Н. Бороздин, Первый Всероссийский съезд египтологов, НВ, 1922, № 2, стр. 534—548.

[7] А. В. Шмидт, Древний Восток и русский Север, НВ, 1926, № 13—14, стр. 343—350; он же, К вопросу о происхождении Пермского звериного стиля, СМАЭ, вып. VI, 1927, стр. 125—164; он же, Туйский всадник, ЗКВ, I, 1925, стр. 410—434.

[8] Сохранились тезисы докладов «Учение о примирении противоположностей в античной Греции», «Идея преемственности в культуре», а также тезисы сообщения «Легенда о рае в шумерском эпосе» (см. СОФИС, I, 1918, стр. 158—160).

[9] См. Б. В. Казанский, Очерк развития идеи бессмертия в античности, СОФИС, I, 1918, стр. 5—30.

[10] «Пути науки», сб. статей под ред. Б. В. Казанского, Пермь, 1918. В нем статьи Б. В. Казанского: «Культура и сознание» (стр. 5—30) и «Введение в изучение религий» (стр. 84—114).

[11] Когда в 1922 г. Р. В. Шмидт сделал в ОФИС'е доклад «Первое знакомство греков с Черным морем», то А. П. Дьяконов, выступая в обсуждении, особо отметил тот факт, что доклад впервые был сделан воспитанницей Пермского университета.

[12] ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 207, л. 142—144; д. 521, л. 6; ср. Л. В. Черепнин, А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед, ВИ, 1949, № 8, стр. 30—31.

пережиток гегельянской эпохи», отстаивая мысль, что только исторический метод может показать корни и действительные пути искусства и его роль в обществе [13].

Вскоре после захвата Перми белыми в совете университета произошел раскол по вопросу об обращении, с которым под прямым давлением колчаковского министерства просвещения должен был обратиться Пермский университет к иностранным университетам. Обращение, наполненное клеветой на советскую власть, было принято, несмотря на то, что группа преподавателей по инициативе Б. Л. Богаевского приняла заявление протеста против принятия текста обращения. В заявлении говорилось, что профессора Б. Л. Богаевский, А. А. Рихтер, А. А. Заварзин, А. А. Фридман, А. А. Полканов и другие голосовали против «по принципиальным соображениям о недопустимости выступления совета университета по политическому вопросу» [14]. Кроме того, Б. Л. Богаевский отказался послать по поручению совета приветственную телеграмму Колчаку и ушел с поста декана историко-филологического факультета [15]. Конечно, от всего этого было еще далеко до активного участия в борьбе на стороне советской власти.

После насильственной эвакуации Пермского университета белыми в Томск Б. Л. Богаевский работал в Томском университете и как председатель реэвакуационной комиссии много сделал для возвращения Пермского университета обратно [16] (в связи с избранием его ректором Томского университета Б. Л. Богаевский остался в Сибири [17].)

После возвращения университета в Пермь почти единственным преподавателем кафедры древней истории остался А. В. Шмидт [18]. Он вел курсы истории первобытной культуры, древнего Востока, археологии и истории Прикамья и заведовал музеем древностей. Курс античной культуры вел Н. П. Обнорский, а в чтении общих курсов кафедре оказывал помощь А. П. Дьяконов.

В последовавшие за отъездом в Петроград А. В. Шмидта (1924 г.) годы древняя история была представлена в Пермском университете А. П. Дьяконовым — специалистом по раннесредневековой и древней истории Сирии и истории Византии [19]; позднее А. П. Дьяконов занимался также историей древнего Рима. Он вел преподавание в университете до 1930 г., а после его реорганизации и в Пермском пединституте, где последовательно нес обязанности декана историко-филологического и педагогического факультетов, проректора по научно-учебной работе, председателя словесно-исторического отделения педагогического факультета. Постоянно он преподавал и на рабфаке [20].

Во второй половине 20-х годов А. П. Дьяконов вел курсы истории Греции, истории «эллинистического и христианского Востока» (т. е. истории Ближнего Востока в период эллинизма, Римской империи и Византии), общий курс истории Византии и истории раннего христианства [21]. Среди подготовленных им к печати трудов за время работы в Перми были статья о влиянии коптов на сирийцев в IV в., описание сирийских надгробий из Семиречья и фотографий памятников, хранящихся в археологическом музее Томского университета [22].

В идейной борьбе, развернувшейся среди пермских историков, ареной которой было главным образом общество философских, исторических и социальных наук при университете, А. П. Дьяконов сыграл заметную положительную роль. Деятельность общества должна стать предметом особого исследования, но уже при беглом ознакомлении с его материалами [23] можно сказать, что оно не было только оплотом консервативных элементов, но именно ареной столкновения между ними и прогрессивными учеными. Уже в 1923 г. А. П. Дьяконов выступил на заседании общества с докладом, посвященным резкой критике концепции Шпенглера, а раньше в 1918 г., когда еще в стенах общества

---

[13] СОФИС, I, 1918, стр. 152.

[14] ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 224, л. 21—22.

[15] ГАПО, ф. 180, оп. 2, д. 41, л. 59 и 91.

[16] См. «Пермский университет», № 3, 20.I.1965 г. Реэвакуация университета проходила в трудных послевоенных условиях, которые еще больше усложнялись из-за саботажа со стороны ректора Пермского университета Оттокара.

[17] См. П. А. Зайченко, Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева. Очерки по истории, Томск, 1960, стр. 235 и 248; автор называет Б. Л. Богаевского крупным ученым прогрессивного направления, а также сообщает, что он был одним из организаторов рабфака Томского университета и защищал его от нападок консервативных преподавателей. В 1922 г. Б. Л. Богаевский вернулся в Петроград, где и работал до своей смерти во время блокады в 1942 г.

[18] Б. В. Казанский в 1922 г. вернулся в Петроград.

[19] Еще в 1908 г. вышел в свет его двухтомный труд «Иоанн Эфесский и его исторические труды» (СПб., 1908).

[20] ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 207, л. 168; оп. 2, д. 111, л. 41, 52, 63 и 190.

[21] ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 207, л. 64.

[22] ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 207, л. 54 и 64.

[23] ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 207.

читались порой прямо антисоветские доклады, он выступил с возражениями по такого рода докладу С. С. Штейнберга, указав на необоснованность попытки докладчика подвергнуть критике учение Маркса и на ненаучный характер доклада в целом [24]. В дальнейшем подобных докладов в обществе уже не бывало, реакционно настроенная профессура ограничивалась выступлениями в прениях. Постепенно менялся и состав общества — к 1928 г. в его составе из 32 человек было уже 5 членов большевистской партии [25].

Продолжая серию своих историографических докладов, посвященных критическому анализу трудов крупнейших социологов — медиевистов начала XX в., А. П. Дьяконов в мае 1927 г. выступил в ОФИС'е, с докладом «Раннее средневековье в новом освещении А. Допша». Выдерживая высокий научный стиль исторической критики, А. П. Дьяконов опирался на данные источников; он отстаивал марксистскую теорию общины у германцев и отмечал искажение фактов А. Допшем, который пытался опровергнуть эту теорию [26]. Еще более знаменательным было фундаментальное исследование и критика исторических воззрений Э. Трельча. А. П. Дьяконов показал, что кризис исторических теорий на Западе основой своей имеет крах буржуазной философии. Теоретики Запада, писал он, не могут создать новой теории и либо эклектически соединяют старые, как это делает Трельч, либо продолжают стоять на позициях одной из старых философских систем (причем особое распространение получают труды Ницше, Гуссерля, Бергсона, М. Вебера и др.). Резко выступая против расистских тенденций, советский историк предупреждал об усилении крайне реакционных субъективистских элементов в буржуазной науке Запада. Лишь «марксизм в том виде, как его понимают в России, является единственной исторической теорией, которая не испытала кризиса, а, наоборот, нашла подтверждение в исторических событиях современности»[27].

В 1928 г., несмотря на тяжелую болезнь, А. П. Дьяконов в качестве представителя Пермского университета выехал на I Всероссийскую конференцию историков-марксистов. По возвращении с конференции Дьяконов выступил с сообщением о ней на заседании ОФИС'а (январь 1929 г.). Изложив содержание докладов Н. М. Лукина, Н. Я. Марра, М. Н. Покровского и других, А. П. Дьяконов призвал членов общества присоединиться к решениям конференции историков-марксистов [28]. Его последний доклад в Перми был посвящен теме: «Периодизация истории у Гегеля и Маркса»[29].

В октябре 1930 г., после реорганизации университета, в результате которой преподавание древней истории было сосредоточено в Педагогическом институте, туда был передан музей древностей, а ОФИС самораспустился; большая часть его членов вошла в общество историков-марксистов [30].

После восстановления в 1941 г. в университете историко-филологического факультета изучение древней истории не получило должного развития. Преподавание древних языков, которое вел. доц. Н. П. Обнорский [31], возобновилось, но из специалистов по древней истории в Перми тогда работал один П. Н. Тарков, который читал курсы истории древнего Востока, Греции и Рима с 1941 по 1945 гг. В то же время им была написана значительная часть докторской диссертации «Греко-эллинистический мир и Рим на рубеже III и II вв. до н. э.»[32]. После его ухода кафедра древней истории вошла в состав кафедры всеобщей истории.

Одна из областей науки о древнем мире нашла своего представителя на другом факультете университета — в 1941 г. на кафедре высшей алгебры и геометрии начала работать А. Е. Раик, которая вскоре защитила диссертацию под названием «Из ранней истории алгебры. Квадратные уравнения в античной древности» и в течение ряда лет читала курс истории математики на физико-математическом факультете университета (до 1953 г.). Доц. Раик опубликовала ряд серьезных исследований по истории математики [33], но, как и П. Н. Тарков, не имела продолжателей.

---

[24] Там же, л. 378—381.

[25] ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 207, л. 192.

[26] А. П. Дьяконов, Раннее средневековье в новом освещении А. Допша, СОФИС, II, 1927, стр. 136—196.

[27] А. П. Дьяконов, Кризис исторических теорий на Западе в изображении немецкого историка, СОФИС, III, 1929, стр. 289—338.

[28] ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 207, л. 205, 206 и 337—338.

[29] Там же, стр. 283.

[30] ГАПО, ф. 180, оп. 1, д. 207, л. 283. Перейдя в 1932 г. в Рязанский пединститут, А. П. Дьяконов продолжал плодотворную научную работу. См. также «Пермский университет», № 2, 1.VII 1964 г.; СИЭ, III, 1963, стр. 436—437.

[31] АПГУ, св. 39, № 4544.

[32] АПГУ, св. 73, № 5333 и 5335, св. 28, № 4121. В 1951 г. проф. П. Н. Тарков вел в Пермском университете спецкурс по истории международных отношений в эллинистическом Средиземноморье.

[33] См. А. Е. Раик, Х-я книга «Начал» Евклида, ИМИ, I, 1948, стр. 343—384; она же, Из истории ранней алгебры. Квадратные уравнения у вавилонян, УЗПГУ,

Значительным археологическим центром Пермь становится с приходом в университет одного из крупнейших советских археологов О. Н. Бадера, занявшего в 1946 г. должность доцента кафедры всеобщей истории. Благодаря усилиям О. Н. Бадера в Перми была открыта специализация студентов по археологии, образован археологический музей [34], в который поступили коллекции пермских древностей из старого музея древностей (музей древностей был преобразован в исторический музей при кафедре всеобщей истории), возник археологический кружок. О. Н. Бадер был инициатором созыва I Уральского археологического совещания, которое с тех пор собирается регулярно (последнее состоялось в 1964 г.). Ученики О. Н. Бадера — В. Ф. Генинг, В. П. Денисов, В. А. Оборин и др.— составили ядро группы уральских археологов, получившей широкую известность. Трудами О. Н. Бадера была восстановлена также постоянная Камская (позднее Воткинская) археологическая экспедиция.

К истории древних классовых обществ имеют отношение только некоторые из трудов О. Н. Бадера, опубликованные в годы его работы в Перми, прежде всего — его исследования по изучению вещей восточного происхождения, найденных на Урале. Изучая происхождение, пути проникновения и использование местным населением восточного серебра в Прикамье (как известно, здесь найдено более половины всех известных в мире сасанидских серебряных изделий), О. Н. Бадер установил, что эти вещи использовались местным населением древнего Урала в культовых целях; он разыскал одно из святилищ древних жителей Прикамья, в котором было собрано много восточных изделий из серебра (около совр. деревни Бартым в Пермской области) [35].

После перехода О. Н. Бадера в 1955 г. на работу в Институт археологии АН СССР его дело продолжает в Перми доц. В. А. Оборин, сменивший своего учителя в должности заведующего кабинетом археологии Урала при Пермском университете [36]. О. Н. Бадер поддерживает тесную связь с Пермским университетом и сейчас [37].

С 1955 г. в университете на кафедре всеобщей истории начал работать В. Т. Сиротенко, который занимается проблемами, связанными с падением рабовладельческих государств, и раннесредневековыми варварскими государственными образованиями. Большая часть опубликованных исследований В. Т. Сиротенко посвящена проблемам внешней политики этого периода и истории происхождения болгар [38].

В конце 50-х годов древней историей стала заниматься и доц. В. Д. Неронова, исследовавшая речи Либания и «Историю» Аммиана Марцеллина как источники по истории кризиса поздней Римской империи [39].

С 1959 г. всю работу по древней истории на кафедре всеобщей истории ведет В. Д. Неронова. В 1964 г. специальный курс по истории культуры древней Греции прочла приглашенная из Ижевска доц. Е. А. Миллиор. Занятия по латинскому языку вела старший преподаватель М. Н. Доброхотова, составившая пособие для студентов

VIII, вып. 1, 1953, стр. 31—63; она же, К вопросу о методах извлечения квадратного корня древними математиками, УЗПГУ, VIII, вып. 3, 1954, стр. 49—58; она же, О биквадратных уравнениях у вавилонян, УЗПГУ, IX, вып. 4, 1955, стр. 11—14.

[34] См. О. Н. Бадер, Музей археологии Прикамья при Пермском университете, УЗПГУ, XI, вып. 3, 1956, стр. 127—131 (см. также АПГУ, св. 73, № 15). С 1954 г. музей и кабинет археологии находятся в ведении кафедры истории СССР.

[35] См. О. Н. Бадер, Уникальный сасанидский сосуд из-под Кунгура, ВДИ, 1948, № 3, стр. 166—169; он же, Бартымская чаша, КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 84—91; он же, О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье, сб. «На Западном Урале», Пермь, 1952, стр. 182—200; О. Н. Бадер и А. П. Смирнов, «Серебро закамское» первых веков нашей эры, М., 1954; О. Н. Бадер и В. А. Оборин, На заре истории Прикамья, Пермь, 1958, стр. 165—168.

[36] См. В. А. Оборин, Сасанидское серебряное блюдо из д. Шудьякар, ВДИ, 1956, № 7, стр. 174—177.

[37] См., например, О. Н. Бадер, Археологические музейные собрания г. Перми, СА, 1960, № 1, стр. 301—306 (см. также «Пермский университет», № 40, 20.XII.1964 г.).

[38] В. Т. Сиротенко, Взаимоотношения гуннов и Римской империи, УЗПГУ, XII, 4, 1959, стр. 70—97; он же, Основные теории происхождения древних булгар и письменные источники V—VII вв., УЗПГУ, XX, 4, 1961, стр. 3—41; он же, Византия и булгары в V—VII вв., УЗПГУ, XX, 4, 1961, стр. 43—70; он же, Две болгарские глоссы в свете письменных источников IV—VI вв. УЗПГУ, № 117, 1964, стр. 73—99. См. также: В. Т. Сиротенко, Освещение славяно-византийских отношений в советской исторической науке, УЗПГУ, XII, 4, 1959, стр. 98—111; он же, Письменные источники по истории Херсонеса IV—VI вв., УЗПГУ, № 117, 1964, стр. 99—112.

[39] В. Д. Неронова, Отражение кризиса Римской империи в «Истории» Аммиана Марцеллина, УЗПГУ, XX, 4, 1961, стр. 71—100; она же, Речи Либания как исторический источник по истории кризиса поздней Римской империи, УЗПГУ, № 117, 1964, стр. 49—71. В настоящее время В. Д. Неронова исследует историографию падения Западной Римской империи.

заочного отделения [40]. В. Т. Сиротенко читает специальный курс по истории образования раннефеодальных варварских государств.

В апреле 1965 г. в университете состоялась научная конференция историков уральской зоны, организованная Уральским советом по координации научно-исследовательской работы. На заседании секции истории древнего мира и средних веков (председатель — проф. М. Я. Сюзюмов) из пермских ученых выступили В. Д. Неронова и В. Т. Сиротенко. Последний изложил свою концепцию взаимоотношений варваров и местного населения Римской империи, которые, как он полагает, не укладываются в схему союза угнетенных масс и варваров, показав на обширном материале, что нашествие варваров встречало ожесточенное сопротивление трудящихся масс Империи, причем именно эта борьба определила последующие формы эксплуатации производителей материальных благ. Темпы же и особенности феодализации в отдельных областях Западной Европы зависели, в частности, от степени сопротивления местного населения завоевателям. В сообщении В. Д. Нероновой «Аммиан Марцеллин о варварах» тоже отмечалось, что в IV в. большинству населения Империи вторжение варваров несло разорение, гибель или порабощение и рассматривалось ими как бедствие.

Пермский университет, располагающий богатыми коллекциями древних памятников, традициями работы в области древней истории и являющийся центром археологического изучения Урала, как можно надеяться, имеет хорошие перспективы снова стать одним из крупных центров исследовательской работы в области древней истории. Этому, несомненно, будет способствовать проектируемое выделение из кафедры всеобщей истории кафедры истории средних веков и древнего мира.

Евг. Богословский

---

[40] М. Н. Доброхотова, Краткий грамматический справочник по латинскому языку, Пермь, 1963.

ПАМЯТИ МИЛИЦЫ ЭДВИНОВНЫ МАТЬЕ

Восьмого апреля этого года в расцвете творчества ушла от нас Милица Эдвиновна Матье, египтолог, историк в самом высшем значении этого слова.

Говоря о работах М. Э. Матье, невозможно употреблять прошедшее время — ряд из ее многочисленных трудов только-что вышел в свет, две новые книги еще находятся в печати, рецензия, написанная ею в марте, публикуется в этом же номере ВДИ, а в ее архиве осталось множество материалов, собранных для новых книг, замыслами которых она делилась с друзьями... Накапливавшиеся всю жизнь наблюдения над памятниками египетской литературы и религии должны были вылиться под ее пером в такие же фундаментальные труды как ее монография «Искусство древнего Египта», уже начата была работа над новой популярной книгой о древнеегипетских скульптурах и художниках... Нельзя говорить о работах М. Э. Матье в прошедшем времени также еще и потому, что все, написанное ею в последние два десятилетия, представляет собой самое новое достижение науки, оригинальный вклад во многие отрасли египтологии и исторического исследования в целом. История искусства, религии, литературы, социальная история, египетская филология — во всех этих разделах науки М. Э. Матье сказала свое новое, убедительно аргументированное слово и притом для всех периодов многотысячелетней истории древнего Египта. Подлинно марксистский историзм исследовательского метода, неколебимая логика доказательств, многообразие и широта охвата анализируемых источников, ясность и увлекательность изложения характерны для всех ее трудов.

Ряд исследований М. Э. Матье о «Текстах пирамид» и «Книге мертвых» не только произвели переворот в понимании этих сложнейших источников, но и открыли новые пути в изучении египетской религии и мифологии в целом. Глубокий анализ этих памятников, сопоставление их друг с другом, а также с изображениями наземных помещений пирамид, с «Текстами саркофагов», надписями и изображениями гробниц Нового царства, с данными о храмовом ритуале, позволили ей неопровержимо доказать, что все эти тексты представляют собой запись погребального ритуала. Тем самым были опровергнуты господствовавшие ранее взгляды на «Тексты пирамид» как на бессистемное собрание магических формул и на «Книгу мертвых» как на «руководство для путешествия умершего по загробному миру». Значение определения истинного смысла основных памятников египетской религии для ее изучения трудно переоценить. Так, в частности, выяснение принципиального сходства «Текстов пирамид» и «Книги мертвых» позволяет несравненно глубже понять эволюцию заупокойных верований, отразившуюся в этих памятниках различных эпох египетской истории, что кладет

конец попыткам рассматривать египетскую религию как не имеющую развития и подходить к ней как к явлению внеисторическому, попыткам до сих пор еще препятствующим пониманию идеологии древних народов в ее связях с развитием общества. Кроме того, установив подлинный характер и принципы последовательности чтения «Текстов пирамид», М. Э. Матье дала тем самым возможность более эффективного использования этого памятника как важного источника по истории государства и общества, а также как памятника литературы и языка.

Большая часть трудов М. Э. Матье посвящена идеологии и культуре древнего Египта, но тот историзм, который является самой характерной чертой любого из них, превращает каждую работу М. Э. Матье прежде всего в исследование по истории общества в целом. Так, анализ древнеегипетских мифов, реконструируемых ею по разрозненным источникам (при строгом учете времени их записи), анализ их с точки зрения отражения в этих памятниках фольклора и литературы социальных отношений позволил М. Э. Матье выявить последовательность развития мифологических циклов и тем самым использовать мифы как исторический источник, проливающий свет на многие темные вопросы развития общества. Так, в частности, М. Э. Матье удалось даже выяснить ту реальную социально-политическую обстановку, которая определила особенности отдельных текстов, представляющих собой запись драматизированных мифов.

Исследование М. Э. Матье о сущности обряда хеб-сед является в то же время и исследованием по истории возникновения классового общества и государства — ей удалось доказать, что этот обряд был обрядом фиктивного убиения больного или престарелого царя, обрядом, заменившим в процессе перехода от первобытного общества к классовому фактичиское убиение главы племени. В то же время реконструкция этапов этого обряда позволила М. Э. Матье объяснить многие сцены на стенах египетских храмов, бывшие до сих пор непонятными, и внести тем самым вклад не только в изучение египетской религии, но и искусства.

Неразрывная связь изучения проблем искусства, религии, литературы и общественной жизни в целом, характерная для всех работ М. Э. Матье, как в капле воды отразилась в небольшом по объему ее исследовании «Древнеегипетский обряд „отверзания уст и очей“», представляющем собой также образец математической точности ее аргументации и блестящего сочетания разнородных источников: сопоставив отсутствие вставных глаз у тех статуй, которые еще не были поставлены в гробнице или храме с текстами заклинаний обряда «отверзания уст и очей», а также привлекая этнографические параллели, М. Э. Матье, с одной стороны, объяснила причину отсутствия глаз у незаконченных статуй, а, с другой — дала реальный комментарий к религиозным текстам.

Историзмом, глубоким анализом связей истории идеологии и в частности искусства с социально-экономической историей общества отличается от всех других монографий по египетскому искусству фундаментальный труд М. Э. Матье «Искусство древнего Египта»— итог ее многолетних исследований по широкому кругу проблем египетской идеологии и культуры. Марксистский подход к задачам исследования и тщательное изучение громадного круга не только самих памятников искусства, но и связанных с ними текстов, позволили М. Э. Матье впервые показать египетское искусство как один из важных элементов исторической жизни древнего Египта на протяжении трех тысячелетий его развития и создать в полном смысле слова и с т о р и ю этой области египетской культуры. В книге нашли отражение не только предшествующие исследования М. Э. Матье по истории литературы и религии, но и ее новые наблюдения по этим вопросам, поэтому в сущности монография выходит за рамки истории искусства, представляя собой уникальный пока труд по истории идеологии и культуры древнего Египта в целом. Более того, показывая в этой книге не только процесс отражения в памятниках искусства социальных условий, но и роль отраженной в них идеологии в развитии общества, М. Э. Матье исследовала памятники искусства как источник по социально-политической истории. Здесь невозможно перечислить даже самые крупные открытия М. Э. Матье в области изучения египетского искусства, о которых уже не раз говорилось в рецензиях, опуликованных на страницах ВДИ, но нельзя не упомянуть о том, что ей удалось опровергнуть тезис о безымянности египетского искусства, что она установила более 150 неизвестных ранее имен художников и скульптуров, нашла в надписях данные о жизни и даже о творческих взглядах многих из них, выяснила положение художника в египетском обществе, определила социально-политические и религиозные причины смены одних художественных направлений другими, открыла существование локальных художественных школ и причины борьбы различных художественных направлений внутри одного и того же исторического периода. М. Э. Матье принадлежит также разработка периодизации амарнского искусства, аттрибуция ряда его памятников и реконструкция социального и идейного содержания реформ. Новейшие результаты исследований М. Э. Матье по этим вопросам изложены в ее книге «Во времена Нефертити», популярной по форме, но исследовательской по содержанию (см. рецензию В. В. Павлова в настоящем номере ВДИ).

В настоящее время находится в печати предпринятый чехословацким издательством «Artia» перевод книги Матье «Искусство древнего Египта» на немецкий и английский языки. Это будет второе издание книги, дополненное и частично переработанное автором, и с новыми иллюстрациями, отобранными ею и выполненными художниками-фотографами В. и Б. Форман. В этом же издательстве печатается созданный Форманами фотоальбом «Долина царей», текст к которому написан М. Э. Матье.

В течение многих лет внимание М. Э. Матье привлекали также проблемы, связанные с историей семьи. Здесь ей принадлежит заслуга изучения характера египетской системы родства, постановка проблемы «большой семьи», следы которой она обнаружила в «Текстах саркофагов», установление факта наследования царской власти исключительно по женской линии и закономерности перехода к этой системе в период становления классового общества и государства (она имела целью обеспечить переход власти к сыну, а не к брату, как это было принято в отношении власти вождей племени). Исследуя эту последнюю проблему М. Э. Матье блестяще применила чрезвычайно тонкий анализ памятников литературы и религии в качестве исторического источника.

Наряду с древним Египтом М. Э. Матье значительное внимание уделяла также и коптскому периоду его истории. Она была глубоким знатаком языка и культуры коптов, а также искусства греко-римского периода. Составленный ею совместно с К. С. Ляпуновой комментированный каталог коптских тканей Эрмитажа представляет собой классический труд в этой области не только вследствие уникальной ценности эрмитажной коллекции, но и потому, что энциклопедические знания М. Э. Матье в области египетской и эллинистической культуры, а также в этнографии, позволили ей дать глубокий и точный анализ мифологических и магических истоков сюжетов, представленных на коптских тканях. Этими же чертами отличаются ее исследования коптской керамики и магических женских статуэток. Свидетельством разносторонности интересов и познаний М. Э. Матье является и ее рецензия на книгу о резных камнях греко-римского Египта, публикуемая в настоящем номере ВДИ.

Египтология обязана М. Э. Матье изданием десятков памятников из собраний советских музеев, причем каждая из этих публикаций содержит оригинальное исследование по тем проблемам, которые связаны с материалом памятника. В печати находится новая крупная публикация — католог египетской скульптуры Эрмитажа, составленный М. Э. Матье совместно с И. А. Лапис. Тщательность публикаций, осуществленных М. Э. Матье, их высокий филологический уровень еще раз свидетельствует о всесторонности ее знаний

Перу М. Э. Матье принадлежит также несколько филологических работ. Еще в одной из наиболее ранних статей ей удалось доказать существование явления хиазма в египетской поэзии. Специальное исследование посвятила М. Э. Матье египетскому глаголу.

К работе в Эрмитаже М. Э. Матье тоже подходила как исследователь. Она была одним из первых ученых, разрабатывавших принципы научной экспозиции памятников.

Имя М. Э. Матье хорошо известно каждому египтологу во всем мире. Еще с 20-х годов ее постоянным корреспондентом был недавно скончавшийся корифей египтологии А. Х. Гардинер, сохранилась ее обширная переписка с рядом крупнейших египтологов Франции, Англии, ОАР, США, Бельгии, Дании, есть в ее архиве письма и из Голландии, Италии, Марокко, Судана; египтологические общества Франции и Бельгии, Общество коптских древностей ОАР информировали ее о своей деятельности. Голландский критико-библиографический журнал «Bibliotheca Orientalis», стремящийся обычно помещать рецензии наиболее известных специалистов из разных стран мира, обратился к М. Э. Матье с просьбой дать рецензии на публикацию гробниц I династии У. Эмери и на «Словарь египетской цивилизации» Ж. Познера, причем интересно отметить, что наряду со специальными критическими замечаниями М. Э. Матье выдвигает в них теоретические возражения с позиций марксистского подхода к изучению исторического процесса.

Многим зарубежным ученым М. Э. Матье оказывала гостепреимство и помощь во время их работы в Эрмитаже, в частности в работе по составлению топографической библиографии египетских памятников и в подготовке «Корпуса позднеегипетской скульптуры», решение об издании которого было принято XXIII Международным конгрессом востоковедов.

Тесные дружеские связи установились у М. Э. Матье с египтологами социалистических стран. Под ее руководством совершествовалась в Эрмитаже молодой венгерский египтолог Э. Варга, к ее авторитету обратилась Венгерская Академия наук при оценке докторской диссертации В. Вешецкого, консультировалась у Милицы Эдвиновны молодой египтолог ГДР Э. Эндесфельдер. О сотрудничестве с фотографами-художниками Форманами из Чехословакии уже говорилось выше. Археологический институт Германской Академии наук избрал М. Э. Матье своим членом-корреспондентом.

Многие советские египтологи являются в той или иной степени учениками М. Э. Матье: одни слушали ее курсы в Ленинградском университете, другие воспитывались под

ее руководством в Эрмитаже, третьи учились на ее работах и в дружеском с ней общении. Успехи учеников были для Милицы Эдвиновны самой дорогой наградой.

Многим обязаны М. Э. Матье и ее коллеги — историки других обществ древнего Востока. Ряд работ по истории искусства, религии, литературы, законам престолонаследия, носят на себе яркий отпечаток влияния идей М. Э. Матье. Часто дружеская беседа на квартире Милицы Эдвиновны превращалась в серьезнейшую и плодотворную научную дискуссию.

Однако круг читателей и почитателей таланта М. Э. Матье не ограничивается специалистами в области древнего Востока, историками и искусствоведами, ее имя хорошо знают тысячи людей, по профессии совсем далеких от этой специальности,— об этом свидетельствуют большие тиражи ее книг по искусству и литературе древнего Египта, ее исторических повестей, переведенных на многие языки Советского Союза и зарубежных стран. Ее обширная переписка со школьниками и учителями должна была бы стать предметом особой статьи.

В этом, собственно, нет еще ничего особенного — литературное дарование сравнительно часто сопутствует таланту крупных исследователей. Однако не каждому из них дано приобрести широкий круг читателей и для своих специальных трудов. Для этого нужен тот исключительный талант увлекательного и ясного изложения самых тонких и глубоких исследований, которым блещет, например, фундаментальнейший труд М. Э. Матье «Искусство древнего Египта». С другой стороны и так называемые научно-популярные книги М.Э. Матье представляют собой не только изложение результатов ее предшествующих исследований, но содержат также ее совершенно новые наблюдения. Что бы и для кого бы ни писала Милица Эдвиновна, она всегда опиралась на свой собственный анализ громадного круга источников. Так, в сущности, результатом исследовательской реконструкции жизни поселения работников некрополя является ее повесть для детей «Кари, ученик художника».

Говоря о творчестве М. Э. Матье, нельзя умолчать и о ее поразительных человеческих качествах. Из 66 лет жизни 63 года она была тяжело больным человеком — туберкулез позвоночника в последние годы совсем лишил ее возможности передвигаться. И тем не менее она не только сделала бесценный вклад в науку, не только неустанно трудилась до последней недели жизни, но и в течение 47 лет была одним из ведущих работников Эрмитажа, вложив всю душу в дело превращения его Восточного отдела в научное учреждение в самом высоком смысле слова. Всегда по мере возможности игнорируя и скрывая свою болезнь, она в течение многих лет несла труд заведующего этим Отделом, хранителя египетских коллекций, секретаря и члена партийного комитета Эрмитажа, лектора, организатора выставок, приняла самое активное участие в спасательных работах во время подготовки к эвакуации наиболее ценных памятников. В течение ряда лет она была также преподавателем и профессором Ленинградского университета, вела громадную научную переписку, щедро делилась своими знаниями не только с коллегами и учениками, но и с людьми самых разных специальностей, интересы которых в какой-то мере перекрещивались с ее научной работой и ее деятельностью в Эрмитаже. Мало того, среди всех этих трудов Милица Эдвиновна еще много сил отдавала своей семье, воспитанию сына, интересам и заботам своих друзей, верность которым она хранила десятилетиями. Ее неизменная бодрость, стойкость, жизнерадостность, широта интересов, остроумие, какое-то особое обаяние, такт, глубина суждений, веселая непринужденность ее беседы привлекали к ней сердца многих десятков людей.

Подвигом победы мужественного духа над телесной немощью была вся жизнь этого удивительного человека, подвигом во имя жизни, людей, науки, которой она отдавала себя не щадя сил, бескорыстно и всегда предъявляя к себе высшую меру требовательности.

Евг. Богословский
И. Дьяконов
И. Лапис
Б. Пиотровский
Н. Постовская

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ М. Э. МАТЬЕ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 1959—1966 гг. *

Скульптурный портрет Нефертити (из истории памятника древнеегипетского искусства). «Комсомольская правда», 8 апреля 1959 г.

Значение амарнского искусства в развитии древнеегипетского пейзажа, «Древний Египет», Сборник статей в память В. С. Голенищева, М., 1960, стр. 143—161.

Проблема изучения «Книги мертвых», М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

Там, где будет Асуанская плотина (проблема сохранения памятников древнего Египта в районе строительства Асуанской плотины), газета «Советская культура», 1 марта 1960 г.

«Культура и искусство народов Востока», Сб. статей под общей ред. М. Э. Матье, Л., 1961, 322 стр.

Искусство древнего Египта, Л.— М., 1961, 591 стр.

Портрет царицы Нефертити. Амарнское искусство (из истории искусства древнего Египта), журн. «Художник», 1961, № 4, стр. 45—51.

Египет [древний], «Искусство стран и народов мира», М., 1962, стр. 671—680.

Эрмитажная скульптурная группа Аменемхеба, «Древний мир», Сб. статей в честь В. В. Струве, М., 1962, стр. 144—154.

The Bock of the Dead and the Problem of Its Study, «Труды XXV МКВ», I, М., 1962, стр. 105—111.

Рец. на книги: П. В. Ернштедт, Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, М.— Л., 1959, 215 стр.; П. В. Ернштедт, Коптские тексты Государственного Эрмитажа, М.— Л., 1959, 191 стр. (совместно с И. Ф. Фихманом), ВВ, 21, 1962, стр. 218—225

Миф и сказка древнего Египта как источник для изучения истории семьи, ВДИ, 1963, № 4, стр. 3—11.

Кари, ученик художника. Историческая повесть, М., 1963, 166 стр.

Проблема амарнского скульптурного портрета, «Государственный Эрмитаж. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии», Л., 1964, стр. 39—40.

Медальон с тканым изображением богини земли Гэ, в кн: «Эрмитаж», Л., 1964, стр. 33.

Фараон Аменемхет III, там же, стр. 1.

Во времена Нефертити, Л.— М., 1965, 180 стр.

Рец. на кн: W. B. Emery, Great Tombs of the First Dynasty, III, L., 1950, BiOr, XXII, 1965, 1/2, стр. 21—23.

Рец. на кн: G. Posener, A Dictionary of Egyptian Civilisation, L., 1962, BiOr, XXII, 1965, 5/6, стр. 255—257.

К истории фиванского жречества, ПС, 13(76), 1965, стр. 3—13.

Рец. на кн: A. Delatte et Ph. Derchain, Les intailles magiques gréco-égyptiennec, P., 1964, 380 стр., ВДИ, 1966, № 3, стр. 206—209.

Переводы работ М. Э. Матье на другие языки: историческая повесть «День египетского мальчика»— на таджикский язык, 1960; книга «Искусство древнего Египта», М., 1958, 212 стр.— на японский язык, 1962; статьи «Искусство Фив и Мемфиса времени XIX династии»— на венгерский язык в журнале «Szovjét Müvészettörénet», XV, 1960, стр. 79—98.

---

* Дополнение к списку работ М. Э. Матье, опубликованному в ВДИ, 1959, № 3, стр. 222—225 (72 названия).

ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ ФРОЛОВ

7 декабря 1965 г. скоропостижно скончался заведующий кафедрой классической филологии Вильнюсского Государственного университета, кандидат филологических наук Фролов Евгений Павлович. Вильнюсский университет потерял искреннего друга, педагога широкой эрудиции и ученого, жизнь которого с 1931 г. была тесно связана с этим университетом.

Е. П. Фролов родился в 1911 г. в Петербурге. В 1931 г. он окончил Вильнюсскую классическую гимназию, а в 1935 г.— Вильнюсский университет им. Стефана Баторія по специальности классическая филология, получив степень магистра за написанную по-латыни работу «Ибис Овидия». С 1935 г. до Великой Отечественной войны Е. П. Фролов был ассистентом в Вильнюсском университете и одновременно преподавал классические языки в средних школах. Во время войны он работал старшим преподавателем в Педагогическом институте в г. Куйбышеве. Когда в 1944 г. Советская Литва была освобождена от гитлеровских оккупантов, Е. П. Фролов вернулся в Вильнюс и работал в Вильнюсском университете им. В. Капсукаса старшим преподавателем. Десять лет (с 1954 по 1963 гг.) он был продеканом историко-филологического факультета. В 1961 г. Фролов защитил диссертацию на тему «Вильнюсская школа классической филологии начала XIX в. в лице ее важнейших представителей старшего и младшего поколений». За этот труд он был удостоен ученой степени кандидата филологических наук.

За время своей долголетней педагогической деятельности П. Е. Фролов подготовил множество специалистов высокой квалификации по латинскому и греческому языкам. Свою педагогическую работу он сочетал с широкой научно-исследовательской деятельностью. В 1952 г. с профессором Рачкаускасом Е. П. Фролов подготовил и издал учебник латинского языка для литовской высшей школы. В последующие годы он посвятил свои интересы исследованию истории Вильнюсского университета и опубликовал ряд статей о деятельности ученых-классиков, работавших в Вильнюсском университете в начале XIX в. Наиболее значительные из этих работ были напечатаны в изданиях университета: «Организационно-педагогическая и научно-исследовательская деятельность Г. Э. Гроддека в Вильнюсском университете» (Ученые записки ВГУ, серия обществ. наук, т. III, 1957); «Вильнюсский период жизни и деятельности Осипа Михайловича Ковалевского» (там же, серия ист.-филол., т. IV, 1958); «Людвик Соболевский — филолог и библиограф» (Ученые записки ВГУ, т. XXXI, серия литературы, т. II, 1960).

Известны также выполненные Е. П. Фроловым переводы научной и популярной литературы с русского языка на польский.

Е. П. Фролов всегда был активным участником общественной жизни. Он долгие годы работал в Министерстве просвещения Литовской ССР. За плодотворную педагогическую и общественную работу Е. П. Фролов был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и почетными грамотами Президиума Верховного Совета Литовской ССР.

В памяти своих друзей и товарищей по работе Евгений Павлович Фролов останется как замечательный педагог, которого отличала большая любовь к избранной им науке.

Кафедра классической филологии
Вильнюсского гос. университета

ПРИЛОЖЕНИЕ

ISOCRATIS

ORATIONES

ИСОКРАТ

РЕЧИ

*

ПЕРЕВОД

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

К. М. КОЛОБОВОЙ

(продолжение)

VIII. О МИРЕ *

Речь о мире, как и другие политические речи Исократа, никогда не была им произнесена и рассчитана не на слушателя, а на читателя.

Исократ выступает в ней горячим сторонником мира между греками и соблюдения принципа справедливости в отношениях сильных государств к слабым. Причину всех бедствий, обрушившихся на Афины, он видит в агрессивной политике государства, в стремлении к морскому могуществу, в засилии подкупных демагогов, наживающихся на войне.

Датировка речи спорна. Упоминаемые в ней мимоходом события (§ 17, война с Хиосом, Родосом, Византией) говорят о периоде Союзнической войны. Споры ведутся по вопросу о том, относится ли речь к начальному или конечному моменту войны. Мнения соответственно варьируются от 358 до 355 гг. до н. э.

Поскольку речь «О мире» является не подлинным выступлением, а теоретическим сочинением, пусть актуального политического характера, тот довод в пользу ранней датировки речи, что в ней не упоминается ряд связанных с военными действиями событий, не имеет решающей силы. По-видимому, правы те исследователи, которые относят речь «О мире» к последнему периоду Союзнической войны, когда ее неблагоприятный для Афин исход был уже ясен, но мир еще не был заключен (355 г.). Исократ и выступает с советами, каким должен быть этот мир.

* * *

СОДЕРЖАНИЕ, СОСТАВЛЕННОЕ НЕИЗВЕСТНЫМ АВТОРОМ

Когда Харет был послан для покорения Амфиполя, бывшего тогда автономным и независимым (дела лакедемонян были плохи после битвы при Левктрах, а Афины были слабы), он, полагая, что легко сможет взять Амфиполь в любое время, и желая восстановить былое могущество Афин, напал на хиосцев, родосцев и других союзников [1]. Они оказали сопротивление, Харет потерпел неудачу и не знал, как ему поступить: если, оставив их, он направится к Амфиполю, то союзники в отместку могут напасть на Аттику. Узнав об этом, афиняне запросили мира. Хиосцы, родосцы и другие [союзники] сразу же согласились. Это и есть Союзническая война. На народном собрании по поводу прекращения войны выступает Исократ, предлагая не вмешиваться в чужие дела и соблюдать спокойствие [2]. Свою речь он делит на две части: в первой он советует согласиться на автономию хиосцев, родосцев и других союзников; во второй — предлагает отказаться от гегемонии на море.

---

* Перевод Л. М. Глускиной.

[1] В 357 г. до н. э. ряд членов Второго Афинского союза выступили против Афин и объединились для борьбы.

[2] В действительности Исократ никогда не выступал с этой речью. Она была написана им для читателей, а не для слушателей.

Говорят, что Аристид издал речь против мира, направленную против этой части речи Исократа.

Такова тема речи. Главное в ней — вопрос о том, что полезно. Постановка вопроса деловая — ведь это увещевание в пользу мира.

Если тебе когда-либо придется произнести общеупотребительное вступление [3], то присоедини к нему особые предваряющие слова [4], как это сделал Исократ в своей речи «О мире», когда он говорит: «Ведь мы пришли сюда, чтобы обсудить вопрос о войне и мире, который имеет величайшее значение...» [5]. Это прекраснейший метод [в риторике], когда мы указываем, каким методом рассуждений будем пользоваться, даже если речь идет о привычных для всех вещах.

* * *

(1) Все, кто всходят на эту трибуну, обычно заявляют, что вопрос, по которому они будут выступать, очень важен и заслуживает величайшего внимания нашего города [6]. И если подобное предисловие было вполне уместно в других случаях, то мне представляется, что с этого же следует начать речь и о нынешних наших делах. (2) Ведь мы пришли сюда, чтобы обсудить вопрос о войне и мире, который имеет величайшее значение в жизни людей, и дела тех, которые в этом вопросе следуют разумным советам, идут, как правило, лучше, чем у других. Столь велико значение вопроса, для обсуждения которого мы собрались здесь.

(3) Между тем, я замечаю, что вы по-разному слушаете выступающих здесь ораторов: одних — внимательно, а других — даже и голоса не выносите [7]. Такое ваше поведение нисколько не удивляет: ведь и раньше вы имели обыкновение прогонять всех ораторов, кроме тех, которые угождали вашим желаниям [8]. (4) За это справедливо было бы упрекнуть вас, ибо вы знаете, что многие богатые дома разорились из-за льстецов, и ненавидите людей, сделавших лесть своей специальностью в частных делах; но когда речь идет о делах государственных, вы к подобным людям относитесь иначе. И порицая тех, которые приближают к себе льстецов и получают от них удовольствие, вы в то же время сами явно доверяете льстецам больше, чем другим гражданам. (5) В результате вы сделали так, что ораторы думают и заботятся не о том, что принесет пользу государству, а о том, чтобы произносить угодные вам речи. И теперь в большинстве своем они уже ринулись выступать в таком роде. Ведь всем было ясно, что вам больше понравятся ораторы, призывающие к войне, чем те, которые советуют соблюдать мир. Оно и понятно. (6) Первые внушают надежду, что мы снова получим владения в городах [9] и восстановим наше былое могущество. Вторые же ничего подобного не обещают, но говорят, что надо соблюдать мир, довольствоваться тем, что есть, и не стремиться к большему, вопреки справедливости [10]. А это большинству людей чрезвычайно трудно. (7) Мы так цепляемся за надежды и с такой жадностью гоняемся за тем, что сулит выгоду, что даже обладатели величайших богатств не хотят довольствоваться ими и, постоянно стремясь

---

[3] Очевидно, подразумевается типовое вступление к речи, которое можно было заимствовать из практических пособий по риторике, так называемых τεχναι.

[4] κατασκευή — риторический термин (подготовка).

[5] § 2.

[6] Ср. Dem., C. Timocr., (XXIV), 4.

[7] Ср. Isocr., Antid., (XV), 22.

[8] Ср. Plut., Phoc., 9.

[9] Подразумеваются члены Второго Афинского морского союза, созданного в 378 г. до н. э.

[10] Ср. Isocr., Ad Demonic, (I), 29.

к большему, рискуют тем, что имеют. Именно этого и следует сейчас опасаться: как бы мы не впали в подобное безумие. (8) Мне кажется, что некоторые люди слишком уж устремились к войне, словно услышали суждения не обыкновенных людей, а самих богов, что мы доведем все начинания до успешного конца и легко одолеем наших врагов. Между тем, люди здравомыслящие должны не совещаться о том, что им известно,— ведь это излишне,— а действовать в согласии со своим разумением; если же какие-либо дела обсуждаются, то не следует думать, что предстоящее заранее известно; нужно все обсудить, строя предположения, но помнить при этом, что может случиться и непредвиденное [11]. (9) Вы, однако, не делаете ни того, ни другого, а поступаете в высшей степени опрометчиво. Собравшись для того, чтобы выбрать наилучший совет из всех предложенных, вы, словно хорошо уже зная, как надо поступать, не хотите слушать никого, кроме тех ораторов, которые говорят вам в угоду. (10) Однако же, если вы действительно хотели выяснить, что полезно для государства, следовало слушать ораторов, не согласных с вашим мнением, внимательнее, чем тех, которые подыгрывали вам; ибо известно, что когда выступающие здесь говорят то, что вам хочется, они легко могут ввести вас в заблуждение — ведь сказанное в угоду затемняет вашу способность распознать наилучшее; со стороны же тех, которые дают советы, не угождая вам, подобная опасность не грозит. (11) Ибо они смогут переубедить вас только в том случае, если докажут, что их советы принесут пользу. А кроме того, разве могли бы люди правильно судить о прошлом или принимать решения на будущее, если бы они не сопоставляли противоположные суждения различных ораторов, выслушивая тех и других с равным вниманием [12]. (12) Меня удивляют и люди старшего возраста,— если они уже не помнят,— и более молодые,— если они ни от кого не слышали,— что те, которые убеждали держаться мира, никогда не причиняли нам зла; но зато мы претерпели много больших бед из-за тех, которые необдуманно ратовали за войну. Между тем, мы совсем не помним этого, но всегда готовы, ничего не делая для нашего собственного благополучия, снаряжать триеры, взимать чрезвычайные военные налоги, то оказывать помощь, то воевать с кем придется, как будто мы подвергаем опасности не свой, а чужой город.

(13) Причина же этого в следующем: хотя вам надлежит о делах общественных заботиться так же, как о своих личных, вы относитесь к ним по-разному, и когда обсуждаете свои дела, ищете советников более разумных, чем вы сами; когда же вы в народном собрании обсуждаете дела государственные, то не доверяете таким советникам и враждебны к ним. Из выступающих с трибуны, вам нравятся самые негодные, и вы думаете, что пьяные более преданы демократии, чем трезвые [13], неразумные — чем здравомыслящие, те, которые делят меж собой государственное достояние [14],— чем те, которые выполняют литургии из собственных средств [15]. И можно только удивляться, если кто-либо надеется, что государство, имеющее таких советников, будет преуспевать. (14) Однако же я знаю, что выступления против ваших взглядов связаны с неприят-

---

[11] ... ὅτι ἂν τύχῃ γενησόμενον ἀγνοοῦντας. Слово ἀγνοοῦντας добавил Ritschl; ср. Isocr., Antid., 184.

[12] Ср. Isocr., Antid., 21; Dem., XVIII, 6.

[13] Намек на демократического деятеля Клеофонта, который якобы в пьяном виде выступил в собрании и убедил афинян отвергнуть мирные предложения спартанцев после битвы при Аргинузах. См. Arist., Pol. Ath., 34. Ср. Isocr., Antid., 316.

[14] Подразумевается Евбул, создавший из излишков государственных доходов специальный фонд феорикон для раздач народу во время праздников.

[15] Ср. § 128.

ностями [16], и хотя у нас демократия, но нет свободы слова в народном собрании, кроме как для безрассуднейших и нисколько о вас не заботящихся ораторов, а в театре — для сочинителей комедий. Возмутительнее всего то, что вы проявляете такую благосклонность к людям, выставляющим напоказ перед другими эллинами недостатки нашего города [17], какой не пользуются у вас даже те, кто приносит вам пользу; против тех же ораторов, которые порицают и вразумляют вас, вы негодуете как будто они причиняют городу какой-то вред [18]. (15) И все же, несмотря на это, я не откажусь от своего намерения. Ведь я пришел сюда не для того, чтобы угождать вам или домогаться ваших голосов, но для того, чтобы высказать свое мнение сперва по поводу предложений, представленных вам пританами, затем и о других делах нашего города. Ибо никакой пользы не будет от принятых сейчас постановлений о мире, если мы не вынесем правильных решений и о дальнейших мерах.

(16) Я утверждаю, что нам необходимо заключить мир не только с хиосцами, родосцами, византийцами, косцами [19], но со всем человечеством, и мирный договор должен быть не таким, какой предложили некоторые лица [20], а таким, какой был заключен с царем и лакедемонянами [21], и предусматривать автономию эллинов, вывод гарнизонов из чужих городов и сохранение каждым своей территории. Ведь не придумать более справедливого и более выгодного для нашего города мирного договора, чем этот. (17) Я знаю, что если на этом прекращу свое выступление, то покажется, будто я готов причинить ущерб нашему городу, ибо получается, что фиванцы останутся во владении Феспиями, Платеями [22] и другими городами [23], которые они захватили вопреки своим клятвам [24], а мы без всякой необходимости уйдем из тех городов, которыми теперь владеем. Однако же, если вы выслушаете меня до конца с должным вниманием, то думаю, что все вы осудите безрассудство и неразумие тех, которые видят выгоду в несправедливости, захватывают силой чужие города и не понимают, какие несчастья возникают в результате такого рода действий. (18) Именно это я попытаюсь доказать вам на протяжении всей своей речи. Сперва же поговорим о мире и посмотрим, чего бы мы хотели для себя при данном положении дел. Ведь если мы правильно и разумно определим это, то на этой основе сможем лучше решить и все остальные вопросы.

(19) Разве не будем мы удовлетворены, если сможем безопасно жить в своем городе, имея больше материальных благ, добьемся у самих себя взаимного согласия, а у эллинов — доброй славы? Я думаю, что при этих условиях город достигнет полного благоденствия. Война, однако же, лишила нас всего этого [25]. Она сделала нас беднее [26], подвергла многочисленным опасностям, очернила нас в глазах эллинов и принесла нам

---

[16] Ср. Plato, Apol., 31 E.

[17] Во время представления комедий на празднике Дионисий присутствовали гости из других городов Греции. В свое время Аристофан подвергся нападкам Клеона за то, что осмеивал в присутствии иноземцев недостатки Афин. Ср. Aristoph., Acharn., 500 слл.

[18] Ср. Isocr., Antid., § 14, в начале.

[19] Жители о. Коса. Слова καὶ Κῴους, отсутствующие в рукописях, добавляет Дионисий Галикарнасский.

[20] Подразумеваются мирные предложения Евбула.

[21] Анталкидов мир 387 г. до н. э.; ср. Isocr., Paneg., (IV), 115.

[22] Ср. Isocr., Archid., (VI), 27.

[23] Орхомен и Ороп. См. Diod., XV, 76, 79.

[24] Подчиняя себе греческие города, Фивы нарушали условия подписанного ими Анталкидова мира.

[25] Подразумевается Союзническая война 357—354 гг. до н. э.

[26] Ср. Isocr., Areop., (VII), 9; Dem., XX, 24; он же, XXIII, 209.

всяческие несчастья. (20) Если же мы заключим мир и будем вести себя согласно предписаниям общего договора [27], то будем совершенно спокойно жить в своем городе, освободившись от войн, опасностей и внутренних распрей, в которые мы теперь ввергнуты. С каждым днем будет возрастать наше благосостояние, ибо мы избавимся от чрезвычайных военных налогов, триерархий и других связанных с войной литургий, и спокойно будем возделывать землю, плавать по морю и предаваться другим занятиям, которые заброшены сейчас из-за войны. (21) И мы увидим, как город получит вдвойне бо́льшие, чем теперь, доходы [28] и заполнится купцами, чужеземцами и метеками, которые покинули его теперь. Но самое главное — мы приобретем союзников в лице всех людей и не по принуждению, а по их доброй воле, не таких союзников, которые в безопасные для нас времена терпят нас из-за нашего могущества с тем, чтобы отложиться в трудную минуту, а таких, которые относятся к нам, как подобает истинным союзникам и друзьям. (22) А кроме этого — то, чего мы теперь не можем добиться с помощью войны и больших затрат, мы легко получим с помощью посольств. Ибо не думайте, что Керсоблепт [29] станет воевать за Херсонес, а Филипп — за Амфиполь, когда увидят, что мы не стремимся к захвату чужих земель. Ныне же они с полным основанием опасаются того, чтобы наше государство стало соседом их владениям, (23) ибо видят, что мы, не довольствуясь тем, что имеем, постоянно стремимся к большему. А если мы изменим свой образ действий и приобретем лучшую репутацию, они не только отстанут от наших владений, но еще дадут нам впридачу из своих. Им будет выгодно, поддерживая могущество нашего города, владеть спокойно своими царствами. (24) И тогда мы сможем получить во Фракии столько земли, что у нас будет изобилие не только для нас самих [30], но мы окажемся в состоянии предоставить достаточные средства к существованию нуждающимся и скитающимся из-за бедности эллинам [31]. Там, где Афинодор [32] и Каллистрат [33] — первый, будучи частным лицом, второй — изгнанником — оказались в состоянии основать города, мы смогли бы, если бы только захотели, завладеть многими такими местами. Если мы претендуем на первенство среди эллинов, то нам гораздо больше пристало возглавлять такого рода предприятия, чем войны и наемные армии [34] — то, к чему мы стремимся теперь.

(25) Что касается предложений послов [35], то достаточно того, что я сказал, хотя можно было бы, вероятно, еще многое к этому добавить. Но я полагаю, что нам следует уйти с этого собрания, не только приняв решение о мире, но и обсудив, как мы будем его соблюдать, чтобы не получилось так, как стало у нас обычным, что спустя короткое время мы снова окажемся вовлеченными в те же распри. Не отсрочка нужна нам, а полное избавление от нынешних бедствий. (26) Однако ничего этого

---

[27] Анталкидов мир 387 г. до н. э.

[28] Согласно [Демосфену] (X, 37, 38), доход Афин после заключения мира возрос с 130 до 400 талантов.

[29] Керсоблепт, сын Котиса, царь одрисов во Фракии (358—343 гг.), был вынужден уступить Афинам Херсонес Фракийский, захваченный его отцом.

[30] В 353 г. до н. э., захватив г. Сест на Херсонесе Фракийском, афиняне послали туда клерухов. См. Diod., XVI, 34, 3.

[31] Ср. Isocr., Phil., (V), 120.

[32] Афинодор — командир греческих наемников, участвовавший в военных действиях в Персии и на Херсонесе Фракийском. Неизвестно, какую колонию он основал.

[33] Каллистрат — афинский оратор и политический деятель, изгнанный по обвинению в измене. Удалился во Фракию, где участвовал в реколонизации г. Дата. Вернувшись без разрешения в Афины, был казнен.

[34] Ср. § 44—46.

[35] По-видимому, послы от городов Второго Афинского союза, с которыми Афины в то время воевали.

нельзя добиться, прежде чем вы не проникнетесь убеждением, что мирная политика приносит больше пользы и выгоды, чем вмешательство в чужие дела, справедливость — чем несправедливость, забота о своих собственных делах — чем стремление к чужому. Об этом никогда не осмелился сказать вам ни один оратор. А я именно об этом намереваюсь сказать подробнейшим образом. Ибо я вижу, что наше благополучие связано с такой политикой, к какой я вас призываю, а не с той, какую мы проводим теперь. (27) Однако же оратор, который пытается выступать с необычными предложениями и хочет изменить ваши представления, вынужден коснуться многих вопросов и произнести длиннейшую речь: об одном напомнить, за другое упрекнуть, за третье похвалить, четвертое посоветовать. Ведь даже используя все эти средства, трудно склонить вас к большему благоразумию.

(28) Все дело в том, как мне кажется, что хотя все люди стремятся к своей выгоде и к преимуществам перед другими, они не знают, какие действия приводят к этому, и расходятся друг с другом в суждениях: у одних суждения здравые и способные наметить правильный путь [36], у других — ложные, уводящие чрезвычайно далеко от того, что полезно [37]. Именно это последнее и случилось с нашим городом. (29) Ведь мы полагаем, если выходим в море с большим числом триер и силой заставляем города платить нам взносы [38] и присылать сюда синедров [39], что поступили должным образом. В действительности же мы чрезвычайно далеки от истины: ни одна из наших надежд не оправдалась, но зато мы вызвали против себя вражду, возникли военные столкновения и большие расходы. И это вполне естественно. (30) Ибо и в прежние времена мы из-за такого же вмешательства в чужие дела подвергли себя величайшим опасностям; когда же наш город проявлял справедливость, помогал обиженным и не стремился к захвату чужого, эллины сами по своей доброй воле вручили нам гегемонию [40]. А мы в течение уже долгого времени безосновательно и крайне неразумно пренебрегаем этими фактами. (31) Ибо некоторые дошли до такой степени неразумия, что хотя и признают несправедливость весьма постыдной, но считают ее выгодной и полезной в повседневной жизни; справедливость же, по их суждению, хотя и обеспечивает добрую славу, но невыгодна и способна приносить бóльшую пользу не тем, кто ее проявляет, а другим людям [41]. (32) Они не понимают, что ничто не содействует материальной выгоде, доброй славе, правильному образу действий и вообще благополучию в такой степени, как добродетель со всем тем, что в нее входит [42]. Ведь благодаря хорошим душевным качествам мы приобретаем и другие преимущества, в которых нуждаемся [43]. Поэтому люди, не стремящиеся быть благоразумными, незаметно для самих себя оказываются пренебрегшими и тем, чтобы мыслить более здраво, и тем, чтобы преуспевать больше других. (33) Меня удивляет, если кто-либо думает, что люди, проявляющие благочестие и справедливость, упорно хранят верность этим добродетелям, рассчитывая на удел худший, чем у людей дурных, а не потому, что надеются

---

[36] Ср. Isocr., Panath., (XII), 30.
[37] Ср. Isocr., Ad Nicocl., (II), 2; он же, Antid., 275.
[38] Ср. Isocr., Antid., 123; он же, Areop., 2.
[39] Синедрион — союзный совет Второго морского союза, заседавший в Афинах.
[40] В 478 г. до н. э. при организации Делосского союза Афины возглавили его по просьбе ионийских греков. См. Thuc., I, 95 сл.; ср. Isocr., Paneg., 72; он же, Panath., 67 сл.
[41] Ср. Isocr., Ad Nicocl., 59; Plato, Rep., 392 B.
[42] Подразумеваются благочестие, справедливость и умеренность. Ср. § 63.
[43] Ср. Isocr., Panath., 290; Plato, Apol., 30 A, B.

снискать и у богов, и у людей [44] больше, чем другие. Я убежден, что только добродетельные люди получают подлинные преимущества, в то время как остальные получают преимущества, не приводящие к добру. (34) Ибо я замечаю, что люди, которые предпочитают несправедливость и считают величайшим благом присвоение чужого, испытывают то же самое, что животные, попавшиеся на приманку: вначале они вкушают от того, что схватили, а немного времени спустя претерпевают страшные бедствия. Те же люди, которые живут в благочестии и справедливости, чувствуют себя в безопасности в настоящее время и питают еще более радостные надежды на всю свою жизнь [45] в будущем. (35) И если даже обычно это получается не во всех случаях, то все же по большей части дело обстоит именно так. И поскольку мы не можем усмотреть действий, которые всегда окажутся полезными, люди здравомыслящие должны предпочитать такие действия, которые приносили пользу многократно. Но крайнюю непоследовательность проявляют те люди, которые, хотя и признают, что справедливый образ действий благороднее и угоднее богам, чем несправедливый, в то же время думают, что соблюдающие справедливость окажутся в худшем положении, чем те, которые предпочли подлость.

(36) Мне хотелось бы, чтобы было столь же легко убедить слушателей следовать добродетели, сколь просто восхвалять ее. Но теперь я боюсь, не впустую ли говорю подобные вещи. Ибо в течение уже долгого времени нас развращали люди, не способные ни на что иное, кроме обмана, и до такой степени ни во что не ставящие народ, что, желая развязать войну и сами получив за это деньги [46], они осмеливаются говорить, что мы должны подражать нашим предкам, не допускать, чтобы над нами смеялись и чтобы плавали по морю те, которые не хотят платить нам взносы. (37) Я охотно спросил бы этих ораторов, каким предкам они призывают нас подражать: тем ли, которые жили во время войн с персами, или тем, которые руководили государством перед Декелейской войной? Если вторым, тогда они предлагают нам не что иное, как снова подвергнуться риску порабощения; (38) если же они советуют подражать тем, кто победил варваров при Марафоне, или тем, кто жил еще до этого, то разве не бесстыднейшие люди эти ораторы? Восхваляя тогдашних государственных деятелей, они тут же убеждают вас делать прямо противоположное тому, что делали те, и допускать ошибки такие, что я не знаю, как мне с ними и быть: сказать ли правду о них, как я делал до сих пор, или умолчать, опасаясь вашего гнева? Мне кажется, лучше было бы сказать об этих ошибках, однако я вижу, что вы больше гневаетесь на тех, кто порицает вас за них, чем на виновников случившихся бедствий. (39) Однако же я устыдился бы, если бы оказалось, что я больше заботусь о своей репутации у вас, чем об общем благе. Мой долг, как и долг всех, кто печется о нашем государстве, выбирать речи не самые приятные, а самые полезные. Вам же нужно прежде всего понять следующее: в то время как для лечения телесных недугов врачи изобрели много разнообразных средств, нет иного лекарства для душ невежественных и преисполненных дурными устремлениями, кроме как речь, дерзающая порицать за ошибки [47]. (40) Далее: смешно терпеть прижигания и операции врачей ради избавления от более сильной боли, а речи отвергать еще до того, как получишь ясное представление, могут ли они принести пользу слушателям.

---

[44] Ср. Isocr., Ad Nicocl., 2.
[45] Ср. [Isocr.], Ad Demonic, 39.
[46] Т. е. будучи подкуплены. Ср. § 50.
[47] Ср. Aeschyl., Prom. Vinct., 378.

(41) Я сказал это заранее потому, что в дальнейшем собираюсь говорить вам, не уклоняясь ни от чего, без всякого стеснения. Если бы приехал какой-либо чужеземец и, еще не поддавшись нашей развращенности, столкнулся внезапно с тем, что происходит, разве не решил бы он, что мы обезумели и лишились рассудка? Ибо мы тщеславимся подвигами предков и считаем нужным [48] превозносить город за тогдашние деяния, сами же поступаем не так, как они, а прямо противоположным образом. (42) Предки наши постоянно воевали с варварами за эллинов, а мы сняли с места людей, добывавших себе средства к жизни в Азии, и повели их против эллинов [49]. Наши предки, освобождая эллинские города[50] и оказывая им помощь, удостоились гегемонии; мы же, порабощая эллинов и делая обратное тому, что делали наши предки, возмущаемся, если нас не удостаивают таких же почестей, какие имели те. (43) Мы настолько уступаем нашим предкам в действиях и образе мыслей, что в то время, как они ради спасения эллинов решились покинуть свою родину [51] и победили варваров, сражаясь на суше и на море, мы даже ради собственных интересов не хотим подвергаться опасности. (44) Стремясь властвовать над всеми, мы не желаем участвовать в походах; затевая войну едва ли не против всего человечества [52], мы сами ею не занимаемся, а поручаем людям, лишенным отечества, перебежчикам или таким, которые стеклись сюда из-за других преступлений. Стоит кому-либо предложить этим людям бо́льшую плату, как они последуют за ним против нас [53]. (45) Тем не менее мы любим этих наемников даже больше, чем своих детей; если бы дети наши причинили кому-либо зло, мы не захотели бы нести за это ответственность; когда же нам собираются предъявить обвинения за грабежи, насилия и беззакония наемников, мы не только не возмущаемся, но даже радуемся, если услышим, что они совершили нечто подобное. (46) Мы дошли до таких нелепостей, что, нуждаясь в самом необходимом, взялись содержать наемную армию, притесняем и облагаем данью своих собственных союзников, чтобы раздобыть жалованье для врагов всего рода человеческого [54]. (47) Мы намного хуже, чем наши предки, — и не только самые прославленные из них, но даже вызвавшие к себе ненависть: когда они принимали решение воевать против кого-либо, а на акрополе было полно серебра и золота [55], то считали нужным сами рисковать своей жизнью во исполнение решений; а мы, оказавшись в такой нужде [56] и будучи столь многочисленны, пользуемся наемными войсками, подобно персидскому царю. (48) Когда в те дни снаряжали триеры, матросов набирали из ксенов и рабов, а граждан отправляли в качестве гоплитов. А теперь мы в качестве гоплитов используем ксенов, а граждан вынуждаем быть гребцами, и когда происходит высадка на вражескую землю, люди, претендующие на владычество над эллинами, сходят на берег, неся подушки для гребцов, а люди, о моральных качествах которых я только что говорил, с оружием в руках идут в бой.

(49) Все же, если бы можно было увидеть, что сам наш город хорошо управляется, появилась бы уверенность и за все остальное. Но кто бы

[48] ἀξιοῦμεν, Dion. Hal. В рукописях — ἔχομεν.

[49] Афинский стратег Харет использовал азиатских наемников в борьбе против непокорных афинских союзников.

[50] Ср. Isocr., Paneg., 83.

[51] Перед Саламинским сражением 480 г. население Аттики было эвакуировано.

[52] В период 363—355 гг. до н. э. Афины воевали с Александром из Фер, фракийским царем Керсоблептом, с Амфиполем, Евбеей, Хиосом, Византией, Потидеей и др.

[53] Афинские наемники во главе с их командиром Харетом во время Союзнической войны нанялись к персидскому сатрапу Артабазу. Ср. Isocr., Areop., 8; Dem., IV, 24.

[54] Ср. Isocr., Ep., IX, 9, 10; Dem., XXIII, 139.

[55] Ср. § 125.

[56] Ср. § 19 и Areop., 54.

мог сдержать негодование именно по этому поводу? Мы утверждаем, что мы коренные жители, что наш город основан раньше других [57], и нам следовало быть для всех примером хорошего и налаженного политического устройства. Между тем управляется наше государство хуже, и в нем больше беспорядка, чем в недавно основанных городах. (50) Мы гордимся и чванимся тем, что мы лучшего происхождения, нежели другие, но мы легче разрешаем желающим приобщиться к этой знатности, чем трибаллы и луканы — к своему низкому происхождению [58]. Мы установили многочисленные законы, но очень мало считаемся с ними. Я приведу один пример, из которого вам станет ясно и остальное: у нас положена смертная казнь тому, кто будет уличен в подкупе; однако мы явно повинных в этом людей избираем стратегами и поручаем руководство важнейшими государственными делами человеку, который сумел развратить наибольшее число граждан [59]. (51) Мы оберегаем наше политическое устройство не меньше, чем безопасность государства в целом, и в то же время, хоть и знаем, что демократия в периоды мира и спокойствия усиливалась и упрочивалась, а во время войны уже дважды была свергнута [60], тем не менее враждебно относимся к сторонникам мира, подозревая их в приверженности к олигархии [61]; зато мы благожелательны к зачинщикам войны, полагая, что они пекутся о демократии. (52) Будучи столь искушенными в речах и в политике, мы, однако, действуем так безрассудно, что по-разному решаем одни и те же вопросы в один и тот же день. То, что мы осуждаем до того, как приходим в народное собрание, за это мы голосуем, когда собираемся там, а немного времени спустя, когда уходим оттуда, снова порицаем принятые решения [62]. Претендуя на то, что мы мудрейшие из эллинов, мы избираем себе таких советников, каких нельзя не презирать, и поручаем руководство общественным достоянием тем самым людям, которым никто не доверил бы никакого частного дела. (53) А ужаснее всего то, что людей, которые с полным основанием могут быть признаны негоднейшими из граждан [63], мы считаем самыми верными хранителями нашего политического строя. В то время как метеков мы оцениваем по тому, каких они себе изберут простатов, сами мы не думаем, что о нас будут судить по нашим руководителям [64]. (54) Мы очень сильно отличаемся от наших предков, которые ставили руководителями государства и избирали стратегами одних и тех же людей, ибо полагали, что человек, способный дать наилучший совет с трибуны, примет наилучшее решение и когда будет предоставлен самому себе; (55) мы же поступаем как раз наоборот: тех людей, чьими советами мы пользуемся по важнейшим вопросам, мы не считаем возможным выбирать стратегами, словно не доверяя их способностям. А в поход с неограниченными полномочиями [65] мы отправляем таких людей, с которыми никто не стал бы советоваться ни о частных, ни о государственных делах, как будто бы они там станут умнее и легче рассудят общеэллинские дела, чем те, которые раз-

[57] Ср. Isocr., Paneg., 23, 24, 37.

[58] Трибаллы — народ в глубине Фракии. Ср. Isocr., Panath., 227; луканы — народ южной Италии.

[59] Намек на Харета, которого обвиняли в подкупе ораторов, особенно Аристофонта, чтобы те выступали за войну. Ср. Theopomp. ap., Athen., XII, 532.

[60] Подразумеваются олигархические перевороты 411 и 404 гг. до н. э.

[61] Ср. Isocr., Antid., 131 слл., 138.

[62] Ср. Aristoph., Acharn., 630; Eccl., 797.

[63] Ср. Isocr., Antid., 316 слл.; Aristoph., Ranae, 730 слл.

[64] Здесь используется различное употребление слова простат: так назывался афинский гражданин, представлявший интересы метека, и в то же время государственный деятель, представлявший по идее интересы народа.

[65] В этих случаях стратег назывался автократором. Такие полномочия получил Харет, см. Dem., XXIII, 173. Ср. Isocr., Antid., 116.

решаются здесь. (56) Я имею в виду не всех наших деятелей, а только тех, кто повинен в том, о чем говорится. Мне не хватило бы оставшейся части дня, если бы я попытался перечислить все ошибки, допущенные в наших государственных делах.

(57) Кто-либо из тех, к кому в первую очередь относятся мои упреки, разгневавшись, спросит, может быть: «Если мы и впрямь имеем столь дурных советников, то почему же мы остаемся невредимыми и не уступаем в могуществе никакому другому городу?» Я на это ответил бы, что мы имеем противников, которые нисколько не благоразумнее нас. (58) Так, если бы фиванцы после сражения, в котором они одержали победу над лакедемонянами [66], освободили Пелопоннес, дали автономию остальным эллинам [67] и соблюдали бы мир, а мы продолжали бы поступать несправедливо, тогда не пришлось бы этому человеку задать свой вопрос, и мы бы поняли, насколько соблюдать умеренность лучше, чем вмешиваться в чужие дела. (59) Теперь же сложилась такая обстановка, что фиванцы *спасают нас, а мы — их, они доставляют нам союзников, а мы — им* [68]. Поэтому, если рассуждать здраво, мы и фиванцы должны были бы давать друг другу деньги на народные собрания: ведь кто из нас чаще будет собираться, тот обеспечит лучшее положение своему противнику. (60) Необходимо, чтобы люди даже мало-мальски здравомыслящие свои надежды на спасение возлагали не на ошибки наших врагов, а на собственные действия и собственный разум. Ибо тому благу, которое достается нам благодаря их неразумию, случай может положить конец или принести изменения. То же благо, которого мы добились благодаря самим себе, будет прочным и более продолжительным.

(61) Итак, тем, кто упрекает нас без оснований, возразить нетрудно. Но если кто-либо из настроенных более благожелательно, подойдя ко мне, согласится с тем, что я говорю правду и справедливо порицаю за происходящее, но скажет, что люди призывающие к благоразумию, должны не только обвинять за содеянное [69], но и советовать, (62) от чего воздерживаться и к чему стремиться для того, чтобы прекратились неправильные решения и действия — вот на такую речь мне было бы трудно дать ответ; трудно не в том смысле, чтобы мой ответ был правдивым и полезным, а в том, чтобы он понравился вам. Тем не менее, поскольку уж я решился говорить без утайки, то мне следует, не колеблясь, высказаться и по этому вопросу.

(63) Я несколько раньше говорил уже о том, чем должны обладать люди для того, чтобы благоденствовать, а именно — благочестием, рассудительностью, справедливостью и прочими добродетелями [70]. А о том, как нам в кратчайший срок научиться этим добродетелям, я скажу сейчас правду, хотя она, вероятно, покажется слушателям странной и сильно отличающейся от общепринятого взгляда. (64) Ибо я полагаю, что мы будем жить в лучшем государстве и сами станем лучшими и преуспеем во всех делах, если перестанем стремиться к владычеству на море. Это владычество привело нас к нынешним неполадкам, уничтожило тот демократический строй [71], при котором наши предки были счастливейшими из эллинов, оно — причина всех бед, которые мы претерпеваем сами и доставляем другим эллинам. (65) хорошо понимаю, как трудно человеку, порицающему столь желанное для всех и ставшее предметом борьбы

[66] Подразумевается битва при Левктрах в 371 г. до н. э.
[67] Ср. Isocr., Phil., 53 слл.
[68] Т. е. благодаря нашим и их ошибкам.
[69] Ср. Dem., I, 16.
[70] См. § 31—35.
[71] Подразумевается политическая система, установленная Солоном и Клисфеном, которых Исократ высоко ценит. Ср. Areop., 20.

могущество, ожидать терпеливого отношения к своим словам. Тем не менее, поскольку вы уже выдержали и другие мои речи, хоть и правдивые, но неприятные, я прошу вас принять и эту (66) и не счесть меня таким безумцем, который решился бы выступить перед вами со столь необычной постановкой вопросов, если бы не имел, что сказать вам правильного по этому поводу. Напротив, я думаю сделать очевидным для всех, что мы жаждем владычества несправедливого, недостижимого и не способного принести нам пользу.

(67) Что оно несправедливо, я могу показать вам на основании того, что узнал от вас самих. Ведь когда лакедемоняне обладали этим могуществом [72], каких только слов мы не расточали, обвиняя их господство, доказывая, что по справедливости эллины должны быть автономными? (68) Какие из значительных городов мы не призывали к участию в созданном для этой цели военном союзе? Сколько посольств отправили к великому царю [73], чтобы внушить ему, что несправедливо и вредно, чтобы один город властвовал над эллинами? И перестали мы воевать и подвергаться опасности на суше и на море не прежде, чем лакедемоняне согласились заключить договор об автономии [74]. (69) Тогда, оказывается, мы считали несправедливым, чтобы более сильные властвовали над более слабыми, да и теперь мы признаем это в установившейся у нас политической системе.

И к тому же я надеюсь вам быстро доказать, что мы не смогли бы установить свое владычество на море, если бы и захотели. Если мы не сумели сохранить его, имея десять тысяч талантов [75], то как смогли бы мы приобрести это могущество теперь, когда мы нуждаемся в средствах, и при том, что нравы у нас не те, при каких мы добились власти, а такие, при каких мы ее потеряли? (70) Я полагаю, что вы очень быстро поймете из следующих моих слов, что городу невыгодно принять эту власть, если бы даже нам ее предлагали. Я предпочитаю и об этом сказать вкратце, ибо опасаюсь, как бы из-за моих многочисленных упреков не показалось кое-кому, будто я поставил себе за правило чернить наш город.

(71) И действительно, если бы я стал так говорить о государственных делах перед какими-либо другими людьми, я заслужил бы такое обвинение. Но ведь я выступаю с речью перед вами и не стремлюсь оклеветать вас перед другими, но хочу, чтобы вы сами прекратили подобные действия и чтобы наш город и остальные эллины твердо соблюдали мир, которому посвящена вся моя речь. (72) По необходимости и те ораторы, которые увещевают, и те, которые обвиняют, пользуются сходными словами, однако замыслы их как нельзя более противоположны друг другу [76]. Поэтому вам не всегда следует судить одинаково о тех, чьи речи как будто те же самые: тех, кто порицает вас, чтобы принести вред, надо ненавидеть, ибо это люди, враждебные государству; тех же, которые увещевают вас ради вашей же пользы, надо восхвалять и считать наилучшими гражданами; (73) а в особенности того из них, кто способен наиболее ясно показать, какие действия дурны и к каким бедствиям приводят. Ибо такой оратор быстрее всего смог бы добиться, чтобы вы, возненавидев то, что следует ненавидеть, обратились к лучшей политике. Это я хотел сказать вам, чтобы оправдать мою резкость в том, что уже было до сих

[72] После 404 г. до н. э., когда победившая в Пелопоннесской войне Спарта стала гегемоном Эллады.

[73] Персидский царь Артаксеркс II (405—359 гг. до н. э.).

[74] Анталкидов мир 387 г. до н. э.

[75] Ср. § 126, где названа цифра 8 000 талантов, и речь об обмене имуществом, (XV), 234; по Фукидиду (II, 13, 3), наибольшая сумма, когда-либо хранившаяся в казне акрополя, составляла 9 700 талантов.

[76] Ср. Isocr., Paneg., 130.

пор сказано, и в том, что я еще собираюсь сказать. А теперь я снова начну с того, на чем я остановился.

(74) А именно: я говорил, что вы лучше всего убедитесь, сколь невыгодно было для нас приобретение власти на море, если посмотрите, каким был наш город до того, как приобрел эту власть, и каким стал после того, как получил ее. Если вы это мысленно сопоставите, то поймете, причиной скольких несчастий для города она явилась.

(75) Так вот, наше государство тогда было настолько лучше и сильнее, чем стало впоследствии, насколько Аристид, Фемистокл и Мильтиад [77] были лучшими мужами, чем Гипербол [78], Клеофонт [79] и нынешние ораторы в народном собрании [80]. Вы убедитесь, что народ в своей политической деятельности тогда не был преисполнен безделья, нужды и пустых надежд [81], (76) но был в состоянии побеждать в сражениях всех, кто вторгался в нашу страну [82], удостоивался наград за доблесть в битвах за Элладу [83], пользовался таким доверием, что большая часть эллинских городов добровольно подчинилась ему [84]. (77) Несмотря на это, морское могущество привело нас к тому, что вместо почитаемого всеми политического строя у нас такая распущенность, за какую ни один человек не стал бы хвалить; граждан же это могущество приучило к тому, что вместо того, чтобы побеждать нападающих на нас, они не осмеливаются даже встретить врагов перед стенами города [85]. (78) Вместо благоволения к нам союзников и доброй славы среди прочих эллинов морское могущество вызвало такую ненависть, что наш город едва не подвергся порабощению, если бы только лакедемоняне, которые сначала воевали против нас, не проявили больше благосклонности к нам, чем те, которые были прежде нашими союзниками [86]. (79) Однако несправедливо было бы обвинять последних за то, что они оказались враждебны к нам: ведь они стали к нам так относиться, не нападая, а защищаясь, и лишь после того, как претерпели много плохого; ибо кто выдержал бы наглость наших отцов, которые, собрав самых бездельных и причастных ко всяким гнусностям людей из всей Эллады и заполнив ими триеры [87], навлекли на себя ненависть эллинов [88], изгоняя из других городов лучших граждан и распределяя их имущество между негоднейшими из эллинов [89]? (80) Однако же если бы я осмелился подробно рассказать о том, что произошло в те времена, то вас, возможно, заставил бы лучше рассудить нынешнее положение дел, но к себе самому вызвал бы ненависть. Ведь вы обычно негодуете не столько против виновников ваших ошибок, сколько против тех, кто вас порицает за них. (81) И поскольку вы так настроены, я опасаюсь, как бы не вышло, что, пытаясь облагодетельствовать вас, я сам попаду

[77] Ср. Dem., III, 21 слл.

[78] Презрительно говорит о Гиперболе, вожде радикальной демократии после Клеона, и Аристофан (Pax, 681 слл.); ср. Thuc., VIII, 73.

[79] Клеофонт, демократический деятель конца V в. до н. э., в конце Пелопоннесской войны выступал против мира со Спартой. Ср. Arist., Ath. Pol., 34; Isocr., Antid., 316; Aristoph., Ranae, 679 слл.

[80] Подразумеваются Аристофонт и Евбул.

[81] Ср. Dem., IV, 45.

[82] Ср. Isocr., Paneg., 86.

[83] Ср. там же, 99.

[84] Ср. там же, 72.

[85] Намек на политику Перикла в первый период Пелопоннесской войны, когда афиняне отсиживались за Длинными стенами, предоставив Аттику на опустошение спартанцам.

[86] Ср. § 105; Isocr., VII, 6; XIV, 32; XV, 319; Xen., Hell., II, 2, 19—20.

[87] О наемниках на триерах см. Thuc., I, 121.

[88] Ср. Thuc., II, 9.

[89] Речь идет об изгнании аристократических деятелей и конфискации их имущества. Ср. Thuc., VIII, 21.

в беду. Тем не менее, я не отступлю полностью от того, что задумал сказать, но, опустив самое неприятное и способное вас больше всего уязвить, напомню только о том, что заставит вас понять безрассудство тогдашних руководителей государства. (82) Они так тщательно придумывали действия, за которые люди вызывают к себе величайшую ненависть, что провели постановление — деньги, полученные от взносов союзников [90], разделить на таланты и вносить на орхестру во время Дионисий, когда театр будет полон [91]. И не только это. Они выводили на сцену сыновей граждан, погибших на войне [92], демонстрируя, с одной стороны, союзникам взысканные с их имущества подати, вносимые на орхестру наемниками [93], а с другой стороны,— остальным эллинам — множество сирот и бедствия, вызванные таким своекорыстием. (83) Поступая так, они и сами считали город счастливым, и многие неразумные люди превозносили его; не имея ни малейшего представления, что произойдет из-за этого в будущем, они восхищались и восхваляли несправедливо приобретенное городом богатство, хотя оно должно было вскоре загубить и то, которое существовало там по праву. (84) Тогдашние руководители государства так далеко зашли в пренебрежении к собственным делам и в стремлении к чужому, что стали снаряжать триеры в Сицилию в то время, как лакедемоняне вторглись в нашу страну, и уже построено было укрепление в Декелее [94]; им не стыдно было видеть, что отечество раздирается и опустошается [95], а они отправляют войско против тех, кто никогда ни в чем не провинился перед нами; (85) нет, они дошли до такого безрассудства, что задумали установить свою власть над Италией, Сицилией и Карфагеном [96], в то время как не владели своими собственными предместьями [97]. Они настолько превзошли всех людей в своем неразумии, что других несчастья смиряют и делают благоразумней, а их и несчастья ничему не научили. (86) И это несмотря на то, что во время нашего владычества они испытали больше и более серьезных бедствий, чем когда-либо довелось испытать нашему городу [98]. Двести триер, отплывшие в Египет, погибли вместе с экипажами [99], у Кипра погибли сто пятьдесят триер [100]; во время Декелейской войны они загубили десять тысяч гоплитов из своих граждан и союзников [101], в Сицилии — сорок тысяч гоплитов и двести сорок триер [102], наконец,— двести триер в Геллеспонте [103]. (87) А

---

[90] Принимаем чтение: τῶν φόρων.

[91] Во время Великих Дионисий, справлявшихся в марте, происходили театральные представления, на которых присутствовали представители союзных государств.

[92] В Афинах дети погибших на войне граждан воспитывались до совершеннолетия за счет государства. Затем их представляли народу, собравшемуся в театре. Ср. Aeschin., III, 154.

[93] Принимаем рукописное чтение: τὰς τιμὰς ... εἰσφερομένας.

[94] В действительности экспедиция в Сицилию была снаряжена в 415 г. до н. э., до того как спартанцы заняли Декелею (413 г. до н. э.). Однако оратор прав в том, что в Сицилию была в 413 г. отправлена вспомогательная эскадра. Ср. Thuc., VII, 20.

[95] Ср. § 92.

[96] Ср. Thuc., VI, 15, 90; Plut., Alcib., 17.

[97] Ср. Thuc., VII, 19 слл.

[98] Ср. Thuc., I, 23.

[99] Эскадра, отправленная в помощь Инару, восставшему против Персии в 460 г. до н. э. Ср. Thuc., I, 104 слл.

[100] Флот под командованием Кимона, осаждавший г. Китий на Кипре. Ср. Thuc., I, 112; Diod., XII, 3.

[101] Принимаем папирусное чтение — ἐν δὲ τῶι Δεκελεικῶι πολέμωι; в рукописях — ἐν Δάτωι.

[102] Diod., XIII, 21, дает то же число людей, но 200 триер. По данным Фукидида (VII, 75, 5) в Сицилию отправили 209 триер и не менее 400 тыс. человек, включая гоплитов и легковооруженных.

[103] В битве при Эгоспотамах в 405 г. до н. э. Ср. Dem., XXIII, 212; у Ксенофонта (Hell., II, 1, 20) и Диодора (XIII, 105) приводится другая цифра: 180 триер.

кто сочтет, сколько загублено эскадр по пять, десять или более того триер, сколько погибло отрядов по тысяче или две тысячи человек? Одно только можно сказать: стало обычным тогда устраивать каждый год публичные погребения [104], на которые приходили многие наши соседи и другие эллины не для того, чтобы разделить нашу скорбь по усопшим, а чтобы порадоваться нашим несчастьям. (88) В конечном итоге незаметно для самих себя они заполнили общественные могилы трупами сограждан, а фратрии и списки лексиарха — людьми, не имеющими никакого отношения к нашему городу [105]. Об огромном числе погибших можно лучше всего узнать из следующего: мы увидим, что роды самых именитых мужей и самые прославленные дома, которые устояли и в период распрей при тиранах [106], и во время войн с персами, оказались разоренными [107] при том могуществе, которого мы теперь жаждем. (89) А если бы кто-нибудь пожелал рассмотреть, беря это как бы для примера, что сталось с остальными гражданами, то обнаружилось бы, что мы почти изменили свой состав. Однако же не тот город следует считать счастливым, который набирает себе граждан кое-как из людей всякого рода, а тот, который лучше других сохраняет потомство людей, с самого начала заселивших его; а людей надо восхвалять не тех, кто владеет тиранической властью, не тех, кто приобрел власть бо́льшую, чем полагалось, а тех, кто, хотя и достоин величайших почестей, но довольствуется теми, какие дарует им народ. (90) Ибо это лучшее, надежнейшее и достойнейшее состояние, которого может добиться как отдельный человек, так и город в целом. Именно такими качествами обладали современники войн с персами, и поэтому они жили не как разбойники, то имеющие излишние средства к жизни, то терпящие величайшие бедствия из-за недостатка в продовольствии и осады [108]; нет, они не испытывали недостатка в продуктах повседневного питания, но и не имели излишков; гордились справедливостью своей политической системы и собственными добродетелями, и жизнь их была более радостной, чем у других эллинов. (91) Люди же следующего поколения пренебрегли этими преимуществами, стали стремиться не к управлению, а к тирании [109] — слова эти как-будто имеют одно и то же значение, но в действительности смысл их резко отличен: дело правителей заключается в том, чтобы своими заботами сделать управляемых более счастливыми [110]; в обычае же тиранов трудами и несчастьями других доставлять себе радости. И те, которые действуют подобно тиранам, по необходимости должны подвергнуться таким же несчастьям как они [111], и сами испытать то, чему подвергали других. Именно это и случилось с нашим городом. (92) За то, что мы держали гарнизоны в чужих акрополях, мы увидели врагов в своем собственном акрополе [112]; за то, что брали детей заложниками, отрывая их от отцов и матерей [113], многие наши граждане были вынуждены во время осады хуже, чем сле-

---

[104] Ср. Isocr., Paneg., 74.

[105] Лексиарх — должностное лицо, ведавшее списками граждан, которые велись по демам. Включение в списки фратрии и у лексиарха было формальным признаком полноправного гражданства.

[106] При Писистрате и его сыновьях. Ср. Arist., Pol. Ath., 18; Thuc., VI, 54 слл.

[107] Ср. § 4.

[108] Подразумеваются трудности и бедствия, которые испытали афиняне во время Декелейской войны. Ср. Xen., Hell., II, 2, 10.

[109] Ср. Isocr., Paneg., 80 слл.

[110] Ср. Isocr., Ep., VII, 4.

[111] Ср. §§ 111—113.

[112] После падения Афин в 404 г. до н. э. спартанцы заняли афинский акрополь. Ср. Plut., Lys., 15.

[113] Ср. Thuc., I, 115 — о расправе с самосцами в 440 г. до н. э.

довало, воспитывать и кормить собственных детей. За то, что наши граждане занимались земледелием на территориях других городов, им в течение многих лет не довелось даже увидеть свою собственную землю [114]. (93) Поэтому, если бы кто-либо спросил нас, согласны ли мы уплатить за столь долгое владычество [115] такими бедствиями нашего города, кто из нас согласился бы на это, кроме совершенно потерявшего рассудок, не помышляющего ни о святилищах, ни о родителях, ни о детях, ни о чем другом, кроме как о собственном веке? Но образцом для себя мы должны избрать рассуждения не подобного рода людей, а таких, которые обладают большой предусмотрительностью, чтут добрую славу государства не меньше, чем собственную, и предпочитают скромное существование на основе справедливости большому богатству, добытому несправедливо. (94) Когда наши предки вели себя подобным образом [116], они передали потомкам государство в процветающем состоянии и оставили бессмертную славу о своей доблести. Отсюда легко можно вывести два заключения: что страна наша способна воспитывать лучших мужей, чем другие государства [117], и что так называемое могущество является на деле несчастьем, ибо оно таково, что портит всех им обладающих.

(95) Наилучшим доказательством является то, что могущество развратило не только нас, но и государство лакедемонян. Поэтому люди, обычно восхваляющие доблести лакедемонян [118], не могут привести такого довода, будто наша политика была дурной вследствие наших демократических порядков, а вот если бы лакедемоняне получили такую власть, они добились бы процветания и для себя, и для других. Напротив, когда власть попала в их руки, ее сущность проявилась еще быстрее. Политический строй лакедемонян, который в течение семисот лет [119] никто не увидел поколебленным ни вследствие опасности, ни вследствие бедствий, оказался за короткое время этой власти [120] потрясенным и почти что уничтоженным.

(96) Вместо установившихся у них обычаев эта власть преисполнила простых граждан несправедливостью, легкомыслием, беззаконием, корыстолюбием, а государство в целом — высокомерием к союзникам, стремлением к захвату чужого, пренебрежением к клятвам и договорам. Лакедемоняне настолько превзошли нас в прегрешениях перед эллинами, что добавили к уже существовавшим бедам еще убийства, внутренние распри в городах [121], чтобы увековечить вражду граждан друг к другу. (97) Они оказались столь склонными к войне и риску, хотя в другие времена вели себя в этом отношении осторожнее других [122], что не пощадили ни своих союзников, ни своих благодетелей. Хотя царь дал им более пяти тысяч талантов на войну против нас [123], а хиосцы ревностнее всех союзников

---

[114] В результате поражений, понесенных афинянами во время Декелейской войны (413—404 гг. до н. э.), афинские клерухи вынуждены были покинуть занятые ими земли на территории союзников. Аттические же земледельцы не могли возделывать свои поля из-за набегов спартанцев, засевших в Декелее.

[115] Период существования Первого морского союза, возглавленного Афинами,— 478—405 гг. до н. э.

[116] Ср. § 90.

[117] Ср. Isocr., Areop., 74.

[118] Ср. Isocr., Panath., 200; Areop., 61.

[119] От правления легендарных царей Еврисфена и Прокла (XI в. до н. э.) до битвы при Левктрах в 371 г. до н. э. О стабильности политического строя Спарты ср. Isocr., Panath., 257.

[120] Владычество Спарты в Греции длилось с 404 г. до н. э. (год капитуляции Афин) до 371 г. до н. э. (поражение спартанской армии при Левктрах).

[121] Ср. Isocr., Paneg., 110 слл.

[122] Ср. Thuc., I, 80.

[123] Ср. Andoc., De pace, 29.

сражались вместе с ними на море [124], (98) и фиванцы значительно усилили их, предоставив им огромное пешее войско [125], лакедемоняне, как только добились владычества, сразу же стали строить козни фиванцам [126]: против царя отправили Клеарха с войском [127], на Хиосе изгнали лучших граждан, а триеры вытащили из доков и, уходя, все увели с собой [128]. (99) Однако они не удовлетворились этими проступками. В одно и то же время они опустошали материк [129], чинили насилия на островах [130], свергали демократические правительства и насаждали тиранов в Италии и Сицилии,[131] притесняли Пелопоннес, наполнив его распрями и войнами. Против какого только города они не выступили в поход? Перед какими городами не провинились? (100) Разве не отняли они часть территории у элейцев [132], не опустошили земли коринфян [133], не расселили жителей Мантинеи [134], не захватили с помощью осады Флиунт [135], не вторглись в область Аргоса [136], и беспрестанно делая зло другим, разве не уготовили самим себе поражение при Левктрах? Те, кто утверждают, будто поражение при Левктрах явилось причиной бедствий для Спарты, не правы. Не за это поражение союзники возненавидели Спарту, но за вызывающее поведение в предшествующий период; оно и было причиной поражения при Левктрах и того, что угрозе подверглась сама Лакония. (101) Причины следует возводить не к бедствиям, случившимся позднее, а к предшествовавшим поступкам, которые и привели их к столь плачевному концу. Поэтому гораздо ближе к истине будет тот, кто сказал бы, что они оказались во власти несчастий тогда, когда сами стали захватывать власть на море [137]. Ведь они приобретали силу, ничуть не сходную с той, какой владели раньше. (102) Благодаря своей гегемонии на суше и выработанной при ней дисциплине и выносливости лакедемоняне овладели и морским могуществом, из-за распущенности же, привитой им этой властью [138], они вскоре лишились и прежней гегемонии. Они уже не соблюдали законов, которые унаследовали от предков, не придерживались своих прежних нравов, (103) но возомнив, что могут делать, что им заблагорассудится, оказались в большом смятении. Они не знали, насколько вредна власть, которую все стремятся получить, как она лишает рассудка тех, кто высоко ценит ее, что по сути она подобна гетерам, которые заставляют себя любить, но губят тех, кто общается с ними. (104) Ведь с полной очевидностью обнаружилось, что власть производит подобное действие: любой может увидеть, что те, кто пользовались наиболь-

[124] Хиос отложился от Афин в 412 г. до н. э. и до конца войны сражался на стороне Спарты.

[125] Ср. Thuc., IV, 93.

[126] Например, захват фиванского акрополя Кадмеи в 382 г. Ср. Xen., Hell., V, 2, 25 слл.

[127] Речь идет о греческих наемниках, участвовавших в походе Кира против его брата Артаксеркса. Ср. Isocr., Panath., 104; Paneg., 145—149; Phil., 90 слл.; Diod., XIV, 12.

[128] Ср. Diod., XIII, 65, 70. Спартанцы помогли хиосской олигархии утвердиться у власти, 600 демократических деятелей подверглись изгнанию.

[129] Подразумевается Малая Азия. Ср. Isocr., Paneg., 144.

[130] Например, на Самосе. Ср. Xen., Hell., II, 3, 6.

[131] Спарта поддерживала экспансионистские устремления сиракузского тирана Дионисия. Ср. Isocr., Paneg., 126; Diod., XIV, 17.

[132] Ср. Diod., XIV, 17; Xen., Hell., III, 2.

[133] Ср. Xen., Hell., IV, 5, 19.

[134] Ср. Isocr., Paneg., 126; Xen., Hell., V, 2, 1—7; Diod., XV, 5.

[135] Ср. Xen., Hell., V, 3, 21 слл.; Isocr., Paneg., 126.

[136] Ср. Xen., Hell., IV, 4, 19.

[137] Непереводимая игра слов, основанная на том, что по гречески ἀρχή означает и «начало» и «владычество». ἀρχὴ τῶν συμφορῶν — начало бедствий, ἀρχὴ τῆς θαλάττης — владычество на море. Ср. Isocr., Phil., 61.

[138] Ср. Isocr., Panath., 115 слл.

шей властью, начиная с нас и лакедемонян, впали в величайшие бедствия. Эти государства, которые прежде управлялись весьма разумно и имели прекрасную славу [139], когда достигли власти и получили гегемонию, ничем не отличались друг от друга, но как и подобает тем, кто развращен одними и теми же устремлениями и той же самой болезнью, предприняли одинаковые действия, совершили сходные проступки и в конце-концов подверглись одинаковым бедствиям. (105) Когда нас возненавидели союзники и мы были на грани порабощения, лакедемоняне спасли нас [140], а они, когда все хотели погубить их, прибегли к нашей помощи и от нас получили спасение [141]. И как же можно восхвалять эту власть, которая приводит к столь дурному концу? И как не ненавидеть и не избегать ее, которая побудила и заставила оба государства свершить и претерпеть много страшного?

(106) Не следует удивляться ни тому, что в прошлые времена никто не понимал, причиной скольких бед является власть для тех, кто владеет ею, ни тому, что мы и лакедемоняне боролись за нее. Ибо вы обнаружите, что большинство людей при выборе своих действий ошибаются, больше стремятся к дурному, чем к хорошему, и принимают решения более полезные для врагов, чем для них самих. (107) Это можно увидеть и в самых важных делах. Ибо что происходило не так? Разве мы не избирали такой образ действий, в результате которого лакедемоняне стали властвовать над эллинами, а они разве не распорядились так плохо делами, что мы немного лет спустя снова всплыли на поверхность, и от нас стало зависеть их спасение? (108) Разве чрезмерная активность приверженцев Афин не привела к тому, что города стали склоняться к Спарте, а наглость сторонников Спарты не вынудила те же города перейти на сторону Афин? Разве испорченность демократических деятелей не побудила сам народ склониться к олигархии, установившейся в правление Четырехсот [142]? А безумие Тридцати [143] разве не сделало всех нас более ревностными приверженцами демократии, чем те, которые захватили Филу [144]? (109) Но и на менее значительных фактах и примерах повседневной жизни можно было бы показать, что большинство людей находят удовольствие в пище и образе жизни, которые вредны и для тела, и для души; то, что полезно было бы тому и другой, они считают тягостным и неприятным, а людей, придерживающихся правильного образа жизни,— образцом стойкости [145]. (110) И если, как оказывается, люди избирают худшее для себя в своей повседневной жизни, которая больше заботит их, следует ли удивляться, что они борются между собой за морское могущество, сути которого не понимают и о котором им никогда в жизни не пришлось размышлять? (111) Посмотрите, скольких претендентов имеет утверждающаяся в городах монархическая власть; они готовы что угодно претерпеть, лишь бы заполучить ее. Между тем, какие только тяготы и ужасы не связаны

---

[139] Ср. Isocr., Paneg., 80, 81.

[140] Ср. § 78; Xen., Hell., II, 2, 19—20; Isocr., XIV, 32; Antid., 319; Areop., 7; Phil., 44. В конце Пелопоннесской войны союзники Спарты требовали разрушения Афин и продажи в рабство ее населения, но Спарта воспротивилась этому.

[141] Ср. Isocr., Areop., 7; Phil., 44, 47; после успехов Беотийского союза в борьбе со Спартой Афины перешли на сторону противников Фив.

[142] Правление Четырехсот установилось в Афинах в 411 г. до н. э. вовсе не по доброй воле афинского демоса и вскоре было свергнуто.

[143] Подразумеваются так называемые 30 тиранов, захватившие власть после поражения Афин в Пелопоннесской войне. Об их злоупотреблениях ср. Isocr., Areop., 66 слл.

[144] Афинские демократы, бежавшие от террора 30 тиранов, захватили крепость Филу на границе Аттики с Беотией и оттуда развернули военные действия, приведшие к падению тирании.

[145] Ср. Isocr., Ad Nicocl., 45.

с этой властью [146]? Разве люди, овладевшие единоличной властью, не подвергаются сразу же таким бедствиям, (112) что вынуждены вести борьбу со всеми гражданами, ненавидеть даже тех, от кого не претерпели никакого зла, не доверять собственным друзьям и товарищам, возлагать охрану своей безопасности на наемников, которых никогда и не видели; опасаться своей охраны не меньше, чем заговорщиков; столь подозрительно ко всем относиться, что не чувствовать себя в безопасности в присутствии даже ближайших родственников? (113) И это вполне естественно: ведь они знают, что из тиранов, правивших до них, одни были убиты своими родителями, другие — детьми, третьи — братьями, четвертые — женами [147] и что род их оказался стертым с лица земли [148]. Все же, несмотря на это, они добровольно обрекают себя на столь большое число несчастий. И если люди выдающиеся, обладающие величайшей славой, сами навлекают на себя столько бед, следует ли удивляться, когда обыкновенные люди устремляются к другим подобным же бедам? (114) Я хорошо знаю, что вы согласны с тем, что́ я говорю о тиранах, но вам неприятно слушать мои суждения о морском могуществе. Вы проявляете самое постыдное легкомыслие: то, что вы видите в других, этого вы не замечаете в себе. Между тем, немаловажным признаком, по которому распознается здравомыслие людей, является одинаковый подход к суждению о действиях одного и того же порядка. (115) Но вам нет до этого никакого дела: власть тиранов вы считаете тягостной и вредной не только для других людей, но и для самих ее носителей, а морское могущество, которое ни по своим деяниям, ни по вызванным им бедствиям ничем не отличается от единоличной власти, вы почитаете величайшим благом. Вы полагаете, что фиванцы оказались в бедственном положении из-за того, что притесняют своих соседей [149], сами же обращаетесь с союзниками нисколько не лучше, чем они с Беотией, но считаете при этом, что поступаете должным образом.

(116) Если бы вы послушали меня, то перестали бы принимать совершенно необдуманные решения и обратили бы внимание на самих себя, на наш город, с тем чтобы обсудить и рассмотреть, в силу каких действий два этих города — я имею в виду наш и лакедемонян, — малозначимые вначале, достигли владычества над эллинами, а когда захватили огромную власть, сами подверглись угрозе порабощения; (117) в силу каких причин фессалийцы, получившие в удел огромные богатства, владея обширной и плодородной землей [150], впали в бедность, а мегаряне, у которых вначале были малые и скудные ресурсы [151], не имевшие ни земли, ни гаваней, ни серебряных рудников, возделывавшие скалистую почву, приобрели величайшие среди эллинов состояния. (118) И хотя у фессалийцев было более трех тысяч всадников и бесчисленное множество пельтастов [152], их акрополи захватывают то одни, то другие [153], мегаряне же,

---

[146] Ср. Isocr., Ad Nicocl., 5; Hel., X, 32 слл.; Plato, Resp., IX, 579.

[147] Кровавая борьба за власть характерна в это время, например, для фессалийского города Феры. После смерти тирана Ясона один из его братьев Полифрон, убив другого брата Полидора, утвердился у власти (370 г. до н. э.). Полифрон в свою очередь был убит сыном Полидора Александром (369 г. до н. э.). Прославившийся своей жестокостью Александр пал в 358 г. до н. э. от руки братьев своей жены при активном ее участии. Убийства претендентов на царскую власть имели место и в Македонии IV в. до н. э. Ср. Plut., Pelop., 27—29, 35.

[148] Ср. Her., III, 53.

[149] Фиванцы в 373 г. до н. э. разрушили Платеи, уцелевшие жители бежали в Афины.

[150] Ср. Isocr., Antid., 155; Thuc., 1, 2.

[151] О бедности мегарян ср. Aristoph., Acharn., 519.

[152] Ср. Xen., Hell., VI, 1, 19.

[153] Боровшиеся между собой фессалийские города часто призывали на помощь

располагая небольшими силами, всегда распоряжаются своей страной по своему усмотрению. А кроме того, фессалийцы постоянно воюют между собой, а мегаряне, хотя и живут между пелопоннесцами, с одной стороны, фиванцами и нашим городом, с другой, постоянно пребывают в состоянии мира. (119) Если вы сами обстоятельно рассмотрите эти и подобные им факты, то увидите, что невоздержанность и наглость являются причиной несчастий, а умеренность — благ. Вы одобряете умеренность в отдельных людях и полагаете, что те, кто проявляют ее, живут всего безопаснее и являются лучшими из граждан; но вы не думаете, что таким же образом должно вести себя и наше государство. (120) Между тем, государствам гораздо больше следует проявлять добродетель и избегать преступлений, чем простым людям; ведь человек дурной и нечестивый может умереть раньше, чем поплатится за свои проступки; государства же вследствие того, что они бессмертны, всегда несут наказания и от людей, и от богов. (121) Учитывая все это, вам не следует прислушиваться к тем, которые угождают вам теперь, но нисколько не заботятся о будущем, и утверждая, что любят народ, губят при этом государство в целом. И в прежние времена, когда подобным людям удавалось завладеть ораторской трибуной [154], они доводили город до такого безумия, что он претерпел все, о чем я только что говорил. (122) Но удивительнее всего, что вы выдвигаете в качестве вождей народа не таких людей, которые мыслят так же, как те, кто добился величия нашего государства, а подобных — и на словах, и на деле — тем, которые погубили его. Однако же вы знаете, что хорошие руководители отличаются от дурных не только тем, что добиваются благоденствия государства, (123) но и тем, что при первых демократический строй в течение многих лет не подвергался изменениям и не свергался [155], а при последних за короткое время уже дважды был уничтожен [156]; знаете и то, что изгнанные при тиранах и при Тридцати [157], вернулись не с помощью сикофантов [158], а благодаря людям, которые ненавидят подобных лиц и пользуются величайшим уважением за свою порядочность. (124) Несмотря на то, что сохранилось столько воспоминаний, в каком состоянии было государство как при хороших, так и при дурных руководителях, мы так благосклонны к испорченности наших ораторов, что даже видя, как из-за вызванных ими войн и распрей сами они из бедняков стали богатыми [159], а из остальных граждан многие лишились даже отцовского наследия, мы не сердимся и не возмущаемся их благоденствием; (125) нет, мы миримся с тем, что наш город обвиняют за то, что он притесняет эллинов и взимает с них дань, а они наживаются на этом [160]; что наш народ, который, по их словам, должен властвовать над другими, на деле оказался в худшем положении, чем те, кто рабски повинуются олигархиям [161]; а эти люди, у которых не было ничего за душой, благодаря нашему безрассудству поднялись из убожества до благосостояния. (126) Однако же Перикл, который ранее их был вождем народа и возглавлял государ-

то Македонию, то Фивы, которые использовали это для укрепления своего влияния в этой области. Ср. Plut., Pelop., 26 слл.

[154] Т. е. стать политическими руководителями Афин.

[155] От реформ Клисфена в конце VI в. до н. э. до олигархического переворота 411 г. до н. э.

[156] В 411 г. до н. э. и в 404 г. до н. э.

[157] В правление Писистрата и его сыновей (560—510 гг. до н. э.) и при 30 тиранах (404—403 гг. до н. э.).

[158] Профессиональные доносчики, вымогавшие деньги с помощью шантажа. Известны в Афинах с конца V в. до н. э. Ср. Aristoph., Plut., 850 слл.; Lys., XXV, 3; Исократ называет так ненавистных ему демагогов.

[159] Ср. Isocr., Panath., 140 слл.; Dem., XXIII, 208 слл.; Aeschin., III, 173

[160] Ср. Aristoph., Vespae, 655 слл.. 1114 слл.

[161] Ср. Isocr., Paneg., 105.

ство,— тогда благоразумия было, правда, меньше, чем перед захватом морского могущества, но политическая линия еще была сносной,— не стал стремиться к личному обогащению [162]; нет, он оставил после себя состояние меньшее, чем унаследовал от отца, зато на акрополь внес восемь тысяч талантов [163], не считая священных денег [164]. (127) Нынешние же руководители настолько отличны от Перикла, что дерзают говорить, будто из-за заботы о государственных делах не могут уделять внимания собственным, а в действительности эти якобы находящиеся у них в пренебрежении дела принесли им такие прибыли, о каких они прежде даже богов не смели молить; а народ наш, о котором они, по их словам, пекутся, оказался в таком положении, что никто из граждан не живет легко и радостно, и город полон стенаний. (128) Одни вынуждены перечислять самим себе свои лишения и недостачи и оплакивать их, другие жалуются на множество возлагаемых на них поручений и литургий, на неприятности, связанные с симмориями [165] и процессами об обмене имущества [166]: последние доставляют столько огорчений, что жизнь состоятельных людей оказывается плачевнее жизни тех, кто пребывает в постоянной нужде. (129) Меня удивляет, если вы не способны понять, что нет более зловредной для народа породы людей, чем бесчестные ораторы и демагоги. Они больше всего хотят, чтобы вы, в дополнение ко всем прочим горестям, терпели недостаток в предметах первой необходимости, ибо они видят, что люди, которые в состоянии удовлетворить свои нужды из собственных средств, стоят на стороне государства и тех, кто дает ему наилучшие советы; (130) те же люди, которые живут от доходов, получаемых ими в дикастериях и народных собраниях [167], поневоле в силу нужды идут на поводу у бесчестных демагогов и весьма признательны за возникающие благодаря последним судебные преследования, процессы и ложные доносы [168]. (131) Поэтому им доставило бы величайшую радость увидеть всех граждан в таких стесненных обстоятельствах, какие обеспечивают им владычество [169]. Наилучшее тому доказательство: они заботятся не о том, как доставить нуждающимся средства к жизни, но о том, чтобы и тех, кого считают мало-мальски обеспеченными, низвести до уровня бедняков. (132) Какое же может быть избавление от нынешних наших несчастий? Об этом я больше всего говорил, правда, не в одном каком-либо месте, а каждый раз, когда для этого был подходящий повод. Пожалуй, вам легче будет вспомнить, если я попытаюсь снова повторить наиболее существенное, сведя все воедино. (133) Средства, с помощью которых можно было бы исправить и улучшить положение нашего города, следующие: во-первых, если мы советниками в государственных делах сделаем таких людей, каких мы хотели бы иметь советниками в наших частных

---

[162] О бескорыстии Перикла говорит и Фукидид (II, 13, 65).

[163] Ср. § 69 и Antid., 234.

[164] Кроме государственной казны на Акрополе хранились средства, принадлежавшие богам, прежде всего Афине. Они представляли резерв, к которому обращались в случае нужды, но с обязательным возвратом.

[165] Симмории в Афинах IV в. объединяли богатых граждан, привлекавшихся к триерархии; кроме того, существовали симмории, между которыми распределялся чрезвычайный военный налог — эйсфора. Симмориям посвящена специальная речь Демосфена (XIV), предлагавшего реформировать их.

[166] Если богатый афинянин считал, что его привлекли к дорогостоящей литургии несправедливо, он мог предложить вместо себя другого кандидата, а в случае отказа последнего поставить вопрос об обмене с ним имуществом. Ср. Isocr., Antid., 145.

[167] За присутственный день в суде и в народном собрании афинские граждане в IV в. до н. э. получали небольшую плату. Ср. Isocr., Areop., 24, 54; он же, Antid., 314; Aristoph., Vespae, 300 сл.

[168] Ср. Isocr., Antid., 314.

[169] Ср. Isocr., Antid., 241.

делах, и перестанем считать сикофантов сторонниками демократии, а людей почтенных и добропорядочных — приверженцами олигархии [170]. Мы должны усвоить, что никто не является демократом или олигархом по природе, а каждый хочет, чтобы утвердился такой политический строй, при котором он будет занимать почетное положение.

(134) Во-вторых, если мы согласимся обращаться с союзниками как с друзьями, и не будем на словах предоставлять им автономию, а на деле позволять стратегам поступать с союзными городами как им заблагорассудится [171]; если мы будем руководить не как деспоты, а как союзники [172], поняв, что мы сильнее каждого из греческих городов в отдельности, но слабее всех их вместе. (135) В-третьих, если вы превыше всего — разумеется, после благочестия к богам — будете ставить свою добрую славу среди эллинов. Тем, кто так к ним относится, они добровольно вручают и владычество, и гегемонию.

(136) Если бы вы последовали моим советам, а кроме того свою воинственность проявляли в учениях и приготовлениях, а миролюбие — в том, чтобы ничего не делать вопреки справедливости [173], вы добились бы процветания не только нашего города, но и всех эллинов. (137) Ибо ни один другой город не осмелится притеснять их. Напротив, когда они увидят, что наше могущество стоит на страже и наготове для помощи притесняемым, они будут бояться и соблюдать полное спокойствие. Впрочем, как бы эти другие города ни поступали, наше положение будет хорошим и выгодным. (138) Так, если другие сильные государства решат воздерживаться от несправедливых действий, заслугу за эти блага припишут нам. Если же они попытаются совершать несправедливости, все, кто боятся и терпят от них зло, прибегнут к нашей помощи с бесчисленными мольбами и просьбами, вручая нам не только гегемонию, но и самих себя. (139) Так что у нас не только не будет недостатка в людях, с помощью которых можно будет пресечь обидчиков, но мы приобретем множество союзников, готовых ревностно сражаться вместе с нами. Какой только город или какой человек не захотят быть с нами в дружбе и союзе, когда увидят, что мы в одно и то же время и справедливее всех, и обладаем величайшим могуществом; что мы хотим и можем спасать других, а сами ни в какой помощи не нуждаемся? (140) Каких только успехов не добьется наш город при таком благоволении к нам других эллинов? Сколько богатств притечет к нам, когда мы станем спасителями Эллады? Кто не будет восхвалять нас — виновников стольких великих благ? (141) Однако же из-за преклонного возраста [174] я не в состоянии охватить в своей речи все то, что представляется моему разумению; скажу только одно: в обстановке несправедливостей и безумств, совершаемых другими, великое дело — первыми проявить благоразумие, выступить в защиту свободы эллинов, получить наименование не губителей [175], а спасителей их, прославиться своей добродетелью и приобрести такую же добрую славу, какая была у наших предков.

(142) Мне остается сказать о самом главном, к чему направлено все сказанное до сих пор. Исходя из этого надо оценивать действия нашего государства. Если мы хотим покончить с нашей нынешней дурной славой, мы должны прекратить бесцельные войны, на вечные времена получить

[170] Ср. Isocr., Antid., 318.

[171] Исократ, по-видимому, намекает на действия афинского стратега Харета, который отличался грубым и бесцеремонным обращением с союзниками. Ср. Diod., XV, 95; XVI, 21; Arist., Rhet., III, 17 (1418A 31).

[172] Ср. Isocr., Paneg., 80.

[173] Ср. Isocr., Ad Nicocl., 24.

[174] Исократу был в это время 81 год.

[175] Ср. Isocr., Paneg., 80.

для нашего города гегемонию, стать враждебными к любой тиранической власти и олигархии, памятуя, какие бедствия связаны с ними, и избрать в качестве образца для подражания лакедемонских царей. (143) У них, правда, меньше возможностей совершить несправедливость, чем у простых граждан [176], но жизнь их намного счастливее, чем у обладателей тиранической власти; ведь люди, убившие тиранов, получают от своих сограждан величайшую награду[177], а в Спарте те, которые не решаются умереть в сражении за своих царей [178], подвергаются большему бесчестью, чем покинувшие место в строю и бросившие щит [179]. (144) Подобная гегемония заслуживает того, чтобы к ней стремиться. От наших собственных действий зависит, удостоимся ли мы у эллинов тех же почестей, какие спартанские цари получают от своих граждан; это произойдет, если эллины убедятся, что наше могущество является источником не порабощения, а спасения их.

(145) Можно еще много и хорошо говорить на эту тему, но два обстоятельства побуждают меня прекратить свое выступление: длина моей речи и мои годы. Я прошу и призываю тех, кто моложе меня и имеет больше сил, произносить и писать такие речи, чтобы склонить с их помощью наиболее сильные греческие государства, привыкшие причинять зло остальным, обратиться к добродетели и справедливости. А в обстановке процветания Эллады лучше условия и для ученых занятий.

---

[176] Подразумевается, по-видимому, подконтрольность спартанских царей эфорам. О царской власти в Спарте ср. Her., VI, 56—58.

[177] Так, например, в Афинах потомки «тираноубийц» Гармодия и Аристогитона пользовались особыми почестями. Ср. Hyper., C. Philippid., (II), фгм. XXI, стб. II; Her., VI, 109; Aeschin., I, 140.

[178] Ср. Isocr., Phil., 80; он же, Ep., II, 6.

[179] Бросить щит на поле боя считалось величайшим позором для греческого воина. В Афинах виновному грозила потеря политических прав. Ср. Aristoph., Nubes, 353; Pax, 1186; Plato, Leges, 944 b; Aeschin., I, 29.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник
БМЭ — Большая медицинская энциклопедия
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВАХ — «Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства», ВДИ, 1952, № 3—4
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НС — Нумизматический сборник
НСфр — Нумизматика и сфрагистика
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ПС — Палестинский сборник
ПСЭИДМ — «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», Сборник памяти акад. А. И. Тюменева, М.— Л., 1963
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТР. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УЗМОПИ — Ученые записки Московского областного педагогического института
AfO — Archiv für Orientforschung
AJSL — The American Journal of Semitic Languages and Literatures
ANLR — Accademia Nazionale dei Lincei, Rendiconti
ASAE — Annales du Service des antiquités de l'Égypte
BIFAO — Bulletin de l'Institut français d'archéologie Orientale du Caire
BSOS — Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London
CHM — Cahiers d'Histoire Mondiale
CIH—Corpus Insctriptionum Semiticarum. Pars IV. Inscriptiones Himyariticas et Sabaean continens, P., 1889—1931
CRAI — Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et des belles-lettres
GGA — Göttingenische Gelehrte Anzeigen
HW — J. Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952
IHQ — Indian Historical Quarterly
JA — Journal Asiatique
JAOS — Journal of American Oriental Society
JCS — Journal of Cuneiform Studies
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts
JHS — Journal of Hellenic Studies
JNES — Journal of Near Eastern Studies
KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi
LAMMD — Lietuvos TSR Aukštuju Mokuklu Mokslo Darbai, Istorija.
Liverani, SU — M. Liverani, Storia di Ugarit nell'eta degli archivi politici, Roma, 1962
MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft
NC — The Numismatic Chronicle
NZ — Numismatische Zeitschrift
OA — Oriens Antiquus
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
Or — Orientalia

PRU, II — Ch. Virolleaud, Le Palais Royal d'Ugarit, II, P., 1957
PRU, III — J. Nougayrol, Le Palais Royal d'Ugarit, III, P., 1955
PRU, IV — J. Nougayrol, Le Palais Royal d'Ugarit, IV, P., 1956
RAss — Revue d'Assyriologie
RE — Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von. W. Kroll
RES — Répertoire d'epigraphie sémitique, V—VII, rédigés par C. Ryckmans, P., 1929—1950
RHA — Revue Hittite et Asianique
RIDA — Revue Internationale des Droits de l'Antiquité
RSO — Rivista degli Studi Orientali
SWAWW — Sitzungsberichte Wiener Akademie der Wissenschaften
SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
TC — F. Thureau-Dangin, Trois contrats de Ras-Shamra, «Syria», XVIII, P., 1937, стр. 245—255
TCL — Textes cunéiformes, Musée du Louvre
UH — C. H. Gordon, Ugaritic Handbook, Rome, 1947
WUS — J. Aistleitner, Wörterbuch der ugaritischen Sprache, B., 1963
ZÄS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde
ZAss — Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete

СОДЕРЖАНИЕ

XXIII съезд и задачи исторической науки 3
Г. М. Бонгард-Левин (Москва)— Республики в древней Индии (Проблематика и основные материалы) 8
Б. А. Литвинский, И. В. Пьянков (Душанбе) — Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э 36
А. И. Доватур (Ленинград) — Структура «Политики» Аристотеля 53
В. Г. Луконин (Ленинград) — Картир и Мани 65

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Г. Лундин (Ленинград) — Дополнения к списку сабейских эпонимов . . 82
Н. В. Арутюнян (Ереван) — Новая урартская надпись из Давти-блура . . . 91
И. А. Лапис (Ленинград) — Частный скульптурный портрет в Фивах времени XXV — начала XXVI династии 105
В. П. Назаров (Москва) — К вопросу о подлинности Мюнхенской таблички 112
Н. Б. Клячко (Москва) — Стелы гермокопидов как источник сведений о рабах в V в. до н. э 114
А. Н. Алексеев (Москва) — О так называемой чуме в Афинах 127
К. В. Голенко (Москва) — Подражания медным монетам городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI Евпатора 142
Л. С. Ильинская (Ярославль) — Литературное наследие Цицерона как источник для изучения положения малоазийских провинций Рима в конце Республики 149
И. Ф. Головачев (Москва) — К вопросу о владельческих правах африканских колонов в I — IV вв. 163

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. А. Дандамаев (Ленинград) — Л. А. Липин, Аккадский язык, М., 1964 173
В. В. Павлов (Москва) — М. Э. Матье, Во времена Нефертити, М.— Л., 1965 174
Я. А. Ленцман (Москва) — М. М. Кобылина, Милет, М., 1965 178
И. В. Куклина (Ленинград) — М. М. Кобылина, Милет, М., 1965 . . . 179
И. М. Дьяконов (Ленинград) — A. Ungnad, Grammatik des Akkadischen, Münch., 1964 183
М. Л. Гельцер (Вильнюс) — Ценная публикация текстов из архивов Угарита. Ch. Virolleaud, Le Palais Royal d'Ugarit, P., 1965 191
М. Э. Матье (Ленинград) — A. Delatte et Ph. Derchain, Les intailles magiques gréco-égyptiennes, P., 1964 206
Я. М. Боровский (Ленинград) — Menanders Dyskolos als Zeugnis seiner Epoche, B., 1965 209
М. М. Елизарова (Ленинград) — Новый труд о египетской общине терапевтов 215
А. П. Каждан (Москва) — W. Hartke, Vier urchristliche Parteien und ihre vereinigung zur apostolischen Kirche, B., 1961 219

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г. Г. Гиоргадзе (Тбилиси) — Изучение древней истории, филологии и археологии в Грузии (1960—1965 гг.) 223
Евг. Богословский (Пермь) — История древнего мира в Пермском университете (К 50-летию университета) 233
Памяти Милицы Эдвиновны Матье 239
Евгений Павлович Фролов 244

ПРИЛОЖЕНИЕ

Исократ, Речи. Перевод под редакцией *К. М. Колобовой* (Ленинград) (*продолжение*) 247

CONTENTS

Editorial 3
G. M. Bongard-Levin (Moscow) — The Republics of Ancient India (the problem as a whole and its most important aspects) 8
B. A. Litvinsky, I. V. Pyankov (Dushanbe)—Warfare in Central Asia from the Sixth to Fourth Centuries B. C. 36
A. I. Dovatur (Leningrad)—The Structure of Aistotle's «Politics» 53
V. G. Lukonin (Leningrad) — Kartir and Mani 65

REPORTS AND COMMUNICATIONS

A. G. Lundin (Leningrad) — Additions to the List of Sabaean Eponyms' 82
N. V. Arutiunian (Yerevan) — A New Urartian Inscription from Davti-blur . . . 91
I. A. Lapis (Leningrad) — Sculptured Portrait of Private Persons in Thebes of the Twenty-fifth and Early Twenty-sixth Dynasties 105
V. P. Nazarov (Moscow) — On the Authenticity of the Munich Tablet 112
N. B. Klyachko (Moscow) — The Hermokopid Stelae as Source Material on Slavery in the Fifth Century B. C. 114
A. N. Alekseyev (Moscow) — On the So-called Plague at Athens 127
K. V. Golenko (Moscow) — Some Little Known Coins of Chersonesus in the Late Hellenistic Period 142
L. V. Ilyinskaya (Yaroslavl) — Cicero's Literary Remains as a Source for Study in the Condition of the Roman Provinces in Asia Minor at the End of the Republic. 149
I. F. Golovachev (Moscow) — Possessors' Rights of African Coloni from the First to Fourt Centuries 163

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

M. A. Dandamayev (Leningrad) — L. A. Lipin, Accadsky jazyk, M., 1964 173
V. V. Pavlov (Moscow)—M. E. Matthiew, Vo vremena Nefertiti, M.—Л., 1965 174
Ya. A. Lentzman (Moscow) — M. M. Kobylina, Milet, M., 1965 178
I. V. Kuklina (Leningrad) — M. M. Kobylina, Milet, M., 1965 179
I. M. Diakonoff (Leningrad) — A. Ungnad, Grammatik des Akkadischen, Münch., 1964. 183
M. L. Heltzer (Vilnius)—A Valuable Publication of Texts from the Ugaritic Archives. Ch. Virolleaud, Le Palais Royal d'Ugarit, P., 1965 191
M. E. Matthiew (Leningrad)—A. Delatte et Ph. Derchain, Les intailles magiques gréco-égyptiennes, P., 1964 206
Ya. M. Borovsky (Leningrad) — Menanders Dyskolos als Zeugnis seiner Epoche, B., 1965 209
M. M. Yelizarova (Leningrad) — A New Study of the Egyptian Community of Therapeutai 215
A. P. Kazhdan (Moscow) — W. Hartke, Vier urchristliche Parteien und ihre Vereinigung zur apostolischen Kirche, B., 1961 219

SCIENTIFIC INFORMATION AND EVENTS

G. G. Giorgadze (Tbilisi) — The Study of Ancien History, Philology and Archaeology in Georgia (1960—1965) 223
Ewg. Bogoslovsky (Perm) — Ancient History at Perm University 233
In the Memory of M. E. Matthiew 239
E. P. Froloff 244

SUPPLEMENT

The Speeches of Isocrates. Translation edited by *K. M. Kolobova* (Leningrad) (*Continued*) 247